

Археологические вести

— 50 —

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Archaeological news

50
(2026)

Saint Petersburg
2026

Археологические вести

50
(2026)

Санкт-Петербург
2026

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

О. И. Богуславский, В. С. Бочкарёв, С. А. Васильев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин, академик РАН Н. А. Макаров, академик РАН В. И. Молодин, Н. И. Платонова, Н. В. Хвощинская (главный редактор)

Научные редакторы выпуска:

Н. В. Хвощинская (отв. ред.), М. Т. Кашуба, М. Ю. Вахтина, М. В. Медведева, В. Я. Шумкин, Ю. А. Виноградов, Т. С. Дорофеева, П. А. Милаев

Издательская группа: Т. С. Дорофеева (редактор), Е. В. Новгородских (редактор), Е. О. Стоянов (переводы)

Археологические вести, Институт истории материальной культуры РАН. — Вып. 50 / [Гл. ред. Н. В. Хвощинская]. — СПб., 2026. — 286 с.: ил.

Юбилейный выпуск «Археологических вестей» открывают материалы, посвященные изданию, — статья главного редактора и поздравления авторов. В разделе «Новые открытия и исследования» представлены работы, посвященные скифскому искусству, античным древностям, наследию зарубинецкой культуры, нумизматике, вопросам фортификации и археологическим исследованиям на Чукотке. Появился раздел «Современные методы анализа в археологии», в котором будут публиковаться статьи о применении современных методик. Традиционно представительна рубрика «История науки». Среди авторов журнала — ученые из различных центров России (Москвы, Санкт-Петербурга, Магадана, Иркутска, Саратова, Симферополя, Керчи, Новосибирска) и из Швейцарии и Германии.

The anniversary issue of “Archaeological News” opens with materials dedicated to the publication — an article by the editor-in-chief and congratulations from the authors. The “New Discoveries and Studies” section presents works on Scythian art, classical antiquities, the legacy of the Zarubintsy culture, numismatics, fortification issues, and archaeological research in Chukotka. A new section, “Modern Methods of Analysis in Archaeology” will publish articles on the application of modern techniques. The “History of Science” section is traditionally representative. The journal’s contributors include scholars from various Russian centers (Moscow, St. Petersburg, Magadan, Irkutsk, Saratov, Simferopol, Kerch, Novosibirsk), as well as from Switzerland and Germany.

ISSN 1817-6976

Первая страница обложки — элемент конской сбруи из кургана Туннуг 1 (см.: *Садыхов и др.*). Фото Ю. В. Румянцева
First page of cover — an element of horse harness from the Tunnug 1 kurgan (see *Sadykov et al.*). Photo by Yu. V. Rumyantsev

Содержание

От редакции. К выходу 50-го выпуска журнала ИИМК РАН «Археологические вести» 9

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

К 70-летию Евгения Михайловича Колпакова 14

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Г. К. Данилов, С. Л. Вартанян, В. И. Цыганкова, Д. В. Герасимов. Конструкции из камней и сложения из рогов на западе Чукотки: классификация, интерпретация, хронология 16

В. И. Базалийский, А. М. Кузнецов, Д. Н. Молчанов. Новые данные о глазковской погребальной традиции в предгорьях Восточного Саяна (Южное Приангарье)..... 31

Т. Р. Садыков, Е. К. Блохин, С. В. Хаврин, Дж. Каспари. Самые ранние образы скифо-сибирского звериного стиля .. 43

А. Р. Канторович. Греко-скифские зооморфные изображения на золотой ажурной ленте из Александропольского кургана 59

В. В. Мокробродов. Некоторые замечания о лепной керамике среднеазиатских археологических комплексов типа Яз III 75

Е. В. Кузнецова. Сравнительный анализ поступления продукции в амфорах на территории Херсонесского государства и Европейского Боспора в IV в. до н. э. 87

Т. В. Рябкова, М. Ю. Трейстер. Бронзовое зеркало из Последнего Елизаветинского кургана, раскопанного Н. И. Веселовским в Прикубанье 98

И. Ф. Образцов. Типолого-хронологическое исследование фибул зарубинецкого типа из коллекции Государственного Эрмитажа 111

Л. С. Воротинская, А. И. Дробушевский. Кольцевые застёжки (сюльгамы) в могильниках зарубинецкой культуры 130

С. В. Ушаков. Херсонес Таврический и варвары: о системе взаимоотношений 146

А. Н. Федорина. Поселение Большое Тимерёво: пространственная структура и особенности застройки 155

А. Ю. Щедрин. Меч типа X из кургана LX на Сязнеге (Юго-Восточное Приладожье) 167

В. Н. Кузнецова, К. В. Горлов. Нумизматические находки Рюрикава городища XV в. и их предметный «контекст» (по материалам раскопок 2023 г.) 186

П. Г. Гайдуков, И. В. Гришин. Монеты Великого княжества Московского из Коломенского клада 202

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

В. А. Буров. О «странной войне» 1105 г. Новгорода с Ладогой 215

С. В. Горохов. Концепции конструктивного устройства тарасных стен в русской фортификации в XVI–XVIII вв. 220

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ АНАЛИЗА В АРХЕОЛОГИИ

<i>М. А. Кулькова, М. А. Стрельцов, А. Д. Малярова.</i> Археологическая керамика: информационные базы данных и аналитические ресурсы	232
--	-----

ИСТОРИЯ НАУКИ

<i>П. С. Дрёмова, Ст. А. Васильев.</i> Комплекс чертежей к раскопкам храма Св. Климента на Земляном городище Старой Ладogi в 1912–1913 гг.: к истории создания документов и формирования архивной коллекции в научном архиве ИИМК РАН	239
<i>Л. Ю. Пономарев.</i> Андрей Павлович и Николай Андреевич Савицкие — керченские коллекционеры древностей второй половины XIX — начала XX в.	260
<i>Ю. А. Виноградов.</i> Археологи-антиковеды ИИМК АН СССР в Великой Отечественной войне. Часть 1	269

ХРОНИКА

<i>С. А. Васильев.</i> VII (XXIII) Всероссийский археологический съезд (Красноярск, 6–10 октября 2025 г.).....	277
<i>Х. А. Амирханов, С. А. Васильев.</i> Международный научный семинар «Палеолитические жилища и структуры обитания: от методики раскопок до интерпретации»	281

AD MEMORIAM

Памяти Любoви Борисовны Кирчо (1951–2026)	284
Список сокращений	285

Contents

From the editors. On the release of the 50th issue of the IHMC RAS journal “Archaeological News” 9

HEROES OF THE DAY

On the 70th anniversary of Evgeny Mikhailovich Kolpakov 14

NEW DISCOVERIES AND STUDIES

- G. K. Danilov, S. L. Vartanyan, V. I. Tsygankova, D. V. Gerasimov.*
Stone and antler constructions in western Chukotka: classification, interpretation, and chronology 16
- V. I. Bazaliiskii, A. M. Kuznetsov, D. N. Molchanov.* New data about the Glazkovo mortuary tradition
in the foothills of the Eastern Sayan Mountains (Southern Angara Region) 31
- T. R. Sadykov, J. K. Blochin, S. V. Khavrin, G. Caspari.* The earliest imagery of the Scytho-Siberian animal style 43
- A. R. Kantorovich.* Greco-Scythian zoomorphic images on a gold openwork ribbon
from the Alexandropol burial mound 59
- V. V. Mokrobodov.* Some remarks on the molded ceramics of the Central Asian archaeological complexes
of the Yaz III type 75
- E. V. Kuznetsova.* A comparative analysis of the production's income into the Chersonesus state
and the European Bosphorus in the 4th century BC 87
- T. V. Ryabkova, M. Yu. Treister.* A bronze mirror from the Last Elizavetovskiy burial mound,
excavated by N. I. Veselovskiy in the Kuban region 98
- I. F. Obraztsov.* TA typological and chronological study of Zarubintsy-type fibulae
from the State Hermitage Museum collection 111
- L. S. Vorotinskaya, A. I. Drobushesky.* Penannular brooches (sulgams) in the burial grounds
of the Zarubintsy culture 130
- S. V. Ushakov.* Chersonesus Taurica and the Barbarians: on the system of relationships 146
- A. N. Fedorina.* Bolshoye Timerevo settlement: spatial structure and building features 155
- A. Yu. Shchedrina.* Sword of type X from the burial mound LX on Syaznega (Southeastern Ladoga region) 167
- V. N. Kuznetsova, K. V. Gorlov.* Numismatic finds from the 15th-century Rurikovo Gorodishche
and their material “context” (based on the 2023 excavations) 186
- P. G. Gaydukov, I. V. Grishin.* Coins of the Grand Principality of Moscow from the Kolomna Treasure 202

CURRENT ISSUES OF ARCHAEOLOGY

- V. A. Burov.* About the “strange war” of 1105 between Novgorod and Ladoga 215
- S. V. Gorokhov.* Concepts of the structural design of taras walls in Russian fortification in the 16th–18th centuries 220

MODERN METHODS OF ANALYSIS IN ARCHAEOLOGY

<i>M. A. Kulkova, M. A. Streltsov, A. D. Malyarova.</i> Archaeological Ceramics: Information Digital Databases and Analytical Resources	232
---	-----

HISTORY OF SCIENCE

<i>P. S. Dremova, St. A. Vasilyev.</i> A set of drawings for the excavations of St. Clement's Church at Zemlyanoye Gorodishche in Staraya Ladoga in 1912–1913: to the history of document creation and the formation of an archival collection in the Scientific Archive of the Institute for the History of Material Culture RAS	239
<i>L. Yu. Ponomarev.</i> Andrey Pavlovich and Nikolai Andreevich Savitsky — collectors of antiquities in Kerch in the second half of the 19 th and early 20 th centuries	260
<i>Yu. A. Vinogradov.</i> Classical archaeologists from the Institute for the History for Material Culture of the USSR Academy of Sciences in the Great Patriotic War. Part 1	269

CHRONICLE

<i>S. A. Vasiliev.</i> VII (XXIII) All-Russian Archaeological Congress (Krasnoyarsk, October 6–10, 2025)	277
<i>Kh. A. Amirkhanov, S. A. Vasiliev.</i> International Scientific Seminar “Paleolithic Dwellings and Habitat Structures: From Excavation Methodology to Interpretation”	281

AD MEMORIAM

In memory of Lyubov Borisovna Kircho (1951–2026)	284
List of abbreviations	285

От редакции.

К выходу 50-го выпуска журнала ИИМК РАН «Археологические вести»

*Памяти сотрудников ИИМК РАН, ушедших от нас,
но внесших заметный вклад в подготовку издания*

Вы открываете журнал «Археологические вести» — уже пятидесятый по счету его выпуск, подготовленный в Институте истории материальной культуры РАН. В далеком 1992 г., когда только начиналась его история, трудно было предположить, что наш журнал станет одним из ведущих, как теперь говорят, рейтинговым, в области археологии. О сложностях и основных этапах становления главного периодического издания ИИМК РАН уже написано в статьях, посвященных 20-летию и 30-летию выпуска «Археологических вестей»¹. Однако напомним некоторые события начальной истории.

1990-е гг. — время больших и бурных перемен. После распада СССР на волне глобальных политических изменений была начата и реорганизация в сфере науки. Многие академические учреждения, являвшиеся отделениями московских институтов, обрели самостоятельность. Постановлением Президиума АН СССР от 25 июня 1991 г. отдельным научным учреждением становится и наш Институт, именовавшийся тогда Ленинградским отделением Института археологии АН СССР. В декабре того же года Институт вошел в состав Российской академии наук с возвращением ему прежнего названия — Институт истории материальной культуры, какое у него было с 1937 по 1959 г., однако следует отметить, что как исследовательский и организационный центр он ведет свою историю с 1859 г., когда именным указом Александра II от 9 февраля была организована Императорская комиссия под председательством графа С. Г. Строганова². Отделение нашего Института от головного московского учреждения было инициировано тогдашним директором — член-корреспондентом АН Туркменистана,

профессором Вадимом Михайловичем Массоном. Став самостоятельными, мы потеряли общие для нас с москвичами периодические издания. В сложившейся ситуации у В. М. Массона вполне оправданно возникла идея создания собственного петербургского периодического органа печати. Концепцию нового археологического издания он изложил во вводной статье «Движение информации в археологии» в первом выпуске. Указав на стремительное увеличение объема научной информации во второй половине XX в. — «по некоторым оценкам, каждые 7–10 лет происходит удвоение этих данных»³, главную задачу нового издания Вадим Михайлович определил как «оперативное введение новой информации в коммуникативные системы <...> Помимо информации о новых раскопках и исследованиях сотрудников ИИМК РАН в „Археологических вестях“ будут помещаться сообщения об аналогичных изысканиях в других республиках и государствах»⁴. В. М. Массон как исследователь, придерживающийся широких взглядов на науку, видел провал в обмене информацией между отечественными и зарубежными учеными, возникший вследствие искусственно созданного барьера между Западом и Востоком за годы идеологического противостояния, поэтому одной из целей нового издания, как он полагал, является «посильное преодоление этого барьера, носящего двусторонний характер. По мере возможности, „Археологические вести“ будут стараться учитывать различные потоки информации — в области новых раскопок, в области печатной продукции, в сфере организации науки, в сфере движения идей»⁵. Так В. М. Массон, ставший главным редактором, сформулировал основные общие программные задачи, положенные в основу издания. Исходя из бедственного финансового положения Института, да и страны в целом,

¹ Хвоцинская Н. В. К 20-летию со дня выхода первого номера ежегодника ИИМК РАН «Археологические вести» // АВ. 2012. Вып. 18. С. 9–12; Хвоцинская Н. В. К 30-летию издания журнала ИИМК РАН «Археологические вести» // АВ. 2022. Вып. 37. С. 9–10.

² Кирчо Л. Б. Воссоздание Института истории материальной культуры в Санкт-Петербурге // АВ. 1992. Вып. 1. С. 233–235.

³ Массон В. М. Движение информации в археологии // АВ. 1992. Вып. 1. С. 12–13.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

в начале 1990-х гг., В. М. Массон планировал издавать ежегодник, то есть один том в год.

Декларированные принципы были отражены в первом выпуске в распределении материалов по разделам «Новые открытия и исследования», «Актуальные проблемы археологии», «Новые публикации», «Организация науки» и «Сотрудничество Восток — Запад». В дальнейшем названия разделов частично изменились, а их количество увеличилось. По предложению Е. Н. Носова начиная с выпуска 3 были введены разделы «Персоналии» и «Хроника», которые более полно освещали жизнь нашего Института. Но принцип всестороннего взгляда на археологическую деятельность, отраженную в печатной информации, сохранился и продолжал развиваться.

В выпуск 1 вошли статьи по ряду основных разработок сотрудников Института на тот период, была представлена широкая подборка обзоров и рецензий литературы по вопросам мировой археологии, а также сообщения о развитии межгосударственного сотрудничества Института. Особое внимание уделено длительному сотрудничеству в рамках Международной трасологической школы под руководством Г. Ф. Коробковой. В. М. Массон как директор Института всегда рассматривал успех развития научного потенциала Института в контексте сохранения связей с учреждениями науки в других странах мира. Это в полной мере отразилось в первых выпусках издания как в тематике статей, так и в постоянном участии зарубежных авторов.

Оглядываясь на 34 года назад, с полной ответственностью можно констатировать, что издание выполнило задачи, поставленные перед ним его первым главным редактором. Жизнь, конечно, постоянно вносила свои коррективы. О разных периодах и трудностях в становлении «Археологических вестей» достаточно подробно рассказано в двух уже упомянутых статьях. Преобразования, происходившие с журналом, согласуются с естественным ходом развития науки и с требованиями к современной научной продукции. Из ежегодника с нестабильной цикличностью он превратился в полноценное периодическое издание, выходящее четыре раза в год и финансируемое ИИМК за счет отчисления от хозяйственных работ.

В целом структура журнала сохранила первоначальную основу, но произошли и определенные изменения, а также появились некоторые новшества. 1990-е гг. были отмечены всплеском активных контактов с широким кругом зарубежных, прежде всего европейских, археологов, инициатором которых во многом был сам В. М. Массон. В «Вестях» появляются статьи зарубежных ученых, а в придуманной им рубрике «Организация науки» — об-

зоры о принципах организации археологической службы в ряде стран и структуре отдельных научных и историко-культурных центров (в США (О. Ф. Соффер), Вьетнаме (Фан Куанг Шон), Норвегии (А. Стальсберг), Финляндии (П. Пурхонен), Ирландии (М. Монк), Таджикистане (Н. Н. Негматов), Казахстане (Е. А. Смагулов)). Сохранить данный раздел в том виде, как он был задуман, в дальнейшем в силу вполне объективных обстоятельств не представлялось возможным.

В то же время в «Вестях» в полной мере отразилось развитие одного из ведущих направлений в деятельности Института — изучения истории археологии. Впервые раздел «История науки» появился в выпуске 4 и с тех пор вошел в число постоянных рубрик журнала. Первоначально отдельные статьи напрямую не касались археологических древностей и истории их исследований, а были связаны с обзором фондов архива ИИМК и их научным изучением. В частности, рассматривались интереснейшие коллекции фотодокументов, хранящиеся в нашем архиве и имеющие непосредственное отношение к императорской семье Романовых (фонд «Библиотека Зимнего дворца») и великим князьям Константину Николаевичу и Константину Константиновичу (фонд «Библиотека Мраморного дворца») ⁶. В настоящее время данная рубрика приобрела значительную популярность, расширился список авторов и круг обсуждаемых вопросов — рассматривается история изучения различных археологических памятников, научная и организационная деятельность видных ученых, судьба отдельных уникальных древностей и многое другое. Надо сказать, что первенство в историографических исследованиях принадлежит сотрудникам нашего Института и прежде всего работникам его научного архива.

В связи с увеличением количества выпусков «Вестей» до четырех в год в 2020 г. было принято решение об издании тематических журналов, приуроченных к памятным датам сотрудников Института — такими увидели свет 11 томов (26, 28, 29, 31, 32, 34–36, 38, 39, 41). Однако в настоящее время из-за значительно увеличившегося количества работ, поступаемых в адрес редакции, подобного рода события отмечаются публикацией блоков статей наряду с постоянными рубриками.

Первая редколлегия была назначена непосредственно В. М. Массоном: Евгений Николаевич

⁶ Длужневская Г. В. Фотографии из собственной библиотеки Императора Николая II в собрании фотоархива Института истории материальной культуры Российской Академии наук (Санкт-Петербург) // АВ. 1998. Вып. 5. С. 382–384; Моисеева Н. Д. История Дома Романовых в XIX веке по фондам фотоархива Института истории материальной культуры РАН // АВ. 1998. Вып. 5. С. 385–390.

Носов — зам. ответственного редактора, Наталия Вадимовна Хвощинская — ответственный секретарь, Михаил Васильевич Аникович, Вадим Андреевич Алёшкин, Пётр Валерьевич Шувалов, Татьяна Семёновна Дорофеева — секретарь, Галина Алексеевна Кузнецова — художник. Состав редакции, имеется в виду ее рабочая часть, менялся в основном в первые годы, а затем стабилизировался. Традиционно в нее входили представители от каждого отдела Института. От отдела палеолита в редакционной работе участвовали М. В. Аникович (2 вып.), Г. В. Григорьева (2 вып.), Л. Г. Шаяхметова (35 вып.); от отдела Центральной Азии и Кавказа — В. А. Алёшкин (11 вып.), В. А. Завьялов (7 вып.), Н. Ю. Смирнов (17 вып.), М. Т. Кашуба (с 2016 г. по наст. время, 22 вып.); от отдела истории античной культуры — П. В. Шувалов (1 вып.), Ю. А. Виноградов (2 вып.), А. Н. Щеглов (2 вып.), М. Ю. Вахтина (с 1999 г. по наст. время, 36 вып.); от отдела славяно-финской археологии — Е. Н. Носов (25 вып.), П. А. Милев (с 2022 г. по наст. время, 7 вып.), Т. С. Дорофеева и Н. В. Хвощинская (с 1992 г. по наст. время, 49 вып.). Наряду с постоянно действующими научными редакторами к работе привлекались и другие сотрудники Института, в частности, за плодотворное сотрудничество хочется поблагодарить Ю. А. Виноградова, В. А. Горончаровского, С. А. Васильева, В. А. Лапшина, М. В. Медведеву, В. Я. Шумкина, А. А. Пескову, А. К. Очередного, А. В. Фрибуса, В. Б. Трубникову, Н. А. Павличенко и др.

Поскольку «Археологические вести» на первых порах и в настоящее время готовятся без участия профессионального издательства, то чрезвычайно важна роль издательской группы. Верстка первых выпусков была выполнена К. А. Матехиным (5 вып.) и О. И. Богуславским (1 вып.). Долгие годы (до 2024 г.) переводы осуществлялись А. В. Гилевичем, а в роли корректора выступала Н. В. Головачева.

Печатные работы по археологии в отличие от других гуманитарных наук, как правило, сопровождаются иллюстрациями, в которых порой содержится больше информации, нежели в самих текстах. Огромная работа по квалифицированной обработке и подготовке иллюстративного материала к публикациям для значительного числа выпусков (38) была проведена Вероникой Яковлевной Стёганцевой, выработавшей и воплотившей стройную и логичную систему оформления рисунков к статьям, которая позволила журналу обрести собственный визуальный стиль.

Ключевой для редакции является работа Т. С. Дорофеевой — в настоящее время ответственного секретаря журнала. В ее обязанности входит сбор материалов, предпечатная подготовка текстов, сверка библиографических ссылок, работа с рецен-

зентами и научными редакторами, переписка с авторами и многое другое.

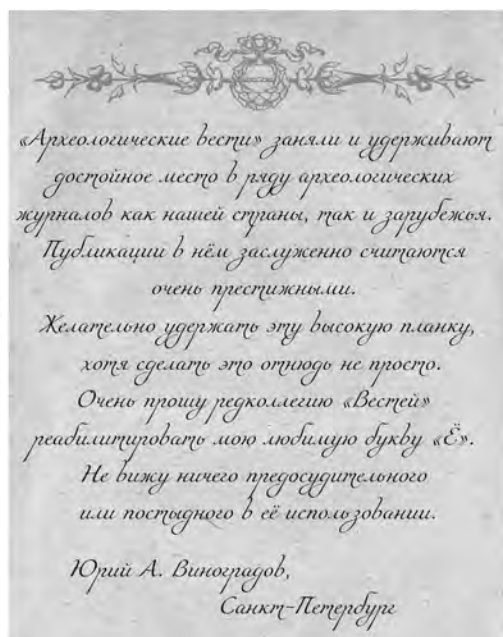
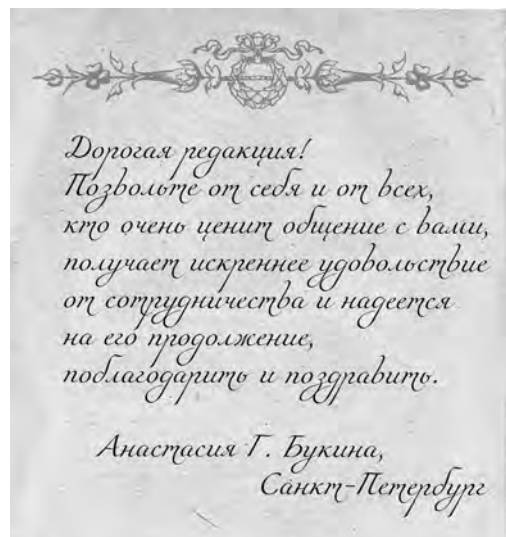
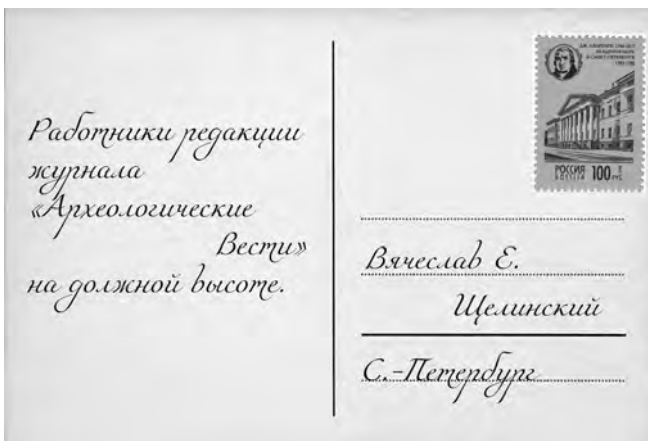
За более чем 30-летнюю историю в редакции сложился компетентный творческий коллектив. В 2020 г. в него влилась Е. В. Новгородских, став неотъемлемой частью издательской группы. Будучи человеком четким, ответственным и внимательным, уже на последнем этапе подготовки рукописей она отслеживает несоответствия и неточности, работает с авторами и осуществляет верстку журнала. К деятельности редакции мы стараемся привлекать молодое поколение сотрудников Института. В настоящее время за подготовку иллюстраций отвечает А. Р. Лада, а переводы выполняет Е. О. Стоянов. С 2021 г. корректуру высокопрофессионально осуществляет О. К. Чеботарева. Необходимо подчеркнуть, что выход журнала был бы невозможен без постоянной помощи и поддержки дирекции Института.

В целом благодаря слаженной коллективной работе «Археологические вести» заслуженно зарекомендовали себя в профессиональной среде как авторитетный научный журнал, входящий в так называемый Белый список российских рейтинговых изданий и признанный как в России, так и за рубежом. На сегодня в «Вестях» опубликовано 1677 статей и заметок (1190 — в разделах «Новые открытия и исследования», «Актуальные проблемы археологии», «История науки» и в тематических номерах; 487 — в других рубриках). Авторами работ наряду с широким кругом исследователей из различных научных центров России являются ученые из ближнего (Украина, Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан, Казахстан, Грузия, Молдова, Азербайджан, Армения, Латвия, Литва) и дальнего (Швеция, Англия, Германия, Дания, Ирландия, Финляндия, Кот д'Ивуар, Италия, Франция, Северная Ирландия, Испания, Болгария, Монголия, США, Польша, Румыния) зарубежья.

Одновременно с «Вестями» и другими новыми изданиями ИИМК в начале 1990-х гг. появилась и новая эмблема Института — кораблик. В настоящий момент мнения о том, кто подсказал В. М. Масону идею варяжской ладьи, расходятся, но неопровержимым фактом является то, что ее талантливое воплощение было осуществлено нашим замечательным художником Г. А. Кузнецовой. Вместе с корабликом наш Институт, а с ним и «Археологические вести» плывут в будущее. Так пожелаем всему нашему научному коллективу успехов, попутного ветра и семь футов под килем!

*А. В. Курбатов (член редколлегии),
Н. В. Хвощинская (главный редактор)*

Р. S. От команды редакции — салют неизменному кормчему, Наталии Вадимовне Хвощинской!

Какой замечательный юбилей!

Спасибо, что вы есть, что всё так быстро, оперативно и качественно получается. Лично мне очень нравится, что с редактором и дизайнером можно всегда обсудить какие-то вопросы по статье, что мы общаемся очень конкретно и что всегда можно прийти к компромиссу. А ещё просто замечательно, что есть возможность публиковать цветные иллюстрации, что для моих исследований зачастую очень важно. И что вы прощаете мне превышение объёма, которое бывает в моих статьях, потому что, грешна, превышаю по исключительному многословию своему. Очень здорово, что журнал доступен в электронном виде на сайте и что можно иметь pdf своей (и чужих) статей. Так что, дорогой АВ, долгих лет тебе жизни! И мы всегда рады, если вы к себе зовёте!

Анна Е. Петракова, Санкт-Петербург

Так сложились звёзды, что я стал соавтором статьи в первом выпуске «Археологических Вестей». Вадим Михайлович Массон, инициатор нового издания, видел его задачей в том, чтобы публиковать и распространять по миру все наиболее значимые достижения российской археологии. Вадим Сергеевич Боткарев по достоинству оценил результаты наших целенаправленных раскопок курганов колесницей знати бронзового века, в результате и появилась та публикация. Мы вовремя сдали статью, а уже через четыре месяца она вышла на страницах «Вестей». Второй раз я опубликовался уже в 2025 году, в выпуске 48, по теме, над которой работал более 20 лет. Мне очень понравилась оперативность решения всех вопросов редакцией «Вестей». Уверен, что этому изданию предстоят долгие годы успешной работы.

Павел Ф. Кузнецов, Самара

Коллеги! Выражаю огромную благодарность за большую и тщательную работу, проводимую редакторами, корректорами и переводчиками «Вестей»! Особо признателен вам за вашу терпимость, доброжелательность и истинно питерскую интеллигентность при общении с авторами! Пожелание только одно: несмотря на все сложности продолжать вашу полезную для науки работу! Ну и, конечно, финансовой устойчивости ИИМК, от которой, в частности, зависит стабильный выпуск журнала!

Алексей Л. Телих, Армавир

Глубокоуважаемая редакция журнала «Археологические вести»! Дорогие коллеги! Сердечно поздравляю вас с важным рубежом — подготовкой и выходом в свет 50-го номера журнала! Спасибо вам за ваш труд!

С нами, авторами, непросто: увлекаясь содержанием, мы можем пренебречь, как кажется на первый взгляд, незначительными деталями; вы же помогаете нашим идеям обрести завершенную форму, шлифуете наши тексты, уберегаете нас от имиджевых потерь, бережно, корректно, терпеливо, тактично ведёте нас по пути от авторской версии материала до финального варианта публикации. Спасибо вам! Вы лучшие!

Анна М. Спасскова, Москва

Поздравляю редакцию «Вестей», руководство и сотрудников ИИМК РАН, авторов и читателей журнала с юбилеем!

Для человека 50 лет — большой этап жизни, а для фундаментального академического издания, каким задумывался и является сегодня журнал, — только этап становления. Верю и надеюсь, что наши «Археологические Вести» будут и дальше на корабле ИИМК идти «под всеми парусами» по океану научных идей!

Пускай и дальше эти «паруса» наполняют стремление к открытиям, научное любопытство и желание преодолеть все препятствия, а надёжным компасом кораблю служат традиции Российской академической школы.

Михаил Б. Рысин, Санкт-Петербург

Дорогая команда «Археологических Вестей»!

Как-то незаметно подкрался юбилейный 50-й выпуск. За прошедшие годы вашими усилиями и стараниями журнал стал признанным лидером археологической печати и одним из самых авторитетных и уважаемых периодических изданий по археологии, придерживающихся самых высоких научных стандартов. Публиковаться в Вестях престижно, а сотрудничать с Вестями всегда приятно.

Разрешите от всей души выразить всем сопричастным признательность и огромную благодарность. Ваши профессионализм и неформально чуткое отношение к авторам создали доброжелательную рабочую атмосферу и весьма благоприятную обстановку для сотрудничества.

Желаю Вестям дальнейшего процветания и интересных статей, а членам редакции — новых интересных публикаций, успехов, благополучия, процветания и авторов, соблюдающих сроки сдачи, умеющих готовить иллюстрации и правильно оформлять ссылки!

Владислав Ю. Соболев, Санкт-Петербург

ТЕЛЕГРАММА (по служебному телеграфу ИИМК)

Поздравляю вас с выходом 50-го юбилейного выпуска журнала, который совпал с 35-й годовщиной возвращения нашему научному учреждению его прежнего наименования — Институт истории материальной культуры! За прошедшие годы «Вести», сначала выходившие как ежегодник, превратились в солидное издание (четыре выпуска в год), вошедшее в десятку лучших российских археологических журналов. Во многом это произошло благодаря усилиям сплочённого коллектива редколлегии по обеспечению высокого уровня научно-исследовательских публикаций, что вызывает огромное уважение. Желаю вам дальнейшего расширения читательской аудитории и неизменных успехов на благо отечественной науки!

Владимир А. Горончаровский, Санкт-Петербург

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

К 70-летию Евгения Михайловича Колпакова

20 января 2026 г. отметил свое 70-летие ведущий научный сотрудник отдела палеолита ИИМК РАН, доктор исторических наук, многолетний руководитель Кольской экспедиции Института Евгений Михайлович Колпаков — один из крупнейших специалистов по археологии Севера, талантливый теоретик, преподаватель и популяризатор науки.

Путь в археологию для Евгения Михайловича оказался долгим и сложным. После окончания средней школы он работал на заводе, служил в армии и только затем поступил на кафедру археологии Ленинградского университета. Круг его интересов был обширен и включал как палеолит (Евгений Михайлович принимал участие в экспедициях З. А. Абрамовой и писал под ее руководством диплом по афонтовской культуре), так и раннесредневековые древности Северо-Запада (в связи с этим стоит отметить большую роль В. А. Назаренко). После окончания университета Е. М. Колпаков трудился в Ленинградской областной инспекции по охране памятников истории и культуры.

Евгения Михайловича всегда привлекали теоретические аспекты науки. Глубокий интерес к теории и методологии, вдохновленный в университете Л. С. Клейном, привел его к написанию кандидатской диссертации, посвященной проблемам классификации в археологии, вскоре после защиты опубликованной в виде монографии. На исходе 1990-х гг., подобно многим представителям науки, Е. М. Колпаков занялся компьютерным бизнесом. Но идея о возвращении в археологию не покидала его. На протяжении ряда лет Е. М. Колпаков принимал участие в полевых работах В. П. Любина по нижнему палеолиту Армении.

Наконец в 2009 г. Евгений Михайлович окончательно связывает свою судьбу с отделом палеолита ИИМК РАН. Он активно включается в работу по изучению древностей Кольского полуострова, сначала как помощник В. Я. Шумкина, а затем и

Евгений Михайлович Колпаков
Evgeniy Mikhailovich Kolpakov

возглавив экспедицию Института в этом регионе. В трудных условиях Заполярья удалось открыть и изучить множество археологических объектов: от стоянок раннего мезолита до стойбищ саамов и поморов. Исследованиями охвачен весь спектр памятников территории, включая поселения, погребения, клады, петроглифы, писаницы, каменные лабиринты.

За десятилетия напряженной работы Кольская экспедиция превратилась в одно из опорных постоянно действующих полевых подразделений Института, которое успешно сочетает проведение сложных и трудоемких хозяйственных работ с научными изысканиями. Есть в коллективе молодое пополнение, позволяющее с уверенностью смотреть в завтрашний день.

Результаты работы экспедиции отражены в серии богато иллюстрированных фундаментальных

изданий, посвященных материалам Кольского Оленеостровского могильника, петроглифам Канозера и Чальмн-Варрэ; налажена также публикация «Кольских сборников».

Особую роль в научной биографии юбиляра занимает изучение памятников древнего искусства. Итогом многолетних усилий стала блестяще защищенная в 2019 г. докторская диссертация, посвященная наскальным изображениям Кольского полуострова и севера Фенноскандии.

Нельзя не отметить преподавательскую деятельность юбиляра в стенах родного университета, где он читает курс теоретической археологии.

Е. М. Колпаков — организатор ряда выставок и музейных экспозиций по археологии, блестящий лектор — популяризатор науки.

Желаем Евгению Михайловичу крепкого здоровья, неиссякаемого заряда бодрости и новых творческих успехов!

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Конструкции из камней и сложения из рогов на западе Чукотки: классификация, интерпретация, хронология¹

Г. К. Данилов, С. Л. Вартамян, В. И. Цыганкова, Д. В. Герасимов²

Аннотация. Анализ 149 конструкций из камней и сложений из рогов, выявленных в западной части Чукотки, позволил предложить их типологию. На основании этнографических аналогий, археологического и геоморфологического контекстов предложена функциональная интерпретация конструкций. 12 новых радиоуглеродных дат уточняют хронологию некоторых типов объектов, удревяняют традицию создания «кучерогов» до рубежа тысячелетий новой эры.

Ключевые слова: конструкции из камней и рогов, охотники тундры, оленеводы, погребение, жилище, Чукотка, кучерог

DOI 10.31600/1817-6976-2026-50-16-30

Введение

Конструкции из необработанных камней и/или оленьих рогов (костей) вне контекстов поселений являются одной из основных составляющих культурного ландшафта Чукотки и многих других регионов Арктики. Между тем функции, хронология и культурная принадлежность каменных и костяных конструкций во многом остаются загадкой. Находящиеся за пределами поселений или на значительном удалении от них сложения из камня и рога нечасто попадали в поле зрения исследователей и до последнего времени редко становились предметом специального изучения.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (грант № 25-28-01122 «Культурное и сакральное пространство крайнего северо-востока Азии: каменные и костяные конструкции позднего голоцена Чукотки») (<https://rscf.ru/project/25-28-01122/>).

² Данилов Г. К., Герасимов Д. В. — Музей Антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург; e-mail: gleb.danilov.spb@gmail.com, dger@kunstkamera.ru. Вартамян С. Л., Цыганкова В. И. — Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт Дальневосточного отделения РАН, Магадан; e-mail: sergey-vartanyan@mail.ru, tsigankova.valeriya@mail.ru.

© Данилов Г. К., Вартамян С. Л., Цыганкова В. И., Герасимов Д. В., 2026

Возраст объектов может быть очень разным — от этнографической современности до нескольких сотен и даже тысяч лет. Сложные этнокультурные процессы, происходившие на краю Северо-Востока Азии в позднем голоцене, длительная смена культур неолитического облика (охотников-собирателей) культурами оседлых морских зверобоев и оленеводов проявлялись в том числе в изменениях типов и функций хозяйственно-бытовых и ритуальных объектов за пределами поселений. Многие категории сложений из камней и парных рогов давно перестали восприниматься коренными жителями как часть их культуры. Но ряд объектов, судя по этнографическим свидетельствам и полевым наблюдениям, еще недавно и вплоть до настоящего времени являлись и являются результатом хозяйственной и ритуальной деятельности местного населения.

Изучение даже таких, относительно современных, конструкций этнографическими методами (полевым наблюдением за их сооружением и использованием, опросом информантов) в настоящее время стало практически невозможным из-за стремительной модернизации традиционного уклада жизни. Большое влияние на мировоззрение местного населения, особенно старшего поколения, оказали религиозные проповедники — в 2000-х гг. на Чукотке активно работали представители баптистской церкви. Под их влиянием многие чукчи отказались от ряда элементов

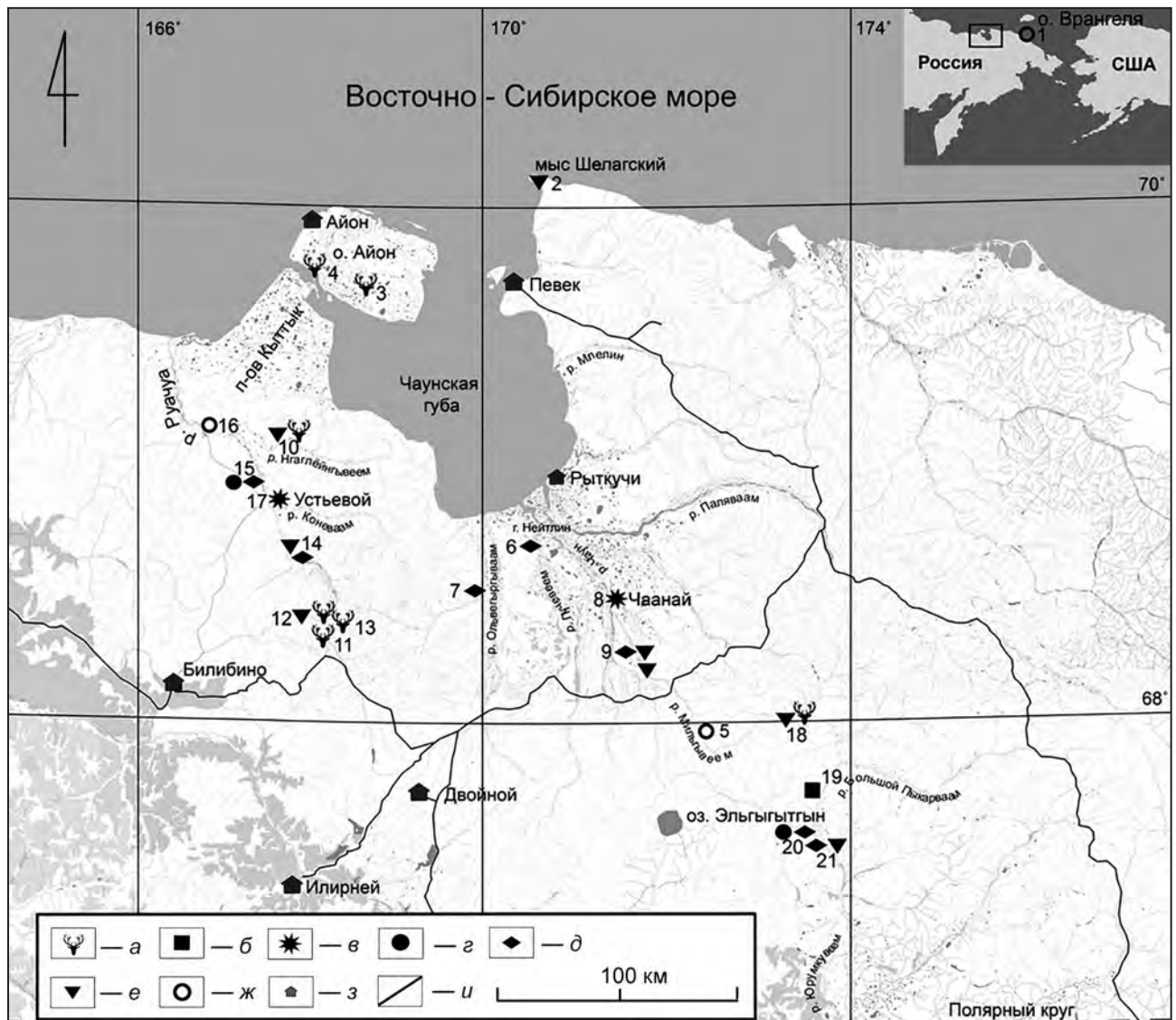

Рис. 1. Карта района исследований: 1 — о-в Врангеля; 2 — мыс Шелагский; 3 — о-в Айон; 4 — о-в Айон, Тынмай; 5–9 — Чаунская низменность (5 — р. Мильгвеем; 6 — массив Нейтлин; 7 — р. Ольвегыргываам; 8 — холмы Чаанай, комплекс Чаанай; 9 — холмы Теакачин); 10 — бассейн р. Раучуа, р. Нгаглёйнгвеем; 11–17 — р. Раучуа (11 — пункт 11; 12 — пункт 12; 13 — пункт 13; 14 — пункт 14; 15 — пункт 15; 16 — пункт 16; 17 — комплекс Устьевои); 18–21 — Центральная Чукотка, бассейн р. Анадырь (18 — ручей Кэнылин; 19 — реки Большой и Малый Пыкарваам; 20, 21 — р. Юрумкувеем, пункты 20, 21 (а — сложения из рогов оленя; б — скрадок, в — комплексы объектов; з — хозяйственные ямы; д — силуэтные каменные выкладки; е — контурные каменные выкладки; ж — кольцевые жилищные обкладки; з — населенные пункты; и — летние автодороги)

Fig. 1. Map of the research area: 1 — the Wrangel Island; 2 — Cape Shelagsky; 3 — the Ayon island; 4 — the Ayon island, Tynmay; 5–9 — Chaun lowland (5 — the Milgyveem River; 6 — the Neytlin massive; 7 — the Olvegyrgyvaam River; 8 — Chaanay hills, the Chaanay complex; 9 — Teakachin hills); 10 — the Rauchua River basin, the Ngaglyoingyveem River; 11–17 — the Rauchua River (11 — point 11; 12 — point 12; 13 — point 13; 14 — point 14; 15 — point 15; 16 — point 16; 17 — the Ustyevoy complex); 18–21 — Central Chukotka, the Anadyr River basin (18 — the Kenylin brook; 19 — the Bolshoy and Maly Pykarvaam Rivers; 20, 21 — the Yurumkuveem River, points 20, 21 (a — constructions of antlers; б — hide, в — items' complexes; з — household pits; д — silhouette stone layouts; е — outline stone layouts; ж — ring house facings; з — settlements; и — summer motor roads)

традиционной культуры, что привело к забвению мест культа и самих обрядов. За десять лет экспедиций в западной части Чукотки практически все наши вопросы живущим в тундре чукчам-оленьводам о расположенных в районе стойбища сложениях из камней и рогов оставались без содержательных ответов. В то же время информанты охотно делились сведениями о бытовых аспектах традиционной культуры, с готовностью позволяли наблюдать за ходом различных хозяйственных работ и участвовать в них.

Такая ситуация определяет важность проведения систематического изучения подобных конструкций, стремительно теряющих связи с живой традиционной культурой, и необходимость использования в исследованиях археологической методики. Настоящая работа посвящена классификации подобных объектов, зафиксированных в ходе полевых исследований в западной и центральной областях Чукотки, функциональной интерпретации выделенных типов и вопросам их абсолютной хронологии.

Рассматриваемая территория включает (рис. 1) Раучуа-Чаунскую низменность с полуостровом Кыттык и островом Айон, ее горное обрамление (Раучуанский хребет на юго-западе и Анадырское плоскогорье на юге), а также бассейны рек Кальараваам и Юрумкувеем, берущих свои истоки на Анадырском плоскогорье. Приморская равнина от устья р. Раучуа до полуострова Кыттык, включая остров Айон, сложена едомной толщей. Поверхность Чаунской низменности сформирована относительно молодым аллювием среднеплейстоценового и голоценового возраста водотоков, впадающих в Чаунскую губу. Горные районы характеризуются среднерасчлененным рельефом. Высота отдельных массивов превышает 1300 м над уровнем моря. Большинство же сопок имеет высоту от 600 до 1100 м, плоские вершины и сильнотеррасированные склоны. Вершины соседних сопок связаны седловинами в цепи и массивы, разделяемые широкими горными распадками, а иногда и равнинными участками. Во всех видах ландшафта преобладает тундровая растительность (Галанин, 1991. С. 97–128; Solovyeva et al., 2017. P. 621–623).

В отличие от относительно хорошо археологически изученной восточной части Чукотки культурная атрибуция археологических материалов ее западной и северной областей остается довольно сложной. Здесь не были исследованы стратифицированные памятники, и во многих случаях археологические комплексы разного воз-

раста смешаны. Получено мало радиоуглеродных дат по материалам с установленным археологическим контекстом. Хронология, предложенная Н. Н. Диковым (Диков, 1977), служит основой для понимания древностей всего Чукотского полуострова и остается единственной полноценной концепцией.

Самые ранние артефакты с местонахождения Тытыльваам датируются 11 200–11 300 кал. лет назад, некоторые находки связаны с дюктайской археологической культурой (*Кирьяк и др.*, 2003). Микролитические индустрии сумнагинской культуры (8800–7000 кал. лет назад) представлены в материалах из раскопок Тытыль I, III и IV (*Кирьяк*, 1993; *Слободин*, 2014). Кроме того, на памятниках Верхнетытыльская VI, Тытыль IV и Нижнетытыльская IV были выявлены материалы уолбинской традиции (9000–6000 кал. лет назад) мезолита / раннего неолита (*Кирьяк (Дикова)*, 2005; *Слободин*, 2014). Артефакты позднего неолита, связанные с северчукотской археологической культурой (5000–2500 кал. лет назад), зафиксированы на памятниках Паляваам 1–6, Раучуагыттын 1, Тытыль IV, V и Чировая (*Слободин*, 2012).

Современное состояние изученности конструкций из камней и рогов

Хотя специальные исследования, посвященные расположенным вне поселений циркумполярной зоны конструкциям из камня и кости, практически отсутствуют, достаточно большое количество таких сооружений было описано в ходе работ, посвященных иным темам. В последние десятилетия были публикации с описаниями сложений из камней, рогов и костей на территории России, США, Канады, Скандинавии, Гренландии (*Шахнович*, 2021; *Шумкин и др.*, 2006; *Bang-Anderson*, 2003; *Lee, Reinhardt*, 2003; *Schledermann*, 1990; *Tremayne*, 2007; *Wilson, Slobodina*, 2007) разнообразного хозяйственно-бытового и ритуального (в том числе погребального) назначения, связанных с культурами охотников на дикого оленя, морских зверобоев (*Арутюнов и др.*, 1982; *Andersen et al.*, 2006; *Sørensen*, 2012; *Friesen*, 2013) и, возможно, с ранними оленеводческими культурами (Диков, 1993). Время бытования древних каменных/костяных конструкций на основании радиоуглеродного метода определяется в весьма широких пределах — от современности до 10 000–11 000 кал. лет назад (*Гусев и др.*, 2010; *Bang-Anderson*, 2003; *Carlson, Bement*, 2013; *Wilke*, 2013). Отдельные этнографические исследования были проведены специально с целью выяснения

функции таких сложений и их места в мировоззрении коренных народов (Stewart et al., 2000).

Распространение каменно-костяных конструкций и выкладок на Северо-Востоке Азии отмечали практически все этнографы и археологи, проводившие исследования в этом регионе. Для Северо-Западной Чукотки наиболее ранние упоминания о конструкциях относятся к концу XIX — началу XX в. Погребальный обряд чукчей описан В. Г. Богоразом (Богораз, 1939). В работах этнографов второй половины XX в. упомянуты создание ритуальных сложений с использованием рогов северного оленя во время праздников, сооружение плоских каменных выкладок в форме кольца (Вдовин, 1977; Гурвич, 1977; Кузнецова, 1957). В 1955 г. «кучерог» (местное традиционное название конструкции из рогов оленя на русском языке) на о-ве Айон, ранее описанный В. Г. Богоразом, был осмотрен зоологом В. С. Тарховым и интерпретирован им как захоронение. Конструкция кучерога, согласно наблюдениям исследователя, включала более 1000 пар рогов оленей, а также черепа крупных хищников (Тархов, 1958). В 1959 г. кучерог на о-ве Айон был обследован Н. Н. Диковым (Кирьяк (Дикова), 2005).

Н. Н. Диков был одним из первых исследователей, кто систематически вел учет и составлял описание различных типов выкладок и сложений в тундровой и лесотундровой зонах Чукотки. В ходе проведения масштабных археологических разведочных работ и раскопок им были задокументированы несколько десятков таких объектов и получены первые радиоуглеродные даты по некоторым из них (Диков, 1977; 1993; Кирьяк (Дикова), 2005). При проведении М. А. Кирьяк в 1980–1990-х гг. работ на р. Млелин и ее правом притоке Ыынройгынайваам были выявлены специфические погребения оленьих рогов «в елочку», которые исследователь отнесла предположительно к культуре юкагиров либо чуванцев юкагирского рода. Разбор обнаруженных кладок с рогами не выявил сопроводительного погребального инвентаря (Кирьяк (Дикова), 2005).

Открытые и изученные в те же годы стоянки на озере Раучувагытгын были отнесены исследователем к заключительному этапу ымыяхтахской культуры и датированы серединой I тыс. до н. э. (Кирьяк, 1993; Кирьяк (Дикова), 2005). Ближайшие к району исследований большие скопления археологических памятников локализованы в котловинах озер Илирней, Тытыль, Эльгыгытгын и прилегающих участках речных долин, на южных склонах горного обрамления Раучуа-Чаунской

низменности (Кирьяк (Дикова), 2005; Kiryak, 2006).

Сложения из камней, рогов и костей были зафиксированы также в восточной и центральной областях Чукотки, на оз. Тытыль и в верховьях р. Омолон (Диков, 1993; Кирьяк, 1993). Схожие объекты описаны в верховьях р. Колымы и Северо-Западном Берингоморье (Слободин, Гейбл, 1996; Орехов, 2001).

Большинство имеющихся к настоящему времени радиоуглеродных датировок рассматриваемых конструкций в регионе укладывается в промежутки от современности до середины I тыс. н. э. (Диков, 1993; Воробей, 2002), но также не исключается более древний возраст некоторых объектов (III–II тыс. лет до н. э.) (Воробей, 1991).

Данный тип памятников привлекался для изучения вопросов культурной и этнической истории региона, системы освоения пространства носителями традиционных культур, проблемы доместики северного оленя (Диков, 1993; Орехов, 2000; Воробей, 2002).

Материалы и методы

Конструкции из камня, парных рогов северного оленя и их смешанные варианты, послужившие материалом для исследования, в большинстве своем были выявлены в ходе комплексных полевых исследований Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института Дальневосточного отделения РАН (СВКНИИ ДВО РАН) в западной и центральной областях Чукотки с 2011 по 2021 г. Эти работы были направлены прежде всего на изучение геоморфологии и палеогеографии региона. Задачи и методика работ позволили охватить разведочными маршрутами большие площади и разнообразные ландшафты, обычно не попадающие в поле зрения археологов. За десять полевых сезонов обследования территория площадью около 7000 кв. км. Таким образом для систематического изучения стал доступен пласт источников, представленный значительным количеством объектов (рис. 1). В 2025 г. на выявленных ранее объектах были проведены археологические работы, отобраны образцы для радиоуглеродного датирования.

Выявленные структуры фиксировались фотографически и на чертежах, определялись размерность, морфологическая характеристика и горная порода использовавшихся в конструкциях камней. Видовая и анатомическая принадлежность рогов и костей в конструкциях была определена специалистами Института биологических

проблем Севера (ИБПС) ДВО РАН. Прилегающее пространство обследовалось на наличие подьемного материала. Фиксировалась геоморфологическая приуроченность объектов, отмечались расположенные рядом скопления артефактов, отдельные черепа животных и примечательные элементы ландшафта (крупные валуны, мысы, перевалы и отдельные вершины).

Поскольку функция анализирувавшихся конструкций далеко не всегда понятна, была выполнена их формальная классификация по морфологическим признакам. Для удобства описания все объекты разделены на две большие группы — объемные и плоские конструкции. Первые выражены в трех измерениях, тогда как вторые не имеют выраженной высоты. Плоские объекты могут представлять собой контурные и силуэтные выкладки — у последних вся площадь фигуры заполнена камнями.

Функция некоторых выделенных типов объектов очевидна благодаря контексту и продолжающемуся повседневному использованию таких конструкций, как каменные обкладки очагов и каркасных жилищ. Для других типов сложений функциональная интерпретация может быть предложена с определенной степенью условности на основании этнографических аналогий и с учетом археологического и геоморфологического контекстов.

Отбор фрагментов костей и рогов для датирования осуществлялся так, чтобы не нарушить конструкцию, но получить перекрытый ее элементами материал (приподниманием плиты или валуна, не имеющих «замка» с соседними конструктивными деталями).

Радиоуглеродное датирование выполнено в лаборатории СВКНИИ ДВО РАН (индекс МАГ) жидкостно-сцинтилляционным методом. В качестве радиоуглеродного эталона использовался собственный промежуточный стандарт (*Цыганкова и др.*, 2017). Значения календарного возраста приведены на основании программы OxCal 4.4.4 (*Bronk Ramsey*, 2021), калибровочная кривая IntCal20 (*Reimer et al.*, 2020). Все датировки приведены в формате калиброванных календарных лет назад (кал. лет назад).

Результаты

Всего зафиксировано 149 конструкций разных типов. 90 из них образуют две большие группы: 38 объектов в комплексе Чаанай и 52 — в комплексе Устьева (рис. 1; табл. 1, 8, 17). Небольшие группы конструкций и индивидуальные объекты зафиксированы в среднем течении рек Мильгы-

веем, Нгаглэйнгывеем и Ольвегыргываам, а также в верхнем течении р. Юрумкувеем в северной части Анадырского нагорья.

Морфологические критерии, использованные для классификации конструкций, позволили выделить несколько типов с повторяющейся морфологией.

Наиболее часто встречающейся конструкцией являются каменные обкладки очагов. Эти структуры обнаруживаются в самых разных геоморфологических контекстах, как отдельно, так и внутри контурных выкладок, остающихся после установки каркасных жилищ. Из-за многочисленности этого типа объектов документировались только обкладки, расположенные рядом с иными конструкциями. Обкладки очагов имеют диаметр 0,3–1,5 м, часто с угольной массой внутри (рис. 2, А). В семи случаях очаги были полностью заполнены камнями (закрытые очаги), четыре из них расположены внутри обкладок жилищ, а три — вне их.

Было выделено два типа каменных обкладок, остающихся после установки мобильных каркасных жилищ. От яранги, до настоящего времени используемой местным населением, остаются структуры диаметром 5,0–8,5 м (редко 10 м и более) неправильной подокруглой формы (рис. 3). Рядом со многими осмотренными выкладками такого типа присутствует бытовой мусор, датируемый от современности до 1930-х гг. Другой тип представляют обкладки, по форме близкие к правильному кругу диаметром 3,5–5,5 м. В двух случаях (рис. 2, Б) приставленные к обкладке снаружи валуны маркируют вход. Внутри всех задокументированных объектов находятся очаги. Четыре закрытых очага зафиксированы внутри обкладок второго типа. Оба варианта конструкций встречаются и группами (в том числе смешанными), и как отдельные объекты.

Помимо обкладок жилищ и очагов выделяются овальные и подпрямоугольные контурные выкладки. Первые имеют размеры 1,2–2,5 × 1,7–2,9 м. Часто с южной стороны от овальных выкладок на расстоянии 0,2–1,2 м находится массивный камень, очажок или группа из нескольких камней (рис. 2, В), зачастую этот тип ассоциирован с кучами рогов оленя. Вторые — размерами 2,2 × 0,7–1,2 м, с условным контуром с одной сплошной стороной и второй, намеченной лишь двумя камнями (рис. 4, А).

Среди силуэтных выкладок можно выделить квадратные, округлые, овальные и подпрямоугольные, размеры которых варьируют от 0,8 × 1,4 до 2,0 × 5,1 м (рис. 4; табл. 1, VI, VII, VIII, IX).

Таблица 1. Сочетания типов конструкций в группах
Table 1. Combinations of construction types in groups

№	Объект	Тип конструкций*																
		I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII	XIV	XV	XVI	XVII
1	Остров Врангеля	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
2	Мыс Шелагский	-	-	3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
3	Остров Айон	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	-	-	-	-	-
4	Остров Айон, Тынмай	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-
5	Чаунская низменность, р. Мильгывеем	4	7	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
6	Чаунская низменность, массив Нейтлин	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
7	Чаунская низменность, река Ольвегыргываам	1	-	-	-	-	-	-	1	1	-	-	-	-	1	-	-	-
8	Чаунская низменность, холмы Чаанай, комплекс Чаанай	11	5	5	-	2	-	-	-	8	-	3	1	-	-	1	-	1
9	Чаунская низменность, холмы Теакачин	-	-	1	1	1	-	2	-	3	-	-	-	-	-	-	-	-
10	Бассейн реки Раучуа, река Нгаглэйнгывеем	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-
11	Река Раучуа, пункт 11	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-
12	Река Раучуа, пункт 12	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-
13	Река Раучуа, пункт 13	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-
14	Река Раучуа, пункт 14	-	-	-	-	1	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
15	Река Раучуа, пункт 15	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	1	-	-	-
16	Река Раучуа, пункт 16	3	3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
17	Река Раучуа, комплекс Устьевои	-	2	-	-	-	8	9	-	1	-	-	-	-	20	-	1	11
18	Центральная Чукотка, бассейн р. Анадырь, ручей Кэнылин	-	-	1	-	1	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-
19	Центральная Чукотка, бассейн р. Анадырь, реки Большой и Малый Пыкарваам	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	1
20	Центральная Чукотка, бассейн р. Анадырь, река Юрумкувеем, пункт 20	-	-	1	-	-	-	-	-	4	-	-	-	-	-	-	-	-
21	Центральная Чукотка, бассейн р. Анадырь, река Юрумкувеем, пункт 21	-	1	-	-	-	3	-	-	-	-	-	-	-	3	-	-	-

* I — очажная обкладка; II — жилищная обкладка; III — контурная овальная выкладка; IV — арочная кладка из трех камней; V — прямоугольная контурная выкладка; VI — силуэтная овальная выкладка; VII — силуэтная округлая выкладка; VIII — силуэтная квадратная выкладка; IX — силуэтная прямоугольная выкладка; X — многокомпонентная силуэтная выкладка; XI — каменно-роговая конструкция; XII — кучерог (роговое сложение); XIII — скрадок; XIV — хозяйственная яма; XV — каменная пирамида (тур); XVI — u-образная выкладка; XVII — неопределенный тип.

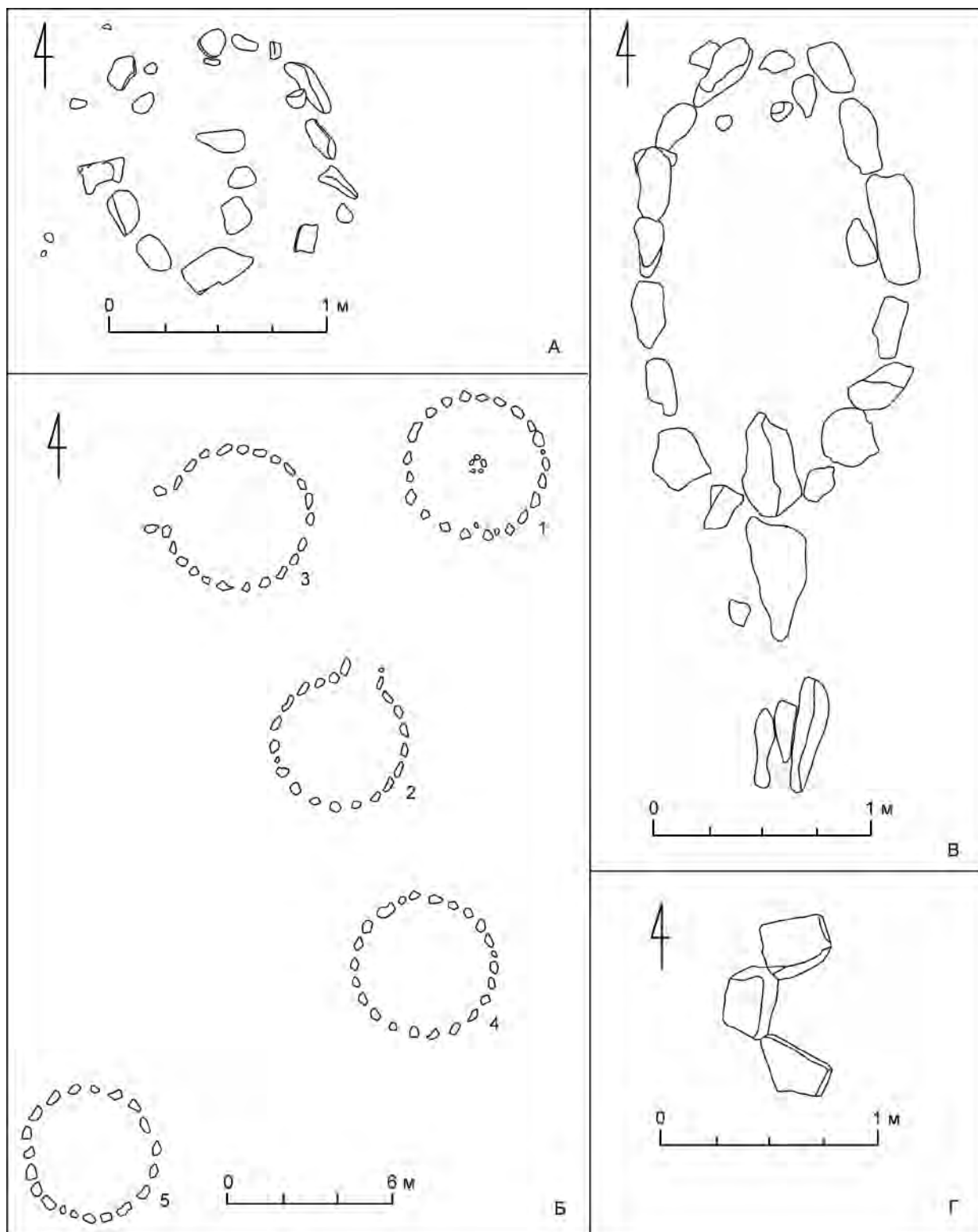

Рис. 2. Чертежи контурных каменных выкладок: А — обкладка очага, р. Раучуа; Б — группа обкладок каркасных жилищ второго типа, Чаунская низменность, р. Мильгвеем; В — овальная погребальная конструкция, р. Раучуа; Г — арочный контур из трех камней, р. Раучуа

Fig. 2. Drawings of outline stone arrangements: А — fireplace lining, the Rauchua River; Б — group of linings of frame dwellings of the second type, Chaun lowland, the Milgyveem River; В — oval burial structure, Rauchua River; Г — arched outline of three stones, the Rauchua River

Рис. 3. Каменная обкладка современной яранги. Центральная Чукотка, р. Каларваам, 2019 г., вид с юга. Фото Д. Петрова

Fig. 3. Stone lining of a modern yaranga. Central Chukotka, the Kalarvaam River, 2019, view from the south. Photo by D. Petrov

Отмечена только одна сложносоставная конструкция из четырех элементов, выложенная на плоской вершине холма на площади $12,0 \times 15,0$ м (рис. 5; табл. 1, X). Около половины всех силуэтных выкладок содержат под камнями фрагменты раздробленных, изредка обожженных костей и/или рогов северного оленя. Есть косвенные признаки, что остальные силуэтные выкладки также содержали под камнями специально положенную, но не дошедшую до нас органику, такую как бескостное мясо или растения.

Наиболее примечательными трехмерными конструкциями являются кучероги — сложения из парных рогов оленя и изредка включающие рога лося, иногда черепа других млекопитающих и артефакты. Самая внушительная и знаменитая постройка была описана в конце XIX в. В. Г. Богоразом (*Богораз*, 1939) и повторно обнаружена В. С. Тарховым в 1955 г. (*Тархов*, 1958). Позже памятник посещался Н. Н. Диковым (*Кирьяк (Дикова)*, 2005) и авторами в 2011 г. Кучерог с местным названием Тынмай находится на берегу Малого Чаунского пролива на западном побережье о-ва Айон, занимая центральное положение на мысовидном выступе термоэрозионного вреза,

образованного временным водотоком (рис. 1, 4). Конструкция представляет собой асимметричную полусферу, сложенную из парных рогов северного оленя (по оценке В. С. Тархова, не менее 1000 пар). Диаметр постройки — около 8,0 м, высота — 2,5 м. В конструкции нами отмечены как минимум две пары лосиных рогов, а у ее основания — несколько черепов белого медведя, деревянная плаха, остатки бубнов. На вершине конструкции на момент нашего посещения были уложены относительно свежие рога оленя. По информации, полученной от жителей села Айон, раньше к святилищу по определенным праздникам приносили не только рога, но и жертвенную пищу и другие подношения. Конструкция настолько массивна, что под ней активно развиваются процессы термокарста, так что нижние слои рогов находятся под дневной поверхностью. На о-ве Айон на правом борту долины р. Онматгыр нами отмечено еще два расположенных рядом кучерога размерами $2,0 \times 2,0 \times 1,4$ и $0,7 \times 0,7 \times 0,5$ м. М. Эттувги (житель с. Айон) сообщал, что всего на острове насчитывается пять подобных сложений. Кучероги отмечены также в комплексе Чаанай, в среднем течении р. Раучуа и в верховьях р. Каларваам (рис. 1, 2, 3, 8, 11, 12, 18).

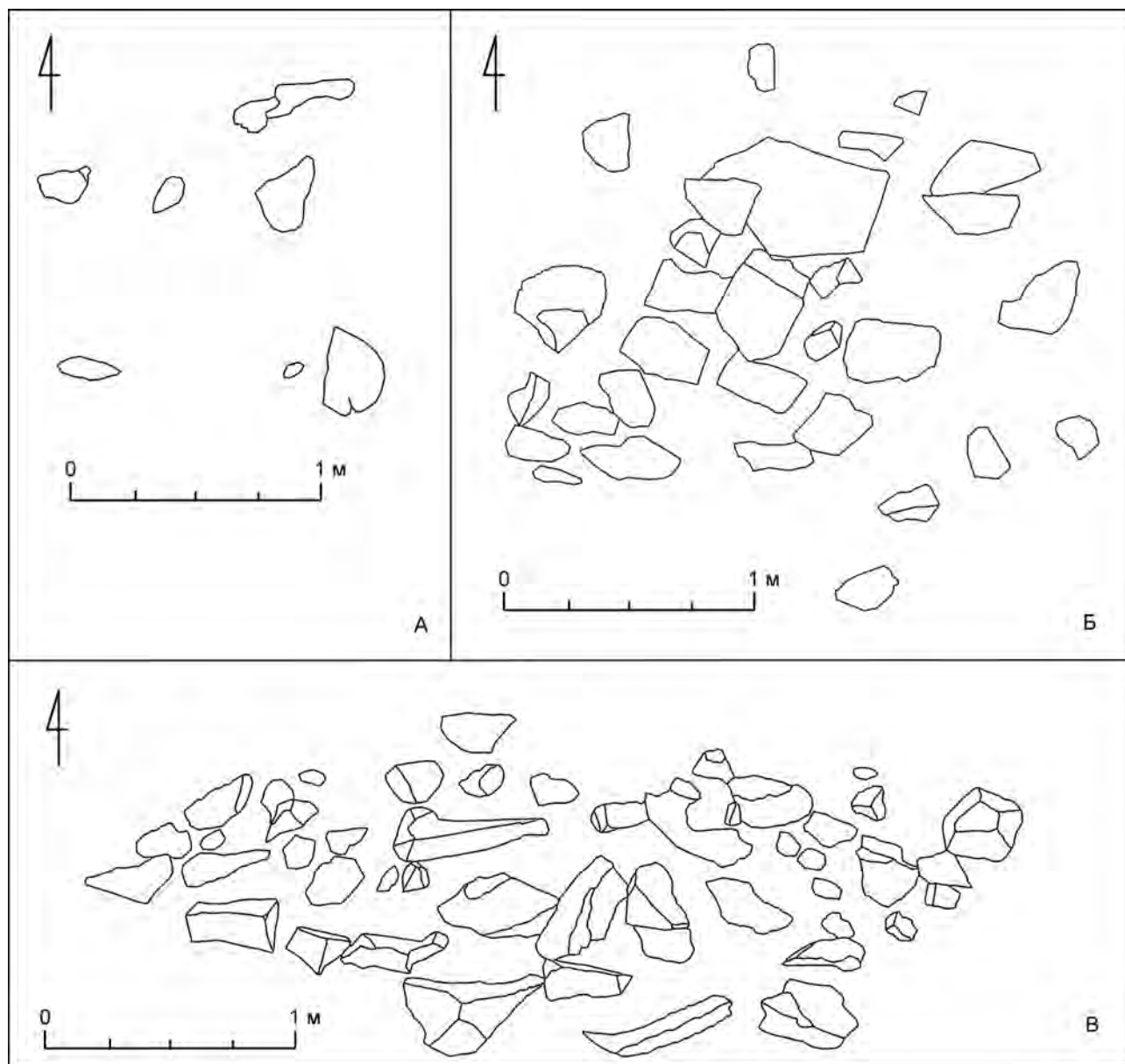

Рис. 4. Чертежи контурных и силуэтных выкладок: А — прямоугольная контурная структура (Чаунская низменность, Чаанайские холмы, комплекс Чаанай); Б — округлая силуэтная структура; В — овальная силуэтная выкладка (Б, В — р. Раучуа, комплекс Устьево́й)

Fig. 4. Drawings of the outline and silhouette layouts: А — rectangular outline structure (Chaun lowland, Chaanay hills, the Chaanay complex); Б — roundish silhouette structure; В — oval silhouette layout (Б, В — the Rauchua River, the Ustyevoý complex)

Другой тип каменно-роговых конструкций представляет собой несколько пар рогов оленя (5–15), уложенных на грунт черепными крышками вниз и к центру, придавленных сверху камнями, формирующими подобие выкладки. Штанги уложенных рогов направлены вверх, возвышаясь над кладкой и поверхностью земли, часто формируя округлый контур — «розетку». Размеры таких конструкций составляют примерно

1,5 × 2,0 м, рога возвышаются над поверхностью на 0,5–0,6 м.

К трехмерным сложениям относятся конструкции, определенные как хозяйственные ямы или хранилища. Они расположены, в соответствии с их предполагаемой функцией, на наименее заметаемых снежным покровом участках ландшафта. Выделяется три типа конструкций: два — создаваемые путем выемки субстрата

на каменных осыпях и курумниках (тип 1 — яма с камерой, тип 2 — яма с бруствером) (рис. 6), третий тип создается путем складывания стенок хранилища округлой или конусовидной в плане формы на субстрате.

На р. Большой Пыкарваам была выявлена каменная конструкция, интерпретированная как охотничий скрадок (рис. 1, 19). Объект представляет собой щелбнистую западину с кольцевым валом из камней. Внутренний диаметр 3,0 м, внешний — 4,5 м, высота бруствера — 0,2–0,5 м. Конструкция расположена на субгоризонтальном террасовидном участке склона горы, на правом берегу реки, который образует непроходимый прижим в этом месте. Непосредственно через плоский участок склона со скрадком и выше него проходят звериные тропы и открывается обзор огромного сектора долины реки.

Для нескольких форм силуэтных выкладок и двух типов роговых конструкций были получены радиоуглеродные даты, существенно увеличившие имевшийся до настоящего времени корпус дат по подобным сооружениям на Северо-Востоке Азии и на западе Чукотки в частности (табл. 2).

Обсуждение

Функциональная интерпретация некоторых типов сложенных, таких как каменные обкладки очагов и каркасных жилищ, очевидна благодаря контексту и наблюдениям за современным использованием таких конструкций. Помимо очажных выкладок с остатками угля отмечены кольцевые выкладки диаметром 1,5–2,0 м без следов горения внутри. Такие выкладки могли создаваться при сушке шкур или для хранения чего-либо под ними.

Судя по опубликованным данным, конструкция чукотских яранг с основанием в виде неправильной окружности диаметром 5,0–10,0 м за последние 200 лет не претерпела существенных изменений (Богораз, 1991. С. 102–111; Перевалова, Куканов, 2018. С. 41). Каменные обкладки в форме правильного круга схожи размерами с жилищами, выявленными при археологических раскопках на Северо-Востоке Азии и в других полярных регионах (Кирьяк, 1993. С. 23–27; Bang-Anderson, 2003. Р. 195–197; Tremayne, 2007; Wilson, Slobodina, 2007. Р. 47–49). Возможно, такие выкладки являются остатками более легкой, чем яранга, каркасной мобильной конструкции типа чума, использовавшейся в регионе с эпохи неолита и вышедшей из употребления лишь недавно (Данилов, 2021).

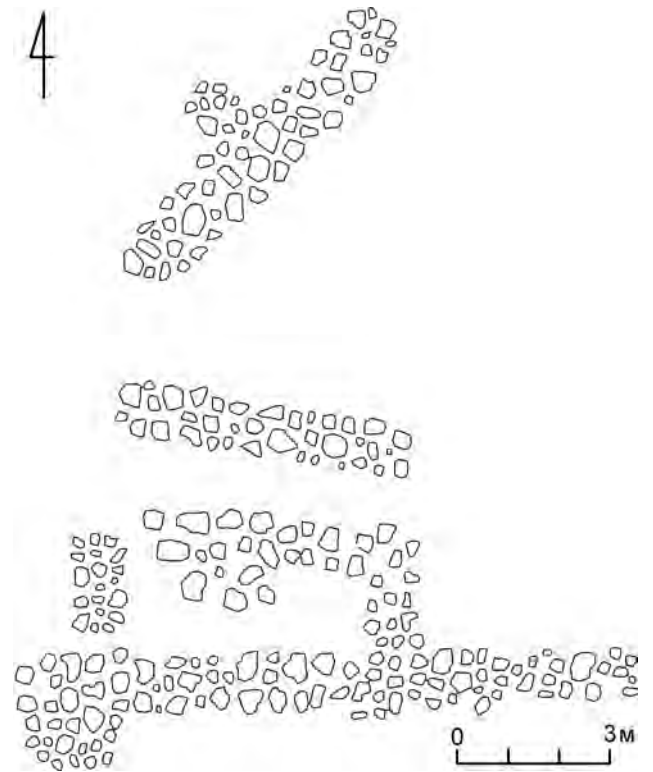

Рис. 5. Сложносоставная силуэтная выкладка. Долина р. Раучуа

Fig. 5. Complex silhouette layout. The Rauchua River valley

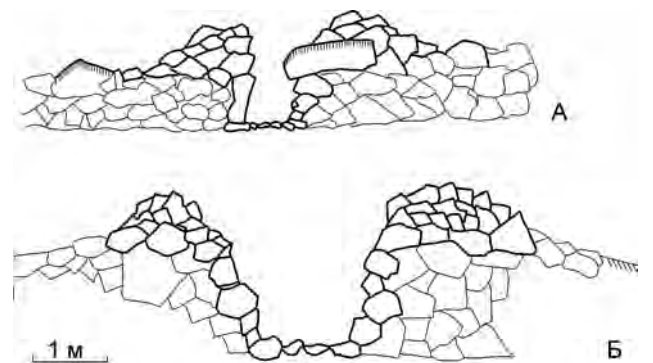

Рис. 6. Профили тайников на комплексе Устьевоу, р. Раучуа: А — тип 1; Б — тип 2

Fig. 6. Profiles of caches at the Ustyevo complex, the Rauchua River: A — type 1; B — type 2

Сооружения, определенные нами как хозяйственные ямы или хранилища, рассматриваются в качестве таковых прежде всего из-за своего расположения. Они схожи по размерам и форме с опубликованными конструкциями в Канадской Арктике, Гренландии, Скандинавии и на крайнем северо-востоке Азии, в том числе на Чукотке

Таблица 2. Радиоуглеродный возраст разных типов каменных и костяных конструкций на Чукотке
Table 2. Radiocarbon dating of different types of stone and bone structures in Chukotka

№	Лабораторный индекс	Расположение объекта	Тип конструкции	Материал	¹⁴ C дата	Cal BP (2σ)	Cal BC/AD (2σ)	Источник
1	Ле-3034	Могильник вблизи села Лаврентия	Контурная овальная выкладка	Уголь	490±170	772–... AD*	1179–... AD*	Диков, 1993
2	МАГ-2220	Река Раучуа	Кучерог	Рог, <i>Rangifer tarandus</i>	540±45	645–505	1305–1445 AD	Первая публикация
3	Ле-3035	Могильник вблизи села Лаврентия	Контурная овальная выкладка	Уголь	610±40	660–540	1295–1410 AD	Диков, 1993
4	МАГ-2059	Комплекс Чаанай	Каменно-роговая конструкция	Рог, <i>Rangifer tarandus</i>	612±130	790–320	1160–1630 AD	Первая публикация
5	МАГ-2217	Комплекс Устьево	Силуэтная овальная выкладка	То же	640±45	670–550	1280–1400 AD	Первая публикация
6	МАГ-2218	Река Раучуа	Силуэтная многокомпонентная выкладка	То же	700±55	725–555	1225–1325 AD	Первая публикация
7	МАГ-2278	Ручей Кэнылин	Кучерог	То же	715±150	965–500	990–1455 AD	Первая публикация
8	МАГ-917	Могильник вблизи села Лаврентия	Контурная овальная выкладка	Уголь	800±50	895–660	1055–1295 AD	Диков, 1993
9	МАГ-2057	Комплекс Чаанай	Кучерог	Рог, <i>Rangifer tarandus</i>	875±90	955–670	995–1285 AD	Первая публикация
10	МАГ-2293	Река Юрумкувеем	Силуэтная прямоугольная выкладка	Кость, <i>Rangifer tarandus</i>	885±160	1175–550	775–1400 AD	Первая публикация
11	МАГ-2294	Река Юрумкувеем	Силуэтная овальная выкладка	То же	1090±250	1515–560	435–1390 AD	Первая публикация
12	МАГ-2216	Река Раучуа	Силуэтная овальная выкладка	Кость, рог, <i>Rangifer tarandus</i>	1125±75	1270–910	680–1040 AD	Первая публикация
13	МАГ-2295	Река Юрумкувеем	Силуэтная овальная выкладка	Кость, <i>Rangifer tarandus</i>	1200±165	1400–750	555–1200 AD	Первая публикация
14	МАГ-1256	Верховье реки Омолон	—	Уголь	1510±75	1535–1295	415–655 AD	Воробей, 2002
15	МАГ-2213	Комплекс Устьево	Силуэтная округлая выкладка	Кость, <i>Rangifer tarandus</i>	1905±170	2310–1415	360BC–535 AD	Первая публикация
16	МАГ-902	Раучуавытгытгын I, кольцевая жилищная выкладка, очаг	Контурная кольцевая выкладка	Уголь	2500±100	2760–2345	815–395 BC	Кирьяк, 2005
17	МАГ-2056	Комплекс Чаанай	Силуэтная прямоугольная выкладка	Рог, <i>Rangifer tarandus</i>	3635±100	4245–3645	2295–1700 BC	Первая публикация
18	МАГ-1257	Ритуальный комплекс на реке Омолон	Кольцевая контурная выкладка (очаг)	Уголь	5250±850	7985–3990	6035–2040 BC	Воробей, 1991

* Дата может выходить за пределы допустимого диапазона.

и побережье Охотского моря (Арутюнов и др., 1982. С. 12; Орехов, 2001. С. 27; Кирьяк (Дикова), 2005. С. 47; Schledermann, 1990; Stewart et al., 2000; Valtonen, 2006). В одном из предполагаемых хранилищ, на памятнике Устьевоу, обнаружены предметы чукотской утвари, датируемой, вероятно, первой половиной XX в. Интерпретация и датирование подобных сооружений являются научной проблемой для всей циркумполярной Арктики (Шахнович, 2021; Шумкин и др., 2006. С. 50–52; Valtonen, 2006; Stewart et al., 2000; Andersen et al., 2006).

В Северо-Восточной Азии, в отличие от Северной Америки, неизвестны конструкции или модифицированные людьми природные объекты, используемые для загонной или пассивной охоты в местах массовой миграции северного оленя (коруали и загонные системы, ловчие ямы, скрадки, каменные имитации охотников и др.). Интерпретация единственной определенной как охотничий скрадок конструкции основана на морфологическом сходстве со сложениями, описанными для США и Канады (Friesen, 2013; Labelle, Pelton, 2013). В пользу предложенной интерпретации свидетельствует и расположение объекта. Однако выделение такого типа памятников на рассматриваемой территории требует выявления большего количества схожих сложений.

Остальные типы конструкций можно определить как ритуальные или погребальные сооружения. Процесс трансформации персональной могилы в общинный ритуальный объект — кучерог — был подробно описан В. Г. Богоразом (Богораз, 1939 С. 191–193). Выраженное предпочтение использования в кучерогах рогов убитых диких оленей и присутствие в сложениях рогов лося наводит на мысль о трансформации древнего ритуала, сформировавшегося до развития оленеводства. Проблемой остается возможность лишь косвенного датирования кучерогов без их разрушения. Существующая серия радиоуглеродных дат по образцам из кучерогов (955–507 кал. лет назад, табл. 2, 2, 7, 9), с учетом указанных ограничений на пробоотбор, позволяет предположить, что традиция их создания появилась на рубеже I и II тысячелетий нашей эры или ранее.

Овальные контурные выкладки с соседствующими арочными контурами и расположенными рядом кучами оленьих рогов соответствуют описаниям погребений чукчей-олленеводов (Богораз, 1939). Схожие конструкции были описаны в восточной части Чукотки (Диков, 1993), но для выкладок в западной части характерно более компактное размещение с южной стороны дополни-

тельной структуры из камней. Вероятно, в этом можно видеть локальный вариант обряда.

Силуэтные подпрямоугольные и овальные выкладки из камней с парами рогов, уложенных в виде елочки, описывались Н. Н. Диковым и М. А. Кирьяк как ритуальные погребения рогов оленя (Диков, 1977; Кирьяк (Дикова), 2005).

Для прямоугольных контурных выкладок не найдено аналогий в этнографической и археологической литературе по Чукотке. Эти объекты не могут быть остатками палаток геологов первой половины XX в., поскольку рядом с ними отсутствует какой-либо мусор или предметы соответствующего возраста.

Объекты разных типов и, вероятно, возраста часто расположены рядом в группах. Это свидетельствует о том, что хотя в результате культурных изменений некоторые типы конструкций утрачивали со временем свое первоначальное назначение, но они оставались значимыми маркерами в культурном ландшафте.

Наиболее длинный хронологический интервал (4245–549 кал. лет назад) предполагается для традиции сооружения силуэтных конструкций разных форм. Самая ранняя дата для прямоугольных силуэтных выкладок (табл. 2, 17) указывает на неолитический возраст этой традиции. Схожие объекты на памятнике «Ритуальный комплекс на р. Омолон» на основании типологии и датирования (табл. 2, 18) были отнесены ко времени перехода от ымыяхтахской к белькачийской культурной традиции, то есть к концу III — началу II тыс. до н. э. (Воробей, 1991).

Заключение

Анализ сложений из камня и парных рогов оленя на западе Чукотки с использованием для классификации формальных морфологических критериев позволил выделить типы конструкций, использовавшиеся в разных видах хозяйственной и ритуальной деятельности, как в отдаленном прошлом, так и до настоящего времени. Большинство обсуждаемых конструкций находит аналогии на востоке Чукотки и в других регионах Арктики.

Изучение морфологии каменных обкладок каркасных жилищ дало возможность предположить использование населением западной и центральной областей Чукотки в прошлом жилища, отличного по размерам и конструкции от традиционной яранги. Такая конструкция — типа чума — могла использоваться на протяжении нескольких тысяч лет вплоть до недавнего прошлого,

но не была зафиксирована в этнографических наблюдениях.

Выделен новый для Западной Чукотки тип конструкций — контурные подпрямоугольные кладки неясного назначения с подчеркнутыми длинными боковыми сторонами и углами. Вероятно, в будущем такие конструкции будут выявлены и на сопредельных территориях.

Отмечен локальный вариант овальных контурных конструкций (могильных выкладок) с компактно размещенной с южной стороны структурой из камней, отличный от описанного для Восточной Чукотки.

Интерпретация структуры, определенной как охотничий скрадок, остается под сомнением, пока на Северо-Востоке Азии не будут выявлены другие подобные объекты.

Полученные радиоуглеродные даты позволили уточнить предполагаемый временной диапазон бытования некоторых типов сложений, а для кучерогов существенно расширить его. Стоит отметить, что до настоящего времени для плоских силуэтных конструкций не было получено радиоуглеродных дат моложе 600 кал. лет назад, хотя датирование было выполнено практически для всех выделенных групп памятников этого типа. Можно предположить, что этот возраст близок к верхней хронологической границе традиции создания силуэтных каменных выкладок, хотя нельзя исключить, что с появлением новых датировок она будет пересмотрена.

Очевидно, что имеющийся корпус радиоуглеродных дат недостаточен для разработки надежной хронологии для всех выделенных типов конструкций, и необходима реализация планомерной программы датирования. Сохранность костного

материала и угля в большинстве конструкций позволяет рассчитывать на обеспеченность такого исследования образцами, хотя длительное экспонирование на поверхности и активные биогенные процессы требуют повышенного внимания и критического подхода к пробоотбору.

Некоторые из охарактеризованных типов ритуальных и погребальных конструкций, как и сами связанные с ними ритуалы, достаточно хорошо документированы в опубликованных этнографических источниках и частично подтверждаются нашими полевыми наблюдениями и результатами интервьюирования местных жителей. Однако функция большинства таких (как и многих хозяйственно-бытовых) объектов остается неясной. Решение этого вопроса требует дальнейшего поиска этнографических и археологических аналогий и, конечно, проведения археологических раскопок. Последние также необходимы для получения данных для культурной атрибуции сложений и надежных образцов для радиоуглеродного датирования. Следует, однако, учитывать, что хотя многие современные чукчи-оленоводы Западной Чукотки отрицают связь древних ритуальных сооружений с культурой их предков, они хранят представления о значимости этих объектов, что накладывает серьезные этические ограничения на возможности их археологического изучения.

Предпринятое исследование каменных и костяных сложений западной части Чукотки показало продуктивность использованного подхода и перспективность его применения для изучения таких объектов в других регионах Арктики и за ее пределами.

Статья поступила в редакцию 7 ноября 2025 г.

Арутюнов и др., 1982 — Арутюнов С. А., Крупник И. И., Членов М. А. «Китовая аллея». Древности островов пролива Сенявина. М.: Наука, 1982. 175 с.

Богораз, 1939 — Богораз В. Г. Чукчи. Ч. II: Религия / Авториз. пер. с англ. под ред. Ю. П. Францова. Л.: Изд-во Главсевморпути, 1939. XII, 196 с., 6 вкл. л. ил.

Богораз, 1991 — Богораз В. Г. Материальная культура чукчей. М.: Наука, Гл. ред. восточной литературы, 1991. 224 с.

Вдовин, 1977 — Вдовин И. С. Религиозные культы чукчей // Памятники культуры народов Сибири и Севера (вторая половина XIX — начало XX в.): Сб. ст. Т. 33. Л.: Наука, 1977. С. 117–171.

Воробей, 2002 — Воробей И. Е. Каменные выкладки (кластоформы) на крайнем северо-востоке Азии.

История и культура Востока Азии // Материалы междунар. науч. конф. (Новосибирск, 9–11.12.2002). Т. 2 / Отв. ред. С. В. Алкин. Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 2002. С. 45–48.

Воробей, 1991 — Воробей И. Е. Ритуальный памятник в верховьях Омолона // Краевед. Записки. Магадан, 1991. Вып. 17. С. 117–124.

Галанин, 1991 — Галанин А. В. Флора и ландшафтно-экологическая структура растительного покрова. Владивосток: ДВО АН СССР, 1991. 272 с.

Гурвич, 1977 — Гурвич И. С. Чукотские рисунки на яранге // Известия СО АН СССР. 1977. № 1, вып. 1. С. 83–86.

Гусев и др., 2010 — Гусев С. В., Загоруйко А. В., Макаров И. В., Мольс Н. В. Святилище на р. Туолба

- (Алданский район, Республика Саха (Якутия) // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. Томск: Изд-во Томского ГУ, 2010. С. 145–146.
- Данилов, 2021 — Данилов Г. К. Морфология наземных жилищ Западной Чукотки: от мезолита к современности // Известия Самарского научного центра РАН. Исторические науки. 2021. Т. 3, № 4 (12). С. 132–141.
- Диков, 1977 — Диков Н. Н. Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы. Азия на стыке с Америкой в древности. М.: Наука, 1977. 391 с.
- Диков, 1993 — Диков Н. Н. Азия на стыке с Америкой в древности (Каменный век Чукотского полуострова). СПб.: Наука, 1993. 304 с.
- Кирьяк, 1993 — Кирьяк М. А. Археология Западной Чукотки. М.: Наука, 1993. 224 с.
- Кирьяк (Дикова), 2005 — Кирьяк (Дикова) М. А. Каменный век Чукотки (новые материалы) / Под ред. Д. Л. Бродянского. Магадан: Кордис, 2005. 254 с.
- Кирьяк и др., 2003 — Кирьяк М. А., Глушкова О. Ю., Браун Т. А. Верхнепалеолитические комплексы долины реки Тытыльваам (Заполярная Чукотка) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. № 3. С. 2–15.
- Кузнецова, 1957 — Кузнецова В. Г. Материалы по праздникам и обрядам амгуэмских оленних чукчей // Труды института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Т. XXXV. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957 (Новая серия). С. 263–326.
- Орехов, 2000 — Орехов А. А. Каменные и костяные конструкции Северо-Востока Азии // Культурное наследие народов Сибири и Севера: Материалы IV Сибирских чтений (С.-Петербург, 12–14.10.1998) / Отв. ред. Е. Г. Федорова. СПб.: МАЭ РАН, 2000. С. 63–69.
- Орехов, 2001 — Орехов А. А. Северная Пацифика в голоцене (проблемы приморской адаптации): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. 07.00.06 — археология / ИИМК РАН. СПб.: [б. и.], 2001. 48 с.
- Перевалова, Куканов, 2018 — Перевалова Е. В., Куканов Д. В. Мобильное жилище чукчей-оленоводов: традиции и новации // Уральский исторический вестник. 2018. № 3 (60). С. 40–49.
- Слободин, 2012 — Слободин С. Б. Северочукотская неолитическая культура Севера Дальнего Востока (генезис, хронология, ареал) // Вестник Северо-Восточного научного центра ДВО РАН. 2012. № 2. С. 110–122.
- Слободин, 2014 — Слободин С. Б. Уолбинская традиция пластинчатых наконечников (Северо-Восток России) // Вестник Северо-Восточного научного центра ДВО РАН. 2014. № 2. С. 110–119.
- Слободин, Гейбл, 1996 — Слободин С. Б., Гейбл Т. Первые археологические памятники в Омсукчанском районе на Верхней Колыме // Археологические исследования на Севере Дальнего Востока (по данным Северо-Восточно-Азиатской комплекс. археол. экспедиции): Сб. ст. / Отв. ред. М. А. Кирьяк, А. А. Орехов. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1996. С. 66–77.
- Тархов, 1958 — Тархов В. С. Древний памятник // Записки Чукотского краеведческого музея. Вып. 1 / Под ред. Н. Н. Дикова. Магадан: Книжное изд-во, 1958. С. 98–99.
- Цыганкова и др., 2017 — Цыганкова В. И., Вартанян С. Л., Данилов Г. К., Скрипкин В. В. О возможности применения хлопковой ваты в качестве вторичного радиоуглеродного стандарта // Вестник Северо-Восточного научного центра ДВО РАН. 2017. № 2. С. 20–23.
- Шахнович, 2021 — Шахнович М. М. Валунные ямы Беломорья // Труды Кольского научного центра РАН. 2021. Т. 12, № 4 (21). С. 104–125.
- Шумкин и др., 2006 — Шумкин В. Я., Мурашкин А. И., Колпаков Е. М. Археологические памятники о. Кильдин и прилегающего участка побережья Кольского полуострова // Первобытная и средневековая культура Европейского Севера: проблемы изучения и научной реконструкции: Материалы Междунар. науч. конф. Соловки: СОЛТИ, 2006. С. 42–52.
- Andersen et al., 2006 — Andersen R., Jordhøy P., Bergstahl J., Fossum A., Olsen J. Wild Reindeer Hunting as World Heritage. Unpublished Report for the Standing Committee for Power and the Environment, Norwegian Parliament. 2006. 126 p.
- Bang-Anderson, 2003 — Bang-Anderson S. Encircling the living space of early Postglacial reindeer hunters in the interior of Southern Norway // Mesolithic on the Move / Eds. H. Kindgren, K. Knutsson, D. Loeffler, A. Åkerlund. Oxbow Books (Oxford), 2003. P. 193–204.
- Bronk Ramsey, 2021 — Bronk Ramsey C. OxCal 4.4.4, 2021 [electronic resource] // URL: <https://c14.arch.ox.ac.uk/oxcal/OxCal.html> (accessed: 28.11.2025).
- Carlson, Bement, 2013 — Carlson K., Bement L. C. Organization of Bison Hunting at the Pleistocene / Holocene transition on the plains of North America // Quaternary International. 2013. Vol. 297. P. 93–99.
- Friesen, 2013 — Friesen T. M. The impact of weapon technology on caribou drive system variability in the Prehistoric Canadian Arctic // Quaternary International. 2013. Vol. 297. P. 13–23.
- Kiryak, 2006 — Kiryak M. A. Archaeological Complexes of the Pleistocene-Holocene Boundary in Western Chukotka (Tytylvaam River Valley) // Archaeology in Northeast Asia: On the Pathway to Bering Strait. Eugene: Museum of Natural and Cultural History, University of Oregon, 2006 (University of Oregon Anthropological; Papers No. 65 / Eds. D. E. Dumond, R. L. Bland). P. 25–41.
- Labelle, Pelton, 2013 — Labelle J. M., Pelton S. R. Communal Hunting along the continental divide of Northern

- Colorado: results from the Olson Game Drive (5BL147), USA // *Quaternary International*. 2013. Vol. 297. P. 45–63.
- Lee, Reinhardt, 2003 — Lee M., Reinhardt G. Eskimo Architecture: Dwelling and Structure in the Early Historic Period. Fairbanks: University of Alaska Press, 2003. 216 p.
- Reimer et al., 2020 — Reimer P., Austin W., Bard E., Bayliss A., Blackwell P., Bronk Ramsey C., Butzin M., Cheng H., Edwards R., Friedrich M., Grootes P., Guilderson T., Hajdas I., Heaton T., Hogg A., Hughen K., Kromer B., Manning S., Muscheler R., Palmer J., Pearson C., van der Plicht J., Reimer R., Richards D., Scott E., Southon J., Turney C., Wacker L., Adolphi F., Büntgen U., Capano M., Fahrni S., Fogtmann-Schulz A., Friedrich R., Köhler P., Kud S., Miyake F., Olsen J., Reinig F., Sakamoto M., Sookdeo A., Talamo S. The IntCal20 Northern Hemisphere radiocarbon age calibration curve (0–55 cal kBP) // *Radiocarbon*. 2020. Vol. 62. P. 725–757.
- Schledermann, 1990 — Schledermann P. Crossroads to Greenland: 3000 Years of Prehistory in the Eastern High Arctic. Calgary, AB: Arctic Institute of North America of the University of Calgary, 1990. 364 p.
- Solovyeva et al., 2017 — Solovyeva D. V., Paruk J. D., Tash J., Vartanyan S. L., Danilov G. K., Pospekhov V. V., Evers D. C. Post-Breeding Densities, Population sizes and Lake Size Partitioning of Loon Species in Western Chukotka, Russia // *Contemporary Problems of Ecology*. 2017. Vol. 10, no. 6. P. 621–631.
- Sørensen, 2012 — Sørensen M. Walrus Island — a pivotal place for high Arctic palaeo-Eskimo societies in Northeast Greenland // *Etud Inuit*. 2012. No. 36. P. 183–205.
- Stewart et al., 2000 — Stewart A. M., Friesen T. M., Keith D., Henderson L. Archaeology and oral history of Inuit land use on the Kazan River, Nunavut: A feature-based approach // *Arctic*. 2000. Vol. 53 (3). P. 260–278.
- Tremayne, 2007 — Tremayne A. Tent Ring Archaeology in Gates of the Arctic National Park and Preserve. 2007 [electronic resource] // URL: <https://www.nps.gov/articles/-articles-aps-v8-i1-c3.htm> (accessed: 26.01.2024).
- Valtonen, 2006 — Valtonen T. Saami food caches in the Báišduottar-Paistunturi area, northern Finnish Lapland // *People, Material culture and Environment in the North. Proceedings of the 22nd Nordic Archaeological Conference University of Oulu (18–23.08. 2004) / Toim.* V.-P. Herva. 2006 (*Studia humaniora Ouluensia*; № 1). P. 64–74.
- Wilke, 2013 — Wilke P. J. The Whisky Flat pronghorn trap, Mineral County, Nevada, western United States: preliminary report // *Quaternary International*. 2013. Vol. 297. P. 79–92.
- Wilson, Slobodina, 2007 — Wilson A., Slobodina N. Two Northern Archaic Tent Ring Settlements at Agiak Lake, Central Brooks Range, Alaska // *Alaska Journal of Anthropology*. 2007. Vol. 5 (1). P. 43–60.

Stone and antler constructions in western Chukotka: classification, interpretation, and chronology

G. K. Danilov, S. L. Vartanyan, V. I. Tsygankova, D. V. Gerasimov³

Keywords: stone and antler constructions, tundra hunters, reindeer herders, burial, dwelling, Chukotka, kucherog

Stone and antler (animal bone) structures located far from settlements rarely come to the attention of researchers, despite being a key component of the cultural landscape of Chukotka and many other Arctic regions. Over more than 10 years of fieldwork in western Chukotka, 149 structures of various types were identified and documented. The objects were classified by morphological features, and a functional interpretation for the identified structure types was proposed based on ethnographic analogies as well as the archaeological and geomorphological context. 12 radiocarbon dates were obtained for all types of objects, significantly expanding the body of dating data for stone and antler structures in Western Chukotka. Most of them range in age from the mid-1st mill. BC to the present day, but some date back to the early 3rd mill. BC and earlier. The applied methodological approach is high-potential for studying ancient stone and antler structures in other parts of the Arctic and beyond.

³ Gleb K. Danilov, Dmitriy V. Gerasimov — Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the *Kunstkamera*) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg; e-mail: gleb.danilov.spb@gmail.com, dger@kunstkamera.ru. Sergey L. Vartanyan, Valeria I. Tsygankova — North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute for Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences; e-mail: sergey-vartanyan@mail.ru, tsygankova.valeriya@mail.ru.

Новые данные о глазковской погребальной традиции в предгорьях Восточного Саяна (Южное Приангарье)

В. И. Базалийский, А. М. Кузнецов, Д. Н. Молчанов¹

Аннотация. В статье всесторонне проанализировано новое погребение глазковской традиции раннего бронзового века из могильника Усть-Тойсук, расположенного в предгорьях Восточного Саяна. Зафиксирован богатый сопроводительный инвентарь и атипичная для «глазковцев» ориентация скелета вверх по течению р. Китой, что может указывать на периферийный характер этого могильника.

Ключевые слова: Байкальская Сибирь, Восточный Саян, ранний бронзовый век, глазковская погребальная традиция, постпогребальные нарушения, надмогильная кладка, изделия из нефрита

DOI 10.31600/1817-6976-2026-50-31-42

Введение

В долине р. Китой (Южное Приангарье) на сегодня известны четыре могильника, из которых наиболее изученным является Китойский некрополь², расположенный на левом приустьевом участке долины Китоя. В результате раскопок 1880–1881, 1936, 1957 и 1975 гг. на нем было зафиксировано 33 погребения раннего неолита и одно — раннего железного века (Витковский, 1880; Окладников, 1950; Хороших, 1979; Указатель..., 1991). На противоположном, правом, приустьевом участке Китоя находился могильник на станции Суховской, который на момент открытия в 1964 г. был полностью разрушен, но на основе собранного подъемного материала был отнесен к раннему неолиту (Георгиевская, 1989). Выше по течению, в 30 км от устья, на правом берегу Китоя расположен могильник Стрельбище, обнаруженный в 1988 г.; на сегодня здесь исследованы три погребения раннего бронзового века (Дзюбас, 2004).

Четвертый некрополь, могильник Усть-Тойсук, находится в предгорьях Восточного Саяна — значительно выше по течению (≈78 км от устья Китоя) на левом приустьевом мысу р. Тойсук. Первое погребение (могила 1) здесь исследовано в 1987 г. Под кладкой из песчаниковых плит был зафиксирован вытянутый на спине скелет взрослого индивида, ориентированный головой на северо-запад; между бедренными костями на песчаной плитке находились остатки черепа младенца, ориентированного на юго-восток — противоположно скелету взрослого. По ряду признаков — надмогильной кладке, ориентации скелетов, погребальному инвентарю — погребение было предварительно отнесено к глазковской культуре раннего бронзового века. Полевая документация не сохранилась, информация о раскопках опубликована в тезисной форме (Дзюбас, Задонин, 1987б).

В 2024 г. в ходе работ по инвентаризации археологическим отрядом Иркутского гос. университета и НПО «Экспертиза» (А. М. Кузнецов, Д. Н. Молчанов, В. И. Базалийский) на могильнике Усть-Тойсук было выявлено еще одно погребение (могила 2). Цель настоящей статьи — введение в научный оборот результатов его изучения: геоморфологических, стратиграфических, планиграфических, антропологических характеристик и анализа погребального инвентаря. На основе этих материалов рассмотрены культурно-хронологическая атрибуция нового комплекса и его

¹ Иркутский государственный университет, Иркутск; e-mail: bazalirk@yandex.ru, golos_siberia@list.ru, dmi_molchanov@mail.ru.

© Базалийский В. И., Кузнецов А. М., Молчанов Д. Н., 2026

² Некоторые исследователи выделяют из состава Китойского некрополя могильник Ярки (Указатель..., 1991), однако последний является лишь сохранившейся до XX в. группой погребений этого большого некрополя.

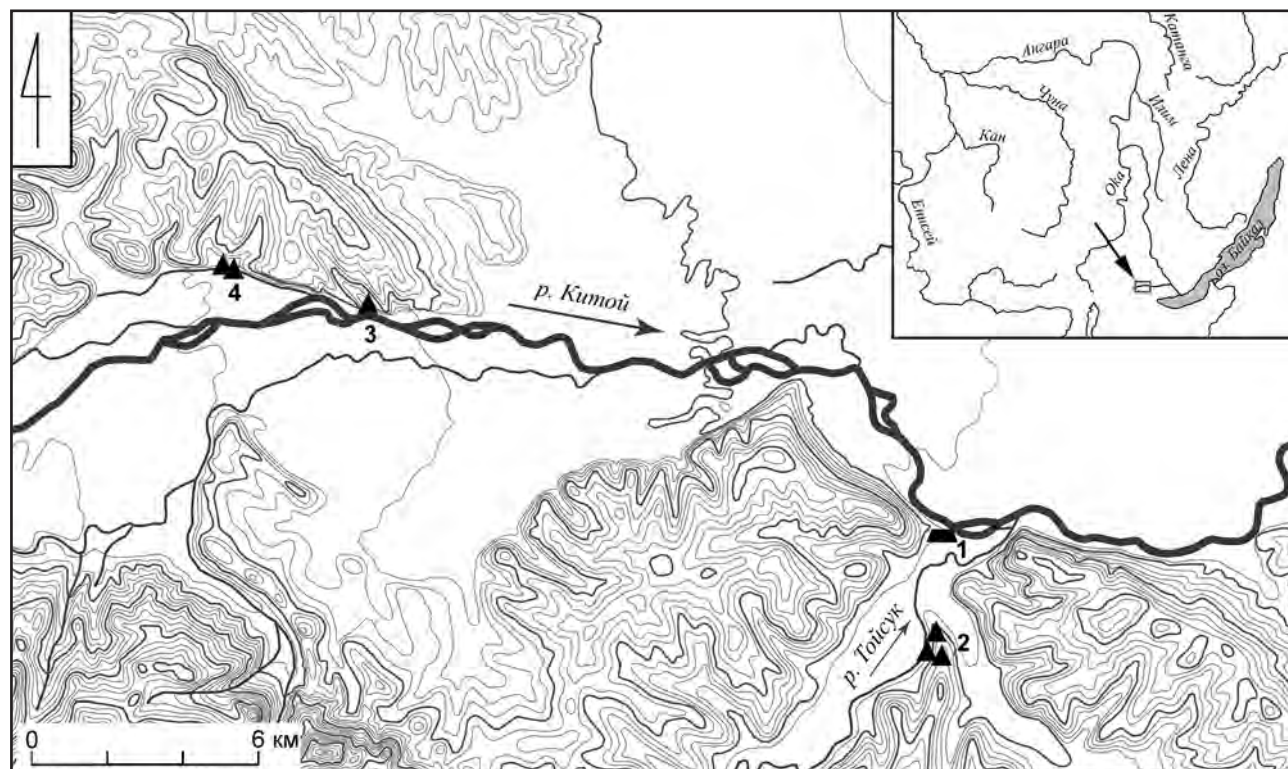

Рис. 1. Карта-схема расположения археологических объектов в предгорьях Восточных Саян: 1 — могильник Усть-Тойсук; 2 — стоянки Тойсук 1–3; 3 — стоянка Раздолье (2-й распадок); 4 — стоянки Харахун 1, 2

Fig. 1. Map of the location of archaeological sites in the Eastern Sayan foothills: 1 — Ust-Toysuk burial ground; 2 — Toysuk sites 1–3; 3 — Razdolye site (2nd cleavage); 4 — Kharakhun sites 1 and 2

место в системе погребальных традиций Южного Приангарья.

Геоморфологическое положение и стратиграфия

Могильник Усть-Тойсук расположен на левом приустьевом мысу р. Тойсук (рис. 1). Река берет свое начало в северо-восточных отрогах Передового хребта Восточного Саяна, являясь крупнейшим правым притоком Китоя. В орографическом отношении бассейн Тойсука делится на две части: предгорную (нижнее течение) и среднегорную (верхнее течение). В районе устья абсолютная высота бассейна составляет ≈ 500 м над уровнем моря.

Поверхность, на которой расположен могильник, является участком языковидной приустьевой возвышенности, отделяющей северный участок долины Тойсука от долины Китоя. Северо-западная сторона этой возвышенности (водораздел) круто обрывается к пойме правого берега Китоя. Противоположная сторона представляет собой среднепологий склон юго-восточной экспозиции, переходящий в высокую пойму левобережья устьевой части Тойсука. Со стороны долины

Китоя фиксируются небольшие участки высокой и средней поймы, поросшие ивняком и средним подлеском. В юго-восточной части поверхность нарушена чашеобразной эрозионной выемкой с задернованным обвальным склоном с наклоном $\approx 70\text{--}80^\circ$, обращенным в долину Китоя. Линейные размеры нарушения — более 100 м. По южной и юго-западной частям приустьевой поверхности проходит лесная дорога, на пологом склоне располагается заброшенная пашня, в районе спуска поверхности к пойме Тойсука — заимка охотников.

Могила 1 (1987 г.) зафиксирована в западной части могильника, у подножия водораздельного массива, на высоте около 12 м над урезом Тойсука, судя по топографическому плану, составленному автором раскопок в 1998 г. (Дзюбас, Луньков, 1999). Ее точное местонахождение установить не удалось. Могила 2 (2024 г.) обнаружена примерно в 350–400 м к востоку, ниже по склону. Высота поверхности над урезом Тойсука составила ≈ 8 м.

Обе могилы обнаружены при визуальном обследовании лесной дороги. Можно полагать, что в обоих случаях техногенным воздействием транспорта был снят закрепляющий почвенно-

Таблица 1. Строение верхней части рыхлых отложений на территории могильника Усть-Тойсук (нумерация слоев сверху вниз)

Table 1. Structure of the upper part of loose deposits at the Ust-Toysuk burial ground (layers' numbering from top to bottom)

№ слоя	Характеристики и генезис	Мощность, м	Глубина залегания кровли, м
1	Почвенно-дерновый слой	0,1–0,2	0,0
2	Черный гумусированный суглинок, средний, комковатый, насыщенный корнями растений; нижняя граница мелкоязычковатая; позднеголоценовая (SA, SB) компрессионная пачка делювиального генезиса	0,2–0,3	0,1–0,2
3	Буроватый суглинок, средний, нижняя граница нечеткая, местами язычковатая; среднеголоценовые отложения делювиального генезиса, соответствующие атлантическому оптимуму (AT)	0,2–0,3	0,3–0,5
4	Желто-коричневый суглинок, средний, влажноватый, нижняя граница неровная, четкая по цвету и составу; раннеголоценовые отложения (BO, PB) делювиального генезиса	0,2–0,4	0,5–0,8
5	Серо-коричневая средняя лессовидная супесь, в кровле следы слабой карбонатизации; слаборасчленяемые средне- и финальносарганские отложения (Sr4, Sr3), генезис эоловый	От 0,2	0,7–1,2

дерновый покров. Подстилающие суглинки из-за стока талых и дождевых вод постепенно размывались, что привело к обнажению верхних камней надмогильной кладки, хорошо различимых на дорожном полотне.

Наряду с визуальным обнаружением кладки в 2024 г. по всей поверхности приустьевой возвышенности было заложено восемь разведочных шурфов. В ходе работ новые погребения не обнаружены, однако был подтвержден единый стратиграфический стратотип территории (строение голоценовой и финальноплейстоценовой толщи на территории некрополя — табл. 1).

Результаты работ 2024 г.

На месте обнаружения элементов каменной кладки в полотне дороги был заложен раскоп размерами 3 × 4 м, ориентированный по линии склона (рис. 2; 3). Кладка, залегающая практически на поверхности на глубине 0,00–0,05 м от уровня дороги (рис. 2, I), имела бесформенные очертания, вытянутые по линии северо-запад–юго-восток, и была сложена из окатанных валунов средних размеров, вероятно, принесенных с берега Китая.

В северо-западной части кладки на глубине 0,05–0,07 м выявлена верхняя часть могильной ямы, заполненная буроватым суглинком с обильной гумусной примесью. Из-за разрушения верхних позднеголоценовых отложений (слой 2) заплечики ямы не прослеживались. Всего над ямой и в непосредственной близости от нее находилось 20 валунов, при этом примерно половина камней располагалась за пределами контура ямы,

с ее юго-восточной стороны. Можно предположить, что кладка, первоначально находившаяся в позднеголоценовых отложениях, в результате современного техногенного воздействия автотранспорта оказалась частично вдавлена и «спроецирована» в нижележащий среднеголоценовый слой (слой 3).

Могильная яма в плане имеет овальную форму и ориентирована по линии северо-запад–юго-восток (рис. 2, II, III). Ее размеры на уровне погребения составили: длина — 1,84 м, ширина — 0,69 м, глубина — 0,30–0,40 м от поверхности дороги. В верхней части северо-западного сектора зафиксирован зольник овальной формы (0,64 × 0,37 м, мощностью 0,06 м), совпадающий по ориентации с ямой. Сам зольник находился внутри более крупного гумусированного пятна бурого цвета (1,45 × 0,57 м), повторявшего очертания ямы. В ходе раскопок концентрация гумуса в заполнении ямы резко возрастала по мере углубления (рис. 2, IV), а контуры ямы на всем протяжении четко прослеживались на фоне светлого желто-коричневого суглинка (слой 4).

При расчистке кладки обнаружены артефакты, предположительно залегавшие в перемещенном положении, что может быть связано с нарушением целостности могилы. В 0,45 м к северу от кладки на глубине 0,09 м найден фрагмент кольца глазковского типа из белого нефрита (рис. 4, 5). В пределах ямы на глубине 0,15–0,30 м зафиксированы: в юго-восточной части — семь кремневых отщепов; у юго-западной стенки ямы — топор из зеленого нефрита (рис. 4, I).

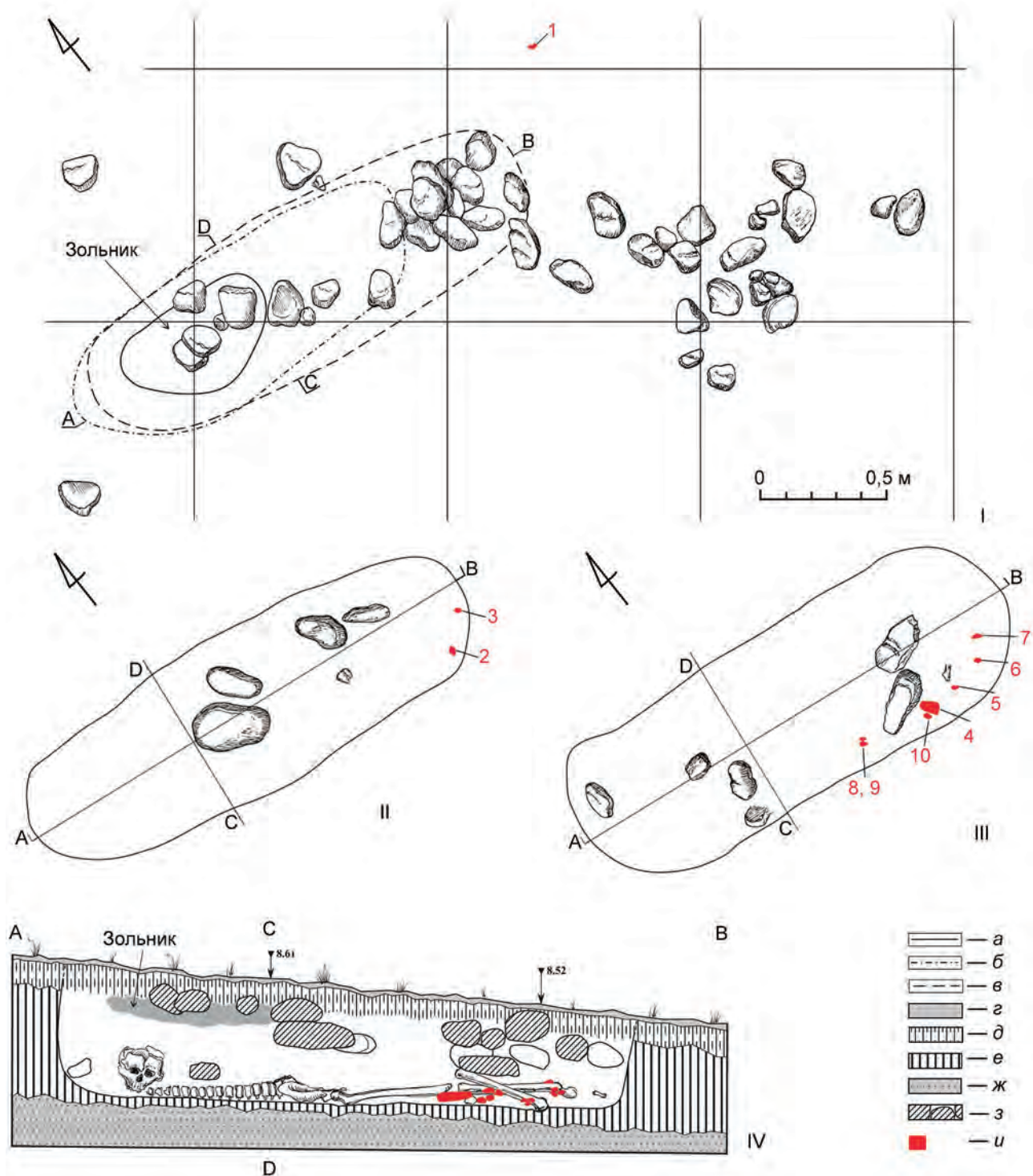

Рис. 2. Могильник Усть-Тойсук, могила 2. Планиграфия надмогильной и внутримогильной конструкции: I-III — первый, второй и третий уровни расчистки; IV — продольный разрез и стратиграфия могилы (а — контур зольника, б — контур гумусированного пятна, в — контур могильной ямы, г-ж — слои 2-5, з — камни, и — находки)

Fig. 2. Ust-Toysuk burial ground, grave 2. Planigraphy of the above- and inside-grave structures: I-III — first, second, and third clearing levels; IV — longitudinal section and stratigraphy of the grave (a — ash pit outline, б — humus spot outline, в — grave pit outline, г-ж — layers 2-5, з — stones, и — finds)

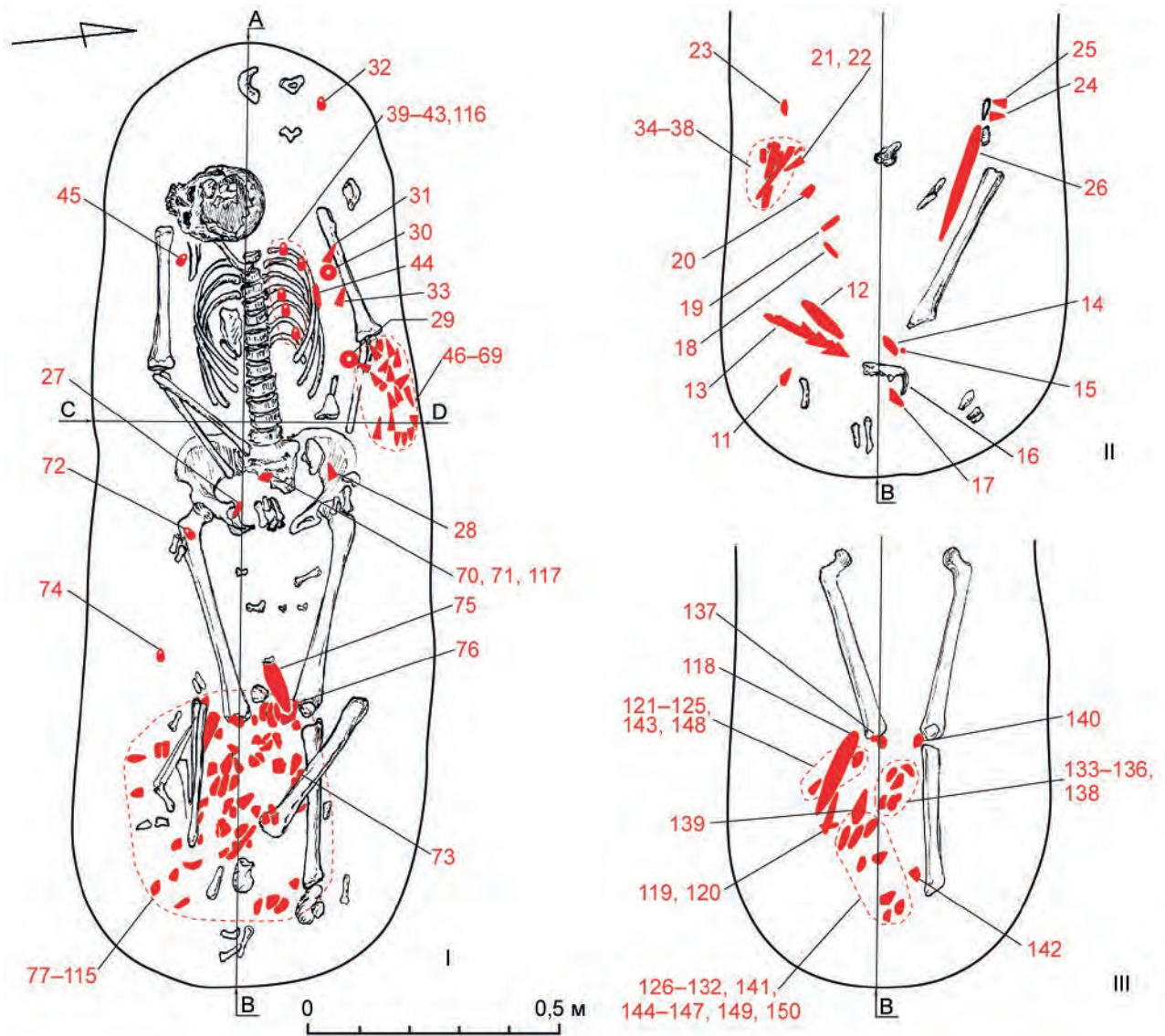

Рис. 3. Могильник Усть-Тойсук, могила 2: I — общий план; II, III — планы верхнего (II) и нижнего (III) уровней расчистки юго-восточного участка; IV — вид на расчищенное погребение. Красные арабские цифры — номера находок
 Fig. 3. Ust-Toysuk burial ground, grave 2: I — general plan; II, III — plans of the upper (II) and lower (III) levels of the southeastern section's unearthing; IV — view of the unearthed burial. Red Arabic numerals indicate finds' numbers

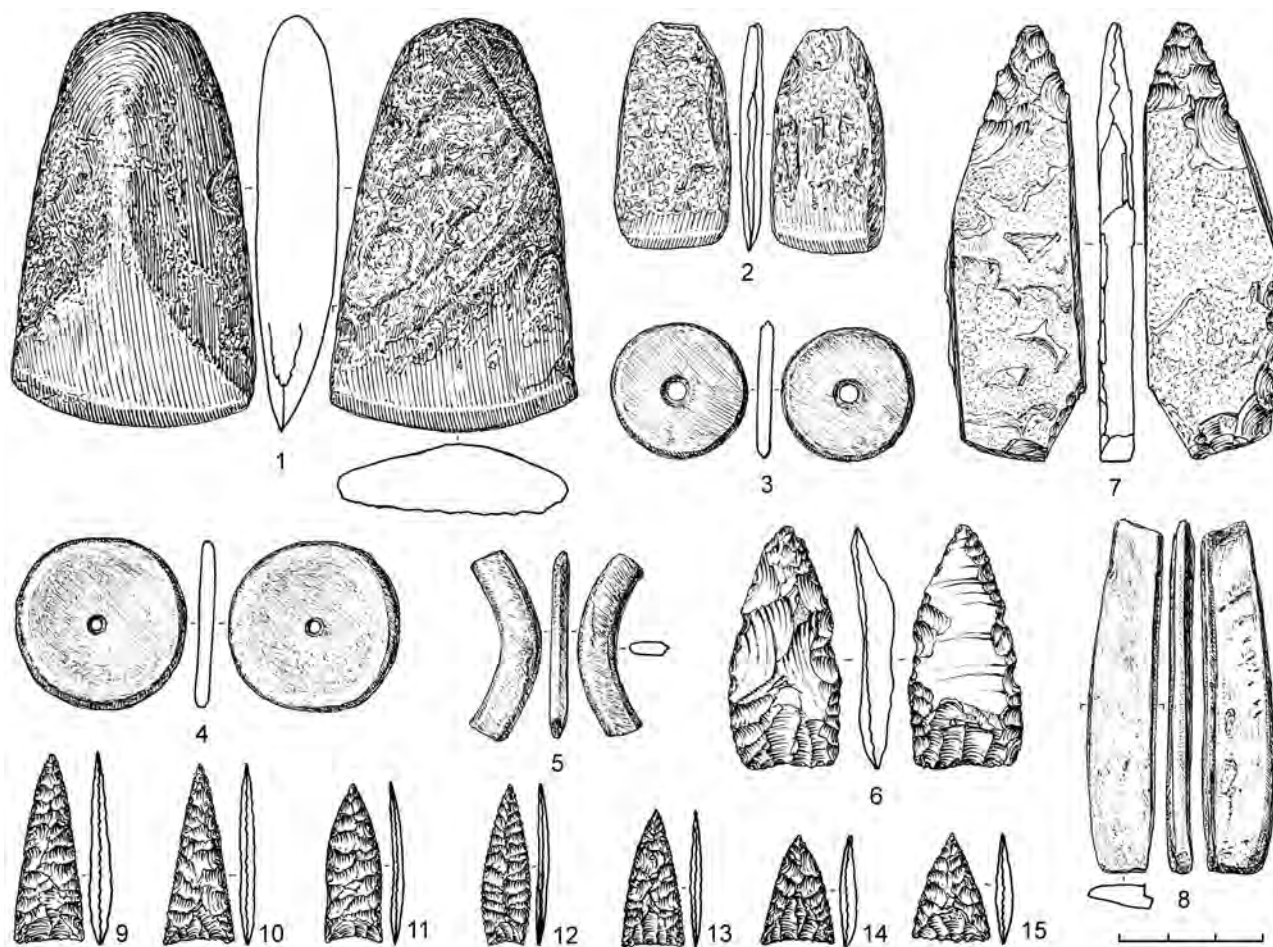

Рис. 4. Могильник Усть-Тойсук, могила 2. Погребальный инвентарь: 1 — топор (4); 2 — тесло (36); 3, 4 — диски (29, 30); 5 — фрагмент кольца (1); 6 — остроконечник (21); 7 — провертка (140); 8 — абразив (97); 9–15 — наконечники стрел (56, 31, 61, 64, 50, 52, 70) (в скобках указаны номера находок согласно рис. 2 и 3). Камень
 Fig. 4. Ust-Toysuk burial ground, grave 2. Grave goods: 1 — axe (4); 2 — adze (36); 3, 4 — disks (29, 30); 5 — ring fragment (1); 6 — point (21); 7 — cleaning rod (140); 8 — abrasive (97); 9–15 — arrowheads (56, 31, 61, 64, 50, 52, 70) (finds' numbers according to Fig. 2 and 3 are given in parentheses). Stone

Могила индивидуальная. Погребенный, взрослый мужчина (*maturus*) 35–45 лет³, был уложен на дне могильной ямы в вытянутом положении на спине, ориентирован головой на северо-запад (Az=278°), вверх по течению р. Китой (рис. 3). Анатомическая целостность скелета частично нарушена. Скелет представлен элементами средней сохранности, передние стороны дисков позвонков в основном разрушены. Аномалии на костных остатках выражены очень слабо. Череп большим затылочным отверстием лежал сверху на шейных позвонках, поперек продольной оси скелета, лице-

вым скелетом на юг. Теменные кости были частично вдавлены в мозговую коробку, по-видимому, в результате прохождения по дороге тяжелой техники. Нижняя челюсть отсутствовала.

Первое ребро лежало под северо-западной стенкой ямы, севернее — разломанный на два фрагмента шейный позвонок. Кости правой руки были согнуты в локтевом сочленении под тупым углом так, что диафизы и дистальные эпифизы локтевых костей покоились на крыле правой подвздошной кости, а кости кисти — между крестцом и лобковыми костями. Кости левой руки также были согнуты в локтевом сочленении, а локтевые кости и кисть подведены под левую седалищную кость и левое тазобедренное сочленение. Кости грудной клетки, таза и бедренные сохраняли анатомическую целостность *in situ*. Правая большая

³ Палеоантропологические определения, в том числе половозрастные, выполнены В. И. Базалийским на основе инструкции отдела полевых исследований ИА РАН (Мамонова и др., 1989).

Таблица 2. Могильник Усть-Тойсук. Погребальный инвентарь могилы 2
Table 2. Ust-Toysuk burial ground. Grave goods from grave 2

Описание	Кол-во, экз.	Материал	№ позиции на рис. 2 (1–10); 3 (11–150)
Предметы из камня (всего 119)			
Шлифованный диск	2	Зеленовато-серый нефрит	29, 30
Тесло	1	Зеленый нефрит	36
Топор	1	Зеленый нефрит	4
Шлифованное кольцо	1	Серо-белый нефрит	1
Наконечники стрел	32	Кремень, микрокварцит	24, 25, 28, 31, 33, 46–68, 70, 71, 85, 117
Остроконечник-бифас	1	Кремень	21
Провертка	1	Окремненный аргиллит	140
Абразив	1	Филлит	97
Отщепы	79	Кремень, окремненный аргиллит	2, 3, 5–11, 14, 17–20, 22, 23, 37, 38, 77–84, 86–96, 98–103, 105–113, 121–139, 141–148
Предметы из кости и рога (всего 30)			
Гарпуны	2	Рог	13, 35
Зубец гарпуна	1	Рог	149
Жало составного крючка	2	Кость	114, 120
Стерженек составного крючка	1	Кость	119
Лоцило	2	Кость	75, 118
Наконечники стрел	3	Кость	27, 44, 69
Обойма вкладышевого орудия	1	Рог	12
Острие	1	Кость	34
Подвески из клыка марала	10	Кость	32, 39–43, 45, 72, 74, 116
Фрагменты орудия из рога	3	Рог	73, 115, 150
Фрагменты орудия из кости	2	Кость	26, 104
Фрагменты челюсти бобра	2	Кость	16, 76
Предмет из металла (1)			
Фрагмент изделия	1	Бронза	15
Всего	150		

берцовая кость, проксимальным эпифизом направленная к стопам, лежала наискосок над левыми берцовыми костями; правая малая берцовая была немного смещена в правую сторону, левые берцовые располагались *in situ*. Кости стоп и голеностопов были разбросаны в области берцовых костей.

Сопроводительный инвентарь, один из самых «богатых» среди могил раннего бронзового века Южного Приангарья, состоит из 150 предметов (табл. 2), включая зафиксированные при расчистке кладки. На уровне погребения артефакты сосредоточены преимущественно в двух скоплениях. Одно располагалось в верхней части скелета, в области костей левой руки; второе — в нижней, в области берцовых костей. Небольшая часть предметов локализовалась в ассоциации с другими частями скелета.

С левой стороны левых локтевых костей находилось скопление из 23 каменных наконечников стрел (рис. 3, I; 4, 9–15). Они изготовлены в ос-

новном из кремня хорошего качества различных цветов (черного, серого, полосчатого), реже — из желто-коричневого изотропного микрокварцита. По типу все наконечники относятся к треугольным с прямой или слабоогнутой базой; длина и ширина — в пределах 17,5–41,6 × 7,4–16,7 мм. На ребрах левой стороны располагалось три подвески из клыков марала, еще семь подвесок были рассредоточены по всей яме (рис. 5, 9а, 9б). С правой стороны диафиза левой плечевой кости находился диск из светло-зеленого нефрита (рис. 4, 3). Второй, более крупный, диск из аналогичного светло-зеленого нефрита зафиксирован с правой стороны проксимальных эпифизов левых локтевых костей (рис. 4, 4). Также в верхней части скелета вне скоплений обнаружено несколько костяных и кремневых наконечников стрел (рис. 5, 2–4).

В скоплении в области берцовых костей зафиксировано 106 предметов (рис. 3, I–III). Верх

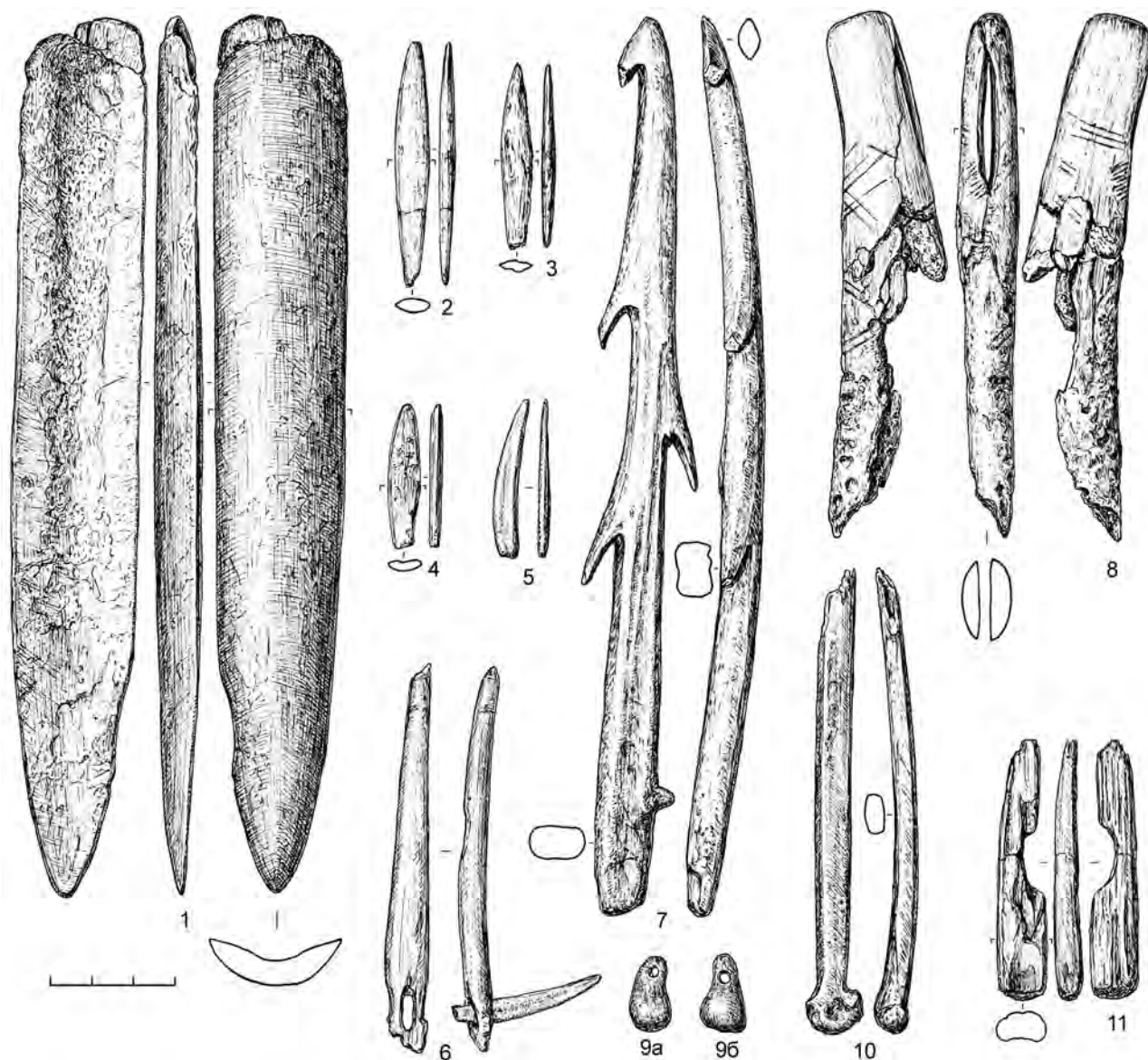

Рис. 5. Могильник Усть-Тойсук, могила 2. Погребальный инвентарь: 1 — ложило (118); 2-4 — наконечники стрел (44, 69, 27); 5 — жальце составного крючка (114); 6 — составной крючок в сборе (119, 120); 7 — гарпун (13); 8 — фрагмент обоймы составного орудия (12); 9а, 9б — подвески из зубов марала (116, 41); 10 — острие из грифельной кости (34); 11 — фрагмент костяного орудия (73) (в скобках указаны номера находок согласно рис. 2 и 3). Кость и рог

Fig. 5. Ust-Toysuk burial ground, grave 2. Grave goods: 1 — burnisher (118); 2-4 — arrowheads (44, 69, 27); 5 — point of a composite hook (114); 6 — assembled composite hook (119, 120); 7 — harpoon (13); 8 — fragment of composite tool's holder (12); 9а, 9б — pendants made of Altai deer's teeth (116, 41); 10 — point made of splint bone (34); 11 — fragment of bone tool (73) (finds' numbers according to Fig. 2 and 3 are given in parentheses). Bone and horn

Таблица 3. Могильник Усть-Тойсук. Сравнительная характеристика раскопанных погребений (данные по могиле 1 по: Дзюбас, Задонин, 1987б)

Table 3. Ust-Toysuk burial ground. Comparative characteristics of excavated burials (data on grave 1 by: Дзюбас, Задонин, 1987б)

Характеристика	Могила 1	Могила 2
Надмогильная кладка	+	+
Ориентация ямы	Северо-запад–юго-восток	Северо-запад–юго-восток
Положение индивида	На спине	На спине
Количество погребенных	2	1
Погребальный инвентарь	43 предмета, в том числе нефритовый диск с отверстием, наконечники стрел, костяное острие, подвески из клыков марала, антропоморфная скульптура из кости (?)	150 предметов, в том числе нефритовый диск с отверстием, нефритовое кольцо, нефритовое тесло, костяное острие, подвески из клыков марала, гарпуны и т. д.

скопления совпадал с уровнем приподнятой относительно остальных костей скелета правой большой берцовой кости, низ — с дном могильной ямы. В скоплении найдены предметы из кости и рога: целый и фрагментированный гарпуны из рога с отдельным отломанным зубцом (рис. 5, 7); жала из грифельной кости косули (*Capreolus pygargus*)⁴; стерженек составного рыболовного крючка глазковского типа (рис. 5, 5, 6); ложила из расщепленной вдоль трубчатой кости оленьих (рис. 5, 1); орнаментированная обойма вкладышевого составного орудия (рис. 5, 8); левая и правая ветви нижней челюсти бобра (*Castor fiber*); острие из грифельной кости косули (рис. 5, 10); фрагменты орудий (рис. 5, 11), включая одно со сквозным отверстием на конце. Предметы из камня представлены следующими орудиями: прямоугольным в сечении абразивом из филлита (глинисто-слюдистого сланца) (рис. 4, 8); теслом из светло-зеленого нефрита (рис. 4, 2); бифасиально оформленным остроконечником из кремня подтреугольной формы (рис. 4, 6); проверткой, выполненной на плитке окремненного аргиллита (рис. 4, 7); многочисленными отщепами, в том числе со следами ретуши. Единственным предметом из металла является небольшой фрагмент (5,7 × 3,8 мм) неопределимого изделия из бронзы. К этому же скоплению следует отнести и отмеченный выше топор из зеленого нефрита, зафиксированный при разборе кладки.

Обсуждение

Результаты исследований могилы 2 позволяют предположить постпогребальное вмешатель-

ство. Об этом свидетельствует тот факт, что надмогильная кладка не представляет собой цельное сооружение, имеющее определенную конфигурацию в плане с границами могильной ямы: половина камней находилась в контуре ямы, другая — за ее пределами с юго-восточной стороны, в разбросанном состоянии. В заполнении могильной ямы (внутримогильное перекрытие погребения) на разных уровнях зафиксированы 10 камней, не сформированных в определенную внутримогильную конструкцию, что можно рассматривать как результат их постпогребального перемещения. Анатомическая целостность скелета также частично нарушена. Череп смещен и большим теменным отверстием вертикально располагался на лицевой стороне шейных позвонков, глазницами на юг. Первое ребро смещено под северо-западную стенку ямы. Правая большая берцовая кость перемещена в левую сторону и вверх и располагалась над левыми берцовыми костями наискось, а правая малая берцовая смещена вправо. Кости стоп также разбросаны в области берцовых костей. Кроме этого, предположительно, нарушена целостность большого скопления сопроводительного инвентаря, локализованного в области берцовых костей.

Частичное вскрытие могилы могло иметь место в границах могильного пятна в постпогребальный период после выброса камней надмогильного сооружения преимущественно в юго-восточном направлении. Следы нарушения геологических образований за пределами ямы отсутствовали. Проникновение в могилу осуществлялось, видимо, в северо-западной части ямы, о чем свидетельствует изменение местонахождения черепа и отсутствие нижней челюсти, а также в юго-восточной — горизонтальный и

⁴ Палеозоологические определения выполнены канд. геогр. наук А. М. Клементьевым (Институт земной коры СО РАН, Иркутск).

вертикальный разброс правых берцовых костей скелета и предметов сопроводительного инвентаря. Стоит отметить, что предметы из нефрита сохранились *in situ* (шлифованные диски, тесло) или были брошены возле могилы (фрагмент кольца, топор).

Сравнительный анализ погребений могильника Усть-Тойсук показывает, что в элементах ритуала захоронений и морфо-типологических характеристиках сопроводительного инвентаря могил 1 и 2 имеется много общих признаков (табл. 3). На их основе можно предположить, что некрополь атрибутируется глазковской погребальной традицией раннего бронзового века. Это подтверждается радиоуглеродной датировкой антропологического образца из могилы 1 — 3390 ± 150 л. н. (GIN-6819) (Мамонова, Сулержицкая, 2008). Калибровка даты, выполненная в программе OxCal v4.4.4 с использованием кривой IntCal20 (Bronk Ramsey, 2021; Reimer et al., 2020), определяет ее положение в интервалах 3830–3460 л. н. (с вероятностью 68,3 %) и 4084–3267 л. н. (с вероятностью 95,4 %).

Однако на данном могильнике необычной является ориентация погребений. Подавляющее большинство погребенных, расположенных в вытянутом положении, в могилах глазковской погребальной традиции головой ориентированы вниз по течению реки, к которой обычно приурочены могильники (Окладников, 1950; Вебер и др., 2023). На Усть-Тойсуке в обеих могилах наблюдается обратное — вверх по течению р. Китой, на северо-запад. Еще одна особенность связана с парным погребением могилы 1 с необычной для раннего бронзового века ориентацией по правилу антитезы — взрослый головой ориентирован на северо-запад, а ребенок — на юго-восток. Расположение погребенных головой в противоположных направлениях характерно для могил китойской погребальной традиции раннего неолита, но для совместных могил раннего бронзового века такая ориентация — пока единственный выявленный случай. Необычным для погребальных комплексов этого периода является также большое количество дебитаж в сопроводительном инвентаре могилы 2.

Таким образом, на могильнике Усть-Тойсук наблюдается сочетание типичных признаков глазковской погребальной традиции и необычное расположение погребенных индивидов — головой вверх по течению и по правилу антитезы. Возможно, эти особенности обусловлены расположением могильника в предгорной зоне, вдалеке

от магистрального водотока региона — р. Ангары, что отразилось на «размывании» некоторых элементов погребального ритуала в силу территориальной обособленности группы охотников-собирателей. Следы освоения предгорной зоны в раннем бронзовом веке также фиксируются на стоянках Тойсук 1–3, Раздолье (2-й распадок), Харахун 1 и 2, расположенных выше по течению Тойсука и Китоя (Дзюбас, Задонин, 1987а; Дзюбас и др., 2000).

Заключение

Проведенное исследование могилы 2 некрополя Усть-Тойсук позволило ввести в научный оборот новый комплекс раннего бронзового века из предгорной зоны Восточного Саяна. Несмотря на значительное нарушение, приведшее к частичному разрушению надмогильной конструкции и смещению части костных останков и инвентаря, зафиксированы основные составляющие погребального обряда и получена представительная коллекция артефактов.

Материалы погребения демонстрируют характерные для глазковской погребальной традиции признаки: наличие каменной надмогильной кладки, вытянутое на спине положение погребенного, а также специфический состав сопроводительного инвентаря. К последнему относятся шлифованные нефритовые диски, тесла, многочисленные наконечники стрел из кремня и кости, подвески из клыков марала, костяные гарпуны и детали составных рыболовных крючков глазковского типа. Наличие фрагмента бронзового изделия, хотя и единичного, также соответствует переходному характеру глазковских памятников. Полученные данные, в том числе радиоуглеродная датировка, надежно определяют хронологическую позицию комплекса в пределах раннего бронзового века.

Сравнительный анализ с ранее исследованным погребением 1 подтверждает культурное единство некрополя, благодаря чему можно проследить устойчивые локальные особенности. Наиболее примечательной является атипичная для глазковских памятников Байкальской Сибири ориентация погребенных головой вверх по течению р. Китой (на северо-запад). Уникальным признаком парного погребения 1 выступает ориентация взрослого и ребенка в противоположных направлениях, более характерная для ранне-неолитической китойской традиции.

Сочетание стандартных глазковских элементов с вышеотмеченными особенностями позволяет интерпретировать могильник Усть-Тойсук

как периферийный памятник. Его расположение в предгорьях Восточных Саян предположительно способствовало формированию своеобразного локального варианта погребальной практики в условиях относительной изоляции группы охотников-собирателей. Дальнейшие изыскания

в долине Китоа, включая поиск новых погребений на могильнике Усть-Тойсук, представляются перспективными для уточнения моделей освоения этой территории в древности.

Статья поступила в редакцию 9 декабря 2025 г.

- Вебер и др., 2023 — Вебер А. В., Бронк Р. К., Шульцинг Р. Д., Базалийский В. И., Горюнова О. И. Неолит и ранний бронзовый век Предбайкалья: хронология и пищевые тренды // Известия Иркутского ГУ. 2023 (Серия «Геоархеология. Этнология. Археология»). Т. 43. С. 7–59.
- Витковский, 1880 — Витковский Н. И. Краткий отчет о раскопке могилы каменного периода в Иркутской губернии, произведенный по поручению Восточно-Сибирского отделения Российского географического общества [ВСОРГО] в июле 1880 г. // Известия ВСОРГО. 1880. Т. 11, № 3/4. С. 1–12.
- Георгиевская, 1989 — Георгиевская Г. М. Китайская культура Прибайкалья. Новосибирск: Наука, 1989. 152 с.
- Дзюбас, 2004 — Дзюбас С. А. Отчет об археологических исследованиях по определению границ распространения культуросодержащих отложений объекта археологического наследия «Суховская» и археологической оценки территории г. Ангарска // Архив Центра по сохранению историко-культурного наследия Иркутской области (ЦСН). Иркутск, 2004. № 177/ни. 127 с.
- Дзюбас, Задонин, 1987а — Дзюбас С. А., Задонин О. В. Новые археологические местонахождения в долине р. Китоа // Пятая конференция молодых ученых вузов Иркутской области: Тез. докл. Ч. 3. Иркутск: Изд-во Иркутского ГУ, 1987. С. 84.
- Дзюбас, Задонин, 1987б — Дзюбас С. А., Задонин О. В. Погребение глазковского времени в долине р. Китоа // Проблемы антропологии и археологии каменного века Евразии: Тез. докл. науч. конф. Иркутск: Изд-во Иркутского ГУ, 1987. С. 61.
- Дзюбас, Луньков, 1999 — Дзюбас С. А., Луньков А. В. Отчет по картированию и мониторингу памятников археологии Ангарского района // Архив ЦСН. Иркутск, 1999. № 105/ни. 64 с.
- Дзюбас и др., 2000 — Дзюбас С. А., Луньков А. В., Стерхова И. В. Отчет по археологической экспертизе территории, испрашиваемой под строительство автодороги Раздолье — Октябрьский на участке 0–10 км Усольского района // Архив ЦСН. Иркутск, 2000. № 414/н. 101 с.
- Мамонова, Сулержицкая, 2008 — Мамонова Н. М., Сулержицкая Л. Д. Радиоуглеродная хронология голоценовых погребений Прибайкалья и Забайкалья по остеологическому материалу могильников // Человек, адаптация, культура / Отв. ред. А. Н. Сорокин. М.: ИА РАН, 2008. С. 127–138.
- Мамонова и др., 1989 — Мамонова Н. М., Романова Г. П., Харитонов В. М. Первичная обработка и определение антропологического материала в полевых условиях // Методика полевых археологических исследований / Отв. ред. Д. Б. Шелов. Л.: Наука, 1989. С. 50–83.
- Окладников, 1950 — Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Историко-археологическое исследование. Ч. I, II. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950 (МИА; № 18). 411 с.
- Указатель..., 1991 — Указатель археологических памятников Иркутской области (Усольский район). Материалы к своду памятников истории и культуры Иркутской области / Сост. Н. И. Бердникова и др. Иркутск: РИО Упрполиграфиздат, 1991. 112 с.
- Хороших, 1979 — Хороших П. П. Неолитические погребения на р. Ангаре в местности Ярки // Известия СО АН СССР. Серия обществ. наук. 1979. Вып. 2, № 6. С. 83–88.
- Bronk Ramsey, 2021 — Bronk Ramsey C. OxCal 4.4.4 // URL: <http://c14.arch.ox.ac.uk>. (accessed: 03.12.2025).
- Reimer et al., 2020 — Reimer P. J., Austin W. E. N., Bard E., Bayliss A., Blackwell P. G., Bronk Ramsey C., Butzin M., Cheng H., Edwards R. L., Friedrich M., Grootes P. M., Guilderson T. P., Hajdas I., Heaton T. J., Hogg A. G., Hughen K. A., Kromer B., Manning S. W., Muscheler R., Palmer J. G., Pearson C., van der Plicht J., Reimer R. W., Richards D. A., Scott E. M., Southon J. R., Turney C. S. M., Wacker L., Adolphi F., Büntgen U., Capano M., Fahrni S. M., Fogtman-Schulz A., Friedrich R., Kohler P., Kudsk S., Miyake F., Olsen J., Reinig F., Sakamoto M., Sookdeo A., Talamo S. The IntCal20 northern Hemisphere radiocarbon age calibration curve (0–55 cal kBP) // Radiocarbon. 2020. Vol. 62. P. 725–757.

New data about the Glazkovo mortuary tradition in the foothills of the Eastern Sayan Mountains (Southern Angara Region)

V. I. Bazaliiskii, A. M. Kuznetsov, D. N. Molchanov⁵

Keywords: Baikal Siberia, Eastern Sayan Mountains, Early Bronze Age, Glazkovo mortuary tradition, post-depositional disturbances, grave stone structures, nephrite artifacts

The article presents the results of a study of a new burial (grave no. 2) discovered in 2024 at the Ust-Toysuk cemetery in the Southern Angara region. The site is located in the foothills of the Eastern Sayan Mountains, in the upper reaches of the Kitoi River, and had remained poorly studied until recently. Excavations revealed the remains of a damaged grave stone structure and an oval grave pit containing the burial of an adult male, interred according to an inhumation rite in an extended body position. Despite technogenic and anthropogenic disturbances to the grave, a rich and representative set of grave goods comprising 150 items was documented. This inventory includes polished nephrite artifacts (disks, an adze, a ring), numerous flint and bone arrowheads, red deer canine pendants, harpoons, bone parts of composite fishhooks, as well as a single fragment of a bronze artifact. The conducted research allows the burial to be confidently attributed to the Glazkovo mortuary tradition of the Early Bronze Age, which is confirmed by the morphology of the inventory and radiocarbon data. A comparative analysis with the previously discovered paired burial (grave no. 1) at the same site revealed a consistent local feature — an orientation of the deceased with the head upstream of the river, which is atypical for Glazkovo groups in the region. This combination of typical and unique features suggests that the Ust-Toysuk cemetery can be considered a peripheral site of the Glazkovo community, with local ritual characteristics formed under conditions of relative territorial isolation in a foothill area remote from the region's main river systems. Further research in the Kitoi River valley appears promising for additional confirmation of the hypothesis regarding the local specificity of the Glazkovo mortuary tradition.

⁵ Vladimir I. Bazaliiskii, Aleksei M. Kuznetsov, Dmitrii N. Molchanov — Irkutsk State University, Irkutsk; e-mail: bazalirk@yandex.ru, golos_siberia@list.ru, dmi_molchanov@mail.ru.

Самые ранние образы скифо-сибирского звериного стиля¹

Т. Р. Садыков, Е. К. Блохин, С. В. Хаврин, Дж. Каспари²

Аннотация. Самым ранним (конец IX — начало VIII в. до н. э.) проявлением скифо-сибирского звериного стиля, подтвержденным независимыми данными, являются находки из кургана Аржан 1, а теперь и из кургана Туннуг, относящегося к тому же культурному горизонту. На функциональных предметах зафиксирован ограниченный набор образов. Свойственная изначально этому феномену высокая степень стилизации при стилистическом разнообразии дает возможность предположить участие не одного, а нескольких сообществ в сооружении памятников «аржанского горизонта» в «Долине царей» в Туве.

Ключевые слова: пояс Евразийских степей, Внутренняя Азия, Тува, Аржан, Туннуг, ранний железный век, скифо-сибирский звериный стиль

DOI 10.31600/1817-6976-2026-50-43-58

Введение³

В огромном количестве работ по скифскому звериному стилю неоднократно поднимался вопрос о его развитии и формировании, однако дискуссии продолжаются. Предложены разные схемы и методы разработки этого вопроса, при этом

¹ Раскопки кургана Туннуг проводятся под эгидой Русского географического общества (Соглашение № 12/04/2024-ИИМК); обработка полученного материала ведется в рамках государственных заданий РАН по темам «Особенности смены археологических культур у скотоводов Евразии и земледельцев Кавказа и Центральной Азии в неолите — раннем средневековье» (FMZF-2025-0008) (Т. Р. Садыков) и «Методы сохранения археологического наследия на основе применения современных цифровых технологий» (FMZF-2025-0012) (Е. К. Блохин), а также The Foundation for ArchaeoExploration и The Society for the Exploration of EurAsia (Дж. Каспари).

² Садыков Т. Р., Блохин Е. К. — Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург; e-mail: timur.r.sadykov@gmail.com, jegor.blochinn@gmail.com. Хаврин С. В. — Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург; e-mail: sergekhavrin@ya.ru. Каспари Дж. — University of Bern, Bern, Switzerland; e-mail: gino.caspari@gmail.com.

© Садыков Т. Р., Блохин Е. К., Хаврин С. В., Каспари Дж., 2026

³ Хотя эти материалы вошли в недавно опубликованную статью на английском языке (Sadykov et al., 2025), для настоящей статьи был существенно расширен текст и подготовлены новые иллюстрации.

новые археологические находки часто корректировали, а иногда и отменяли принятые гипотезы (см.: Артамонов, 1971; Masters of the Steppe..., 2020; Канторович, 2022; Amir, Roberts, 2023). Так, представление о постепенном распространении культур скифского типа с запада на восток (и распространении «звериного стиля» вместе с этим движением) после серии ярких открытий ранних памятников в Туве и Казахстане утратило фактические основания. Некоторое время была распространена «переднеазиатская гипотеза» появления скифского искусства вследствие контакта с высокоразвитыми земледельческими цивилизациями в ходе походов на Ближний Восток. В настоящий момент наиболее популярна «центральноазиатская» гипотеза, которая имеет несколько вариантов (Тереножкин, 1976; Yablonsky, 1995; Cunliffe, 2019). При этом вопросы сложения элементов «скифской триады» (оружие, конское снаряжение и звериный стиль) уже могут рассматриваться отдельно (Савинов, 2017), и один из важнейших аспектов, необходимый для корректного решения этих вопросов, — точные хронологические определения. Для многих предметов звериного стиля археологические даты очень широки, а иногда и вовсе неизвестны, что порой порождает обратную ситуацию, когда археологические памятники датируются по стилистическим особенностям.

На этом фоне появление нового источника — предметов, оформленных в зверином стиле

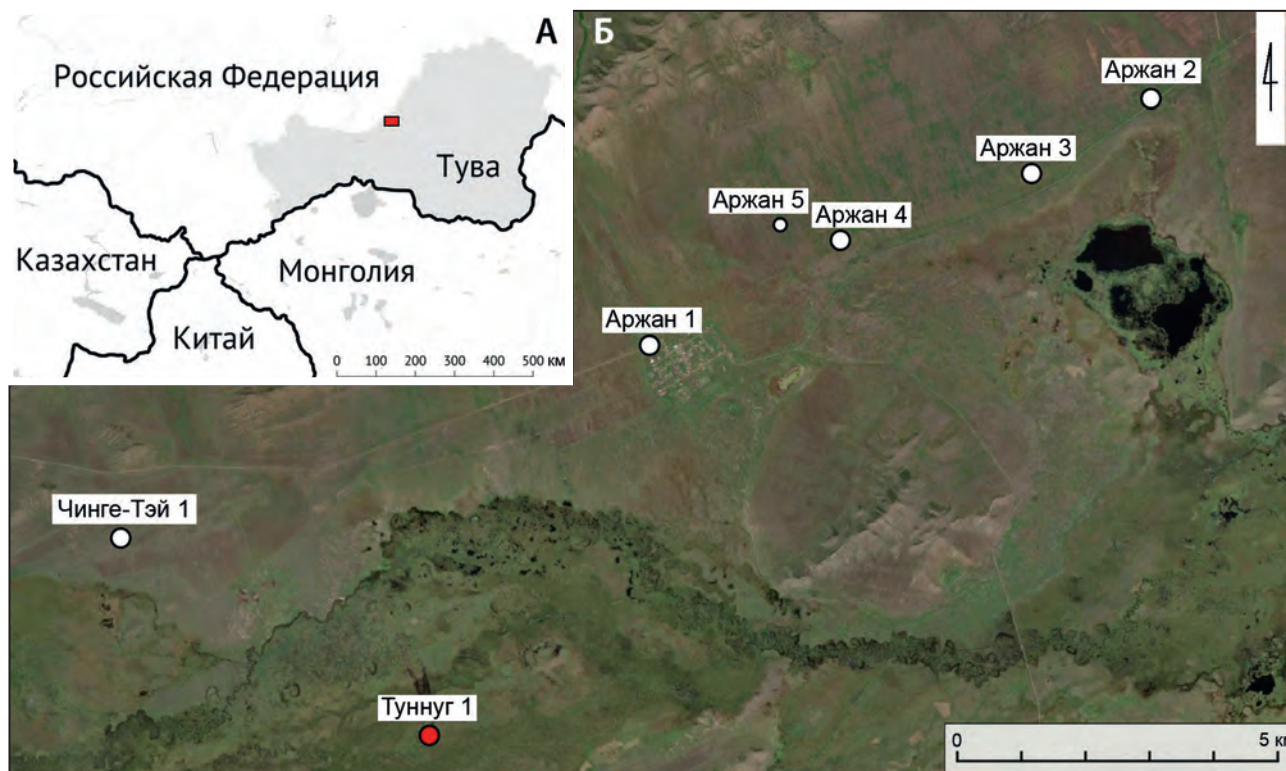

Рис. 1. Карта-схема местонахождения кургана Туннуг 1 (А) и расположение некоторых крупных курганов в «Долине царей» в Туве (Б)

Fig. 1. Map of the location of Tunnug 1 (A) and some large burial mounds in the “Valley of the Kings”, Tuva (B)

из памятника Туннуг 1, твердо датированного концом IX в. до н. э., эпохой сложения номадической культуры как таковой, — представляется крайне важным. Памятников «скифского типа» этой эпохи исследовано крайне мало. Возможно, они вообще малочисленны, и тем ценнее эти редкие проявления зарождающейся традиции, вероятно, сохранившей следы породивших ее культур.

О памятнике, проекте и дате

Курган Туннуг 1 находится в Республике Тыва в так называемой Долине царей (рис. 1), состоящей из сотен насыпей (Caspari, 2020; Vavulin et al., 2021), и является одним из самых ранних памятников, где «скифская триада» представлена в полном составе. Вместе с курганом Аржан 1 и недоследованным курганом Аржан 5 он составляет специфический «аржанский горизонт», который обладает целым рядом уникальных признаков и отражает момент сложения скифской традиции (Caspari et al., 2018; Sadykov et al., 2020).

Раскопки кургана Туннуг 1 еще продолжают-ся, и в 2024 г. была исследована его центральная

часть. Здесь выявлены непо потревоженные и потревоженные захоронения, а также полностью доследован комплекс конских и человеческих жертвоприношений, первые материалы которого уже опубликованы (Sadykov et al., 2024). Полевых данных очень много, и в настоящей статье мы сосредоточимся только на полной публикации предметов, оформленных в зарождающемся скифо-сибирском зверином стиле с предоставлением необходимой сопутствующей информации — планиграфического и стратиграфического контекстов, а также состава медных сплавов, из которых сделаны находки.

Целый набор факторов — выход за гальштатское плато, деревянные конструкции в кургане и их хорошая сохранность, применение wiggle-matching, проведение радиоуглеродного анализа образцов разного происхождения (дерева и кости) — помог датировать курган Туннуг 1 с большой уверенностью рубежом IX–VIII вв. до н. э. (Caspari et al., 2020; Sadykov et al., 2024). Это позволяет использовать материалы кургана как надежный источник в дискуссии о месте, времени, истоках и процессе возникновения скифского звериного стиля.

Образы, расположение и функциональность предметов, оформленных в зверином стиле

Все найденные при раскопках кургана Туннуг 1 предметы в зверином стиле отражают образы только четырех видов животных. К «скудости» этого набора мы вернемся при его обсуждении, но сначала дадим подробное описание вещей (на рис. 2 отмечено расположение рассматриваемых в тексте находок на схематическом плане памятника).

Козлы и бараны (ovicaprids)

Три предмета среди находок на кургане Туннуг 1 (два — точно, один — предположительно) представляют образ козла или барана.

Полная фигура горного козла на кольце с дополнительными отверстиями (рис. 3, 3) — прекрасный образец канонического образа (рис. 4, 18), наиболее известного по находкам в кургане Аржан 1 (Грязнов, 1980). Это, безусловно, та же традиция, а возможно, и произведение того же мастера — такими же выпуклыми кольцами (с отверстиями) отмечены глаза, круглыми отверстиями показаны ноздри, четкими линиями прорисованы ноги, хвост и все остальные важные детали. Схож и состав металла (Хаврин, 2003). В то же время способ крепления этой фигуры достаточно редок — на массивном кольце (точнее, эллипсе диаметрами 28–33 мм) во фронтальной плоскости с дополнительными тремя небольшими (тоже, видимо, крепежными) отверстиями под кольцом. Контекст находки — среди костей конских жертвоприношений на древней поверхности кургана, в кластере 4.

Второй предмет — небольшое костяное навершие в виде бараньей головы (рис. 3, 2). Нам неизвестны точные аналогии этому предмету и непонятна до конца его функциональность. Навершие найдено в северном центральном срубе в переотложенном положении; внутри фигуры зафиксированы фрагменты дерева очень плохой сохранности. Находка относится к той же художественной традиции, что и предыдущая.

Третий предмет — также навершие, но выполненное в другой стилистике (рис. 3, 1). Оно найдено в ногах непо потревоженного сопроводительного погребения в деревянной колоде, где из погребального инвентаря кроме него зафиксировано только несколько бусин. Органики в этом погребении практически не сохранилось, и было ли навершие отдельным предметом или частью большего — неизвестно. Навершие заканчивается головой, точнее, глазами и несколькими допол-

нительными деталями, а остальная поверхность предмета украшена циркульным орнаментом. Барана в нем усмотреть сложно, и на первый взгляд навершие напоминает то ли рыбу, то ли птицу, но иконографически дуги вокруг глаз на культурно и хронологически близких предметах часто однозначно представляют рога (рис. 4, 11, 13, 14, 16), причем иногда они сопровождаются именно циркульным орнаментом (Рябкова, 2014. Рис. 6). Глаза здесь также оформлены как отверстия, окруженные выпуклыми кольцами, но в целом эта художественная традиция кажется иной по отношению к двум предыдущим образам.

«Пантеры» (felines)

Свернувшийся хищник — один из самых ярких образов в скифском искусстве и, видимо, один из первоначальных. В кургане Туннуг 1 найдены четыре изображения «пантеры»: на двух накладках (элементах конского снаряжения); один свернувшийся хищник помещен на навершии акинака; одна полная профильная фигура — тоже на навершии акинака (она детально не проработана, но по всем формальным признакам — это тот же зверь).

Первая накладка на сбрую (рис. 5, 1) диаметром 3 см найдена к востоку от центра кургана среди конских костей, в том же кластере 1, что и большинство изображений птиц, о которых речь пойдет далее. Изображение очень четкое, лаконичное, графичное. Фигура закручена по часовой стрелке; хвост касается носа; концы лап оформлены как выпуклые кольца; более высоким рельефом выделены плечо и голова; в пасти — зубы и длинный язык.

Вторая накладка на сбрую (рис. 5, 2) диаметром 4 см найдена к западу от центра кургана среди конских костей в кластере 4. Накладка ажурная, фигура закручена против часовой стрелки, в пасти показаны зубы; глаз, нос, окончания лап и хвоста выделены рельефными кольцами; хвост касается носа.

Изображение свернувшегося хищника (рис. 5, 3) на навершии кинжала (расположено на верхней поверхности предмета) зафиксировано в сопроводительном погребении в колоде к югу от двух центральных срубов. Фигура диаметром 2,7 см закручена против часовой стрелки, детали почти не проработаны. Кинжал небольшой (длина — 19 см), помещение изображения на вершину предмета в плоскости, перпендикулярной основному направлению лезвия, довольно редко, но встречается, например, в тагарской культуре (рис. 4, 5).

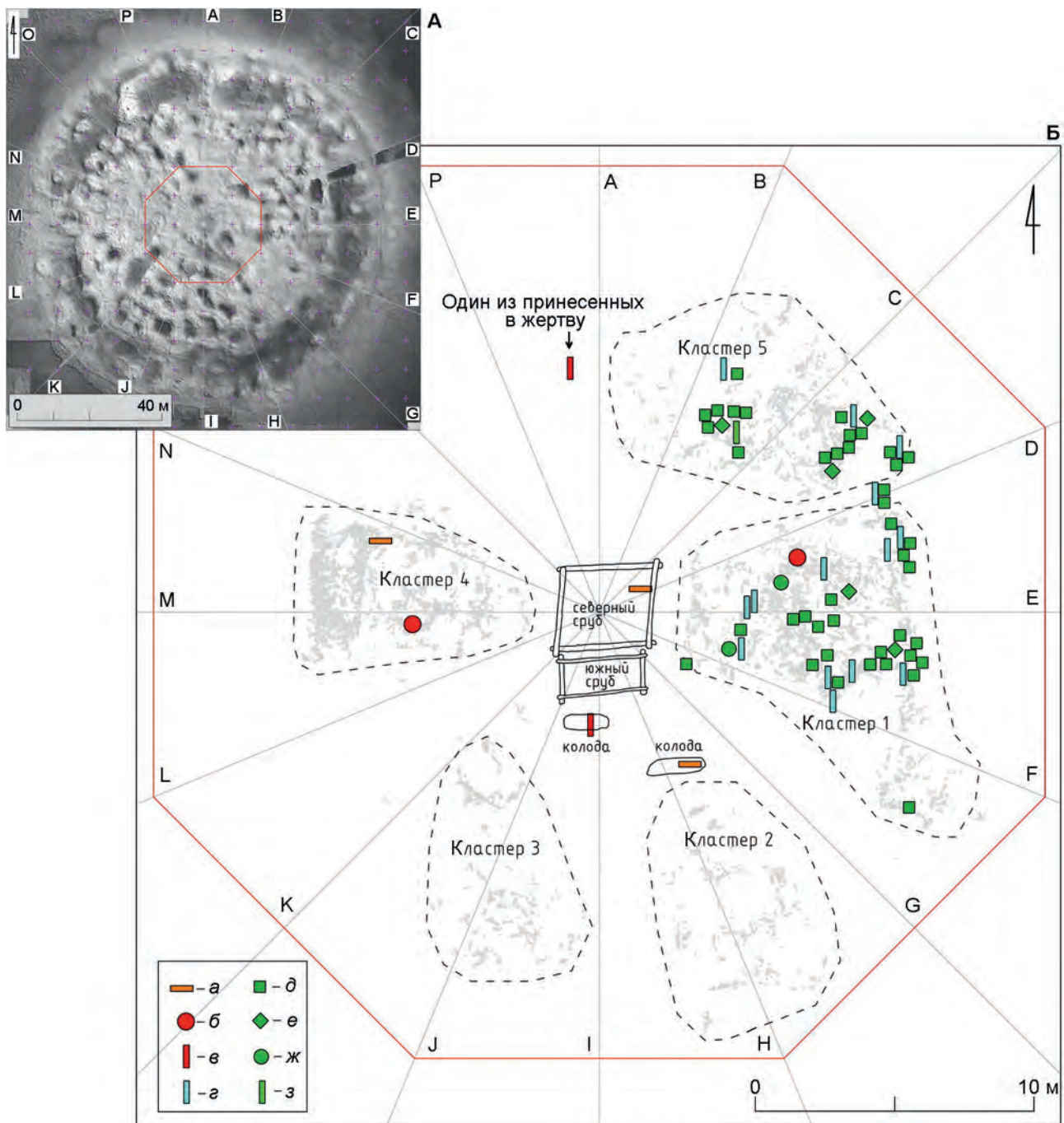

Рис. 2. Курган Туннуг 1: А — план с выделенной центральной частью; Б — центральная часть, находки в зверином стиле среди погребений и комплекса жертвоприношений (а — бараны; б — накладки с пантерой; в — акинаны с пантерой; з — псалии в форме свившихся змей; д — распределители ремней с изображением четырех птичьих голов; е — пронизки в форме птичьей головы; ж — накладки в виде птичьей головы в профиль; з — псалий с навершием в виде птичьей головы)

Fig. 2. Tunnug 1: A — plan with a highlighted central part; B — central part, finds in the animal style among the burials and the sacrificial complex (a — ovicaprids; б — feline appliqué; в — daggers with a felines; з — cheekpieces in the form of coiled snakes; д — strap distributors with images of four bird heads; е — beads in the shape of a bird head; ж — appliqué with a bird head in profile; з — cheekpiece with a bird head pommel)

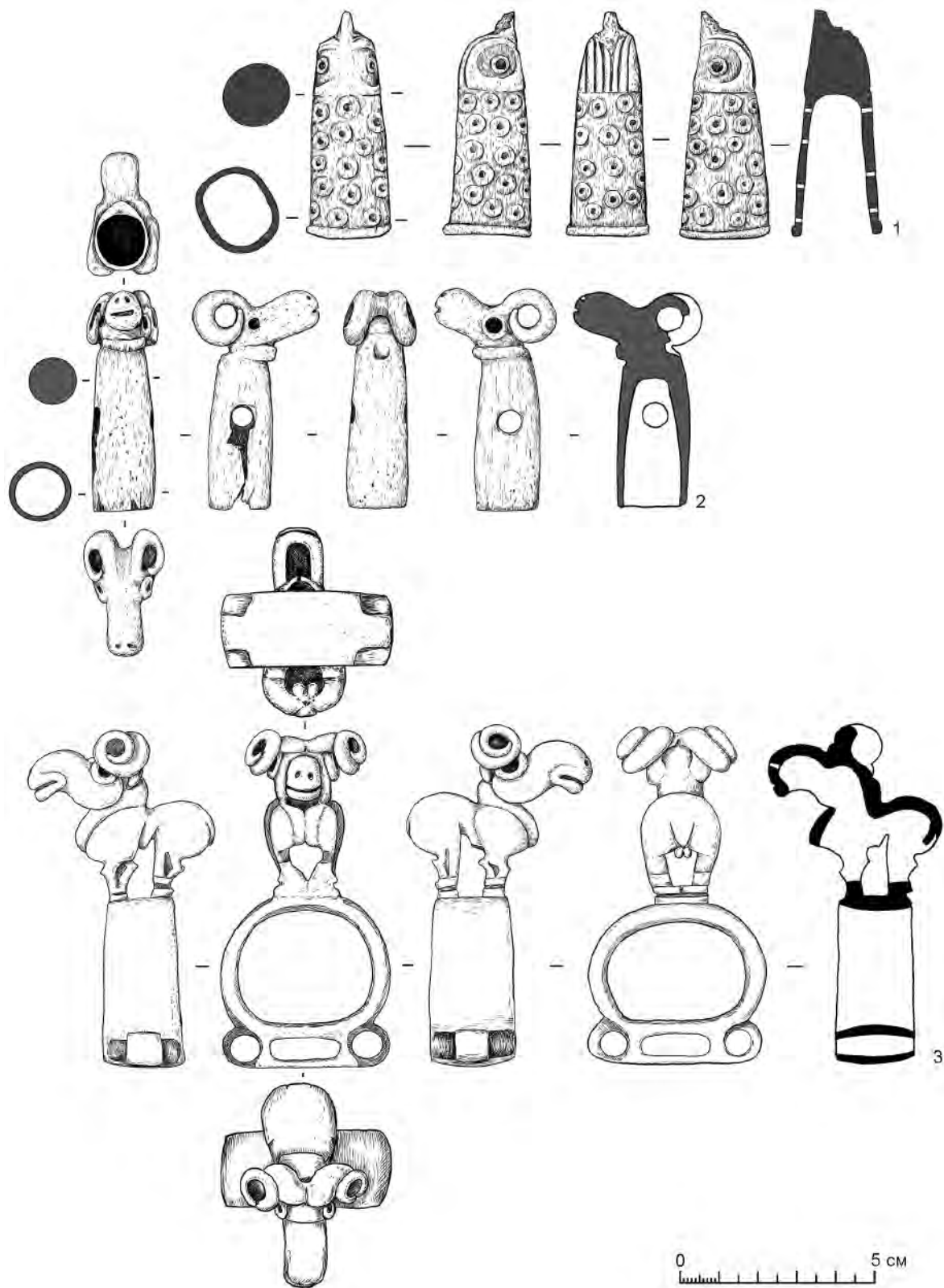

Рис. 3. Курган Туннуг 1. Козлы и бараны: 1 — навершие из погребения в колоде; 2 — навершие из перемешанного контекста в срубе; 3 — навершие из кластера 4. 1, 2 — кость; 3 — бронза

Fig. 3. Tunnug 1. Ovicaprids: 1 — finial from a burial in a log coffin; 2 — finial from a mixed context in a wooden log house; 3 — finial from the cluster 4. 1, 2 — bone; 3 — bronze

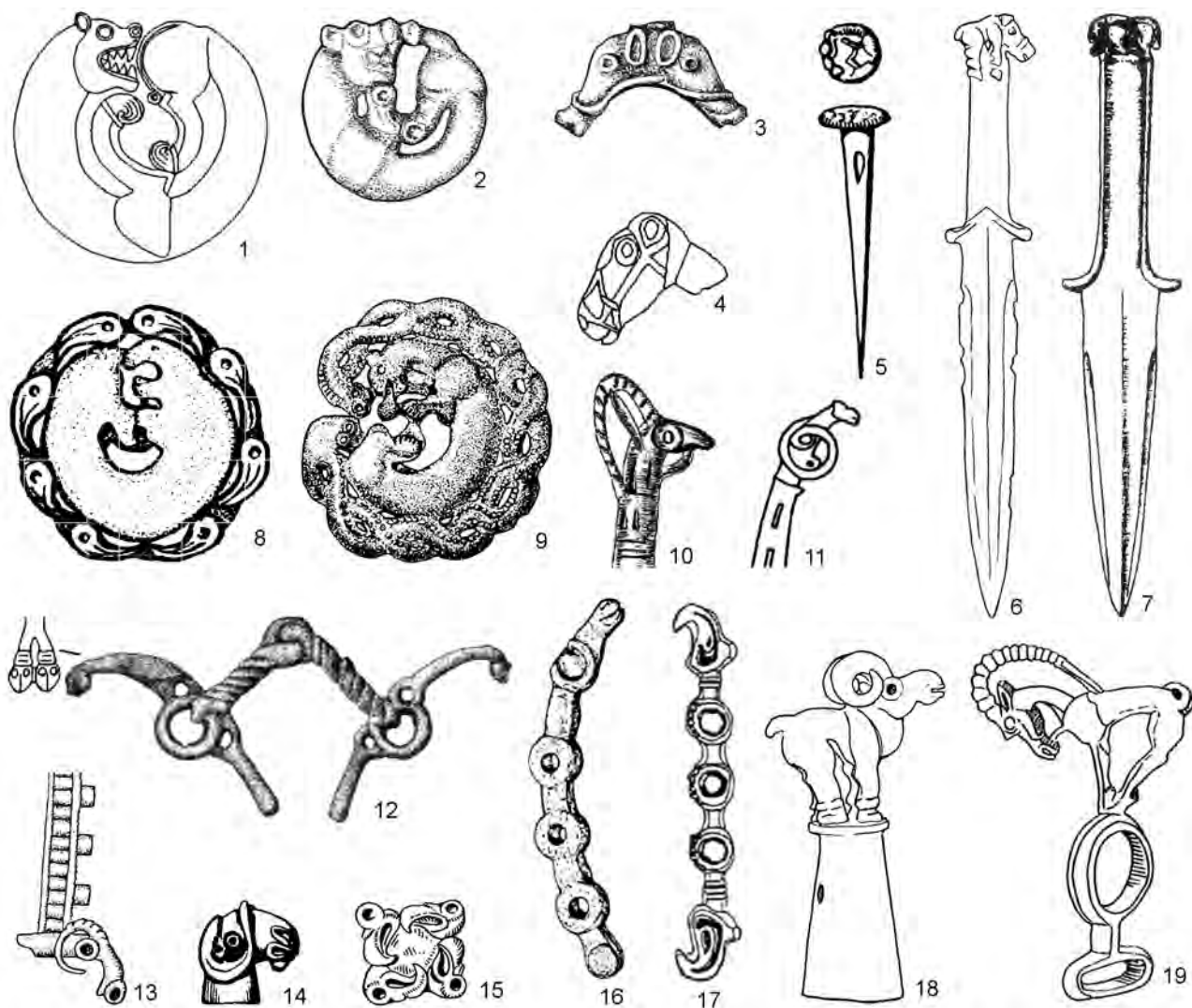

Рис. 4. Аналогии изделиям в зверином стиле из кургана Туннуг 1: 1, 4, 6, 18 — Аржан 1; 2, 3 — Аржан 5; 5 — Тагар; 7 — Багульная; 8, 9 — случайные находки; 10 — Абакан; 11 — Цзиньцзецунь (Jingjiecun); 12 — Хасанлу IVB; 13 — Тэвш; 14 — Келермес; 15 — Уйгарак; 16 — Янхай-1 (Yanghai-1); 17 — Кубанский могильник, погребение 39; 19 — Тасмола 5. Масштабы разные. 1-3, 5-13, 17-19 — бронза; 4, 14-16 — кость (рог)

Fig. 4. Analogies of the animal style items from the Tunnug 1: 1, 4, 6, 18 — Arzhan 1; 2, 3 — Arzhan 5; 5 — Tagar; 7 — Bagulnaya; 8, 9 — occasional finds; 10 — Abakan; 11 — Jingjiecun; 12 — Hasanlu IVB; 13 — Tevsh; 14 — Kelermes; 15 — Uygarak; 16 — Yanghai-1; 17 — Kuban cemetery, burial 39; 19 — Tasmola 5. Without scale. 1-3, 5-13, 17-19 — bronze; 4, 14-16 — bone (horn)

[1, 6, 18 — Грязнов, 1983. Рис. 3, 1, 3, 5; 4 — Грязнов, 1980. Рис. 15; 2, 3 — Рукавишникова, 2017. Рис. 2, 1, 2; 5 — Киселев, 1951. Табл. XXV, 1; 7 — Kuzmin, 1994. Fig. 2; 8, 9 — Богданов, 2006. Табл. XII, 6; IX, 5; 10 — Поляков, 2022. Рис. 162; 11, 13 — Rawson et al., 2020. Fig. 14; 12; 12 — Медведская, 2013. Рис. 3; 14 — Галанина, 1983. Табл. 8; 15 — Вишневская, 1973. Табл. 19; 16 — Shulga, Shulga, 2020. Fig. 10; 17 — Рябкова, 2014. Рис. 6.2; 19 — Кадырбаев, 1966. Рис. 66]

Кинжал с навершием в виде фигуры хищника в профиль (рис. 5, 4) найден на изначальной глиняной поверхности кургана. Он относится не к погребению, а к зафиксированному в непосредственной близости принесенному в жертву человеку (рядом обнаружен нож, который, как правило, вместе с кинжалом составлял комплект).

Фигура хищника небольшая, некоторые детали не проработаны, однако характерные элементы — оформленные рельефными кольцами окончания лап, нос, глаз и ухо — позволяют утверждать, что это тот же зверь.

Самая очевидная аналогия этому кинжалу — один из кинжалов из Аржана 1 (Грязнов, 1980),

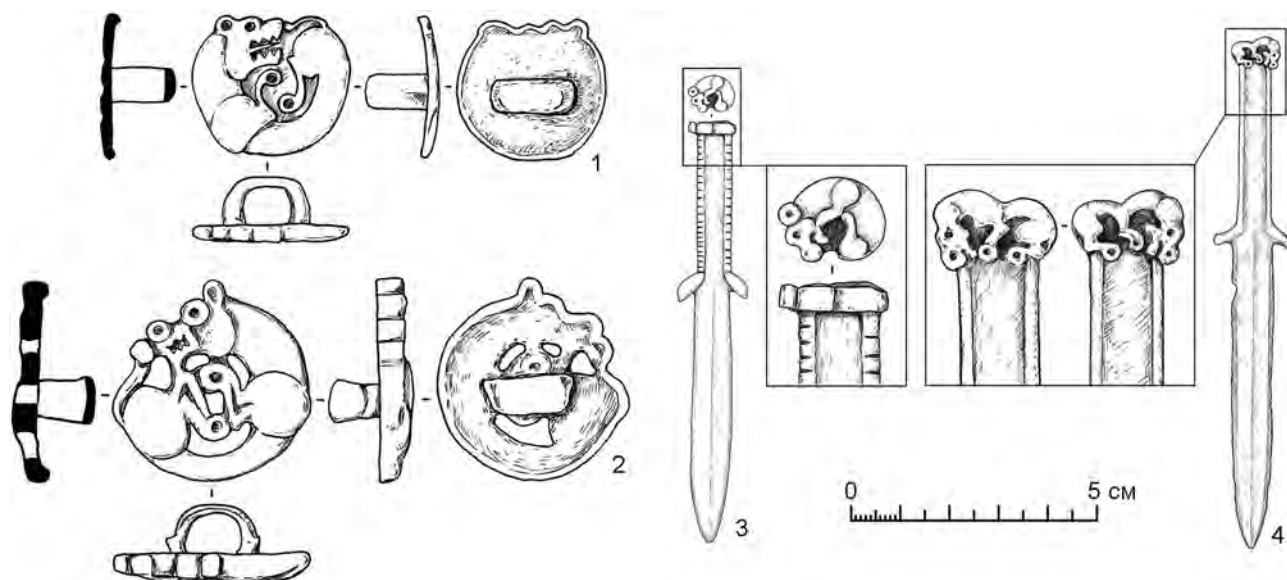

Рис. 5. Курган Туннуг 1. «Пантеры»: 1 — накладка из кластера 1; 2 — накладка из кластера 4; 3 — навершие акинака из погребения в колоде; 4 — навершие из человеческого жертвоприношения в секторе РА. Бронза
 Fig. 5. Tunnug 1. Felines: 1 — appliqué from cluster 1; 2 — appliqué from cluster 4; 3 — dagger pommel from a burial in a wooden log; 4 — pommel from a human sacrifice in sector PA. Bronze

но там зверь — не пантера, а кабан (рис. 4, 6). Остальные аналогии таким кинжалам (типологически особенно важны специфические перекрестья) обнаружены, в первую очередь, к северу — в ранних памятниках тагарской культуры (рис. 4, 7). В основном это случайные находки, но известны подобные кинжалы и в закрытых комплексах (Kuzmin, 1994).

Птицы (*aves*)

Птичьи головы — самый частый мотив на обнаруженных в кургане Туннуг предметах, оформленных в скифо-сибирском зверином стиле. Они представлены несколькими стандартными формами, и все найдены к востоку и северо-востоку от геометрического центра кургана среди конских костей (в кластерах 1 и 5).

Самый многочисленный тип находки с птичьими головами — пятидырчатый (редко — шестидырчатый) распределитель ремней, на верхней грани которого четыре птичьи головы закручены по часовой стрелке (рис. 6, 1). Этот мотив, но закрученный в другую сторону, например, присутствует среди находок в могильнике Уйгарак в Казахстане (рис. 4, 15) (Вишневецкая, 1973). В Туннуге к настоящему моменту их найдено 41 экз. в кластерах 1 и 5, из них два — в предыдущие годы (Sadykov et al., 2024. Рис. 3).

Двумя экземплярами в кластере 1 представлены плоские накладки с птичьей головой в про-

филь (рис. 6, 2). Птица хищная, клюв сильно загнут, но не изображена восковица, что практически обязательно в иконографии хищной птицы в более поздних скифских памятниках.

Пятью экземплярами в кластерах 1 и 5 представлены пронизки, выполненные также в форме птичьей головы, но уже в объемном выражении (рис. 6, 3). Это тот же персонаж, с таким же изогнутым клювом.

Единственным экземпляром в кластере 5 представлен трехдырчатый бронзовый псалий, где в виде птичьей головы оформлено навершие (рис. 6, 4). Аналогии этому предмету имеются, но весьма отдаленные. Навершия ранних костяных трехдырчатых псалиев иногда украшались головами, но обычно не птичьими (рис. 4, 14, 16). Для бронзовых экземпляров эта традиция менее распространена, хоть и есть что-то подобное далеко на западе и несколько позже (рис. 4, 17).

Змеи (*serpents*)

Конская упряжь, найденная при раскопках кургана Туннуг, довольно необычна и требует в будущем отдельного рассмотрения. В контексте ранних образцов звериного стиля необходимо отметить еще один образ, который в целом для скифской иконографии не очень характерен (Алексеев, 2019), но представлен в материалах Туннуга хоть и однотипными, но многочисленными находками.

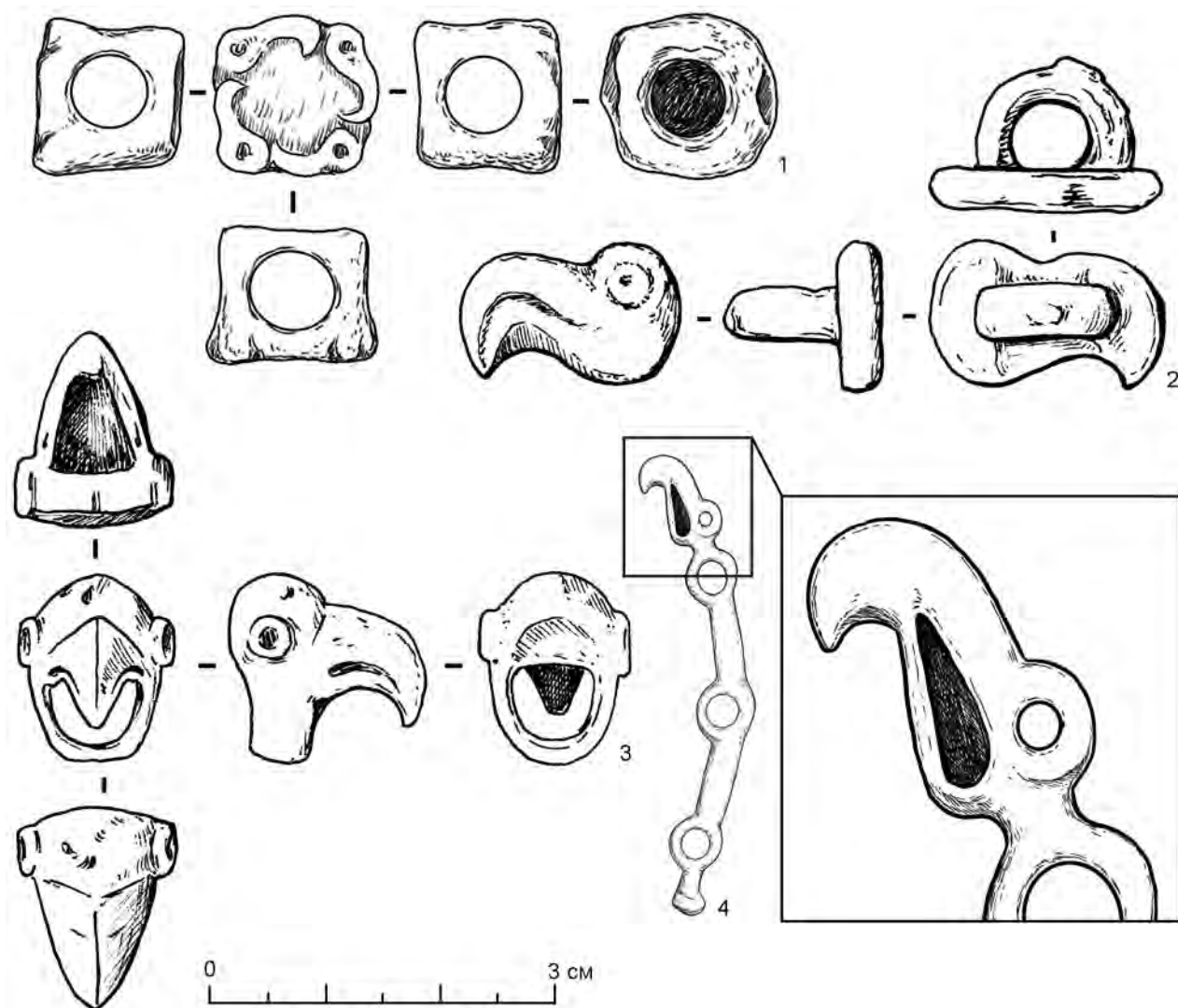

Рис. 6. Курган Туннуг 1. Птицы: 1 — распределитель ремней; 2 — накладка; 3 — пронизка; 4 — псалий. Бронза
 Fig. 6. Tunnug 1. Aves: 1 — strap distributor; 2 — appliqué; 3 — bead; 4 — cheekpiece. Bronze

Самым распространенным (15 экз.) типом бронзовых псалиев кургана Туннуг являются трехдырчатые псевдовитые псалии. Близких аналогов этому типу нет, и для краткости их можно называть псалиями «туннугского типа» (“Tunnug-type” cheekpiece). Почти все они найдены в кластерах 1 и 5 (рис. 2), и только один экземпляр — на краю кургана, с внешней стороны окружающей курган каменной стены. Почти все они практически идентичны, но некоторые экземпляры несколько выделяются как размерами, так и детальностью проработки (рис. 7). В их верхней части определенно обозначены глаза и пасть, причем целую форму корректнее интерпретировать не как змею, а как двух свившихся змей.

Этот образ не получил широкого распространения в позднейшем каноне скифо-сибирского звериного стиля, но, видимо, был характерен для одного из сообществ, принимавших участие в строительстве кургана Туннуг 1. Очень далеким территориально (хотя и близким хронологически) примером использования образа двух свившихся змей при оформлении псалиев может послужить находка (рис. 4, 12) из Хасанлу IVB (Иран) в слое, определенно датированном концом IX в. до н. э. (Медведская, 2013. Рис. 3, 2), но там она также единична. В Токийском национальном музее хранится случайная находка бронзового предмета в виде свернувшегося хищника, окруженного опять-таки двумя свившимися змеями (рис. 4, 9), то есть эти образы где-то и когда-то

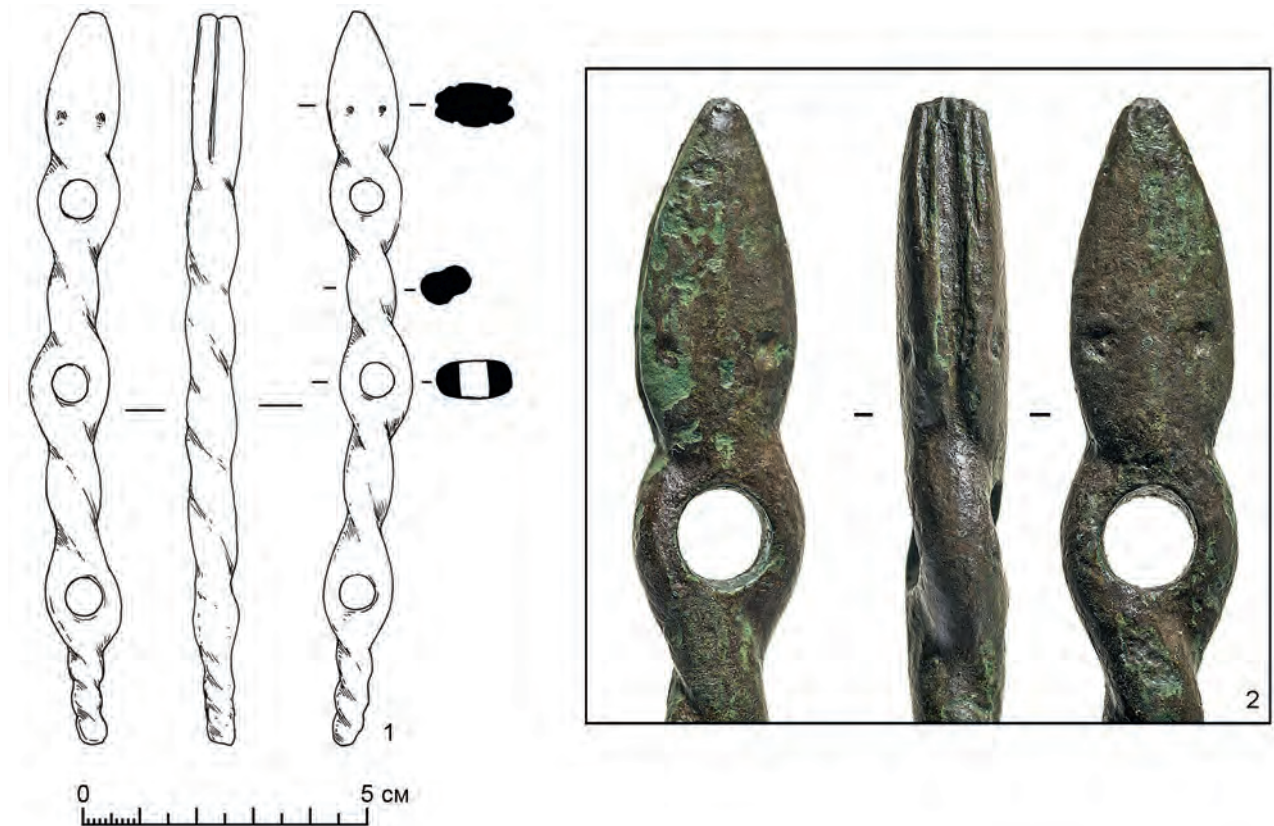

Рис. 7. Курган Туннуг 1. Змеи. Бронзовый псалий в форме двух свившихся змей (1 — рисунок, 2 — фотография)
 Fig. 7. Tunnug 1. Bronze cheekpiece in the form of two twisted snakes (1 — drawing, 2 — photo)

входили в один иконографический канон. Можно упомянуть и «навершия» с переплетенными змеями и оленем — тоже случайную находку из Северного Китая (Bunker et al., 2002. Рис. 172), но в целом этот образ довольно редкий.

Обсуждение

Представленный материал позволяет затронуть несколько важных вопросов.

1. Неоднократно отмечено, что самые ранние находки в скифо-сибирском зверином стиле изображают только реальных (не фантастических и не синкретических) животных (Чугунов, 2020; O'Sullivan, Nommel, 2020), но высокая степень стилизации (выделение отдельных черт, часть вместо целого) была присуща этому стилю изначально. Перечень этих животных на самом раннем этапе очень скуден и, видимо, строго определен. В материалах кургана Туннуг 1 представлены только четыре образа, причем каждый из них связан с конкретными типами предметов. В материалах территориально, культурно и хронологически близкого памятника Аржан 1 этот состав немного отличен, но положение о скудости и определенности остается справедливым.

Перечень характерных животных для самого раннего «аржанского» горизонта можно дополнить прежде всего кабаном (рис. 4, б), который найден не только в Аржане 1, но и в недоисследованном и довольно сильно разрушенном, но культурно близком кургане Аржан 5 (рис. 4, 3; Рукавишников, 2017). При этом образ кабана был очевидно важен и для строителей кургана Туннуг 1, поскольку в упряжи принесенных в жертву коней на поверхности кургана активно использовались кабаньи клыки, причем и верхние, и нижние, как натуральные, так и их имитации из рога или бронзы.

Кроме того, известна находка из кургана Аржан 1, на которой присутствует образ коня, точнее, фигура взнузданной конской головы (рис. 4, 4), хотя по поводу этой фигурки высказывалось мнение о ее принадлежности другой художественной традиции (Савинов, 2002. С. 65–67). Но здесь можно отметить, что скифо-сибирская традиция в полной мере к этому времени еще и не сложилась, и разные образы, возможно, были восприняты из разных источников.

Удивительно, что в материалах всех трех рассматриваемых памятников (Туннуг, Аржан 1 и

Аржан 5) не представлен образ оленя — одного из самых характерных для скифского искусства животного, который, к тому же, широко распространен на «оленных камнях». Возможно, этот образ тогда все еще был связан именно с петроглифами и, не исключено, с татуировками (Грязнов, 1984; Jettmar, 1994; Caspari et al., 2025), а его перенос в бронзу, кость или золото еще не произошел.

2. Единственным общим для Туннуга, Аржана 1 и Аржана 5 является образ «пантеры» — свернувшегося хищника, который, впрочем, с сохранением тех же иконографических деталей, может быть изображен и стоящим. В кургане Туннуг он зафиксирован и на накладках на конской сбруе, и на навершиях кинжалов в стоящем и свернувшимся виде. Этот символ проходит через всю историю скифского звериного стиля (Богданов, 2006; Джумабекова, Базарбаева, 2011; Канторович, 2022), и заманчиво увидеть в нем какой-то племенной, родовой или социальный знак типа тамги или герба в более поздних культурах. Эта интерпретация, однако, не поддерживается данными планиграфии. Образ свернувшегося хищника как элемента декора конской сбруи зафиксирован в двух разных кластерах конских жертвоприношений, при этом изделия с ним сделаны из разного металла (табл.). Навершия кинжалов с «пантерой» обнаружены как в сопроводительном погребении, так и на площади жертвоприношений. Да и на других скифских памятниках предметы с образом пантеры не занимают какого-то доминирующего положения. Даже знаменитая (и исключительно крупная) накладка в виде пантеры из кургана Аржан 1 — это только украшение принесенного в жертву коня.

Таким образом, с самого начала этот образ был распространен очень широко и, видимо, был важен для представителей всех сообществ скифо-сибирского единства. В течение веков он многократно переосмыслился, воспроизводился, копировался (иногда очень формально), но не был забыт. Не исключено, что в основе этого образа лежит какой-то важный культурный миф, интерпретируя который, мастера выделяли те или иные его детали. Например, на искусно сделанной и прекрасно сохранившейся накладке из кургана Туннуг 1 (рис. 5, 1) пантера показана с оскаленной пастью и длинным языком — не самым обязательным атрибутом хищника.

3. Образ птичьей головы, как и образ свернувшегося хищника, — один из самых распространенных в скифском прикладном искусстве и, вероятно, один из самых ранних. Возможно, эти об-

разы как-то нарративно связаны. Как минимум, есть несколько примеров (например, рис. 4, 8), где птичьей головы и свернувшийся хищник образуют единую композицию. Большинство из них — случайные находки, которые не могут быть датированы и интерпретированы независимо, но известны предметы и из закрытых комплексов, например в Юйхуанмяо (Шульга, 2021; Huan, Brosseder, 2024).

4. Почти весь корпус находок в зверином стиле в кургане Туннуг относится к предметам упряжи верхового коня, но фигуру горного козла на крупном кольце (рис. 3, 3), также найденную среди конских костей, можно определить как украшение колесницы. Она выделяется как представленным образом и его художественным воплощением, так и технологическим, функциональным строением предмета.

Полной формальной аналогии такой форме предмета мы не нашли, но имеются довольно близкие фигуры козлов (рис. 4, 19) из Казахстана — из кургана 2 памятника Тасмола V (эпонимного для выделенной в Казахстане тасмолинской культуры раннескифского времени). Авторы раскопок интерпретировали этот курган как сильно ограбленный, и эти навершия, как и семь черепов коней (с удилами *in situ*), — как перемещенные. Однако, судя по иллюстрации (Кадырбаев, 1966. С. 325), это вполне могли бы быть остатки колесницы (или модели колесницы) на древней поверхности под насыпью кургана. Подобного рода реконструкции, как и в целом идеи о колесничном комплексе среди скифских древностей, в те годы не рассматривались, и, например, предположение о наличии колесницы в кургане Аржан 1 (исследованном позже Тасмола) было высказано только в начале XXI в. (Савинов, 2002. С. 65), что далее дополнительно подтвердилось наличием в коллекции находок рогового ярма (Смирнов, 2012). Функционально эти навершия, видимо, большими кольцами надевались на дышло (и фигура оказывалась направленной вперед, а не вбок), а нижние отверстия служили для какого-то дополнительного крепления.

Возможность использования колесницы (или модели колесницы) для своеобразной инсталляции на поверхности кургана на рубеже IX–VIII вв. до н. э. не должна вызывать удивление. Они продолжают использоваться в погребальных или постпогребальных ритуалах в синхронных богатых захоронениях в Китае эпохи Западного Чжоу (Rawson et al., 2021) и даже позже. В среде высокоомобильных всадников колесницы уже,

видимо, не имели какой-то боевой значимости, но они вполне могли сохраниться именно в сфере ритуала. По меньшей мере и в сбруе верхового коня, и в украшениях человека крупная фигура козла на массивном кольце кажется неуместной.

5. Образ козла/барана в материалах кургана Туннуг 1 представлен вариантами двух разных художественных традиций. Полнофигурное навершие из бронзы (рис. 3, 3) однозначно относится к «аржано-майэмирскому» художественному стилю, который в том числе широко представлен на оленных камнях и петроглифах. Костяное навершие из погребения (рис. 3, 1) выполнено в гораздо более условной манере. Оно содержит важный иконографический элемент — дуги вокруг глаз, которые, если мы трактуем их как рога, находят широкий круг параллелей как в раннескифских, так и в предскифских памятниках.

Этот прием (рога вокруг глаз) во Внутренней Азии в предскифское время представлен на навершиях ножей «карасукских» бронз, причем как в Южной Сибири (Поляков, 2022) и Монголии (Gantulga, 2024), так и в Северном Китае (например, рис. 4, 11; Rawson et al., 2020). В недавних работах был предложен новый термин «стиль Тэвш» (Чугунов и др., 2020; Чугунов, 2021) для этой предскифской традиции звериного стиля (рис. 4, 10, 11, 13) во Внутренней Азии, часть находок которого происходит из хорошо датированных китайских погребений эпохи Поздней Шан. Эта пока еще не слишком четко определенная историческая общность, по мнению авторов, оказала решающее влияние на происхождение собственно скифского звериного стиля. Одна из ярких особенностей «стиля Тэвш» — трактовка глаз как сквозных трубочек — действительно находит полное соответствие в материалах кургана Туннуг.

Позже образ барана (или «грифобарана») с рогами вокруг глаз появляется во Внутренней Азии и на трехдырчатых костяных псалях (например, рис. 4, 16) и в этом качестве впоследствии широко представлен в европейских раннескифских памятниках (рис. 4, 14), например, в Келермесе (Галанина, 1983). А. А. Ковалев именно по этому специфическому образу даже предлагает проследить миграцию конкретного исторического племени скифов-ашкуза из отдельных районов Внутренней Азии сначала на Северный Кавказ, а потом и в Причерноморье (Ковалев, 2014).

Функциональность костяного навершия (рис. 3, 1) непонятна, прямых аналогий нет, его художественный стиль несколько отличается от остальных находок на памятнике, что допол-

нительно может свидетельствовать о разнородном составе его строителей.

6. В Аржане 1 (Хаврин, 2003) и Аржане 5 (Руквишникова, 2017) все находки со звериным стилем отлиты из оловянистой бронзы. На этой основе можно было бы предполагать, что носители этой первой скифской традиции звериного стиля всегда использовали олово, но находки из кургана Туннуг 1 опровергают такую связь стиля и технологии. В нашей предыдущей работе, описывающей кластерное расположение следов жертвоприношений на поверхности памятника, отмечено, что для разных кластеров характерен разный состав металла (Sadykov et al., 2024). Эта закономерность отразилась и на предметах, выполненных в зверином стиле (табл.), — из оловянистой бронзы отлиты только кинжалы и две находки из кластера 4 к западу от центра. Все остальные сделаны из мышьяковистой бронзы, без олова.

7. Давно известна и пока представляется наиболее обоснованной гипотеза М. П. Грязнова о том, что Аржан 1 в Туве был построен не только и не столько обитателями собственно Уюкской котловины, но широкой конфедерацией разных сообществ, и эта разнородность отразилась в материалах памятника, в том числе и планиграфически. Расположение находок на поверхности кургана Туннуг 1 отражает, видимо, ту же социальную ситуацию, и в русле этой гипотезы можно сделать несколько важных выводов.

8. В материалах Аржана 1 (и Аржана 5) нет самого распространенного в Туннуге 1 образа — птичьей головы. В представленных материалах этот образ встречается многократно, но очень четко локализуется не на всем пространстве памятника, а только в двух кластерах — 1 и 5. Возможно, сообщества, ответственные за эти кластеры, в постройке Аржана 1 и Аржана 5 не участвовали. И возможно, здесь мы видим процесс передачи и распространения образа птичьей головы в общий скифо-сибирский канон.

9. Более того, часть «конфедерации», участвовавшей в возведении кургана Туннуг, видимо, и не имела в своей традиции никакого звериного стиля, так как многие предметы декорированы, скорее, геометрическими орнаментами. Вероятно, начало массового использования звериного стиля могло быть связано как раз с появлением нового, более широкого, но и более структурированного сообщества.

10. Как это часто бывает, не менее важным оказалось не то, что нашлось, но то, что не нашлось. Отдельно необходимо отметить полное

отсутствие предметов в зверином стиле, сделанных из золота, при том что в двух непогребенных погребениях в кургане сохранилась масса золотых украшений, да и среди жертвоприношений коней найдено довольно много фрагментов золотой фольги, то есть золото как материал для строителей кургана было знакомо. Но все изделия в скифо-сибирском зверином стиле выполнены исключительно из бронзы и кости.

В культурно, статусно и хронологически близком кургане Аржан 1 также не зафиксированы золотые предметы в зверином стиле. М. П. Грязнов считал, что изначально они все-таки присутствовали, но центральные погребения в Аржане 1 были ограблены. Этот вывод строился исключительно на основе находок отдельных бирюзовых пластинок, которые он интерпретировал как инкрустации (Грязнов, 1980. С. 45, 46). В кургане Туннуг сохранились два непогребенных богатых погребения с золотыми изделиями, но не в зверином стиле, и теперь достаточно обоснованно можно предположить, что и в Аржане 1 золотых изделий в зверином стиле могло и не быть.

11. Отметив отсутствие предметов из золота в зверином стиле, необходимо констатировать и в целом отсутствие выполненных в зверином стиле украшений человека, что справедливо и для Аржана 1. Почти весь корпус находок в зверином стиле в кургане Туннуг относится к предметам конской упряжи. В погребениях зафиксированы костяные напершия и акинак, то есть в зверином стиле были украшены функциональные предметы, но не люди. Традиция «золотых людей» с многочисленными нашивками, бляшками и т. д., оформленными классическими скифскими образами, к концу IX в. до н. э. еще, видимо, не сложилась.

Заключение

Феномен скифо-сибирского звериного стиля многогранен, сложен и может рассматриваться с применением разных методических подходов. Однако для обоснованных гипотез и выводов необходимы надежные исходные данные. Значительная часть скифо-сибирского искусства не имеет независимо определенной хронологической позиции, а для раннего этапа, памятников которого в целом мало, эта проблема особенно актуальна. Данная статья вписывает в этот дискурс новый надежный источник.

Отмеченные аспекты: скудость изначального набора изображаемых животных; семантика образа свернувшегося хищника в связи с композиционно встречаемыми образами; отдельный канон колесничных украшений; специфическая иконография бараньей головы, единой традицией проходящая от «стиля Тэвш» до европейских скифских памятников; очень своеобразный образ птичьей головы с сильно загнутым клювом; возможная конфедеративность (а не унитарность) носителей раннескифских традиций; наличие раннего звериного стиля прежде всего на функциональных предметах, а не на украшениях; зарождение звериного стиля на вещах из бронзы и кости и только позднейший его перенос в золото, — все эти аспекты требуют дальнейшего анализа, дополнения, разработки, уточнения и развития.

Благодарим Дарью Фомичеву (ИИМК РАН) за помощь, Катерину Кузину (ИИМК РАН) за рисунки и Константина Чугунова (Гос. Эрмитаж) за советы.

Статья поступила в редакцию 14 октября 2025 г.

Таблица. Курган Туннуг 1. Элементный состав металла рассматриваемых в статье предметов

Table. Tunnug 1. Elemental composition of the metal of the objects under consideration

Предмет	Кластер	Рис.	№ образца, год анализа	Элемент, массовая доля, %									
				Cu	As	Sn	Pb	Sb	Ag	Zn	Fe	Ni	Bi
«Птицы»													
Распределитель	1	6, 1	FG-138, 2020	Осн.*	2,0–3,0	–	Сл.	<0,2	Сл.	–	Сл.	<0,8	Сл.
То же	1	6, 1	EF-007, 2021	Осн.	2,0–3,0	–	–	<0,4	Сл.	–	<0,2	1,0–2,0	<0,3
То же	5	6, 1	BC-310, 2024	Осн.	4,0–5,0	–	Сл.	<0,8	Сл.	–	<0,5	1,0–1,5	Сл.
То же	5	6, 1	BC-311, 2024	Осн.	4,0–5,0	Сл.	<0,3	<0,8	Сл.	–	Сл.	1,0–2,0	Сл.
То же	5	6, 1	CD-201, 2024	Осн.	5,0–7,0	–	–	<0,7	Сл.	–	<0,2	2,0–3,0	<0,3
То же	5	6, 1	CD-204, 2024	Осн.	2,0–3,0	–	–	<0,5	Сл.	–	<0,2	1,0–1,5	Сл.
То же	5	6, 1	CD-205, 2024	Осн.	2,0–3,0	–	–	Сл.	–	–	<0,2	1,0–2,0	<0,2

Таблица, продолжение

Предмет	Кластер	Рис.	№ образца, год анализа	Элемент, массовая доля, %									
				Cu	As	Sn	Pb	Sb	Ag	Zn	Fe	Ni	Bi
То же	5	6, 1	CD-206, 2024	Осн.	2,0–3,0	–	–	Сл.	?	–	Сл.	1,0–2,0	Сл.
То же	1	6, 1	DE-221, 2024	Осн.	2,0–3,0	–	–	?	–	–	<0,2	2,0–3,0	Сл.
То же	1	6, 1	DE-224, 2024	Осн.	3,0–4,0	–	–	<0,2	?	–	<0,3	1,0–2,0	Сл.
То же	1	6, 1	DE-321, 2024	Осн.	8,0–10,0	–	–	<0,9	Сл.	–	<0,7	3,0–4,0	<0,3
То же	1	6, 1	DE-323, 2024	Осн.	4,0–5,0	–	–	<0,8	Сл.	–	Сл.	2,0–3,0	<0,3
То же	1	6, 1	DE-324, 2024	Осн.	9,0–11,0	–	–	<0,8	Сл.	–	Сл.	2,0–4,0	<0,3
То же	1	6, 1	EF-016, 2024	Осн.	7,0–9,0	Сл.	Сл.	<0,6	Сл.	–	Сл.	2,0–3,0	<0,4
То же	1	6, 1	EF-018, 2024	Осн.	7,0–9,0	–	–	<0,5	Сл.	–	<0,2	4,0–6,0	<0,3
То же	1	6, 1	EF-021, 2024	Осн.	4,0–5,0	<0,6	Сл.	<0,5	Сл.	–	Сл.	1,0–2,0	Сл.
То же	1	6, 1	EF-047, 2024	Осн.	3,0–4,0	–	–	<0,8	<0,2	–	Сл.	1,0–2,0	<0,3
То же	1	6, 1	EF-087, 2024	Осн.	6,0–7,0	–	–	<0,9	Сл.	–	–	1,0–2,0	<0,3
То же	1	6, 1	FG-571, 2024	Осн.	6,0–8,0	–	–	<0,6	<0,2	–	Сл.	1,0–2,0	<0,4
То же	1	6, 1	DE-220, 2024	Осн.	3,0–4	–	Сл.	Сл.	–	–	Сл.	1,0–2,0	Сл.
То же**	1	6, 1	DE-247, 2024	Осн.	7,0–9,0	–	Сл.	<0,6	Сл.	–	–	1,0–2,0	<0,4
Накладка	1	6, 2	DE-109, 2024	Осн.	1,0–3,0	–	–	<0,6	Сл.	–	<0,2	1,0–2,0	Сл.
Накладка	1	6, 2	EF-074, 2024	Осн.	<1,0	–	–	<0,5	Сл.	Сл.	<0,2	Сл.	Сл.
Пронизка	5	6, 3	BC-314, 2024	Осн.	≈1,0	–	Сл.	<0,8	Сл.	–	–	1,0–2,0	Сл.
Пронизка	5	6, 3	CD-240, 2024	Осн.	1,0–2,0	Сл.	–	<0,6	Сл.	–	–	1,0–2,0	Сл.
Пронизка	5	6, 3	CD-418, 2024	Осн.	2,0–4,0	<0,5	<0,3	<0,9	Сл.	–	Сл.	1,0–2,0	<0,6
Пронизка	1	6, 3	DE-130, 2024	Осн.	2,0–4,0	–	–	<0,8	Сл.	–	–	1,0–2,0	Сл.
Пронизка	1	6, 3	EF-162, 2024	Осн.	3,0–4,0	<0,3	Сл.	<1,0	Сл.	–	Сл.	≈1,0	<0,5
Псалий	5	6, 4	BC-309, 2024	Осн.	5,0–6,0	–	–	≈1,0	Сл.	–	<0,5	≈1,0	<0,2
«Змеи»													
Псалий	5	7	BC-318, 2024	Осн.	<0,6	–	<0,6	?	<0,2	–	<0,3	Сл.	Сл.
Псалий (фр.)	5	7	CD-207, 2024	Осн.	7,0–8,0	–	–	1,0–2,0	Сл.	–	<0,2	1,0–1,5	<0,6
Псалий (фр.)	5	7	CD-386, 2024	Осн.	<0,5	–	<0,3	–	Сл.	–	Сл.	1,0–2,0	–
Псалий (фр.)	5	7	CD-387, 2024	Осн.	≈1,0	–	<0,3	–	<0,2	–	<0,3	1,0–2,0	<0,5
Псалий	1	7	DE-085, 2024	Осн.	1,0–2,0	–	–	<0,4	Сл.	Сл.	<0,5	1,0–2,0	Сл.
Псалий	1	7	DE-099, 2024	Осн.	1,0–2,0	Сл.	?	<0,3	Сл.	–	–	1,0–2,0	Сл.
Псалий	1	7	DE-223, 2024	Осн.	2,0–3,0	?	Сл.	<0,4	<0,2	–	Сл.	2,0–3,0	Сл.
Псалий	1	7	DE-246, 2024	Осн.	3,0–4,0	–	Сл.	Сл.	Сл.	–	<0,3	2,0–3,0	Сл.
Псалий	1	7	DE-338, 2024	Осн.	≈1,0	–	Сл.	–	Сл.	–	<0,2	1,0–2,0	Сл.
Псалий	1	7	EF-027, 2024	Осн.	2,0–4,0	–	Сл.	<0,6	–	–	–	1,0–2,0	<0,2
Псалий	1	7	EF-046, 2024	Осн.	2,0–3,0	–	–	<0,7	Сл.	–	<0,2	1,0–2,0	Сл.
Псалий	1	7	EF-066, 2024	Осн.	1,0–3,0	–	–	<0,7	Сл.	Сл.	<0,2	1,0–2,0	<0,3

Таблица, окончание

Предмет	Кластер	Рис.	№ образца, год анализа	Элемент, массовая доля, %									
				Cu	As	Sn	Pb	Sb	Ag	Zn	Fe	Ni	Bi
Псалий	1	7	EF-012, 2024	Осн.	1,0–1,5	–	?	<0,2	Сл.	–	Сл.	Сл.	Сл.
Псалий	1	7	EF-070, 2024	Осн.	5,0–7,0	–	–	≈1,0	Сл.	–	Сл.	1,0–2,0	<0,6
Псалий (фр.)	1	7	EF-217, 2024	Осн.	1,0–1,5	–	–	<0,3	Сл.	–	Сл.	≈1,0	–
«Пантеры»													
Накладка	1	5, 1	DE-114, 2024	Осн.	1,0–2,0	<0,6	–	<0,4	Сл.	–	Сл.	2,0–3,0	–
Накладка	4	5, 2	LM-435, 2024	Осн.	≈1,0	18,0–22,0	<1,0	<0,3	Сл.	–	<1,0	Сл.	–
Кинжал	В погребении	5, 3	И-534, 2024	Осн.	5,0–6,0	18,0–20,0	2,0–3,0	<0,6	<0,2	–	<0,3	≈1,0	<0,5
Кинжал	В жертвоприношениях	5, 4	РА-396, 2024	Осн.	<0,4	24,0–27,0	–	–	–	–	<0,4	Сл.	–
«Козлы и бараны»													
Навершие	4	3, 3	MN-391, 2024	Осн.	<1,0	14,0–18,0	≈1,0	<0,5	–	–	1,0–1,5	–	–

* Осн. — основа, сл. — следы.

** Остальные распределители имеют сходный состав (мышьяковистая бронза без олова).

Алексеев, 2019 — Алексеев А. Ю. Грифон и змея в скифском искусстве // Археология і давня історія України. 2019. Вип. 2 (31). С. 398–401. <https://doi.org/10.37445/adiu.2019.02.32>

Артамонов, 1971 — Артамонов М. И. Скифо-сибирское искусство звериного стиля (основные этапы и направления) // Проблемы скифской археологии. М.: Наука, 1971 (МИА; № 177). С. 24–35.

Богданов, 2006 — Богданов Е. С. Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии (скифо-сибирская художественная традиция). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2006. 240 с.

Вишневская, 1973 — Вишневская О. А. Культура сакских племен низовьев Сыр-Дарьи в VII–V вв. до н. э. по материалам Уйгарака. М.: Наука, 1973. 160 с.

Галанина, 1983 — Галанина Л. К. Раннескифские уздечные наборы (по материалам Келермесских курганов) // АСГЭ. 1983. Вып. 24. С. 32–55.

Грязнов, 1980 — Грязнов М. П. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л.: Наука, 1980. 63 с.

Грязнов, 1983 — Грязнов М. П. Начальная фаза развития скифо-сибирских культур // Археология Южной Сибири. 1983. Вып. 12. С. 3–18.

Грязнов, 1984 — Грязнов М. П. О монументальном искусстве на заре скифо-сибирских культур в степной Азии // АСГЭ. 1984. Вып. 25. С. 79–82.

Джумабекова, Базарбаева, 2011 — Джумабекова Г. С., Базарбаева Г. А. В поисках следов свернувшейся пантеры: к изучению памятников Майемирской степи // История и археология Семиречья. Алматы, 2011. Вып. 4. С. 67–88.

Кадырбаев, 1966 — Кадырбаев М. К. Памятники тасмолинской культуры // Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1966. С. 303–433.

Канторович, 2022 — Канторович А. Р. Искусство скифского звериного стиля Восточной Европы (классификация, типология, хронология, эволюция). В 2 т. М.: МГУ, 2022 (Труды ист. фак-та МГУ, Вып. 215. Серия II: Исторические исследования, Т. 146). Т. 1 — 431 с.; Т. 2 — 358 с.

Киселев, 1951 — Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 644 с.

Ковалев, 2014 — Ковалев А. А. Происхождение скифов из Джунгарии: основания гипотезы и ее современное состояние // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях: сб. памяти Е. Е. Кузьминой / Отв. ред. В. И. Молодин, А. В. Епимахов. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2014. С. 124–136.

Медведская, 2013 — Медведская И. Н. Конский убор Древнего Ирана: вопросы хронологии, происхождения и развития // Российский археологический ежегодник (РАЕ). 2013. № 3. С. 412–441.

Поляков, 2022 — Поляков А. В. Хронология и культурогенез памятников эпохи палеометалла Минусинских котловин. СПб.: ИИМК РАН, 2022. 364 с. <https://doi.org/10.31600/978-5-907298-32-3>

Рукавишников, 2017 — Рукавишников И. В. Звериный стиль Аржана-5 (комплексный подход в изучении предметов, декорированных в зверином стиле) // КСИА. 2017. Вып. 247. С. 163–175.

Рябкова, 2014 — Рябкова Т. В. Курган 524 у с. Жаботин в системе памятников периода скифской архаики // РАЕ. 2014. № 4. С. 372–432.

- Савинов*, 2002 — *Савинов Д. Г.* Ранние кочевники Верхнего Енисея. Археологические культуры и культурогенез. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. 204 с.
- Савинов*, 2017 — *Савинов Д. Г.* Нуклеарное искусство звериного стиля // КСИА. 2017. Вып. 247. С. 28–49.
- Смирнов*, 2012 — *Смирнов Н. Ю.* На чем ездил аржанский «царь»? // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: Материалы междунар. науч. конф. / Редкол. В. А. Алёшкин и др. Кн. 2. СПб.: ИИМК РАН, 2012. С. 424–432.
- Тереножкин*, 1976 — *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. Киев: Наукова думка, 1976. 224 с.
- Хаврин*, 2003 — *Хаврин С. В.* Металл скифских памятников Тувы и кургана Аржан // Степи Евразии в древности и средневековье: Материалы междунар. науч. конф. / Отв. ред. Ю. Ю. Пиотровский. Кн. II. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. С. 171–173.
- Чугунов*, 2020 — *Чугунов К. В.* Тува в первом тысячелетии до н. э.: модель мультикультурности // АВ. 2020. Вып. 26. С. 136–143. <https://doi.org/10.31600/1817-6976-2020-26-136-143>
- Чугунов*, 2021 — *Чугунов К. В.* Стилль Тэвш, оленные камни Монголии и нуклеарный звериный стиль // Творец культуры. Материальная культура и духовное пространство человека в свете археологии, истории и этнографии / Отв. ред. Н. Ю. Смирнов. СПб.: ИИМК РАН, 2021. С. 643–655. <https://doi.org/10.31600/978-5-907298-22-4.643-655>
- Чугунов и др.*, 2020 — *Чугунов К. В., Роусон Дж., Гребнев Г. А.* Соратники и жертвы шанского Китая. О локализации степного компонента в культуре Шан // *Stratum Plus*. 2020. № 2: Узы невозврата. Праисторические миграции в потоке культуры. С. 409–438.
- Шульга*, 2021 — *Шульга П. И.* Ранние скифоидные культуры Северного Китая // Творец культуры... СПб.: ИИМК РАН, 2021. С. 247–260. <https://doi.org/10.31600/978-5-907298-22-4.247-260>
- Amir, Roberts*, 2023 — *Amir S., Roberts R. S.* The Saka “animal style” in context: material, technology, form and use // *Arts*. 2023. Vol. 12 (1). P. 23. <https://doi.org/10.3390/arts12010023>
- Bunker et al.*, 2002 — *Bunker E., Watt J., Sun Z.* Nomadic art of the Eastern Eurasian Steppes. New York: Metropolitan Museum of Art, 2002. 248 p.
- Caspari*, 2020 — *Caspari G.* Mapping and damage assessment of “royal” burial mounds in the Siberian Valley of the Kings // *Remote Sensing*. 2020. Vol. 12 (5). P. 773. <https://doi.org/10.3390/rs12050773>
- Caspari et al.*, 2018 — *Caspari G., Sadykov T., Blochin J., Hajdas I.* Tunnug 1 (Arzhan 0) — an early Scythian kurgan in Tuva Republic, Russia // *Archaeological Research in Asia*. 2018. Vol. 15. P. 82–87. <https://doi.org/10.1016/j.ara.2017.11.001>
- Caspari et al.*, 2020 — *Caspari G., Sadykov T., Blochin J., Bolliger M., Szidat S.* New evidence for a Bronze Age date of chariot depictions in the Eurasian steppe // *Rock Art Research*. 2020. Vol. 37 (1). P. 53–58.
- Caspari et al.*, 2025 — *Caspari G., Deter-Wolf A., Riday D., Vavulin M., Pankova S.* New high-resolution near-infrared data reveal Pazyryk tattooing methods // *Antiquity*. 2025. Vol. 99 (407). P. 1267–1281. <https://doi.org/10.15184/AQY.2025.10150>
- Cunliffe*, 2019 — *Cunliffe B.* The Scythians: nomad warriors of the Steppe. Oxford: Oxford University Press, 2019. 352 p.
- Gantulga*, 2024 — *Gantulga Z.-O.* Khögjingüi ba khojuu khürliin üyeiin am'tny zagvart urlagiin gol dörүүд [Main figures in animal-style art of the Middle and Late Bronze Age] // *Mongolian Journal of Anthropology, Archaeology and Ethnology*. 2024. Vol. 13 (1). P. 8–29.
- Huan, Brosseder*, 2024 — *Huan L., Brosseder U.* Yuhuangmiao: the socio-cultural dynamics of a community between the steppes and the Chinese plains // *Asian Archaeology*. 2024. Vol. 8. P. 229–249. <https://doi.org/10.1007/s41826-024-00098-4>
- Jettmar*, 1994 — *Jettmar K.* Body-painting and the roots of the Scytho-Siberian animal style // *The archaeology of the steppes: methods and strategies* / Ed. B. Genito. Naples: Istituto Universitario Orientale, Dipartimento di Studi Asiatici, 1994. P. 3–15.
- Kuzmin*, 1994 — *Kuzmin N. Y.* Burial mounds of nobles of the early Scythian period in the Minusinsk hollow, Siberia // *New archaeological discoveries in Asiatic Russia and Central Asia*. St. Petersburg: IHMC RAS, 1994. P. 44–47.
- Masters of the Steppe...*, 2020 — *Masters of the Steppe: The Impact of the Scythians and Later Nomad Societies of Eurasia* / Eds. St J. Simpson, S. Pankova. London: Archaeopress, 2020. 802 p.
- O'Sullivan, Hommel*, 2020 — *O'Sullivan R., Hommel P.* Fantastic beasts and where to find them: Composite animals in the context of Eurasian Early Iron Age art // *Art in the Eurasian Iron Age: Context, connections and scale* / Eds. C. Nimura et al. Oxford: Oxbow Books, 2020. P. 53–69.
- Rawson et al.*, 2020 — *Rawson J., Chugunov K., Grebnev Y., Huan L.* Chariotry and Prone Burials: Reassessing Late Shang China's Relationship with Its Northern Neighbours // *Journal of World Prehistory*. 2020. Vol. 33. P. 135–168. <https://doi.org/10.1007/s10963-020-09142-4>
- Rawson et al.*, 2021 — *Rawson J., Huan L., Taylor W.* Seeking Horses: Allies, Clients and Exchanges in the Zhou Period (1045–221 BC) // *Journal of World Prehistory*. 2021. Vol. 34. P. 489–530. <https://doi.org/10.1007/s10963-021-09161-9>
- Sadykov et al.*, 2020 — *Sadykov T., Caspari G., Blochin J.* Kurgan Tunnug 1 — New Data on the Earliest Horizon of

- Scythian Material Culture // *Journal of Field Archaeology*. 2020. Vol. 45 (8). P. 556–570. <https://doi.org/10.1080/00934690.2020.1821152>
- Sadykov *et al.*, 2024 — Sadykov T., Blochin J., Taylor W., Fomicheva D., Kasparov A., Khavrin S., Malyutina A., Szidat S., Caspari G. A spectral cavalcade: Early Iron Age horse sacrifice at a royal tomb in southern Siberia // *Antiquity*. 2024. Vol. 98 (402). P. 1538–1557. <https://doi.org/10.15184/aqy.2024.145>
- Sadykov *et al.*, 2025 — Sadykov T., Blochin J., Khavrin S., Caspari G. Expanding the corpus of the earliest Scythian animal-style artefacts // *Antiquity*. 2025. 99 (408). P. 1569–1585. <https://doi.org/10.15184/aqy.2025.10214>
- Shulga, Shulga, 2020 — Shulga P., Shulga D. The cultures of the Early Iron Age in China as a part of the Scythian World // *Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region*. 2020. Vol. 12. P. 111–147. <https://doi.org/10.24411/2713-2021-2020-00004>
- Vavulin *et al.*, 2021 — Vavulin M., Chugunov K., Zaitceva O., Vodyasov E., Pushkarev A. UAV-based photogrammetry: Assessing the application potential and effectiveness for archaeological monitoring and surveying in the research on the “Valley of the Kings” (Tuva, Russia) // *Digital Applications in Archaeology and Cultural Heritage*. 2021. Vol. 20. P. e00172. <https://doi.org/10.1016/j.daach.2021.e00172>
- Yablonsky, 1995 — Yablonsky L. T. Some ethnogenetical hypotheses // *Nomads of the Eurasian Steppes in the Early Iron Age* / Eds. J. Davis-Kimball *et al.* Berkeley CA: Zinat Press, 1995. P. 241–252.

The earliest imagery of the Scytho-Siberian animal style

T. R. Sadykov, J. K. Blochin, S. V. Khavrin, G. Caspari⁴

Keywords: Eurasian Steppe, Inner Asia, Siberia, Tuva, Early Iron Age, Arzhan, Tunnug, Scythian-Siberian Animal Style

The study (a more detailed text in English was recently published (Sadykov *et al.*, 2025)) analyses artefacts decorated in the Scytho-Siberian animal style from the Tunnug 1 kurgan (Tuva Republic, Inner Asia), securely dated to the late 9th — early 8th cent. BCE. Belonging to the same cultural horizon as Arzhan 1, these finds provide the earliest securely dated evidence of the formation of the Scythian artistic canon. The Tunnug 1 assemblage comprises a small but coherent set of motifs — ovicaprids, felines, aves and serpents — executed on functional objects such as cheekpieces, strap distributors and dagger pommels. The absence of gold ornaments and of animal-style adornments for the human body, together with the exclusive use of bronze and bone, indicates that at this stage the animal style served a ritual and symbolic purpose rather than an ornamental one. Detailed analysis reveals stylistic heterogeneity and technological diversity. Tin bronzes predominate in only 2 of the 5 sacrificial clusters on the mound surface, whereas most artifacts are made of arsenical bronze. This metallurgical variability, combined with distinct spatial patterning, supports the view that the great early kurgans of Tuva were collective enterprises of several communities rather than single one. The coexistence of geometric and animal-style decoration points to the convergence of different visual traditions within a newly forming nomadic culture. Iconographically, the Tunnug 1 finds include not only the “Arzhan — Mayemir” artistic style, but also other traditions, such as the “horns around the eyes” motif, which has more ancient prototypes of Inner Asian origin. The serpent-shaped “tunnug-type” cheekpieces, unparalleled in the steppe but comparable to Hasanlu (Iran), suggest early trans-regional exchange of imagery. Taken together, the Tunnug 1 finds define the initial phase of the Scytho-Siberian animal style: a highly stylized yet narrowly focused visual system rooted in the sphere of horse gear and weaponry. The stylistic and technological diversity of the assemblage reflects a confederative cultural landscape in which multiple communities contributed to the emergence of the Scythian world at the dawn of the first millennium BC.

⁴ Timur R. Sadykov, Jegor K. Blochin — Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia; e-mail: timur.r.sadykov@gmail.com, jegor.blochin@gmail.com. Sergey V. Khavrin — The State Hermitage Museum, St. Petersburg, Russia; e-mail: sergekhavrin@ya.ru. Gino Caspari — University of Bern, Bern, Switzerland; e-mail: gino.caspari@gmail.com.

Греко-скифские зооморфные изображения на золотой ажурной ленте из Александропольского кургана¹

А. Р. Канторович²

Аннотация. Статья содержит иконографический анализ зооморфных изображений на золотой ажурной ленте, украшавшей нагрудный ремень жертвенного коня из Александропольского кургана. Сделан вывод о «пограничном» характере данных изображений, возникших в результате взаимодействия двух традиций — древнегреческого зооморфизма и скифского звериного стиля.

Ключевые слова: Александропольский курган, золотая лента, греческая классика, скифский звериный стиль, химера

DOI 10.31600/1817-6976-2026-50-59-74

В 1970-х гг. Н. А. Онайко поставила вопрос о греко-скифском симбиозе в зооморфной торевтике Северного Причерноморья, греко-скифском художественном «койнэ» (Онайко, 1976. С. 71–73). Исследовательница выделила три тенденции в производстве северопричерноморской торевтики; по ее словам, «первая находит отражение в произведениях, заведомо возникших в варварской среде, произведениях меотского и скифского звериного стиля. Вторая представлена греческими изделиями, которые в полной мере удовлетворяли запросы местного населения, далеко не ограничивающегося собственными предметами звериного стиля. Третья тенденция находит свое выражение в греко-варварских изделиях, подчеркивающих бесконечно разнообразные художественные вкусы заказчиков и исполнителей как результат сложения исторических процессов, происходивших в греко-меото-скифском мире. Ни один вид северопричерноморского искусства не оставил нам столько памятников, свидетельствующих об этом, как торевтика» (Там же. С. 72).

Как представляется, именно в русле третьей тенденции — в манере греко-скифского художе-

ственного «койнэ» — выполнена золотая лента, нашитая на конский нагрудный ремень из знаменитого Александропольского кургана в Нижнем Поднепровье, раскопанного в 1852–1856 гг. под началом А. В. Терещенко и А. Е. Люценко и доследованного на протяжении шести сезонов в 2004–2009 гг. Скифской степной археологической экспедицией Института археологии НАН Украины под руководством С. В. Полина.

Александропольский курган, как известно, является одним из крупнейших, если не самым крупным, из скифских курганов³. Этот грандиозный и сложный погребальный комплекс, безусловно, относится к усыпальницам царского уровня и в таком качестве содержит ряд выдающихся предметов торевтики, в том числе выполненных как в греческой манере, так и в скифском зверином стиле, а также в греко-скифском стиле, то есть мы наблюдаем здесь все три тенденции, которые обозначила Н. А. Онайко.

Золотая лента, о которой говорится в статье (рис. 1), украшала одного из взнузданных и оседланных коней, найденных в рамках объекта V, по обозначению А. Е. Люценко, обнаружившего этот комплекс. Эти кони были принесены

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 22-18-00108-П «Северный Кавказ в эпоху поздней бронзы и раннего железа: люди, кони, металл».

² Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва; e-mail: kantorovich@mail.ru.

© Канторович А. Р., 2026

³ По заключению С. В. Полина, высота кургана «по разным данным составляла от 10 до 13 саженей (21,3–27,7 м), наиболее вероятно — около 11 саженей, что составляет около 24 м» (Полин, Алексеев, 2018. С. 234), диаметр достигал 129,1 м (Там же. С. 19).

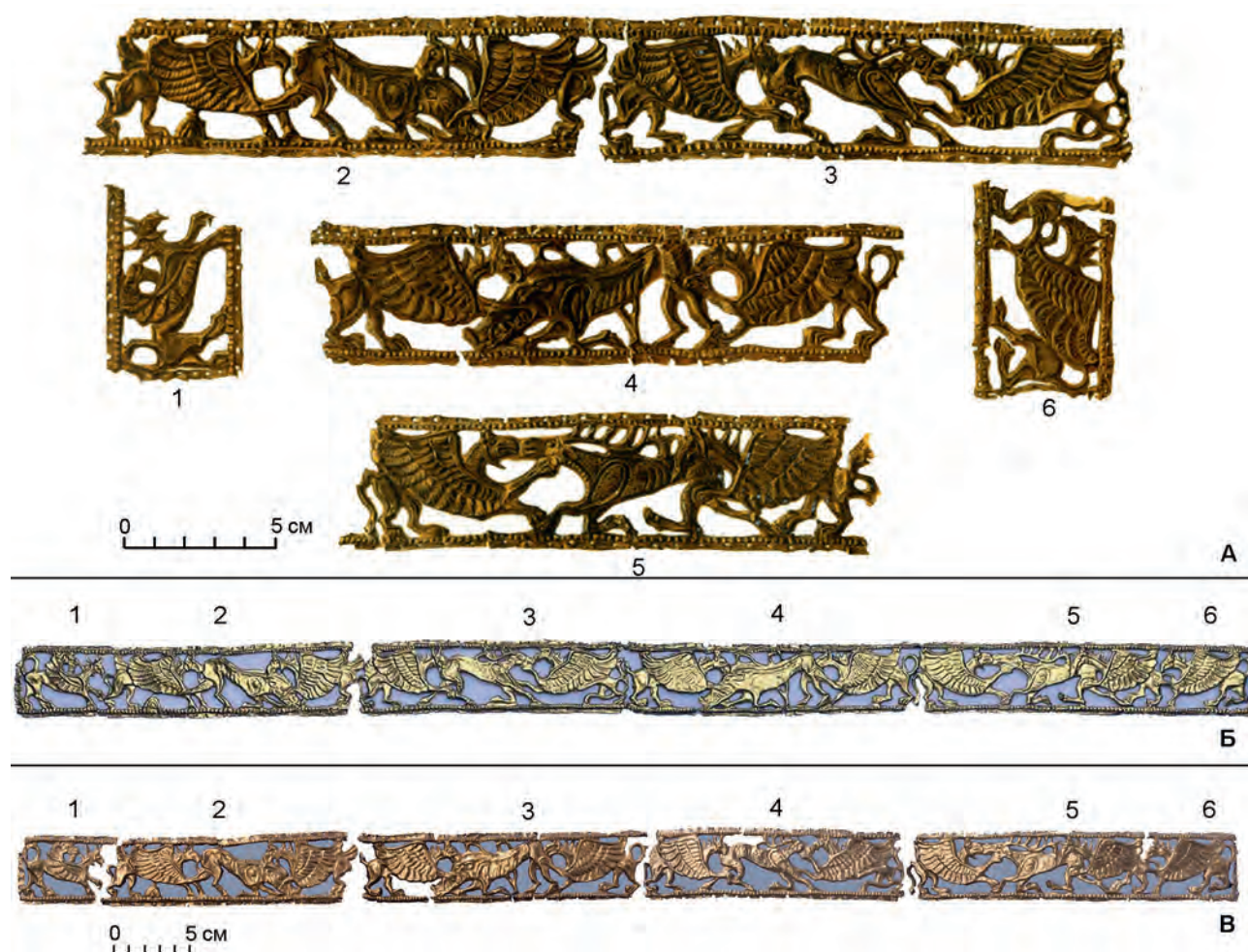

Рис. 1. Золотая лента, нашитая на конский нагрудный ремень (ГЭ, Дн 1856 1/15), восточный дромос Александропольского кургана, разные публикации (А–В). 1–6 — сцены композиции

Fig. 1. A gold ribbon sewn onto a horse's breastplate (ГЭ, Дн 1856 1/15), the eastern dromos of the Alexandropol burial mound, various publications (A–B). 1–6 — scenes of the composition

[А — Древности Геродотовой..., 1866. Атлас. Табл. XV, 1–5; Б — Алексеев, 2012. С. 254, 255, фото; В — Полин, Алексеев, 2018. Кат. 74. С. 908, рис. 281 (верхний)]

в жертву и подзахоронены в восточный дромос, направленный в центральную гробницу кургана (Полин, Алексеев, 2018. С. 127, 228, 259, цветная вкладка, рис. 218, 5; 219, 5; 220, 5)⁴. В составленной А. Е. Люценко «Описи золотым и другим вещам, найденным в углублениях, галереях, катакомбе и грабительских минах, открытых в материке Алек-

сандропольского кургана, с 14 мая по 1 августа 1856 г.» данная лента была охарактеризована следующим образом: «В завалившейся части большой галереи или подземной конюшни, на протяжении около 5½ сажень от входа в нее, со стороны подошвы кургана до провала, по направлению к центральной катакомбе», был найден «шейный убор лошади, состоящий из золотой ленты длиною в 17½ вершков, шириною в 1 вершок и двух золотых же полукруглых блях, висящих на концах ее, шириною и высотой около 2 вершков. На ленте изображены ажурно вытиснутые фигуры гриффов, нападающие на оленей и кабанов; на полукруглых же бляхах, с бордюльными украшениями, на одной двуглавый дракон, терзающий животное

⁴ По данным М. И. Артамонова, «первая половина коридора, шедшего из этой ямы, была заполнена скелетами лошадей. Ближайшие к яме оказались засыпанными обвалом потолка и поэтому сохранились в целости, тогда как остальные перемешаны грабителями. Всего здесь было положено не менее 14 лошадей» (Артамонов, 1966. С. 56).

наподобие тигра, а на другой два грифа, стоящих на задних лапах, с поднятыми кверху передними лапами» (*Там же*. С. 127). А. Е. Люценко отмечал также, что лента была «найдена переломленной в четырех местах» и располагалась «на шейных позвонках одного из трех лошадиных остовов, оторванных на полу означенной галереи, в 1½ сажени от входа, которых головы обращены были к Центральной катакомбе. Остовы сии лежали рядом вдоль галереи в совершенном порядке. Тот из них, на котором найден описанный шейный убор, лежал на левом боку в середине». Наконец, А. Е. Люценко указывал, что к тому же убору относились золотые бусы, большие, «наподобие бочонков», поменьше, «в виде цилиндриков», а также «золотые гвоздички» (*Там же*).

В рапорте А. Е. Люценко Л. А. Перовскому от 26 июня 1856 г. исследователь привел аналогичное описание, добавив к нему отдельные наблюдения: в частности, что шейный убор состоит «из чистого золота, весом более ½ фунта», а также что, «судя по дырочкам, находящимся на краях ленты, и по золотым гвоздикам, уцелевшим на полукруглых бляхах, надобно полагать, что они были прикреплены к широкому ремню. Тут же отыскано 11 золотых бус, вероятно принадлежавших тому же украшению» (*Там же*. С. 80, 81).

Данное нагрудное / нашейное украшение — как сама лента, так и полуовальные ажурные подвески к ней — было впервые представлено в высококачественных цветных рисунках художника И. Н. Медведева в наиболее раннем издании комплекса Александропольского кургана — в Атласе к 1-му тому «Древностей Геродотовой Скифии» (Древности Геродотовой..., 1866. Атлас. Табл. XV, 1–5); здесь же содержалось описание данного украшения, близкое к тексту вышеприведенного рапорта А. Е. Люценко Л. А. Перовскому от 26 июня 1856 г. (*Там же*. Текст. С. 20). Позже репродукции нагрудника и подвесок не раз публиковались. В частности, в статье Я. М. Лазаревского⁵ в «Записках императорского Русского археологического общества» были представлены копии рисунков из «Древностей Геродотовой

⁵ Я. М. Лазаревский — чиновник Керченского музея, оказывавший помощь А. Е. Люценко в работах на Александропольском кургане. О его жизни, участии в раскопках кургана и судьбе его статьи, написанной на основе отчетов А. Е. Люценко и опубликованной спустя более 35 лет в «Записках императорского Русского археологического общества», подробно рассказано С. В. Полиным (*Полин, Алексеев*, 2018. С. 30, 40, 55, 139, 252).

Скифии» (*Лазаревский*, 1894–1895. Табл. XII, 82)⁶. В монографии М. И. Артамонова были опубликованы фотографии отдельных фрагментов ленты (терзание оленя и терзание кабана грифонами) и подвесок с геральдическими грифонами и с терзанием кошачьего хищника грифоно-гиппокампом (*Артамонов*, 1966. С. 56, 68, 69, рис. 131, 133, 134). Затем А. Ю. Алексеевым были опубликованы высококачественные фотографии всей ленты полностью, а также упомянутых подвесок (*Алексеев*, 2012. Фото на с. 252–257). Наконец, исчерпывающая репродукция (как лицевой, так и обратной стороны) и подробная характеристика ленты и подвесок была реализована в фундаментальной монографической публикации комплекса Александропольского кургана, осуществленной С. В. Полиным и А. Ю. Алексеевым (*Полин, Алексеев*, 2018. Кат. 74–76. С. 908–910, рис. 281–283).

В своей публикации 2012 г. А. Ю. Алексеев указал, что при изготовлении была использована техника басмы и что на ленте (которую исследователь однозначно атрибутировал не как нашейное, а как нагрудное украшение) «представлены сцены нападения грифонов на оленей и кабанов», причем «изображены два вида грифонов, одни из которых — активные и хищные, их крылья направлены назад, а другие представлены в статичной позе с месяцевидными крыльями, концы которых направлены вперед. Судя по известным подобным предметам, такое деление носит не случайный характер, поскольку в древности, вероятно, существовали различные представления о характере того или иного фантастического существа» (*Алексеев*, 2012. С. 252).

В каталоге совместной с С. В. Полиным монографии А. Ю. Алексеев в своем разделе более подробно охарактеризовал эту ленту, приведя все ее параметры⁷ и добавив к написанному им в 2012 г., что «образ грифона, возникший на Ближнем Востоке и получивший широчайшее распространение в древнегреческом изобразительном искусстве,

⁶ Предваряя статью Я. М. Лазаревского, к моменту публикации уже покойного, редактор «Записок...» (А. С. Лаппо-Данилевский) делал оговорку, что прилагаемые таблицы, «благодаря несовершенству техники <...> не обладают требуемой в настоящее время точностью воспроизведения оригинала» (*Лазаревский*, 1894–1895. С. 24, примеч. 1).

⁷ «74. Полоса ажурная <...>. Инвентарный номер: Дн 1856 1/15. Материал: Золото. Размеры: Длина 22,3 см; 19 см; 17,4 см; 21,9 см; Ширина 4,6 см. Вес, проба: Общий вес 144,25 г; 958 ‰» (*Полин, Алексеев*, 2018. С. 553).

был заимствован и стал особенно характерным для скифских памятников с V в. до н. э. Изображения грифонов помещали на различные предметы (оружие, сосуды, украшения) как в качестве терзающих существ нижнего мира, так и существ-хранителей, поскольку у скифов и греков существовала легенда о грифонах, охранявших золото где-то на северо-востоке Европы (Геродот. III. 116; IV. 13, 27)» (Полин, Алексеев, 2018. С. 553, 554).

Время создания этих изображений, исходя из даты Александропольского кургана (предельные хронологические границы комплекса: 340–300 гг. до н. э.)⁸, с одной стороны, связано с эпохой «греческой классики» и началом эпохи эллинизма, с другой — с периодом постепенной деградации скифского звериного стиля. Обе эти тенденции проявляются в изображениях на нагрудной ленте.

Учитывая эклектичность стиля изображений на нагрудной ленте, представляется целесообразным более подробно проанализировать эти образы, прежде всего с точки зрения их соответствия скифской или греческой стилистике и набору персонажей.

Как представляется, диагностическими признаками принадлежности конкретного зооморфного изображения к художественному направлению скифского (и, шире, скифо-сибирского) звериного стиля являются следующие особенности:

1) специфические пропорции персонажа, что предполагает преувеличенность определенных частей его тела: в первую очередь глаз, пасти, ноздрей, ушей, лопатки, бедра — во всех основных мегаобразцах или образных группах (копытные, хищники, птицы, синкретические животные); рогов и копыт — у копытных; зубов и когтей —

у хищников; клюва и крыльев — у птиц; всех вышеперечисленных деталей (при их наличии) — у синкретических животных;

2) акцентирование определенных анатомических деталей (таких как глаз, рога, лопатка, бедро, копыто или лапа) посредством рельефа, линейного обрамления, намеренной геометризации или зооморфного превращения этой детали;

3) специфическая поза животного, соответствующая ограниченному набору поз, строго определенному для той или иной группы образов⁹.

Что касается произведений античного искусства эпохи поздней классики в Северном Причерноморье в сфере торевтики, то, как указывала М. М. Кобылина, им присущи черты греческого классического искусства метрополий («мифологические сюжеты, правдивость изображения человека, гармоничность композиций, мастерство исполнения») в сочетании со стремлением учесть вкусы и запросы местного населения (Античные государства..., 1984. С. 217). К этим характеристикам можно добавить также натурализм в изображениях животных, композиционную свободу, ритмичность и повторяемость мотивов, широкое распространение образа грифона позднегреческого типа.

Исходя из этих критериев, следует исключить из нашего анализа полуовальные подвески к нагрудной ленте с геральдическими грифонами и со сценами терзания кошачьего хищника грифоно-гиппокампом или крылатым драконом (Полин, Алексеев, 2018. Кат. 75, 76, рис. 283 на с. 910), поскольку вышеуказанные признаки в данных изображениях не фиксируются, и эти персонажи, как представляются, выполнены в греческой манере, в отличие от изображений на самой ленте.

При этом как таковые изображения грифоно-гиппокампа среди персонажей восточноевропейского скифского звериного стиля известны, хотя и немногочисленны — см. морфологические типы в рамках нашей классификации изображений: тип 1 краснокутско-тилигульский (350–320 гг. до н. э.) и тип 2 акимовско-елизаветовский (третья четверть V — первая четверть IV в. до н. э.) (Канторович, 2022. Т. 1. С. 314–316; Т. 2. С. 125, 126, 307). Данный синкретический образ, несомненно, заимствован из древнегреческого искусства, но в рамках вышеуказанных типов наделен и элементами

⁸ По проблеме хронологической позиции Александропольского кургана (320–300 гг. до н. э. или же третья четверть IV в. до н. э.) ведется интенсивная дискуссия (см., в частности: Алексеев, 2003. С. 270; Полин, Дарган, 2010. С. 208). Многообразие мнений можно свести к двум основным версиям датирования: по А. Ю. Алексееву, Александропольский курган относится к периоду «между 320 и 300 гг. до н. э. (при этом центральное [погребение], видимо, ближе к 320 г. до н. э.)» (Там же. С. 268–270); по мнению С. В. Полина, основанному прежде всего на датировках многочисленных амфор, в том числе клейменных, Александропольский курган, все его гробницы и тризна относятся к 340–330 гг. до н. э. (Бидзиля, Полин, 2012. С. 565; Полин, Алексеев, 2018. С. 456–464). При этом в ходе исследования кургана С. В. Полиным на основании стратиграфии была доказана синхронность сооружения центральной гробницы Александропольского кургана и его восточного дромоса (Полин, Алексеев, 2018. С. 455, 456).

⁹ Данный признак неактуален для редуцированных изображений (протом, обособленных голов, конечностей, рогов), весьма многочисленных в скифо-сибирском зверином стиле.

скифского зооморфизма, что является симптомом вышеупомянутого греко-скифского «койнэ». Однако изображения на александропольских подвесках к нагрудной ленте, равно как и на александропольской золотой пластине аналогичной формы (Древности Геродотовой..., 1866. Атлас. Табл. XII, 6) (их именуют также крылатыми драконами), могут рассматриваться лишь как композиционная, но не стилистическая аналогия этим типам изображений (ср.: *Полин, Алексеев*, 2018. С. 298, 299, рис. 242, 243, 295).

Рассмотрим образы, представленные на нагрудной ленте, и сцены, в которых они фигурируют.

Общая композиция

Прежде всего отметим, что порядок расположения фигур (их всего 14) и сцен на реконструированной А. Ю. Алексеевым ленте в его публикации 2012 г. (рис. 1, Б) соответствовал их предполагаемому порядку в первой публикации в «Древностях Геродотовой Скифии» (рис. 1, А)¹⁰. При обзоре слева направо мы в обоих случаях видим следующее:

1) синкретическое существо (по А. Ю. Алексееву, грифон с месяцевидным крылом), ориентированное вправо от зрителя (рис. 1, А, 1; Б, 1);

2) два встречных грифона с крыльями назад, терзающие кабана, ориентированного вправо, при этом левый из грифонов впивается клювом в круп и репицу хвоста кабана, а правой передней лапой — в левую заднюю ногу кабана, тогда как правый из грифонов впивается клювом в загривок кабана, а передней лапой в морду кабана под глазом (рис. 1, А, 2; Б, 2);

3) два встречных грифона с крыльями назад, терзающие оленя, ориентированного вправо, при этом левый из грифонов впивается клювом в круп оленя, лапой — в запястье правой задней ноги оленя, тогда как правый из грифонов впивается клювом в нос оленя, правой передней лапой — в рот оленя, левой передней лапой — в грудь оленя (рис. 1, А, 3; Б, 3);

4) сцена, аналогичная сцене 2, но кабан ориентирован влево, причем правый грифон впивается передними лапами в бедро и копыто левой задней ноги кабана (рис. 1, А, 4; Б, 4);

5) сцена, аналогичная сцене 3, но олень ориентирован влево, левый грифон впивается правой

передней лапой не в рот, а в подбородок оленя, левой передней лапой не в грудь, а в копыто левой передней ноги оленя, при этом правый грифон впивается клювом не в круп, а в спину оленя, а задней правой лапой — в отставленное назад копыто правой задней ноги оленя (рис. 1, А, 5; Б, 5);

6) грифон с крылом назад, ориентированный влево и вцепившийся клювом и одной из передних лап в зад впереди стоящего правого грифона из сцены 5 (рис. 1, А, 6; Б, 6).

Однако в монографии 2018 г. (рис. 1, В) (*Полин, Алексеев*, 2018. Кат. 74, рис. 281 верхний) при реконструкции общей композиции ленты порядок сцен был изменен: теперь в левой части ленты помещаются сцены терзания кабанов (бывшие сцены 2 и 4, образующие теперь зеркальное сочетание — рис. 1, В, 2, 3), в правой части — сцены терзания оленей (то есть бывшие сцены 3 и 5, образующие тем самым зеркальное сочетание — рис. 1, В, 4, 5); при этом позиции крайних синкретических существ (1 и 6) остались прежними (рис. 1, В, 1, 6).

Далее рассмотрим каждое изображение в рамках соответствующих зооморфных мотивов.

Олени

Образная идентификация, моделировка и композиция. На ленте представлены зеркально в профиль два взрослых самца благородного оленя (идентифицируемых по характерным ветвистым рогам и копытам), являющиеся объектами терзания грифонами (рис. 2, б, д). При этом отчетливое отображение пятен на шкуре сближает этих персонажей не столько с благородным оленем (*Cervus elaphus*), сколько с другим видом семейства оленевых (*Cervidae*) — с ланью, или чубарым оленем (*Cervus dama* или *Dama dama*), однако рога самца лани иные: на конце они сливаются в лопатовидный конгломерат.

Очевидно, мы здесь имеем дело с контаминацией образов, поскольку в собственно греческой тореветике Северного Причерноморья лань (каковая в IV в. до н. э. в природе в Северном Причерноморье отсутствовала, а встречалась только в Южной Европе, Передней Азии и Северо-Западной Африке) была более популярна, чем благородный олень, и отображалась в том числе на знаменитых предметах, изготовленных греческими мастерами для скифской знати, причем часто именно как жертва в сценах терзания, например, на ножнах меча и пекторали из Толстой могилы (*Мозолевский*, 1979. Рис. 55, 56, 62, 63), на серебряной амфоре из Чертомлыка (*Алексеев и др.*, 1991. Кат. 91; *Минасян*, 2024. Ил. 6; *Онайко*,

¹⁰ В «Древностях Геродотовой Скифии» лента представлена не единым целым, а фрагментами, но их отображение на листе предполагает, по логике, обзор слева направо и сверху вниз.

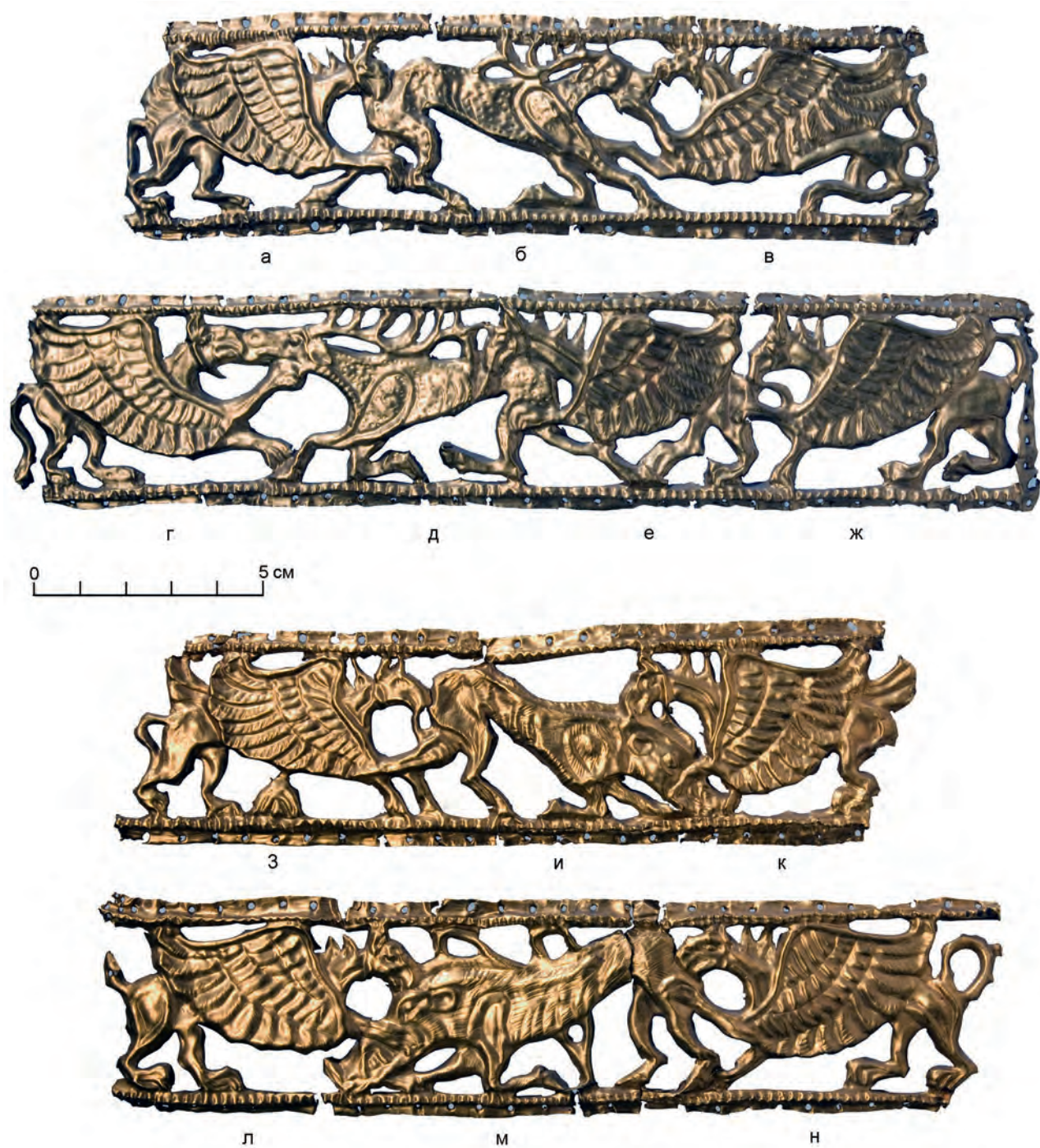

Рис. 2. Фрагменты золотой ленты из Александропольского кургана: а-ж — фигуры сцены терзания оленей грифонами и нападения грифона на грифона; з-н — фигуры сцены терзания кабанов грифонами

Fig. 2. Fragments of the gold ribbon from the Alexandropol burial mound: а-ж — figures from the scene of deer's tearing by griffins and the griffins attack on the another one; з-н — figures from the scene of boars' tearing by griffins

[Полин, Алексеев, 2018: а-ж — Кат. 74-4, 74-5. С. 909, рис. 282; Кат. 74-2, 74-3. С. 908, рис. 281]

1970. Рис. 2), на горитах Чертомлыцкой серии с «историей Ахилла» (Онайко, 1970. С. 27) и т. д. (ср.: Полин, Алексеев, 2018. С. 610). Как указывал еще В. К. Мальмберг, первоначально этот мотив обрел популярность в малоазиатском (ионийском) греческом искусстве, особенно в связи с культом Артемиды Эфесской, и лишь затем стал отображаться и в Европейской Греции (Ланно-Данилевский, Мальмберг, 1894. С. 163–168)¹¹. Примечательно, что В. К. Мальмберг, говоря об изображении оленя на ножнах меча из Куль-Обы, которое, как будет показано далее, отнесено нами к единому морфологическому типу с изучаемыми александропольскими оленями (рис. 3, 1), отметил: «Надо думать, что эти ножны сделаны греческими мастерами, но уже в России: чубарый олень, известный им из образцов чисто эллинского искусства, не совсем понят, поэтому и явилось нечто среднее между ним и обыкновенным (благородным. — А. К.) оленем».

Моделировка александропольских оленей осуществлена в низком рельефе и с помощью прорезей. Отображены все четыре ноги. Олени показаны почти припавшими к земле передней частью туловища, опирающимися на передние ноги, с приподнятой задней частью. Задние ноги показаны в высоком широком шаге, тогда как одна из передних вытянута вперед, другая передняя нога предплечьем от локтевого сустава направлена вниз и вперед, затем в области запястья изгибается под острым углом и идет пястью назад, так что копыто почти упирается внешней стороной во внешнюю сторону выставленной вперед задней ноги. Туловище и шея образуют S-видную фигуру, рога строго профильны. Шея ориентирована наискось вверх. Голова продолжает линию шеи (олень, ориентированный влево) или опущена перпендикулярно шее (олень, ориентированный вправо). Ухо отходит назад, накладываясь на шею и прижимаясь к ней.

Трактовка анатомических деталей. Морда относительно натуралистичная. Глаз естественных пропорций, овальный, оформлен выпуклостью во впадине глазницы с отходящими вперед и назад слезниками. Ноздря и рот намечены соответственно точечной и каплевидной впадинами. Ухо асимметрично-ромбическое, с впадиной раковины. Шея трапециевидная. Рога представ-

ляют собой изогнутую ветвь с отходящими вверх отростками; изгибаясь, дважды опираются на туловище — в области лопатки и, своим концом, посередине спины. Лопаточно-плечевая часть овально-сегментовидная, обрамлена валиком. Туловище поджарое, покрыто точками, имитирующими пятнистую шкуру, плавно переходит в бедро, отделенное от коленного выступа неглубокой впадиной. В основании живота поперечными дуговидными желобками переданы ребра. Мускулы ног подчеркнуты углубленными линиями. Копыта аморфные, рельефные. Хвост короткий, опущен вдоль крупа, отделен от него желобком.

Место образов в системе изображений восточноевропейского скифского звериного стиля. Александропольские изображения относятся к морфологическому типу III-I-2 кульобско-белозерский в рамках нашей классификации изображений восточноевропейского скифского звериного стиля (рис. 3) (Канторович, 2022. Т. 1. С. 138; Т. 2. С. 47, 206). Этот тип объединяет шесть оригинальных изображений (без учета зеркальных отображений), происходящих с территории Крыма (рис. 3, 1, 2)¹² и Нижнего Поднепровья (рис. 3, 3–6). Это фигуры, украшающие золотые пластины — обкладки ножен мечей (рис. 3, 1, 3), серебряную чашу (рис. 3, 2), золотые элементы конского снаряжения — налобник (рис. 3, 4, 5) и нагрудник (рис. 3, 6а, 6б).

Все изображения данного типа имеют объективные датировки в своих комплексах. Наиболее ранними являются бердянские изображения (рис. 3, 4, 5) (конец V — первая треть IV в. до н. э.)¹³,

¹² Источники изображений указаны в подписях к иллюстрациям. Номера в тексте соответствуют номерам на рисунках.

¹³ Предельные хронологические границы: конец V — первая треть IV в. до н. э. Все три могилы Бердянского кургана синхронны (Полин та інші, 2000. С. 94) и относятся либо к рубежу V–IV вв. до н. э. (Череди́ченко, Фиалко, 1988. С. 165), либо к первой трети IV в. до н. э. (Болтрик и др., 1994. С. 154, 155), либо к 370-м гг. до н. э. (Болтрик, 2002. С. 65, 66), либо, наконец, к 380–365 гг. до н. э. (Алексеев, 2003. С. 261, 262). Есть и более узкая датировка: конец первой — начало второй четверти IV в. до н. э. (Полин та інші, 2000. С. 108, 109) или 380–370 гг. до н. э. (Бидзи́ля, Полин, 2012. С. 519). Эти даты получены по амфорному материалу (19 фасосских амфор, в том числе 12 клейменных, возможно, связанных с одной торговой партией: Полин та інші, 2000. С. 94–102) и расписной краснофигурной посуде (Ibid. С. 102–108) и укладываются в диапазон комбинированной

¹¹ Ср. указание Н. А. Онайко: «Чубарые олени были посвящены Артемиде Эфесской, с культом которой образ этого животного и проники в древности в Европу» (Онайко, 1970. С. 24).

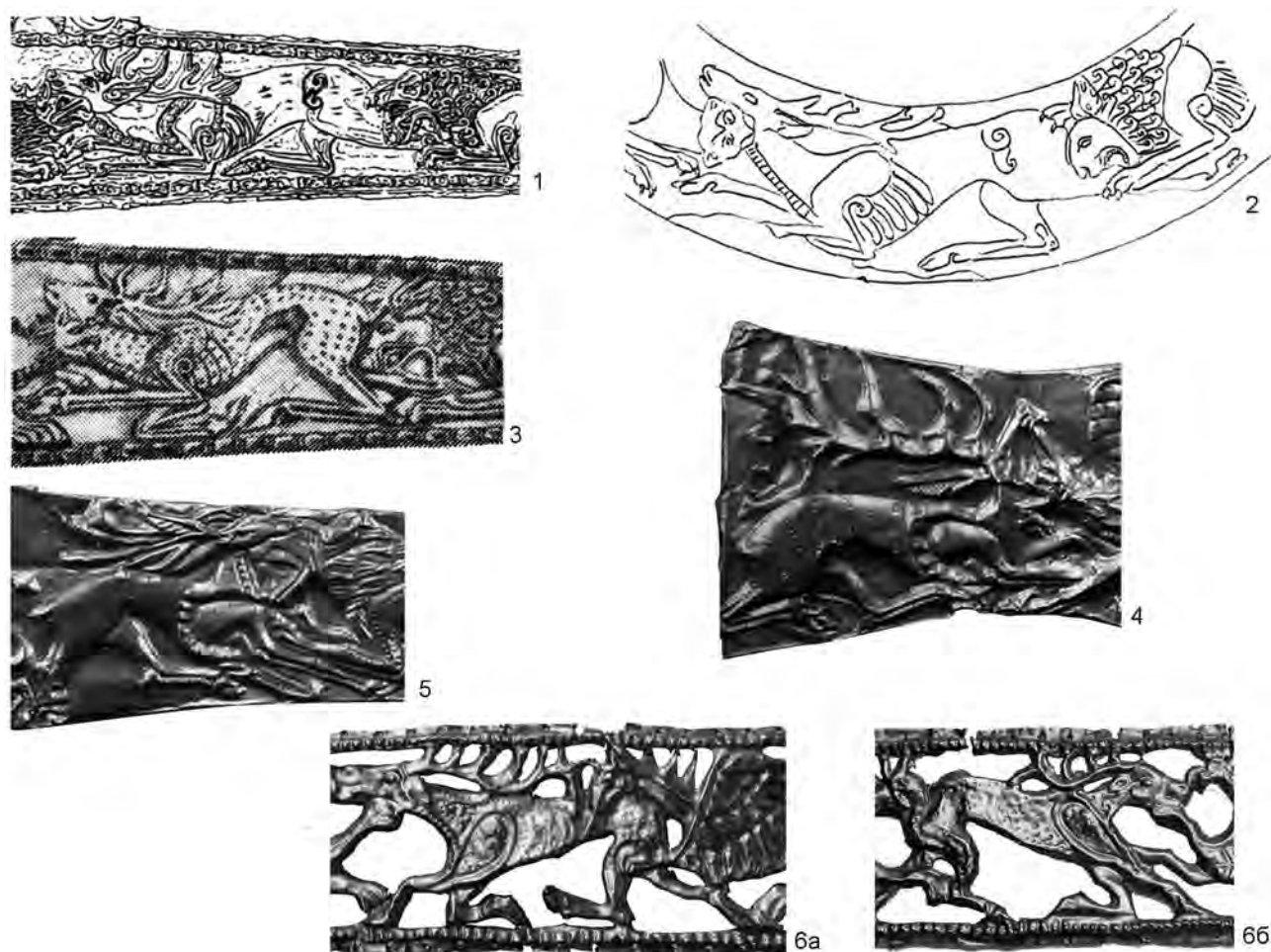

Рис. 3. Морфологический тип изображений III-I-2 кульобско-белозерский в рамках образа оленя в восточно-европейском скифском зверином стиле: 1, 2 — Куль-Оба; 3 — Великая Белозерка; 4, 5 — Бердянский курган; 6а, 6б — Александропольский курган. Масштаб разный

Fig. 3. Morphological type of the images III-I-2 Kul'Oba-Belozerka within the deer's image in the Eastern European Scythian animal style: 1, 2 — Kul'Oba; 3 — Velikaya Belozerka; 4, 5 — the Berdyansk burial mound; 6a, 6b — the Alexandropol burial mound. Without scale

[1, 2 — Древности Боспора..., 1854. Табл. XXVI, 2; XXXIV, 2; 3 — Отрощенко, 1980. С. 318, рис.; 4, 5 — Чердниченко и др., 1979. С. 420, рис.; 6а, 6б — Полин, Алексеев, 2018. Кат. 74-4, 74-5. С. 909, рис. 282]

затем следуют кульобские (рис. 3, 1, 2) (345–335 гг. до н. э.)¹⁴. Белозерское изображение (рис. 3, 3), очень близкое кульобскому на мече (рис. 3, 1), должно датироваться аналогично и во всяком случае не позднее предложенной для данного

радиоуглеродной датировки, границы которой 408–370 гг. до н. э. (Алексеев, 2003. С. 261, 262).

¹⁴ По мнению Н. Л. Грач (*Grač*, 1997. S. 157), дата последнего захоронения в кургане определяется по найденной там фасосской амфоре с клеймом, относящимся к 345–335 гг. до н. э. «Захоронение под склепом» датируется А. Ю. Алексеевым началом IV в. до н. э. (Алексеев, 2003. С. 276, 296).

комплекса В. В. Отрощенко даты — последней трети IV в. до н. э. (Отрощенко, 1984. С. 121–126). Дата александропольских изображений (рис. 3, 6а, 6б), соответственно общей датировке кургана — в пределах 340–300 гг. до н. э. Следовательно, хронологические рамки данного типа: конец V — IV в. до н. э.

Кабаны

Образная идентификация, моделировка, композиция, трактовка анатомических деталей. На ленте представлены практически зеркально две фигуры кабанов, терзаемых грифонами (рис. 2, и, м). Это кабаны-секачи вида *Sus scrofa*

(идентифицируемые по характерной мощной голове, овальному уху, тупому окончанию морды и наличию клыков, пересекающих морду посередине), моделированные в низком рельефе, с доработкой деталей прорезями. Кабаны показаны в профиль, опустившимися на передние ноги (внешняя к зрителю нога подломлена), с задними ногами в высоком узком шаге. В соответствии с позицией ног туловище прогнуто и идет наискось вниз, голова продолжает это направление и опирается на копыто вытянутой вперед ноги. Голова мощная трапецевидная, с преувеличенным пяточком, оскаленной пастью с торчащими клыками. Глаз овальный, выпуклый в обрамлении рельефной глазницы. Ухо овальное, отходит практически от глаза, перекрывает шею. Лопатка и плечевой сустав переданы рельефным полуovalом с аналогичной фигурой внутри. Мелкой косой штриховкой обозначена щетина на туловище. Туловище поджарое, преувеличенные ребра переданы рельефными сегментовидными полосами. Бедро выпуклое, неестественно узкое. Ноги кабанов как бы изломанные, похожи на лапы хищника, их мускулы подчеркнуты уступами вдоль краев. У кабана, ориентированного вправо, ноги более согнуты в коленной и заплюсневой частях, у ориентированного влево — ноги прямее, короткие. Копыта расширенные, но не акцентированные.

Место образов в системе изображений восточноевропейского скифского звериного стиля. Данные изображения не имеют близких аналогий в рамках данного локального варианта и формируют отдельный морфологический тип — тип III-I-1 александропольский (Канторович, 2022. Т. 1. С. 296–297; Т. 2. С. 74, 239).

Грифоны

Образная идентификация, моделировка и композиция. Представлены девять орлиноголовых существ с телом хищника и крыльями, с гребнем рептилии на шее (в одном случае гребень отсутствует), то есть синкретические существа, соответствующие иконографии грифона позднегреческого типа¹⁵. Восемь из них попарно терзают оленей (рис. 2, а, в, г, е) и кабанов (рис. 2, з, к–н), девятый — крайний справа, — как уже было сказано, нападает сзади на одного из этих грифонов (рис. 2, ж).

¹⁵ Основные признаки грифона позднегреческого канона — орлиная голова, уши волчьего хищника, длинный перепончатый гребень рептилии, иногда чешуя (Канторович, 2022. Т. 1. С. 281).

Изображение моделировано в низком рельефе, с доработкой деталей прорезями. Грифоны показаны в профиль (крылья в семи случаях даны строго профильно, в двух случаях показаны окончания внутреннего крыла за внешним), с обеими задними ногами, тогда как из передних в семи случаях представлены также обе, в двух случаях — лишь одна. Задние ноги находятся в высоком узком шаге. Одна из передних (внешняя) поднята наискось и опирается в голову или круп жертвы либо, в двух случаях, опущена наискось и опирается в пятку оленя или впивается в морду кабана под глазом. Вторая передняя нога (внутренняя, при ее наличии) либо идет наискось вниз и опирается в копыто передней внешней ноги оленя или в копыто задней внешней ноги кабана, либо поставлена почти вертикально на землю, либо идет параллельно внешней передней ноге и опирается в грудь оленя. Это грифон с поднятой передней лапой, подобно геральдическому льву. Крылья ориентированы горизонтально, вдоль туловища, полностью закрывая его.

Трактовка анатомических деталей. Грифоны изображены достаточно схематично. Надклювье и подклювье / нижняя челюсть короткие мощные. Восковица маркирована косой рельефной линией вдоль края надклювья. Глаз небольшой, округлый или овальный, дан выпуклостью в углублении, которое продолжается в стороны, образуя слезник или слезники. Ухо направлено перпендикулярно темени, оно остроконечное длинное подтреугольное, с углублением раковины. Шея короткая, голова продолжает ее линию. Гребень составлен из крупных треугольных зубцов, подобных уху (в одном случае гребень не показан). Шея имеет продольный желобок (имитация мускулов); в трех случаях под шеей находится зубчатый «подвес» — кожно-шерстная складка. Лопатка закрыта крылом, имеющим контур сектора, с волнистым верхним краем. Крыло отходит назад вдоль спины, верхний и передний края крыла маркированы рельефной линией. Плечевые перья имитированы двумя рядами коротких сегментов. Маховые перья обозначены рядом из длинных сегментов с рельефным заполнением. Бедро гладкое, тазобедренная часть акцентирована полуovalной впадиной. Мускулы ног подчеркнуты углубленной линией, идущей вдоль заднего края ноги. На лапах рельефно переданы крупные пальцы. В семи случаях хвост длинный и тонкий, может быть загнут вниз и идти вдоль задней ноги, может быть прижат к ней, может быть отогнут вверх и назад, опираясь в крыло или

в зад монстра, может раздваиваться, так что одна часть идет вверх, упиравшись в крыло, вторая проходит вниз между ногами, упиравшись в пятку выставленной вперед задней ноги. В одном случае хвост короткий, направлен назад и вверх, имеет утолщение-кисточку на конце. Еще в одном случае хвост обломан.

Место образов в системе изображений восточноевропейского скифского звериного стиля. Данные александропольские изображения грифонов относятся к морфологическому типу II-I-5 кульобско-белозерский (рис. 4) (Канторович, 2022. Т. 1. С. 293, 294; Т. 2. С. 117, 298).

Кульобско-белозерский тип объединяет восемь оригинальных изображений (без учета копий и зеркальных отображений), происходящих в основном с территории Нижнего Поднепровья и Приазовья (рис. 4, 1–5, 8), а также с территории Среднего Подонья (рис. 4, 6, 7). Эти фигуры помещены на золотые обкладки ножен меча (рис. 4, 1, 2), золотую ленту — нашивку на нагрудный конский ремень (рис. 4, 3а–3и), на золотой налобник (рис. 4, 4), оформляют золотую обивку деревянного сосуда (рис. 4, 5), золотые пластины (рис. 4, 6, 7) и золотую обивку горита (рис. 4, 8). В рамках данного типа прослеживается эволюция от четких и натуралистичных, предельно близких к греческим образцам изображений — таких как кульобское, белозерское и одно из бердянских (рис. 4, 1, 2, 5) — к более схематичным и упрощенным подражаниям — в первую очередь, это среднедонские изображения (рис. 4, 6, 7), а также одно из бердянских (рис. 4, 4) и александропольские (рис. 4, 3а–3и). На периферии типа находится крайне упрощенное изображение из Толстой могилы (рис. 4, 8).

Ряд изображений данного типа имеют объективные датировки в своих комплексах (см. ранее). Наиболее ранними являются бердянские изображения (первая треть IV в. до н. э. или, уже, 380–370 гг. до н. э.), далее следует изображение из Толстой могилы (предельные рамки: вторая — третья четверть IV в. до н. э.)¹⁶, кульобское (345–335 гг. до н. э.) и александропольские (340–300 гг. до н. э.). Белозерское изображение, очень

близкое кульобскому, должно датироваться аналогично и, во всяком случае, не позднее предложенной для данного комплекса В. В. Отрощенко даты последней трети IV в. до н. э. (Отрощенко, 1984. С. 121–126). Подражательные среднедонские изображения не могут датироваться ранее бердянских и кульобского. Следовательно, хронологические рамки данного типа — IV в. до н. э.

Химера

Образная идентификация, моделировка и композиция. На александропольской ленте изображено наряду с грифонами еще одно синкретическое существо, совершенно нехарактерное для набора персонажей скифо-сибирского звериного стиля (рис. 5, 1). Эта фигура помещена в левый край многофигурной композиции. Очевидно, именно этот образ А. Ю. Алексеев квалифицирует как второй вид грифонов на александропольской ленте — «в статичной позе с месяцевидными крыльями, концы которых направлены вперед» (Алексеев, 2012. С. 252). Представляется, однако, что это не грифон, поскольку более всего данный персонаж соответствует античной иконографии Химеры.

Как известно, Химера — синкретическое трехчастное существо греческой мифологии, описанное еще Гомером (Hom. Il. VI 180–182) («лев головою, задом дракон и коза серединой», пер. Н. И. Гнедича) и Гесиодом (Hes. Theog. 319–324) («спереди лев, позади же дракон, а коза в середине», пер. В. В. Вересаева). Соответственно античная иконография Химеры предполагает изображение чудовища с туловищем и головой льва и еще одной шеей и головой — козьею, выступающей из спины химеры (именно поэтому крыло александропольского зверя преобразовано в отчетливую козью голову с бородой), а хвост химеры должен быть одновременно змеей, голова которой соответствует кисточке львиного хвоста (в александропольском изображении эта зооморфная трансформация не прослеживается), см., например, изображения на родоских и аттических сосудах периода архаики (рис. 5, 3, 4) и знаменитую этрусскую скульптуру из Ареццо периода классики (рис. 5, 2). При этом в александропольском изображении проявляются и элементы иконографии позднегреческого грифона, изначально несвойственные канону Химеры, — ключевидность верхней челюсти и гребень рептилии.

Данное изображение моделировано в низком рельефе, с доработкой деталей прорезями. Монстр показан со всеми четырьмя ногами,

¹⁶ Предельные хронологические границы комплекса погребений Толстой могилы: вторая — третья четверти IV в. до н. э. Версии датирования: середина — начало третьей четверти IV в. до н. э. (Мозолевский, 1979. С. 229); 350–320 гг. до н. э. (Алексеев, 2003. С. 264, 266); вторая четверть IV в. до н. э., не позднее 350 г. до н. э. (Бидзиля, Полин, 2012. С. 521–523).

Рис. 4. Морфологический тип изображений II-I-5 кульобско-белозерский в рамках образа грифона в восточно-европейском скифском зверином стиле: 1 — Великая Белозерка; 2 — Куль-Оба; 3а-3и — Александропольский курган; 4, 5 — Бердянский курган; 6 — с. Мастюгино, сборы А. А. Спицына; 7 — с. Мастюгино, курган 5; 8 — Толстая могила, Центральная гробница. Масштаб разный

Fig. 4. Morphological type of the images II-I-5 Kul-Oba-Belozerka within the griffin's image in the Eastern European Scythian animal style: 1 — Velikaya Belozerka; 2 — Kul-Oba; 3а-3и — the Alexandropol burial mound; 4, 5 — the Berdyansk burial mound; 6 — Mastyugino village, finds by A. A. Spitsyn; 7 — Mastyugino village, burial mound 5; 8 — Tolstaya Mogila, the Central burial chamber. Without scale

[1 — Отрощенко, 1980. С. 318, рис.; 2 — Древности Боспора..., 1854. Табл. XXVI, 2; 3а-3и — Полин, Алексеев, 2018. Кат. 74-2-74-5. С. 908, 909, рис. 281, 282; 4 — Чердниченко и др., 1979. С. 420, рис.; 5 — L'Or des Steppes..., 1993. P. 66, cat. 30; 6 — Либеров, 1965. Табл. 33, 3; 7 — Гуляев, 2010. Рис. 29, правый нижний; 8 — Мозолевский, 1979. Рис. 47, 3]

1

2

3

4

Рис. 5. Изображения Химеры: 1 — на золотой ленте из Александропольского кургана, лицевая и оборотная стороны; 2 — этруская бронзовая скульптура из Ареццо (конец V — начало IV в. до н. э.); 3 — на родосском сосуде VII в. до н. э.; 4 — на аттическом сосуде VI в. до н. э. Масштаб разный

Fig. 5. The images of Chimera: 1 — on the gold ribbon from the Alexandropol burial mound, right and reverse sides; 2 — the Etruscan bronze sculpture from Arezzo (the end of the 5th — the beginning of the 4th cent. BC); 3 — on the Rhodian vessel, 7th cent. BC; 4 — on the Attic vessel, 6th cent. BC. Without scale

[1 — Полин, Алексеев, 2018. Кат. 74-1. С. 908, рис. 281; 2 — Арган, 1990. Ил. 26; 3, 4 — Morin, 1911. Fig. 43, 44]

но с крыльями в строго профильном ракурсе. Задние ноги находятся в высоком шаге, левая передняя немного поднята (подобно грифону или льву в характерной позе), правая передняя опирается на землю. Шея вытянута наискось вперед, голова опущена перпендикулярно шее.

Трактовка анатомических деталей. Анатомические детали трактованы схематично. Пасть (клюв?) закрыта, морда узкая, окончание утрачено. Глаз небольшой, овальный, дан выпуклостью в углублении, которое продолжается назад, образуя слезник. Ухо отходит перпендикулярно темени, оно остроконечное, длинное, подтреугольное и по сути неотлично от трех редких выступов гребня, идущих по шее монстра. Голова отделена от шеи валиком, имитирующим складку шерсти с «подвесом». Шея имеет слабое продольное рифление — имитация мускулов. Лопатка узкая сегментовидная, заполнена поперечным рифлением (имитация плечевых перьев?), отграничена от шеи и крыла валиком, гладким на границе с шеей и покрытым мелким рифлением вдоль крыла.

Крыло узкое серповидное, загибается вперед, маховые перья имитированы широкими поперечными рельефными полосами с рифлением. В верхней части, поднимаясь над спиной монстра, крыло превращается в шею и голову козы или козла, рог которого не прослеживается, но имеются характерная морда и борода¹⁷. Голова козы / козла геометризирована, носовая часть в профиле выделена утолщением. Глаз овальный, обозначен впадиной зеницы в обрамлении рельефной глазницы слабозаметными выпуклостями. Ухо асимметрично-ромбическое, со впадиной раковины, отходит назад. Рот обозначен углубленной полоской в обрамлении мощных рельефных губ, ноздря — каплевидным углублением. Борода короткая, мощная, сегментовидная, опирается концом в спину химеры.

Бедро химеры гладкое, тазобедренная часть акцентирована неглубокой впадиной. Мускулы ног подчеркнуты углубленной линией. На лапах схематично переданы крупные рельефные пальцы.

¹⁷ Интересно, что такая трансформация в голову козла находит себе параллель на восточном фланге скифо-сибирского мира, где мы встречаем яркий пример использования голов горного козла в качестве элемента «превращения» парных кошачьих хищников на бронзовой пряжке из Монголии (Ол-Сум), из коллекции П. К. Козлова (*Руденко*, 1960. С. 319, 320, рис. 160).

Хвост длинный, тонкий, отогнут вверх и далее вперед и вниз, опирается концом в спину, образуя замкнутую петлю — в соответствии с иконографией античной Химеры, у которой преобразованный в змею хвост обычно направлен концом (он же — голова змеи) вперед.

Место образа в системе изображений восточноевропейского скифского звериного стиля. Представляется, что на александропольской ленте представлена искаженная химера или же гибрид химеры и грифона. Как уже сказано, данное изображение не имеет близких аналогий в массиве образов восточноевропейского скифского звериного стиля, соответственно оно формирует отдельный морфологический тип — тип II-I-9 александропольский (*Канторович*, 2022. Т. 1. С. 207; Т. 2. С. 118, 299).

Выводы

Соответственно вышеперечисленным критериям скифская стилистическая линия в 14 изображениях на александропольской ленте проявляется прежде всего в трактовке основных деталей зооморфных персонажей: в геометричности глаза и уха, акцентировании лопаточно-плечевой части с помощью обрамления валиком, зауженности туловища, трактовке ребер с помощью дуговидных желобков, крайне схематичной трактовке копыт кабанов и оленей, рогов оленей, гребней и лап грифонов; также отметим не свойственную собственно греческой традиции контаминацию образов химеры и грифона, при преобладании первого мотива.

Греческая стилистическая линия выражена, прежде всего, в репертуаре образов и сюжетов: в отображении грифонов позднегреческого канона и уникального для скифского бестиария образа химеры, пусть и слитого с темой грифона; в присутствии морфологических признаков лани в изображениях оленя; в классическом построении общей композиции терзания копытных грифонами и в позах этих персонажей.

Что же касается как таковых сцен терзания, формирующих основу композиции на александропольской ленте, нам ранее уже приходилось отмечать, что коль скоро зооморфные персонажи сцен преследования, терзания и поглощения бывают выполнены именно в скифской, а не в греческой или передневносточной манере, они составляют незначительную долю общего массива оригинальных изображений восточноевропейского скифского звериного стиля (если исключить копии и зеркальные отображения): по подсчетам

на 2019 г. их было немногим более 7 % (Канторович, 2020. С. 199, 209); последующий прирост археологического материала эту долю существенно не изменил. При этом составленный нами каталог этих изображений (Там же. С. 210–222) продемонстрировал, что лишь единицы из них относятся к периоду «скифской архаики» VII–VI вв. до н. э., тогда как подавляющее большинство связано с эпохой «скифской классики» V–IV вв. до н. э. Тем самым статистически подтвердилось давнее наблюдение ряда исследователей (Артамонов, 1968. С. 45; Федоров-Давыдов, 1976. С. 17–20; Переводчикова, 1994. С. 54, 55; Подольский, 2010. С. 15–34) о том, что феномен сцен преследования, терзания и поглощения не был имманентен скифо-сибирскому звериному стилю и пришел в него постепенно под воздействием переднеазиатского и греческого искусства, причем греческое влияние крайне интенсифицировалось в конце V — IV в. до н. э. посредством интегрирования в скифский культурный контекст такого рода сцен в шедеврах античной торевтики (композиции на фиале из Солохи, на пекторали из Толстой могилы, на чертомлыцкой амфоре, горитах «чертомлыцкой серии», гривне из Карагодеуашха и др.).

Следовательно, само по себе наличие сцен терзания на александропольской ленте свидетельствует о том же греко-скифском симбиозе, «койнэ», хотя при этом семантические и прагматические задачи данной многофигурной композиции, учитывая интегрированность декори-

руемого предмета в систему скифского конского снаряжения, могли быть вполне скифскими — как космологическими, так и магиико-апотропеическими, что, в конечном счете, не противоречит одно другому (см.: Канторович, 2020. С. 193–195). В рамках логики космологической парадигмы можно рассматривать данные сцены (в контексте ритуала жертвоприношения коня — «носителя» данного украшения) в качестве метафорического обозначения борьбы жизни и смерти как гарантии вечного круговорота бытия; гибель копытного в данном контексте — условие поддержания этого бесконечного миропорядка с помощью жертвоприношения (Раевский, 1985. С. 150–153). В русле магической практики можно, напротив, полагать, что эти сюжеты могли быть связаны с обеспечением жизненных функций коня (как на этом свете, так и в загробном мире), поскольку эти сцены позволяют обогатить содержание конкретных образов с целью «создания особых синтетических существ, обладающих усиленной магической силой апомропея» (Федоров-Давыдов, 1976. С. 27). Заметим, что решению этих задач вполне содействует и Химера как симбиоз хищника, копытного и пресмыкающегося (впрочем, последнее качество не нашло отображения в мотиве химеры на александропольской ленте, — возможно, вследствие недостаточного понимания этого персонажа скифами).

Статья поступила в редакцию 9 февраля 2026 г.

Алексеев, 2003 — Алексеев А. Ю. Хронография Европейской Скифии VII–IV вв. до н. э. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. 416 с.

Алексеев, 2012 — Алексеев А. Ю. Золото скифских царей из собрания Эрмитажа. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2012. 271 с.

Алексеев и др., 1991 — Алексеев А. Ю., Мурзин В. Ю., Ролле Р. Чертомлык (Скифский царский курган IV в. до н. э.). Киев: Наукова думка, 1991. 416 с.

Античные государства..., 1984 — Античные государства Северного Причерноморья. М.: Наука, 1984 (Археология СССР). 392 с.

Арган, 1990 — Арган Дж. К. История итальянского искусства. В 2 т. Т. 1. М.: Радуга, 1990. 319 с., ил.

Артамонов, 1966 — Артамонов М. И. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага: Артия; Л.: Советский художник, 1966. 306 с.

Артамонов, 1968 — Артамонов М. И. Происхождение скифского искусства // СА. 1968. № 4. С. 27–45.

Бидзиля, Полин, 2012 — Бидзиля В. И., Полин С. В. Скифский царский курган Гайманова Могила. Киев: Скиф, 2012. 752 с., 64 ил.

Болтрик, 2002 — Болтрик Ю. В. Курганы скифской элиты в междуречье Нижнего Днепра и Дона // Великая Скифия: Учебное пособие для специального курса лекций по археологии / Отв. ред. В. Ю. Мурзин, Г. Н. Тощев. Киев; Запорожье: ИА НАН Украины; Запорожский ГУ, 2002. С. 55–66.

Болтрик и др., 1994 — Болтрик Ю. В., Фиалко Е. Е., Чердниченко Н. Н. Бердянский курган // РА. 1994. № 3. С. 140–156.

Гуляев, 2010 — Гуляев В. И. На восточных рубежах Скифии (древности донских скифов). М.: ИА РАН, 2010. 346 с.

Древности Боспора..., 1854 — Древности Боспора Киммерийского, хранящиеся в Императорском музее Эрмитажа. В 3 т. Т. III: Атлас. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1854. 98 л.

Древности Геродотовой..., 1866 — Древности Геродотовой Скифии. Сборник описаний археологических

- раскопок и находок в Черноморских степях. Вып. I. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1866. Текст — 50 с. Атлас — 24 с.
- Канторович, 2020 — Канторович А. Р. Сцены преследования, терзания и поглощения в восточноевропейском скифском зверином стиле (проблема интерпретации и статистические показатели) // ДИАЛОГ 2017–2018. Дихотомия искусства в археологии: локус, образы, генезис: Материалы объединенного семинара ИА РАН и ИИМК РАН / Отв. ред. Е. С. Леванова, Н. Ю. Смирнов. М.: ИА РАН, 2020. С. 192–231.
- Канторович, 2022 — Канторович А. Р. Искусство скифского звериного стиля Восточной Европы (классификация, типология, хронология, эволюция). В 2 т. М.: Изд-во Московского ун-та, 2022. Т. 1 — 431 с.; Т. 2 — 359 с.
- Лазаревский, 1894–1895 — Лазаревский Я. Александропольский курган. Могила скифского царя // Записки императорского Русского археологического общества. Новая серия. Т. 7, ч. 1–4, 1894–1895. С. 24–46, табл. I–XII.
- Лапто-Данилевский, Мальмберг, 1894 — Лапто-Данилевский А., Мальмберг В. Древности Южной России. Курган Карагодеуашх. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1894 (МАР; № 13). 210 с.
- Либеров, 1965 — Либеров П. Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону. М.: Наука, 1965 (САИ; Д1-31). 112 с.
- Минасян, 2024 — Минасян Р. С. Чертомлыкская амфора // Сим победиши: сборник статей к 75-летию Г. В. Вилинбахова / Отв. ред. Е. В. Орлова, Л. В. Спиридонова, Д. А. Ступникова. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2024. С. 409–417.
- Мозолевицкий, 1979 — Мозолевицкий Б. М. Товста Могила. Київ: Наукова думка, 1979. 185 с.
- Онайко, 1970 — Онайко Н. А. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV–II вв. до н. э. М.: Наука, 1970 (САИ; Д1-27). 213 с.
- Онайко, 1976 — Онайко Н. А. Звериный стиль и античный мир Северного Причерноморья в VII–IV вв. до н. э. // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии / Отв. ред. А. И. Мелюкова, М. Г. Мошкова. М.: Наука, 1976. С. 66–73.
- Отрощенко, 1980 — Отрощенко В. В. Исследования в Каменко-Днепровском районе Запорожской области // Археологические открытия за 1979 г. М.: ИА РАН, 1980. С. 317–318.
- Отрощенко, 1984 — Отрощенко В. В. Парадный меч из кургана у с. Великая Белозерка // Вооружение скифов и сарматов: Сб. науч. трудов / Отв. ред. Е. В. Черненко. Киев: Наукова думка, 1984. С. 121–125.
- Переводчикова, 1994 — Переводчикова Е. В. Язык звериных образов. Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1994. 206 с.
- Подольский, 2010 — Подольский М. Л. Зверь, который был сам по себе, или Феноменология скифского звериного стиля. СПб.: ЭлекСис, 2010. 192 с.
- Полин, Алексеев, 2018 — Полин С. В., Алексеев А. Ю. Скифский царский Александропольский курган IV в. до н. э. в Нижнем Поднепровье. Киев; Берлин: Видавель Олег Філюк, 2018 (Серия «Курганы Украины»; Т. 6). 930 с.
- Полин, Дараган, 2010 — Полин С. В., Дараган М. Н. Работы на Александропольском кургане в 2008 г. // СΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия. Вып. 1 / Отв. ред. А. А. Масленников, Н. А. Гаврилюк, А. А. Завойкин. М.; Киев: ИА РАН, 2010. С. 187–205.
- Полін та інші, 2000 — Полін С. В., Ковальов Н. В., Чередниченко М. М. Про датування Бердянського кургану (за керамічними матеріалами) // Археологія. 2000. № 1. С. 94–112.
- Раевский, 1985 — Раевский Д. С. Модель мира скифской культуры. М.: Наука, 1985. 255 с.
- Руденко, 1960 — Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 360 с., 128 табл.
- Федоров-Давыдов, 1976 — Федоров-Давыдов Г. А. Искусство кочевников и Золотой Орды. Очерки культуры и искусства народов Евразийских степей и золотоордынских городов. М.: Искусство, 1976. 228 с.
- Чередниченко и др., 1979 — Чередниченко Н. Н., Фиалко Е. Ф., Ковалев Н. В., Погорельный В. Н., Мурзин В. Ю., Ольховский В. С., Бидзиля В. И., Зубарь В. М. Раскопки большого скифского кургана в Приазовье // Археологические открытия за 1978 г. М.: Наука, 1979. С. 419–420.
- Чередниченко, Фиалко, 1988 — Чередниченко Н. Н., Фиалко Е. Е. Погребение жрицы из Бердянского кургана // СА. 1988. № 2. С. 149–167.
- Grač, 1997 — Grač N. Der Kurgan Kul'-Oba // Zwei Gesichter der Eremitage. Bd. I: Die Skythen und ihr Gold. Bonn: G. Hatje, 1997 (Die großen Sammlungen; Vol. VI). S. 155–173.
- L'Or des Steppes..., 1993 — L'Or des steppes: des Scythes à l'invasion mongole, VIIe siècle av. J.-C. — XIVe siècle ap. J.-C. (exposition, Toulouse, Musée des Augustins, 28 octobre 1993 — 17 janvier 1994). Toulouse: Musée des Augustins, 1993. 159 p.
- Morin, 1911 — Morin J. Le Dessin des Animaux en Grece d'Après les Vases Peints: essai sur les procédés des dessinateurs industriels dans l'antiquité. Ouvrage illustré de 301 gravures d'après les relevés, croquis et dessins de l'auteur. Paris: Renouard-Laurens, 1911. 262 p.

Greco-Scythian zoomorphic images on a gold openwork ribbon from the Alexandropol burial mound

A. R. Kantorovich¹⁸

Keywords: Alexandropol burial mound, gold ribbon, Greek Classics, Scythian animal style, Chimera

This article contains an iconographic analysis of 14 zoomorphic images (deer, boars, griffins and a Chimera) on a gold openwork ribbon that adorned the breastplate of a sacrificial horse from the Scythian royal tomb — the Alexandropol burial mound. Based on the specific attribution of these images and an analysis of the modelling, composition, and treatment of anatomical details (on the background of the author's morphological classification of images in the Eastern European Scythian animal style), it is concluded that the figures on the ribbon from the Alexandropol burial mound belong to the Greco-Scythian artistic "koine", which combines elements of the Greek art of the Classical period and the Scytho-Siberian animal style. The Chimera motif, integrated into the Scythian context, is considered separately.

¹⁸ Anatoliy R. Kantorovich — Lomonosov Moscow State University, Moscow; e-mail: kantorovich@mail.ru.

Некоторые замечания о лепной керамике среднеазиатских археологических комплексов типа Яз III

В. В. Мокрородов¹

Аннотация. В статье на основании типологического и статистического анализа керамических находок, выявившего свойственную комплексам позднеахеменидского этапа значительную долю специфической лепной керамики (вероятно, изначально связанной с некоренным населением), предлагается нестандартный взгляд на периодизацию и историю среднеазиатского региона в середине I тыс. до н. э.

Ключевые слова: Средняя Азия, комплексы типа Яз III, лепная керамика, типология, статистика, хронология

DOI 10.31600/1817-6976-2026-50-75-86

Изобилующая древностями всех эпох Средняя Азия представляет собой важнейший регион для исследователей, изучающих всевозможные проблемы, связанные с самыми разными этапами многовекового прошлого народов Евразии. Одним из наиболее ярких периодов в истории собственно среднеазиатских земель является время господства на Среднем Востоке правителей Ахеменидской империи и восточных походов Александра Македонского, изучаемое из-за относительно малого количества сохранившихся письменных источников преимущественно археологическими методами. Памятники данной эпохи (расположение важных в контексте представленной работы объектов см. на рис. 1) исследуются уже довольно длительное время, однако, несмотря на весьма масштабные раскопки, в наших знаниях о проявляющихся в материальной культуре разнообразных особенностях жизни населения региона раннежелезного века и ранней античности все еще существуют существенные пробелы. Так, не до конца прояснены вопросы детальной типологии и хронологии археологических комплексов этого времени, а также некоторые аспекты взаимодействия между группами древних обитателей центра Азии, практиковавшими различные виды ведения хозяйства, — оседлыми

земледельцами, кочевниками. По мнению автора, лишь проведенный с расстановкой определенных акцентов анализ результатов последних раскопок и более тщательное рассмотрение полученных ранее археологических материалов позволят приблизиться к решению ряда конкретных вопросов, связанных с озвученной проблематикой.

Традиционно основным критерием оценки археологических комплексов региона является анализ морфологических различий форм керамических сосудов — основной категории находок из раскопок ранних среднеазиатских поселений. Однако в случае с материалами середины I тыс. до н. э., когда на большей части территории Средней Азии были распространены характеризующиеся бытованием весьма стандартизированного набора сравнительно немногочисленных типов сосудов комплексы типа Яз III, представляется необходимым использование дополнительных аналитических инструментов. В представляемой на суд читателя статье автор приводит результаты, полученные им при попытке расширенного анализа количественных и технологических данных одной из составляющих указанных комплексов, а именно фрагментов лепных сосудов².

¹ Институт востоковедения РАН, Москва; e-mail: mokrobodov@gmail.com.

© Мокрородов В. В., 2026

² В предварительном и очень общем виде некоторые из рассматриваемых ниже результатов исследования были опубликованы автором в статье по типологии ранних керамических комплексов памятников Южного Узбекистана (Мокрородов, 2020. С. 197, 198).

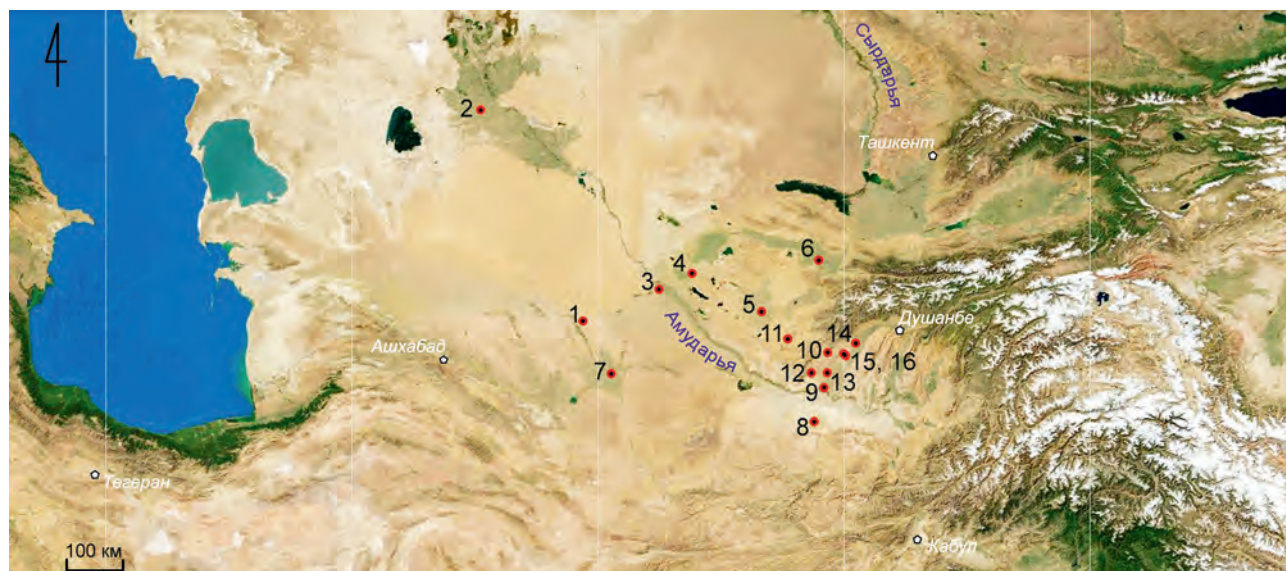

Рис. 1. Среднеазиатский регион с расположением упоминаемых поселений середины I тыс. до н. э.: 1 — Яздепе; 2 — Кюзелигыр; 3 — Одейдепе; 4 — Пайкенд; 5 — Еркурган; 6 — Афрасиаб; 7 — Эрккала (Старый Мерв); 8 — Балх; 9 — Кампыртепа; 10 — Курганзол; 11 — Курганча (Гузар); 12 — Гишттепа; 13 — Талашкантепа I; 14 — Кизылтепа; 15 — Газимуллатепа (Бандыхан); 16 — Киндыктепа (Бандыхан)

Fig. 1. The Central Asian region with the location of the mentioned settlements of the mid-1st mill. BC: 1 — Yazdepe; 2 — Kyuzeligyr; 3 — Odeydepe; 4 — Paykend; 5 — Yerkurgan; 6 — Afrasiab; 7 — Erkkala (the Old Merv); 8 — Balkh; 9 — Kamyrtpepa; 10 — Kurganzol; 11 — Kurgancha (Guzar); 12 — Gishttepa; 13 — Talashkantepa I; 14 — Kizyltepa; 15 — Gazimullatepa (Bandykhan); 16 — Kindyktepa (Bandykhan)

Археологический комплекс Яз III, впервые описанный в середине XX в. (Массон, 1959. С. 41 и сл.), в своей керамической части представляет собой набор довольно качественных круговых и лепных сосудов, из которых изготовленные на гончарном круге отличаются такими показательными чертами, как цилиндрико-коническая форма плоскодонных бокалов и хумов с выраженным ребром подкоса в нижней трети либо четверти сосуда (к примеру, изображенные на рис. 2, 1, 5 и рис. 3, 1–2, 9, 12), характерным «манжетовидным» профилем венчиков тарных сосудов (рис. 2, 13–15; 3, 9–12), часто с гофрированными стенками и специфическим декоративным высветлением (о керамике комплексов типа Яз III из памятников Южного Узбекистана подробнее см.: Мокробродов, 2020. С. 187–196). Исходя из сложившейся и довольно обоснованной датировки (в настоящее время материалы типа Яз III обычно относятся к VI–IV вв. до н. э. (Сарианиди, Кошеленко, 1985. С. 181–187 и другие работы)), подобную среднеазиатскую керамику часто называют «ахеменидской»³.

³ Это довольно условный термин: во-первых, большая часть проживавших в Первой иранской империи людей в быту использовала сосуды с несколько ины-

ми характеристиками, а материалы типа Яз III были свойственны лишь населению Средней Азии, точнее ее южной части; во-вторых, связь смены составляющих археологического комплекса, тем более таких статичных, как керамика, исключительно с территориальными изменениями и другими историческими, политическими, религиозными или какими-либо иными событиями в целом не очень корректна. Существует и ряд публикаций, в которых на основании анализа материалов из некоторых памятников Южного Туркменистана доказывается бытование керамики с характеристиками, типичными для комплексов типа Яз III как минимум до начала III в. до н. э. (Usmanova, 1992; Пилипко, 2024). Вместе с тем нельзя не брать в расчет возможное видоизменение в наборах сосудов, к примеру спад производства высококачественной посуды в пору масштабных войн и катаклизмов, однако формально доказать этот факт можно исключительно посредством анализа очень больших выборок материала и с привлечением дополнительных источников.

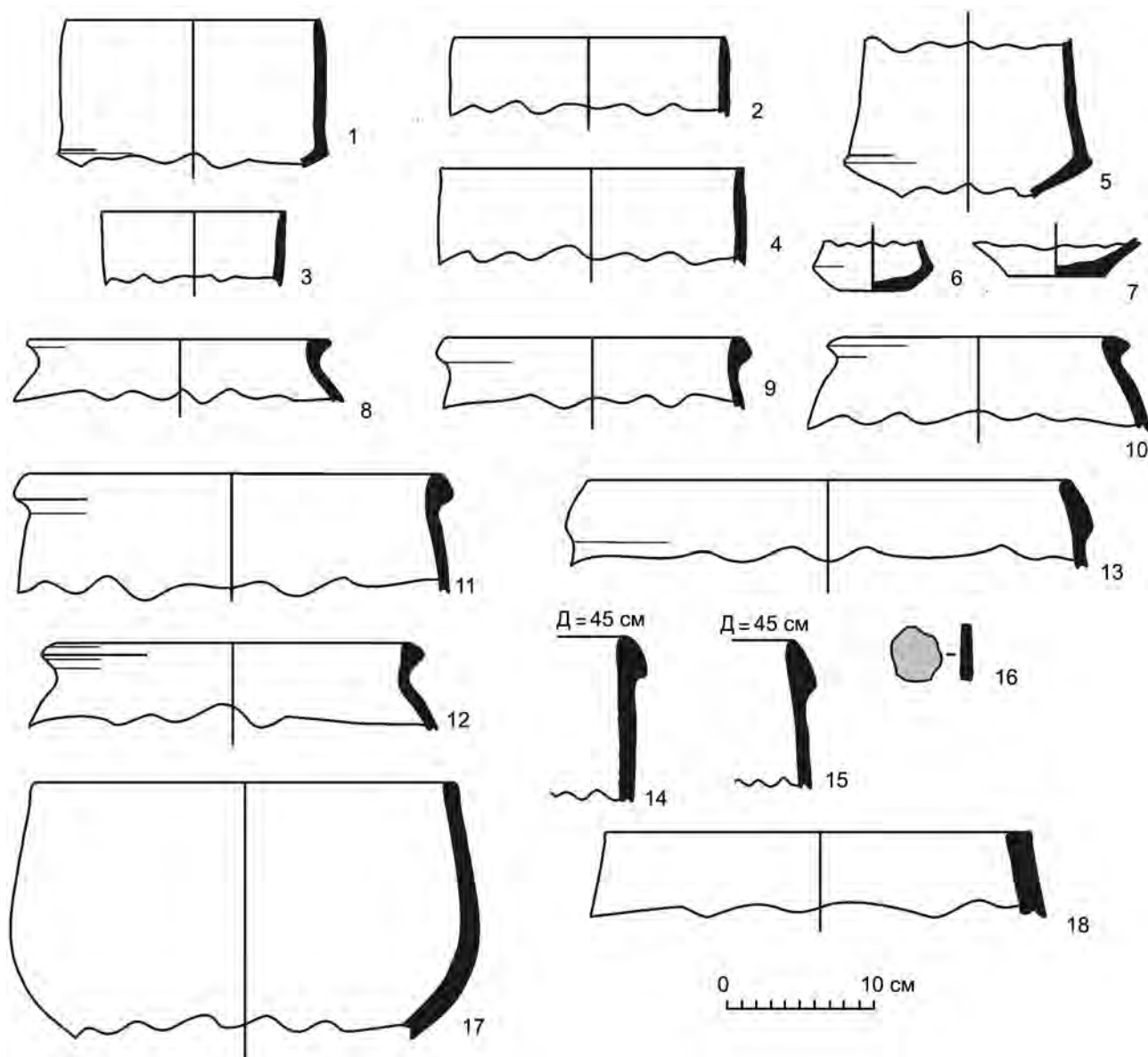

Рис. 2. Типичная керамика комплекса Газимуллатепа: 1–16 — фрагменты круговых сосудов; 17, 18 — фрагменты лепных сосудов

Fig. 2. Typical pottery of the Gazimullatapa complex: 1–16 — fragments of wheeled vessels; 17, 18 — fragments of molded vessels

«ахеменидского времени» представлена только кухонными котлами; в приведенных в его монографии таблицах керамики фрагменты лепных сосудов не были представлены вообще (Массон, 1959. С. 41, табл. ХLI–ХLIII). Отчасти на основании этих данных, отчасти благодаря вполне понятной концентрации исследователей немногочисленных памятников этого времени на других, более репрезентативных и массовых находках, складывается стереотип, что все лепные сосуды комплексов типа Яз III относятся к категории кухонной посуды и их крайне мало в сравнении с керамикой круговой.

В целом же большинство упоминаний данной составляющей керамических комплексов (зачастую не подразделенных на этапы и с чрезвычайно редкими статистическими выкладками) в публикациях и вовсе было обусловлено лишь необходимостью демонстрации отличий материала, относящегося к комплексам типа Яз II и Яз III, от материалов более раннего периода — типа Яз I⁴.

⁴ Некогда памятники с материалами типа Яз I считались частью «культуры лепной расписной керамики», клишированно именовавшейся так из-за

Фактическую базу настоящего исследования составили лично обработанные автором керамические комплексы с ряда памятников Юга Средней Азии. В первую очередь это материалы, полученные в ходе недавних работ в Бандыханском оазисе — территории в центре самой южной из областей Узбекистана (Сурхандарьинской), отличающейся наличием эпизодически исследовавшейся с 1970-х гг. группы «археологически стерильных» памятников рассматриваемого хронологического диапазона (*Ртвеладзе*, 1976. С. 95–100 и др. работы). Результаты новейших масштабных раскопок этих объектов были частично опубликованы в виде описаний поселений и интерпретаций историко-археологической ситуации (*Сверчков*, *Бороффка*, 2007; *Boroffka*, 2009; *Мокробродов*, 2010; *Mokrobodov*, 2018; и др.), однако накопленная база четко стратифицированных данных позволяет значительно расширить рамки исследований, проводящихся на их основе, в том числе перейти к точной количественной оценке, классификации, типологической и хронологической дифференциации материалов, чего, к удивлению, для лепной керамики до сих пор сделано не было.

Итак, в 2000–2010-х гг. автор обработал комплексы находок из раскопок узбекистано-германской экспедиции на бандыханских памятниках Газимуллатепа и Киндыктепа. Первый объект относится к ранней фазе ахеменидского периода⁵, второй (с близлежащей крепостью и поселением Бектепа) — к поздней его фазе со следами частичного обживания в раннеэллинистическое время⁶.

присутствия (но, как вновь подтвердили недавние исследования, не преобладания) среди находок фрагментов лепных сосудов с характерной росписью на них.

⁵ В отношении датировки материалов Газимуллатепа существуют разные точки зрения. По одной из версий данные материалы относятся к поздней фазе периода Яз II (*Сверчков*, *Бороффка*, 2015. С. 571–573), несмотря на то что археологический комплекс из раскопок этого памятника по большинству своих характеристик ближе к комплексам типа Яз III (подробнее см.: *Мокробродов*, 2020. С. 187–190, 196).

⁶ Проблема разделения комплексов типа Яз III на ранний и поздний этапы (даже без выраженной в абсолютных датах четкой границы) видится чрезвычайно значимой, хотя долгое время ей не уделялось особого внимания. Не вдаваясь в ненужные здесь подробности, подчеркнем, что за последние годы, благодаря проведению целевых исследований, более четкой стратиграфической фиксации материала, расширению круга доступных аналогий и пр., удалось приблизиться

При раскопках были выявлены показательные керамические комплексы, имеющие прямое отношение к вопросам, обсуждаемым в настоящей статье (таблицы наиболее типичных форм сосудов комплексов представлены на рис. 2 и 3). В частности, исследование керамических находок показало, что среди лепных сосудов из определенных слоев, особенно позднеахеменидских, лишь относительно небольшая доля фрагментов (менее половины) имела характерные следы копоти. К примеру, в комплексе Киндыктепа наряду с котлами и жаровнями в немалом количестве присутствуют изготовленные на весьма высоком технологическом уровне (хорошо отмученное тесто без грубых отощителей, равномерный и часто декорирующий обжиг и т. д.) лепные чаши и горшки различных подтипов и вариантов (подробнее см.: *Mokrobodov*, 2018. Р. 346–348; *Мокробродов*, 2020. С. 190–196)⁷. Этот факт, подтвержденный при углубленном изучении материалов ряда синхронных памятников, позволяет утверждать, что вышеупомянутый стереотип ложен, а лепная керамика комплексов типа Яз III может быть определена как набор кухонной и весьма специфической столовой и тарной посуды, некоторые образцы которой представлены на рис. 4. Данная керамика близка находкам этой категории из памятников кочевников — саков Памира и Приаралья — и обнаруживает множественные аналогии среди материалов различных скотоводческо-земледельческих культур, ареал распространения которых полукольцом охватывает территории Юга Средней Азии, например, эйлатано-актамской культурной общности, бургулюкской и куюсайской культур⁸.

к решению этой проблемы (*Мокробродов*, 2010; *Boroffka*, *Sverchkov*, 2013).

⁷ Что касается возможных сомнений в достоверности отнесения керамических материалов, имеющих множественные параллели в более ранних комплексах (см. примеч. 4), к позднеахеменидскому времени, отметим лишь, что в дополнение к констатации факта сочетания «архаичной» лепной керамики с хорошо известными материалами комплексов типа Яз III стратиграфически было доказано, что слои с описываемой лепной незакопченной керамикой сменяются, часто без выраженных хронологических лакун, слоями с раннеэллинистическими материалами.

⁸ Характерные керамические комплексы этих культурных сообществ достаточно хорошо известны (см., например: *Вайнберг*, 1975. Рис. 15; *Дуке*, 1982. Рис. 4; 6–12; 18; *Заднепровский*, 1985. Табл. LXXI).

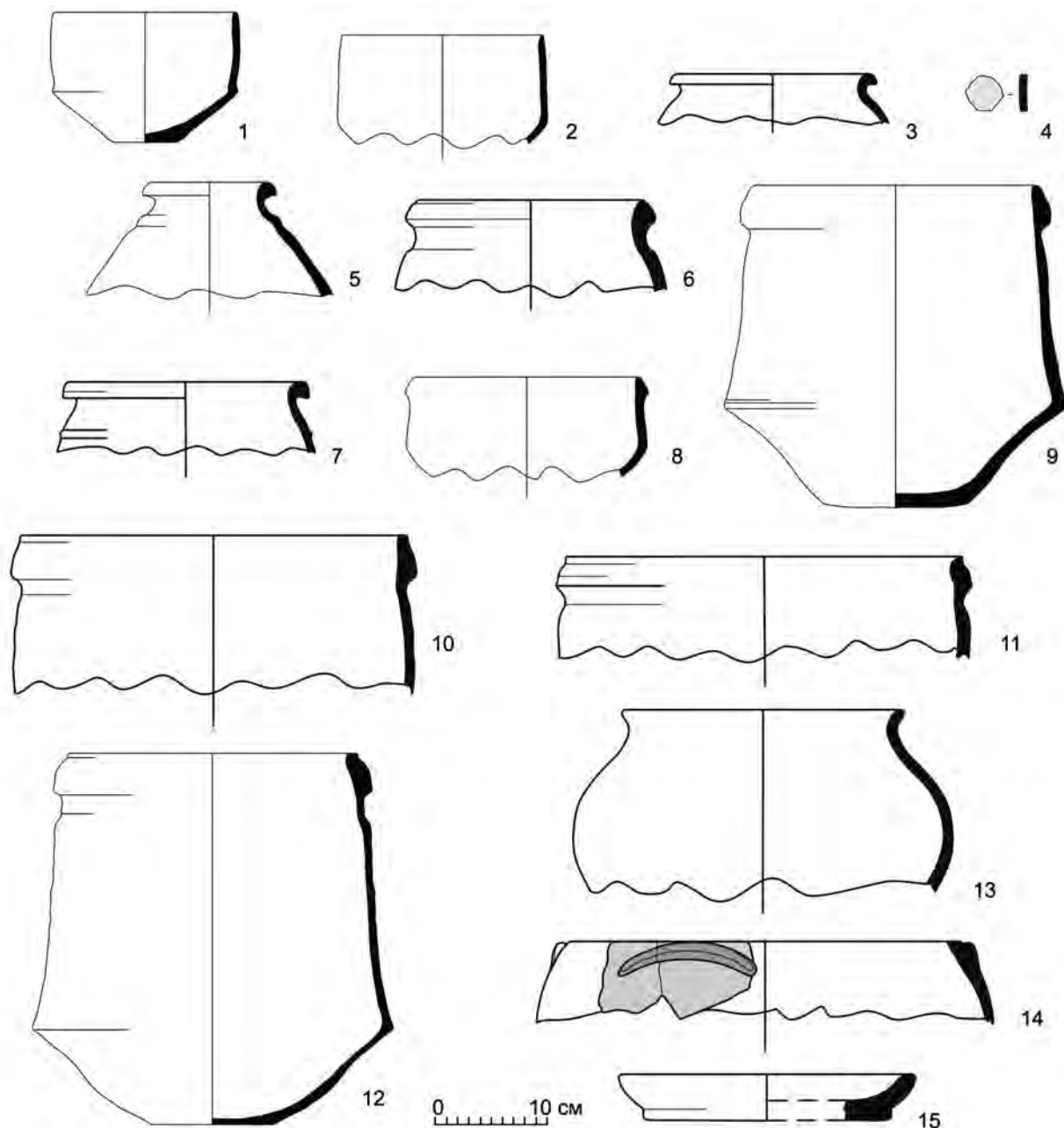

Рис. 3. Типичная керамика Киндыктепинского комплекса: 1-12 — фрагменты круговых сосудов; 13-15 — фрагменты лепных сосудов
 Fig. 3. Typical pottery of the Kindyktepe complex: 1-12 — fragments of wheeled vessels; 13-15 — fragments of molded vessels

При сравнительном анализе бандыханских комплексов типа Яз III наряду с другими отличиями было установлено, что в «раннеахеменидском» комплексе Газимуллатепа доля лепной керамики составляет 2,9 % общего числа керамических фрагментов (рис. 2; 5, 1), в то время как в датированном более поздним временем (IV в. до н. э.) комплексе Киндыктепа количество данных материалов достигает 16,8 % (рис. 3; 5, 2). Соотношение

керамики из нижнего и верхнего слоев Талашкантепа I (памятника ахеменидского времени, расположенного в 50 км к юго-западу от Бандыхана) аналогично наблюдаемому на бандыханских памятниках — 3 и 12 % соответственно (Шайдуллаев, 2000. С. 92, 95) (рис. 5, 3, 4). Идентичный порядок значений долей лепной и изготовленной на гончарном круге керамики фиксируется в комплексах тех поселений Южного Узбекистана, где

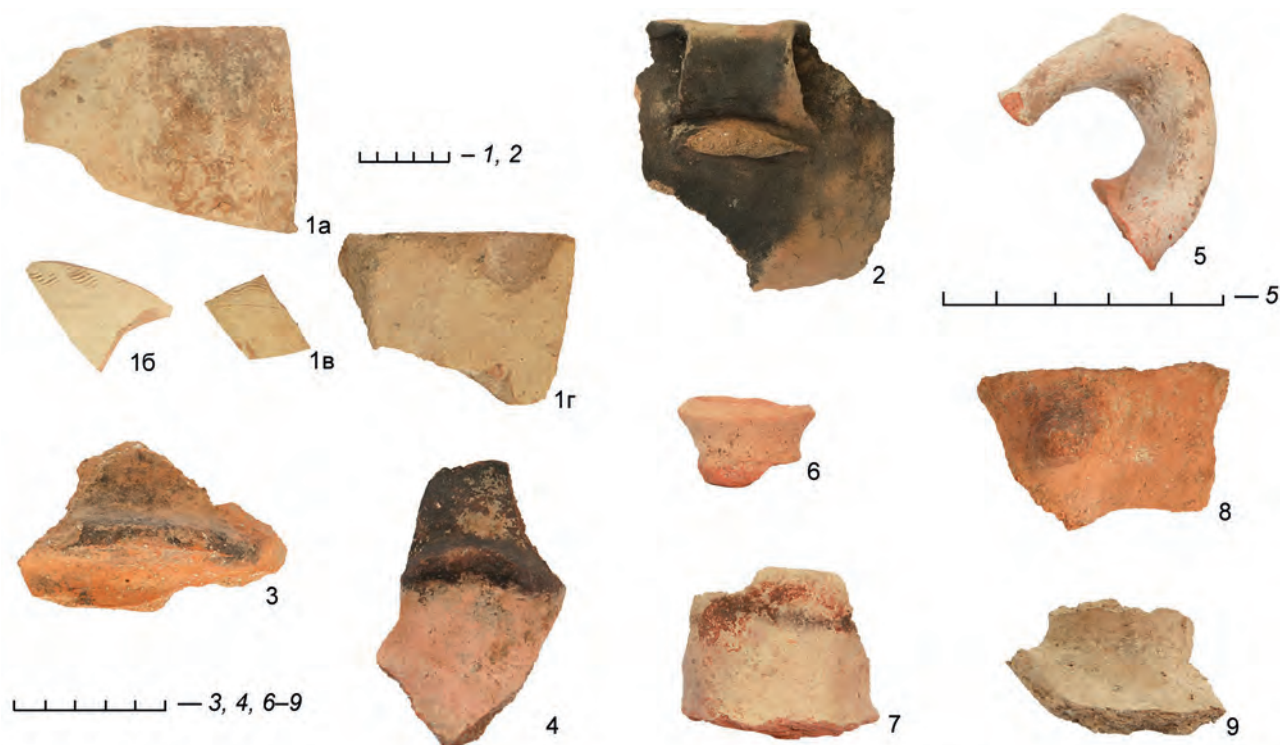

Рис. 4. Образцы лепной керамики из «позднеахеменидских» слоев среднеазиатских поселений (материал из раскопок 2010–2011 гг. в Кизылтепа (Сверчков и др., 2013)): 1а–1г — фрагменты чаш; 2–4 — фрагменты котлов; 5 — ручка горшка; 6–9 — фрагменты горшков

Fig. 4. Samples of molded pottery from the “Late Achaemenid” layers of Central Asian settlements (from the 2010–2011 excavations at Kiziltepa (Сверчков и др., 2013)): 1а–1г — bowls’ fragments; 2–4 — cauldrons’ fragments; 5 — pot handle; 6–9 — pots’ fragments

удалось идентифицировать слои с материалами IV в. до н. э. (Кизылтепа (Сверчков и др., 2013. С. 67, 70)⁹, Курганча (Гузар) (Хасанов, 1991) и др.) (см. также далее и рис. 5, 5–8).

Существенное увеличение количества лепной керамики в «позднеахеменидском» комплексе Киндыктепа, подтвержденное данными по материалам синхронных близлежащих памятников, могло быть локальной особенностью археологических комплексов Южного Узбекистана, как автор, собственно, и считал ранее. Однако в 2013 г. пишущему эти строки довелось принять участие в раскопках одного из самых известных памятников Средней Азии — согдийского Пайкенда. Известен он в первую очередь как раннесредневековый торговый и ремесленный центр, хотя давно

определено, что в основе своей он имеет более древние слои, самые ранние из которых обобщенно датировались IV–II вв. до н. э. (Мухамеджанов и др., 1988. С. 148–153). В упомянутый полевой сезон в ходе масштабных исследований на цитадели Пайкенда были получены четко стратифицированные материалы из древнейших слоев памятника. Из-за большой глубины залегания ранних слоев (общая мощность наслоений превышает 11 м) материал был количественно скудным¹⁰,

⁹ Анализ пока практически не опубликованных материалов из последних раскопок Кизылтепа узбекистано-китайской экспедицией (2015 и 2018 гг.), также обрабатывавшихся автором, фиксирует их соответствие по рассматриваемому параметру с уже введенными в научный оборот данными исследований 2010–2011 гг.

¹⁰ В общей сложности из нижних слоев этого памятника было получено 468 фрагментов (включая 62 археологические формы), что меньше, чем в любой другой коллекции, рассмотренной при подготовке настоящей статьи (керамический комплекс Киндыктепа состоит из 5368 фрагментов; 1290 фрагментов были получены в ходе разведочных раскопок разных лет в Газимуллатепа (379 из них были обнаружены ранее и опубликованы (Ртвеладзе, 1987. С. 61)); из раскопок Курганзола известно около 16 000 фрагментов (более 2000 археологических форм (Сверчков, 2013. С. 99)); керамические комплексы Талашкантепа I, согласно

Рис. 5. Процентное соотношение круговой и лепной керамики в комплексах среднеазиатских поселений середины I тыс. до н. э.

Fig. 5. Percentage of wheeled and molded pottery in Central Asian settlement assemblages of the mid-1st mill. BC

тем не менее он исключительно репрезентативен. Было установлено, что основание поселения относится к раннеэллинистическому времени, а слои, расположенные непосредственно над материком, могут датироваться еще более ранним периодом (Омельченко, Мокробо́родов, 2019. С. 99 и сл.)¹¹. Материалы нижних слоев памятника демонстрируют определенное преобладание лепной керамики¹². В частности, для керамического ком-

опубликованным данным, состоят из 8427 фрагментов (Шайдуллаев, 2000. С. 63); при раскопках Кизылтепа в 2010–2018 гг. автором и другими сотрудниками изучавших этот памятник экспедиций было учтено более 19 160 черепков).

¹¹ В отношении узкой хронологии материалов периода Пайкенд I у автора существуют определенные расхождения со своим соавтором по означенной публикации.

¹² Здесь следует отметить, что в Согдиане в первой половине I тыс. до н. э. наблюдается картина, несколько отличная от ситуации на расположенных южнее территориях, где «ахеменидскому» комплексу предшествуют комплексы типа Яз II, с гончарной продукцией, чрезвычайно близкой по своим основным характеристикам материалам типа Яз III. Речь идет о бытовании согдийских комплексов с так называемой «розовой лепной керамикой» (керамика периода Коктепа II) (Исамиддинов, 2002. С. 104–109, рис. 103–107; 2010. С. 131; *Lyopnet*, 2007). Обладают довольно специфическими характеристиками и материалы памятников так называемой куюсайской культуры древнего Хорезма, среди которых, наряду с сосудами типа Яз II («...хотя и не совсем идентичными...» им) и керамикой, близкой материалам культуры архаического Дахистана,

плекса 1-й фазы периода Пайкенд I фрагменты представлены в соотношении 65 % лепных и 35 % круговых сосудов. Для материалов 2-й фазы указанного периода это соотношение составляет соответственно 32 % и 68 %, а в комплексе 3-й фазы отмечено лишь 5,5 % черепков лепных сосудов и 94,5 % фрагментов сосудов, изготовленных на гончарном круге (рис. 6, 1–3).

Данные по материалам из синхронных слоев Еркургана (одного из крупнейших поселений Согдианы, расположенного в 140 км от Пайкенда и в 190 км от Бандыхана) практически идентичны результатам, полученным при рассмотрении пайкендских находок (Исамиддинов, Сулейманов, 1984. С. 30–42) (рис. 5, 9). О большом количестве лепных сосудов на другом памятнике Южного Согда — Сангиртепа — косвенно может свидетельствовать следующее замечание М. Х. Исамиддинова, исследовавшего доантичный материал с этого объекта: «...культура лепной расписной керамики доходит [продолжает бытовать] почти до эллинистического периода» (Исамиддинов, 2002. С. 109). В публикации результатов разведочных раскопок на расположенном в южном приграничье Согда городище Одейдепе (продемонстрировавших, к слову, признаки сильного запустения поселения в период Яз III) статистические данные отсутствуют, однако из приведенных

отмечались исключительно лепные, преимущественно краснофонные сосуды разнообразных форм (Вайнберг, 1979. С. 12–16, 41 и сл., табл. IV–VIII и сл.). Затем, в середине I тыс. до н. э., в Средней Азии практически повсеместно преобладает керамика типа Яз III.

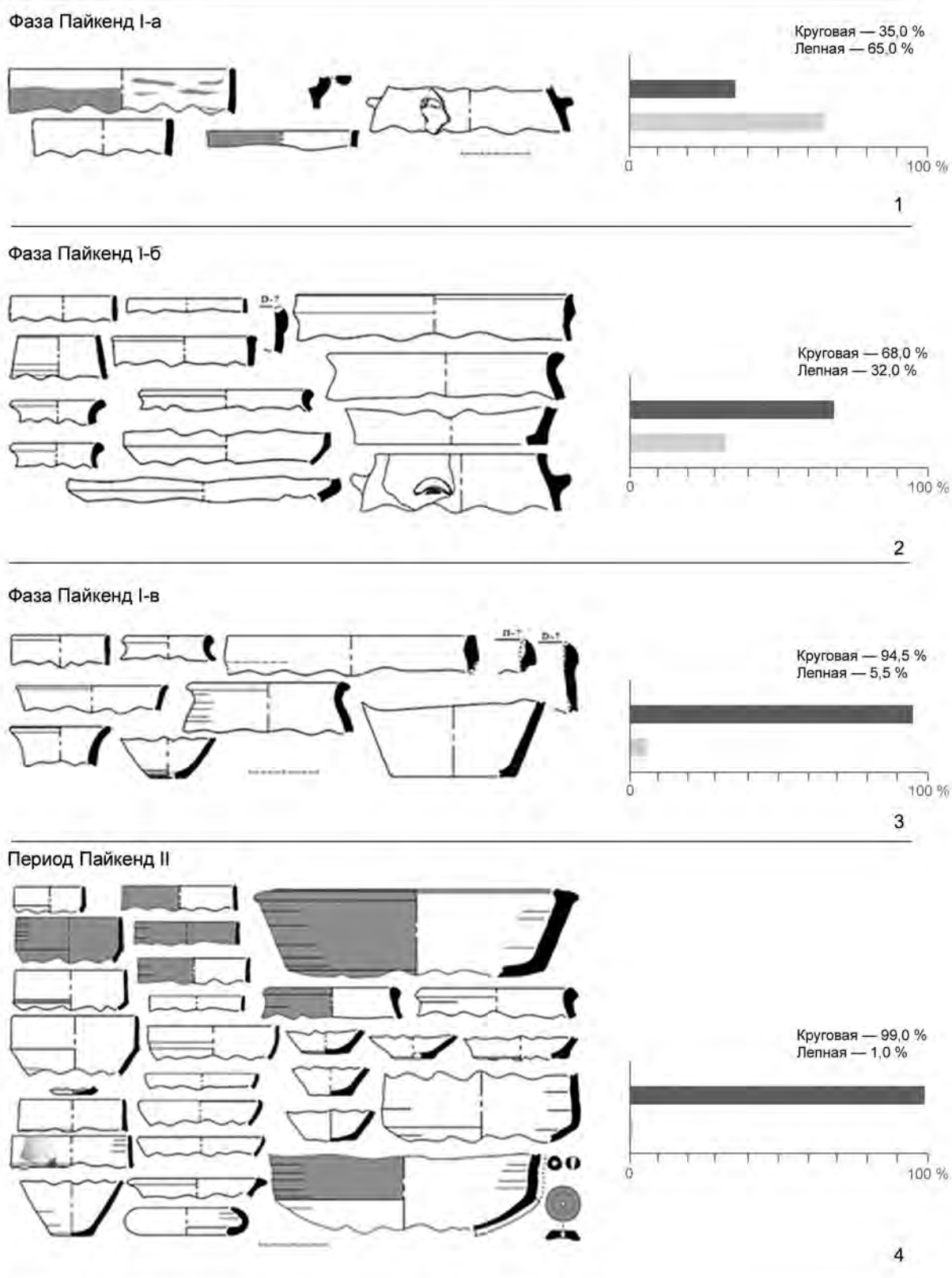

Рис. 6. Материалы из нижних слоев Пайкенда и статистические данные по керамике
 Fig. 6. Materials from the lower layers of Paykend and statistical data on its pottery

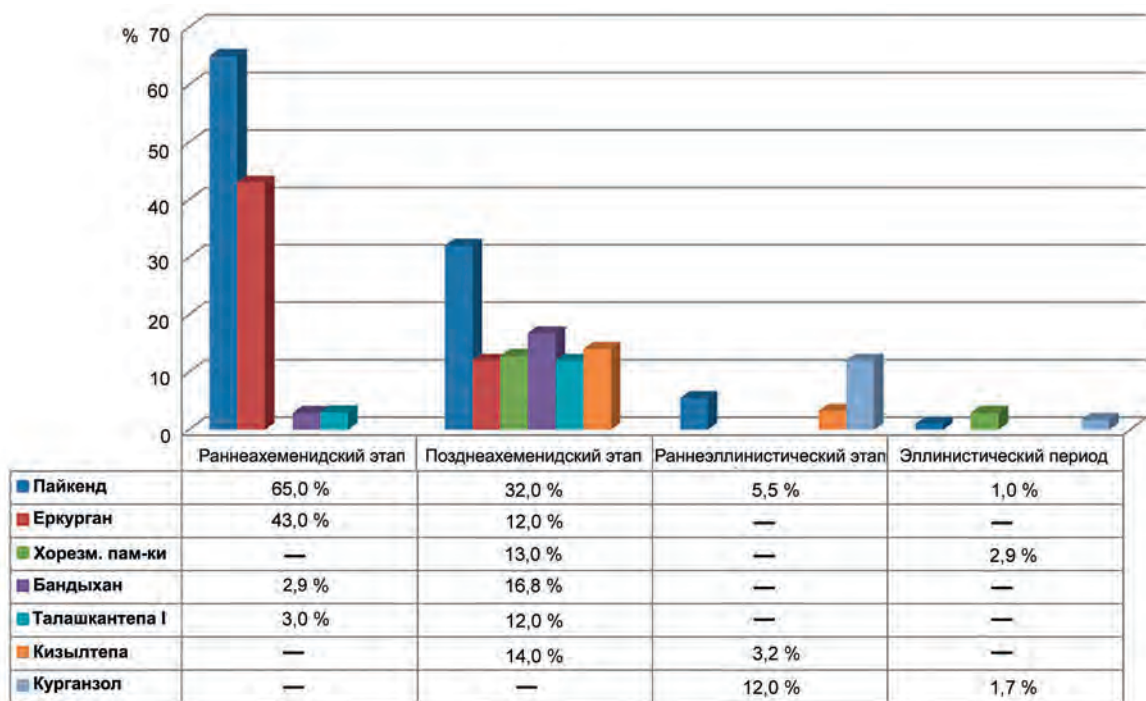

Рис. 7. График изменения доли лепной керамики в керамических комплексах среднеазиатских поселений середины I тыс. до н. э.

Fig. 7. Graph of the change in the proportion of molded pottery in ceramic assemblages of Central Asian settlements of the mid-1st mill. BC

таблиц керамики можно сделать вывод о весьма высокой доле лепной керамики в нижних слоях памятника, относимых его исследователем к периодам Яз I–III (Пилипко, 1979. Рис. 5; 6). В одной из статей по археологическим комплексам Хорезма (Болелов, 2017) также сделан акцент на довольно большом количестве лепной незакопченной керамики в сочетании со станковой керамикой типа Яз III, но поскольку данная публикация основана на анализе музейной коллекции керамики с городища Кюзелигыр, процентное соотношение по интересующему нас критерию не приводится. Однако согласно краткому замечанию в более ранней статье о раскопках данного хорезмийского памятника, доля изготовленной от руки керамики достигает 12,8 % (Воробьева, 1958. С. 342) (рис. 5, 10), а в обобщающей публикации о Кюзелигыре соотношение круговой и лепной керамики в этом эталонном для микрорегиона комплексе было оценено примерно как 10:1 (Вишнева, Рапорт, 1997. С. 160).

Процентное соотношение лепной и круговой керамики в эллинистическом комплексе периода Пайкенд II составляет примерно 1 % и 99 % соответственно (рис. 6, 4). Узбекистанский исследователь Ш. Т. Адылов в произведенной задолго

до описанных выше раскопок попытке подразделения комплекса древнейших материалов Пайкенда на раннюю и позднюю фазы апеллировал, в том числе, к соотношению лепной и станковой посуды, считая резкое уменьшение количества лепной керамики в верхних прослойках комплекса одним из главных доводов в пользу членения комплекса (Адылов, 1987. С. 11). Усматривал данные различия и М. Х. Исамиддинов при оценке соотношения признаков древнесогдийских комплексов Афрасиаб I и II (Исамиддинов, 2002. С. 143). Подобное соотношение характерно для материалов синхронного периода Пайкенд II комплексов уже рассмотренной выше территории, о чем свидетельствуют результаты раскопок таких эллинистических памятников, как Курганзол (Сверчков, 2013. С. 17–76), ранних слоев Кампыртепа (Двуреченская, 2014. С. 89), верхних слоев Кизылтепа (Сверчков и др., 2013. С. 65–69, рис. 16) и ряда других раннеантичных объектов юга региона¹³.

¹³ В то же время данные по некоторым синхронным памятникам Южного Узбекистана, расположенным на отдаленных от ремесленных центров, часто высокогорных территориях, демонстрируют определенное «отставание» по ключевому для настоящего

В свете вышеизложенного можно весьма обоснованно заявлять, что комплексы типа Яз III различны по внутренней структуре и составу — материалы одного из этапов отличаются аномально большим количеством лепной керамики в сравнении с компонентами комплексов более ранних (действенно для памятников Юга Средней Азии) и сменяющих их «пост-Язовскими» (рис. 7). Хронологически данная «аномалия» скорее всего не выходит за пределы конца V — конца IV в. до н. э.

О чем еще, помимо констатации наличия дополнительного археологического маркера для дифференциации материалов середины I тыс. до н. э., может свидетельствовать зафиксированная ситуация? Как уже упоминалось, анализируемая лепная керамика имеет множественные аналогии в комплексах памятников, оставленных населением северо-восточной периферии империи Ахеменидов. В принципе, нет ничего удивительного в том, что нехарактерные для основного комплекса фрагменты встречаются в керамических наборах соседних регионов, тем более что есть свидетельства заимствований и в обратном направлении, связанных с активным товарообменом между территориями. Однако использование жителями поселений с развитым ремесленным, в том числе керамическим, производством столь значительного количества керамики ручной лепки вряд ли объяснимо внезапно возникшей модой на сильно уступающие в качестве круговым

исследования параметру — в частности, именно представленная в значительном количестве невыразительная лепная керамика характеризует комплексы ранних этапов памятников IV–III вв. до н. э. кашкадарьинской Курганча (Хасанов, 1991), сурхандарьинских Курганзол (Сверчков, 2013. С. 99 и сл.) и Гишттепа (Мокробородов, 2007. С. 149, 154, рис. 2).

лепные чаши и горшки¹⁴. Скорее, выявленное единообразие может быть признаком сильного влияния указанного населения на региональную гончарную традицию. По мнению автора, эти изменения были связаны и с частичным замещением населения оседлоземледельческих территорий обитателями «периферийных» земель, возможно, обусловленными некими военными обстоятельствами. Этот тезис может быть подкреплен анализом других компонентов археологических комплексов (в частности, существует множество параллелей между металлическими изделиями с памятников смежных территорий, особенно интересен факт широкого распространения в южной части региона «сакских» наконечников стрел) и косвенными указаниями в письменных источниках (например, многочисленные свидетельства ведущей роли кочевников и представителей других некоренных народов в сопротивлении войскам Александра Македонского). Ответ же на вопрос, где заканчивается ареал распространения комплексов со значительной долей анализируемой керамики и, следовательно, территория с гипотетически частично замещенным населением, должен быть получен в ходе дальнейших раскопок на позднеахеменидских памятниках Туркменистана, Южного Таджикистана, Афганистана и скрупулезного изучения полученных материалов.

Статья поступила в редакцию 1 сентября 2025 г.

¹⁴ Кстати, в контактной зоне, которой традиционно считается юг современных Узбекистана и Таджикистана, это далеко не первый случай. В качестве примера можно вспомнить один из комплексов керамики позднебронзового века, найденный в предгорьях Кугитанга, анализ которого показал неполное соответствие материалов классическому комплексу БМАК, в том числе и по рассматриваемым в настоящей статье критериям (Мокробородов, 2006).

Адылов, 1987 — Адылов Ш. Т. Становление и развитие городской культуры Бухарского Согда по материалам стратиграфических исследований (IV в. до н. э. — VIII в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук / 07.00.06 — археология. Самарканд, 1987. 21 с.

Болелов, 2017 — Болелов С. Б. Древний Хорезм в эпоху раннего железного века по археологическим данным // История и археология Турана. Самарканд: ИА АН Узбекистана, 2017. Вып. 3 / Ред. А. Э. Бердимуратов. С. 67–88.

Вайнберг, 1975 — Вайнберг Б. И. Куюсайская культура раннего железного века в Присарыкамьшской дельте Амударьи // Успехи среднеазиатской археологии. Л.: Наука, 1975. Вып. 3 / Отв. ред. В. М. Массон. С. 42–48.

Вайнберг, 1979 — Вайнберг Б. И. Памятники куюсайской культуры // Кочевники на границах Хорезма / Отв. ред. М. А. Итина. М.: Наука, 1979 (Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции; Т. XI). С. 7–76.

Вишневская, Рапопорт, 1997 — Вишневская О. А., Рапопорт Ю. А. Городище Кюзелигыр. К вопросу о раннем этапе истории Хорезма // Вестник Древней истории. 1997. № 2. С. 150–174.

Воробьева, 1958 — Воробьева М. Г. Керамика с городища Кюзели-гыр // Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции. 1949–1953 / Ред. С. П. Толстов, Т. А. Жданко. М.: Изд-во АН

- СССР, 1958 (Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции; Т. II). С. 329–346.
- Двуреченская*, 2014 — *Двуреченская Н. Д.* Раннеэллинистический закрытый керамический комплекс террасного дома Кампыртепа // KOINON ΔΡΟΝ: Сб. ст. / Ред. А. А. Сеницын, М. М. Холод. СПб.: Филолог. фак-т СПбГУ, 2014. С. 88–109.
- Дуке*, 1982 — *Дуке Х. И.* Туябугузские поселения бургулюкской культуры. Ташкент: Фан, 1982. 96 с.
- Заднепровский*, 1985 — *Заднепровский Ю. А.* Фергана // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии / Отв. ред. Г. А. Кошеленко. М.: Наука, 1985 (Археология СССР). С. 195–198, 304–316.
- Исамиддинов*, 2002 — *Исамиддинов М. Х.* Истоки городской культуры Самаркандского Согда (проблемы взаимодействия культурных традиций в эпоху раннежелезного века и в период античности). Ташкент: Изд-во Народного наследия им. А. Кадыри, 2002. 255 с.
- Исамиддинов*, 2010 — *Исамиддинов М. Х.* Стратиграфия городища Коктепа и некоторые вопросы истории и культуры Согдианы эллинистического периода // Традиции Востока и Запада в античной культуре Средней Азии. Сб. ст. в честь П. Бернара / Ред. К. Абдуллаев. Ташкент: Noshirlik egdisi press, 2010. С. 131–140.
- Исамиддинов*, *Сулейманов*, 1984 — *Исамиддинов М. Х.*, *Сулейманов Р. Х.* Еркурган (стратиграфия и периодизация). Ташкент: Фан, 1984. 160 с.
- Массон*, 1959 — *Массон В. М.* Древнеземледельческая культура Маргианы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959 (МИА; Вып. 73). 216 с.
- Мокробо́родов*, 2006 — *Мокробо́родов В. В.* Керамика эпохи бронзы из кишлака Пашхурт // Археологические исследования в Узбекистане. Вып. 5 (2004–2005 гг.) / Отв. ред. Ш. Р. Пидаев. Ташкент: Фан, 2006. С. 160–164.
- Мокробо́родов*, 2007 — *Мокробо́родов В. В.* Гишттепа в кишлаке Пашхурт. Предварительные итоги исследований 2004–2006 гг. // Трансоксиана — Мавераннахр: Сб. ст. / Отв. ред. Э. В. Ртвеладзе. Ташкент: SAN'AT, 2007. С. 148–155.
- Мокробо́родов*, 2010 — *Мокробо́родов В. В.* Раскопки памятников середины I тысячелетия в Бандыхане // Традиции древней и средневековой городской культуры Средней Азии / Ред. М. М. Хайдаров. Ташкент: Yangi nashr, 2010. С. 105–112.
- Мокробо́родов*, 2020 — *Мокробо́родов В. В.* Керамические комплексы типа Яз III памятников юго-западного Гиссара // Нуранис / Ред. В. Д. Кузнецов. М.: ИА РАН, 2020 (Труды отдела классической археологии ИА РАН; Т. 2). С. 184–202.
- Мухамеджанов и др.*, 1988 — *Мухамеджанов А. Р.*, *Адылов Ш. Т.*, *Мирзаахмедов Д. К.*, *Семенов Г. Л.* Городище Пайкенд. К проблеме изучения средневекового города Средней Азии. Ташкент: Фан, 1988. 195 с.
- Омельченко*, *Мокробо́родов*, 2019 — *Омельченко А. В.*, *Мокробо́родов В. В.* Керамические комплексы эллинистического времени из Пайкенда: новые данные // История материальной культуры Узбекистана. Самарканд: ИА АН Узбекистана, 2019. Вып. 40. С. 92–114.
- Пилипко*, 1979 — *Пилипко В. Н.* Древнее городище Одей-депе на среднем течении Амударьи // Каракумские древности. Вып. VIII / Отв. ред. В. М. Массон. Ашхабад: Ылым, 1979. С. 27–54.
- Пилипко*, 2024 — *Пилипко В. Н.* О финальной стадии активного использования керамических комплексов типа Яз III // Бактрия. Т. 2: Материалы археологических исследований эллинистической крепости Узундара и Великой Бактрийской стены в 2022 г. Новые данные по восточному эллинизму / Отв. ред. Н. Д. Двуреченская. М.: ИА РАН, 2024. С. 177–195.
- Ртвеладзе*, 1976 — *Ртвеладзе Э. В.* Новые древнебактрийские памятники на юге Узбекистана // Бактрийские древности / Ред. В. М. Массон. Л.: Наука, 1976. С. 93–103.
- Ртвеладзе*, 1987 — *Ртвеладзе Э. В.* Новые бактрийские памятники на юге Узбекистана // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 21. Ташкент: Фан, 1987. С. 56–68.
- Сарианиди*, *Кошеленко*, 1985 — *Сарианиди В. И.*, *Кошеленко Г. А.* Мервский оазис, Северная Парфия, Серахский оазис, Северная Бактрия // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии / Отв. ред. Г. А. Кошеленко. М.: Наука, 1985 (Археология СССР). С. 181–192.
- Сверчков*, 2013 — *Сверчков Л. М.* Курганзол — крепость Александра на юге Узбекистана. Ташкент: SMI-ASIA, 2013. 184 с.
- Сверчков*, *Бороффа*, 2007 — *Сверчков Л. М.*, *Бороффа Н.* Археологические исследования в Бандыхане в 2005 г. // Труды Байсунской научной экспедиции. Археология, история и этнография. Вып. 3 / Ред. Э. В. Ртвеладзе. Ташкент: SAN'AT, 2007. С. 97–131.
- Сверчков*, *Бороффа*, 2015 — *Сверчков Л. М.*, *Бороффа Н.* Период Яз II: этапы и хронология // Записки Восточного отделения Российского археологического общества. Т. III (XXVIII) / Ред. В. П. Никоноров, В. А. Алёшкин. СПб.: Contrast Ltd., 2015 (Новая серия). С. 567–582.
- Сверчков и др.*, 2013 — *Сверчков Л. М.*, *У Син*, *Бороффа Н.* Городище Кизылтепа (VI–IV вв. до н. э.): новые данные // Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии и материальной культуры. Альманах. Т. 3 / Ред. М. Д. Бухарин. М.: Собрание, 2013. С. 31–74.
- Хасанов*, 1991 — *Хасанов М.* Лепная керамика поселения Курганча // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 25. Ташкент: Фан, 1991. С. 56–62.

- Шайдуллаев*, 2000 — *Шайдуллаев Ш. Б.* Северная Бактрия в эпоху раннего железного века. Ташкент: Изд-во Народного наследия им. А. Кадыри, 2000. 126 с.
- Boroffka*, 2009 — *Boroffka N.* Siedlungsgeschichte in Nordbaktrien — Bandichan zwischen Spätbronzezeit und Frühmittelalter // *Alexander der Grosse und die Öffnung der Welt* / Hrsg. S. Hansen, A. Wiczorek, M. Tellenbach. Mannheim: Schnell & Steiner, 2009. S. 135–143.
- Boroffka*, *Sverchkov*, 2013 — *Boroffka N. G. O., Sverchkov L. M.* The Jaz II and III period pottery. Classification and chronology viewed from Bandykhan, Southern Uzbekistan // *Pottery and chronology of the Early Iron Age in Central Asia* / Ed. M. Wagner. Warsaw: University of Warsaw, 2013. P. 49–74.
- Lyonnet*, 2007 — *Lyonnet B.* Sogdiane, Chach et Ferghana à la fin de l'Age du Bronze et à l'Age du Fer. Questions autour de la céramique // *The role of Margilan city in the history of world civilization* / Eds. D. A. Alimova, Sh. R. Pidaev. Tashkent: Fan, 2007. P. 67–70.
- Mokroborodov*, 2018 — *Mokroborodov V. V.* Kindyktepa: a temple of the mid-first millennium BC in Southern Uzbekistan // *A millennium of history. The Iron Age in Central Asia (2nd and 1st millennia BC)* / Eds. J. Lhuillier, N. Boroffka. Berlin: Dietrich Reimer Verlag, 2018 (Archäologie in Iran und Turan; Bd. 17. Mémoires de la Délégation archéologique Française en Afghanistan; Vol. XXXV). P. 343–353.
- Usmanova*, 1992 — *Usmanova Z. I.* New material on ancient Merv // *Iran*. 1992. Vol. I (XXX). P. 55–63.

Some remarks on the molded ceramics of the Central Asian archaeological complexes of the Yaz III type

V. V. Mokroborodov¹⁵

Keywords: Central Asia, complexes of the Yaz III type, molded pottery, typology, statistics, chronology

This article examines the distinctive molded pottery of several Central Asian archaeological complexes dating to the mid-1st mill BC, which, the author demonstrates, exhibit more variable characteristics than previously thought. An analysis of the dynamics of the percentage ratio of the two components of ceramic complexes (molded and wheeled pottery) from recent excavations in southern Uzbekistan suggests the importance of this criterion for a more precise periodization of certain archaeological complexes in the region. This process became possible thanks to a detailed study of finds from such clearly stratified sites of the 6th–3rd cent. BC as Gazimullatepa, Kindyktepa, Kizyltepa, Paykend, Talashkantepa I, Kurganzol and Gishttepa. Among the results of the research is the discovery of a significant increase in the proportion of hand-molded pottery in assemblages dating to the late Achaemenid period, while subsequent historical changes reveal a sharp decline in the proportion of fragments of this pottery type in the regional ceramic assemblages. These findings are supported by analysis of materials from Kampyrtepa, Afrasiab, Yerkurgan and other sites. It is also noted, that the revealed facts can indicate possible changes in the population composition of southern Central Asia at the end of the Achaemenid period.

¹⁵ Viktor V. Mokroborodov — Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow; e-mail: mokroborodov@gmail.com.

Сравнительный анализ поступления продукции в амфорах на территории Херсонесского государства и Европейского Боспора в IV в. до н. э.¹

Е. В. Кузнецова²

Аннотация. По материалам музейных коллекций анализируется состав импорта продукции, поступившей в амфорах на территорию Европейского Боспора и Херсонесского государства в IV в. до н. э. Демонстрируется возможность использования данных о целых сосудах в качестве полноценного источника при анализе торгового оборота конкретного региона.

Ключевые слова: торговые связи, амфорная тара, Крымский полуостров, статистический анализ

DOI 10.31600/1817-6976-2026-50-87-97

Торговля античного мира во всем ее многообразии является предметом многочисленных исследований уже более ста лет. Отдельное внимание уделяется проблемам экономических связей между различными греческими государствами. Так как амфоры являлись основным средством транспортировки главных товаров и массово встречаются на греческих и варварских памятниках, они предоставляют широкие возможности для характеристики торговых связей как отдельных мест потребления товаров, так и целых регионов. Изучение этих источников дает возможность оценить характер распределения продукции отдельных производственных центров, выявить периоды роста и сокращения импорта, провести сопоставление экономических связей разных территорий античного мира (Брашинский, 1984. С. 51–54). При реконструкции торговых отношений применяются несколько методик статистического анализа массового археологического материала.

До недавнего времени с этой целью чаще всего привлекались амфорные клейма, дающие воз-

можность проследить колебания в товарообороте в рамках очень узких хронологических промежутков, вплоть до 10–15 лет (Федосеев, 2004; Кац, 1992; 2007. С. 351–387). Помимо достаточно надежной датировки клейма обладают еще одним несомненным преимуществом — они изначально привлекали к себе внимание исследователей, сдавались на хранение в музеи, изучались и систематизировались. На сегодня количество найденных оттисков исчисляется сотнями тысяч единиц, что является практически недостижимым показателем для других категорий археологических источников. В то же время клейма могут привлекаться лишь для характеристики торговли тех центров, где существовала практика систематического клеймения, создавая, таким образом, несколько усеченную картину экономических связей (Монахов, 1999. С. 4 сл.; Кузнецова, 2014. С. 189; Монахов, Кузнецова, 2016).

Более развернутую характеристику торгового баланса можно получить при изучении профильных амфорных фрагментов. Массовость этой категории источника обеспечивает возможность проведения комплексного анализа информации. Методика использования профильных фрагментов была апробирована на обширном материале из разных географических регионов (Кузнецова, 2013; 2014; Ломтадзе, 2015; Монахов, 2016) и доказала свою состоятельность. При этом исследователи отмечают сложность работы с амфорными

¹ Работа выполнена в рамках гос. задания Минобрнауки РФ № FSRR-2023-0006.

² Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, Саратов; e-mail: ev_kuznetsova@list.ru.

© Кузнецова Е. В., 2026

фрагментами, в первую очередь связанную с необходимостью обработки огромного массива материала по единой методике. Ощутимые трудности вызывает и атрибуция находок, обусловленная типологической близостью профильных частей амфор разных центров производства. Высокая степень стандартизации греческой тары наряду с продолжительным периодом бытования «популярных» форм венцов и ножек может привести и к ошибкам в их датировке (Кузнецова, 2025а). Несмотря на это, характеристика торговых отношений на основе анализа амфорных профильных частей представляется наиболее полной и детальной.

Между тем для палеоэкономических реконструкций могут привлекаться и сведения о находках целых тарных сосудов. Благодаря реализации нескольких проектов по обработке и изданию амфорных коллекций музеев России за последнее десятилетие собрана значительная база данных керамической тары из раскопок античных памятников, расположенных на территории Крыма, Краснодарского края и Нижнедонского региона³. Эти материалы атрибутированы и проанализированы с учетом новейших разработок в области амфороведения. Привлечение амфор полной сохранности или крупных фрагментов позволяет более точно определить их локализацию и датировку, опираясь на совокупный набор морфологических и метрических признаков. Вместе с тем данная категория археологического источника весьма ограничена. Количество известных целых сосудов хотя и исчисляется тысячами единиц, однако их распределение по отдельным памятникам или регионам весьма неравномерно. Кроме того, на отдельных памятниках, особенно небольших, продукция некоторых центров производства может быть представлена только фрагментами амфор. Из-за этого импорт этих производителей окажется не учтенным во время анализа целых форм. В то же время в редких случаях уже только по присутствию в материалах с конкретного памятника одной целой амфоры можно судить о спорадических поставках какого-то центра в данное место. К примеру, в коллекции музея-заповедника «Херсонес Таврический» имеется редчайшая пунийская амфора первых веков нашей

эры (Зубарь и др., 1989. С. 7, 33, рис. 4, М17-5; Монахов и др., 2017. С. 174, Рн. 1). Еще одна пунийская амфора, но более раннего времени — первой трети III в. до н. э. — обнаружена на Елизаветовском городище (Монахов и др., 2025. С. 136, РОМК⁴. Рн. 1). Другие экземпляры в материалах Северного Причерноморья нам неизвестны. Однако это отнюдь не означает, что в Причерноморье не поступала продукция центров, изготавливавших тару подобной морфологии. Проблема заключается в сложности идентификации фрагментов пунийской тары этого вида: легко перепутать их венцы с красноглиняными сосудами типа корчаг или горшков, а ножки отнести к амфорам первых веков новой эры.

В этой статье предпринимается попытка анализа амфорного импорта, поступившего на поселения Восточного и Западного Крыма⁵. Приступая к статистической оценке материалов, мы не предполагали, что результаты по указанным регионам будут сильно отличаться. Казалось бы, какие для этого могут быть причины? Одно дело, когда выявляются различия в торговом балансе античных полисов и варварской периферии, как в ситуации с импортом на Азиатском Боспоре, у меотов и синдов (Монахов, 2025). Также ожидаемо отличается и состав импорта в Прикубанье и на Нижний Дон (Кузнецова, 2025б. С. 139–147). Другое дело, когда для сравнения привлекаются выборки амфор из двух близко расположенных регионов античного мира, исторически тесно связанных друг с другом.

Для сопоставления были отобраны целые и археологически целые сосуды, хранящиеся в различных музеях и изученные в ходе проектов, реализованных научным коллективом Саратовского университета. Регион Восточного Крыма представлен в нашей выборке находками из раскопок Пантикапея, Мирмекия, Тиритаки, Нимфея, Порфмия, Акры, поселения у с. Заветного и других поселений и некрополей. Предметы хранятся в Керченском и Феодосийском музеях, Государственном Эрмитаже и Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. В данном случае рассматриваемый регион фактически совпадает с территорией Европейского Боспора. Применительно к выборке с памятников

³ Материалы находятся в открытом доступе в базе данных «Греческие амфоры (VII–II вв. до н. э.) с северных берегов Понта — АРЕ» // URL: <https://are.sgu.ru/Amphora/>. Материалы из коллекций музеев Ростова-на-Дону, Феодосии и Симферополя будут доступны в ближайшее время.

⁴ Ростовский областной музей краеведения.

⁵ Краткие результаты анализа были представлены в рамках доклада на конференции «АРХОНТ» в сентябре 2025 г. и опубликованы в материалах конференции: Кузнецова, 2025в.

Таблица. Средние объемы амфор основных производственных центров в IV в. до н. э., л
Table. Average capacities of amphorae from major production centers of the 4th cent. BC, l

Период \ Центр	Хиос	Фасос	Менда	Пепарет	Икос	Книд	Кос	Гераклея	Синопа
1-я четверть	19,8	12,5	20,5	17,6	–	–	–	9,4	–
2-я четверть	19,8	12,5	20,5	17,6	27,1	36,1	40,0	9,4	11,8
3-я четверть	17,1	9,0	13,1	16,0	27,1	39,3	40,0	7,3	11,8
4-я четверть	17,1	11,6	15,0	–	–	36,0	–	4,8	13,4

Западного Крыма речь идет о материалах, происходящих из раскопок Херсонеса, Калос Лимена, Керкинитиды, Беляуса, городища и некрополя «Чайка», поселения и некрополя Панское I и др. (то есть с территории Херсонесского государства), которые находятся на хранении в музеях-заповедниках «Херсонес Таврический», «Калос Лимен» и Евпаторийском краеведческом музее.

Несколько слов следует сказать о методической стороне вопроса. Так как в конечном счете нас интересует количество поступившего в амфорах товара, анализировать выборки по количеству тарных сосудов нерационально и неверно. В проводимых подсчетах в обязательном порядке должен учитываться объем сосудов. Однако из-за невозможности вычислить фактическую емкость каждой амфоры в статистических подсчетах предпочтительней использовать средний показатель объема тары для конкретного хронологического отрезка⁶ (Монахов, Кузнецова, 2016. С. 203 сл.). В данном исследовании были использованы показатели, вычисленные при характеристике торговых связей Азиатского Боспора (Кузнецова, 2013. С. 30–65); относящиеся к IV в. до н. э. приведены в таблице. Для удобства графического отображения данных все доли импорта выражены в процентах. При этом из выборки амфор с памятников Западного Крыма были удалены сведения о херсонесских амфорах, которые с последней четверти IV в. до н. э. занимают на местном рынке значительную нишу, однако, строго говоря, импортом для памятников этого региона не являются.

Наибольшее количество зафиксированных в нашей выборке сосудов (607 экз.) относится к IV в. до н. э., что позволяет оценить амфорный импорт на этом хронологическом промежутке более детально. Динамика поступления продукции в интересующие нас регионы несколько отлича-

ется (рис. 1). На Европейском Боспоре наибольший объем поступившей продукции приходится на первую четверть IV в. В следующей четверти намечается незначительный спад (его даже можно принять за статистическую погрешность), который усиливается после середины столетия. Резкое сокращение импорта фиксируется в последней четверти IV в.

Несколько иная картина складывается для территории Западного Крыма, где на протяжении первой половины столетия происходит рост объемов поступающей продукции. После середины столетия также фиксируется значительный спад, усилившийся в последней четверти IV в. до н. э. Собственно говоря, близкими тенденциями в динамике импорта и ограничивается сходство между двумя регионами. Примечательным кажется тот факт, что подобный характер развития торговли можно наблюдать и на материалах других памятников. К примеру, практически идентичную картину мы видим по материалам Прикубанского могильника и могильника Елизаветовского городища (Кузнецова, 2025б. С. 142, рис. 1а). Максимальный объем поступивших товаров, фиксируемый по амфорам из этого местного могильника, приходится на вторую четверть столетия. Однако на рынке Елизаветовки фиксируется примерно одинаковый уровень импорта на протяжении и первой, и второй четверти столетия. Близкая тенденция прослеживается при анализе керамических клейм (Монахов, Кузнецова, 2016. С. 210, ил. 5) и профильных фрагментов (Кузнецова, 2013. С. 98, 128, рис. 1, 31).

По материалам из раскопок крымских памятников фиксируется разница не только в общей динамике ввоза, но и в его структуре (рис. 2). На Европейском Боспоре в сравнении с Херсонесским государством на протяжении IV в. до н. э. в целом преобладает импорт Гераклеи, Фасоса, Хиоса, Пепарета и Менды. В Западном Крыму значительно шире представлена продукция Икоса, Синопы, Книда, Коса, Эрифр и неустановленных

⁶ Сумма известных объемов, разделенная на количество измеренных сосудов.

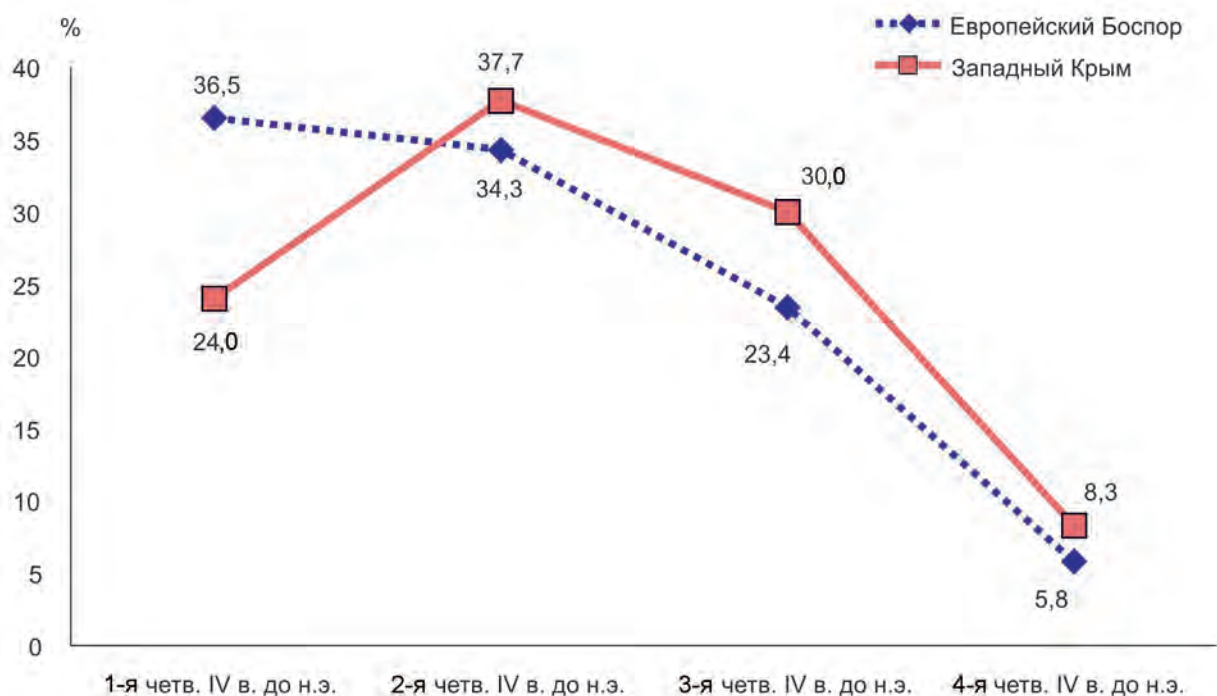

Рис. 1. Динамика поступления продукции в амфорной таре на Европейский Боспор и в Западный Крым в IV в. до н. э.
 Fig. 1. Dynamics of the income of amphorae-contained production into the European Bosphorus and Western Crimea in the 4th cent. BC

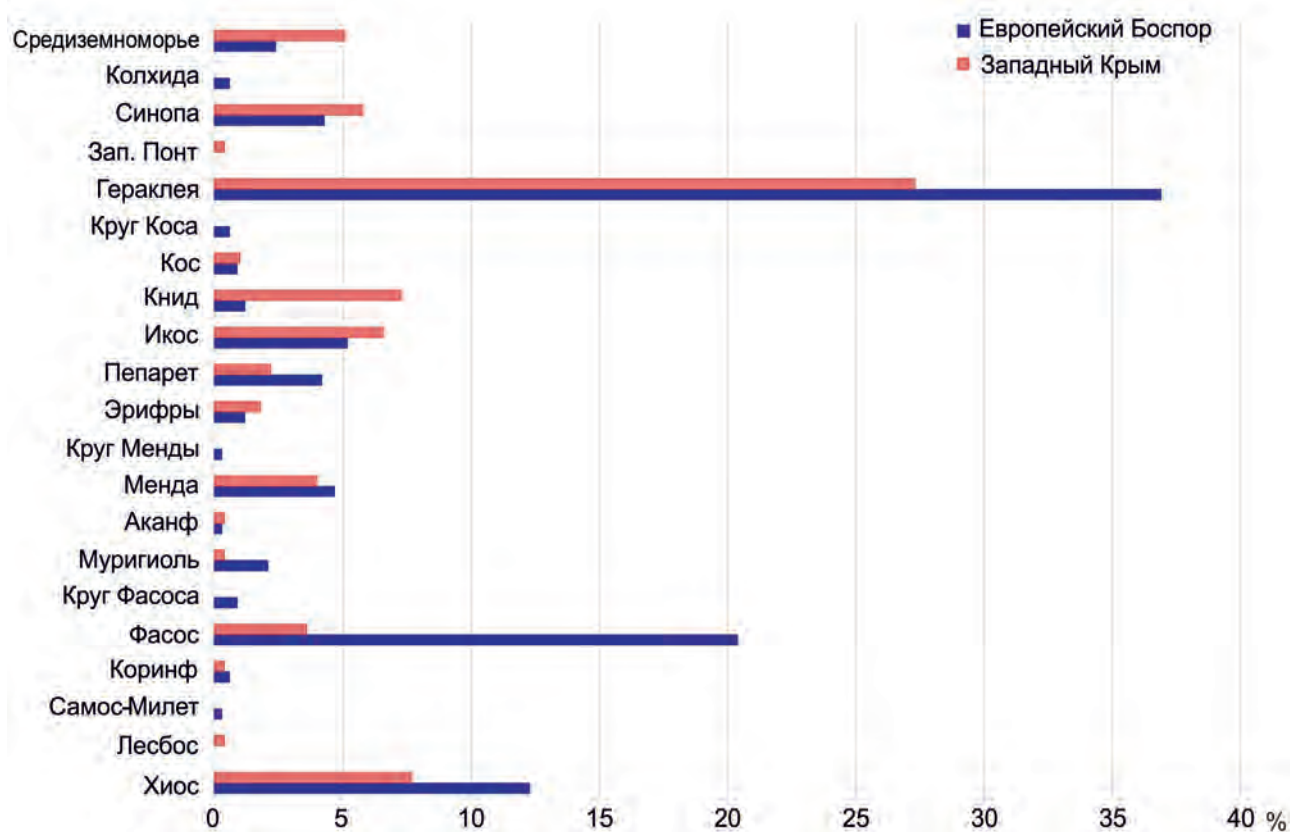

Рис. 2. Состав импорта на Европейском Боспоре и в Западном Крыму в IV в. до н. э.
 Fig. 2. Composition of imports in the European Bosphorus and Western Crimea in the 4th cent. BC

производственных центров. Особенно сильны отличия в объемах поступившей продукции в амфорах Фасоса и Книда. Фасосские товары в импорте Европейского Боспора занимают второе место и составляют 20,4 % общего объема. В Западном Крыму на их долю приходится лишь 3,6 % поступившей продукции. Зато ввоз сюда продуктов в амфорах Книда в пять раз превышает импорт этого центра на поселения Восточного Крыма, при этом книдская продукция появляется на херсонесском рынке еще во второй четверти столетия и не фиксируется среди поставок последней четверти IV в. до н. э. Единичные сосуды этого производственного центра в материалах Европейского Боспора датируются только второй половиной столетия.

Обращает на себя внимание тот факт, что для обоих регионов характерна очень незначительная доля продукции Менды в общем объеме импорта. Это разительно отличается от ситуации, фиксируемой для Прикубанья, где товары в мендейских амфорах занимают первое место (Монахов, 2025. С. 168). И по материалам Елизаветовского городища продукция этого центра встречается хоть и в небольшом количестве, но все же входит в первую тройку лидеров экспорта в первой половине столетия (Кузнецова, 2025б. Рис. 2). При изучении профильных амфорных фрагментов вырисовывается несколько иная картина. В материалах из Пантикапея и поселения Генеральское (западное) мендейская продукция немного более представительна (Ломтадзе, 2015. С. 35 сл., табл. 4; 5).

Эта характеристика дана для всего IV в. до н. э. Однако если рассматривать импорт в рамках более узких хронологических промежутков, картина для обоих регионов отличается еще разительнее.

В первой четверти IV в. до н. э. состав импорта на памятниках рассматриваемых регионов наиболее близок друг другу (рис. 3, 1). Лидирующие позиции занимает продукция Гераклеи. Однако если в Западном Крыму на ее долю приходится 63,6 %, то на Европейском Боспоре — только 26,9 %, на втором месте для этого региона находится импорт Хиоса (25,5 %), на третьем — Фасоса (21,4 %), в то время как в Западном Крыму на продукцию этого центра приходится лишь 3,0 % общего объема поставок. В целом состав импортеров практически идентичен.

Во второй четверти IV в. до н. э. значительно расширяется список производителей, чья тара представлена среди материалов (рис. 3, 2). На территории Западного Крыма абсолютное лидерство переходит к продукции Книда, которая составля-

ет практически треть всего объема (32,6 %). Еще раз подчеркну, что речь идет не о количестве амфор, а о совокупном объеме (с учетом емкости сосудов). Понятно, что амфоры Гераклеи исчисляются большим количеством единиц, однако их метрические параметры значительно уступали книдским. Если объем сосудов Книда в это время составлял в среднем 35–36 л, то у Гераклеи не превышал 10 л (Монахов, 2003. С. 211, 216 сл., приложение 1). Второе место на памятниках Западного Крыма занимает продукция Икоса (18,4 %), третья позиция принадлежит хиосскому импорту (16,4 %). Доли прочих производителей не превышают 10 % общего объема ввоза. В число «прочих» входит и гераклеяская продукция, что может показаться несколько странным. При характеристике торговых связей Херсонеса Таврического по данным амфорных клейм В. И. Кац отмечал, что на долю Гераклеи Понтийской приходится почти половина городского импорта (Кац, 1979. С. 190, табл. 6). Однако надо учитывать, что В. И. Кац рассматривал только клейменные амфоры; тара производственных центров, где отсутствовала практика систематического клеймения, в анализе не учитывалась. При этом для Фасоса автор отметил очень заметную разницу в распределении оттисков: «...в Херсонесе фасосских клейм обнаружено в процентном отношении в два с лишним раза меньше, чем в среднем по всему Северному Причерноморью» (Там же). Ту же самую тенденцию мы можем наблюдать при подсчете объемов фасосского импорта с использованием сведений о находках целых амфор. Более того, по данным амфорных коллекций объем гераклеяской продукции превышает фасосские поставки в 2,5 раза. Примерно тот же результат мы получаем и по материалам керамической эпиграфики — в 2,6 раза (Там же. С. 190).

Иная ситуация сложилась на Европейском Боспоре. Более трети рынка принадлежит продукции Гераклеи (34,0 %). На втором и третьем местах находятся импорт с Хиоса (19,1 %) и Фасоса (17,6 %). Заметную позицию в товарообороте региона занимают поставки в амфорах Икоса (10,0 %). На импорт из Синопы, появившийся в это время, приходится около 6,0 % как на Европейском Боспоре (5,8 %), так и в Западном Крыму (6,2 %).

В третьей четверти IV в. до н. э. (рис. 4, 1) в Западном Крыму книдская продукция удерживает свою нишу, доля ее практически не меняется в сравнении с предыдущим периодом и составляет 33,7 %. Нарастил свое присутствие Икос, на его

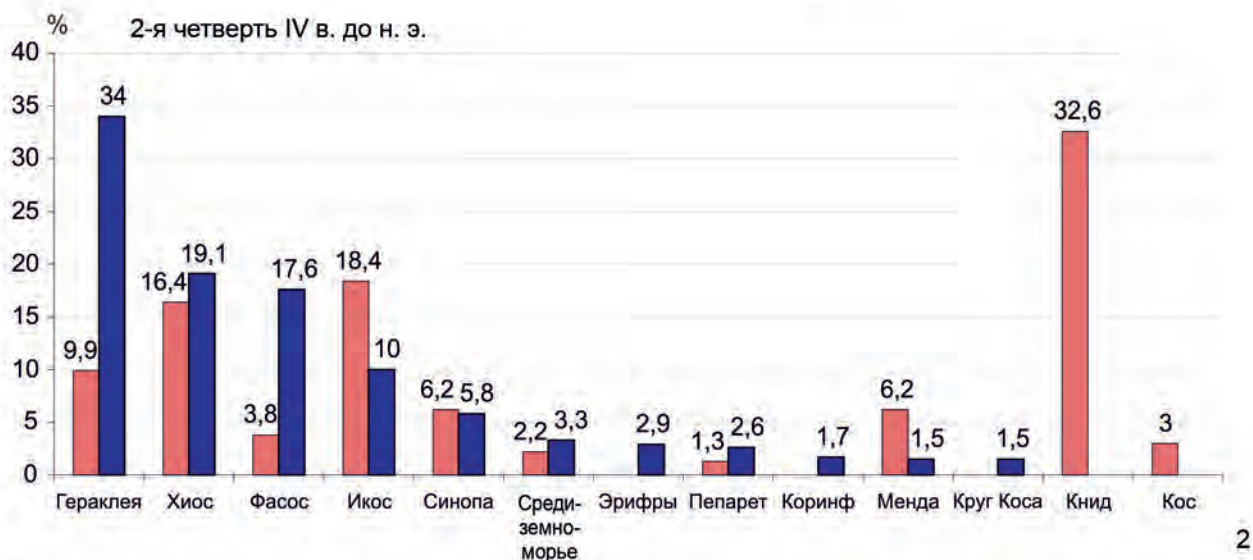
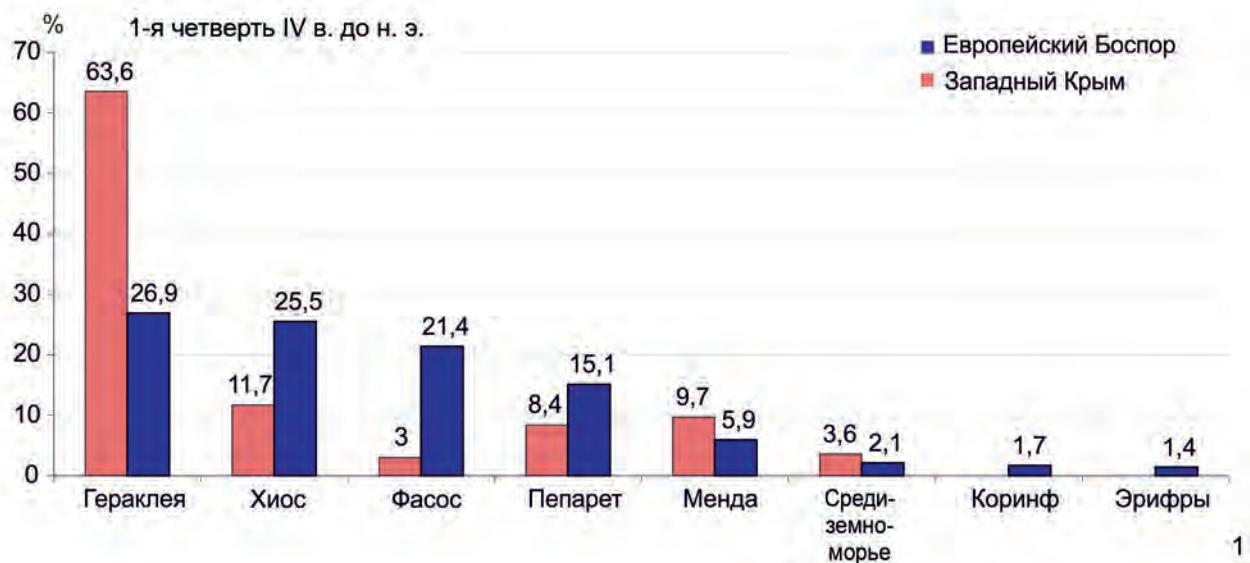

Рис. 3. Состав импорта на Европейском Боспоре и в Западном Крыму в первой половине IV в. до н. э.

Fig. 3. Composition of imports in the European Bosphorus and Western Crimea in the 1st half of the 4th cent. BC

поставки теперь приходится практически треть общего объема (31,0 %). Остальные центры представлены незначительным количеством ввезенной продукции, даже на хиосский импорт приходится лишь 8,2 % общего объема. Еще больше сократился ввоз из Гераклеи (5,6 %), сужаются и поставки из Синопы (3,5 %). Относительно синопской продукции ту же самую тенденцию (сокращение объемов импорта в третьей четверти, а точнее в 330-х гг. до н. э.) применительно к рынку Херсонеса отмечал и В. И. Кац (*Там же*. С. 191).

На Европейском Боспоре в третьей четверти IV в. до н. э. импорт Икоса также преобладает,

составляя более четверти всего объема (26,4 %) (рис. 4, 1). На втором месте находится продукция Гераклеи (22,2 %), на третьем — Менды (12,9 %). На книдские товары приходится лишь 8,5 % всего объема. Вызывает удивление очень незначительный процент ввоза из Синопы, получаемый при анализе целых сосудов, — 6,3 %. При этом по профильным амфорным фрагментам получается, что синопская продукция составляла от 20,0 до 32,0 % (*Ломтадзе*, 2015. С. 35, 42, 45 и т. д.). По крайней мере, это относится к Пантикапею и поселениям его хоры.

Наконец, в последней четверти столетия (рис. 4, 2) с поселений Западного Крыма исчезает

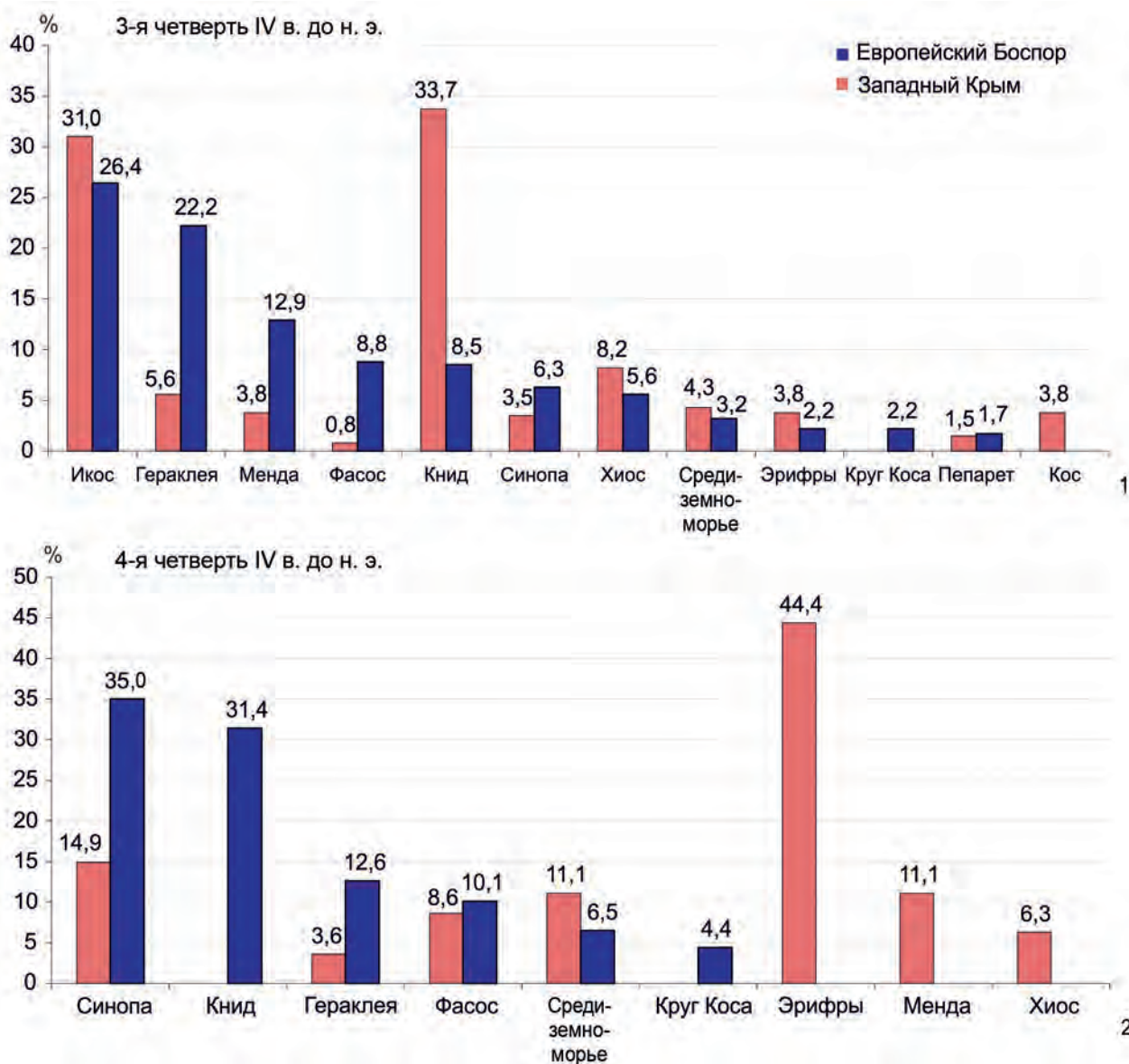

Рис. 4. Состав импорта на Европейском Боспоре и в Западном Крыму во второй половине IV в. до н. э.
 Fig. 4. Composition of imports in the European Bosphorus and Western Crimea in the 2nd half of the 4th cent. BC

продукция Книда, а лидирующие позиции переходят к Эрифрам (44,4 %). На третье место выходит импорт из Синопы, занимая нишу в 14,9 %. На Европейском Боспоре на синопскую продукцию приходится 35,0 % всего объема импорта. В это время резко увеличилась и доля Книда в боспорских материалах, он занимает второе место в общем импорте (31,4 %). Следует оговориться, что последняя четверть столетия представлена в нашей выборке целых и археологически целых сосудов не очень большим количеством экземпляров, поэтому полученные данные могут быть искаженными. Однако представляется, что они тем

не менее отражают общие тенденции. По крайней мере, близкий характер динамики книдского импорта можно наблюдать применительно к Пантикапею и Генеральскому (западному) (*Ломтадзе*, 2015. С. 35, 42, 45 и т. д.). Не стоит забывать и о том, что в последней четверти столетия в Херсонесе развивается собственное товарное виноделие, что не могло не отразиться на объемах ввозимой продукции во всем Западном Крыму.

Очевидно, что в последней четверти IV в. до н. э. происходят серьезные изменения в торговом балансе рассматриваемых регионов, связанные с масштабными историческими событиями,

затронувшими весь эллинский мир. Это в одинаковой степени коснулось как общего объема ввозимой продукции, так и его структуры. Материалы амфорных коллекций позволяют проследить динамику поступления товаров основных производителей (Гераклея, Синопа, Фасос, Менда, Хиос и Книд) на протяжении IV в. до н. э. На графиках (рис. 5, 1–5) отражены колебания в поставках каждого экспортера в зависимости от региона (весь объем поступившей из одного центра продукции принят за 100 %; например, в первой четверти IV в. до н. э. на памятниках Западного Крыма гераклейская продукция составляла 72,8 % совокупного объема импорта Гераклеи на протяжении всего IV в. до н. э.).

В течение всего рассматриваемого периода на рынках обоих регионов одной из самых весомых была продукция Гераклеи Понтийской. Импорт этого производственного центра, появившись в конце V в. до н. э., очень быстро занял лидирующие позиции практически на всех памятниках Северного Причерноморья. Однако динамика поступления гераклейских товаров носит различный характер в зависимости от региона (рис. 5, 1). На Европейском Боспоре доля гераклейского импорта постепенно возрастает на протяжении первой половины столетия и начинает снижаться после середины IV в. Иная картина складывается по материалам из Западного Крыма, где пик импорта приходится на первую четверть века с дальнейшим постепенным снижением. В последней четверти столетия гераклейский импорт практически сходит на нет, что, вероятно, было связано как с развитием товарного виноделия в Херсонесе и замещением недорогого гераклейского продукта собственным вином, так и с общим сокращением производства товарного вина в самой Гераклее.

Динамика поступления продукции другого южнопонтийского центра — Синопы — выглядит несколько иначе (рис. 5, 2). В целом графики, демонстрирующие изменения объемов ввоза, имеют близкий характер для Восточного и Западного Крыма — падение импорта после 350-х гг. до н. э. с постепенным ростом в последней четверти столетия. Заметное увеличение размеров поставок продукции этого центра к концу века В. И. Кац объяснял тем, что Синопа наряду с продуктами виноделия поставляла на экспорт оливковое масло, потребность в котором в городах Северного Причерноморья была постоянной (Кац, 1979. С. 190).

Поступление товаров в амфорах Фасоса также имеет заметные различия в зависимости от регио-

на (рис. 5, 3): для Европейского Боспора фасосский импорт своего пика достигает в первой четверти столетия, а в дальнейшем фиксируется устойчивое падение объемов ввоза. Иное мы наблюдаем по материалам из Западного Крыма: максимум поставок приходится на вторую четверть века, а в дальнейшем, после середины столетия, фиксируется практически пятикратное падение и затем резкий рост в конце века.

Ввоз с Хиоса (рис. 5, 4) достиг своего максимума на Европейском Боспоре в первой четверти столетия, сходя на нет к последней четверти века. На рынках Западного Крыма хиосские товары поступают до самого конца столетия, достигая пика во второй четверти IV в. до н. э.

Разную картину мы видим и для поставок мендейских товаров (рис. 5, 5). Если для Западного Крыма фиксируется стабильный ввоз на протяжении первой половины столетия с постепенным снижением после середины века, то на Европейском Боспоре поступление носило скачкообразный характер с пиками в первой и третьей четвертях IV в. до н. э.

Наконец, фиксируется огромная разница в поступлении продукции Книда на рынки рассматриваемых регионов (рис. 5, 6)⁷. Практически полное отсутствие тары этого центра было отмечено нами еще на этапе обработки коллекции Керченского музея. В дальнейшем данная тенденция подтвердилась и материалами других музейных собраний. Сложно объяснить, с чем связана подобная лакуна в книдском экспорте. Тем более что нам известно, что на меотские поселения продукция этого центра поступала в больших количествах. Об этом красноречиво свидетельствуют находки книдских амфор в меотских могильниках. В небольшом количестве книдские сосуды встречаются и на памятниках Нижнедонского региона. Характерно, что поступление импорта Книда в Прикубанье, на Нижний Дон и в Западный Крым начинается во второй четверти IV в. до н. э., в то время как для Европейского Боспора целые или археологически целые книдские амфоры известны только начиная с третьей четверти века. При этом по непонятным пока причинам в материалах Западного Крыма целые амфоры этого центра (так же как и Коса) последней четверти IV в. до н. э.

⁷ Для большей наглядности на диаграмме представлен объем поступившей книдской продукции, выраженный в литрах, так как в данном случае основной акцент делается именно на отличиях в размерах импорта этого центра на рынки рассматриваемых регионов.

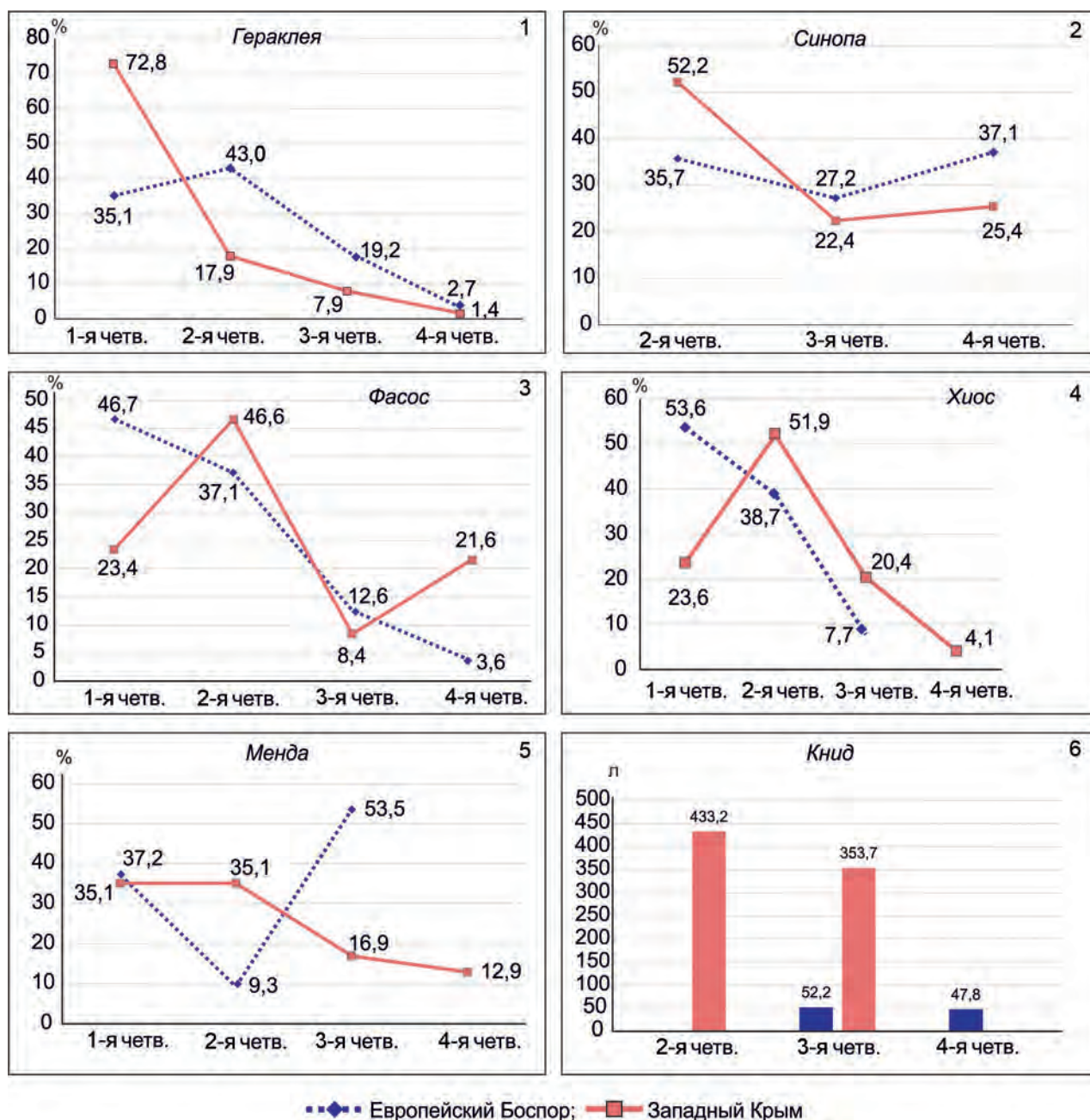

Рис. 5. Динамика импорта основных центров производства на Европейский Боспор и в Западный Крым в IV в. до н. э.
 Fig. 5. Dynamics of imports from the main production centers into the European Bosphorus and Western Crimea in the 4th cent. BC

неизвестны. Возможно, дело лишь в ограниченности нашей выборки, хотя едва ли это можно рассматривать как единственное объяснение. Тем более что нам известны книдские амфоры из Западного Крыма более позднего периода — III и даже II вв. до н. э., хотя среди коллекций амфор из других регионов книдская тара этого времени отсутствует (Kuznetsova, Monakhov, 2022. P. 455, 456).

Таким образом, анализ амфорных коллекций позволил в первом приближении оценить не

только динамику поступления продукции в керамической таре на рынки Европейского Боспора и поселений Западного Крыма, но и выявить отличительные черты в составе импорта. Несмотря на некоторые общие тенденции, стоит отметить и значительную разницу, фиксируемую для торгового оборота двух регионов. Различия касаются и общего объема поступившей в амфорах продукции на протяжении IV в. до н. э., и состава контрагентов, и даже динамики поступления

импорта из конкретных производственных центров. В настоящее время перед нами не стоит задача объяснить выявленные расхождения. В статье лишь предпринимается попытка первичного анализа имеющегося материала, основной целью которого является демонстрация возможностей использования этой категории источника для реконструкции торговых отношений. При этом всегда следует помнить о специфике используемого материала. Особенно осторожным следует быть, когда для анализа привлекаются материалы керамических комплексов. Примечательно, что сопоставление результатов, полученных при анализе целых сосудов, профильных амфорных фрагментов и керамических клейм показывает их значительное сходство. Фиксируемые расхождения можно объяснить спецификой выборок: количеством привлекаемого материала; характером памятников, с которых он получен; сложностью датировки профильных фрагментов и т. п. Выявленные отличия должны пристально анализироваться в каждом конкретном случае.

В целом коллекции целых амфор или их крупных фрагментов могут привлекаться для характеристики торговых связей, несмотря на их ощутимо меньшую численность по сравнению с другими категориями материала — профильными фрагментами или керамическими клеймами. Анализ тарных сосудов позволяет проследить общую динамику товарооборота в рамках разных по протяженности хронологических периодов; провести сопоставление результатов, полученных по находкам из раскопок разных регионов; оценить характер поступления импорта из отдельных производственных центров. Совершенствование методики обработки данной категории археологического источника позволит в дальнейшем составить более детальную картину торговых связей античных государств Северного Причерноморья со средиземноморскими и понтийскими центрами, а также с окружающим варварским миром.

Статья поступила в редакцию 19 декабря 2025 г.

Брашинский, 1984 — Брашинский И. Б. Методы исследования античной торговли. Л.: Наука, 1984. 248 с.

Зубарь и др., 1989 — Зубарь В. М., Шевченко А. В., Ливанский С. А. Западный некрополь Херсонеса Таврического (материалы раскопок 1983–1985 гг.): Препринт. Ч. 1–3. Киев: ИА АН УССР, 1989. 43 с.

Кац, 1979 — Кац В. И. Экономические связи позднеклассического Херсонеса (по данным амфорных клейм) // Античный мир и археология. 1979. Вып. 4. С. 176–191.

Кац, 1992 — Кац В. И. Методика сравнительной оценки экспорта-импорта товаров в керамической таре из одного производственного центра // Греческие амфоры. Проблемы развития ремесла и торговли в античном мире / Ред. В. И. Кац, С. Ю. Монахов. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1992. С. 205–229.

Кац, 2007 — Кац В. И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). Симферополь; Керчь: Центр археологических исследований «Деметра», 2007 (Боспорские исследования; Вып. XVIII). 480 с.

Кузнецова, 2013 — Кузнецова Е. В. Экономические связи античных поселений Азиатского Боспора в VI–III вв. до н. э. (по данным керамической тары): Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. — археология / Воронежский гос. ун-т. Воронеж, 2013. 213 с.

Кузнецова, 2014 — Кузнецова Е. В. Торговые связи Фанагории в IV–III вв. до н. э. по разным категориям амфорного материала: проблема соотношения //

Stratum Plus. 2014. № 3: «Война и мир» на берегах Понта Эвксинского. С. 187–194.

Кузнецова, 2025а — Кузнецова Е. В. Создание каталога определителя профильных амфорных фрагментов: основные задачи // Проблемы истории, филологии, культуры. 2025. № 4. С. 127–144.

Кузнецова, 2025б — Кузнецова Е. В. Амфоры IV — начала III в. до н. э. из раскопок Прикубанского и Елизаветовского могильников: сравнительная характеристика // Боспорский феномен. Экспорт / импорт в хозяйственной и культурной жизни Боспорского царства: Материалы Междунар. науч. конф. СПб.; М.: Индрик, 2025. С. 139–148.

Кузнецова, 2025в — Кузнецова Е. В. Амфорный импорт на Европейском Боспоре и в Херсонесском государстве в IV в. до н. э.: общие черты и региональные особенности // Античные реликвии Херсонеса: открытия, находки, теории: Материалы науч. конф. / Ред. А. В. Зайкова, Д. А. Костромичев. Севастополь: ГИИМЗ «Херсонес Таврический», 2025. С. 174–179.

Ломтадзе, 2015 — Ломтадзе Г. А. Керамическая тара из раскопок поселений IV — первой трети III в. до н. э. «царской хоры» Европейского Боспора. М.: ИА РАН, 2015 (Царская хора Боспора (по материалам раскопок в Крымском Приазовье). Древности Боспора; Suppl. 3). 208 с.

Монахов, 1999 — Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: комплексы керамической тары VII–II вв. до н. э. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1999. 679 с.

- Монахов, 2003 — Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. М.; Саратов: Киммерида, Изд-во Саратовского ун-та, 2003. 352 с.
- Монахов, 2016 — Монахов С. Ю. Комплекс транспортных амфор из поселка У7 поселения Панское I // *Stratum Plus*. 2016. № 3: Третий до... Потерянное столетие. С. 309–343.
- Монахов, 2025 — Монахов С. Ю. Вкусовые предпочтения на Азиатском Боспоре, в Синдике и в мире меотов в IV в. до н. э. // XXVI Боспорские чтения. Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья. Археология. История. Искусство. Греки — варвары: контакты и конфликты: Материалы науч. конф. / Ред.-сост. Е. А. Савостина, Е. В. Фокеева. М.: Индрик, 2025. С. 167–174.
- Монахов, Кузнецова, 2016 — Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В. Внешняя торговля Боспора в IV–II вв. до н. э. по данным керамических клейм // *Вопросы эпиграфики*. 2016. Вып. 9. С. 199–216.
- Монахов и др., 2017 — Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Чурекова Н. Б. Амфоры V–II вв. до н. э. из собрания государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический»: Каталог. Саратов: Новый проект, 2017. 208 с.
- Монахов и др., 2025 — Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Коваленко А. Н., Чурекова Н. Б., Язовских А. Г. Амфоры VI–III вв. до н. э. из собраний музеев Ростова-на-Дону. Саратов: Тип. «Амирит», 2025. 284 с.
- Федосеев, 2004 — Федосеев Н. Ф. О керамических клеймах, «сравнительных объемах импорта» и поселении «Бакланья Скала» // *Древности Боспора*. 2004. Т. 7. С. 366–403.
- Kuznetsova, Monakhov, 2022 — Kuznetsova E. V., Monakhov S. Yu. Trade Connections of the Northern Black Sea Region in the Hellenistic Period (After Materials of Museum Collections) // *Manufactures and Markets. The Contributions of Hellenistic Pottery to Economies Large and Small. Proceedings of the 4th Conference of IARPotHP, Athens, November 2019, 11th — 14th / International Association for Research on Pottery of the Hellenistic Period* e. V. Wien, 2022. Vol. 4. P. 447–461.

A comparative analysis of the production's income into the Chersonesus state and the European Bosphorus in the 4th century BC

E. V. Kuznetsova⁸

Keywords: trade relations, amphora tare, Crimean Peninsula, statistical analysis

This article explores the trade relations between the ancient states of the Northern Black Sea region based on the analysis of amphora vessels. The author focuses on comparing the structure and dynamics of amphora imports at settlements of Eastern (Panticapaeum, Myrmecium, Tyritake, etc.) and Western Crimea (Chersonesus, Kalos Limen, Kerkinitis etc.) during the 4th cent. BC. The study is based on an analysis of collections of intact and archaeologically intact amphorae kept in various Russian museums. It is emphasized that, despite the limited availability of this category of sources compared to the widespread finds of amphora stamps or profile fragments, intact vessels allow for more accurate localization and dating based on a comprehensive set of morphological and metric features. The vessels' capacity was taken into account when analyzing samples from the compared regions. Within the period under consideration, the structure of imports varied significantly: in the European Bosphorus, the products of Heraclea Pontica, Thasos, Chios, Peparetus and Menda dominated. In Western Crimea, the products of Ikos, Sinope, Cnidus, Kos, and Erythra were more widely represented. Analysis of the material over a period of a quarter of a century also revealed significant regional differences in the composition of trading partners. The dynamics of commodity supplies to the regions under consideration by key exporters also point to different patterns of trade relations and consumer demand. The analysis demonstrates that, despite general trends in trade extent, the European Bosphorus and the Chersonesus state exhibited significant differences in the structure, dynamics, and trading partners of amphorae imports in the 4th cent. BC. The study confirms the informative value of whole amphora collections for reconstructing trade relations, especially when combined with data from amphora stamps and profile fragments. The identified differences require further study, taking into account the historical context and the specific characteristics of the archaeological sites.

⁸ Elena V. Kuznetsova — Saratov State University, Saratov; e-mail: ev_kuznetsova@list.ru.

Бронзовое зеркало из Последнего Елизаветинского кургана, раскопанного Н. И. Веселовским в Прикубанье

Т. В. Рябкова, М. Ю. Трейстер¹

Аннотация. Изучение зеркала из Последнего Елизаветинского кургана позволило установить, что его переделали из аттического. Местный мастер ориентировался на античные образцы, но придал женской фигуре на рукояти признаки статуса, понятные в скифской среде. Т. В. Рябкова считает, что это произошло в IV, а М. Ю. Трейстер — во II в. до н. э.

Ключевые слова: Последний Елизаветинский курган, Прикубанье, зеркало, женская полуфигура в позе акимбо, скифское искусство

DOI 10.31600/1817-6976-2026-50-98-110

Елизаветинские курганы — большой курганный могильник близ Краснодара, на юго-восточной окраине станицы Елизаветинской на берегу Кубани. По современным данным, он насчитывал порядка 25 насыпей разного размера, многие из которых не сохранились. Могильник относится к расположенному неподалеку Елизаветинскому городищу — мощному укрепленному поселению V–I вв. до н. э., население которого активно торговало с Боспором. Раскопки могильника, начатые в 1912 г., велись даже во время Первой мировой войны, с перерывом в 1916 г. из-за сложной внешне- и внутривосточной ситуации. По архивным и опубликованным Археологической комиссией данным, Н. И. Веселовским здесь было исследовано семь курганов. Последним называется курган, раскопанный летом 1917 г. К сожалению, о нем известно меньше всего, и то лишь благодаря свидетельству М. И. Ростовцева, который, видимо, был знаком с материалами, готовившимися для 67-го выпуска Известий Археологической комиссии². Конструкция кургана была похожа на ранее

исследованные: под насыпью находилась четырехугольная яма с монументальным каменным сооружением внутри и земляным спуском с южной стороны. Основное отличие состояло в том, что плитовый центральный склеп с монументальным входом, крытый деревом, был окружен четырехугольным периболом³ с двумя проходами в южной и северной стенках; перибол этот составлял как бы каменную облицовку стен погребальной ямы. Склеп был выстроен из монументальных квадров и покрыт деревянной крышей. В коридоре между склепом и оградой-периболом были найдены груды лошадиных костей, частью перемешанных с человеческими. Сюда же, вероятно, были выброшены останки людей, погребенных в склепе, так как в коридоре были собраны золотые бляшки и обломки ожерелья (Ростовцев, 1925. С. 323). Некоторые сведения о конструкции подкурганного сооружения есть в письме Н. И. Веселовского комиссару Кубанской области: «Летом 1917 г. производивший раскопки в юрте станицы Елизаветинской проф. Н. И. Веселовский открыл в кургане интересный каменный склеп IV в. до Р. Хр., окруженный каменной стеною. Подобные сооружения встречаются крайне редко, Елизаветинский же склеп отличается к тому же превосходной сохранностью...» (Эпохи,

¹ Рябкова Т. В. — Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург; e-mail: ryabkova-tatyana@mail.ru. Трейстер М. Ю. — независимый исследователь, г. Бонн, Федеративная Республика Германия; e-mail: mikhailtreister@yahoo.de.

© Рябкова Т. В., Трейстер М. Ю., 2026

² 67-й выпуск не был опубликован, известно лишь 66 выпусков Известий ИАК.

³ Перибол (περίβολος) — в античной архитектуре пространство вокруг культового сооружения и его ограждение.

курганы, находки..., 2024. С. 112). В фотоотделе научного архива ИИМК РАН была обнаружена фотография склепа из Последнего кургана, на которой видны тщательно вытесанные квадраты (*Вахтина*, 2025. Рис. 6).

Предметы из этого кургана, составляющие ныне коллекцию Ку. 1917-1, поступали в Эрмитаж в 1924 и 1927 гг., многие были фрагментированы и впоследствии собраны из частей. Самой массовой частью коллекции являются предметы конской упряжи — бляшки, бронзовые псалии, налобники, украшенные в скифо-меотском зверином стиле. Наряду с этим присутствуют перстни, спиралевидные подвески, серьги, проволочные браслеты, бусы, золотые украшения и пр. На многих предметах сохранились этикетки, подписанные рукой Н. И. Веселовского «Елизаветинская, 1917 г.» и с указанием номера. Это, равно как и ссылки на номера по описи Веселовского в актах передачи предметов в Эрмитаж, доказывает, что опись находок велась в процессе раскопок. Дата коллекции определена в границах третьей четверти IV в. до н. э. по аналогиям к золотым украшениям из нее (*Галанина*, 2003. С. 95). Общепринятые датировки других вещей не противоречат этому: двудырчатые S-видные и Г-образные псалии, налобники, наносники, уздечные бляшки имеют аналогии среди уздечных украшений, найденных в Южном Елизаветинском кургане 1913 г., датированном началом IV в. до н. э. по фасосской и гераклеийской амфорам (*Галанина*, 2005. С. 98; 2010. С. 108–111).

Вещи, принадлежность которых к определенному комплексу не установлена⁴, вошли в состав других коллекций и значатся как происходящие из раскопок в Елизаветинской (коллекция Ку. 1913–1917/1) либо из раскопок и покупок Веселовского на Кубани (коллекция 2735).

Фрагменты бронзового зеркала⁵ были переданы в Эрмитаж из Российской академии истории материальной культуры (РАИМК) по акту от 5 июня 1926 г. ((Архив ОАВЕС. Д. 21). В деле 21 под номером 711 фигурируют «2 куски пластины бронзовой, от зеркала», номер по описи Веселовского — 53. В инвентаре «Ку», в графе «Примечания» значится: «сюда же относятся ручка зеркала 24246, накладка 24987 и 4 пластины 24248 (2 шт.) и 24249 (2 шт.)». Таким образом, очевидно, что зеркало было собрано из частей. О его находке между склепом и оградой-периболом, в куче лошадиных костей, свидетельствуют предметы конской упряжи

(пронижи, ворворки и др., фигурирующие в описи Веселовского под близкими номерами) (Архив ОАВЕС. Д. 21. Л. 19, 19об.).

После реставрации (рис. 1) размеры зеркала составляют: длина с ручкой 34,3 см; диаметр диска 21 см, толщина — от 2 до 4 мм; длина ручки, включая обойму для диска, — 17,6 см; длина фигуры — 15,7 см, ширина фигуры в локтях — 4,5 см.

Зеркало состоит из литого прокованного диска и ручки, выполненной в технике литья по утрачиваемой модели. Для их соединения служил паз в обойме прямоугольной формы, отлитой вместе с ручкой. Лицевая часть обоймы утрачена, форма может быть восстановлена лишь предположительно. Собранный из фрагментов круглый диск с небольшими округлыми «волютообразными» выступами у основания ручки на оборотной стороне имеет небольшой бортик, сформированный проковкой⁶. Для крепления диска к обойме использована железная заклепка. Гравированный декор в виде волутообразного завитка, заметный слева от обоймы на оборотной стороне диска, справа сохранился значительно хуже (рис. 1, 3). Верхняя часть ручки оформлена в виде скульптурной женской полуфигуры в фас, руки упираются в бока. Обойма для диска является продолжением прически «в скобку», переданной только с лицевой стороны. На оборотной стороне прическа отсутствует, голова переходит в массивную шею. Черты лица проработаны в деталях, но очень схематично. Обозначены глаза с выделенными веками и надбровными дугами, прямой нос и слегка приоткрытый рот с небольшим углублением на прямоугольном выступе. Формы стройной фигуры с узкой талией и небольшой грудью переданы без особой детализации, контррельефом обозначены лопатки и украшение на шее (гривна?). Руки согнуты почти под прямым углом в локтях, схематично переданные кисти с едва намеченными пальцами упираются в бока. Одежда на бедрах имеет двойной край, ниже — округлый в сечении сужающийся книзу стержень для насадки рукояти. Фигура выглядит угловатой из-за многочисленных острых граней (локти, плечи, край гривны и одеяния, край обоймы для крепления диска). Конец рукояти оформлен как кеглевидное завершение с округлым концом, отделенное от стержня плоским диском (рис. 1). Есть основания предполагать, что в нижней части стержень рукояти имел деревянную или костяную накладку.

⁴ См.: *Галанина*, 2003. С. 89; 2005. С. 98.

⁵ ГЭ, инв. № Ку. 1917-1/105.

⁶ Авторы выражают искреннюю благодарность Е. А. Шаблавиной за выполненные определения.

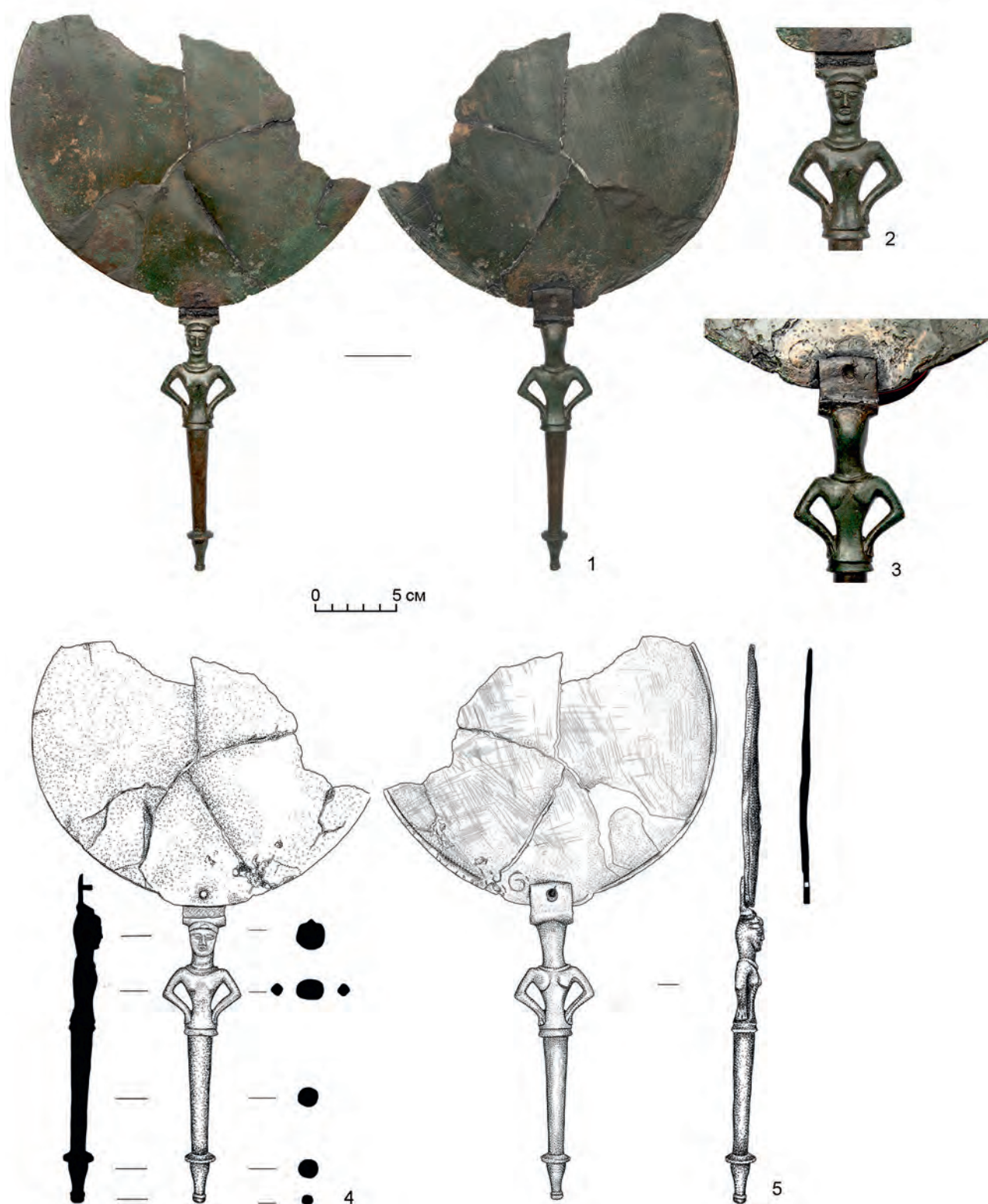

Рис. 1. Зеркало из Последнего Elizavetinskogo кургана: 1-3 — фотографии В. С. Теробенина (2, 3 — лицевая и оборотная части (детали)); 4, 5 — прорисовка Д. А. Бариновой

Fig. 1. Mirror from the Last Elizavetinsky burial mound: 1-3 — photo by V. S. Terebenin (2, 3 — front and reverse parts (details)); 4, 5 — drawing by D. A. Barinova

[1 — ГЭ, инв. № Ку. 1917-1/105 © Государственный Эрмитаж]

Рис. 2. Зеркала с ручкой в виде женской фигуры: 1 — Последний Елизаветинский курган; 2 — Мезмай-1, погребение 3/2005; 3 — находка близ хутора Анновка; 4 — находка у Марафона; 5 — Мюнхен; 6 — Гарвард
 Fig. 2. Mirrors with a handle in the form of a female figure: 1 — Last Elizavetinsky burial mound; 2 — Mezmay 1, burial 3/2005; 3 — find near the Annovka farmstead; 4 — find near Marathon; 5 — Munich; 6 — Harvard
 [1 — ГЭ, инв. № Ку. 1917-1/105; 2 — Шевченко и др., 2011. Рис. 10; 3 — ГЭ, инв. № Дн1897-4/1; 4 — ГЭ, инв. № ГР 72-46; 5 — Neugebauer, 1927. Taf. XXVIII, Nr. 1; 6 — Master Bronzes..., 1968. Cat. 75. 1, 3, 4 — © Государственный Эрмитаж]

Зеркало из Последнего Елизаветинского кургана никогда не являлось предметом специального исследования. Впервые оно было опубликовано в каталоге эрмитажной выставки в 1973 г., где описано как «редкий образец зеркала с ручкой с антропоморфным изображением» (Античная художественная бронза..., 1973. С. 23, № 66). Позже З. А. Билимович опубликовала его как часть коллекции греческих бронзовых зеркал Эрмитажа (Билимович, 1976. С. 47, рис. 15), отметив отличия от других экземпляров собрания: «...Варварский тип лица женщины передан схематично и обобщенно, вследствие чего он не может служить отправной точкой для датировки» (Там же. С. 47). Учитывая мнение хранителя Л. К. Галаниной о том, что весь комплекс кургана может быть датирован IV в. до н. э., исследовательница приняла эту датировку и для зеркала, сопоставив его с экземпляром, хранящимся в Мюнхене (Neugebauer, 1927. S. 9, Taf. XXVIII, 1; Oberländer, 1967. S. 207, 208, Nr. 302) и датируемым V в. до н. э. Сопоставление не выглядит убедительным: женская фигура мюнхенского экземпляра поддерживает диск руками, стержень вставлен в обкладку из слоновой кости (рис. 2, 5) (Билимович, 1976. С. 47, 48). Х. Сальсков Робертс отметила необычную трактовку позы женской фигуры рукояти, сопоставив изображение с изделиями мастерской Южной Италии первой четверти VI в. до н. э. (Salskov Roberts, 2014. P. 188, 189).

В 2024 г. отреставрированное зеркало было продемонстрировано на эрмитажной выставке в честь юбилея Н. И. Веселовского. Т. В. Рябкова отметила редкость использования полуфигур в качестве ручек зеркал, необычность положения рук, опирающихся на бедра, сходство конца ручки зеркала с окончаниями ручек этрусских зеркал, а также сходство позы полуфигуры, трактовки шеи и рук с архаическим изображением на шарнире из этрусской коллекции Эрмитажа (инв. № ГР-9841). Это позволило предположить знакомство мастера с традициями этрусских ремесленников (Эпохи, курганы, находки..., 2024. С. 150, кат. 81). Итак, необычные признаки зеркала затрудняют его датировку и атрибуцию.

Анализ состава металла⁷, выполненный в отделе научно-технической экспертизы (ОНТЭ) Гос. Эрмитажа, показал близкий, но не одинаковый состав металла диска и ручки (табл.). Заклепка ручки зеркала, вероятно, была выполнена из железа⁸.

⁷ Методы исследования: рентгенофлуоресцентный анализ поверхности (спектрометр ArtTAX, Brüker); оптическая микроскопия (Leica M60, Stemi 508, Zeiss).

⁸ Выражаем искреннюю признательность заместителю заведующего ОНТЭ Государственного Эрмитажа С. В. Хаврину за проделанную работу и консультации.

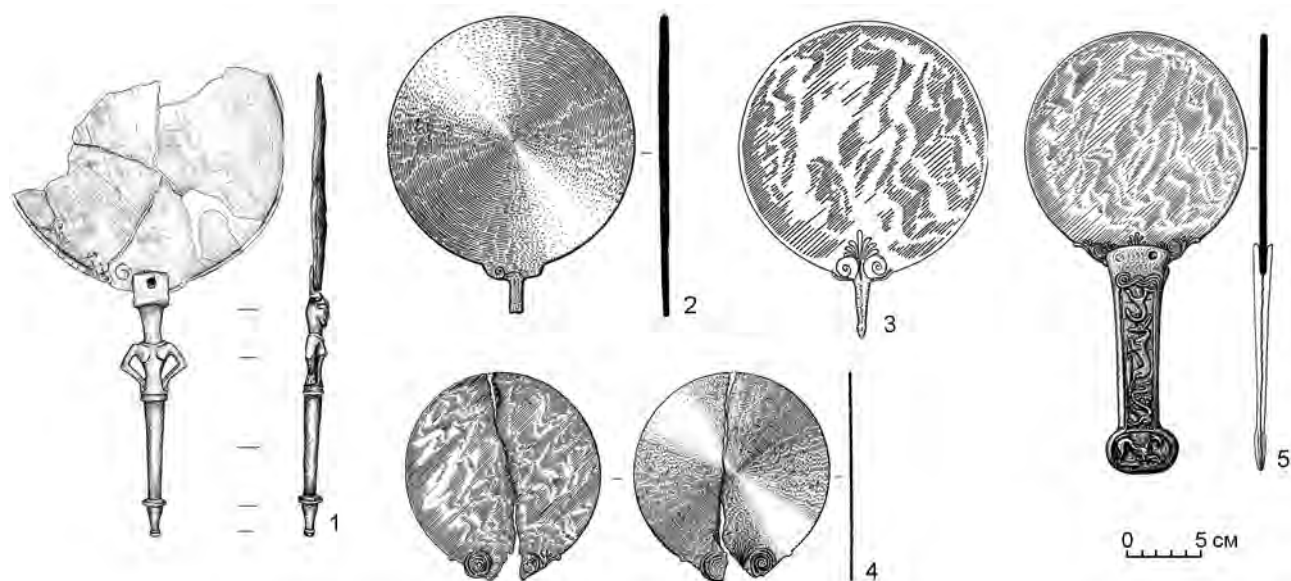

Рис. 3. Зеркала с гравированным орнаментом на диске: 1 — Последний Елизаветинский курган; 2 — Деев курган; 3 — Семибратний курган 6; 4 — собрание Государственного Эрмитажа; 5 — Куль-Оба

Fig. 3. Mirrors with engraved ornamentation on the disk: 1 — Last Elizavetinsky burial mound; 2 — Deyev burial mound; 3 — Semibratny burial mound 6; 4 — State Hermitage Museum; 5 — Kul-Oba

[1 — ГЭ, инв. № Ку 1917-1/105; 2-4 — Кузнецова, 2010. Табл. 28, 29, 27, 120а (4 — ГЭ, инв. № 2735-289)]

Таблица. Химический состав металла зеркала (ГЭ, инв. № Ку. 1917-1/105)

Table. Chemical composition of mirror metal

Деталь	Элемент, массовая доля, %						
	Cu	As	Sn	Pb	Sb	Fe	Прочие
Диск	Осн.	<0,2	11,0–13,0	<0,7	–	–	Bi
Ручка	Осн.	<0,5	13,0–15,0	1,0–2,0	Сл.	Сл.	Bi<0,2

* Осн. — основа, сл. — следы.

Плоский круглый диск зеркала с утолщением-бортиком от проковки отличается значительным размером. В нижней части диска в месте прикрепления ручки имеются округлые волутообразные выступы, на которых с оборотной стороны с обеих сторон от ручки сохранились остатки резного орнамента в виде завитков (рис. 1, 2). Судя по тому, что линии орнамента перекрыты следами от грубого абразивного инструмента, заметными и на внешней поверхности диска, орнамент был удален шлифовкой в процессе древней реставрации. Следы обработки находятся под коррозионными язвами, то есть нанесены до попадания предмета в археологический контекст⁹.

Резной орнамент в нижней части диска при переходе к ручке — признак зеркал со шты-

рем для насаживания рукояти, часть из которых определяют как аттические. Они часто встречаются не только в некрополях Ольвии и Боспора, но и в курганах местного населения (Деев курган, Семибратний курган 6, Куль-Оба и др.) (*Papasyridi-Karouzou*, 1951; *Билимович*, 1973; 1976. С. 42–44, 61, 62, № 28–30, рис. 8; 9; *Oberländer*, 1967. S. 128–149; *Кузнецова*, 2010. С. 41, табл. 24–28; *Соколова*, 2017. С. 270, 271). Как правило, у таких зеркал есть штырь, отлитый вместе с диском (рис. 3, 2, 3). Иногда он ломался (рис. 3, 4), и предмет ремонтировали, как, например, зеркало из Куль-Обы (рис. 3, 5), дополненное более поздней ручкой с золотой обкладкой в зверином стиле (*Papasyridi-Karouzou*, 1951. P. 572, fig. 4; *Artamonov*, 1970. Taf. 213; *Билимович*, 1973. С. 42, 43, рис. 1; *Galanina, Grach*, 1986. Fig. 178; *Jacobson*, 1995. P. 186, 187, no. V.C.2, fig. 73; *Трейстер*, 20096. С. 77, 78, рис. 7; *Кузнецова*, 2010. С. 180). Помимо зеркала из Куль-Обы близкий резной декор в форме пальметты с волутами имеют зеркала второй четверти V в. до н. э., найденные на горе Митридат, в погребении 19 кургана 24 некрополя Нимфея (*Силантьева*, 1959. С. 66, 104, рис. 36, 1; *Билимович*, 1976. С. 61, № 28; *Древний город Нимфей*, 1999. С. 94, 95, № 228; *Кузнецова*, 2010. С. 41, 290, № 142; *Соколова*, 2017. С. 270, 271, 275, 276, № 2, табл. 1, 2) и в Семибратнем кургане 6 (*Oberländer*, 1967. S. 130, Nr. 185; *Античная художественная бронза...*, 1973. С. 25, 26, № 61).

⁹ Выражаем искреннюю благодарность художнику-реставратору Государственного Эрмитажа С. Г. Буршневой за определения.

Вероятно, зеркало из Последнего Елизаветинского кургана тоже подверглось подобной реставрации или сознательной переделке, в процессе которой гравированный декор на диске был почти полностью удален и заменена ручка.

Крепление ручки с обоймой к диску при помощи одной или нескольких заклепок известно в Северном Причерноморье уже в эпоху архаики, причем как на импортных предметах (зеркало из Анновки) (Онайко, 1966. С. 18, 19, табл. XIX, 5; Античная художественная бронза..., 1973. С. 23, № 52; Artamonov, 1970. Taf. 69; Билимович, 1976. С. 35, 58, 59, № 1; Congdon, 1981. P. 145, 146, no. 26, a, b, pl. 23; Galanina, Grach, 1986. Fig. 51; Jacobson, 1995. P. 186, no. V.B.1, fig. 70; Treister, 2010. P. 115, fig. 8), так и на зеркалах «ольвийского» или «борисфенитского» типа. Есть основания полагать, что эти зеркала изготавливались бронзолитейными мастерскими Ольвии или Березани (Кузнецова, 2010. С. 241; ср.: Зуев, 2021. С. 139). Традиция сохранялась до эллинистического времени. Крепление рукояти в форме профилированного стержня при помощи заклепки зафиксировано у зеркала из погребения 275/2016 некрополя Фанагории, датируемого второй половиной II в. до н. э. (Ворошилова, 2020. С. 103, 104, № 18, рис. 9, 11; 106, рис. 11). Нижняя часть его ручки оформлена подобным образом, как и у зеркала из Елизаветинской. Похожее завершение внизу ручки имеет и бронзовое зеркало из некрополя Месембрии Понтики, найденное в погребении II в. до н. э. (Божкова, Кияшкина, 2013. С. 59, обр. 12, 1).

Мастер, занимавшийся переделкой предмета, определенно был умелым литейщиком. Тем не менее качество отливки таково, что потребовалась значительная механическая обработка поверхности отлитой фигуры в верхней части ручки: при изучении под микроскопом заметны литейные дефекты и глубокие хаотично расположенные следы абразивного инструмента.

Неоднократно отмечалась необычная форма ручки зеркала в виде женской полуфигуры. Единственная известная ныне аналогия — рукоять зеркала из погребения 3/2005 грунтового могильника Мезмай-1, расположенного на северных склонах Центрального Кавказского хребта (рис. 2, 2) (Шевченко и др., 2011. С. 119, 127, рис. 10, 4; 128, № 15; 132, рис. 15, 1; 147; 148; Mordvintseva et al., 2012. P. 287, 296, fig. 10, 1; 305, no. 15; 308, fig. 18, 4; 330; 331). Погребение датируется авторами по инвентарному набору комплекса второй половиной III — первой половиной II в. до н. э. (Шевченко и др., 2011. С. 149; Mordvintseva et al., 2012. P. 332).

Вместе с тем нельзя не заметить, что такая широкая датировка вряд ли оправдана — погребение следует датировать по наиболее поздним вещам. При этом стеклянные сосуды, коническая чаша (Шевченко и др., 2011. С. 128, 129, № 22; 132, рис. 15, 2; Mordvintseva et al., 2012. P. 308, 309, no. 22, fig. 10, 2) и скифос (Шевченко и др., 2011. С. 129, № 23; рис. 10, 1; 15, 3; Mordvintseva et al., 2012. P. 308, 309, no. 23, fig. 10, 3; 18, 1) определенно не могут датироваться ранее второй половины, скорее, конца II в. до н. э. (о датировке скифоса см.: Засецкая, Марченко, 1995; Nenna, 1999. P. 100, 101; von Saldern, 2004. S. 145–147; Marčenko, Limberis, 2008. S. 292–298, 325, Abb. 20; Трейстер, 2019. С. 272, 273, с литературой; чаша относится к типу *Syro-Palestinian Grooved Bowls, Grose Group A*, см.: Nenna, 1999. P. 77–79, no. C108–127, pls. 15–17; Grose, 2012. P. 27, 28, il. 11 — справа; 46–49, no. G195–224, fig. 19–21; pls. 11; 12). Зеркало из Мезмая значительно меньших размеров — диаметр его диска 13,7 см. Заклепка, при помощи которой крепится диск, скруглена в верхней части и оформлена как пальметта. Изображение на рукояти лишено всякой детализации, но совпадает с елизаветинским по размерам и выглядит как грубая отливка с похожей формы, подвергшейся многократному тиражированию. Черты лица стерты, острые контуры сглажены, грудь отсутствует, угадывается только гривна и обрез прически (рис. 2, 2). Издатели зеркала, не обратив внимания на неоднократно опубликованное зеркало из Елизаветинской, отметили лишь, что рукоять экземпляра из Мезмая напоминает ручки архаических и классических греческих и италийских бронзовых зеркал. По их мнению, стилистически фигурка напоминает кобанские бронзы, и «в данном случае имело место изготовление ручки в местных бронзолитейных мастерских в подражание классическим античным образцам» (Шевченко и др., 2011. С. 148; Mordvintseva et al., 2012. P. 331).

Необходимо отметить, что скульптурным изображением человеческой фигуры декорировали только зеркала на подставках в эпоху поздней архаики и классики, которые около середины — третьей четверти V в. до н. э. почти вышли из употребления (Билимович, 1976. С. 38; Cameron, 1979. P. 3–23; Congdon, 1981. P. 7–18, 80–106). Это всегда полнофигурные изображения с проработанными деталями (рис. 2, 3, 6), даже если ручка скомбинирована из разных материалов (рис. 2, 5).

При всем своем своеобразии елизаветинская полуфигура явно восходит к античным образцам. Так, стройная фигура, прическа в виде валика и

Рис. 4. Скульптурное изображение на рукояти зеркала из Последнего Елизаветинского кургана и аналогии: 1, 2 — Последний Елизаветинский курган, реконструкция, деталь; 3, 4 — находка близ хутора Анновка, деталь; 5 — Майнц; 6 — Александрополь; 7 — Гарвард; 8 — коллекция Строгановых. Масштаб произвольный

Fig. 4. Sculptural image on the handle of the mirror from the Last Elizavetinsky burial mound and its analogies: 1, 2 — Last Elizavetinsky burial mound, reconstruction, detail; 3, 4 — find near the Annovka farmstead, detail; 5 — Mainz; 6 — Alexandropol; 7 — Harvard; 8 — Stroganov collection. Without scale

[1, 2 — ГЭ, инв. № Ку 1917-1/105; 3, 4 — ГЭ, инв. № Дн. 1897-4/1; 5 — Naso, 2003. Nr. 20; 6 — Полин, Алексеев, 2018. Рис. 268, 3.8; 7 — Master Bronzes..., 1968. Cat. 75; 8 — ГЭ, инв. № ГР 9841. 1, 2, 4, 8 — © Государственный Эрмитаж]

массивная шея (рис. 4, 1) напоминают изображенные на рукояти зеркала из Анновки (рис. 4, 3). Возможно, даже странная безволосая в задней части голова (рис. 4, 2) была попыткой передать прическу с гладко зачесанными волосами (рис. 4, 4).

На греческих и этрусских бронзовых фигурках с руками, согнутыми под углом в локтях, упирающимися в бока, то есть в позе акимбо, сосредоточил свое внимание Х. Юккер, отметивший их редкость (Jucker, 1970. P. 200–203). Близкие параллели по позе с руками, согнутыми в локтях и упирающимися в бока, приводит Х. Сальсков Робертс, по непонят-

ным причинам проигнорировавшая статью Юккера (Salskov Roberts, 2014. P. 150, 151). Х. Юккеру было известно четыре такие фигуры. Нам удалось несколько расширить этот список греческих (южноиталийских) и этрусских фигур, датируемых в пределах VI — первой четверти V в. до н. э.

Одна из них, вероятно, часть атташа ручки бронзовой гидрии, происходит из Посейдонии (Пестума) в Южной Италии. Она выполнена в архаическом стиле и датируется первой четвертью VI в. до н. э. (Jantzen, 1937. S. 7, 62, 69, Taf. 26, 107–109; Jucker, 1970. P. 200; Salskov Roberts, 2014. P. 151).

Вторая, несколько более поздняя, параллель (третья четверть VI в. до н. э.) — подставка зеркала, возможно, тарентийской работы из Гарвардского художественного музея (*Jantzen*, 1937. S. 7, Taf. 20, 110; *Master Bronzes...*, 1968. P. 81, no. 75; *Jucker*, 1970. P. 200; *Salskov Roberts*, 2014. P. 150, fig. 4; 151) (рис. 4, 7).

Укажем также на бронзовую фигуру обнаженного юноши, приобретенную в Неаполе, хранящуюся в Бостоне и атрибутированную как этруская. Ее дата — третья четверть VI в. до н. э. (*Jantzen*, 1937. S. 3, 7, Taf. 1, 1; *Jucker*, 1970, P. 200, 201, fig. 10a–b; *Comstock, Vermeule*, 1971. P. 156, 157, no. 178; *The Gods Delight*, 1988. P. 186–190, no. 31, с библиографией).

Известна также бронзовая фигура актера из Британского музея, датированная первой четвертью V в. до н. э. (*Haynes*, 1985. P. 176, fig. 87; 277; 278).

Женская фигура в позе акимбо неизвестного происхождения, атрибутированная как этруская, — вероятно, украшение какого-то крупного предмета — хранится в Майнце и датируется А. Назо по стилистическим признакам второй половиной VI в. до н. э. (*Jucker*, 1970, P. 200–202, fig. 11a–c; *Naso*, 2003. S. 25–27, Nr. 20, Taf. 14) (рис. 4, 5).

Еще одна женская полуфигура в позе акимбо — верхняя часть стержня с шарнирами, датируемая VI в. до н. э., — хранится в коллекции Эрмитажа¹⁰ (*Stroganoff...*, 2000. P. 235, cat. 187; *Строгановы*, 2003. С. 281, кат. 248; *De rijkdom...*, 2003. С. 259, cat. 259). Изображение тщательно проработано: облегающая узорчатая одежда передана гравировкой, голову украшает диадема, длинные волосы убраны в сложную прическу и спрятаны под накидкой. В нижней части шеи — полукруглый рельефный выступ — ворот одеяния или гривна. Лицо выполнено в архаическом стиле (рис. 4, 8). Подобное положение рук представлено и у изображений обнаженных юношей с двойными крыльями на бронзовых ножках цист этрусской работы конца V — начала IV в. до н. э. (*Comstock, Vermeule*, 1971. P. 380, no. 526; *Adam*, 1984. P. 30, no. 29).

Аналогии показывают, что изображения женских фигур в позе акимбо встречаются довольно редко. Они нехарактерны ни для греческой (*Thomas*, 1992), ни для этрусской и итальянской (*Haynes*, 1985; *Galestin*, 1987; *Bentz*, 1992) мелкой бронзовой пластики времени от архаики до эл-

линизма (см. также: *Jucker*, 1970. P. 200–203). Более распространены фигуры, у которых согнутая в локте рука держала край хитона (*Congdon*, 1981. P. 133, no. 9, pl. 6; 135; 136, no. 13, pl. 9; 138, no. 16, pl. 11; 143; 144, no. 24; 146; 147, no. 27, pl. 21; 24; *Haynes*, 1985. P. 151, fig. 47; 48; 159, fig. 57; 262; 266; *Galestin*, 1987, P. 67, V.55; 73, V.72; *Bentz*, 1992. S. 16, Kat. A5, Abb. 10, Taf. III; 85–88, Kat. 12.7, 12.11, 12.12, Abb. 116, 120, 121, Taf. XXIII; *Thomas*, 1992. S. 101, Abb. 94).

Значительно чаще руки фигур подставок зеркал архаического и раннеклассического времени в форме кариатид были подняты вверх и как бы поддерживали диск (*Congdon*, 1981. P. 127, no. 1, pl. 1; 131; 132, no. 7, pl. 5; 136; 137, no. 14, pl. 10; 145–148, no. 25, 26–28, pls. 22, 23).

В целом можно отметить, что зеркало из Елизаветинской выделяется на фоне известных греческих и этрусских бронзовых зеркал с ручками или подставками (*Oberländer*, 1967; *Cameron*, 1979; *Congdon*, 1981), и оснований считать его импортом из Греции или Италии нет.

Учитывая редкость позы акимбо в архаическом искусстве, можно предположить, что в процессе переделки зеркала древний мастер из Прикубанья мог ориентироваться на какое-то похожее изделие. В царских курганах Елизаветинского могильника встречаются роскошные и более архаичные, чем сам комплекс, вещи (*Виноградов*, 2005; *Трейстер*, 2009а. С. 120–131; *Рябкова и др.*, 2024). Известно о бытовании редких этрусских и итальянских бронз эллинистического времени в Крыму и Нижнем Подонье (*Treister*, 1991; 2001; *Трейстер*, 2021б). Не менее вероятно, что мастер придал фигуре позу акимбо в силу традиции, получившей распространение в скифском искусстве по крайней мере с IV в. до н. э., о чем свидетельствует изображение женской фигуры в аналогичной позе на бронзовых навершиях из Александропольского кургана (рис. 4, б)¹¹ (*Артамонов*, 1961. С. 68–70, рис. 15; *Artamonov*, 1970. Taf. 189; *Переводчикова*, 1980. С. 28, рис. 2, 2; *Galanina, Grach*, 1986. Fig. 286; *Полин, Алексеев*, 2018. С. 530, № 3; 600–603, № 1; 832, рис. 45, 8; 895, рис. 268, 3; 918, рис. 301). М. И. Артамонов считал, что это изображение Аргимпасы (*Артамонов*, 1961. С. 68, 69). С елизаветинской полуфигурой его сближает не только положение рук, но и едва намеченные

¹⁰ Выражаем искреннюю благодарность хранителю этрусских коллекций Гос. Эрмитажа Н. П. Гуляевой за консультацию и фотографии предмета.

¹¹ Авторы выражают искреннюю признательность зав. отделом археологии Восточной Европы и Сибири Гос. Эрмитажа А. Ю. Алексееву, указавшему на эти аналогии.

Рис. 5. Зеркала эллинистического времени: 1 — Фанагория, погребение 275/2016; 2 — Месембрия — Понтика; 3 — Майеровский III, курган 4/2002. Масштаб для 1, 3; 2 — без масштаба

Fig. 5. Mirrors of the Hellenistic period: 1 — Phanagoria, burial 275/2016; 2 — Messembria — Pontica; 3 — Mayerovsky III, burial mound 4/2002. Scale for 1, 3; 2 — without scale

[1 — Ворошилова, 2020. Рис. 11, 5; 2 — Божкова, Кияшкина, 2013. Обр. 12, 1; 3 — Трейстер, 2021а. Рис. 5, 2, 3]

груди, гривна на шее, прическа (или головной убор) в виде плоского валика.

Хотя З. А. Билимович писала о «задрапированной полуфигуре» (Билимович, 1976. С. 47), к элементам костюма можно отнести лишь гривну. Возможно, за драпировку был принят двойной край в нижней части фигуры, являющийся, вероятно, также и конструктивным элементом. Как нижняя часть одеяния могла восприниматься обкладка рукояти (рис. 4, 1), в пользу существования которой свидетельствует как конструкция нижней части, так и похожая передача расходящейся ниже пояса (?) юбки на навершии из Александрополя (рис. 4, б).

О возможном знакомстве мастера с образцами античного искусства может свидетельствовать и окончание рукояти в виде кеглевидной фигуры с уплощенным шариком, несколько напоминающее окончание рукоятей этрусских зеркал, а также завершения рукоятей упомянутых выше зеркал из погребений II в. до н. э. некрополей Месембрии и Фанагории (рис. 5, 1, 2).

К самобытным признакам изображения на рукояти елизаветинского зеркала наряду с «варварским типом лица» (Билимович, 1976. С. 47) и поразительным сходством с навершиями из Александрополя относится передача гривны и рельефных лопаток (рис. 6, 1). Эти стилистические детали не имеют аналогий в античном искусстве, но хорошо известны по изображениям на скифских ка-

менных антропоморфных изваяниях (рис. 6, 2, 3). Лопатки в виде рельефных полуovalов изображались на изваяниях VII–V вв. до н. э., к III в. до н. э. традиция была утрачена (Ольховский, Евдокимов, 1994. С. 59). Гривны, служившие не только украшениями, но и показателями высокого социального ранга, отмечены на 44 % скифских изваяний VII–III вв. до н. э. (Там же. С. 65). Интересно, что если в эпоху архаики изображениями лопаток и шейных гривен наделялись лишь изображения мужчин-воинов на антропоморфных стелах, то к IV в. до н. э. они становятся атрибутами женских персонажей. Таким образом, мастер елизаветинского зеркала, переделывая старинный предмет, дополнил его изображением, понятным и известным в скифской среде.

Можно считать установленным, что диск зеркала из Последнего Елизаветинского кургана был изготовлен еще в V в. до н. э., но впоследствии аттическое зеркало подверглось переделке: диск с изображениями был отшлифован и приклепана заново отлитая рукоять. Местный мастер обладал широким художественным кругозором и справился со своей задачей, придав изображению на рукояти понятные в скифо-меотской среде признаки статуса. Вероятно, что зеркало (точнее, его рукоять) послужили образцом для отливки других подобных вещей, одна из которых обнаружена в погребении 3/2005 грунтового могильника Мезмай-1.

Рис. 6. Антропоморфные образы в скифской изобразительной традиции: 1 — Последний Елизаветинский курган, деталь; 2 — Нововасильевка; 3 — Кожемяки. Масштаб произвольный

Fig. 6. Anthropomorphic images in the Scythian pictorial tradition: 1 — Last Elizavetinsky burial mound, detail; 2 — Novovasilyevka; 3 — Kozhemyaki. Without scale

[1 — ГЭ, инв. № Ку 1917-1/105 © Государственный Эрмитаж; 2, 3 — Олховский, Евдокимов, 1994. Ил. 10; 20]

По поводу времени переделки зеркала мнения авторов статьи расходятся. Позиция М. Ю. Трейстера заключается в том, что важность находки из Мезмайского могильника для атрибуции елизаветинского зеркала трудно переоценить, учитывая то, что оно происходит из хорошо датированного комплекса с разнообразными материалами, которые относятся авторами раскопок ко второй половине III — первой половине II в. до н. э. (Шевченко и др., 2011. С. 149; Mordvintseva et al., 2012. P. 332). Но, как уже было показано, само погребение, скорее всего, датируется временем не ранее второй половины, скорее конца, II в. до н. э. Даже если принять во внимание тот факт, что нижняя часть ручки фигуры утрачена, задняя часть обоймы для крепления диска обломана и какое-то время зеркало могло использоваться, не существует весомых оснований для того, чтобы рассматривать его как антикварный предмет и датировать ранее второй половины III — рубежа III–II вв. до н. э., то есть временем, к которому относятся самые древние предметы, найденные в погребении. Таким образом, даже если мы рассматриваем зеркало из Мезмая как подражание елизаветинскому, что вполне возможно, трудно предположить как минимум 100–150-летний разрыв между прототипом и воспроизведением. О том, что в меотской, позднескифской и сарматской среде для изготовления зеркал во II в. до н. э. зачастую использовались диски более ранних греческих зеркал, снабженные новыми рукоятями, свидетельствуют различные находки из Неаполя Скифского (Трейстер, 2021а. С. 243, рис. 1, 3, там же литература), Подонья (Столяров, 2025. С. 155–

159, рис. 3–5) и Заволжья. Особенно показателен пример из хорошо датированного и синхронного мезмайскому женского погребения могильника Майеровский III в Заволжье (Трейстер, 2021а. С. 243, 244, рис. 4–5, там же литература). В диске, вероятно, более раннего зеркала с крышкой, датированного не позднее III в. до н. э., было просверлено два отверстия. Рукоять с тиснеными золотыми обкладками украшает фигура в варварском стиле со спиральной гривной на шее. По сторонам от нее — головы коней (рис. 5, 3). В данном случае поза фигуры — не акимбо, руки изображены очень неуклюже и неестественно, спускаются вниз, а в локтях резко изгибаются вверх. Все остальные признаки вполне соответствуют зеркалу из Елизаветинской. В пользу вероятной датировки елизаветинского зеркала II в. до н. э. свидетельствует и характерное окончание его рукояти, которое находит параллели на рассмотренных выше зеркалах из Западного Причерноморья и с территории Азиатского Боспора. Аттические бронзовые зеркала высоко ценились, причем не только в Северном Причерноморье, но и в греческих метрополиях, и в переделанном виде доживали до III–II вв. до н. э., о чем свидетельствует находка диска такого зеркала с отверстиями для крепления новой рукояти в датированном керамикой этого времени погребении, открытом в некрополе Каво-Фонис на острове Самос (Τσάκος, Βηγάκη-Σοφισανού, 2012. Σ. 244).

Указанные обстоятельства дают основание предположить, что в поле кургана, раскопанного в 1917 г. и о раскопках которого не сохранились ни полевые дневники, ни отчет, могло быть

совершено позднее впускное погребение, из которого и происходит публикуемое зеркало.

С точки зрения Т. В. Рябковой, предположения о существовании впускного погребения в Последнем Елизаветинском кургане не подтверждаются имеющимися данными. Зеркало, найденное, судя по описи, между стенкой склепа и оградой-периболом среди лошадиных костей, нельзя вычленять из комплекса, который относится к третьей чет-

верти IV в. до н. э. Мастер, работавший для одного из династов, похороненных в больших курганах Елизаветинского могильника, придал рукояти старинного зеркала современную форму — образ почитаемого женского персонажа, возможно божества, хорошо известного, судя по намершиям из Александрополя, в скифском мире в IV в. до н. э.

Статья поступила в редакцию 17 ноября 2025 г.

Античная художественная бронза..., 1973 — Античная художественная бронза: Каталог выставки в Эрмитаже. Л.: Аврора, 1973. 138 с.

Артамонов, 1961 — Артамонов М. И. Антропоморфные божества в религии скифов // АСГЭ. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1961. Вып. 2: Скифо-сарматское время. С. 57–87.

Архив ОАВЕС — Гос. Эрмитаж. Архив ОАВЕС. Д. 21: Описание вещей, переданных из Российской академии истории материальной культуры в Гос. Эрмитаж по акту от 5 июня 1926 г. 66 л.

Билимович, 1973 — Билимович З. А. Аттические зеркала в Северном Причерноморье // Памятники античного прикладного искусства / Отв. ред. К. С. Горбунова. Л.: Аврора, 1973. С. 42–50.

Билимович, 1976 — Билимович З. А. Греческие бронзовые зеркала эрмитажного собрания // Труды Гос. Эрмитажа. Вып. 17: Культура и искусство античного мира. Л.: Аврора, 1976. С. 32–66.

Божкова, Кияшкина, 2013 — Божкова А., Кияшкина П. Цистови гробове от эллинистическия некропол на Месамбрия на Черно море // In honorem professoris Георги Кузманов / Отв. ред. В. Динчев. София: Национален археологически институт с музей при Българската академия на науките, 2013 (Известия на Националния археологически институт; № XLI). С. 53–70.

Вахтина, 2025 — Вахтина М. Ю. О каменных склепах Елизаветинских курганов (раскопки Н. И. Веселовского в 1912–1917 гг.) // Материалы и исследования по археологии Кубани. 2025. Вып. 8. С. 73–87.

Виноградов, 2005 — Виноградов Ю. А. Бронзовый панцирь из Елизаветинского кургана // Боспорский феномен. Проблема соотношения письменных и археологических источников: Материалы междунар. науч. конф. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2005. С. 264–271.

Ворошилова, 2020 — Ворошилова О. М. Погребение в «каменном ящике» (Фанагория, 2016 г.) // Нуранис. 2020. Т. 2. С. 93–108.

Галанина, 2003 — Галанина Л. К. Золотые украшения из Елизаветинских курганов в Прикубанье // АСГЭ. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2003. Вып. 36: Материалы и исследования по археологии Евразии. С. 89–99.

Галанина, 2005 — Галанина Л. К. Кубанское уздечное снаряжение IV в. до н. э. (по материалам Елизаветинского кургана, раскопанного Н. И. Веселовским в 1913 г.) // АСГЭ. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2005. Вып. 37: Материалы и исследования по археологии Евразии. С. 97–108.

Галанина, 2010 — Галанина Л. К. Конское снаряжение из коллекции Елизаветинских древностей, хранящихся в Гос. Эрмитаже (раскопки Н. И. Веселовского 1914, 1915, 1917 гг.) // АСГЭ. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2010. Вып. 38: Материалы и исследования по археологии Евразии. С. 107–122.

Древний город Нимфей, 1999 — Древний город Нимфей. Каталог выставки / Отв. ред. С. П. Борисковская. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1999. 140 с.

Засецкая, Марченко, 1995 — Засецкая И. П., Марченко И. И. Классификация стеклянных канфаров позднеэллинистического и раннеримского времени // АСГЭ. СПб.: Гос. Эрмитаж, 1995. Вып. 32. С. 90–104.

Зуев, 2021 — Зуев В. Ю. Бронзовые рукояти скифских зеркал с пантерами эпохи архаики // Музей, памятник, наследие. СПб., 2021. Вып. 1 (9). С. 121–141.

Кузнецова, 2010 — Кузнецова Т. М. Зеркала Скифии VI–III вв. до н. э. Т. II. М.: Таус, 2010. 426 с.

Ольховский, Евдокимов, 1994 — Ольховский В. С., Евдокимов Г. Л. Скифские изваяния VII–III вв. до н. э. М.: [б. и.], 1994. 188 с.

Онайко, 1966 — Онайко Н. А. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII–V вв. до н. э. М.: Наука, 1966 (САИ; Вып. Д1–27). 123 с.

Переводчикова, 1980 — Переводчикова Е. В. Типология и эволюция скифских намерший // Советская археология. 1980. № 2. С. 23–44.

Полин, Алексеев, 2018 — Полин С. В., Алексеев А. Ю. Скифский царский Александропольский курган IV в. до н. э. в Нижнем Приднепровье. Киев; Берлин: Видавець Олег Филюк, 2018. 930 с.

Ростовцев, 1925 — Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Л.: РАИМК, 1925. 624 с.

Рябкова и др., 2024 — Рябкова Т. В., Петракова А. Е., Букина А. Г. Набор аристократа из Южного Елизаветинского кургана // АВ. 2024. Вып. 44. С. 72–87.

- Силантьева*, 1959 — *Силантьева П. Ф.* Некрополь Нимфея // Некрополи боспорских городов / Отв. ред. В. Ф. Гайдукевич. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959 (МИА; № 69). С. 5–107.
- Соколова*, 2017 — *Соколова О. Ю.* Бронзовые зеркала из раскопок Нимфея в коллекции Государственного Эрмитажа // Боспорские исследования. 2017. Вып. XXXV. С. 269–284.
- Столяров*, 2025 — *Столяров Е. В.* Находки бронзовых зеркал скифо-сарматского времени с территории Окско-Донского водораздела // Археология Евразийских степей. 2025. № 4. С. 154–163.
- Строгановы*, 2003 — *Строгановы: Меценаты и коллекционеры: Каталог выставки.* СПб.: Славия, 2003. 312 с.
- Трейстер*, 2009а — *Трейстер М. Ю.* Бронзовый нагрудник панцыря с изображением головы Медузы из кургана № 6/1914-1915 у ст. Елизаветинской в Прикубанье // Боспорские исследования. Симферополь; Керчь, 2009. Вып. XXI. С. 120–134.
- Трейстер*, 2009б — *Трейстер М. Ю.* Ремонт, «усовершенствование» инокультурных вещей в скифской и сарматской среде и использование инокультурного орнамента в декоре собственных произведений скифов и сарматов (на примере памятников художественного металла) // АВ. 2009. Вып. 16. С. 72–94.
- Трейстер*, 2019 — *Трейстер М. Ю.* Литые в формах стеклянные скифосы из погребений кочевников Волго-Донского междуречья и участие сарматов в иберо-парфянской войне 35 г. н. э. // X Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории» / Ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: [б. и.], 2019 (Крым в сарматскую эпоху; Вып. V). С. 272–281.
- Трейстер*, 2021а — *Трейстер М. Ю.* Бронзовые зеркала позднеэллинистических и провинциально-римских типов из погребений кочевников Азиатской Сарматии // Херсонесский сборник. 2021. Вып. 22. С. 241–260.
- Трейстер*, 2021б — *Трейстер М. Ю.* Итальянская бронзовая статуэтка V–III вв. до н. э. из позднесарматского погребения на Нижнем Дону (о статуэтках в погребениях кочевников Евразии первых веков н. э.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12, вып. 12 (110): От Империи к Империи: история Крыма в древности, в Средние века и в Новое время / Отв. ред. М. Д. Бухарин, И. В. Зайцев. Ч. I // URL: <https://history.jes.ru/s207987840018588-5-1/> (дата обращения: 09.09.2025). DOI: 10.18254/S207987840018588-5
- Шевченко и др.*, 2011 — *Шевченко Н. Ф., Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И.* Княжеское погребение эллинистического времени в могильнике Мезмай (Северо-Западный Кавказ) // Вестник древней истории. 2011. № 1. С. 115–152.
- Эпохи, курганы, находки..., 2024 — Эпохи, курганы, находки. К 175-летию со дня рождения Н. И. Веселовского: Каталог выставки / Отв. ред. Т. В. Рябкова. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2024. 352 с.
- Adam*, 1984 — *Adam A. M.* Bronzes étrusques et italiques. Bibliothèque nationale. Paris: Bibliothèque nationale, 1984. 226 p.
- Artamonov*, 1970 — *Artamonov M. I.* Goldschatz der Skythen. Prague: Artia; Leningrad: Sovetskij Khudoshnik, 1970. 154 S.
- Bentz*, 1992 — *Bentz M.* Etruskische Votivbronzen des Hellenismus. Firenze: Leo S. Olschki, 1992 (Biblioteca di “Studi Etrusci”; Vol. 25). 258 S.
- Cameron*, 1979 — *Cameron F.* Greek Bronze Hand-Mirrors in South Italy. Oxford: British Archaeological Reports, 1979 (BAR Intern. Ser.; № 58). 110 p.
- Comstock, Vermeule*, 1971 — *Comstock M., Vermeule C. C.* Greek, Etruscan and Roman Bronzes in the Museum of Fine Arts Boston. Boston: Museum of Fine Arts, 1971. 511 p.
- Congdon*, 1981 — *Congdon L. O. K.* Caryatid Mirrors of Ancient Greece — Technical, Stylistic and Historical Considerations of an Archaic and Early Classical Bronze Series. Mainz: Philipp von Zabern, 1981. 288 p.
- De rijkdom..., 2003 — De rijkdom van Stroganoff het verhaal van een Russische familie catalogus verschenen ter gelegenheid van de tentoonstelling / Eds. J. Vrieze, V. Boele. Amsterdam; Zwolle: De Nieuwe Kerk, Waanders, 2003. 272 p.
- Galanina, Grach*, 1986 — *Galanina L., Grach N.* Scythian Art. Leningrad: Aurora Art Publishers, 1986. 182 p.
- Galestin*, 1987 — *Galestin M.* Etruscan and Italic Bronze Statuettes: Diss. Rijksuniversiteit Groningen. Warfhuizen: J. Raar, 1987. 208 p.
- Haynes*, 1985 — *Haynes S.* Etruscan Bronzes. London: Philip Wilson Publishers Ltd. for Sotheby's Publications, 1985. 359 p.
- The Gods Delight, 1988 — The Gods Delight. The human Figure in Classical Bronze / Eds. A. Kozloff, D. Gordon Mitten. Cleveland: Cleveland Museum of Art; Indiana University Press, 1988. 373 p.
- Grose*, 2012 — *Grose D. F.* The Pre-Hellenistic, Hellenistic, Roman, and Islamic Glass Vessels // Tel Anafa II, ii: Glass Vessels, Lamps, Objects of Metal, and Groundstone and Other Stone Tools and Vessels / Eds. A. M. Berlin, S. C. Herbert. Ann Arbor: Kelsey Museum of Archaeology, 2012. P. 1–98.
- Jacobson*, 1995 — *Jacobson E.* The Art of the Scythians: The Interpenetration of Cultures at the Edge of the Hellenic World. Leiden; New York; Köln: E. J. Brill, 1995. 305 p.
- Jantzen*, 1937 — *Jantzen U.* Bronzewerkstätten in Grossgriechenland und Sizilien. Berlin: W. de Gruyter, 1931 (Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts, Ergänzungsheft; Vol. 13). 51 S.
- Jucker*, 1970 — *Jucker H.* Etruscan Votive Bronzes of Populonia // Art and Technology: a Symposium on Classical Bronzes / Ed. S. F. Doeringer. Cambridge, Mass: The M. I. T. Press, 1970. P. 195–219.

- Marčenko, Limberis*, 2008 — *Marčenko I. I., Limberis N. J.* Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes // *Simonenko A., Marčenko I. I., Limberis N. J.* Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern. Mainz: von Zabern, 2008 (Archäologie in Eurasien; Bd. 25). S. 267–400.
- Master Bronzes...*, 1968 — *Master Bronzes from the Classical World* / Eds. D. G. Mitten, S. F. Doeringer. Mainz: Philipp von Zabern, 1968. 320 p.
- Mordvintseva et al.*, 2012 — *Mordvintseva V. I., Shevchenko N. F., Zaitsev Yu. P.* Princely Burial of the Hellenistic Period in the Mezmay Burial-Ground // *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*. 2012. Vol. 18.2. P. 281–339.
- Naso*, 2003 — *Naso A.* I bronzi etruschi e italici del Römisch-Germanisches Zentralmuseum. Mainz: Habelt, 2003 (Kataloge vor- und frühgeschichtlicher Altertümer; Vol. 33). 322 S., 106 Taf.
- Nenna*, 1999 — *Nenna M.-D.* Les Verres. Paris, Athènes: École française d'Athènes, 1999 (Exploration Archeologique de Délos; Vol. 37). 291 p.
- Neugebauer*, 1927 — *Neugebauer K. A.* Bronzegerät des Altertums. Bielefeld und Leipzig: Velhagen & Klasing, 1927 (Bilderhefte zur Kunst- und Kulturgeschichte des Altertums; Heft II). 12 S., 36 Taf.
- Oberländer*, 1967 — *Oberländer P.* Griechische Handspiegel. Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Philosophischen Fakultät der Universität Hamburg. Hamburg, 1967. 300 S.
- Papaspyridi-Karouzou*, 1951 — *Papaspyridi-Karouzou S.* Attic Bronze Mirrors // *Studies Presented to D. M. Robinson on his Seventieth Birthday*. Vol. I / Ed. G. E. Mylonas. Ann Arbor: University of Michigan, 1951. P. 565–587.
- von Saldern*, 2004 — *von Saldern A.* Antikes Glas (Handbuch der Archäologie). München: C. H. Beck, 2004. 708 S.
- Salskov Roberts*, 2014 — *Salskov Roberts H.* Bronze Mirror-Supports in the Shape of Human Figures // *Археологические и лингвистические исследования. Материалы Гумбольдт-конференции = Archäologische und linguistische Forschung. Materialien der Humboldt-Tagung* / Отв. ред. В. И. Мордвинцева, Х. Хэрке, Т. Шевченко. Киев: Изд. дом «Стилос», 2014. С. 148–156.
- Stroganoff...*, 2000 — *Stroganoff.* The Palace and the Collections of a Russian Noble Family. Catalogue of the exhibition, organized by the State Hermitage museum, Portland Art museum, the Russian Museum. New York: Harry N. Abrams, 2000. 256 p.
- Thomas*, 1992 — *Thomas R.* Griechische Bronzestatuetten. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1992. 229 S.
- Treister*, 1991 — *Treister M.* Etruscan Objects in the North Pontic Area and the Ways of their Penetration // *Studi Etruschi*. 1991. T. LVII. P. 71–79.
- Treister*, 2001 — *Treister M.* A Hellenistic Italic Bronze Statuette from the Crimea // *North Pontic Archaeology: Recent Discoveries and Studies* / Ed. G. Tsetskhladze. Leiden: E. J. Brill, 2001 (Colloquia Pontica; Vol. 6). P. 235–245.
- Treister*, 2010 — *Treister M.* Archaic Bronzes. Greece — Asia Minor — North Pontic Area // *Archaic Greek Culture: History, Archaeology, Art and Museology: Proceedings of the International Round-Table* / Ed. S. L. Solovyov. Oxford: Archaeopress, 2010 (British Archaeological Reports; Vol. 2061). P. 109–120.
- Τσάκος, Βιγλάκη-Σοφριανού*, 2012 — *Τσάκος Κ., Βιγλάκη-Σοφριανού Μ.* Σάμος. Τα αρχαιολογικά Μουσεία. Αθήνα, 2012. 385 σ.

A bronze mirror from the Last Elizavetinsky burial mound, excavated by N. I. Veselovsky in the Kuban region

T. V. Ryabkova, M. Yu. Treister¹²

Keywords: Last Elizavetinsky burial mound, Kuban River region, mirror, female half-figure in akimbo pose, Scythian art

The bronze mirror from the Last Elizavetinsky burial mound in the Kuban region was studied by N. I. Veselovsky in 1917 (fig. 1). Z. A. Bilimovich attributed it to the circle of Greek mirrors. While remaking it from an Attic mirror (fig. 2), a local craftsman shaped the handle as a female figure in an akimbo pose, focusing on both ancient (fig. 2, 2–6) and well-known in the Scythian environment examples (fig. 4–6). The mirror served as a model for casting similar items in the workshops of the Ciscaucasia, one of which was discovered in burial 3/2005 of the Mezmay-1 burial ground. The authors' positions on the time of the mirror's remaking differ: according to M. Yu. Treister, it happened in the 2nd cent. BC, based on the dating of the Mezmay complex and analogies in its design; According to T. V. Ryabkova, it dates back to the 4th cent. BC, based on the analogy with the top from the Alexandropol burial mound and the dating of the Elizavetinsky burial mound complex.

¹² Tatyana V. Ryabkova — The State Hermitage Museum, St. Petersburg, Russia; e-mail: ryabkova-tatyana@mail.ru. Mikhail Yu. Treister — independent researcher, Federal Republic of Germany, Bonn; e-mail: mikhailtreister@yahoo.de.

Типолого-хронологическое исследование фибул зарубинецкого типа из коллекции Государственного Эрмитажа

И. Ф. Образцов¹

Аннотация. В статье предлагается вариант классификации фибул зарубинецкого типа по материалам застежек из раскопок К. В. Каспаровой в Припятском Полесье (могильники Отвержичи и Велемичи-II). Посредством сериации, основанной на встречаемости разных качественных признаков, был построен типологический ряд, состоящий из четырех подтипов застежек. Встречаемость фибул выделенных подтипов друг с другом и с межрегиональными формами латенских фибул, а также анализ распространения этих находок на планах могильников подтверждают, что рассматриваемый типологический ряд является хронологической последовательностью от ранних форм к поздним.

Ключевые слова: фибулы зарубинецкого типа, Припятское Полесье, зарубинецкая культура, сериация, типология

DOI 10.31600/1817-6976-2026-50-111-129

Хронология зарубинецкой культуры основана на анализе фибул. При этом фибулы так называемого зарубинецкого типа (среднелатенские с треугольным щитком на ножке) являются наиболее массовыми среди застежек этой древней общности, поэтому их изучение приобретает особое значение при рассмотрении зарубинецкой культуры.

Существующие типологические схемы зарубинецких фибул

Первая типологическая схема для зарубинецких застежек была предложена А. К. Амброзом (Амброз, 1959; 1966. С. 14–19), который разделил их на пять вариантов. В основу своей классификации он положил размер треугольного щитка, расположив варианты по степени его увеличения: от самого раннего — вариант I («совсем маленький щиток на ножке» — Амброз, 1966. С. 16, 17) до позднейшего — вариант V («очень массивный щиток, закрывающий всю ножку» — Там же. С. 18). Отличия вариантов II–IV были словесно определены соотношением длины щитка к не занятой щитком части ножки (вариант II — узкая

часть ножки «более половины общей длины»; вариант III — «примерно 1:1»; вариант IV — «щиток занимает большую часть ножки»; причем фибулы с более узким щитком относятся к подварианту IVa, а с более широким — IVb), кроме того, исследователь отметил, что фибулы варианта III обычно украшены «насечками» (то есть гравировкой), а варианта IV — «выпуклинами» (то есть чеканкой) (Там же. С. 17, 18)². Именно типологии А. К. Амброза отдавали предпочтение в своих хронологических построениях такие исследователи, как К. В. Каспарова, В. Е. Еременко, М. Б. Щукин, Л. С. Дмитриева (Воротинская). Однако в конечном итоге каждый из вышеупомянутых специалистов пришел к выводу об условности данной системы. При ее использовании оказывалось, что все выделенные А. К. Амброзом варианты были

¹ Институт археологии РАН, Москва; e-mail: byrnieyma3@gmail.com.

© Образцов И. Ф., 2026

² В статье 1959 г. А. К. Амброз выделял все те же варианты, но с определенными отличиями: вариант I определял маленький щиток с косой нарезкой по краям и поперечными нарезками у основания ножки; у варианта II щиток шире, а поперечных нарезок и нарезок по краям нет. Определения других вариантов в общем те же, однако состав иной: в варианты IV и V входят исключительно фибулы из могильника Гриневичи Вельки (Амброз, 1959. С. 188, 189), впоследствии отнесенные лишь к варианту V (Амброз, 1966. С. 18).

в значительной степени синхронны и не являлись надежными хроноиндикаторами (Каспарова, 1977. С. 74, 75; Шукин, 1994. С. 117; Еременко, 1997. С. 140–142; Дмитриева, 2001. С. 41, 42. Также см.: Пачкова, 1988. Рис. 3).

Вторая типология зарубинецких фибул была проведена Ю. В. Кухаренко. Он также выделил пять вариантов (Е, Ж, З, И, К), приняв от А. К. Амброза лишь общую схему изменения фибул по увеличению размера щитка. Однако основной типопределяющий признак у Ю. В. Кухаренко в отличие от А. К. Амброза — не треугольный щиток на ножке, а плоская спинка. Поэтому вариант Е относится исследователем к зарубинецкому типу, хотя вовсе не имеет треугольного щитка на ножке. Также Ю. В. Кухаренко выделил в качестве характерных признаков для варианта Ж гравировку щитка, вариантов З и И — его чеканку, для варианта И — частично или полностью пластинчатые пружины (Кухаренко, 1964. С. 31, 32).

В свою очередь Л. Д. Поболь разделил зарубинецкие фибулы раскопанного им Чаплинского могильника на два типа: А — «фибулы с треугольным щитком»; Б — «фибулы с коротким щитком», для некоторых из них характерна уплощенная спинка с продольным ребром по ней (то есть пятиугольное сечение спинки) (Поболь, 1971. С. 116).

Первую формализованную классификацию зарубинецких фибул предложил А. М. Обломский. Его типология была основана на соотношении двух пропорций: ширины щитка к его длине и к длине не занятой щитком ножки; исследователем был построен график, отображающий это соотношение (Обломский, 1986. С. 50–56, рис. 1). На графике лишь фибулы с самыми маленькими щитками и фибулы со щитком, занимающим всю ножку (попадающие в начало координат), оказались отделены от общей недискретной группы точек. Разделение ее А. М. Обломский провел на основании презумпции однотипности парных фибул³.

³ Система А. М. Обломского подверглась весьма жесткой критике (Каспарова, 2000. С. 20; Еременко, Журавлев, 1992. С. 60; Пачкова, 1988. С. 11); ответ А. М. Обломского на критические замечания В. Е. Еременко и В. Г. Журавлева содержится в работе (Обломский, 1997. С. 140–142). Недостатками подхода А. М. Обломского критики сочли выполнение измерений по рисункам в публикациях, а не по оригиналам, и математически не обоснованный способ разделения вариантов. Кроме того, в одном случае правило об однотипности парных

Иная схема типологического членения фибул зарубинецкого типа (ЗТ) была предложена С. П. Пачковой (Пачкова, 1988; 2006. С. 74). Она представляет собой, по сути, формализацию системы А. К. Амброза: в ней в основу также было положено соотношение длины щитка и длины не занятой щитком ножки. Их соотношения, перенесенные на график, продемонстрировали нормальное распределение (Пачкова, 1988. Рис. 4), которое было затем расчленено исследовательницей на семь интервалов с шагом в 0,1, границы между которыми были объявлены пороговыми значениями типов (ЗТ-I = $\leq 0,4$; ЗТ-II = $0,41-0,50$; ЗТ-III = $0,51-0,60$; ЗТ-IVa = $0,61-0,70$; ЗТ-IVb = $0,71-0,80$; ЗТ-IVв = $0,81-0,99$; ЗТ-V = $1,0$) (Пачкова, 1988. С. 13, 18; 2006. С. 74)⁴. Типологией С. П. Пачковой помимо самой исследовательницы пользовались в хронологических расчетах А. И. Кубышев, Л. Е. Скиба, А. И. Дробушевский, В. Ярмульски⁵, Ю. Б. Цетлин, а также автор настоящей работы (Пачкова, Кубышев, 1992. С. 79–84; Скиба, 2001. С. 37–40, 42–48; Дробушевский, 2016. С. 79; Iarmulschi, 2021. P. 64; 2022. P. 481; Цетлин, 2020. С. 343–349; Образцов, 2025. Табл. 1).

Итак, все представленные в профильной литературе схемы типологического членения фибул зарубинецкого типа основаны на относительных размерах треугольного щитка. В данной работе предлагается иной принцип классификации.

фибул оказалось не соблюдено: одна парная застежка была отнесена к IV, вторая — к III варианту (Обломский, 1986. Рис. 1).

⁴ В отличие от системы А. М. Обломского, схема С. П. Пачковой не вызвала критики в печати. Тем не менее С. П. Пачкова также работала не с оригиналами, а с рисунками в публикациях, а предлагаемый ею метод выделения вариантов, хотя и строже математически, гораздо более отвлечен от внутренних закономерностей развития материала.

⁵ В недавней работе, посвященной фибулам могильника Отвержичи, В. Ярмульски снова вернулся к типологической схеме А. К. Амброза (Iarmulschi, 2024. P. 161, 162). К сожалению, такое решение никак не было мотивировано автором. В иных своих работах он использовал более строгое типологическое членение С. П. Пачковой. Видимо, обусловлено это тем, что именно схеме А. К. Амброза отдавала предпочтение К. В. Каспарова, автор раскопок могильника Отвержичи, а именно ее представлениям о типологии фибул данного некрополя практически во всех деталях соответствует схема, предложенная В. Ярмульски (Каспарова, 1969. С. 149–154; 1977. С. 52–54, рис. 12; 13).

Отказаться от использования относительных размеров щитка как основного типопределяющего признака заставляют следующие соображения.

1. Переход от щитка к не занятой щитком ножке на абсолютном большинстве фибул зарубинецкого типа является плавным и не представляет собой конкретной точки, расстояние до которой могло бы быть точно измерено. Где именно заканчивается щиток и начинается не занятая щитком ножка, исследователь определяет «на глаз», что снижает точность всех дальнейших расчетов.

2. Пороговые значения типологических рядов, выделяемых подобным образом, также условны. К примеру, нет никаких формальных оснований считать, как это делает С. П. Пачкова, границами III варианта отношение длины щитка к длине ножки в диапазоне 0,51–0,60, а не, скажем, 0,51–0,70. Выделяемые таким способом варианты, следовательно, основаны не на внутренних закономерностях самого материала, а на усмотрении исследователя.

3. Большая часть фибул зарубинецкого типа так или иначе тафономически повреждена: невозможно измерить длину ножки или ширину щитка на фибуле с обломанными ножкой и щитком⁶, при этом именно эти элементы конструкции повреждаются чаще всего. Так, из изученных 45 фибул для типологического определения по методу А. М. Обломского подходят лишь 12, по методу С. П. Пачковой — 33. Это делает невозможным отнесение к тому или иному разряду (а значит, и исключает из числа хронологических индикаторов) неоправданно большое число фибул.

4. Фибулы зарубинецкого типа отличаются друг от друга не только относительными размерами щитка, но также и конструкцией приемника, сечением спинки, положением лапок на спинке, орнаментацией, длиной пружины, сечением проволоки пружины. Если некоторые из этих различий и подмечались исследователями (А. К. Амброс, Ю. В. Кухаренко, Л. Д. Поболь), то лишь как второстепенные, в то время как в качестве основного типопределяющего признака рассматривалась именно величина щитка. Использование же для типологического членения лишь относительных размеров щитка и игнорирование

других количественных и качественных различий (А. М. Обломский, С. П. Пачкова) предполагают, что они не являются типологически значимыми, что никем из исследователей фибул зарубинецкого типа не было обосновано.

Типологическая схема зарубинецких фибул на основе метода сериации

В настоящей работе предлагается вариант формальной классификации фибул зарубинецкого типа, основанный не на количественных измерениях, а на качественном комбинаторном методе сериации.

Классическая сериация представляет собой объединение закрытых комплексов в последовательность (серию), отражающую степень их сходства друг с другом на основании встречаемости в них типов вещей, представленную в виде таблицы: в столбцах отражены типы (встречающиеся элементы), в строках — комплексы. Систематически встречающиеся типы и комплексы, содержащие одни и те же типы, группируются рядом друг с другом по соответствующим сторонам таблицы таким образом, что оптимальная последовательность представляет собой диагональ (Narr, 1978. Р. 23–29; Шукин, 2004. С. 271–276). В настоящей работе сериация применяется для типологических целей, то есть отдельные артефакты понимаются как комплексы встречающихся признаков⁷. Типологические разряды при этом выделяются по линиям максимальной дискретности признаков, то есть по таким линиям между артефактами, которые соответствуют исчезновению одного и появлению другого признака. Это делает границы между подтипами отражающими реальными закономерностями развития материала, а не умозрительными (Narr, 1978. Р. 29, 30)⁸.

⁷ Примером применения метода для типологического членения прогнутых подвязных фибул римской эпохи с памятников самбийско-натангийской культуры является работа О. А. Хомяковой (Хомякова, 2022. С. 207, 209).

⁸ Используемое в системах А. К. Амброза и А. М. Обломского наименование «вариант» плохо подходит для классификации фибул зарубинецкого типа, ведь каждый из выделенных разрядов имеет свои довольно четкие типологические и хронологические рамки и связан с предшествующим как дериват с прототипом, то есть является именно типом в классическом понимании (Montelius, 1903. Р. 14–20), что и отражено в системах С. П. Пачковой и Ю. В. Кухаренко. Однако устоявшееся наименование «зарубинецкий тип»

⁶ Как ни странно, в таблицах С. П. Пачковой поврежденные таким образом фибулы из погребений 57, 59 и 77 могильника Отвержици и погребения 93 могильника Велемичи-II (рис. 2, 13, 14, 20; 3, 29) все же получили типологическое определение (Пачкова, 2006. Табл. 3; 4).

Исследование проведено на 45 фибулах из коллекции Государственного Эрмитажа (коллекции 2355, 2356), происходящих из раскопок К. В. Каспаровой в Припятском Полесье (могильники Велемичи-II и Отвержичи в Столинском районе Брестской области, Республика Беларусь) соответственно в 1960–1962 и 1963, 1965, 1968 гг. (Каспарова, 1969; 1972; 1976)⁹. Несмотря на то что рисунки и фотографии, приведенные в публикациях К. В. Каспаровой, не позволяют судить обо всех особенностях рассматриваемых фибул, эти материалы до сих пор не публиковались повторно, хотя необходимость этого уже отмечалась в литературе (Гусаков, 1991. С. 47). Зарубинецкие фибулы из коллекции Государственного Эрмитажа были исследованы автором в июне 2025 г.¹⁰, тогда же были выполнены точные рисунки и фотографии, публикуемые в этой статье.

В основу сериации были положены качественные характеристики элементов конструкции фибулы: сечение приемника [горизонтальный (Г-видный) / вертикальный (J-видный)]; сечение спинки [полукруглая / брусковидная (прямоугольная) / пятиугольная / проволочная (дротовая)]; крепление лапок [на спинке (выше перегиба) / на головке (ниже перегиба)]; характер украшения щитка [гладкий щиток / чеканка / гравировка]; сечение пружины [уплощенное / круглое¹¹].

приводит к терминологическим трудностям: так, С. П. Пачкова выделяла рассматриваемые фибулы в подгруппу «зарубинецкий тип» группы 2 категории II, внутри которой выделяла типы ЗТ-I-V (ЛТ.II26) (Пачкова, 2006. С. 74, 75). По этим причинам в рамках настоящей работы полученные в результате членения фибул зарубинецкого типа разряды называются подтипами.

⁹ Так как оба могильника относятся к полесскому варианту зарубинецкой культуры, вопрос о степени применимости предлагаемого типологического членения к поднепровским памятникам остается открытым и требует дополнительного исследования.

¹⁰ Благодарю хранителя зарубинецких коллекций Гос. Эрмитажа С. В. Воронятову за возможность работы с материалами и помощь в ходе нее.

¹¹ Признак круглого сечения пружины исключен, так как встречается на фибулах каждой группы. На некоторых фибулах (рис. 3, 23–25; 4, 30–33) первый виток является пластинчатым, а остальная часть представлена круглой в сечении проволокой. В таком случае признак пластинчатого сечения пружины также указывается как присутствующий.

Первостепенное значение в рамках предлагаемой системы имеет конструкция приемника фибулы, что заставляет остановиться на данном вопросе подробнее. У ранних фибул (подтипы А и В) приемник формируется из раскованного в пластину параллельного спинке бруска, после чего край пластины подгибается под более-менее прямым углом, что дает приемнику в сечении узнаваемую форму, напоминающую положенную набок кириллическую литеру Г (рис. 1; 2, 13–17). Такой приемник в этой статье условно называется горизонтальным.

У более поздних фибул (подтипы С и D) пластина, из которой изготавливается приемник, не параллельна, а перпендикулярна спинке. Из-за этого край пластины должен подгибаться сильнее: это дает приемнику в сечении вид латинской литеры J или U (рис. 3–5). Такой приемник в этой статье условно называется вертикальным.

У четырех фибул (рис. 1, 4; 2, 19–21) приемник имеет полукруглое / дуговидное сечение, представляя собой как бы переходное звено между горизонтальным и вертикальным приемниками.

В результате проведенного анализа комбинаторным методом сериации изученные зарубинецкие фибулы по формальным признакам разделились на четыре подтипа (рис. 6, А). Их классификация в обобщенном виде представлена в таблице.

Подтип А (рис. 1, 1–4) объединяет в себе четыре фибулы, характеризующиеся наиболее ранними признаками: все они имеют горизонтальные (Г-видные) или полукруглые в сечении (рис. 1, 4) приемники и крепление лапок на спинке, а также полукруглое сечение спинки, отличающее их от всех последующих подтипов. Для них характерны маленькие по размеру щитки, украшенные гравированным орнаментом¹².

Подтип В (рис. 1, 5–12; 2, 13–21) представляет собой наиболее обширную и внутренне разнообразную группу застежек. Для них всех характерны горизонтальные (рис. 1, 5–12; 2, 13–17) или полукруглые в сечении (рис. 2, 19–21) приемники и крепление лапок на спинке. Подавляющее большинство фибул подтипа В имеют прямоугольную в сечении спинку (рис. 1, 7–12; 2, 13–21), однако два образца отличаются пятиугольным ее сечением (рис. 1, 5, 6), также встреченным на одной из фибул подтипа С. Большая часть застежек

¹² На второй фибуле из погребения 104 (рис. 1, 3) орнамент не сохранился, однако парный характер фибул в погребении позволяет предполагать его наличие.

данного подтипа характеризуется либо украшением щитка гравировкой (рис. 1, 7, 12; 2, 13–16, 18–20), либо гладким, без украшений, щитком (рис. 1, 5, 8–11); однако три фибулы были декорированы чеканным орнаментом из выпуклостей и линий, оконтуренных точками (рис. 1, 6; 2, 17, 21), хотя такой орнамент в большей степени характерен для более поздних фибул. Пружина фибулы из погребения 44 могильника Отвержичи (рис. 1, 7) была сделана из уплощенной прямоугольной в сечении проволоки, в то время как в остальных случаях пружина была изготовлена из круглой в сечении проволоки.

Подтип С (рис. 3, 22–29; 4, 30–34) отличается от более ранних форм появлением вертикального (J-видного) приемника. Лапки при этом все еще крепятся на спинке фибулы до перегиба к пружине. Одна из фибул из погребения 45 отвержичского некрополя (рис. 3, 22) отличается от всех остальных застёжек подтипа С пятиугольной в сечении спинкой и гравированным украшением щитка. Остальные фибулы этого подтипа имеют брусковидное сечение спинки и щиток, украшенный чеканным орнаментом (рис. 3, 23–29), либо гладкий (рис. 4, 30–34). Большая часть застёжек подтипа С снабжена пружиной, первый виток которой уплощен, у остальных она имеет круглое сечение (рис. 3, 23–25; 4, 30–33). У одной фибулы пружина полностью сделана из уплощенной проволоки (рис. 3, 29); пружины остальных фибул характеризуются круглым сечением проволоки.

Подтип D (рис. 4, 35–37; 5, 38–45) является типологически наиболее поздней генерацией рассматриваемых застёжек. Главным его отличием от подтипа С является крепление лапок на головке фибулы, то есть за перегибом спинки, часто практически вплотную к пружине¹³. Щитки боль-

¹³ Лапки одной из фибул из погребения 40 могильника Отвержичи (рис. 2; 5, 40) крепятся прямо на перегибе спинки. К подтипу D (с очевидной долей условности) ее заставляет отнести, во-первых, явно выраженный угловатый изгиб ножки в месте формирования лапок и, во-вторых, парность данной застёжки со второй фибулой из того же погребения, крепление лапок которой на головке не вызывает никакого сомнения. То же самое, однако, нельзя сказать о двух фибулах из погребения 96 некрополя Велемичи-II (рис. 4, 34, 35), отличающихся друг от друга не только положением лапок, но также конструкцией пружины и перегибом ножки. Хотя они и нетипичны в ряду фибул зарубинецкого типа, формальные признаки (опять же с очевидной долей условности) заставляют отнести их к разным подтипам (С и D соответственно).

шей части фибул подтипа D украшены чеканным орнаментом (рис. 5, 38–45), у остальных — гладкие (рис. 4, 35–37). Пружины ряда фибул этого подтипа сделаны целиком из уплощенной проволоки (рис. 5, 42–45), у двух уплощен только первый виток, а проволока остальной пружины имеет круглое сечение (рис. 5, 40–41), что роднит их с фибулами подтипа С. Три фибулы также имеют узкую, слегка уплощенную проволочную спинку.

Анализ совстречаемости зарубинецких фибул с застёжками иных типов

Полученную посредством сериации хронологическую последовательность (типологический ряд) подтверждает и анализ совстречаемости в закрытых комплексах выделенных подтипов с иными типами латенских фибул, имеющими привязки к абсолютной и относительной хронологии латена и античного мира (рис. 6, Б).

Подтип А

Пара фибул подтипа А из погребения 104 некрополя Велемичи-II (рис. 1, 2, 3) найдена вместе с железной среднелатенской застёжкой с двухвитковой пружиной с верхней тетивой, арочной, круглой в сечении спинкой и прикрепленной к основанию спинки обломанной ножкой, украшенной небольшим щитком (рис. 6, Б, 1). Следует не соглашаться как с мнением А. М. Обломского, причислившего данную застёжку к типу А-Kostrzewski / Г1-Кухаренко (*Обломский*, 1983. Табл. 1), так и с К. В. Каспаровой, считавшей ее фибулой зарубинецкого типа (*Каспарова*, 1972. С. 84). Среди иных застёжек зарубинецкой культуры такая фибула прямых аналогий не находит, зато сочетает в себе признаки, характерные для ряда среднелатенских застёжек Балкано-Карпатского региона, Крыма и Анатолии («копьевидный» щиток, двухвитковая пружина) (*Polenz*, 1978. S. 192). Все три фибулы погребения характеризуют отличительные черты застёжек классического латена (примерно вторая половина — конец III в. до н. э.): ножка железной фибулы крепится у основания спинки, сама спинка имеет арочную форму и переходит к приемнику под тупым углом, а зарубинецкие фибулы из погребения 104 отличаются длинным, явно превышающим длину спинки приемником (*Lanting, van der Plicht*, 2005/2006. S. 245–249; *Polenz*, 1978. S. 188, Fig. 5).

Фибула подтипа А из погребения 105 могильника Велемичи-II (рис. 1, 4) найдена с бронзовой среднелатенской застёжкой с широкой 12-витковой пружиной, скобовидной, утолщенной,

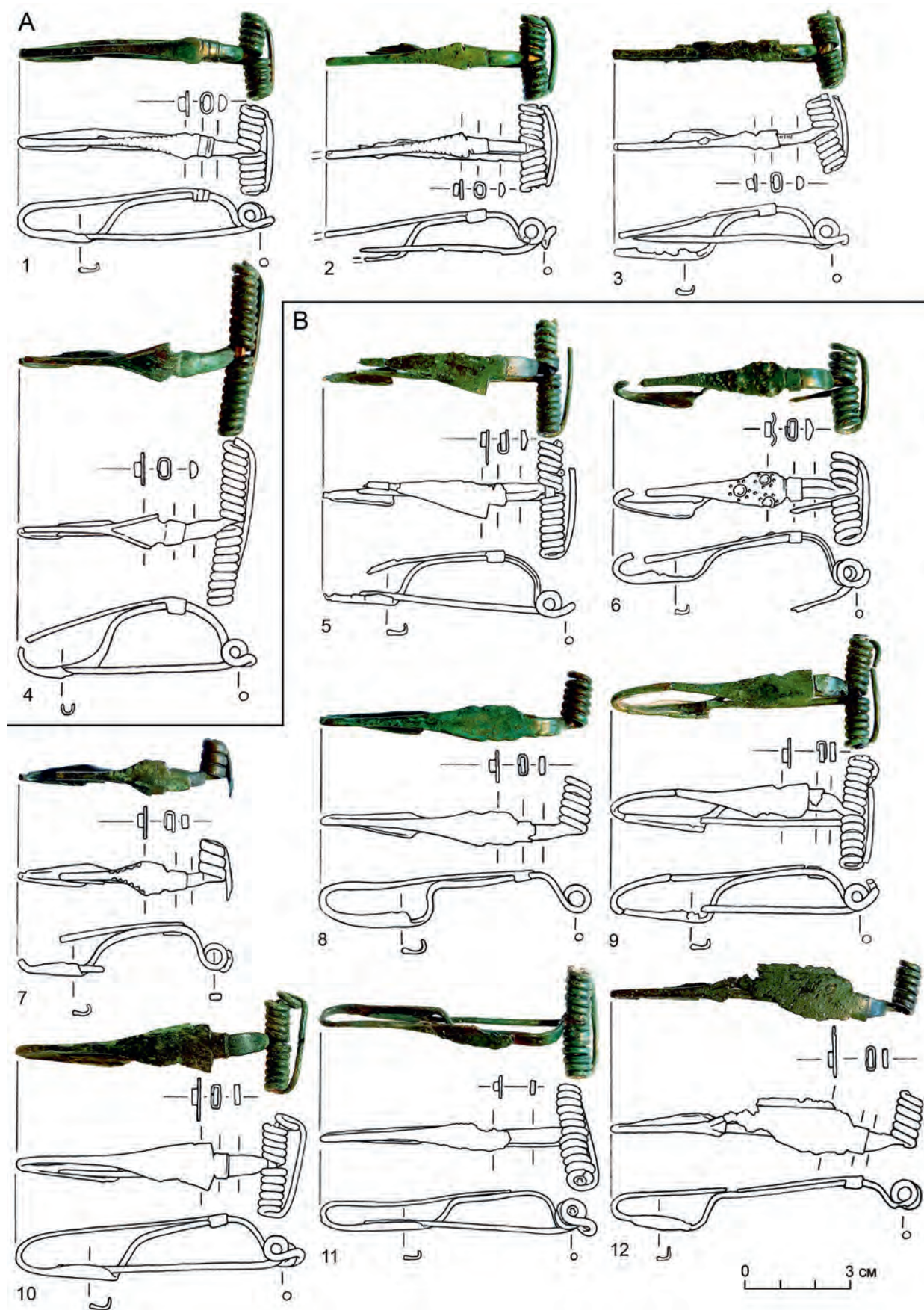

Рис. 1. Фибулы зарубинецкого типа из коллекции Гос. Эрмитажа. Подтип А (1–4); подтип В (5–12).
Отвержичи: 1 — погр. 18; 6 — вне погр., кв. 72; 7 — погр. 44; 8 — погр. 51; 11, 12 — погр. 31.
Велемичи-II: 2, 3 — погр. 104; 4 — погр. 105; 5 — погр. 109; 9, 10 — погр. 109

Fig. 1. Zarubintsy-type fibulae from the State Hermitage Museum collection. Subtype A (1–4); subtype B (5–12).
Otverzchichi: 1 — burial 18; 6 — outside burial, apt. 72; 7 — burial 44; 8 — burial 51; 11, 12 — burial 31.
Velemichi-II: 2, 3 — burial 104; 4 — burial 105; 5 — burial 109; 9, 10 — burial 109

[© Государственный Эрмитаж. 1 — инв. № 2356/209; 2, 3 — инв. № 2355/280, 281; 4 — инв. № 2355/287; 5 — инв. № 2355/305; 6 — инв. № 2356/94; 7 — инв. № 2356/102; 8 — инв. № 2356/121; 9, 10 — инв. № 2355/303, 304; 11, 12 — инв. № 2356/55, 56]

круглой в сечении спинкой и плотно примыкающей к ней ножкой, украшенной у лапок шестью рубчиками (рис. 6, Б, 2). Аналогичная фибула, но с обломанной пружиной и украшенной восемью рубчиками ножкой была найдена в разрушенном погребении могильника Трошмария (Trošmarija, Огулин, Карловацкая жупания, Хорватия) (*Balen-Letunič*, 1999–2000. S. 43, st. 8, 7)¹⁴.

После выхода статьи К. В. Каспаровой (*Каспарова*, 1977) тезис о происхождении фибул зарубинецкого типа от копьевидных застёжек Западных Балкан весьма часто встречается в археологической литературе (*Янкович*, 2012. С. 464; *Пачкова*, 2006. С. 90–93; *Еременко*, 1997. С. 121–123; *Щукин*, 1994. С. 117; *Поровић*, 1994. С. 66). Хотя в последние годы появились публикации, выражающие сомнение в балканском происхождении фибул зарубинецкого типа (*Дробушевский*, 2022. С. 177, 178; *Munteanu et al.*, 2024. P. 240–245), высказывавшееся ранее также А. М. Обломским (*Обломский*, 1986. С. 55), вышеописанные балканские аналоги все же выглядят неслучайными.

Самые ранние копьевидные фибулы Балкано-Карпатского региона происходят из комплексов, датированных ступенью LT C1: Горицкий клад (Gorica II; Загребская жупания, Хорватия)

(*Truhelka*, 1899. S. 389–395); погребение Lt 12 могильника Звонимирово (Zvonimirovo; Вировитицко-Подравинская жупания, Хорватия) (*Majnarić-Pandžić*, 2009. Fig. 4, 8, 9); погребение 741 могильника Холиаре (Holiare, район Комарно, Нитранский край, Словакия) (*Vujna*, 2003. Ris. 69)¹⁵.

¹⁵ В недавней статье, посвященной фибулам зарубинецкого типа и копьевидным фибулам Балкан, О. Мунтеану, В. Ярмульски и Д. Спыну сомневаются в закрытости комплекса погребения Lt 12 Звонимирово (*Munteanu et al.*, 2024. P. 235, 236), однако, к сожалению, никаких аргументов в пользу своей точки зрения не приводят. В погребении были обнаружены две копьевидные среднелатенские фибулы с маленькими щитками и эмалевыми полями (*Majnarić-Pandžić*, 2009. Fig. 4, 10, 11; *Dizdar*, 2014. Fig. 2, 10, 11), а также среднелатенские фибулы с длинными, превышающими длину спинки, приемниками и украшенными шариками ножками и спинками (Gebhard gr. 14) (*Gebhard*, 1991. S. 15, 16, Fig. 42; *Majnarić-Pandžić*, 2009. Fig. 4, 10–16), датированными комплекс ступенью LT C1.

Хотя О. Мунтеану, В. Ярмульски и Д. Спыну датируют «семь зарубинецких фибул» клада из Горицы позднелатенским временем (*Munteanu et al.*, 2024. P. 235), это вряд ли верно: согласно оригинальной публикации, из собственно Горицкого клада (Gorica II; Srebni nalaz iz Gorice) (*Truhelka*, 1899. S. 389–395) происходит лишь одна копьевидная фибула среднелатенской схемы, найденная вместе с двумя «расчлененными» среднелатенскими застёжками с 8-видными украшениями на ножке и тремя обломанными гладкими проволочными фибулами, видимо, изначально близкими типам А- и В-Kostrzewski (*Truhelka*, 1899. Fig. 111–120), что указывает на LT C1 как наиболее вероятную дату (*Polenz*, 1978. S. 188, Fig. 5). Й. Буйна датировал среднелатенские фибулы Карпатского региона с 8-видными украшениями концом LT C1 (C1c в терминологии исследователя) (*Vujna*, 2003. Ris. 63). Это подтверждает и находка в погребении 38/1 могильника Глиное фибулы с фальшпружиной и 8-видными украшениями на ножке вместе с амфорным клеймом рубежа третьей и четвертой четвертей III в. до н. э. (*Тельнов и др.*, 2016. С. 956). Остальные шесть фибул с копьевидным щитком происходят не из клада, а из опубликованного

¹⁴ Сравнение фибулы из Трошмарии с застёжками типа Подземель (Podzemelj) (*Balen-Letunič*, 1999–2000. S. 43) вряд ли верно, ведь, как следует из западнобалканской специализированной литературы, хотя для данного типа также характерна украшенная рубчиками ножка, их отличает дуговидная плоская в сечении спинка и не примыкающая к спинке ножка, крепящаяся на вершине дуги спинки и изгибающаяся к месту крепления (*Božič*, 2001. S. 189, 190), что резко отличает их от застёжек как из Трошмарии, так и из погребения 105 могильника Велемичи-II. Фибулы типа Подземель в Западнобалканском регионе датируются позднелатенским временем, а среднелатенским — как раз фибулы с утолщенной округлой в сечении близкой к скобовидной спинкой (такие как типы Кастав (Kastav), Валична вас (Valična vas), по М. Гуштин (*Guštin*, 1984. Fig. 20, 3; 1991. S. 36–38; *Tonc*, 2022. Fig. 2).

В

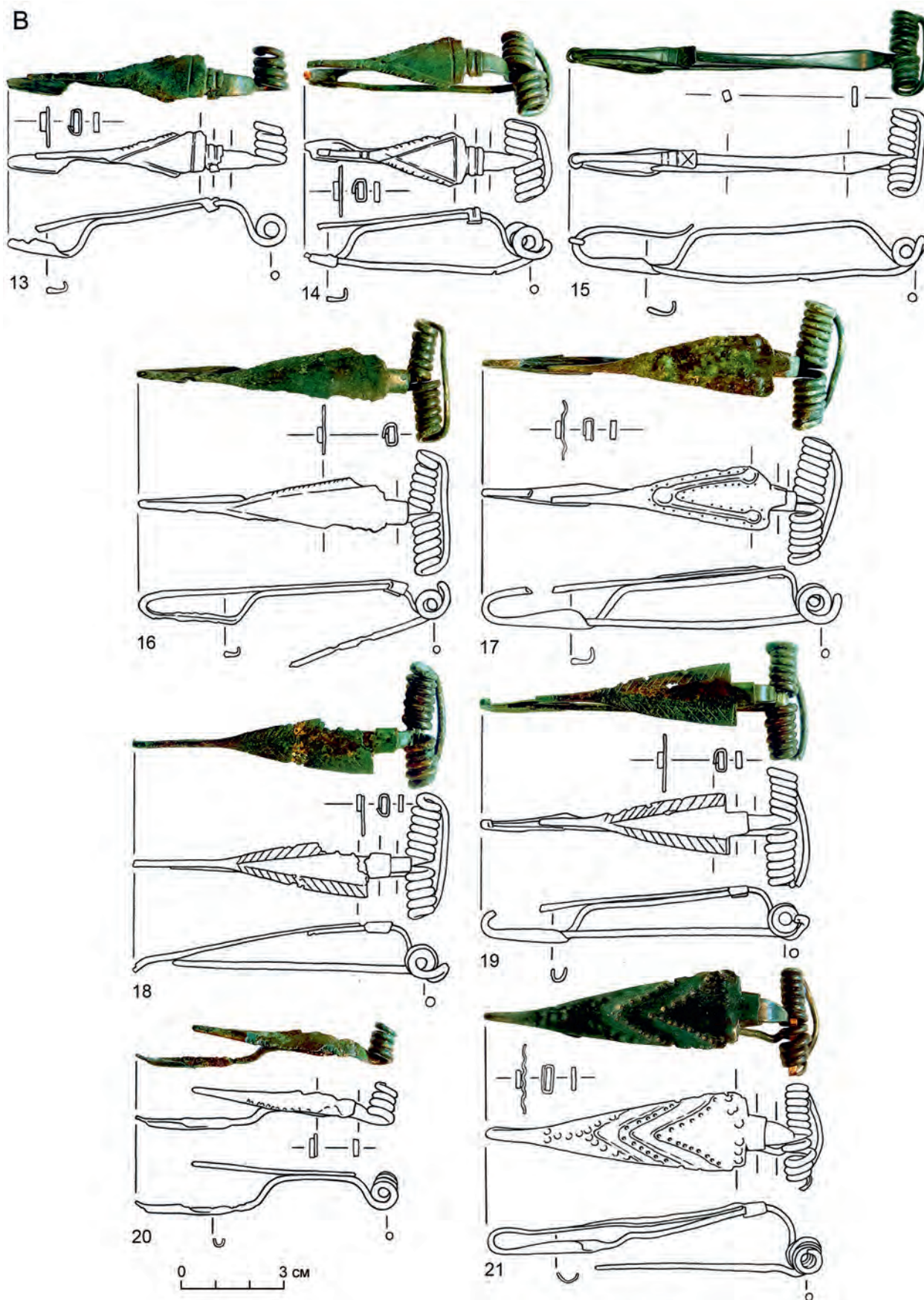

Рис. 2. Фибулы зарубинецкого типа из коллекции Гос. Эрмитажа. Подтип В (13–21). Отвержичи: 13 — погр. 57; 14 — погр. 59; 15 — погр. 43; 16 — погр. 47; 20 — погр. 77. Велемичи-II: 17 — погр. 65; 18, 19 — погр. 72; 21 — погр. 58

Fig. 2. Zarubintsy-type fibulae from the State Hermitage Museum collection. Subtype В (13–21). Otverzhichi: 13 — burial 57; 14 — burial 59; 15 — burial 43; 16 — burial 47; 20 — burial 77. Velemichi-II: 17 — burial 65; 18, 19 — burial 72; 21 — burial 58

[© Государственный Эрмитаж. 13 — инв. № 2356/146; 14 — инв. № 2356/151; 15 — инв. № 2356/98; 16 — инв. № 2356/112; 17 — инв. № 2355/99; 18, 19 — инв. № 2355/144, 145; 20 — инв. № 2356/204; 21 — инв. № 2355/69]

В погребении 66/1 позднескифского могильника Глиное в Нижнем Поднестровье (Слободзейский район Приднестровья) фибула с копьевидным щитком встречена с клеймом амфоры, датируемым 220-ми гг. до н. э. (Тельнов и др., 2016. С. 958, 959). Все это делает возможным датировать и наш подтип А временем, по крайней мере отчасти синхронным фазам С1b и С2 латенской хронологии (вторая половина — конец III — середина II в. до н. э.) (Lanting, van der Plicht, 2005/2006. S. 251)¹⁶.

Подтип В

В богатом погребении 31 могильника Отвержичи две фибулы подтипа В (рис. 1, 11, 12) найдены вместе с длинной железной фибулой типа В-Kostrzewski (рис. 6, Б, 3)¹⁷. В пшеворской и оксывской культурах длинные гладкие провололочные среднелатенские фибулы (типов АI- и ВI-Kostrzewski) датируются в рамках фазы А1, синхронной среднему латену (LT С1b–С2: Łuczkiwicz, 2020. Fig. 1; Bokinić, 2008. P. 17–26; Dąbrowska, 1988. S. 16, 50–62). В классическом латене аналогичные фибулы являются индикаторами ступени LT С2 (первая половина II в. до н. э.; Gebhard, 1991. S. 81, 82, Fig. 42; Lanting, van der Plicht, 2005/2006.

S. 245–249). В погребении 52/1 могильника Глиное железная фибула, близкая типу В-Kostrzewski, найдена с амфорным клеймом конца III в. до н. э. (Тельнов и др., 2016. С. 957, 958). Исследователи склонны датировать исчезновение таких застежек в Восточной Европе более поздним временем, чем в среднеевропейских культурах (Пачкова, 2006. С. 90–93; Völling, 2005. S. 88; Скиба, 2001. С. 43–45; Еременко, 1997. С. 139; Каспарова, 1984. С. 115–117). В Северном Причерноморье часть фибул, близких типу В-Kostrzewski, встречаются с краснолаковой керамикой I в. до н. э., один раз — с амисской монетой 105–90 гг. до н. э. (Кропотов, 2010. С. 46; Мачинский, 1963. С. 23, 24). Все это дает для нашего подтипа В весьма широкую дату — весь II в. до н. э.

В погребении 58 некрополя Велемичи-II формально отнесенная к подтипу В фибула (рис. 2, 21) найдена вместе с фрагментами другой фибулы зарубинецкого типа. По особенностям сохранившегося щитка и обломка приемника (рис. 6, Б, 4) ее можно с определенной степенью уверенности отнести к нашему подтипу С. Ближайшую аналогию украшение щитка неоконтурными чеканными полусферами также находит на фибуле подтипа С из погребения 26 могильника Отвержичи (рис. 3, 28).

Подтип С

В погребении 93 могильника Велемичи-II фибула зарубинецкого типа подтипа С (рис. 3, 29) была найдена вместе с бронзовой позднелатенской застежкой с трехвитковой пружиной, прямой дровитовой ромбовидной в сечении спинкой и сплошным приемником (рис. 6, Б, 5). Наиболее близкая аналогия для нее и ряда других аналогичных редких фибул зарубинецкого Полесья — серия позднелатенских застежек собственно латенской культуры, характеризующихся прямой или почти прямой «плоскоарочной» (flachgewölbte) спинкой. Такие застежки были отнесены Р. Гебхардом к группам 5 и 26 фибул оппидума Манхинг (Manching, Пфaffenхофен, Бавария, Германия) (Gebhard, 1991. S. 12, 23, Abb. 2; 8, Taf. 9, 167–170; 51, 770; 53, 811). С точки зрения автора настоящей работы, в зарубинецкой культуре такие фибулы предшествуют горизонту «прогнутых» позднелатенских застежек;

в той же статье погребения у Горицы (Prehistorijsko grobište u Goricu) (Truhelka, 1899), причем три из них относятся к «иллирийскому» типу, а одна — к типу Mahreviči, по П. Поповичу (Truhelka, 1899. Fig. 29–38; Popović, 1994. С. 55–57) и к зарубинецкому типу прямого отношения не имеют. Самым поздним хроноиндикатором погребения является прогнутая фибула типа А. 18, датируемая ступенью LT D2 (Rieckhoff, 1995. S. 56–61, Fig. 52; 53; Bockius, Łuczkiwicz, 2004. S. 43–50).

¹⁶ Хотя в одном месте работы О. Мунтеану, В. Ярмульски и Д. Спыну датировка ранних форм фибул зарубинецкого типа в рамках зарубинецкой культуры фазой LT С1b категорически отрицается (Munteanu et al., 2024. P. 236–238), в другом месте она утверждается как надежно доказанная (Ibid. P. 240–242). В тексте публикации данное противоречие никак не объяснено.

¹⁷ Поясной набор из этого погребения (Каспарова, 1969. Рис. 17, 7) в этой статье в качестве хронологического индикатора не рассматривается.

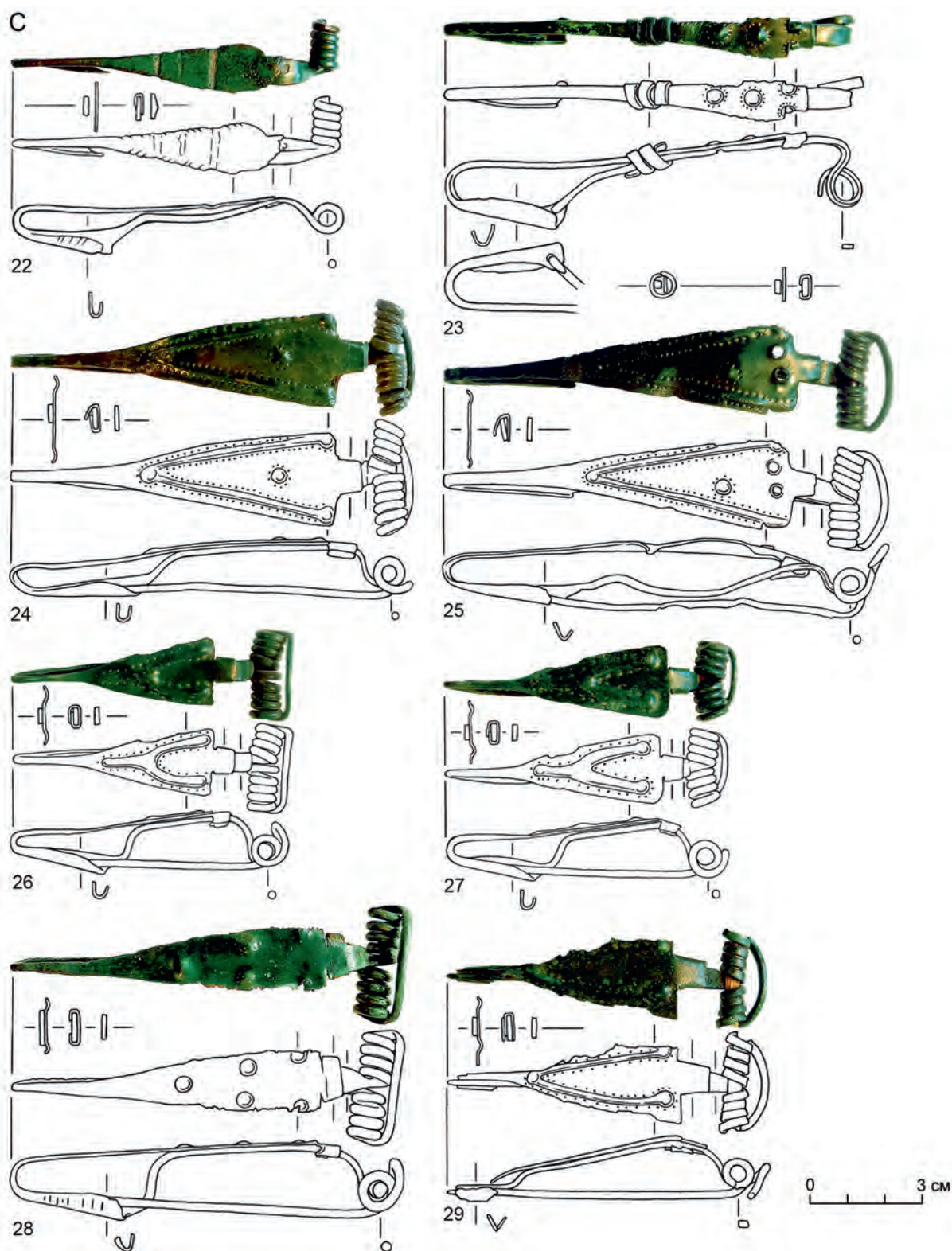

Рис. 3. Фибулы зарубинецкого типа из коллекции Гос. Эрмитажа. Подтип С (22–29). Отвержичи: 22, 23 — погр. 45; 28 — погр. 26. Велемичи-II: 24, 25 — погр. 73; 26, 27 — погр. 74; 29 — погр. 93

Fig. 3. Zarubintsy-type fibulae from the State Hermitage Museum collection. Subtype C (22–29). Otverzichi: 22, 23 — burial 45; 28 — burial 26. Velemichi-II: 24, 25 — burial 73; 26, 27 — burial 74; 29 — burial 93

[© Государственный Эрмитаж. 22, 23 — инв. № 2356/106, 105; 24, 25 — инв. № 2355/152, 153; 26, 27 — инв. № 2355/158, 159; 28 — инв. № 2356/44; 29 — инв. № 2355/238]

наиболее оправданной выглядит их датировка в рамках LT D1–D2a (середина II — середина I в. до н. э.) (Образцов, 2025. С. 96).

В погребении 26 отвержичского некрополя зарубинецкая фибула подтипа С была обнаружена вместе с обломками позднелатенской фибулы типа M-Kostrzewski (рис. 6, Б, б). Такие застёжки входят в группу «прогнутых» фибул (*geschweifte Fibeln*; типы M-, N-, O-Kostrzewski), являющихся хронологическим маркером ступени LT D2b (середина I в. до н. э. — рубеж эр) (Bockius, Łuczkiwicz, 2004. S. 43–73)¹⁸, и характеризуются наличием верхней тетивы. Т. Феллинг на основании анализа совстречаемости типов прогнутых фибул друг с другом и другими хроноиндикаторами выделил несколько хронологических горизонтов, в рамках которых проходил переход от позднего латена к раннему римскому времени. Для горизонта I, примерно соответствующему LT D2a, «прогнутые» застёжки в основном еще нехарактерны. Горизонт II — время бытования типов M-Kostrzewski и ранних форм N- и O-Kostrzewski, что примерно соответствует LT D2b. Горизонт III отличают развитые формы N- и O-Kostrzewski и раннеримские A.67–68, что соответствует началу раннеримской эпохи (Rz B1a) (Völling, 2005. S. 89–95, 114–129). Таким образом, вряд ли будет ошибкой датирование нашего подтипа С всем I в. до н. э. вплоть до рубежа эр.

Подтип D

Обращает на себя внимание тот факт, что хотя фибулы как подтипа С, так и подтипа D найдены с позднелатенскими застёжками, подтип С сочетается с позднелатенскими фибулами более ранних форм, чем подтип D.

В погребении 85 могильника Велемичи-II пара фибул подтипа D (рис. 5, 42, 43) найдена вместе с бронзовой прогнутой фибулой позднелатенской схемы с нижней тетивой (рис. 6, Б, 7; тип N-Kostrzewski). С железной застёжкой того же типа (рис. 6, Б, 8) найдена и пара зарубинецких фибул подтипа D в погребении 86 того же некрополя (рис. 5, 38, 39). Как было отмечено, датировка таких фибул укладывается в LT D2b — Rz B1a

(вторая половина I в. до н. э. — первые десятилетия н. э.). Приблизительно такой и следует считать датировку нашего подтипа D.

В погребении 96 некрополя Велемичи-II (рис. 4, 34, 35) обнаружены две не вполне типичные фибулы зарубинецкого типа. Формальные признаки помещают одну из них в подтип С, вторую — в D. Кроме того, как заметила К. В. Каспарова, одна из фибул (рис. 4, 35), похоже, имитирует облик застёжки типа N-Kostrzewski (Каспарова, 1972. С. 86).

Анализ распространения выделенных подтипов изученных фибул на планах могильников (рис. 7) подтверждает правомерность предлагаемого типологического членения. В коллекции Государственного Эрмитажа хранятся лишь материалы погребений 36–118 могильника Велемичи-II (погребения 1–35 были раскопаны Ю. В. Кухаренко: Кухаренко, 1961. С. 44–52), поэтому анализ его горизонтальной стратиграфии является в известной мере неполным, однако на плане могильника все же очевидна тенденция к расположению фибул одного подтипа в непосредственной близости друг от друга. Горизонтальная стратиграфия подтипов зарубинецких фибул на отвержичском некрополе не настолько четкая, хотя определенная тенденция к распространению более поздних фибул южнее и восточнее ранних может быть прослежена. Так или иначе, излагаемые выводы о планиграфии являются предварительными и требуют дальнейшей проверки на более обширном материале.

Основные выводы исследования в сжатом виде представлены в таблице.

В заключение хотелось бы остановиться на двух моментах. Прежде всего отметить (см. рис. 1–5), что схема А. К. Амброза (увеличение размера щитка со временем), по-видимому, все же верна, но лишь в общей тенденции развития типа фибул, что отражено в нашей таблице, где размер щитка учитывается как частая особенность ранних и поздних форм соответственно, но не рассматривается как типопределяющий признак. Кроме того, поскольку данная работа основана только на полесском материале, при этом ограниченном двумя могильниками, ее выводы следует проверить на материалах других раскопанных некрополей зарубинецкой культуры, в том числе для ответа на вопрос о локальных различиях фибул зарубинецкого типа. Причем необходимо непосредственное знакомство с археологическими коллекциями, так как на рисунках фибул в публикациях часто не приведены отдельные важные детали для их атрибуции (например, сечение спинки или приемника).

Статья поступила в редакцию 2 ноября 2025 г.

¹⁸ В этой статье используется «рейнская», или «западная», шкала относительной хронологии позднего латена, отличающаяся от «богемской» (подробнее об аргументации в пользу «рейнской» хронологии: Rieckhoff, 1995; Łuczkiwicz, 2020. S. 238–259; Lanting, van der Plich, 2005/2006. S. 245–252; аргументация в пользу «богемской» хронологии: Kysela, 2020. P. 48–65).

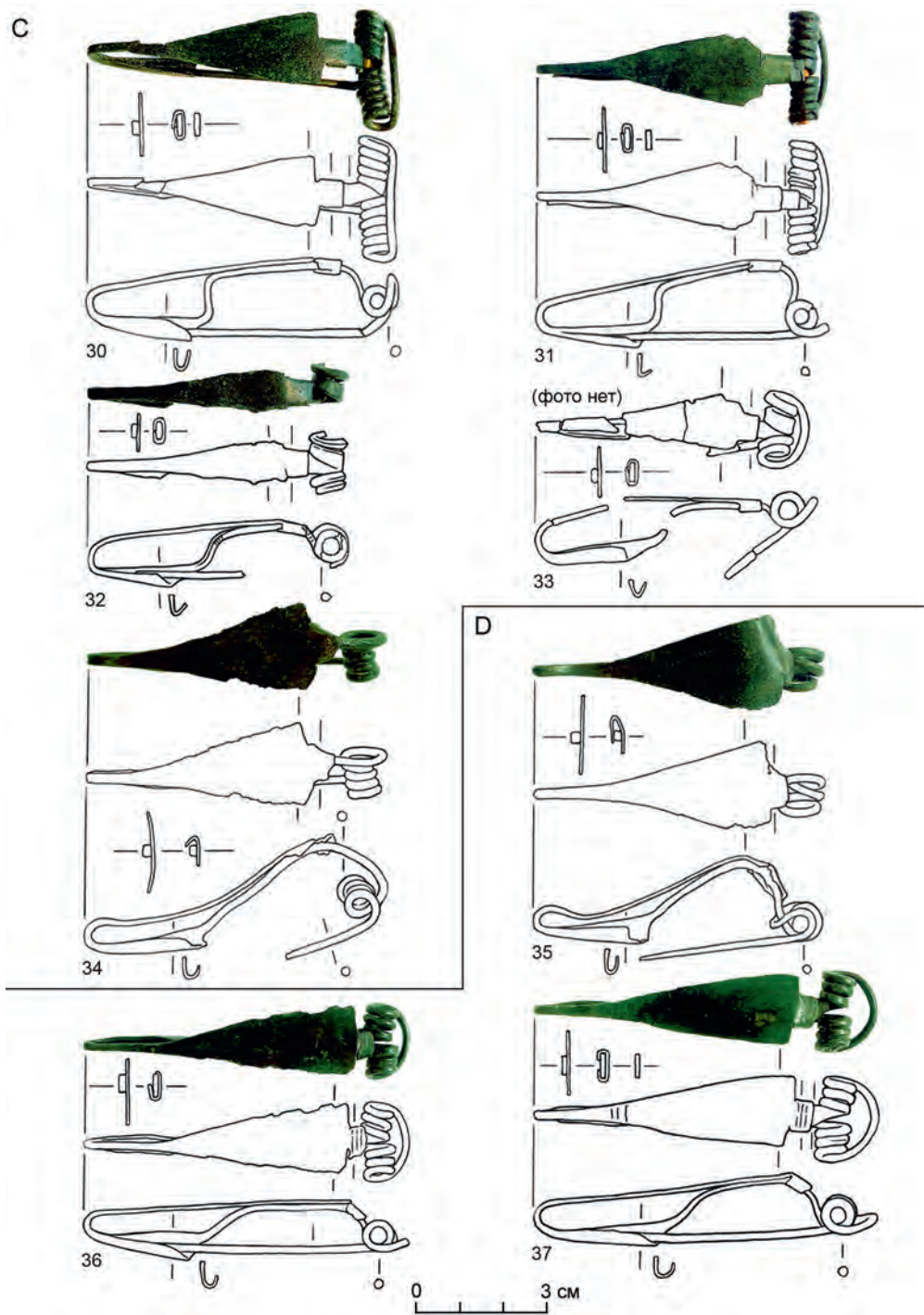

Рис. 4. Фибулы зарубинецкого типа из коллекции Гос. Эрмитажа. Подтип С (30–34); подтип D (35–37). Велемичи-II: 30, 31 — погр. 60; 32, 33 — погр. 82; 34, 35 — погр. 96; 36, 37 — погр. 98

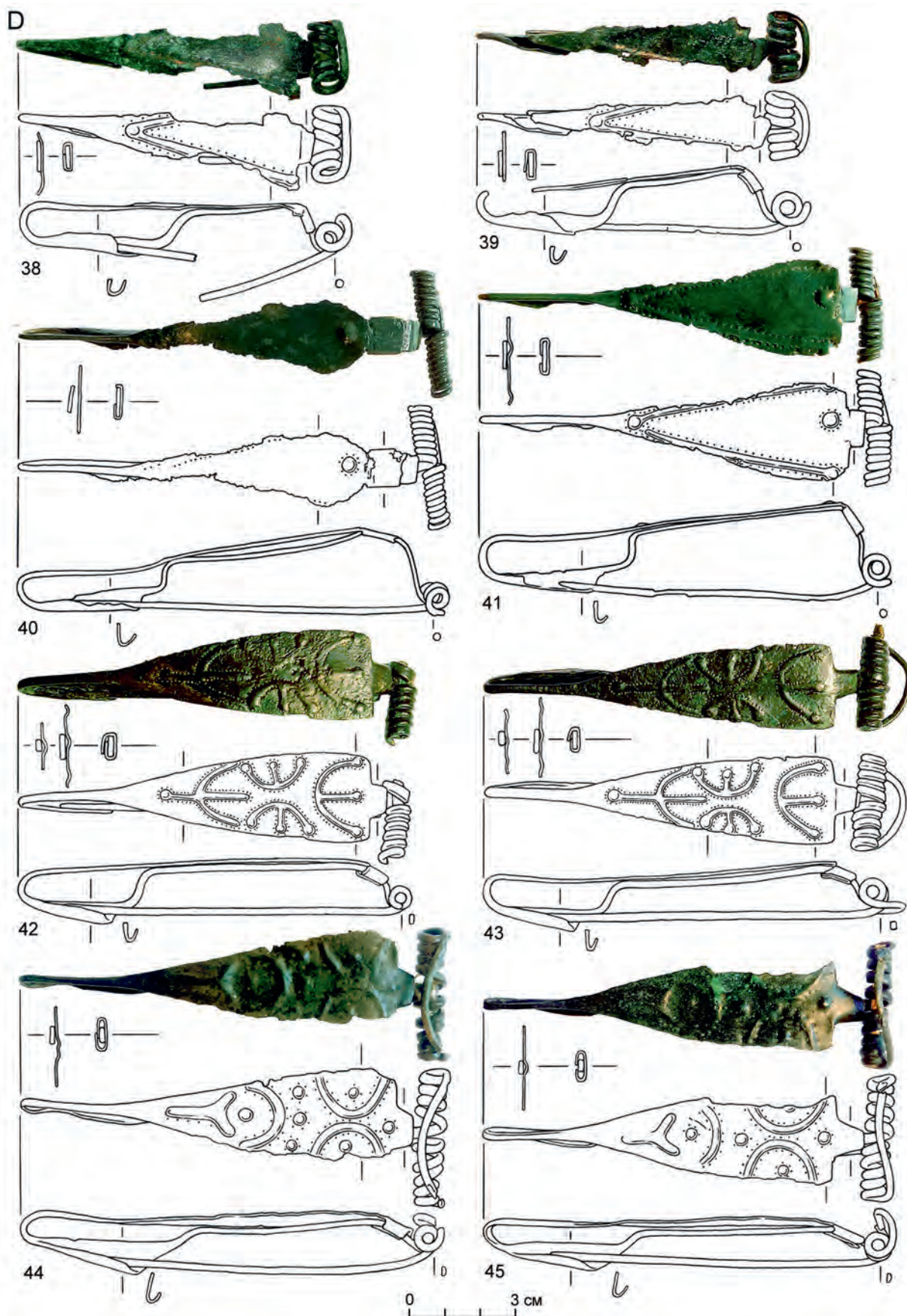
Fig. 4. Zarubintsy-type fibulae from the State Hermitage Museum collection. Subtype C (30–34); Subtype D (35–37). Velemichi-II: 30, 31 — burial 60; 32, 33 — burial 82; 34, 35 — burial 96; 36, 37 — burial 98

[© Государственный Эрмитаж. 30, 31 — инв. № 2355/81, 82; 32, 33 — инв. № 2355/186, 187; 34, 35 — инв. № 2355/249, 248; 36, 37 — инв. № 2355/257, 258]

Рис. 5. Фибулы зарубинецкого типа из коллекции Государственного Эрмитажа. Подтип D (38–45). Отвержичи: 40, 41 — погр. 54. Велемичи-II: 38, 39 — погр. 86; 42, 43 — погр. 85; 44, 45 — погр. 84

Fig. 5. Zarubintsy-type fibulae from the State Hermitage Museum collection. Subtype D (38–45). Otverzichi: 40, 41 — burial 54. Velemichi-II: 38, 39 — burial 86; 42, 43 — burial 85; 44, 45 — burial 84

[© Государственный Эрмитаж. 38, 39 — инв. № 2355/218, 219; 40, 41 — инв. № 2356/131, 132; 42, 43 — инв. № 2355/206, 207; 44, 45 — инв. № 2355/192, 193]

A		Полукруглая в сеч. спинка	Горизонтальный приемник	Полукруглый приемник	Пятиугольная в сеч. спинка	Гравировка щитка	Лапки на спинке	Гладкий щиток	Чеканка щитка	Углованная в сеч. пружина	Брусковидная в сеч. спинка	Вертикальный приемник	Проволочная спинка	Лапки на головке
1	О п. 80	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
2	В-II п. 104/1	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
3	В-II п. 104/2	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
4	В-II п. 105	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
5	В-II п. 109/3	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
6	О кв. 72	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
7	О п. 44	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
8	О п. 51	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
9	В-II п. 109/1	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
10	В-II п. 109/2	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
11	О п. 31/1	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
12	О п. 31/2	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
13	О п. 57	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
14	О п. 59	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
15	О п. 43	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
16	О п.47	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
17	В-II п. 65	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
18	В-II п. 72/1	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
19	В-II п. 72/2	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
20	О п. 77	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
21	В-II п. 58	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
22	О п. 45/2	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
23	О п. 45/1	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
24	В-II п. 73/1	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
25	В-II п. 73/2	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
26	В-II п. 74/1	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
27	В-II п. 74/2	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
28	О п. 26	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
29	В-II п. 93	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
30	В-II п. 60/1	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
31	В-II п. 60/2	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
32	В-II п. 82/1	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
33	В-II п. 82/2	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
34	В-II п. 96/2	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
35	В-II п. 96/1	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
36	В-II п. 98/1	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
37	В-II п. 98/2	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
38	В-II п. 86/1	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
39	В-II п. 86/2	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
40	О п. 54/1	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
41	О п. 54/2	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
42	В-II п. 85/1	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
43	В-II п. 85/2	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
44	В-II п. 84/1	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
45	В-II п. 84/2	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■

Б	Кольцевидная	A	Trošmarja	B-Kostrz.	B	C	Gebh. gr. 5/26	M-Kostrz.	D	N-Kostrz.
В-II п. 104	1	■	■	■	■	■	■	■	■	■
В-II п. 105	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
О п. 31	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
В-II п. 58	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
В-II п. 93	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
О п. 26	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
В-II п. 96	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
В-II п. 85	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
В-II п. 86	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■

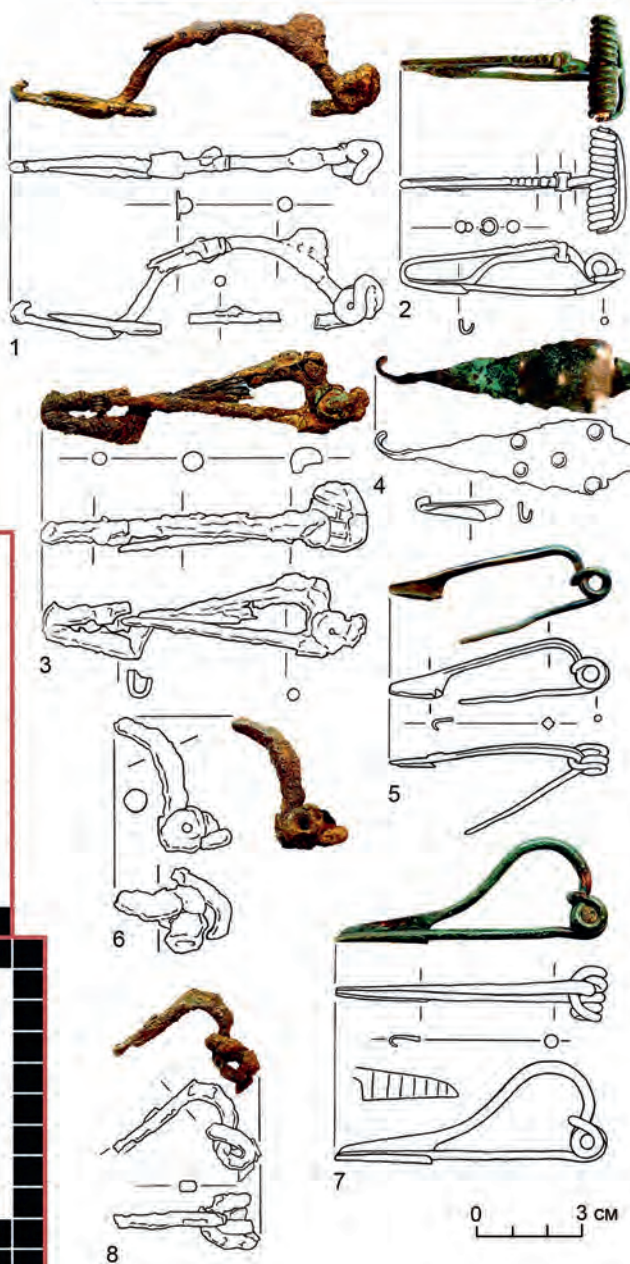

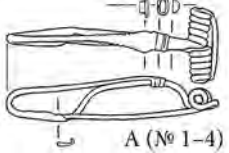
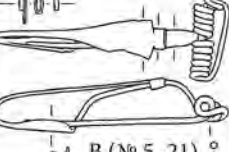
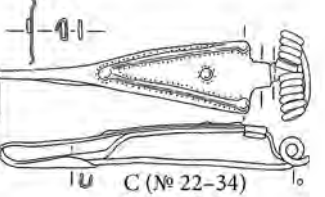
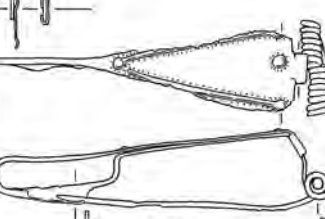
Рис. 6. А — сериационная таблица (В-II — Велемичи-II, О — Отвержичи, п. — погребение; номера соответствуют номерам на рис. 1–5); Б — таблица встречаемости типов фибул: 1 — «копьевидная»; 2 — типа Trošmarija; 3 — типа B-Kostrzewski; 4 — зарубинецкого типа, предположительно подтипа С; 5 — типа Gebhard gr. 5/26; 6 — типа M-Kostrzewski; 7, 8 — типа N-Kostrzewski

Fig. 6. А — serialization table (B-II — Velemichi-II, O — Otverzichi, p. — burial; numbers correspond to those in fig. 1–5); Б — table of occurrence of fibula types: 1 — “spear-shaped”; 2 — Trošmarija type; 3 — B-Kostrzewski type; 4 — Zarubintsy type, presumably subtype C; 5 — Gebhard gr. 5/26 type; 6 — M-Kostrzewski type; 7, 8 — N-Kostrzewski type

[© Государственный Эрмитаж: 1 — инв. № 2355/282; 2 — инв. № 2355/288; 3 — инв. № 2356/54; 4 — инв. № 2355/70; 5 — инв. № 2355/239; 6 — инв. № 2356/45; 7, 8 — инв. № 2355/209, 220]

Таблица. Предлагаемая система типологического членения фибул зарубинецкого типа.
Номера соответствуют номерам на рис. 1–5

Table. Proposed typological classification system for Zarubintsy-type fibulae.
The numbers correspond to those in fig. 1–5

Подтип 	Типоопределяющие признаки	Нетипоопределяющие частые особенности	Предполагаемая датировка
 А (№ 1–4)	Горизонтальный (Г-видный) в сечении приемник, полукруглая в сечении спинка	Украшения щитка гравировкой, маленький размер щитка	Конец III — первая половина II в. до н. э. (LT C1b–C2)
 В (№ 5–21)	Горизонтальный (Г-видный) в сечении приемник, брусковидная или пятиугольная в сечении спинка	Украшение щитка гравировкой	II в. до н. э. (LT C2–D1)
 С (№ 22–34)	Вертикальный (J-видный) в сечении приемник, крепление лапок на спинке	Украшение щитка чеканкой, большой размер щитка, первый виток пружины уплощен	I в. до н. э. (LT D1–D2b)
 D (№ 35–45)	Вертикальный (J-видный) в сечении приемник, крепление лапок на головке (после перегиба спинки)	Украшение щитка чеканкой, большой размер щитка, большой размер фибулы, пружина из уплощенной проволоки	Середина I в. до н. э. — первые десятилетия I в. н. э. (LT D2b — Rz B1a)

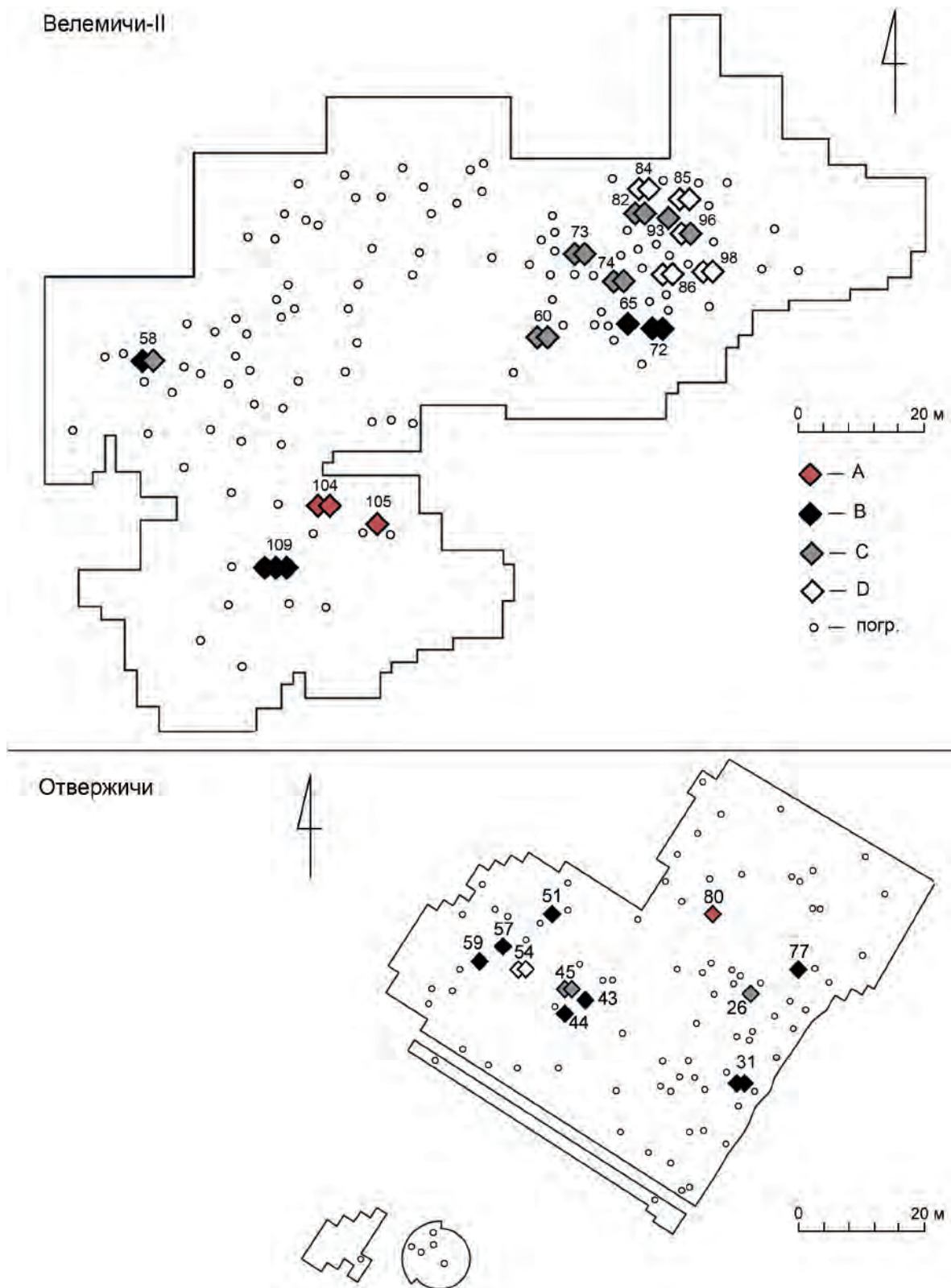

Рис. 7. Распределение групп фибул зарубинецкого типа из коллекции Гос. Эрмитажа на планах могильников Велемичи-II и Отverzичи (арабскими цифрами отмечены номера погребений)

Fig. 7. Distribution of groups of Zarubintsy-type fibulae from the State Hermitage collection on the plans of the Velemichi-II and Otverzichi burial grounds (numbers of the graves are indicated in Arabic numerals)

- Амброз, 1959 — Амброз А. К. Фибулы зарубинецкой культуры // Памятники зарубинецкой культуры. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959 (МИА; № 70). С. 184–190.
- Амброз, 1966 — Амброз А. К. Фибулы юга европейской части СССР II в. до н. э. — IV в. н. э. М.: Наука, 1966 (САИ; Д1-30). 142 с.
- Гусаков, 1991 — Гусаков М. Г. Основные итоги и задачи изучения зарубинецких древностей // КСИА. 1991. № 207. С. 43–47.
- Дмитриева, 2001 — Дмитриева Л. С. Об относительной хронологии зарубинецкого могильника Велемичи II // Вестник молодых ученых. СПб.: [б. и.], 2001 (Исторические науки; № 1). С. 38–43.
- Дробушевский, 2016 — Дробушевский А. И. Зарубинецкая культура Белорусского Поднепровья // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период. Кн. 1. Минск; Белорусская наука, 2016. С. 38–136.
- Дробушевский, 2022 — Дробушевский А. И. Зарубинецкая культура и бастарны // Друзей медлительный уход... Сборник памяти О. Шарова. Кишинев: Tipografia Centrală, 2022. С. 171–189.
- Еременко, 1997 — Еременко В. Е. «Кельтская вуаль» и зарубинецкая культура. Опыт реконструкции этнополитических процессов III–I вв. до н. э. в Центральной и Восточной Европе. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. 232 с.
- Еременко, Журавлев, 1992 — Еременко В. Е., Журавлев В. Г. Хронология могильника Чаплин верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры // Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени. СПб.: Научно-археологическое объединение «Ойум» ВМЦ, 1992. С. 55–79.
- Каспарова, 1969 — Каспарова К. В. Могильник и поселение у дер. Отвержичи // Новые данные о зарубинецкой культуре в Поднепровье. Л.; Наука, 1969 (МИА; № 160). С. 131–168.
- Каспарова, 1972 — Каспарова К. В. Зарубинецкий могильник Велемичи II // АСГЭ. Л.; Аврора, 1972. Вып. 14: Исследования по археологии и древней истории европейской части СССР. С. 53–111.
- Каспарова, 1976 — Каспарова К. В. Новые материалы могильника Отвержичи и некоторые вопросы относительной хронологии зарубинецкой культуры Полесья // АСГЭ. Л.; Аврора, 1976. Вып. 17: Исследования по археологии и древней истории Восточной Европы. С. 35–66.
- Каспарова, 1977 — Каспарова К. В. О фибулах зарубинецкого типа // АСГЭ. Л.; Аврора, 1977. Вып. 18: Памяти М. И. Артамонова. С. 68–78.
- Каспарова, 1984 — Каспарова К. В. Зарубинецкая культура в хронологической системе культур эпохи латена // АСГЭ. Л.: Искусство. 1984. Вып. 25: Материалы и исследования по археологии СССР. Контакты и взаимодействие культур Евразии. С. 108–117.
- Каспарова, 2000 — Каспарова К. В. Отзыв о рукописи А. М. Обломского «К вопросу о классификации и хронологии зарубинецких фибул с треугольным щитком» // Stratum plus. 2000. № 4: Время великих миграций. С. 20–23.
- Кропотов, 2010 — Кропотов В. В. Фибулы сарматской эпохи. Киев; АДЕФ-Украина, 2010. 386 с.
- Кухаренко, 1961 — Кухаренко Ю. В. Памятники железного века на территории Полесья. М.: Изд-во АН СССР, 1961 (САИ; Д1-29). 114 с.
- Кухаренко, 1964 — Кухаренко Ю. В. Памятники железного века на территории Полесья. М.: Наука, 1964 (САИ; Д1-19). 89 с.
- Мачинский, 1963 — Мачинский Д. А. О хронологии некоторых типов вещей зарубинецкой и одновременных ей культур // КСИА. 1963. № 94: Памятники раннего железного века. С. 20–28.
- Обломский, 1983 — Обломский А. М. О хронологии некоторых типов фибул зарубинецкой культуры // Советская археология. 1983. № 1. С. 103–120.
- Обломский, 1986 — Обломский А. М. Опыт классификации и хронологии фибул с треугольным щитком на ножке (так называемых зарубинецких) // КСИА. 1986. № 186: Ранний железный век. С. 50–56.
- Обломский, 1997 — Обломский А. М. О некоторых спорных вопросах классификации керамики, периодизации и хронологии чаплинского могильника // Stratum + ПАВ. Сборник статей к 60-летию Д. А. Мачинского и М. Б. Щукина. Кишинев: Tipografia Centrală, 1997. С. 138–146.
- Образцов, 2025 — Образцов И. Ф. Ранние формы фибул позднелатенской схемы в зарубинецкой культуре Припятского Полесья: типолого-хронологический аспект // Новые материалы и методы археологического исследования: территории и границы в археологическом измерении. Материалы VIII конференции молодых ученых. М.; ИА РАН, 2025. С. 95–96.
- Пачкова, 1988 — Пачкова С. П. Фібули зарубинецького типу // Археологія. Київ: Наукова думка, 1988. № 62. С. 10–24.
- Пачкова, 2006 — Пачкова С. П. Зарубинецкая культура и латенизированные культуры Европы. Киев: ИА НАН Украины, 2006. 372 с.
- Пачкова, Кубишев, 1992 — Пачкова С. П., Кубишев А. И. Хронологія Пирогівського могильника // Археологія. Київ, 1992. № 4. С. 75–90.
- Поболь, 1971 — Поболь Л. Д. Славянские древности Белоруссии (ранний этап зарубинецкой культуры). Минск: Наука и техника, 1971. 232 с.
- Скиба, 2001 — Скиба Л. Е. Пирогівський могильник зарубинецької культури. Киев: Інститут археології НАН України, 2001. 176 с.

- Тельнов и др., 2016 — Тельнов Н. П., Четвериков И. А., Сеника В. С. Скифский могильник III–II вв. до н. э. у с. Глиное. Тирасполь; Stratum plus (Tipografia Centrală). 2016. 1096 с.
- Хомякова, 2022 — Хомякова О. А. Женский убор самбийско-натангийской культуры I–IV вв. Анализ компонентов и хронология. М.; ИА РАН, 2022. 320 с.
- Цетлин, 2020 — Цетлин Ю. Б. Относительная периодизация погребений и керамики могильника Отвержичи зарубинецкой культуры // КСИА. 2020. № 261. С. 343–365.
- Шукин, 1994 — Шукин М. Б. На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н. э. — I в. н. э. в Восточной и Центральной Европе. СПб.: ФАРН, 1994. 324 с.
- Шукин, 2004 — Шукин М. Б. Река времени (некоторые замечания о методиках хронологических расчетов эпохи Латена и римского времени) // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2004. С. 261–276.
- Янкович, 2012 — Янкович Дж. Нероманизированные иллирийцы и славяне // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 3: Сб. ст. Тула: ГМЗ «Куликово поле», 2012. С. 464–481.
- Balen-Letunič, 1999–2000 — Balen-Letunič D. Japodske nekropole s Ogulinskog Područja // Vjesnik Arheološkog muzeja u Zagrebu. Zagreb: Arheološki muzej u Zagrebu, 1999–2000. № 3. S. 23–61.
- Bockius, Łuczkiwicz, 2004 — Bockius R., Łuczkiwicz P. Kelten und Germanen im 2.-1. Jahrhundert vor Christus: Monographien. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 2004. 219 S.
- Bokinič, 2008 — Bokinič E. Kultura Oksywska na Ziemi Chełmińskiej w Świetle Materiałów Sepulkralnych. Toruń: Muzeum Okręgowe w Toruniu, 2008. 448 p.
- Božič, 2001 — Božič D. Ljudje ob Krki in Kolpi v latenski dobi // Arheološki vestnik. 2001. No. 52. S. 181–192.
- Bujna, 2003 — Bujna J. Spony z keltských hrobov bez výzbroje z územia Slovenska (Typovo-chronologické triedenie LTB-a C1-spón) // Slovenská archeológia. 2003. T. 51, № 1. P. 39–108.
- Dąbrowska, 1988 — Dąbrowska T. Wczesne Fazy Kultury Przeworskiej (Chronologia — zasięg — powiązania). Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1988. 340 s.
- Dizdar, 2014 — Dizdar M. Bronze Fibulae with Enamel Inlay from Scordiscan Sites // Iron Age Crafts and Craftsmen in the Carpathian Basin. Proceedings of the international colloquium from Târgu Mureș. Târgu Mureș: Editura MEGA, 2014. P. 97–114.
- Gebhard, 1991 — Gebhard R. Die Fibeln aus dem Oppidum von Manching. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1991 (Die Ausgrabungen in Manching; Nr. 14). 321 S.
- Guštin, 1984 — Guštin M. Die Kelten in Jugoslawien. Übersicht über das archäologische Fundgut // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. 1984. T. 31. S. 305–363.
- Guštin, 1991 — Guštin M. Posočje in der jüngeren Eisenzeit. Ljubljana: Narodni Muzej, 1991. 148 S.
- Iarmulschi, 2021 — Iarmulschi V. Cu privire la cronologia și periodizarea necropolei de tip Zarubincy de la Voronino (reg. Jitkavichy, Bielorusia) // Revista Arheologică. Serie nouă. Chișinău, 2021. Vol. XVII, № 2. P. 62–67.
- Iarmulschi, 2022 — Iarmulschi V. Zur Chronologie und Periodisierung des Gräberfeldes der Zarubincy Kultur von Pirogov (reg. Kiev, Ukraine) // Cercetări Arheologice. 2022. Vol. 29.2. P. 479–484.
- Iarmulschi, 2024 — Iarmulschi V. Fibule descoperite în necropola de tip Zarubincy de la Otveržici (reg. Brest, Bielorusia) // Mousaios. 2024. Vol. XXVII. P. 159–174.
- Kysela, 2020 — Kysela J. Things and Thoughts. Central Europe and the Mediterranean in the 4th–1st centuries BC. Univerzita Karlova, Filozofická fakulta, 2020. 440 p.
- Lanting, van der Plicht, 2005/2006 — Lanting J. N., van der Plicht J. De ¹⁴C-chronologie van de Nederlandse pre-en protohistorie V: midden- en late ijzertijd // Palaeohistoria. 2005/2006. Nr. 48. S. 241–428.
- Łuczkiwicz, 2020 — Łuczkiwicz P. On the chronology of the Late Pre-Roman Iron Age in eastern Germania in the light of selected types of brooches // Archeologicke rozhledy. 2020. Nr. 2. S. 238–259.
- Majnarić-Pandžić, 2009 — Majnarić-Pandžić N. Recent La Tene finds and sites in northern Croatia // Rad Muzeja Vojvodine. 2009. T. 51. P. 103–116.
- Montelius, 1903 — Montelius O. Die Typologische Methode. Stockholm: Selbstverlag des verfassers, 1903. 110 p.
- Munteanu et al., 2024 — Munteanu O., Iarmulschi V., Spânu D. Zarubincy-type fibulae: A return to regional and supra-regional connections // Dacia. Revue d'archéologie et d'histoire ancienne. Nouvelle série. Bucharest: Editura Academiei Române, 2024. T. LXVIII. P. 221–253.
- Narr, 1978 — Narr K. J. Typologie und Seriation // Bonner Jahrbuch. 1978. № 178. P. 21–30.
- Polenz, 1978 — Polenz H. Gedanken zu einer Fibel vom Mittellatèneschema aus Káyseri in Anatolien // Bonner Jahrbucher. 1978. Nr. 178. S. 181–216.
- Popović, 1994 — Popović P. Lanzenfibeln des Westbalkans und der Donauniederung // BALCANICA. Annuaire de l'institut des Etudes Balcaniques. Belgrade, 1994. T. XXV-1. S. 53–71.
- Rieckhoff, 1995 — Rieckhoff S. Süddeutschland im Spannungsfeld von Kelten, Germanen und Römern: Studien zur Chronologie der Spätlatènezeit im Südlichen Mitteleuropa. Trier: Selbstverlag des Rheinischen Landesmuseums, 1995. 318 S.

- Tonc*, 2022 — *Tonc A.* Between the sea and the Alps: traces of mobility and trade of the Late Iron age societies in Northern Adriatic // *Interdisciplinarité et nouvelles approches dans les recherches sur l'âge du Fer. Dissertationes archaeologicae Brunenses/Pragensesque.* Brno, 2022. Suppl. IV. P. 119–123.
- Truhelka*, 1899 — *Truhelka C.* Dva prehistorijska nalaza iz Gorice (ljubuškog kotara) // *Glasnik Zemaljskog muzeja u Bosni i Hercegovini.* 1899. Nr. 11 (2–3). S. 339–395.
- Völling*, 2005 — *Völling Th.* Germanien an der Zeitenwende (Studien zum Kulturwandel beim Übergang von der Vorrömischen Eisenzeit zur Älteren Römischen Kaiserzeit in der Germania Magna). Oxford: Archaeopress, 2005 (BAR: International Series; No. 1360). 476 S.

TA typological and chronological study of Zarubintsy-type fibulae from the State Hermitage Museum collection

I. F. Obraztsov¹⁹

Keywords: Zarubintsy-type fibulae, Pripyat Polesie, Zarubintsy culture, seriation, typology

This article proposes a classification of “Zarubintsy-type” fibulae based on clasps excavated by K. V. Kasparova in the Pripyat Polesie region (the Otverzhichi and Velemichi-II burial grounds). A typological series consisting of four clasp subtypes was constructed through serialization based on the co-occurrence of various qualitative characteristics. The co-occurrence of the identified subtypes with each other and with interregional forms of La Tène brooches, as well as a planigraphic analysis of the distribution of these finds on burial ground plans, confirm that this typological series represents a chronological sequence from early to late forms.

¹⁹ Ivan F. Obraztsov — Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow; e-mail: byrnieyma3@gmail.com.

Кольцевые застёжки (сюльгамы) в могильниках зарубинецкой культуры

Л. С. Воротинская, А. И. Дробушевский¹

Аннотация. Кольцевые застёжки-сюльгамы характерны для зарубинецких памятников Верхнего Поднепровья. Выделено шесть типов. Наиболее многочисленными являются железные экземпляры с перпендикулярно загнутыми концами (типы 1 и 2). Кольцевые застёжки бытовали весь период существования зарубинецкой культуры.

Ключевые слова: фибулы, кольцевые застёжки, сюльгамы, зарубинецкая культура, Чаплин, Горошков, латен

DOI 10.31600/1817-6976-2026-50-130-145

Введение

В археологической литературе рассматриваемые металлические предметы имеют самые разнообразные названия: круглые пряжки, кольцевые застёжки, подковообразные фибулы, сюльгамы и т. д. Они широко известны на территории Европы с раннего железного века до позднего средневековья.

Особого внимания заслуживают их находки в могильниках зарубинецкой культуры. По количеству выявленных кольцевых застёжек (сюльгам) (76 экз.) памятники зарубинецкой культуры не имеют себе равных среди всех синхронных древностей предримского периода в Восточной и Центральной Европе.

Основная часть кольцевых застёжек найдена в могильниках Белорусского Поднепровья (Чаплин — 41 экз. (Поболь, 1971. С. 105–108), Горошков — 30 экз.² (Мельниківська, 1965. Рис. 4, 5;

Воротинская, Дробушевский, 2016; 2017а; 2017б; 2019а; 2019б), Юрковичи — 1 экз. (Дробушевский, 1996. Рис. 3, 8), что является локальной особенностью верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры (Дробушевский, 2016. С. 56, 80, 81). Значительно реже они встречены в Припятском Полесье (Велемичи II — 1 экз., Воронино — 2 экз. (Кухаренко, 1961. С. 44–50, 55–61, табл. 29, 37; 39, 26; 41, 22), Погост — 1 экз. (Поболь, 1969)). На зарубинецких памятниках Среднего Поднепровья рассматриваемые предметы до сих пор не обнаружены (рис. 1).

Расположение сюльгам в погребениях и их назначение

Все кольцевые застёжки (сюльгамы) выявлены в зарубинецких погребениях, совершенных по обряду трупосожжения на стороне. К сожалению, особенности погребального обряда не позволяют достоверно судить, в каком качестве использовались эти предметы. Однако сама их конструкция (разомкнутое кольцо) и достаточно большой диаметр (до 13 см) говорят в пользу применения их в качестве застёжек для одежды.

В Чаплинском могильнике обнаружена 41 сюльгама в 40 погребениях (табл.) (Поболь, 1971. С. 105–108)³. Почти все они найдены

следовано 181 погребение, поэтому приведенные здесь наблюдения носят предварительный характер.

³ Кроме того, Л. Д. Поболь в погребениях 44а, 104 и 133 отметил три гладких и один витой железных браслета,

¹ Воротинская Л. С. — Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург; e-mail: larissadm@mail.ru. Дробушевский А. И. — независимый исследователь, Санкт-Петербург; e-mail: adrobush@yandex.ru.

© Воротинская Л. С., Дробушевский А. И., 2026

² С 2014 г. по настоящее время исследования на зарубинецком могильнике в д. Горошков Речицкого района Гомельской области Республики Беларусь проводит совместная российско-белорусская экспедиция Государственного Эрмитажа и Ветковского музея старообрядчества и белорусских традиций им. Ф. Г. Шклярова под руководством авторов. По состоянию на 2025 г. ис-

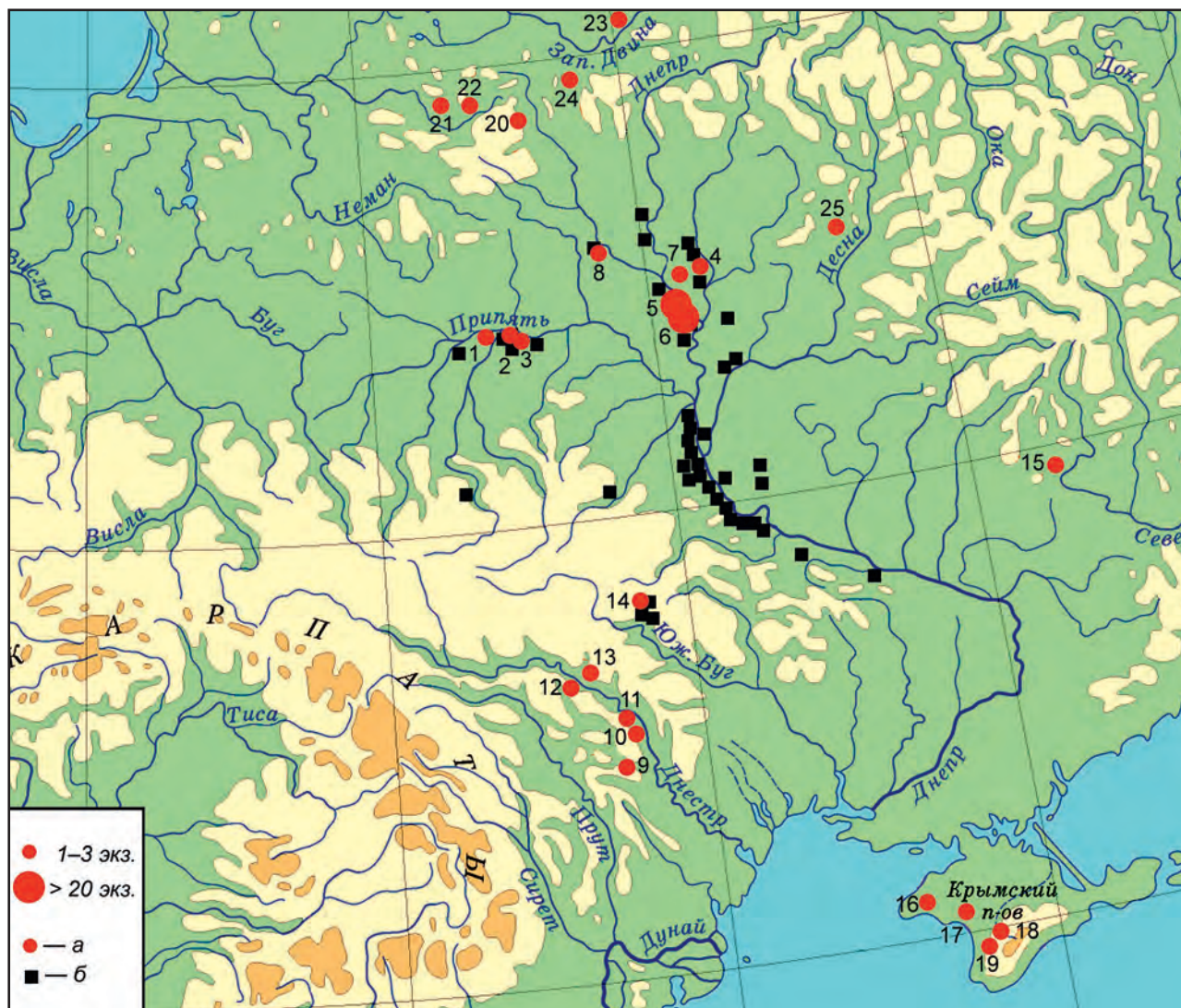

Рис. 1. Распространение кольцевых застёжек (сюльгам) в зарубинецкой культуре и на сопредельных территориях: 1 — Велемичи II; 2 — Воронино; 3 — Погост; 4 — Юрковичи; 5 — Горошков; 6 — Чаплин; 7 — Уваровичи; 8 — Щатково; 9 — Мана III; 10 — Сахарна Большая; 11 — Сахарна Малая; 12 — Рудь; 13 — Григоровка; 14 — Сорока; 15 — Песочин; 16 — Беляус (Знаменское); 17 — Кара-Тобе; 18 — Неаполь Скифский; 19 — Левадки; 20 — Васильковка; 21 — Горани; 22 — Малышки; 23 — Загорцы; 24 — Кострица; 25 — Почеп (а — находки кольцевых застёжек (сюльгам), б — памятники зарубинецкой культуры)

Fig. 1. Distribution of penannular brooches (sulgam) in the Zarubinty culture and adjacent territories: 1 — Velemichi II; 2 — Voronino; 3 — Pogost; 4 — Yurkovichi; 5 — Goroshkov; 6 — Chaplin; 7 — Uvarovichi; 8 — Shchatkovo; 9 — Mana III; 10 — Sakharna Bolshaya; 11 — Sakharna Malaya; 12 — Rud; 13 — Grigorovka; 14 — Soroka; 15 — Pesochin; 16 — Belyaus (Znamenskoye); 17 — Kara-Tobe; 18 — Scythian Neapolis; 19 — Levadki; 20 — Vasilkovka; 21 — Gorani; 22 — Malyshki; 23 — Zagortsy; 24 — Kostritsa; 25 — Pochep (a — finds of penannular brooches (sulgam), b — Zarubinty culture sites)

в удлинённых овальных ямах, ориентированных по линии северо-запад — юго-восток. Лишь в одном погребении (42) сюльгама найдена в могильной яме круглой формы. Чаще всего (18 экз.)

очень схожих с подковообразными фибулами (Поболь, 1973. С. 79, 108, 127, рис. 25, 5; 36, 3; 43, 6).

кольцевые застёжки располагались в центральной части могильной ямы. Девять раз отмечено их нахождение в северо-западной и юго-восточной частях и один — в северной. В четырёх захоронениях (136, 168, 171, 194) эти предметы имеют следы воздействия огня. В двух погребениях (265, 277) сюльгамы находились в вертикальном

Таблица. Типы кольцевых застёжек (сюльгам) из могильников зарубинецкой культуры
Table. Types of the penannular brooches (sulgam) from the burial grounds of the Zarubintsy culture

Тип	Верхнее Поднепровье			Припятское Полесье			Итого (доля)
	Чаплин	Горошков	Юрковичи	Велемичи II	Воронино	Погост	
1	30 экз. (погр. 15, 20, 33, 42, 50, 55, 65, 70, 71, 75, 84, 95, 99, 104, 116–119, 131, 133 (2 экз.), 136, 163, 168, 204, 231, 242, 258, 261, 273)	17 экз. (погр. 5, 7, 9, 42а, 48?, 60, 78, 83, 113, 125, 139, 145 (2 экз.), 158, 166, 168, 174)	–	1 экз. (погр. 19?)	2 экз. (погр. 21?, 41?)	1 экз. (погр. 2)	51 экз. (67,1 %)
2	4 экз. (погр. 194, 265, 269, 277?)	8 экз. (погр. 24, 34, 53, 79, 84, 156, 159, вне погр.)	–	–	–	–	12 экз. (15,8 %)
3	3 экз. (погр. 171, 244, 250)	1 экз. (погр. 57)	–	–	–	–	4 экз. (5,3 %)
4	3 экз. (погр. 13, 125, 129)	–	–	–	–	–	3 экз. (3,95 %)
5	1 экз. (погр. 44а)	1 экз. (погр. 41)	–	–	–	–	2 экз. (2,6 %)
6	–	1 экз. (погр. 48)	–	–	–	–	1 экз. (1,3%)
?	–	2 экз. (погр. 107, вне погр.)	1 экз. (погр. 2)	–	–	–	3 экз. (3,95 %)
Всего	41 экз.	30 экз.	1 экз.	1 экз.	2 экз.	1 экз.	76 экз. (100 %)

положении. Основная часть (в 19 погребениях) застёжек лежала среди костей; над костями они обнаружены в 11, под костями — в одном; отдельно от костей — в семи погребениях (Поболь, 1971. С. 105).

Похожая картина наблюдается и в Горошковском могильнике, где выявлено 30 сюльгам в 27 погребениях, в двух погребениях (48, 145) найдено по два экземпляра (табл.). Почти все они находились в удлинённых овальных ямах, ориентированных по линии северо-запад — юго-восток. Чаще всего кольцевые застёжки располагались в северной и центральной частях могильной ямы. Основная часть сюльгам в могилах лежала среди пережженных костей или на них.

Л. Д. Поболь подковообразные фибулы Чаплина отнес к снаряжению воина, так как в четырех погребениях (70, 99, 125, 261) они были вместе с железными наконечниками копий (Поболь, 1971. С. 105). Однако исследователь упустил из вида, что в остальных 34 погребениях, где найдены кольцевые застёжки, предметы вооружения отсутствовали. В. Е. Еременко подковообразные фибулы Чаплина считал признаком мужских погребений (Еременко, 1997. С. 153, рис. 52). Антропологическое определение пережженных костей и инвентарь не подтверждают этих наблюдений. Кости из 214 погребений (75,6 %) Чаплинского могильника изучала антрополог Т. С. Кондукторова,

среди них 33 захоронения содержали сюльгамы (Поболь, 1971. С. 83, табл. 10). Возраст погребённых (без определения половой принадлежности) установлен в 28 из 38 погребений с сюльгами. Кости взрослого человека выявлены в 13 погребениях (50, 55, 104, 116, 118, 125, 129?, 131, 168, 194?, 250, 261, 269). Кости ребенка или подростка зафиксированы в 15 погребениях (65?, 70?, 71, 75?, 95, 99?, 117?, 119?, 133?, 204?, 231?, 258?, 265, 273?, 277?). Иными словами, более половины погребений с сюльгами в Чаплине, согласно антропологическому определению, принадлежали детям и подросткам. По мнению В. Е. Еременко, находки античных стеклянных бус являются признаком женских захоронений (Еременко, 1997. С. 154). Такие предметы найдены вместе с сюльгами в четырех погребениях Чаплина (20, 99, 116, 117). Не выявлено также какой-либо закономерности распределения сюльгам разного диаметра по половозрастному признаку. Маленькие экземпляры необязательно принадлежали детям и подросткам, а крупные — взрослым. Вполне возможно, размер застёжек зависел также от плотности материала, который ими застегивался.

В Горошковском могильнике кольцевые застёжки в пяти погребениях (5, 7, 9, 113, 125) найдены вместе с железными наконечниками копий и в одном (42а) — с железным топором-кельтом. В пяти погребениях (53, 78, 166, 168, 174)

с сюльгами обнаружены античные стеклянные бусы. По известным на данный момент сведениям, мужскими являются четыре (9, 24, 48, 57), женскими — одно (84) погребение. В отличие от Чаплина, в Горошкове сюльгамы пока не выявлены в детских погребениях⁴.

В Юрковичском могильнике железная подковообразная фибула (в обломках) найдена в погребении 2 вместе с железными втульчатым наконечником копья, ножом с горбатой спинкой и античными стеклянными бусами. Согласно антропологическому определению Т. В. Томашевич, это погребение предположительно мужское (*Дробушевский*, 1996. С. 119, 121, рис. 3, 8–17).

Типология

Типологии кольцевых застежек зарубинецкой культуры до сих пор уделялось мало внимания. Лишь В. Е. Еременко разделил подковообразные фибулы Чаплина на три типа путем статистического исследования их диаметра: большие ($d > 9$ см), средние ($d = 6–9$ см), маленькие ($d < 6$ см) (*Еременко*, 1997. С. 150, рис. 51, 61–63). Однако другие признаки этих предметов им не учитывались.

На первый взгляд их форма, действительно, однообразна: согнутый в кольцо металлический стержень, концы которого уплощены и согнуты в небольшие трубочки перпендикулярно оси кольца. На стержень надета проволоочная подвижная игла (язычок). Общий диаметр предметов колеблется в пределах 3–13 см, наиболее часто встречаются экземпляры диаметром 7–8 см.

Почти все предметы изготовлены из железа. Только в трех погребениях Чаплина (13, 125, 129) найдены бронзовые экземпляры.

По оформлению концов, сечению стержня кольца и материалу, из которого изготовлены рассматриваемые предметы, можно выделить шесть основных типов (рис. 2)⁵.

Тип 1 (51 экз.) (рис. 2, 1) — железные кольцевые застежки, изготовленные из круглого в сече-

нии стержня с перпендикулярно загнутыми или закрученными концами (Чаплин — 30 экз., Горошков — 17 экз., Погост — 1 экз.). К этому типу условно можно отнести три гладких железных браслета с завитыми перпендикулярно концами из погребений 104 и 133 Чаплинского могильника, в качестве которых могли использоваться сюльгамы после утраты подвижной иглы. Такой вариант не исключал и Л. Д. Поболь (*Поболь*, 1971. С. 130). Железная кольцевая застежка типа 1 также обнаружена Л. Д. Поболем на городище Щатково на р. Березине (*Поболь*, 1974. С. 256–261, рис. 107, 9).

Из четырех железных кольцевых фибул, найденных в Припятском Полесье, только у экземпляра из погребения 2 могильника Погост указано сечение стержня (*Поболь*, 1969. С. 127, рис. 7, 7), что позволяет отнести этот экземпляр к типу 1. Возможно, и остальные железные экземпляры из могильников Воронино и Велемичи II относятся к тому же типу.

Тип 1 — самый массово встречающийся в зарубинецкой культуре и, судя по планиграфии Чаплина и Горошкова (рис. 3; 4), был в употреблении весь период функционирования могильников.

Тип 2 (12 экз.) (рис. 2, 2) — железные кольцевые застежки, изготовленные из четырехугольного в сечении стержня с перпендикулярно загнутыми или закрученными концами (Чаплин — 4 экз.; Горошков — 8 экз.). Экземпляр из погребения 277 в Чаплине отнесен к этому типу предположительно, так как у него не сохранились окончания кольца. В отличие от типа 1 все кольцевые застежки типа 2 расположены в южной части Чаплина, внутри зоны распространения фибул среднелатенской схемы (рис. 3). Данное обстоятельство позволяет отнести тип 2 к раннему этапу функционирования могильника. В Горошкове сюльгамы типа 2 зафиксированы в центральной и юго-западных частях памятника (рис. 4). Отметим, что одна кольцевая застежка типа 2 диаметром около 5 см найдена на городище Уваровичи Гомельской области в Нижнем Посожье (*Дробушевский*, 2006а. С. 67, рис. 3, 3; 2012. С. 312, рис. 6, 6; 2016. С. 80, 81, рис. 17, 1).

Тип 3 (4 экз.) (рис. 2, 3) — железные кольцевые застежки, изготовленные из круглого в сечении стержня с прямыми (гладкими) концами кольца (Чаплин — 3 экз.; Горошков — 1 экз.). В Чаплине они найдены вне зоны распространения фибул среднелатенской схемы (рис. 3), то есть, вероятно, относятся к позднему этапу функционирования могильника. Однако, учитывая их малочисленность,

⁴ Антропологическое определение пережженных костей из раскопок Горошковского могильника в 2014–2019 гг. провел канд. ист. наук, старший научный сотрудник МАЭ РАН им. Петра Великого (Кунсткамеры) И. Г. Ширококов.

⁵ Железный экземпляр (Чаплин, погребение 222) из круглого в сечении стержня имеет цельное кольцо, что больше напоминает поясную пряжку. Однако Л. Д. Поболь отнес этот экземпляр к подковообразным фибулам (*Поболь*, 1971. С. 105; 1973. С. 174, рис. 62, 3).

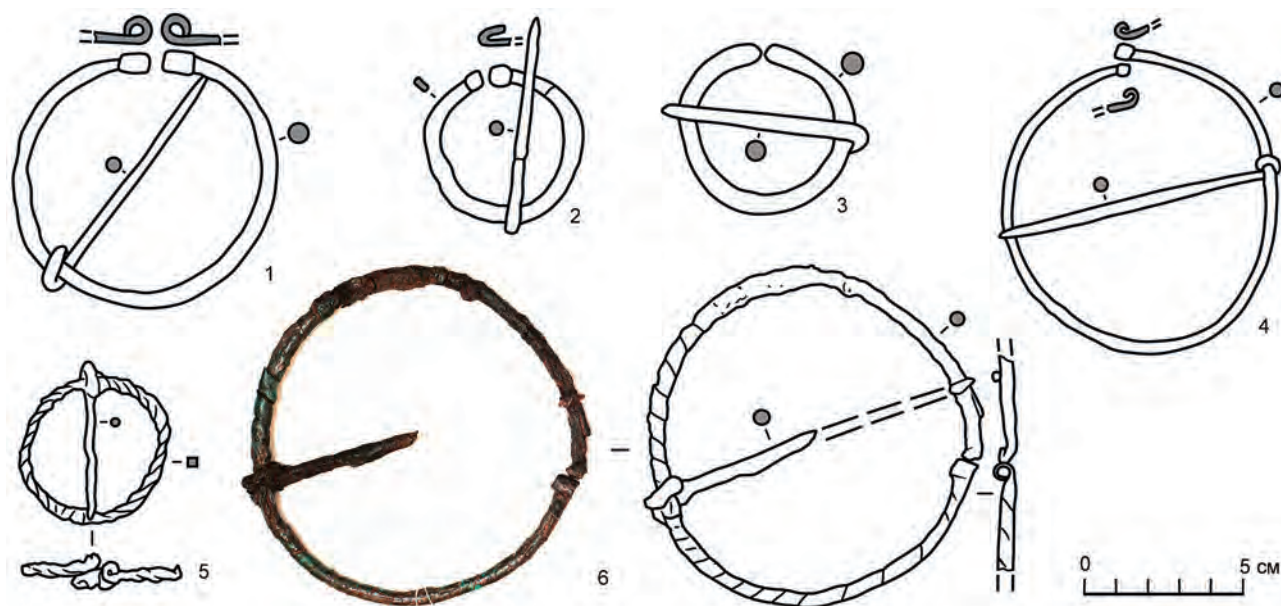

Рис. 2. Типы кольцевых застёжек (сюльгам) зарубинецкой культуры: 1 — Чаплин, погребение 119; 2 — Чаплин, погребение 265; 3 — Чаплин, погребение 244; 4 — Чаплин, погребение 13; 5 — Горошков, погребение 41; 6 — Горошков, погребение 48. 1–3, 5 — железо; 4 — бронза; 6 — железо и бронза

Fig. 2. Types of penannular brooches (sulgams) of the Zarubintsy culture: 1 — Chaplin, burial 119; 2 — Chaplin, burial 265; 3 — Chaplin, burial 244; 4 — Chaplin, burial 13; 5 — Goroshkov, burial 41; 6 — Goroshkov, burial 48. 1–3, 5 — iron; 4 — bronze; 6 — iron and bronze

[1–4 — Поболь, 1973. Рис. 15, 12; 40, 2; 67, 2; 70, 12]

это наблюдение носит сугубо предварительный характер.

Тип 4 (3 экз.) (рис. 2, 4) — бронзовые кольцевые застёжки, изготовленные из круглого в сечении стержня с перпендикулярно загнутыми или закрученными концами (Чаплин — 3 экз.).

Тип 5 (2 экз.) (рис. 2, 5) — железные кольцевые застёжки, изготовленные из четырехугольного в сечении стержня с перпендикулярно загнутыми или закрученными концами. Однако в отличие от типа 2 стержень не гладкий, а витой. Одна застёжка найдена в погребении 44а в Чаплине в виде браслета, без подвижной иглы. В пользу отнесения этой вещи к типу 5 свидетельствует находка аналогичного предмета с подвижной иглой в погребении 41 Горошковского могильника.

Тип 6 — (1 экз.) (рис. 2, 6) — железная кольцевая застёжка, изготовленная из круглого в сечении стержня с перпендикулярно закрученными концами (Горошков, погребение 48). Оличается от типа 1 тем, что стержень обмотан бронзовой тонкой пластиной.

Таким образом, количественно на могильниках зарубинецкой культуры преобладают железные сюльгамы типов 1 и 2 (табл.).

Хронология

В научной литературе распространено общепринятое мнение о бытовании кольцевых застёжек (сюльгам) в течение всего периода существования зарубинецкой культуры: с конца III — начала II в. до н. э. до середины I в. н. э. (латен C1-D2) (Кухаренко, 1964. С. 55; Поболь, 1971. С. 105, 168, 170; Каспарова и др., 1976. С. 246; Максимов, 1982. С. 11; Еременко, 1997. С. 158; Дробушевский, 2006а. С. 67–70; 2016. С. 81). Также высказывалась необоснованная на наш взгляд гипотеза, что мода на подковообразные застёжки в верхнеднепровском варианте зарубинецкой культуры появилась лишь в раннеримское время (Пилипцевич, 2004. С. 138; 2005. С. 92; Рассадин, 2007. С. 43; Дубицкая, 2023. С. 75, 77–80), и на этом основании погребения с сюльгамами были выделены в отдельный, пятый, этап функционирования Чаплинского могильника (Пилипцевич, 2004. С. 137). Эта точка зрения уже подвергалась критическому анализу (Дробушевский, 2006а. С. 67, 70, 71; 2016. С. 80, 81).

Кольцевые застёжки в Чаплине, судя по горизонтальной стратиграфии (рис. 3), бытовали весь период функционирования могильника. Самые ранние чаплинские комплексы

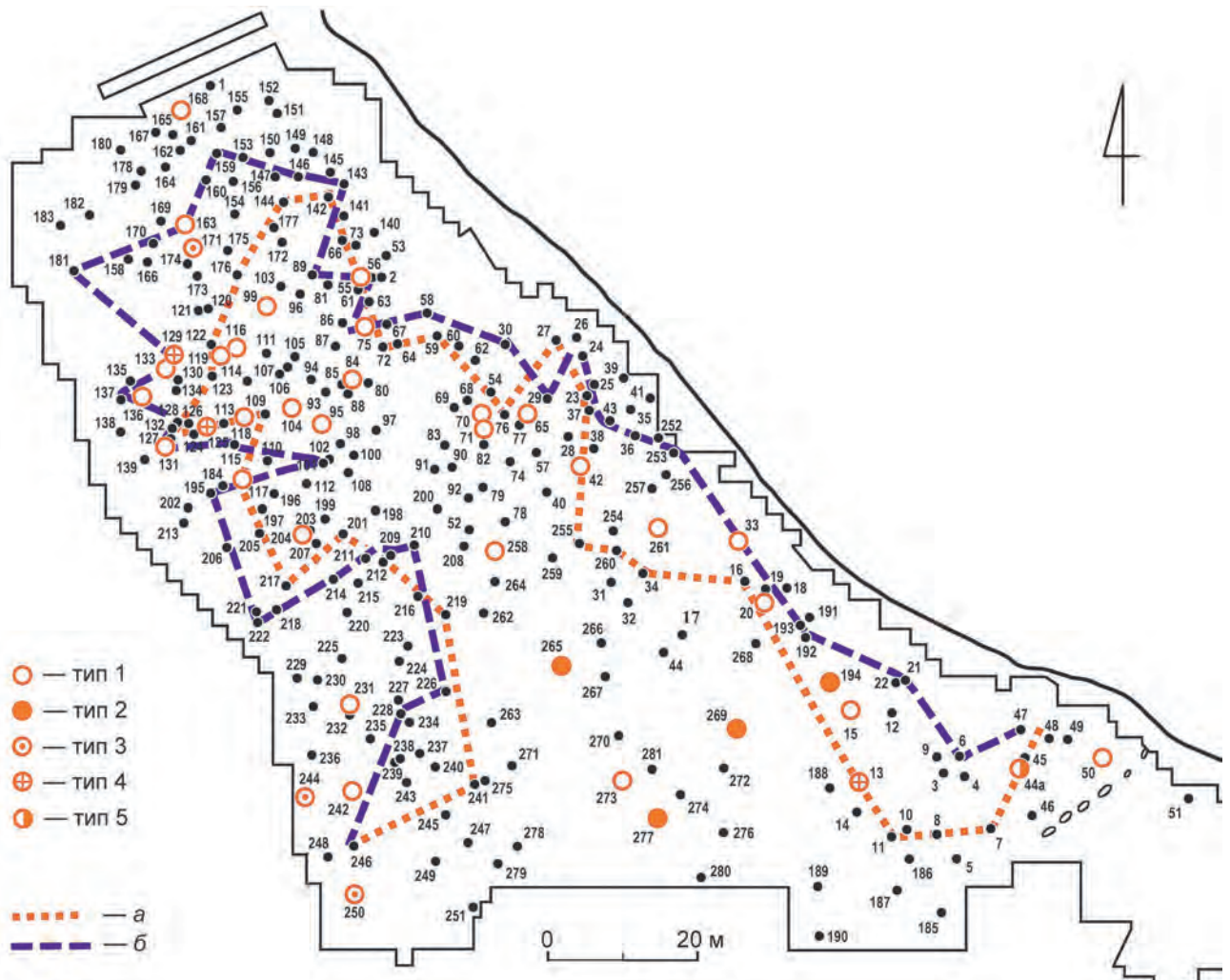

Рис. 3. Чаплинский могильник. Расположение типов кольцевых застёжек (сюльгам) (а — внешняя граница распространения фибул среднелатенской схемы; б — внутренняя граница распространения фибул позднелатенской схемы; арабские цифры — номера погребений)

Fig. 3. Chaplin burial ground. The arrangement of the types of penannular brooches (sulgam) (a — the outer boundary of the distribution of the Middle La Tène pattern fibulae; б — the inner boundary of the distribution of the Late La Tène pattern fibulae; Arabic numerals indicate burials' numbers)

датируются временем с середины III в. до н. э. (Поболь, 1971. С. 174) или начала II в. до н. э. (Обломский, 1983. С. 9, 10, 19; Каспарова, 1993. С. 174; Еременко, 1997. С. 59, 60). На территории могильника выделены зоны распространения погребений с различными вариантами латенских фибул (Поболь, 1971. С. 110, 116, рис. 63А; Обломский, 1990. С. 10, рис. 4). Погребения с сюльгамами расположены как вне, так и внутри зоны распространения фибул среднелатенской схемы (рис. 3). Данное обстоятельство позволяет уверенно датировать время появления кольцевых застёжек в Чаплине периодом не позднее латен С2 (около 185/170 гг. до н. э.) (Каспарова, 1993. С. 177), так как именно этим временем обычно определяется

начало функционирования могильника. Это также подтверждает нахождение сюльгам вместе с фибулами средне- и позднелатенской схемы в десяти погребениях (рис. 5; 6).

В зарубинецких могильниках Припятского Полесья кольцевые застёжки не найдены вместе с фибулами латенских типов, что затрудняет их более точное датирование. Вполне вероятно, что сюльгамами в Припятском Полесье появились в результате контактов с верхнеднепровским населением.

Отметим, что в могильниках зарубинецкой культуры до сих пор не выявлены фибулы, диагностирующие наступление раннеримского периода (фазы В1) (Liana, 1970. S. 454–456, tab. V;

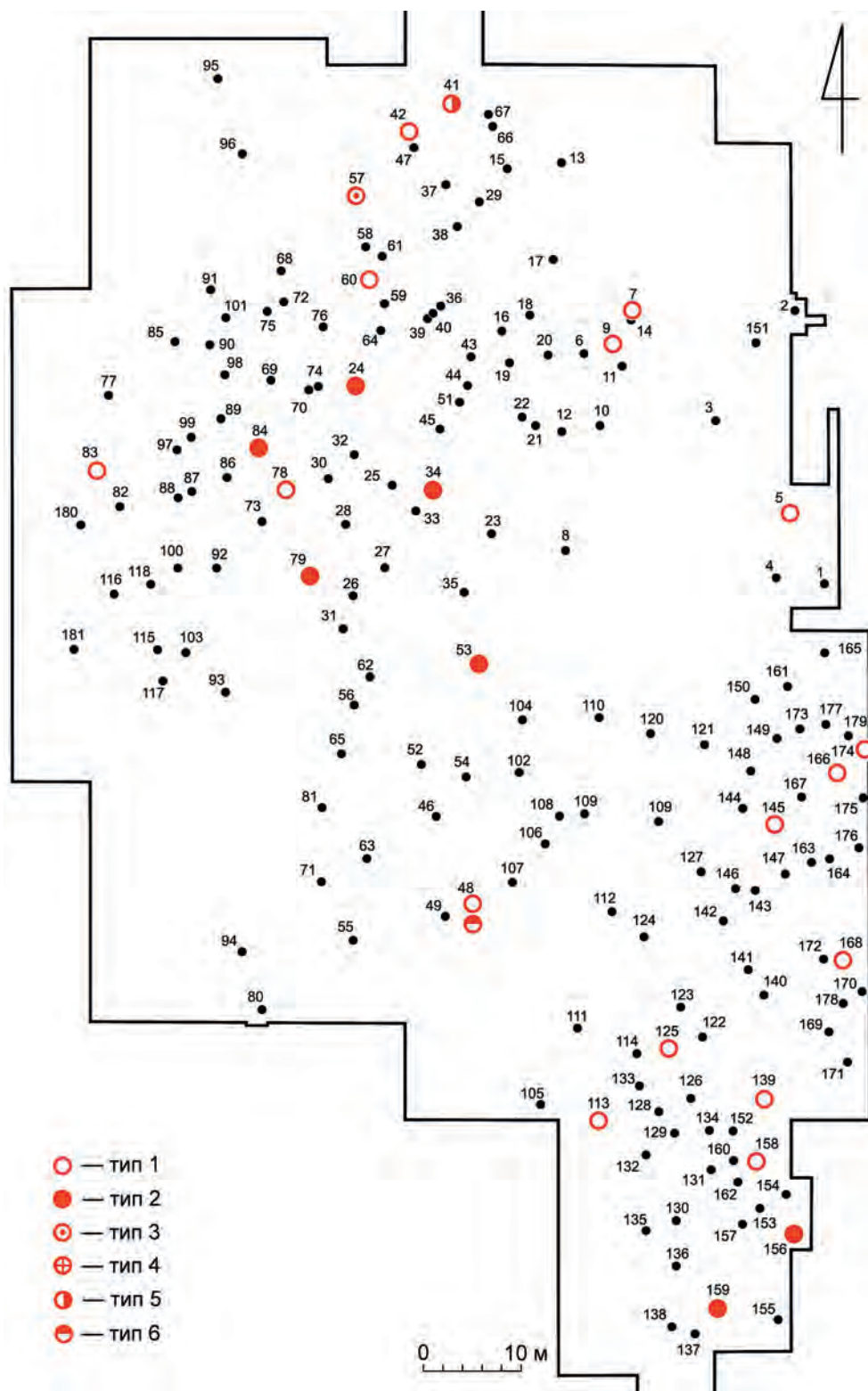

Рис. 4. Горошковский могильник. Расположение типов кольцевых застёжек (сюльгам) (арабские цифры — номера погребений)

Fig. 4. Goroshkov burial ground. Arrangement of penannular brooches' (sulgams') types (Arabic numerals indicate burial numbers)

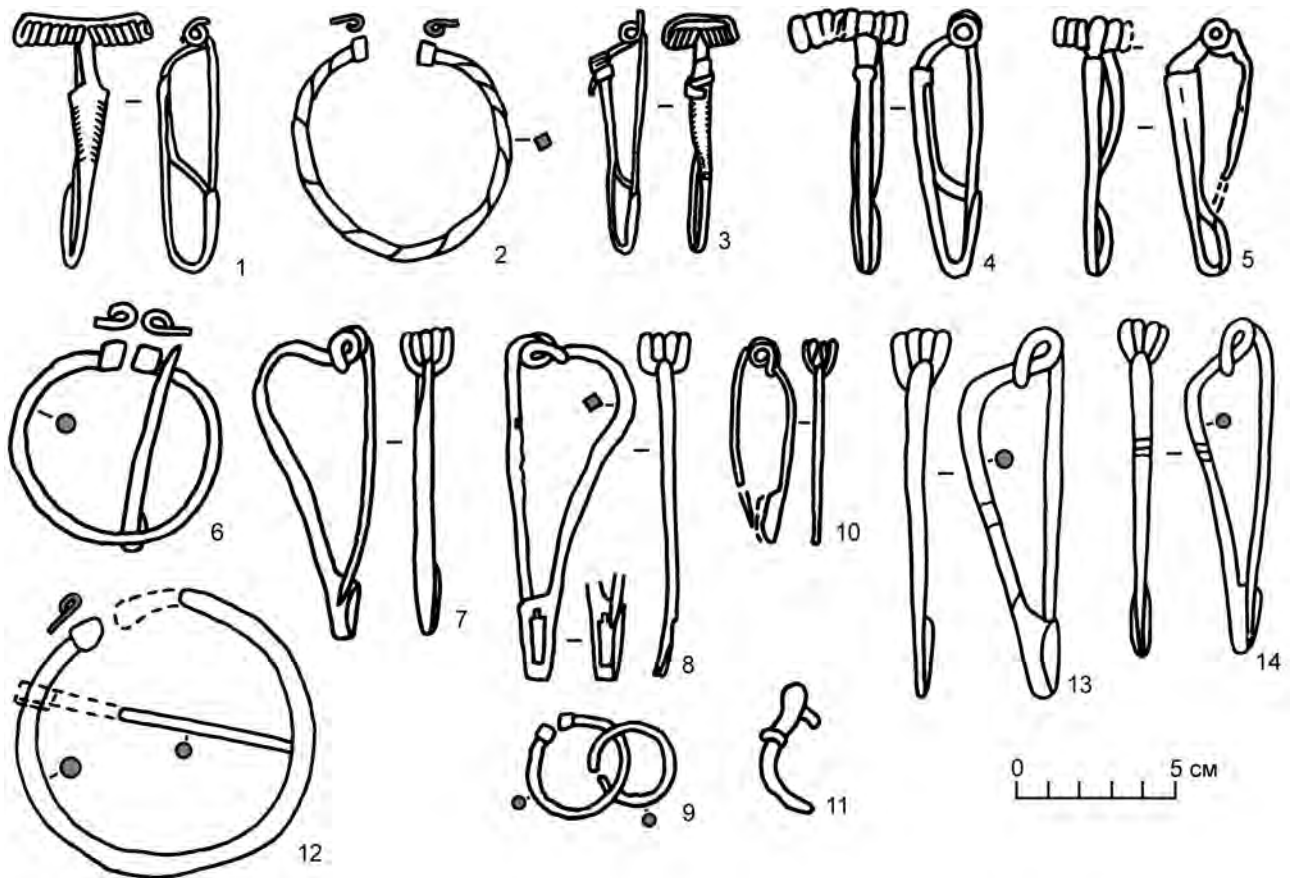

Рис. 5. Чаплинский могильник. Комплексы погребений с кольцевыми застёжками (сюльгамами): 1, 2 — погребение 44а; 3–6 — погребение 117; 7–9 — погребение 129; 10, 11 — погребение 131; 12–14 — погребение 163. 1, 2, 4–8, 11–14 — железо; 3, 9, 10 — бронза

Fig. 5. Chaplin burial ground. Burial complexes with penannular brooches (sulgams): 1, 2 — burial 44a; 3–6 — burial 117; 7–9 — burial 129; 10, 11 — burial 131; 12–14 — burial 163. 1, 2, 4–8, 11–14 — iron; 3, 9, 10 — bronze

[Поболь, 1973. Рис. 25, 4, 5; 38, 15–19; 41, 11, 12, 15, 18, 20; 51, 3–5]

Шукин, 1994. Рис. 6, 21–24; Salač, 2008. S. 78–81, obr. 45). По мнению К. В. Каспаровой, поздняя фаза Чаплинского могильника по фибулам определяется позднелатенским периодом (латен D2) и не выходит за пределы середины I в. н. э. (Каспарова, 1986. С. 9).

Таким образом, подытоживая рассмотрение хронологии кольцевых застёжек, выявленных в могильниках зарубинецкой культуры, можно сделать следующие выводы: 1) как правило они не могут служить узкодатирующим материалом; 2) время их бытования охватывает весь период существования зарубинецкой культуры (в пределах периодов латен C1–D2). Исключение могут представлять застёжки типа 2, которые характерны прежде всего для ранних этапов функционирования Чаплинского и Горошковского могильников.

Происхождение

Экспериментально установлено, что большинство металлических кольцевых застёжек с перпендикулярно завернутыми концами ковались в течение 1–2 часов (Teegen, 1998. S. 346). Простота изготовления позволила предположить, что их появление в различных регионах могло произойти самостоятельно и в разное время (Fowler, 1960. P. 157).

Относительно происхождения кольцевых застёжек зарубинецкой культуры предложено три гипотезы. Согласно первой, выдвинутой Л. Д. Поболем, население зарубинецкой культуры подковообразные фибулы заимствовало у скифов и внесло в их конструкцию свои изменения. Завитые или закрученные концы они стали делать не горизонтально, как скифы, а перпендикулярно плоскости фибулы (Поболь, 1971. С. 105, 108,

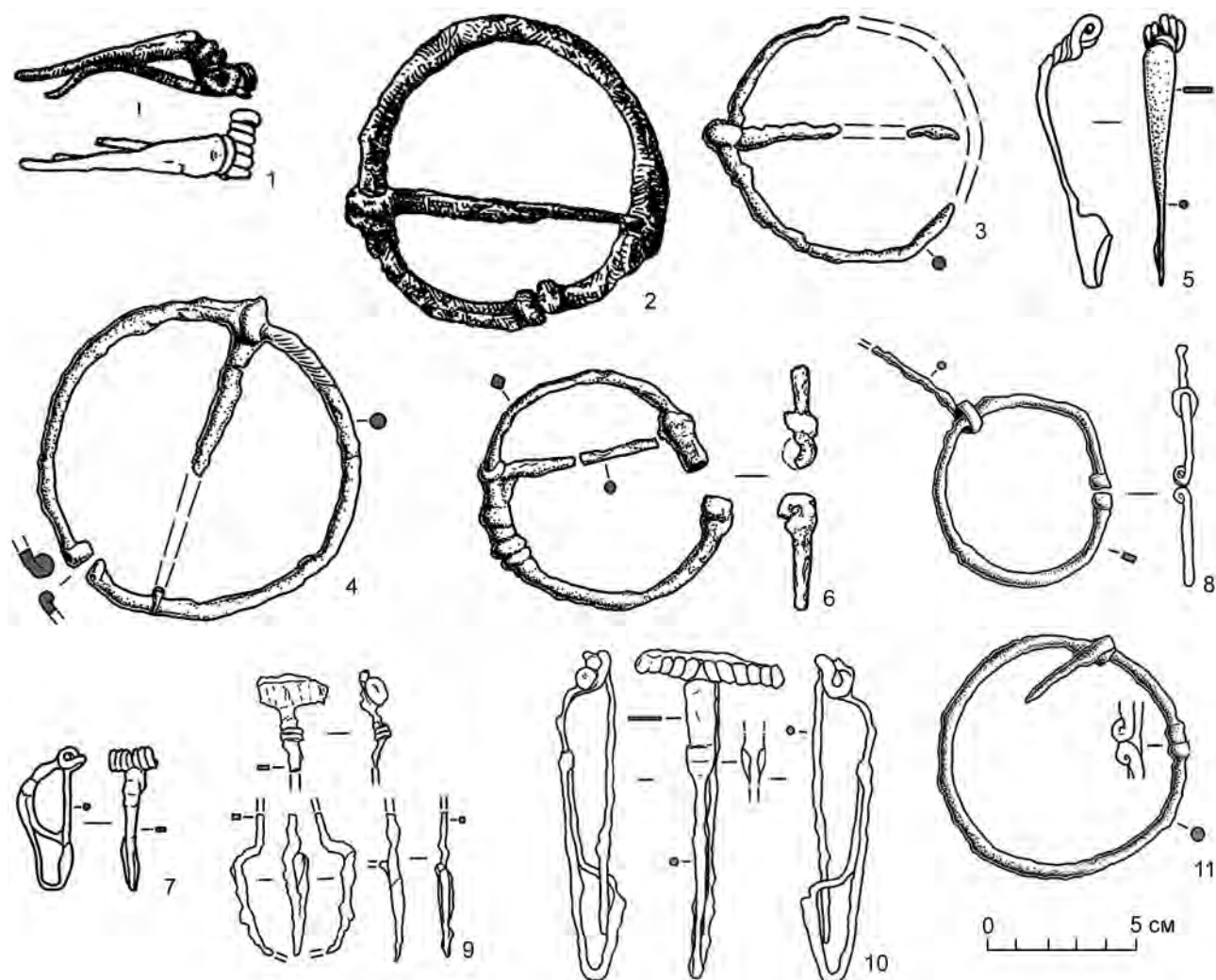

Рис. 6. Горошковский могильник. Комплексы погребений с кольцевыми застёжками (сюльгамами): 1, 2 — погребение 5; 3–5 — погребение 48 (3 — скопление 1; 4 — скопление 3; 5 — скопление 2); 6, 7 — погребение 53; 8, 9 — погребение 156; 10, 11 — погребение 166. 1–3, 5, 6, 8–11 — железо; 4 — бронза и железо; 7 — бронза

Fig. 6. Goroshkov burial ground. Burial complexes with penannular brooches (sulgams): 1, 2 — burial 5; 3–5 — burial 48 (3 — concentration 1; 4 — concentration 3; 5 — concentration 2); 6, 7 — burial 53; 8, 9 — burial 156; 10, 11 — burial 166. 1–3, 5, 6, 8–11 — iron; 4 — bronze and iron; 7 — bronze

[1, 2 — Мельниківська, 1965. Рис. 4, 2, 5]

168, 169). С данной точкой зрения не согласились ленинградские исследователи К. В. Каспарова, Д. А. Мачинский, М. Б. Щукин, указавшие на более многочисленные аналогии зарубинецким «подковообразным фибулам» в восточной части лесной зоны европейской части СССР, среди древностей дяковской и пьяноборской культур, в рязанских могильниках, а также в сарматских памятниках (Каспарова и др., 1976. С. 245). Третью гипотезу высказала Т. Домбровская, найдя аналогии зарубинецким экземплярам в объектах III–I вв. до н. э. Черногории и Словении (Dąbrowska, 1980. S. 325, 326).

Необходимо отметить, что в научной литературе часто путают кольцевые застёжки с перпендикулярно закрученными концами с так называемыми омегавидными фибулами (нем. *Omegafibeln*) (тип В, по Е. Фоулер), бытовавшими в Европе на огромной территории от Британии (Fowler, 1960. P. 151, fig. 1) до Поволжья и Предкавказья (Абрамова, 1993. С. 83, рис. 27, 8, 9) и в зарубинецкой культуре до сих пор не встреченными.

В предшествующее зарубинецкой культуре время основную часть ареала ее распространения занимали памятники милоградско-подгорцевской культуры, в которых кольцевые застёжки

не обнаружены (Мельниковская, 1967; Рассадин, 2005; Лошенков, 2011; Максимов, Петровская, 2008). Последнее обстоятельство позволяет предположить, что эти предметы в Верхнем Поднепровье и Припятском Полесье появились вместе с зарубинецким населением.

В период VII–III вв. до н. э. сюльгамы нетипичны также для памятников днепро-двинской культуры (Шадыро, 1985; Шмидт, 1992), культуры штрихованной керамики (Митрофанов, 1978; Медведев, 1996; Егорейченко, 2006), городищ раннего железного века Подесенья (Каравайко, 2012), Курского Посеймья (Пузикова, 1981; 1997) и Верхнего Поочья (Никольская, 1959). Следовательно, традиция ношения этих украшений не могла быть принесена ни с севера, ни с востока.

Сам факт массовости этих предметов именно в северо-восточной части зарубинецкого ареала (верхнеднепровский вариант) не является аргументом в пользу гипотезы К. В. Каспаровой, Д. А. Мачинского и М. Б. Щукина. Все указанные ими аналогии в Волго-Окском бассейне либо иного типа (омеговидные), либо датируются более поздним временем, чем в зарубинецкой культуре. Особенно это касается городищ дьяковской культуры, где зарубинецким соответствуют застёжки типа 2, по К. А. Смирнову. Самые ранние их образцы датируются I в. до н. э. именно по Чаплину, но в основном бытуют до VI в. н. э. (Смирнов, 1974. С. 47, 48). Н. А. Кренке не исключает, что нижнюю дату этих застёжек, возможно, следует опустить до II в. до н. э. (Кренке, 2011. С. 57). Но эти датировки основаны именно на аналогиях с зарубинецкими образцами.

Мнение В. В. Пилипцевич и Н. Н. Дубицкой (Пилипцевич, 2004. С. 137, 140; Дубицкая, 2023. С. 187, 188) о том, что поступление подковообразных фибул в Верхнее Поднепровье шло с востока, из ареала юхновской культуры, ничем не обосновано. Само существование юхновской культуры в Подесенье позднее III в. до н. э. сомнительно (Каравайко, 2006; Дробушевский, 2006б. С. 14; 2008). Ссылки на известный Андреевский курган в Среднем Поволжье неуместны не только ввиду значительной удаленности этого памятника от зарубинецкого ареала: самые ранние комплексы Андреевского кургана относятся к тому времени, когда собственно классическая зарубинецкая культура прекращает свое существование (Гришаков, Зубов, 2009. С. 41–53). Обратное влияние финно-угорских племен Среднего Поволжья на зарубинецкое население до сих пор не зафиксировано.

Пожалуй, единственный экземпляр II–I вв. до н. э., близкий типу 4 зарубинецких кольцевых застёжек, выявлен в Икском могильнике в Прикамье. Однако и в этом случае датировка произведена на основе аналогий с Чаплином (Голдина, Берни, 2021. С. 484, 492, рис. 9, 36). Других вещей в погребении 19 Икского могильника, где найден указанный предмет, выявлено не было (Ашихмина, Клюева, 1984. С. 46, рис. 3, 37).

Нет никаких оснований связывать проникновение традиции изготовления кольцевых застёжек в зарубинецкую культуру с северо-западных и западных территорий. В предзарубинецкое время на территории Польши рассматриваемые предметы неизвестны (Prahistoria, 1979; Czopek, 1992). В могильниках пшеворской и оксывской культур предримского периода найдены редкие экземпляры так называемых омеговидных кольцевых застёжек (Omegafibeln) (Dąbrowska, 2008. S. 21, 26, 28. рис. 7, 5; Bokinić, 2008. Zest. 2, 11; Mistewicz et al., 2021. S. 118–120), которые в зарубинецкой культуре, как уже отмечалось, отсутствуют.

Кольцевые фибулы (нем. Ringfibeln), близкие зарубинецким экземплярам, известны в ясторфской культуре Центральной и Северной Германии. Однако здесь они бытуют в основном в конце гальштатского и начале латенского периодов (HaD — латен A) (Heunowski, 1998. S. 209–230; 2014. S. 217, fig. 7). Видимо, неслучайно кольцевые застёжки в Польше отсутствуют на ясторфских памятниках, датируемых периодом латен B2–C1 (Woźniak et al., 2013). Датские экземпляры (дат. Ringnaale), на первый взгляд схожие с зарубинецкими, отличаются небольшим диаметром (2,5–4,0 см) и изогнутой в виде лебединой шеи иглой (Becker, 1961; Martens, 1996; 1997). В Великобритании кольцевые застёжки (англ. penannular brooches) с перпендикулярно закрученными концами (тип C, по Е. Фулер) появляются в I в. н. э. (Fowler, 1960. P. 165).

Более перспективным, на наш взгляд, представляется юго-западный и южный пути проникновения традиции изготовления кольцевых застёжек в зарубинецкую среду. Роль юго-западных связей в процессе формирования зарубинецкой культуры неоднократно рассматривала К. В. Каспарова (Каспарова, 1977; 1981). Как уже отмечалось, путь проникновения сюльгам с территории Северо-Западных Балкан в зарубинецкую культуру указывала Т. Домбровская (Dąbrowska, 1980. S. 325, 326). Действительно, из могильника Нин (Хорватия) происходит кольцевая фибула

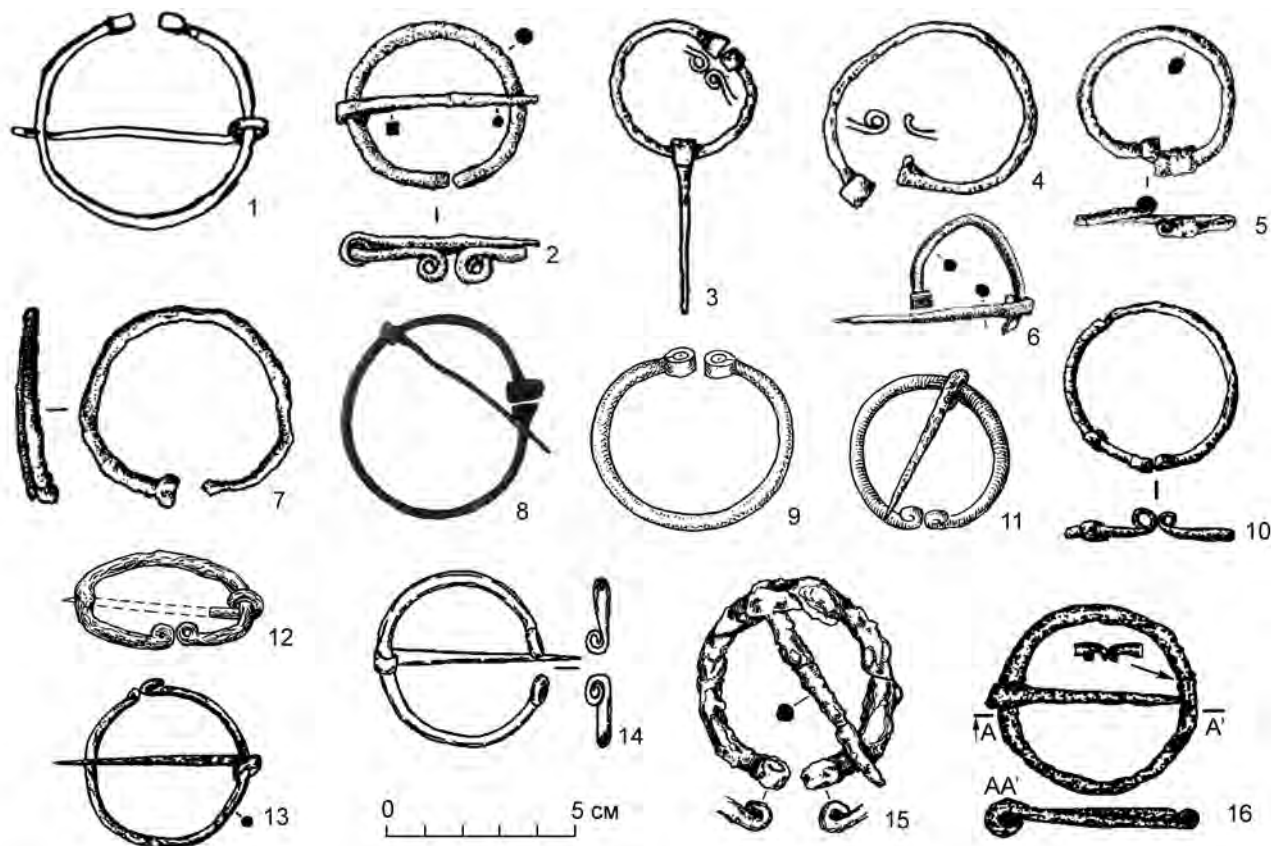

Рис. 7. Аналогии кольцевым застегкам (сьюлгамам) зарубинецкой культуры из сопредельных территорий: 1 — Нин; 2 — Мана III; 3, 4 — Рудь; 5, 6 — Сахарна Большая; 7 — Сахарна Малая; 8 — Григоровка; 9 — Сорока; 10 — Русская Тростянка; 11 — Беляус, могила 90; 12 — Беляус, могила 168; 13 — Беляус, могила 12; 14 — Неаполь Скифский; 15 — Левадки; 16 — Кара-Тобе. 1, 5, 9, 13, 14 — бронза; 2-4, 6-8, 10, 12, 15, 16 — железо; 11 — бронза и железо. 1, 8 — без масштаба

Fig. 7. Analogies to the penannular brooches (sulgams) of the Zarubintsy culture from the adjacent territories: 1 — Nin; 2 — Mana III; 3, 4 — Rud; 5, 6 — Sakharna Bolshaya; 7 — Sakharna Malaya; 8 — Grigorovka; 9 — Soroka; 10 — Russkaya Trostyanka; 11 — Belyaus, grave 90; 12 — Belyaus, grave 168; 13 — Belyaus, grave 12; 14 — Scythian Neapolis; 15 — Levadki; 16 — Kara-Tobe. 1, 5, 9, 13, 14 — bronze; 2-4, 6-8, 10, 12, 15, 16 — iron; 11 — bronze and iron. 1, 8 — without scale

(рис. 7, 1), сходная с зарубинецкими и датированная V фазой либурнской группы (IV-I вв. до н. э.) (Batović, 1987. S. 351, sl. 19, 28).

Наиболее близкие территориально и хронологически аналогии зарубинецким кольцевым застегкам происходят из Пруто-Днестровского междуречья (рис. 7, 2-7), основная часть их датирована фибулами раннелатенской схемы духцовского типа временем с конца IV по первую четверть III в. до н. э. Не исключается бытование этих предметов и в более поздний период, во время культуры Поянешти — Лукашевка (Iarmulschi et al., 2021. S. 63-67). Молдавские экземпляры практически полностью соответствуют типам 1 и 4 зарубинецких кольцевых застегек. Возможно, к предримскому периоду относится железная кольце-

вая застегка (рис. 7, 8) из поселения на плато скифского Григоровского городища на левобережье Днестра на границе с Молдовой (Артамонов, 1955. С. 105, рис. 41, 7). Появление кольцевых застегек в Пруто-Днестровском регионе вместе с раннелатенскими фибулами, видимо, связано с влиянием кельтов Подунавья, у которых кольцевые застегки известны (Pič, 1906. Pl. XXVIII, 3; Gebhard, 1991. Taf. 62, 951).

Кольцевые застегки различных типов характерны для скифских древностей. Бронзовая сьюлгама, близкая типу 4 зарубинецких (рис. 7, 9), выявлена на позднескифском селище Сорока III — начала II в. до н. э. в Южном Побужье (Хавлюк, 1979. Рис. 5, 9). Среди скифских памятников IV-III вв. до н. э. сравнительно многочисленны

«круглые пряжки» с гладкими концами и подвижной иглой (язычком), которые соответствуют типу 3 зарубинецких (Моголов, 2016. С. 46). Традиция изготовления крученых (витых) кольцевых застежек также известна у скифов. В Песочинском могильнике скифского времени близ Харькова в кургане 5 найдена железная «пряжка», близкая редкому типу 5 зарубинецких сьюльгам (Бабенко, 2005. С. 120, рис. 7, 11). Наконец, кольцевые застежки, близкие типу 1 зарубинецких (рис. 7, 10), известны на памятниках скифского времени на Среднем Дону (Либеров, 1965. Рис. 24, 65).

Больше всего аналогов типу 1 зарубинецких кольцевых застежек происходит из Крыма (Пуздровский, 2007. С. 71, рис. 14, I, 9, II, 6; 18, I, 5; 51, 7). К. Хелльстрем объединяет их в вариант VIII.2b кольцевых фибул (нем. Ringfibeln) и почему-то датирует со II в. н. э. (Hellström, 2018. S. 126, 127, taf. 87). Коллективные могилы 90 и 168 Беяусского могильника (рис. 7, 11, 12), в которых найдены железные «пряжки типа сьюльгамы», относятся ко второй половине II — первой половине I в. до н. э., причем самые поздние захоронения в этих могилах были совершены в первой половине I в. до н. э. (Дашевская, Михлин, 1983. С. 136–141, рис. 5, 12; 7, 4). Оба указанных предмета близки типу 1 зарубинецких сьюльгам. К I в. до н. э. отнесена могила 12 Беяуса, где найдена бронзовая «круглая пряжка типа сьюльгамы» (рис. 7, 13), близкая типу 4 чаплинских (Дашевская, 2014. С. 22, 23, табл. 33, 6). Аналогичная бронзовая «пряжка-сьюльгама» (рис. 7, 14) из хозяйственной ямы 34 (восточная часть раскопа А) в Неаполе Скифском датирована I в. до н. э. — началом I в. н. э. (Зайцев, 2003. С. 15, рис. 17, 20). В склепе 96 могильника Левадки (Центральный Крым) в нижнем ярусе захоронений, датированном в пределах последней четверти — конца I в. до н. э., найдена железная сьюльгама (рис. 7, 15), близкая типу 1 зарубинецких (Мульд, Кропотов, 2013. С. 117, 120, 122, рис. 3, 10; 4, 10). Рубежом эр датировано самое раннее погребение 5 могильника Кара-Тобе с железной сьюльгамой (рис. 7, 16), близкой вышеописанным (Внуков, Лагутин, 2001. С. 116, 117, 119, рис. 2, 64). Таким образом, бытование кольцевых застежек на территории Крыма во II–I вв. до н. э. сомнений не вызывает.

На первый взгляд парадоксальным выглядит отсутствие кольцевых застежек в среднеднепровских могильниках зарубинецкой культуры и их массовость в Верхнем Поднепровье. Однако верхнеднепровский вариант зарубинецкой культуры демонстрирует не один подобный «парадокс».

Здесь несопоставимо больше, чем в других регионах зарубинецкой культуры, представлены предметы вооружения и стеклянные бусы, хотя он более удален от воинственных степных кочевников и античных центров Северного Причерноморья (Дробушевский, 2016. С. 56). Видимо, для носителей зарубинецкой культуры Белорусского Поднепровья кольцевые застежки служили важным этноопределяющим признаком, выделяющим их среди соседнего инородного населения, где подобные украшения еще не были в употреблении.

На городищах культуры штрихованной керамики (Васильковка, Горани, Малышки) кольцевые застежки, как предполагается, появляются под влиянием зарубинецких племен (Митрофанов, 1978. С. 27, 36, рис. 13, 6; 22, 22; Медведев, 1996. С. 27, 42, 46, 63, рис. 41, 2; 2011. С. 51, 72; Егорейченко, 2006. С. 86). Аналогичные экземпляры из городищ днепро-двинской культуры (Загорцы, Кострица), скорее всего, относятся к раннему средневековью (Шадыро, 1985. Рис. 40, 3–5; Шадыра, 2006. С. 68). На рубеже новой эры близкие зарубинецким кольцевые застежки известны в Подесенье на Почепском селище (Заверняев, 1969. С. 115, рис. 14, 16, 19, 20). Не ранее (I–II вв. н. э.) эти предметы появляются и в бассейне р. Оки (Воронцов, Столяров, 2022. Рис. 37; Столяров, Радюш, 2020).

По мнению В. Гинтерса, зарубинецкая культура могла сыграть посредническую роль в распространении традиции изготовления и ношения кольцевых застежек в Южнобалтийском регионе (Ginters, 1984. S. 26), где они становятся особенно популярны в римский период и эпоху средневековья (Jończyk, 2013).

Заключение

Фибулы различной конструкции были неотъемлемой принадлежностью костюма носителей зарубинецкой культуры. Кольцевые застежки (подковообразные фибулы) характерны прежде всего для верхнеднепровских, значительно реже полесских, и совсем неизвестны в среднеднепровских зарубинецких памятниках. По форме концов (головок), сечению дрота и материалу, из которого они изготовлены, выделено шесть типов. Наиболее многочисленными являются железные экземпляры с перпендикулярно загнутыми или закрученными концами, изготовленные из круглого (тип 1) и четырехугольного (тип 2) в сечении дрота.

Сьюльгамы бытовали весь период существования зарубинецкой культуры: с конца III — начала II в. до н. э. до середины I в. н. э. Исключение

могут представлять застежки типа 2, которые характерны прежде всего для ранних этапов функционирования Чаплинского и Горошковского могильников.

Отсутствие традиции ношения кольцевых застежек у предшествующего населения VI–III вв. до н. э. Припятского Полесья, Верхнего и Среднего Поднепровья позволяет предполагать, что здесь она появилась вместе с носителями зарубинецкой культуры. Наиболее вероятным марш-

рутом попадания сюльгам к зарубинецкому населению следует считать южное и юго-западное направления при посредничестве гето-фракийцев и скифов. Зарубинецкая культура, вероятно, сыграла важную посредническую роль в распространении традиции изготовления и ношения кольцевых застежек среди северных и восточных соседей.

Статья поступила в редакцию 23 декабря 2025 г.

Абрамова, 1993 — Абрамова М. П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н. э. — IV в. н. э.). М.: ИА РАН, 1993. 240 с.

Артамонов, 1955 — Артамонов М. И. Археологические исследования в Южной Подолии в 1952–1953 гг. // КСИИМК. 1955. Вып. 59. С. 100–117.

Ашихмина, Клюева, 1984 — Ашихмина Л. И., Клюева Г. Н. Икский могильник — новый памятник пьяноборской культуры // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья: Межвуз. сб. науч. трудов. Ижевск: Удмуртский ГУ, 1984. С. 44–53.

Бабенко, 2005 — Бабенко Л. И. Песочинский курганный могильник скифского времени. Харьков: ИД «Райдер», 2005. 284 с.

Внуков, Лагутин, 2001 — Внуков С. Ю., Лагутин А. Б. Земляные склепы позднескифского могильника Кара-Тобе в Северо-Западном Крыму // Поздние скифы Крыма: Сб. / Отв. ред. И. И. Гущина, Д. В. Журавлев. М.: ГИМ, 2001 (Труды ГИМ; Вып. 118). С. 96–121.

Воронцов, Столяров, 2022 — Воронцов А. М., Столяров Е. В. Городище Малая Стрекаловка на левобережье средней Упы // Археологическое наследие. № 1 (5). Воронеж: Изд.-полиграф. центр «Научная книга», 2022. С. 121–180.

Воротинская, Дробушевский, 2016 — Воротинская Л. С., Дробушевский А. И. Археологические исследования Горошковского могильника в 2014 г. // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Мінск: Беларуская навука, 2016. Вып. 27. С. 5–19.

Воротинская, Дробушевский, 2017а — Воротинская Л. С., Дробушевский А. И. Новые исследования на могильнике зарубинецкой культуры около деревни Горошков в Гомельской области // Ранний железный век от рубежа эр до середины I тыс. н. э. Динамика освоения культурного пространства: Материалы науч. конф. / Отв. ред. Д. Г. Савинов. СПб.: Скифия-принт, 2017. С. 38–39.

Воротинская, Дробушевский, 2017б — Воротинская Л. С., Дробушевский А. И. Работы Южно-Белорусской экспедиции на могильнике зарубинецкой культуры Горошков в Гомельской области // АСГЭ. 2017. Вып. 41: Материалы и исследования по археологии Евразии. С. 294–299.

Воротинская, Дробушевский, 2019а — Воротинская Л. С., Дробушевский А. И. Исследования Южно-белорусской экспедиции на зарубинецком могильнике Горошков в 2016 г. // АСГЭ. 2019. Вып. 42: Материалы и исследования по археологии Евразии. С. 260–266.

Воротинская, Дробушевский, 2019б — Воротинская Л. С., Дробушевский А. И. Исследования Южно-Белорусской экспедиции на зарубинецком могильнике Горошков (предварительные результаты) // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Мінск: Беларуская навука, 2019. Вып. 30. С. 173–181.

Голдина, Берни, 2021 — Голдина Р. Д., Берни В. А. Могильники Среднего и Нижнего Прикамья // Археология Волго-Уралья. В 7 т. Т. 3: Ранний железный век. Казань: Изд.-во АН Республики Татарстан, 2021. С. 475–502.

Гришаков, Зубов, 2009 — Гришаков В. В., Зубов С. Э. Андреевский курган в системе археологических культур раннего железного века Восточной Европы. Казань: Институт истории АН Респ. Татарстан, 2009. 173 с.

Дашевская, 2014 — Дашевская О. Д. Некрополь Беляуса. Симферополь: Предприятие Феникс, 2014. 284 с.

Дашевская, Михлин, 1983 — Дашевская О. Д., Михлин Б. Ю. Четыре комплекса с фибулами из Беляусского могильника // СА. 1983. № 3. С. 129–147.

Дробушевский, 1996 — Дробушевский А. И. Погребальные памятники рубежа н. э. Нижнего Посожья // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск: Інстытут гісторыі НАН Беларусі, 1996. Вып. 9. С. 119–129.

Дробушевский, 2006а — Дробушевский А. И. Хронология чечерской группы верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск: Інстытут гісторыі НАН Беларусі, 2006. Вып. 22. С. 66–74.

Дробушевский, 2006б — Дробушевский А. И. О связях населения Нижнего Посожья и Подесенья в раннем железном веке // Традыцыі матэрыяльнай і духоўнай культуры Усходняга Палесся: праблемы вывучэння і захавання ў постчарнобыльскі час: зборнік навуковых артыкулаў. Гомель: Гомельскі ДУ імя Ф. Скарыны, 2006. С. 12–18.

Дробушевский, 2008 — Дробушевский А. И. О верхней дате юхновской культуры // Деснинские древности:

- Материалы Межгос. науч. конф. / Ред. В. П. Алексеев, В. В. Крашенинников. Брянск: Брянский краевед. музей, 2008. С. 96–104.
- Дробушевский*, 2012 — *Дробушевский А. И.* Памятники чечерской группы (типа Кистени — Чечерск) и древности Верхнего Поднепровья периода римских влияний // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 3: Сб. ст. / Под ред. А. М. Воронцова, И. О. Гавритухина. Тула: ГМЗ «Куликово поле», 2012. С. 306–329.
- Дробушевский*, 2016 — *Дробушевский А. И.* Зарубинецкая культура Белорусского Поднепровья // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период. В 2 кн. Кн. 1 / Науч. ред. О. Н. Левко, В. Г. Белец. Минск: Беларуская книга, 2016. С. 38–136.
- Дубицкая*, 2023 — *Дубицкая Н. Н.* Древности Могилевского и Гомельского Поднепровья в I–V вв. Минск: Беларуская навука, 2023. 449 с.
- Егорейченко*, 2006 — *Егорейченко А. А.* Культуры штрихованной керамики. Минск: БГУ, 2006. 207 с.
- Еременко*, 1997 — *Еременко В. Е.* «Кельтская вуаль» и зарубинецкая культура. Опыт реконструкции этно-политических процессов III–I вв. до н. э. в Центральной и Восточной Европе. СПб.: СПбГУ, 1997. 232 с.
- Заверняев*, 1969 — *Заверняев Ф. М.* Почепское селище // Новые данные о зарубинецкой культуре в Поднепровье / Отв. ред. П. Н. Третьяков. Л.: Наука, 1969. (МИА; № 160). С. 88–118.
- Зайцев*, 2003 — *Зайцев Ю. П.* Неаполь Скифский (II в. до н. э. — III в. н. э.). Симферополь: Универсум, 2003. 212 с.
- Каравайко*, 2006 — *Каравайко Д. В.* Бассейн Средней Десны на рубеже эр (Юхново — Почеп) // Археологічний літопис Лівобережної України. Полтава, 2006. № 2. С. 73–78.
- Каравайко*, 2012 — *Каравайко Д. В.* Памятники юхновской культуры Новгород-Северского Полесья. Киев: ИА НАН Украины, 2012. 276 с.
- Каспарова*, 1977 — *Каспарова К. В.* О фибулах зарубинецкого типа // АСГЭ. Л.: Искусство, 1977. Вып 18: Памяти М. И. Артамонова. С. 68–78.
- Каспарова*, 1981 — *Каспарова К. В.* Роль юго-западных связей в процессе формирования зарубинецкой культуры // СА. 1981. № 2. С. 57–79.
- Каспарова*, 1986 — *Каспарова К. В.* Поздняя фаза зарубинецких могильников // Культуры Восточной Европы I тысячелетия / Отв. ред. Г. И. Матвеева. Куйбышев: Куйбышевский ГУ, 1986. С. 3–25.
- Каспарова*, 1993 — *Каспарова К. В.* О времени возникновения зарубинецкой культуры // АВ. 1993. Вып. 2. С. 169–190.
- Каспарова и др.*, 1976 — *Каспарова К. В., Мачинский Д. А., Шукин М. Б.* Рец. Л. Д. Поболь. Славянские древности Белоруссии. Минск, 1971, 1973, 1974 // СА. 1976. № 4. С. 241–253.
- Кренке*, 2011 — *Кренке Н. А.* Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. М.: ИА РАН, 2011. 548 с.
- Кухаренко*, 1961 — *Кухаренко Ю. В.* Памятники железного века на территории Полесья. М.: Изд-во АН СССР, 1961 (САИ; Вып. Д1-29). 116 с.
- Кухаренко*, 1964 — *Кухаренко Ю. В.* Зарубинецкая культура. М.: Наука, 1964 (САИ; Вып. Д1-19). 90 с.
- Либеров*, 1965 — *Либеров П. Д.* Памятники скифского времени на Среднем Дону. М.: Наука, 1965 (САИ; Вып. Д1-31). 74 с.
- Лошенков*, 2011 — *Лошенков М. И.* Городища милоградской культуры на территории Беларуси. Минск: МФЦП, 2011. 408 с.
- Максимов*, 1982 — *Максимов Е. В.* Зарубинецкая культура на территории УССР. Киев: Наукова думка, 1982. 183 с.
- Максимов, Петровская*, 2008 — *Максимов Е. В., Петровская Е. А.* Древности скифского времени Киевского Поднепровья. Полтава: ИА НАН Украины, 2008. 126 с.
- Медведев*, 1996 — *Медведев А. М.* Белорусское Понеманье в раннем железном веке (I тыс. до н. э. — V в. н. э.). Минск: Институт истории АН Беларуси, 1996. 200 с.
- Медведев*, 2011 — *Медведев А. М.* Верхнее Понеманье в железном веке и раннем средневековье. Минск: Беларуская навука, 2011. 350 с.
- Мельниківська*, 1965 — *Мельниківська О. М.* Поселення і могильник зарубинецької культури в Південній Білорусії // Археологія. Київ, 1965. Т. XVIII. С. 196–205.
- Мельниковская*, 1967 — *Мельниковская О. Н.* Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. М.: Наука, 1967. 194 с.
- Митрофанов*, 1978 — *Митрофанов А. Г.* Железный век средней Белоруссии (VII–VI вв. до н. э. — VIII в. н. э.). Минск: Наука и техника, 1978. 160 с.
- Могилев*, 2016 — *Могилев О. Д.* Про один із різновидів пряжок скіфського часу // Археологія. Київ, 2016. № 2. С. 40–59.
- Мульд, Кропотов*, 2013 — *Мульд С. А., Кропотов В. В.* Склеп 96 могильника Левадки (Центральный Крым) // РА. 2013. № 3. С. 114–124.
- Никольская*, 1959 — *Никольская Т. Н.* Культура племен бассейна верхней Оки в I тыс. н. э. М.: Изд-во АН СССР, 1959 (МИА; № 72). 154 с.
- Обломский*, 1983 — *Обломский А. М.* Верхнеднепровский вариант зарубинецкой культуры: Автореф. дис... канд. ист. наук: 07.00.06 — археология / ИА АН СССР. М.: [б. и.], 1983. 20 с.
- Обломский*, 1990 — *Обломский А. М.* Периодизация и характер развития зарубинецкого керамического комплекса Чаплинского могильника // Раннеславянский мир. Материалы и исследования / Отв. ред. С. А. Плетнева, И. П. Русанова. М.: ИА АН СССР, 1990. С. 7–44.

- Пилипцевич*, 2004 — *Пилипцевич В. В.* К вопросу о поздней дате зарубинецкой культуры в Верхнем Поднепровье // *Славянский мир Полесья в древности и средневековье: Материалы Междунар. ист.-археолог. конф. Гомель: Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины*, 2004. С. 134–143.
- Пилипцевич*, 2005 — *Пилипцевич В. В.* К вопросу о датировке оружия из могильников зарубинецкой культуры на территории Беларуси // *Древности Беларуси (железный век и средневековье)*. Минск: Институт истории НАН Беларуси, 2005 (Материалы по археологии Беларуси; Вып. 9). С. 90–97.
- Поболь*, 1969 — *Поболь Л. Д.* Новые данные о зарубинецкой культуре в Поднепровье / Отв. ред. П. Н. Третьяков. Л.: Наука, 1969 (МИА; № 160). С. 119–130.
- Поболь*, 1971 — *Поболь Л. Д.* Славянские древности Белоруссии (ранний этап зарубинецкой культуры). Минск: Наука и техника, 1971. 232 с.
- Поболь*, 1973 — *Поболь Л. Д.* Славянские древности Белоруссии (могильники раннего этапа зарубинецкой культуры). Минск: Наука и техника, 1973. 280 с.
- Поболь*, 1974 — *Поболь Л. Д.* Славянские древности Белоруссии (свод археологических памятников раннего этапа зарубинецкой культуры — с середины III в. до н. э. по начало II в. н. э.). Минск: Наука и техника, 1974. 424 с.
- Пуздровский*, 2007 — *Пуздровский А. Е.* Крымская Скифия II в. до н. э. — III в. н. э. Погребальные памятники. Симферополь: Бизнес-Информ, 2007. 480 с.
- Пузикова*, 1981 — *Пузикова А. И.* Марицкое городище в Посеймье VI–V вв. до н. э. М.: Наука, 1981. 124 с.
- Пузикова*, 1997 — *Пузикова А. И.* Памятники скифского времени бассейна р. Тускарь (Посеймье). М.: ИА РАН, 1997. 126 с.
- Рассадин*, 2005 — *Рассадин С. Е.* Милоградская культура: ареал, хронология, этнос. Минск: Институт истории НАН Беларуси, 2005. 106 с.
- Рассадин*, 2007 — *Рассадин С. Е.* Юхновская культура в белорусско-российском Посожье // *Памятники эпохи железа и средневековья Беларуси*. Минск: Институт истории НАН Беларуси, 2007 (Материалы по археологии Беларуси; Вып. 14). С. 37–53.
- Смирнов*, 1974 — *Смирнов К. А.* Дьяковская культура (материальная культура городищ междуречья Оки и Волги) // *Дьяковская культура: Сб. / Отв. ред. Ю. А. Краснов*. М.: Наука, 1974. С. 7–89.
- Столяров, Радюш*, 2020 — *Столяров Е. В., Радюш О. А.* Клад предметов убора первых веков н. э. из Орловской области // *КСИА*. 2020. Вып. 259. С. 233–246.
- Хавлюк*, 1979 — *Хавлюк П. І.* Пізньюскіфське селище Сорока // *Археологія*. Київ, 1979. № 29. С. 34–54.
- Шадыра*, 2006 — *Шадыра В. І.* Беларускае Падзвінне (I тыс. н. э.). Мінск: Інстытут гісторыі НАН Беларусі, 2006. 150 с.
- Шадыро*, 1985 — *Шадыро В. І.* Ранний железный век северной Белоруссии. Минск: Наука и техника, 1985. 126 с.
- Шмидт*, 1992 — *Шмидт Е. А.* Племена верховьев Днепра до образования Древнерусского государства. I. Днепро-двинские племена (VIII в. до н. э. — III в. н. э.). М.: Прометей, 1992. 208 с.
- Щукин*, 1994 — *Щукин М. Б.* На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н. э. — I в. н. э. в Восточной и Центральной Европе. СПб.: Фарн, 1994. 324 с.
- Batović*, 1987 — *Batović Š.* Liburnska grupa // *Praistorija jugoslavenskih zemalja. Željezno doba / Ed. A. Benac*. Sarajevo: Svjetlost; OOUR Izdavačka djelatnost, 1987. S. 339–390.
- Becker*, 1961 — *Becker C. J.* Førromersk jernalder i Syd- og Midtjylland. København: Nationalmuseet, 1961 (Nationalmuseets skrifter: Større beretninger; Vol. IV). 292 S.
- Bokinić*, 2008 — *Bokinić E.* Kultura oksywska na ziemi chełmińskiej w świetle materiałów sepulkralnych. Toruń: Muzeum Okręgowe, 2008. 442 s.
- Czopek*, 1992 — *Czopek S.* Południowo-wschodnia strefa kultury pomorskiej. Rzeszów: Muzeum Okręgowe, 1992. 220 s.
- Dąbrowska*, 1980 — *Dąbrowska T.* Rec. “O fibulach зарубинецкого типа”, K. V. Kasparova, Archeologičeskij sbornik Ermitaža, t. 18: 1977, s. 68–78 // *Sprawozdania Archeologiczne*. Kraków: Wydawnictwo Instytutu Archeologii i Etnologii Polskiej Akademii Nauk, 1980. T. 32. S. 323–328.
- Dąbrowska*, 2008 — *Dąbrowska T.* Młodszy okres przedrzymski na Mazowszu i zachodnim Podlasiu: zarys kulturowo-chronologiczny. Materiały starożytne i wczesnośredniowieczne. Warszawa: Państwowe Muzeum Archeologiczne, 2008. T. VII. 246 s.
- Fowler*, 1960 — *Fowler E.* The Origin and Development of the Penannular Brooch in Europe // *Proceedings of the Prehistoric Society*. 1960. No. 26. P. 149–177.
- Gebhard*, 1991 — *Gebhard R.* Die Fibeln aus dem Oppidum von Manching. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1991 (Römisch-germanische Kommission. Die Ausgrabungen in Manching; Bd. 14). 224 S.
- Ġinters*, 1984 — *Ġinters V.* Der Ursprung der Ringspangen von östlichem Typ // *Birka / Red. G. Arwidsson*. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1984. T. II: 1. Systematische Analysen der Gräberfunde. S. 23–30.
- Hellström*, 2018 — *Hellström H.* Fibeln und Fibeltracht der Sarmatischen Zeit im Nordschwarzmeergebiet (2. — 3. Jh. n. Chr.) // *Archäologie in Eurasien*. Bonn: Habelt-Verlag, 2018. Bd. 39. 284 S.
- Heynowski*, 1998 — *Heynowski R.* Frühe Ringfibeln in Norddeutschland und Dänemark // *Studien zur Archäologie der Kelten, Römer und Germanen in Mittel- und Westeuropa*. Festschrift für A. Haffner. A. Internationale Archäologie / Hrsg. Müller-Karpe. Rahden/Westf. Leidorf, 1998 (Studia honoraria; Vol. 4). S. 209–230.
- Heynowski*, 2014 — *Heynowski R.* Der Beginn der Eisenzeit in Norddeutschland — Terminologie und vergleichende Chronologie // *Das Jastorf-Konzept und die vorrömische Eisenzeit im nördlichen Mitteleuropa*. Beiträge der Internationalen Tagung zum einhundertjährigen

- Jubiläum der Veröffentlichung der „Ältesten Urnenfriedhöfe bei Uelzen und Lüneburg“ durch Gustav Schwantes (18.–22.05.2011 in Bad Bevensen) / Hrsg. J. Brandt, B. Rauchfuß. Hamburg: Archäologisches Museum, 2014. S. 205–221.
- Iarmulschi et al.*, 2021 — *Iarmulschi V., Băţ V., Zanoci A., Munteanu O.* Zur latènezeitlichen Ringfibeln mit aufgerollten Enden aus dem Prut-Dnister Gebiet // *Ze świata dawnych Barbarzyńców. Studia pradziejowe i wczesnodziejowe.* Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM, 2021. S. 51–71.
- Jończyk*, 2013 — *Jończyk L.* Zapinki podkowiaste w kontekście europejskich analogii // *Sutiejsk. Gród pogranicza polsko-ruskiego z X–XIII wieku. Studium interdyscyplinarne.* Warszawa; Pętkowice, 2013. S. 41–51.
- Liana*, 1970 — *Liana T.* Chronologia względna kultury przeworskiej we wczesnym okresie rzymskim // *Wiadomości archeologiczne.* Warszawa, 1970. T. XXXV, z. 4. S. 429–491.
- Martens*, 1996 — *Martens J.* Die vorrömische Eisenzeit in Südsandinavien. Probleme und Perspektiven // *Praehistorische Zeitschrift.* Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1996. B. 71, Heft 2. S. 217–243.
- Martens*, 1997 — *Martens J.* The Pre-Roman Iron Age in North Jutland // *Chronological Problems of the Pre-Roman Iron Age in Northern Europe.* Copenhagen: Danish University Press, 1997. P. 107–136.
- Mistewicz et al.*, 2021 — *Mistewicz A., Maciałowicz A., Woźniak M.* Dąbek, stan. 9 — nekropola kultur przeworskiej i wielbarskiej na północnym Mazowszu. Światowit. Warszawa: Wydział Archeologii UW, 2021 (Supplement Series B: Barbaricum; Vol. 14). 399 s.
- Piç*, 1906 — *Piç J. L.* Le Hradischt de Stradonitz en Bohême. Leipzig: Karl W. Hiersemann, 1906. 135 S.
- Prahistoria*, 1979 — *Prahistoria ziem polskich. T. IV: Od środkowej epoki brązu do środkowego okresu lateńskiego.* Wrocław: Zakład Narodowy imienia Ossolińskich wydawnictwo PAN, 1979. 360 s.
- Salač*, 2008 — *Salač V.* Starší doba římská // *Archeologie pravěkých Čech. 8. Doba římská a stěhování národů / Ed. V. Salač.* Praha: Archeologický ústav AV ČR, 2008. S. 17–126.
- Teegen*, 1998 — *Teegen W.-R.* Die germanischen Ringfibeln der römischen Zeit // 100 Jahre Fibelformen nach Oscar Almgren. Internationale Arbeitstagung (25–28 Mai 1997 Kleinmachow, Land Brandenburg) / Hrsg. J. Kunow. Wünsdorf: BLDAM, 1998 (Forschung zur Archäologie im Land Brandenburg; Bd. 5). S. 339–349.
- Woźniak et al.*, 2013 — *Woźniak Z., Grygiel M., Machajewski H., Michałowski A.* The Jastorf Culture in Poland. Oxford: BAR Publishing, 2013 (British Archaeological Reports. International Series 2579). 103 p.

Penannular brooches (sulgams) in the burial grounds of the Zarubintsy culture

L. S. Vorotinskaya, A. I. Drobushesky⁶

Keywords: fibulae, penannular brooches, sulgam, Zarubintsy culture, Chaplin, Goroshkov, La Tène

Fibulae of various designs were an integral part of the Zarubintsy culture's attire. Penannular sulgam brooches (horseshoe-shaped fibulae) are characteristic primarily of the Upper Dnieper, much less frequently of the Poliesie, and are completely unknown in the Middle Dnieper Zarubintsy sites. Six types are distinguished based on the shape of the ends (heads), the cross-section of the rod, and the material from which they are made. The most numerous are iron specimens with perpendicularly curved ends, made from round (type 1) and rectangular (type 2) rods.

Penannular sulgam brooches were in use throughout the entire period of the Zarubintsy culture, from the late 3rd to early 2nd cent. BC to the mid-1st cent. AD (La Tène C1–D2). The exception is the type 2 brooches, which are characteristic primarily of the early stages of the functioning of the Chaplin and Goroshkov burial grounds.

The absence of the tradition of wearing penannular brooches among the preceding populations of the Pripyat Polesie and Upper and Middle Dnieper regions in the 6th–3rd cent. BC suggests that this tradition emerged with the Zarubintsy culture.

The most likely route for the introduction of penannular brooches-sulgams to the Zarubintsy population was from the south and southwest, via the Geto-Thracians and Scythians.

The Zarubintsy culture probably played an important intermediary role in spreading to their northern and eastern neighbors the tradition of penannular brooches-sulgams' making and wearing.

⁶ Larisa S. Vorotinskaya — State Hermitage Museum, St. Petersburg; e-mail: larissadm@mail.ru. Alexander I. Drobushesky — independent researcher, St. Petersburg; e-mail: adrobush@yandex.ru.

Херсонес Таврический и варвары: о системе взаимоотношений¹

С. В. Ушаков²

Аннотация. В статье рассматривается система взаимоотношений Херсонеса Таврического с варварским окружением с момента основания и на всем протяжении его античной истории, которая в значительной степени определяла особенности его исторической судьбы. Сделано это с опорой на письменные, эпиграфические источники и материалы археологии, а также с учетом историографии и новых данных.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, Юго-Западный Крым, Херсонес Таврический, варвары, тавры, скифы, сарматы, готы, гунны

DOI 10.31600/1817-6976-2026-50-146-154

Традиционное исследование (и изложение) истории «большой» античности в Средиземноморье обычно концентрируется на внутренней ситуации в Элладе, Риме или их регионах. «Варварский» мир никуда не делся, но он находился на границе Ойкумены или еще дальше. И этот мир очень разный: наряду с типичными варварами — скифами, сарматами, позже германцами — к ним относили даже цивилизованные, но совсем другие народы, к примеру персов. Такая трактовка скорее свойственна европейской научной традиции.

Если же исследовать исторический процесс как всемирный, пусть и только для античной эпохи, то нужно было бы рассматривать его как систему взаимоотношений всех его «участников» в Европе и Средиземноморье (нескольких «миров») (например: *Щукин*, 1994. С. 15–35). Отечественная, как дореволюционная, так и советская и постсоветская, историография исходит как раз из системы их взаимоотношений³. Несомненно,

это не только наша научная, но и цивилизационная традиция — так формировалось и развивалось Российское государство и его культура, если последний термин мы будем понимать в самом широком смысле. И в этом отношении академик М. И. Ростовцев буквально двумя гениальными словами охарактеризовал геостратегическую ситуацию в античном Северном Причерноморье — «Скифия и Боспор», ставшими настоящим символом отечественной научной традиции, которая получила в дальнейшем всеобъемлющее развитие (например: *Мордвинцева*, 2016). Конечно, тема «Херсонес и варвары» в отличие от нее не звучит и не выглядит столь всеобъемлюще, однако стоит еще раз рассмотреть ситуацию с Таврическим Херсонесом именно с этой точки зрения, а именно как систему взаимоотношений. При этом греческий полис, превращающийся в «территориальное государство» всего Западного Крыма, выходит на ведущую позицию в этой «двуединности». Правильным было бы рассмотреть эту

отношению первобытной периферии с античным миром как раз на примере Европы, автор которой кратко рассматривает ее в контексте трех важнейших исторических событий: греческой (и финикийско-карфагенской) колонизации, экспансии Рима и Великого переселения народов. Далее выделяются основные последствия греческой колонизации для первобытной периферии и ее обратное воздействие. Подобным образом рассматривается ситуация вплоть до конца античной эпохи, что имеет существенное значение для темы «Херсонес и варвары».

¹ Статья подготовлена по плановой теме ИА Крыма РАН «Варварские сообщества Крыма в раннем железном веке: эволюция и трансформация»; персональная подтема: «Варвары Юго-Западного Крыма, Северного Причерноморья и Херсонес Таврический: система взаимоотношений».

² Институт археологии Крыма РАН, Симферополь, Республика Крым; e-mail: yshakovsv@list.ru.

© Ушаков С. В., 2026

³ Здесь уместно вспомнить давнюю уже работу А. М. Хазанова (*Хазанов*, 1971), посвященную взаимо-

систему на всем протяжении херсонесской античной истории — в таком аспекте она еще не излагалась. Понятно, что это требует подробного развернутого изложения, но в рамках статьи возможно сконцентрировать внимание только на ее основных аспектах. При этом стоит обратиться как к «традиционной» историографии (см.: *Зубарь*, 2004), так и к новым исследованиям.

Своеобразным «нулевым» этапом этой системы взаимоотношений будет называемый ранее доколониационным период истории юго-западной части Древней Таврики («большого» Херсонеса). Здесь, на месте будущего дорически-ионического «малого» Херсонеса, располагались дикие тавры — представители кизил-кобинской культуры (ККК) (*Виноградов, Щеглов*, 1990. С. 314), а не мариандины-земледельцы на южном берегу Черного моря, с которыми встретились гераклеоты из херсонесской метрополии при основании своего полиса (*Фролов*, 1981. С. 22 и след.). Осмысление такой исторической ситуации стало основой формирования дорийской модели колонизации (см.: *Виноградов, Щеглов*, 1990. С. 314–316, 369–371; *Рогов*, 1999, там же основная литература). Что касается историографии, то в ней превалирует точка зрения о местном (доиранском индоарийском — *Щеглов*, 1981. С. 208) происхождении тавров не без участия северокавказского, фракийского или северопричерноморского компонента (*Власов*, 2021. С. 131, 132; со ссылками на литературу). В соответствии с этой моделью традиционно и описывалась дальнейшая история Херсонеса (*Виноградов, Щеглов*, 1990. С. 314–316, 369–371).

Так, с момента основания Херсонесского полиса начался первый этап взаимоотношений, запустивший «систему» взаимодействия херсонесских апойков с аборигенами. Древние авторы, начиная с Геродота, как известно, характеризовали крымских тавров, живущих в этой гористой части Скифии — Таврике, крайне нелюбезно: убивают пленников, «голову натывают на кол, тело же сбрасывают вниз с крутизны», и «живет сей народ грабежом и войною», отмечал Отец истории (*Herod.*, IV.103), а по Псевдо-Скимну они — «народ многочисленный и любят кочевую жизнь в горах; по своей жестокости они варвары и убийцы и умилостивляют своих богов нечестными деяниями» (*Ps.-Scymn.*, 822–834). Еще одно их занятие — пиратство, а удобное место для этого — бухта Символов («Символон Лимен» — ныне Балаклавская бухта), «с узким входом, где тавры (скифское племя) собирали свои разбойничьи

банды, нападая на тех, кто спасался сюда бегством» (*Strabo*, VII.4.2), то есть нападая на проходящие мимо или укрывающиеся при непогоде корабли. Они крайне воинственны, и по сообщению Полиена «...всегда, намереваясь приготовиться к бою, вскапывают позади себя дороги и, сделав их непроходимыми, таким образом сражаются, чтобы, не имея возможности бежать, победить или погибнуть» (*Polyaen.*, *Strategem.* VII.46).

Археологически тавры представлены в юго-западном горном Крыму примерно 60 могильниками ККК VI–V вв. до н. э. (*Власов*, 2021. С. 137). Их поселения, обычно датируемые более широко (в пределах от IX до IV–III вв. до н. э.) (*Лесков*, 1965. С. 9, 13, 91–132, рис. 34; *Крис*, 1981. С. 10–12), располагались не в горах, а в предгорном Крыму. В юго-западной части полуострова и в районе Севастополя открыто несколько десятков поселений и могильников ККК (Херсонес Таврический..., 2005. С. 547–553), при этом отмечается, что на Гераклейском полуострове и в Балаклавской долине их могильники не обнаружены (*Там же*. С. 54–56, рис. 7). Кроме того, кизил-кобинская керамика встречена и на территории самого Херсонесского городища, где она связывается с варварским поселением на месте будущей греческой апойки (*Сенаторов*, 2000).

Отношения греков-первопоселенцев с воинственными туземцами, судя по всему, действительно складывались крайне сложно. В ходе разведок Л. Н. Соловьева, Е. Н. Жеребцова и О. Я. Савели на кромке Сапун-горы был выявлен ряд варварских (таврских) селищ (Энергетик, ДСК, Октябрьское и др.) и располагавшиеся неподалеку античные укрепления (Таш-Куле, Сапун-гора) (*Тюрин, Филиппенко*, 2022. С. 201). Вследствие этого О. Я. Савеля сделал предположение о зависимости от Херсонесского полиса части варваров, проживавших на его восточных границах (*Савеля*, 1979; *Рогов*, 1999. С. 120). Однако на этих поселениях встречена, как отмечал Е. Я. Рогов, не только кизил-кобинская керамика, но и фрагменты сосудов скифского типа (*Рогов*, 1999. С. 120). Впоследствии В. М. Зубарь подверг концепцию О. Я. Савели жесткой критике, основанной на внимательном рассмотрении его полевых материалов из археологических отчетов о разведках этих поселений, и доказал, что таврские могильники там отсутствовали, а тавры в результате завершения размежевки Гераклейского полуострова были вытеснены за его пределы (*Зубарь, Кравченко*, 2003. С. 71–75, там же ссылки на литературу и отчеты), как ранее случилось на Маячном полуострове (*Золотарев*, 2005. С. 19, 20).

В противовес этому С. Ю. Сапрыкин как аксиому принял, что часть таврского населения жила там (вдоль границ размежевания полисной хоры по линии Балаклава — Инкерман — Сапун-гора (IOSPE I², 352)) в качестве паройков, то есть оседлых зависимых земледельцев (см.: *Pippidi*, 1959. С. 91, 93; там речь идет о времени Диофанта): «Теперь они не только обрабатывали участки херсонесских граждан как сезонные рабочие — эргаты, но и платили дань (форос или синтаксис) всей гражданской общине херсонесцев как полузависимое население» (*Сапрыкин*, 2018. С. 385). Думается, что обе эти точки зрения (О. Я. Савели и С. Ю. Сапрыкина) в настоящее время не имеют оснований. Недавно А. А. Филиппенко и М. И. Тюрин вновь вернулись к этому вопросу и сделали выводы о непрерывном существовании этих варварских поселений в период от поздней классики до эпохи Митридата, а какую-либо зависимость от Херсонеса, по их мнению, подтвердить невозможно (*Тюрин, Филиппенко*, 2022).

Возвращаясь к вопросу о включении тавров в состав населения античного Херсонеса (*Стржеleckий*, 1948), можно констатировать, что в настоящее время совершенно нет оснований для такого утверждения, прежде всего из-за наличия скорченных погребений (*Зубарь*, 2004. С. 17, 18) в северном некрополе города, связываемых ранее с варварами (*Белов*, 1938. С. 163–195; *Рогов*, 1999, там же основная литература). Там можно выделить два хронологических пласта погребений — ранний (первая половина — середина V в. до н. э.) и поздний (не позже конца IV в. до н. э.), с мусорным слоем, в который и были впущены скорченные захоронения, погребальный обряд которых был всего лишь традицией отдельной группы равноправного греческого населения (а отнюдь не тавров) (ср.: *Зубарь*, 2004. С. 18, 19). Нет существенных различий в погребальном обряде и по сравнению с другими участками Херсонесского некрополя (*Рогов*, 1999. С. 125–129). Главный вывод Е. Я. Рогова по результатам анализа всего материала остается в силе до сего дня, и его стоит процитировать: «...ни лепная керамика, ни погребальные сооружения, ни погребальный обряд не позволяют сделать вывода о присутствии сколько-нибудь значительных групп варварского населения в городе, равно как и о наличии долговременных и устойчивых связей Херсонеса с варварским окружением» (*Рогов*, 2002. С. 151).

Что же касается взаимоотношений с «классическими» скифами, то у нас совсем немного материала, чтобы об этом судить. Конечно, на территории Херсонесского городища в нижних сло-

ях находили единичные фрагменты керамики «скифского» типа. В. Ф. Столба собрал все возможные сведения о скифах в Херсонесе, и один из его важных выводов заключается в том, что среди имен херсонеситов иранские имена отсутствуют (*Столба*, 1991. С. 5; *Рогов*, 1999. С. 129). И со степными «классическими» скифами у Херсонеса были непростые отношения, хотя до прямых столкновений дело не доходило. Но все-таки именно из-за скифской угрозы и необходимости выплаты дани (характер которой дискусионен) (см.: *Кутайсов*, 2013. С. 182, рис. 116) Керкинида, понимая, что самой ей не выстоять, вынужденно стала частью Херсонесского государства (*Золотарев*, 2005. С. 21–23).

Серьезным, если не кардинальным, образом историческая ситуация изменилась в III в. до н. э., когда на рубеже первой — второй четвертой этого столетия Херсонес вступил в полосу масштабных перемен, связанных, несомненно, с вторжениями новых орд варваров (имеются в виду сарматы) с Востока, а может быть, и не только их (*Виноградов и др.*, 1997; *Виноградов, Марченко*, 2014; *Виноградов*, 2023). Так или иначе значительная часть греческих поселений на Тарханкутском полуострове, в районе Керкиниды, а также многие поселения и усадьбы на ближней хоре Херсонеса были разрушены, чему есть и многочисленные археологические свидетельства (основная литература об этом: *Золотарев, Туровский*, 1990; *Симоненко*, 2018; *Ушаков и др.*, 2021. С. 223–227). По мнению Е. Я. Туровского первый разрушительный набег на территорию Херсонесского государства варвары совершили около 275 г. Именно так он интерпретировал сокрытие группы кладов серебряных и медных монет на Гераклеиском полуострове в это время (*Ушаков, Туровский*, 2021. С. 195). Справиться с мощным военным давлением варваров у Херсонеса не было сил. Свидетельством их агрессии может являться и надпись о неожиданном нападении на участников религиозной церемонии «несения Диониса» за пределами города (IOSPE I², 343). Оригинальный, хотя, возможно, и спорный вариант ее реконструкции (см.: *Симоненко*, 2018. С. 31) предложил в свое время Ю. Г. Виноградов (*Виноградов*, 1997а). По его версии близлежащие тавры напали на жителей Херсонеса, отправившихся собирать урожай винограда в месяц дионисий, что произошло в преддверии очередного вторжения сарматов (около 280 г. до н. э.), о чем свидетельствует тщательно реконструированный исследователем текст надписи (*Там же*. С. 111–121). Цитирую только его важнейшую

в данном контексте ее часть: «[лица] свободного состояния отправились вместе с детьми [и женами для] уборки урожая [в месяц] дионисий, поскольку неожиданно устроили [набег соседние] варвары, и [готовилось вторжение (?)] полчищ сарматов, [так что ввергнутые во всяческие опасности (?)] свободные [лица рисковали, будучи захвачены теми же самыми варварами (?)], быть вывезенными на продажу [в Сарматии (?)]...» (Там же. С. 121). Даже если в этом отрывке главным действующим лицом были и не сарматы — налицо возрастающая угроза (и реализация) нападения окрестных варваров, с чем, по-видимому, связано и возведение в юго-восточной части оборонительной линии Херсонеса так называемой цитадели площадью около 0,5 га.

Новый этап политических, военных и экономических потрясений около середины — начала второй половины II в. до н. э. начался из-за столкновений с крымскими скифами (Зубарь, 2004. С. 95–99; Херсонес Таврический..., 2005. С. 243–246), в сложении царства которых, по заключению А. И. Иванчика, помимо скифских элементов, сыграли свою роль оседлые тавры, греки и эллинизированное население Северо-Западного Крыма. Причиной же этих столкновений, которые позднее превратились в серию войн, называемых Диофантовыми (Щеглов, 1976), скорее всего, была борьба за выход к морю, то есть за торговые порты (Иванчик, 2017. С. 54, 55). Если говорить о непосредственном итоговом результате этих столкновений, то стоит привлечь еще один перевод Ю. Г. Виноградова, в данном случае плохо сохранившейся части декрета в честь Диофанта: «...[Палак и иже с ним] бежали, а все прочие скифы должны были совещаться с ним (то есть с Диофантом. — Ю. В.) об их [государственном устройстве]» (Виноградов, 19976. С. 75). В любом случае, Херсонес надолго избавился от многолетней скифской угрозы, и его благодарные жители поставили на Агоре конную статую понтийскому стратегу. А для Херсонеса в итоге военно-политическая ситуация во времена Митридата VI Евпатора изменилась кардинальным образом: ради сохранения основ государственности пришлось поступиться значительной частью суверенитета, зато о скифской угрозе можно было забыть.

В следующую эпоху Херсонесский полис, балансируя между Римом и Боспором (с 63 г. до н. э. по первую половину I в. н. э.), а затем, находясь под протекторатом Римской империи (примерно с середины I в. по середину III в.) (Дорошко, 2012), сумел как бы «снивелировать» варварскую опас-

ность, кроме почти неистребимого пиратства. О чем можно судить, например, по значительному числу дорогих античных вещей, предметов культового назначения, монет и др., которые были обнаружены Н. Г. Новиченковой в варварском святилище на перевале Гурзуфское седло (расцвет которого приходится на последние десятилетия I в. до н. э. — середину I в. н. э.) (Новиченкова, 2015. С. 41–53, рис. 64, 77, 80–88; 187–211).

В то же время усилилось давление на Херсонес так называемых тавроскифов, зависимость которых от боспорских царей ослабла в результате римско-боспорской войны 45–49 гг. н. э. (Сапрыкин, 2005. С. 63). Скифские «следы» примерно этого времени на Гераклеяском полуострове отмечала Г. М. Николаенко (Николаенко, 2019). Однако в результате похода середины 60-х гг. н. э. Тиберия Плавтия Сильвана Элиана (Дорошко, 2012) «царь скифов был отогнан от осажденного им Херсонеса, что за Борисфеном» (CIL, XIV, 3608). К этому можно добавить также находки керамических легионных клейм на черепице и кирпичях с различной аббревиатурой (всего 16 типов: VEMI, VEM, OPUS NOV, LEG V MAC, и другие, среди которых VEX/G RAV SP — «вексилляция центуриона Равония Сперата»), найденных в районе Харакса (Сарновски, 2017. С. 362–365). Херсонесу в это время пришлось отражать очередной налет окрестных варваров (сарматов или тавроскифов) (IOSPE I², 369). Еще один эпиграфический документ — текст похвальной песни (энкумии) — повествует о походе боспорян через Таврику в район Херсонеса и разгроме войска алан около 92 г. н. э. (Виноградов, Шестаков, 2005. С. 43; Сапрыкин, 2005. С. 46, 55–57, 59). При этом возможен, по С. Ю. Сапрыкину, союз между скифами Таврики и аланами (Там же. С. 64), однако в итоге земли варваров были взяты, при поддержке римлян, под контроль Херсонеса и Боспора (Там же. С. 74, 80).

Кроме того, там же обнаруживаются довольно многочисленные детали римского военного снаряжения (Масякин, Турова, 2023, там же основная литература). Они отнюдь не случайны, так как в Херсонесе к 116/117 г. н. э. появился римский гарнизон. Об этом свидетельствует датировка последними годами правления Траяна херсонесского надгробия вольноотпущенников Тита Цинция Базилеса и Публия Ведия Трепта, убитых таврами (IOSPE I², 562), и алтаря бенефициария Умидия Квадрата 118/119–121/122 гг. н. э. (IOSPE I², 674), обнаруженного на Хараксе. Конечно, римляне были вынуждены применять военные силы для защиты Херсонеса от варваров (Сапрыкин, 2012).

О некоей временной стабилизации обстановки можно судить по договору 193 г. н. э. между правителем Боспора Савроматом II и римскими властями при возможном участии Херсонеса (КБН, 1965. № 1237). В это же время складывается всеобъемлющая система взаимоотношений Херсонеса с варварами Юго-Западного Крыма, прежде всего экономического и культурного свойства.

Позднее, в 20–30-е гг. III в. (судя по нумизматическим материалам) херсонеситы оставляют Гераклейский полуостров, возможно, из-за нападения алан (Пуздровский, 1999. С. 217). К этому времени в Юго-Западном Крыму появились первые германцы, которые, по заключению О. В. Шарова, еще со II в. (судя по хронологии части вещей) проложили дорогу более поздним переселенцам во времена «Скифских войн» III в. (Шаров, 2019. С. 331, 335). Позднее появились характерные памятники типа Харакс — Чатыр-Даг, представленные кремациями в ямах и сосудах, наконечниками копий, согнутыми в ритуальных целях мечами, железными топорами, умбонами щитов, краснолаковой и лепной керамикой. Эта культура сложилась, как считается, после военных походов в результате взаимодействия переселенцев из Скандинавии с местными жителями (Мыц и др., 2006. С. 185–188). Хотя вопрос по поводу кремаций (Свиридов, 2023), которые появились здесь в это время, не так прост. Ю. П. Зайцев пришел к выводу, что они в целом отражали не этническую, а социальную сторону погребального обряда (Зайцев, 2024).

В позднеантичную эпоху (во второй половине IV — первой половине VI в.) завершается процесс вхождения Херсонеса (с V в. — как Херсона) в состав Восточной Римской империи. При поддержке центральных властей он доминирует в Таврике, поддерживая союзные отношения с окрестными варварами (готами и аланами). Частично итогом взаимодействия стало сложение в Юго-Западном Крыму новой этнокультурной общности, называемой в литературе по-разному, в том числе «типа Суук-Су» (так по могильнику, открытому в начале XX в.) (Харузин, 1890. С. 5, 6; Репников, 1906; 1907; 1909. С. 105–111). Свообразным выражением этой культуры стали склепы с длинными дромосами (входными ямами) (см.: Айбабин, Хайредино-ва, 2017. Рис. 37, 61–64; 153; цв. 11) и подбойные могилы (Там же. Рис. 38). Из вещевых материалов чрезвычайно показательны большие орлиноголовые пряжки, пряжки с крестами, пальчатые и двупластинчатые большие фибулы (Там же. Рис. 98, 1; 99, 1; 102, 1; 125, 3; 126; 164; 165, 4, 5, 9; цв. 12;

15, 2, 4; 16, 4 и др.), что лучше всего демонстрируют женские костюмы (Там же. Рис. 170–175). Об историко-политических результатах позже написал византийский писатель Прокопий из Кесарии, который сообщал: «Здесь же, на этом побережье есть страна Дори, где с давних времен живут готы, которые не последовали за Теодорихом, направившимся в Италию...». Упоминаются в тексте далее и «длинные стены», и две построенные для защиты византийцами союзных готов-федератов крепости — «Алуста и в Горзубитах» (современные Алушта и Гурзуф) (Proc. De Aedificiis III.VII.10–17). Этот пассаж Прокопия вызвал, как известно, длительную дискуссию по поводу места расположения Дори — на южном берегу или в глубине полуострова (Айбабин, Хайредино-ва, 2017. С. 10–25). Впрочем, некоторые памятники в округе Херсонеса, близкие этнокультурно, могли и не входить собственно в эту область, как, например, могильник Карши-Баир возле пос. Верхнесадового (Ушаков, 2024), оставленный аланами, которые утвердились здесь уже в гуннскую, точнее постгуннскую, эпоху.

В финале позднеантичной — ранневизантийской (переходной) эпохи (вторая половина VI — первая треть VII в.) к варварам Дори добавляются тюрки (тюркуты), в 580 г. осаждавшие, но не взявшие Херсон. Позднее хозяевами крымской степи стали болгары-тюрки как союзники империи. Херсонес — Херсон становится центром одноименной провинции и церковной епархии. Завершается процесс его христианизации. Новую веру принимает и окрестное население (аланы и готы).

В Юго-Западном Крыму обнаружены и памятники собственно гуннов. Это захоронения на пустующем уже могильнике Усть-Альма (Труфанов и др., 2023), отдельные предметы из могильника Сахарная Головка, круглые сооружения, открытые на Гераклейском полуострове (Ушаков, 2025б. С. 693, табл. 1).

Одна из важных проблем истории и археологии позднеантичного — ранневизантийского Херсонеса (IV — начало VII в.) — присутствие в составе его населения варваров. В работах А. Л. Якобсона (Якобсон, 1959), А. И. Айбабина (Айбабин, 1990; 1999), М. М. Казанского (Kazanski, 1998; 2006), В. Н. Залесской (Залесская, 2006) и других авторов, а также в опубликованных каталогах (Византийский Херсон..., 1991; Наследие..., 2011) представлены разнообразные археологические материалы — фибулы, пряжки, браслеты и кольца (бронза, серебро с позолотой), костяные односторонние трехчастные гребни (Ушаков, 2025а). На основании их рассмотрения можно

сделать вывод о пребывании в Херсонесе выходцев из региона черняховской культуры (Северо-Западное Причерноморье), Подунавья, Юго-Западного Крыма, Боспора, в основном варваров-готов, в меньшей степени кочевников-гуннов и аланов. Все эти материалы дают возможность реконструировать этнополитическую ситуацию в целом (Ушаков, 2025б). Впрочем, эта тема требует отдельного специального рассмотрения, как и материалы херсонесского некрополя, где особенно показательными являются расписные склепы, к которым образцово обращался наш великий предшественник М. И. Ростовцев, которого мы с благодарностью вспоминаем.

Пока же придется признать, что Херсонес Таврический действительно был самым блестящим пунктом «на всем этом пространстве благодаря сохранению греческих обычаев», как указывал Плиний (Plin. NH., II, 85). Это произошло во многом в результате продуманной до деталей умелой (хотя иногда и вынужденной) своеобразной политики его взаимоотношений с близкими и далекими варварами, как, впрочем, и другими участниками военно-политических и прочих взаимодействий на этом участке древней Ойкумены в течение целого тысячелетия античной истории.

Статья поступила в редакцию 15 января 2026 г.

- Айбабин, 1990 — Айбабин А. И. Хронология могильников Крыма позднеантичного и раннесредневекового времени // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. 1990. Вып. I. С. 4–86.
- Айбабин, 1999 — Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: ДАР, 1999. 352 с.
- Айбабин, Хайрединова, 2017 — Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. Крымские готы страны Дори (середина III — VII в.). Симферополь: Антиква, 2017. 366 с.
- Белов, 1938 — Белов Г. Д. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935–1936 гг. Симферополь: Госиздат Крымской АССР, 1938. 349 с.
- Византийский Херсон..., 1991 — *Византийский Херсон*: Каталог выставки. М.: Наука, 1991. 256 с.
- Виноградов, 2023 — Виноградов Ю. А. Северное Причерноморье после падения Великой Скифии. Взгляд через 25 лет // *Боспорский феномен: quarta pars saeculi*. Итоги, вопросы, дискуссии: Материалы Международ. науч. конф. СПб.: Чистый лист, 2023. С. 36–40.
- Виноградов, Марченко, 2014 — Виноградов Ю. А., Марченко К. К. Северное Причерноморье в III в. до н. э. (взгляд из греческих государств) // *АВ*. 2014. Вып. 20. С. 143–164.
- Виноградов, 1997а — Виноградов Ю. Г. Херсонесский декрет о «несении Диониса» IOSPE I² 343 и вторжение сарматов в Скифию // *Вестник древней истории (ВДИ)*. 1997. № 3. С. 104–124.
- Виноградов, 1997б — Виноградов Ю. Г. Вотивная надпись дочери царя Скилура из Пантикапея и проблемы истории Скифии и Боспора во II в. до н. э. // *ВДИ*. 1997. № 1. С. 55–87.
- Виноградов, Шестаков, 2005 — Виноградов Ю. Г., Шестаков С. А. Laudatio Funeris из Пантикапея // *ВДИ*. 2005. № 2. С. 42–44.
- Виноградов, Щеглов, 1990 — Виноградов Ю. Г., Щеглов А. Н. Образование территориального Херсонесского государства // *Эллинизм: экономика, политика, культура* / Отв. ред. Е. С. Голубцова. М.: Наука, 1990. С. 310–371.
- Виноградов и др., 1997 — Виноградов Ю. А., Марченко К. К., Rogov E. Я. Сарматы и гибель «Великой Скифии» // *ВДИ*. 1997. № 3. С. 93–103.
- Власов, 2021 — Власов В. П. Ранний железный век. Тавры // *История Севастополя*. В 3 т. Т. I: Юго-Западный Крым с древнейших времен до 1774 года. М.: ИстЛит, 2021. С. 130–146.
- Дорошко, 2012 — Дорошко В. В. Поход Плавтия Сильвана в Таврику: мифы и реалии // *Историко-культурное наследие Тарханкута: новые тенденции развития, новые возможности: Материалы II Междунар. науч.-практ. конф.* Симферополь: Н. Орианда, 2012. С. 34–46.
- Зайцев, 2024 — Зайцев Ю. П. Кремации Крымского Барбарикума. Археологическая карта и современное состояние источника // *КСИА*. 2024. Вып. 276. С. 119–139.
- Залеская, 2006 — Залеская В. Н. Памятники византийского прикладного искусства IV–VII вв. Каталог коллекции. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2006. 272 с.
- Золотарев, 2005 — Золотарев М. И. Херсонес Таврический: основание и становление полиса // *Херсонесский сборник*. 2005. Вып. XIV. С. 13–44.
- Золотарев, Туровский, 1990 — Золотарев М. И., Туровский Е. Я. К истории античных сельских усадеб Херсонеса на Гераклеяском полуострове // *Древнее Причерноморье. Материалы I Всесоюзных чтений памяти проф. П. О. Карышковского*. Одесса: Одесское археологическое общество, 1990. С. 71–89.
- Зубарь, 2004 — Зубарь В. М. Херсонес Таврический и население Таврики в античную эпоху. Киев: Шлях, 2004. 312 с.
- Зубарь, Кравченко, 2003 — Зубарь В. М., Кравченко Э. А. Об одном аспекте греко-таврских взаимоотношений в окрестностях Херсонеса Таврического в середине IV в. до н. э. // *Проблемы истории, археологии, культуры*. 2003. № 13. С. 70–77.

- Иванчик*, 2017 — *Иванчик А. И.* Крымская Скифия III–II вв. до н. э. и ее отношения с греческими государствами Северного Причерноморья // Крымская Скифия в системе культурных связей между Востоком и Западом (III в. до н. э. — VII в. н. э.). М.; Симферополь: ИП Зуева Т. В., 2017. С. 34–55.
- Казанский*, 2006 — *Казанский М. М.* Германцы в Юго-Западном Крыму в позднеимперское время и в эпоху великого переселения народов // Готы и Рим: Сб. науч. ст. / Гл. ред. Р. В. Терпиловский. Киев: ИД «Стилос», 2006. С. 26–41.
- КБН, 1965 — Корпус боспорских надписей. М.; Л.: Наука, 1965. 950 с.
- Крис*, 1981 — *Крис Х. И.* Кизил-кобинская культура и тавры. М.: Наука, 1981 (САИ; Вып. Д1-7). 128 с.
- Кутайсов*, 2013 — *Кутайсов В. А.* Античный полис Керкинитиды. Симферополь: Феникс, 2013. 400 с.
- Лесков*, 1965 — *Лесков А. М.* Горный Крым в первом тысячелетии до н. э. Киев: Наукова думка, 1965. 198 с.
- Масякин*, *Турова*, 2023 — *Масякин В. В., Турова Н. П.* Римское военное снаряжение из Харакса (из раскопок Великого князя Александра Михайловича) // Античные реликвии Херсонеса: открытия, находки, теории. Материалы науч. конф. / Под ред. А. В. Зайкова, Д. А. Костромичева. М.: Буки Веди, 2023. С. 111–119, 236–238.
- Мордвинцева*, 2016 — *Мордвинцева В. И.* Античная цивилизация и варварский мир: культурно-исторические процессы в Северном Причерноморье III в. до н. э. — III в. н. э. в трудах М. И. Ростовцева // Античная цивилизация и варварский мир Понто-Каспийского региона: Материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием / Отв. ред. С. И. Лукьяшко. Ростов н/Д.: Изд-во Южного НЦ РАН, 2016. С. 178–184.
- Мыц и др.*, 2006 — *Мыц В. Л., Лысенко А. В., Шукин М. Б., Шаров О. В.* Чатыр-Даг — некрополь римской эпохи в Крыму. СПб.: Нестор-История, 2006. 208 с.
- Наследие..., 2011 — Наследие Византийского Херсона. Севастополь; Остин: Телескоп; Институт классической археологии, 2011. 708 с.
- Николаенко*, 2019 — *Николаенко Г. М.* Скифский «след» на ближней хоре Херсонеса. I в. до н. э. — I в. н. э. // Античные реликвии Херсонеса: Открытия, находки, теории: Материалы науч. конф. / Ред.-сост. Д. А. Костромичев. Севастополь: [б. и.], 2019. С. 204–207.
- Новиченкова*, 2015 — *Новиченкова Н. Г.* Горный Крым: II в. до н. э. — II в. н. э. По материалам раскопок святилища у перевала Гурзуфское Седло. Симферополь: Н. Оріанда, 2015. 216 с.
- Пуздровский*, 1999 — *Пуздровский А. Е.* Этническая история Крымской Скифии (III в. до н. э. — III в. н. э.) // Херсонесский сборник. 1999. Вып. X. С. 209–225.
- Репников*, 1906 — *Репников Н. И.* Некоторые могильники области крымских готы // Известия ИАК. 1906. Вып. 19. С. 1–80.
- Репников*, 1907 — *Репников Н. И.* Некоторые могильники области крымских готы // Записки Одесского общества истории и древностей. 1907. Т. XXVII. С. 101–148.
- Репников*, 1909 — *Репников Н. И.* Разведки и раскопки на южном берегу Крыма и в Байдарской долине в 1907 году // Известия ИАК. 1909. Вып. 30. С. 99–126.
- Рогов*, 1999 — *Рогов Е. Я.* Некоторые проблемы становления и развития Херсонесского государства // Stratum plus. Кишинев: ВАИ, 1999. № 3: Скифский квадрат. С. 116–144.
- Рогов*, 2002 — *Рогов Е. Я.* Херсонес и варвары юго-западного Крыма в IV в. до н. э. // Античный мир и археология. 2002. Вып. 11. С. 140–153.
- Савеля*, 1979 — *Савеля О. Я.* О греко-варварских взаимодействиях в Юго-Западном Крыму в VI–IV вв. // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Материалы I Всесоюз. симпозиума по древней истории Причерноморья, Цхалтубо-1977 / Отв. ред. О. Лордкипанидзе. Тбилиси: Мецниереба, 1979. С. 166–176.
- Сапрыкин*, 2005 — *Сапрыкин С. Ю.* Энкомий из Пантикапея и положение Боспорского царства в конце I — начале II в. н. э. // ВДИ. 2005. № 2. С. 45–81.
- Сапрыкин*, 2012 — *Сапрыкин С. Ю.* Боспорские сюжеты в диалоге Лукиана «Токсарид» // Аристей. 2012. Т. 5. С. 185–209.
- Сапрыкин*, 2018 — *Сапрыкин С. Ю.* Древнее Причерноморье. М.; СПб.: Изд-во РХГА, 2018. 743 с.
- Сарновски*, 2017 — *Сарновски Т.* Римское войско в Крыму в период принципата. Источники и состояние исследований // Крымская Скифия в системе культурных связей между Востоком и Западом (III в. до н. э. — VII в. н. э.). М.; Симферополь: ИП Зуева Т. В., 2017. С. 351–370.
- Свиридов*, 2023 — *Свиридов А. Н.* Кремационные погребения Юго-Западного и Южного Крыма римского времени. Современное состояние проблемы // КСИА. 2023. Вып. 271. С. 103–118. DOI: <http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.271.103-118>
- Сенаторов*, 2000 — *Сенаторов С. Н.* Ранняя кизил-кобинская керамика из раскопок в Херсонесе // АВ. 2000. Вып. 7. С. 159–163.
- Симоненко*, 2018 — *Симоненко А. В.* О сарматском завоевании Скифии // Нижневолжский археологический вестник. 2018. Т. 17, № 1. С. 27–49.
- Столба*, 1991 — *Столба В. Ф.* Херсонес и скифы в V–II вв. до н. э.: проблема взаимоотношений: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.: [б. и.], 1991. 16 с.
- Стржелецкий*, 1948 — *Стржелецкий С. Ф.* Раскопки таврского некрополя // Херсонесский сборник. 1948. Вып. IV. С. 69–95.

- Труфанов и др.*, 2023 — Труфанов А. А., Зайцев Ю. П., Шкрибляк И. И. Два погребения эпохи великого переселения народов из раскопок Усть-Альминского некрополя в 2022 г. // КСИА. 2023. № 273. С. 229–243. DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.273.229-243
- Тюрин, Филиппенко*, 2022 — Тюрин М. И., Филиппенко А. А. К хронологии памятников района Сапун-горы эллинистического периода // История и археология Северного Причерноморья в античную и средневековую эпохи: Материалы Всерос. науч. конф. / Под ред. А. В. Зайкова. Симферополь: Антиква, 2022. С. 200–209.
- Ушаков*, 2024 — Ушаков С. В. Могильник Карши-Баир в Юго-Западном Крыму (итоги изучения и общая характеристика) // Поволжская археология. 2024. № 2 (48). С. 191–204. DOI: <https://doi.org/10.24852/ra2024.2.48.191.204>
- Ушаков*, 2025a — Ушаков С. В. Варвары в позднеантичном — ранневизантийском Херсонесе: археологические материалы // Археология Евразийских степей. 2025. № 5. С. 171–185. DOI: <https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.5.171.185>
- Ушаков*, 2025b — Ушаков С. В. Херсонес и Юго-Западный Крым в постгунскую эпоху: о характере этнополитической ситуации // Уфимский археологический вестник. 2025. Т. 25, № 4. С. 685–707. DOI: <https://doi.org/10.31833/uav/2025.25.4.045>
- Ушаков, Туровский*, 2021 — Ушаков С. В., Туровский Е. Я. Херсонесское территориальное государство в IV — середине III в. до н. э. // История Севастополя. В 3 т. Т. I. М.: ИстЛит, 2021. С. 182–201.
- Ушаков и др.*, 2021 — Ушаков С. В., Туровский Е. Я., Тюрин М. И. Сарматская угроза. Поздние скифы и Херсонес (середина III — конец II до н. э.) // Там же. С. 223–240.
- Фролов*, 1981 — Фролов Э. Д. Гераклеийские мариандины (к проблеме взаимоотношений греческих колонистов и местных племен в зоне дорийской колонизации) // Демографическая ситуация в Причерноморье... Тбилиси: Мецниереба, 1981. С. 22–33.
- Хазанов*, 1971 — Хазанов А. М. Первобытная периферия античного мира (на примере Европы) // Советская этнография. 1971. № 6. С. 17–27.
- Харузин*, 1890 — Харузин А. Древние могилы Гурзуфа и Гугуша на Южном берегу Крыма. М.: Тип. тов-ва А. Левенсон и К°, 1890. 102 с.
- Херсонес Таврический...*, 2005 — Херсонес Таврический в третьей четверти VI — середине I в. до н. э. Очерки истории и культуры. Киев: Академперіодика, 2005. 627 с.
- Шаров*, 2019 — Шаров О. В. Появление германцев и сармато-германские контакты в Крыму в позднеантичную эпоху // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. — IV в. н. э.). V: Материалы X Международ. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории» / Отв. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: Фирма «Салта» ЛТД, 2019. С. 328–340.
- Щеглов*, 1976 — Щеглов А. Н. Полис и хора. Симферополь: Таврия, 1976. 175 с.
- Щеглов*, 1981 — Щеглов А. Н. Тавры и греческие колонии в Таврике // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации / Отв. ред. О. Лордкипанидзе. Тбилиси: Мецниереба, 1981. С. 204–218.
- Шукин*, 1994 — Шукин М. Б. На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н. э. — I в. н. э. в Восточной и Центральной Европе. СПб.: Фарн, 1994. 324 с.
- Якобсон*, 1959 — Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес: очерки истории материальной культуры. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959 (МИА; № 63). 364 с.
- Kazanski*, 1998 — Kazanski M. Les Barbares à Chersonèse (Ve–Vie s.) // Εἰς ψυχία. Mélanges offerts à Hélène Ahrweiler. Vol. II / Eds. M. Balard et al. Paris: Publications de la Sorbonne, 1998. P. 329–344.
- Pippidi*, 1959 — Pippidi D. M. Sur un passage obscur du décret en l'honneur de Diofante, fils l'Asclepidare // Archeologia. 1959. IX. P. 91–98.

Chersonesus Taurica and the Barbarians: on the system of relationships

S. V. Ushakov⁴

Keywords: North black Sea area, Southwestern Crimea, Chersonesus Taurica, barbarians, Tauri, Scythians, Sarmatians, Goths, Huns

Following academician M. I. Rostovtsev, the Russian scholarly tradition understands the history of the ancient Northern Black Sea region, the Bosphorus and Chersonesus as an interconnected system of ancient colonies and the surrounding barbarians. The history of Chersonesus Taurica serves as a striking example of this. From the founding of the Chersonesus polis, there was a system of interaction with the aborigines, the Tauri, bearers of the Kizil-Koba

⁴Sergey V. Ushakov — Institute of Archaeology of Crimea of Russian Academy of Sciences, Simferopol, Republic of Crimea; e-mail: yshakovsv@list.ru.

archaeological culture, whom ancient authors characterized extremely negatively. These relations were contradictory, but there is no basis for assuming that some of the aborigines were dependent on this polis. At the same time, the Scythian threat united the Greek settlers and facilitated the incorporation of Kerkinitis into the Chersonesus polis. The historical situation changed dramatically at the turn of the 1st and 2nd quarters of the 3rd cent. BC. BC, when Chersonesus entered a period of widespread hardship associated with the invasions of new barbarian hordes (primarily the Sarmatians): many settlements and estates on the near and far chora of Chersonesus were destroyed. A new period of upheaval (around the middle to early 2nd half of the 2nd cent. BC) began due to clashes with the Crimean Scythians: in a series of Diophantine Wars, the barbarians were routed. In the following era, the Chersonesus polis, balancing between Rome and the Bosphorus (from 63 BC to the 1st half of the 1st cent. AD), and then under the protectorate of this Mediterranean power (from the mid-1st cent. to the mid-3rd cent. AD), managed to “neutralize” the new barbarian threat. Later, in the 3rd cent. AD, the Chersonesites temporarily abandoned the Heracleian Peninsula, possibly due to attacks by the Alans, as well as Germans. In the late antique era (the 2nd half of the 4th to the 1st half of the 6th cent.), Chersonesus-Kherson’s incorporation into the Eastern Roman Empire was completed. It dominated Taurica, maintaining allied relations with the surrounding barbarians (the Goths and Alans of the Dori land). A new ethnocultural community, of the “Suuk-Su type”, emerged in southwestern Crimea. Hunnic sites have also been discovered in the region. In 580, the Turks (Türküts) besieged Chersonesus, but failed to capture it. Based on archaeological finds in Chersonesus (fibulae, buckles, and bone combs), it can be concluded that various barbarians lived there. In any case, thanks to a successful policy of interaction with barbarians near and far, Chersonesus Taurica managed to preserve its political and ethnocultural identity throughout ancient history.

Поселение Большое Тимерёво: пространственная структура и особенности застройки¹

А. Н. Федорина²

Аннотация. Поселение у села Большое Тимерёво — один из самых раскопанных археологических памятников Северо-Восточной Руси IX–XI вв. Тем не менее общего представления о его внутренней структуре нет. Это вызывает ряд сложностей при осмыслении путей и характера колонизации Ростово-Суздальских земель в эпоху формирования державы Рюриковичей. В статье предпринимается попытка реконструировать общую структуру застройки Тимерёвского селища, опираясь на сводный план-схему раскопанных объектов и данные полевых отчетов о составе керамических комплексов. Результатом этой работы стало представление о высокой степени упорядоченности и заметной стабильности ключевых узлов застройки (дворов?) на основной площадке памятника.

Ключевые слова: Большое Тимерёво, поселение, структура застройки, «большие поселения», архивные материалы, керамика

DOI 10.31600/1817-6976-2026-50-155-166

Большое Тимерёвское поселение — важный памятник для понимания сложения и развития Северо-Восточной Руси, но, парадоксальным образом, и один из самых редко привлекаемых при обсуждении форм освоения пространства, характера застройки и организации селитебных площадок, несмотря на широкомасштабные раскопки и монографическую публикацию материалов. Особенно ярко этот контраст проявляется в сравнении с массой публикаций, посвященных курганному могильнику, расположенному на северо-западе комплекса, а также отдельным эффектным предметам и монетным кладам (наиболее полный обзор см.: Недошивина, Зозуля, 2012). Наиболее разработаны вопросы, связанные с местом Тимерёвского поселения в общей системе освоения Русской равнины в IX–XI вв., но и здесь нет единства в его оценках: от протогородского центра, узлового на Волжском пути, до рядового, хоть и крупного поселения Северо-Востока

(разбор точек зрения см.: Седых, 1998б; Захаров, Зозуля, 2014б). В то же время раскопки Тимерёвского селища дают необходимый сравнительный материал при обсуждении моделей расселения в первые века русской государственности, например, при работе с «большими поселениями» Суздальского ополья, которые до настоящего момента раскопаны недостаточно широко. Здесь важно подчеркнуть, что по многим формальным признакам Тимерёвское селище близко указанной группе поселений (Макаров, Федорина, 2015; 2023). Казалось бы, раскопки селища 1970-х гг. в значительной степени опубликованы (Дубов, 1982), но, как справедливо замечает А. Е. Леонтьев, эти материалы почти не комментировались, а детали реконструкции облика поселения не получили развернутой аргументации (Леонтьев, 1989). Все это побуждает вернуться к материалам 1970–1980-х гг.

Кратко напомним основные выводы И. В. Дубова об особенностях застройки, пространственной организации и хронологии Тимерёвского поселения. В книге 1982 г. площадь поселения IX–XI вв. оценивалась в 10 га (Дубов, 1982), что уже к 1989 г. вызывало обоснованные сомнения. Так, А. Е. Леонтьев, основываясь на сомасштабности курганной группы и контура распространения

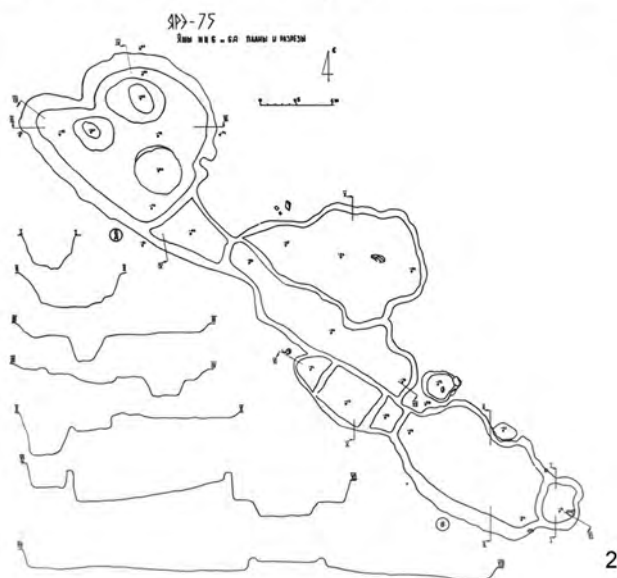
¹ Работа выполнена по теме государственного задания «Города в культурном пространстве Северной Евразии в средневековье» (НИОКТР № 122011200266-3).

² Институт археологии РАН, Москва; e-mail: nasfed@yandex.ru.

© Федорина А. Н., 2026

1

2

Рис. 1. Г-образные постройки Тимерёвского поселения. Яма 6 из раскопа 1975 г.: 1 — вид с северо-запада; 2 — чертеж

Fig. 1. G-shaped structures of the Timerevo settlement. Pit 6 from the 1975 excavation: 1 — view from the north-west; 2 — drawing

[Дубов, 1976. Л. 10–11, рис. 10, 12]

поселенческого культурного слоя, считал более верной оценку в 6 га (Леонтьев, 1989). В настоящее время благодаря комплексным разведочным работам экспедиции под руководством С. Д. Захарова удалось уточнить размеры раннего пятна застройки на основной площадке: максимальная концентрация хроноиндикаторов IX–XI вв. зафиксирована на площади 4,25 га, с учетом периферийных зон она, вероятно, составляла 5,00–6,00 га (Захаров, Зозуля, 2017; Седых, Зозуля, 2024).

И. В. Дубов считал, что ранняя часть поселения, которую он датировал IX — первой половиной X в., располагалась в юго-западной части площадки и имела примитивные укрепления — ограду из толстых столбов, сооруженную в первой половине X в. (Дубов, 1982. С. 112, 185). Предложенная реконструкция и интерпретация Тимерёвского поселения как укрепленного пункта довольно рано подверглись обоснованной критике (Леонтьев, 1989). Полевые работы 2012–2016 гг., в том числе обработка данных аэрофотосъемки, также не позволили проследить какие-либо следы укреплений на памятнике; авторы новейших исследований признавали неукрепленный характер поселения (Захаров, Зозуля, 2017; Седых, Зозуля, 2024).

Экспедицией кафедры археологии ЛГУ были «изучены жилые и производственные комплексы, хозяйственные сооружения» (Дубов, 1982. С. 186). Наиболее ярким элементом застройки Тимерёвского поселения оказались удлиненные корытообразные ямы, часто образующие правильные Г-образные структуры (рис. 1). Интерпретация и реконструкция возможного облика этих сооружений вызвали отдельную дискуссию (Томсинский, 1982а; 1982б; 2016; Носов, 1990; Лапшин, 2015). С точки зрения С. В. Томсинского эти ямы являются углубленными частями легких шалашеобразных конструкций. Более убедительна версия В. А. Лапшина, интерпретирующего эти комплексы как осушительные сооружения вокруг наземных построек, от которых не сохранилось выразительных следов, приводящего в качестве аналогий постройки, изученные в Старой Ладоге и на Рюриковом городище (Лапшин, 2015). В качестве параллелей можно было бы привести неглубокие корытообразные каналы, опоясывающие постройки на территории Хедебю (фон Карнап-Борнхайм и др., 2010) и в Риббе (Ribe Excavations..., 1981. P. 89–92). Если в первом случае траншеи, близкие тимерёвским канавам, тоже интерпретируются как дренажные, то во втором — в качестве основного назначения канав рассматривается функция границы, рубежа.

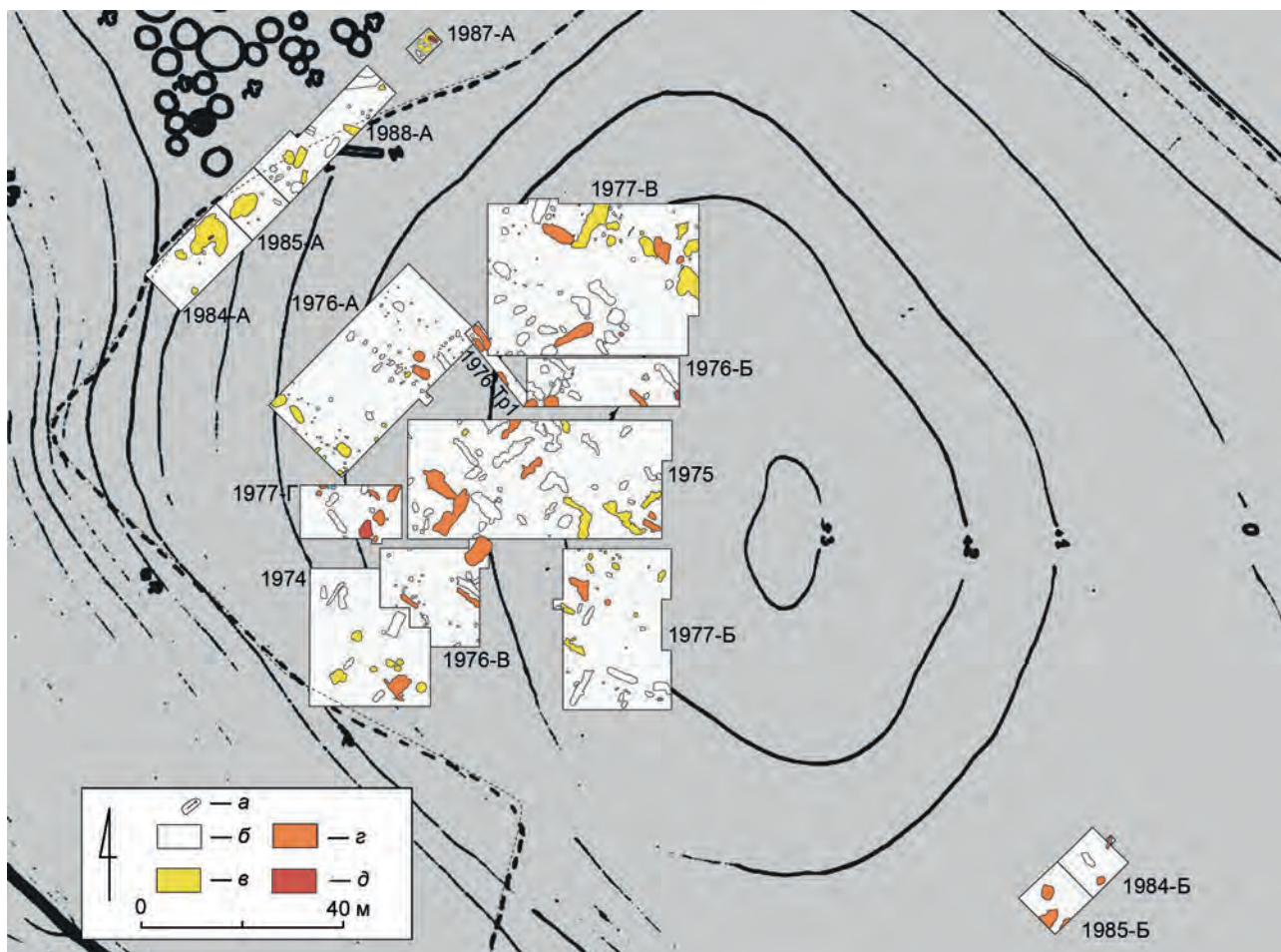

Рис. 2. Общий план раскопок 1974–1988 гг. на поселении Большое Тимерёво (*а* — погребения по обряду ингумации, *б* — ямы без керамики или с керамикой неопределенного типа, *в* — ямы с лепной керамикой, *г* — ямы с лепной и круговой керамикой, *д* — ямы с круговой керамикой)

Fig. 2. General plan of the 1974–1988 excavations at the Bolshoye Timerevo settlement (*a* — inhumation burials, *б* — pits without pottery or with an indeterminate type of pottery, *в* — pits with molded pottery, *г* — pits with molded and wheeled pottery, *д* — pits with wheeled pottery)

Важно отметить, что большая часть Г-образных комплексов, выявленных на поселении, очерчивает правильные подпрямоугольные площадки близких размеров: шириной 4–6 и длиной 6–8 м (рис. 2). С. В. Томсинский резонно замечает, что на высоком пологом склоне, который занимают раскопанные постройки, в песчаном хорошо дренирующем воду грунте нет особой нужды в создании системы дополнительного осушения (Томсинский, 2016). Однако если у пришедшего в Ярославское Поволжье населения существовала традиция окапывания построек, то она будет воспроизводиться вне зависимости от конкретных природных условий.

Нам представляется, что уточнить назначение этих построек можно было бы при повторном обращении к распределению находок в переотло-

женном слое или в ходе нового цикла раскопок с применением тонких методик разбора слоя и наблюдений над особенностями пространственного распределения массовых групп материала. В настоящий момент можно лишь утверждать, что комплексы длинных и неглубоких корытообразных ям, перпендикулярных друг другу, оказываются узловыми элементами застройки Тимерёвского поселения, дошедшими до нас; они маркируют существовавшие на поселении домохозяйства.

И. В. Дубов констатировал существование на поселении усадеб, в некоторых случаях с частотными оградами, но считал, что «в целом планировку можно охарактеризовать как беспорядочную» (Дубов, 1982. С. 186), а развитие застройки видел как экстенсивное освоение пространства,

Рис. 3. Раскоп 1988-А. Лепной сосуд из ямы 14:
1 — в момент расчистки; 2 — сохранность после извлечения из слоя

Fig. 3. Excavation 1988-A. The molded vessel from pit 14:
1 — at the time of unearthing; 2 — vessel's condition after removal from the layer

[Дубов, 1989. Л. 23]

где «новые жилища и производственные постройки в Тимерёве сооружались на свободных местах, а не на старых, пришедших в негодность» (Там же). А. Е. Леонтьев, опираясь на опубликованные планы раскопок 1974–1977 гг. и предложенную автором раскопок интерпретацию, был склонен оценивать существующую на памятнике поселенческую структуру как «относительно простую» (Леонтьев, 1989. С. 82), что не очень согласуется с плотностью и количеством находок в сборах 2012–2016 гг., а также с картой мощности культурного слоя, полученной по результатам массового

бурения (Захаров, Зозуля, 2014а). Тезис о бессистемности планировки памятника закрепился и продолжает воспроизводиться без надлежащей критики источника (Недошивина, Зозуля, 2012), а мнение С. В. Томсинского о «приречно-рядовой» организации застройки (Томсинский, 2016) осталось незамеченным и не получило дальнейшего осмысления.

Одним из путей прояснения реальных закономерностей в развитии поселения на р. Сечке и поиска дополнительных аргументов в пользу той или иной интерпретации поселенческой структуры может быть создание сводного плана раскопанных объектов, а также хронологическая дифференциация исследованных комплексов на основе пообъектной характеристики массового керамического материала. Следует отметить, что культурный слой Тимерёвского поселения на участках, раскопанных в 1970-е гг., имел небольшую мощность (0,25–0,40 м) и был на всю глубину перемешан в ходе многолетней распашки. Аналогичная ситуация зафиксирована на восточных раскопах 1980-х гг. (раскопы 1984-Б, 1985-Б), тогда как на западных участках, в зоне контакта поселения и могильника, мощность слоя могла достигать 0,75 м, что связано с наличием отвалов от курганов, раскопанных в непосредственной близости от буферной зоны (Седых, Зозуля, 2024). Важно отметить, что на этом западном блоке раскопов (1984-А–1988-А) крайне мало заглубленных в материк объектов: четыре погребения по обряду ингумации, относящиеся к самому позднему горизонту; погребение по обряду кремации — самый ранний горизонт; разрушенное погребение и 25 материковых ям, однозначную принадлежность которых к жилому или могильному контексту в настоящий момент невозможно определить. Так, например, удлиненная яма 14/1988-А, расположенная в северной оконечности раскопа, имела однородное заполнение, в котором был расчищен целый лепной сосуд (рис. 3), что в целом чаще встречается в заполнении ровиков и иных ям на площадке могильников, нежели при исследовании поселенческих объектов. В то же время на этих раскопах частично сохранились хозяйственные сооружения в толще культурного слоя, в первую очередь горны или печи (рис. 4). Они были нанесены на сводный план. Здесь, в раскопах на западной оконечности поселения, цветовая заливка на рис. 2 учитывает не столько состав керамического комплекса, очень скудного, сколько стратиграфическую ситуацию и отдельные датированные находки.

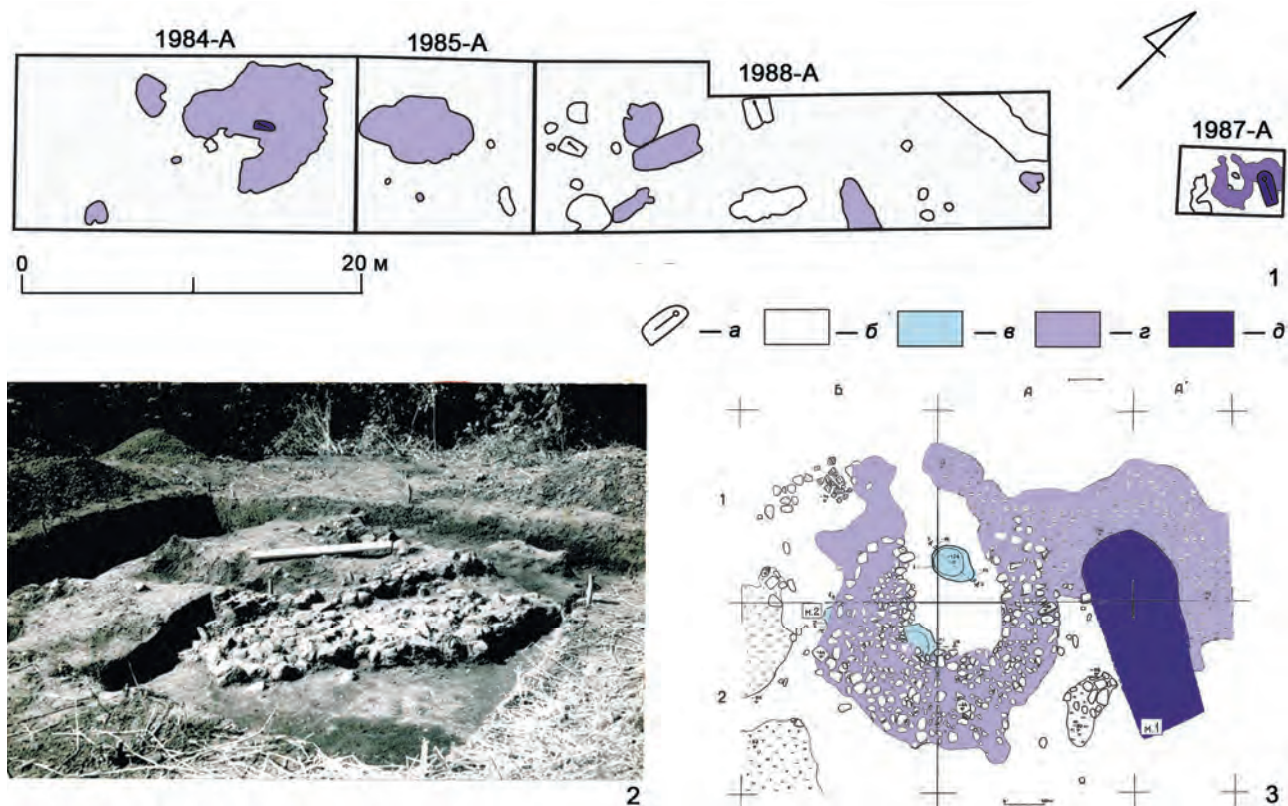

Рис. 4. Раскопы 1984–1985, 1987–1988 гг. на западной окраине поселения: 1 — сводная схема объектов (а — погребения по обряду ингумации, б — недатируемые объекты, в — объекты наиболее раннего горизонта по данным стратиграфии, г — объекты среднего хронологического горизонта, д — наиболее поздние объекты); 2 — участок каменной кладки в кв. Б2 раскопа 1987-А после снятия гумуса. Вид с юго-востока; 3 — совмещенный план объектов в раскопе 1987-А (участок каменной кладки с обозначением 2-го уровня кладки и границ пятна обожженной глины, прорезанного могилкой 1, ниже погребение по обряду кремации (М. 2))

Fig. 4. Excavations of 1984–1985 and 1987–1988 on the western outskirts of the settlement: 1 — summary scheme of the site (a — inhumation burials, б — undated items, в — items from the earliest horizon according to stratigraphic data, г — items from the middle chronological horizon, д — the latest items); 2 — section of stonework in the square B2 of 1987-A excavation after humus removal. View from the southeast; 3 — combined plan of objects in excavation site 1987-A (section of stonework with the mark of the 2nd level of masonry and the boundaries of the fired clay spot cut by grave 1, below is a cremation burial (M. 2))

[Седых, 1988. 2 — Л. 40об., рис. 59; 3 — Л. 43, рис. 65; Л. 45, рис. 69]

Представленный в настоящей работе сводный план заглубленных в материк объектов поселения Большое Тимерёво составлен на основе планов из полевых отчетов 1974–1988 гг.³, хранящихся в архиве ИА РАН, и базируется на опубликованной сводной схеме расположения раскопов (Дубов, 1982) с дополнениями по отчетам 1985–1988 гг. (Седых, 1986; 1988; Дубов, 1989). При ра-

³ Работы 1986 г. велись в пределах площади раскопов предшествующих лет и были направлены на добор материала в пахотном слое (Седых, 1987), полевые отчеты о работах 1989–1990 гг. в собрании научного архива ИА РАН отсутствуют.

боте с отчетами стали очевидны неточности в отношении отдельных изученных участков между собой, а также в их фактической форме, вызванные разными причинами: появлением прирезок, дополнительных траншей, разбитых вне основной сетки квадратов; разновременностью работ; разномасштабностью планов со схемами раскопов; случайными механическими ошибками. При создании сводной схемы материковых объектов такие неточности по возможности выправлялись по имеющимся в отчете полевым фотографиям, запечатлевшим угловые сочленения разных участков и прирезок, а также по контурам ям, расчищавшихся на разных стадиях работ, путем

перекрестной сверки текстов, шифров находок в полевой описи и чертежей. Именно поэтому общий контур раскопов 1970-х гг. на рисунках к настоящей статье несколько отличается от схемы, опубликованной в статье С. С. Зозули и В. Н. Седых, посвященной истории изучения Тимерёвского поселения (*Седых, Зозуля, 2024*). Отметим, что повторная привязка раскопов на местности не проводилась — это отдельная нетривиальная задача, требующая дополнительных полевых работ. Ситуативные планы в полевых отчетах схематичны, мелкомасштабны, имеют разную детализацию структурных элементов комплекса, что не позволяет однозначно позиционировать три блока раскопов (западный 1984–1988-А, центральный 1974–1977 и восточный 1984–1985-Б) относительно друг друга. В связи с этим было принято решение отказаться от попыток перенести полученный сводный план объектов на новый инструментальный план археологического комплекса и ограничиться схемой взаиморасположения раскопов, представленной в отчете о работах 1984 г. (*Седых, 1985*).

На селище в 1974–1977 и 1984–1990 гг. было раскопано свыше 6400 кв. м (рис. 1)⁴; зафиксировано свыше 260 ям разных размеров и назначения. В заполнении 163 ям обнаружены фрагменты керамики. Состав керамических комплексов отдельных объектов также выверен по полевым отчетам. Отметим, что отчеты экспедиции весьма лапидарны и кроме отчета за 1974 г. не содержат полевых описей. Также обобщенно на иллюстрациях в отчетах представлена керамика (рис. 5). Характеристика керамического материала дается обобщенно в конце описания объекта⁵. Возможные

⁴ С. С. Зозуля и В. Н. Седых, инвентаризировавшие раскопанные площади, оценили их в 6477,6 кв. м (с учетом отдельных шурфов 1973–2014 гг., см.: *Седых, Зозуля, 2024*. С. 327); перепроверка площадей, раскопанных в 1970-е гг., по чертежам траншей и объектов, доследованных прирезками, увеличивает это значение еще на 40 кв. м, что можно признать незначительным приращением.

⁵ Обращение к полевой описи керамики, представленной в отчете 1974 г., позволило уточнить состав наборов керамики в объектах (*Дубов, 1975*). Это выявило некоторые неточности в обобщенных описаниях. Так, текст отчета утверждает, что в постройке 2 (яма 2) найдена только лепная керамика, тогда как в описи часть фрагментов из этой ямы определены как гончарные (вероятно, раннегончарные). Тем не менее представляется, что такие отдельные искажения несильно влияют

варианты фиксации: «керамика / материал отсутствует», «лепная», «гончарная», «лепная и гончарная», «гончарная и лепная», «керамика» (без указания способа изготовления); для некоторых ям нет никаких указаний о наличии или отсутствии материала. Эти характеристики, данные в общих чертах, без подробностей, были использованы как основа цветной заливки объектов на плане (110 ям), в некоторой степени отражая хронологию объектов (табл.).

По данным В. Н. Седых, специально занимавшегося керамикой памятника, в коллекции Тимерёвского поселения преобладает лепная посуда — около 80 % всего материала, в заполнении ям и построек это значение достигает 87, а в некоторых случаях 100 % (*Седых, 1982; 1998а*). Такое распределение основных технологических групп керамической посуды исследователем связывается как со значительной интенсивностью жизни на поселении в X в., так и с продолжительным периодом сосуществования лепной и гончарной керамики в регионе (*Седых, 1998а*).

В. Н. Седых разделил основной массив гончарной керамики памятника на две группы. I группа представлена разнообразными раннекруговыми формами, часто северо-западного облика, иногда декорированными линией, волной и нарезкой по венчику (*Там же*). Морфологически эта керамика соотносится с вариантами формовки венчика 7 а-г, выделенными Е. К. Кадиевой для центральных земель Ростово-Суздальской земли. Появление круговой керамики с таким сочетанием технологических, морфологических и декоративных признаков Е. К. Кадиева, рассматривающая тимерёвскую коллекцию на широком фоне памятников Ростово-Суздальской земли, склонна датировать временем не ранее середины X в. (*Кадиева, 1996*. С. 211). II группа горшков, выделенная В. Н. Седых, соотносится с сосудами группы 1А, по Е. К. Кадиевой, и может быть датирована более поздним временем — рубежом X–XI — началом XI в.; к XI в. относятся и сформованные на гончарном круге миски (*Там же*). Для нашего исследования важно, что круговая керамика появляется в регионе в середине — второй половине X в. (*Седых, 1998а*. С. 133; *Кадиева, 1996*. С. 255), следовательно, присутствие в заполнении объектов керамики, сформованной при помощи круга,

на общую картину, так как скорее существует вероятность удревления, а не омоложения части ям за счет смешения фрагментов лепной и раннекруговой керамики.

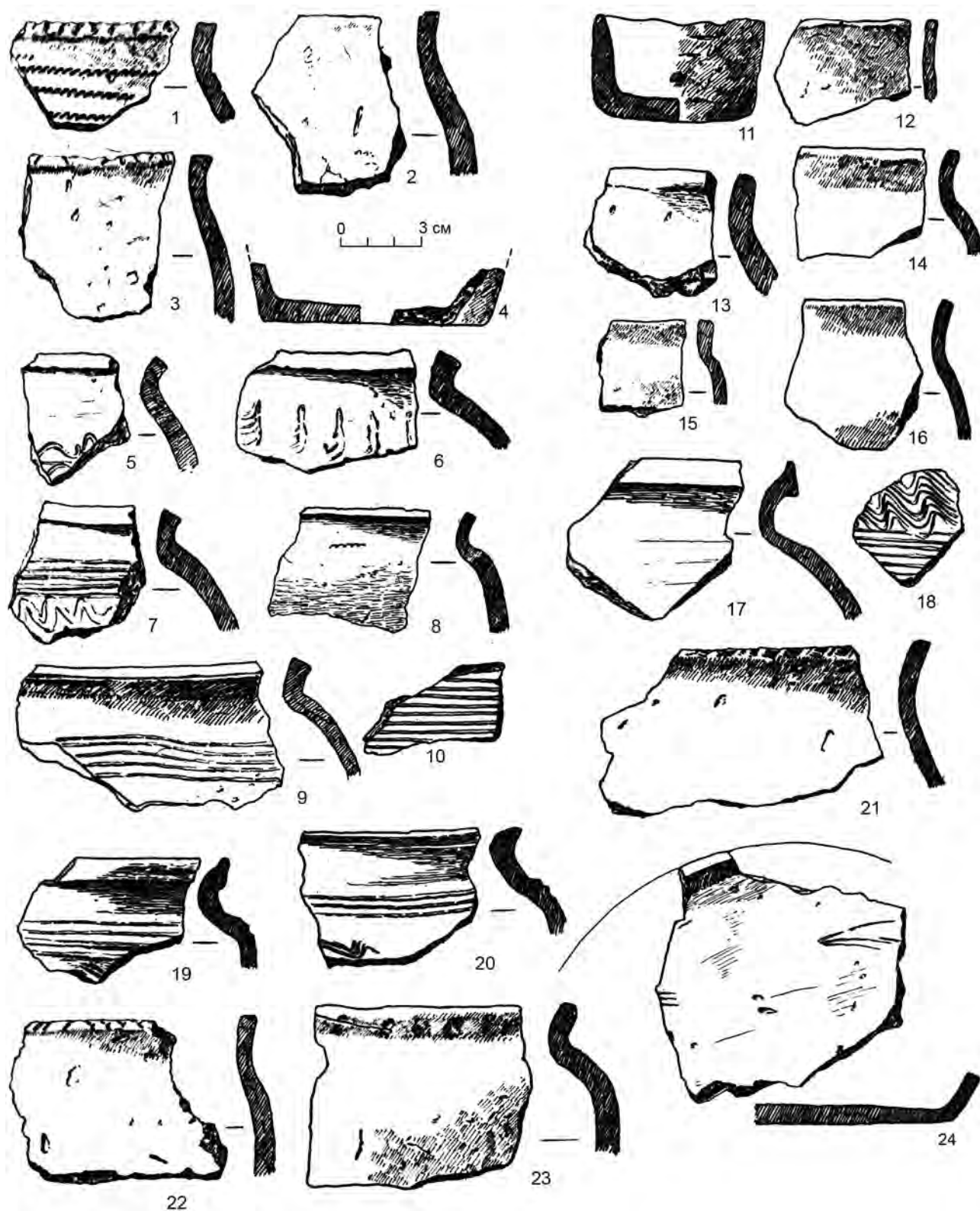

Рис. 5. Керамика из раскопов А-Б-В 1976 г.: 1-10 — из пахотного горизонта; 11-24 — из построек
 Fig. 5. Pottery from excavations A-B-C of 1976: 1-10 — from the arable horizon; 11-24 — from buildings
 [Дубов, 1977. № 6483в. Л. 29, 34, рис. 152, 160, 161]

Таблица. Состав керамических наборов ям по полевым отчетам 1974–1988 гг.
Table. Composition of ceramic assemblages from pits according to the 1974–1988 field reports

Состав керамических наборов	Год раскопок, раскоп: № ямы	Всего ям
Лепная	1974: 1, 4, 7, 9, 10, 3А, 3Б. 1975: 1, 2, 4, 5, 6, 6А, 14, 21, 29. 1976, раскоп А: 1, 2, 3, 4, 5, 7, 9, 10, 13, 16. 1977, раскоп Б: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 9, 10, 11, 21, 35, 36+38, 37, 39. 1977, раскоп В: 43, 45, 48, 49, 50, 51, 53, 59, 62. 1977, раскоп Г: 115. 1984, раскоп А: 1, 2, 3, 4, 1985, раскоп А: 1, 3. 1985, раскоп Б: столбовая яма 6. 1988, раскоп А: 4, 6, 8, 14, 18	63
Лепная с примесью гончарной	1974: 2. 1975: 3, 16, 17, 24, 36, 3А. 1976, раскоп А: 17, 19, 21-1 (+ траншея 1). 1976, раскоп Б: 28, 35. 1976, раскоп В: 43, 44, 52, 50б. 1976, траншея 1: 24, 25 (+ раскоп Б). 1977, раскоп Б: 18, 29, 12–13. 1977, раскоп В: 47, 61, 68, 71, 75, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 84, 66-А. 1977, раскоп Г: 114. 1984, раскоп Б: 2, 3. 1985, раскоп Б: 1, 2, 3	40
Гончарная с примесью лепной	1977, раскоп Г: 108, 110, 113, 122, 123	5
Только гончарная	1976, раскоп Б: 38. 1977, раскоп Г: 112	2

может рассматриваться как надежный маркер выделения относительно поздних комплексов.

К сожалению, нам не удалось поработать с самой керамической коллекцией, а отчетных материалов недостаточно для выявления узких типов — хроноиндикаторов среди гончарной керамики, поэтому было проведено разделение комплексов на три значимые группы: наборы только лепной посуды (63 комплекса), только круговой (две ямы) и смешанные (45 комплексов). Это весьма грубое разделение объектов по двум хронологическим этапам, но представляется, что оно (со всеми очевидными оговорками о присутствии случайных факторов выпадения материала в слой, в частности о переотложении находок более раннего времени, и т. п.) оказалось рабочим инструментом для фиксации особенностей планировочной структуры памятника и ее трансформации во времени.

Упомянутые выше обобщенные данные о доле круговой посуды создают эффект значительного преобладания ранних материалов на селище. Обращение к пообъектному составу керамических комплексов позволяет скорректировать картину. В керамических наборах 47 ям присутствует гон-

чарная керамика — это составляет 42,7 % от общего числа наборов (в 110 ямах), для которых в полевых отчетах есть информация о технологии изготовления посуды. Напомним, что еще для 53 наборов (32,5 % от 163 комплексов с керамикой) невозможно детализировать состав по полевым описаниям, а значит, реальная доля поздних комплексов могла быть иной. Если допустить, что во всех 53 случаях — это чистые лепные комплексы, то доля комплексов, датируемых временем не ранее второй половины X в. (47 ям), составляла не менее 28,8 % (из 163 ям). Таким образом, данные массового материала не позволяют согласиться с представлением о резком сокращении интенсивности жизни на поселении на рубеже X–XI вв.

Сводный план больших тимерёвских раскопов показывает, что застройка уже на ранних стадиях жизни поселения достаточно плотная (рис. 6). Пространственное размещение объектов двух условных хронологических групп отчетливо демонстрирует две главные особенности внутренней структуры поселения: 1) достаточно высокую степень упорядоченности основных блоков застройки, что выражается в согласованности ориентации крупных ям, линейных объектов

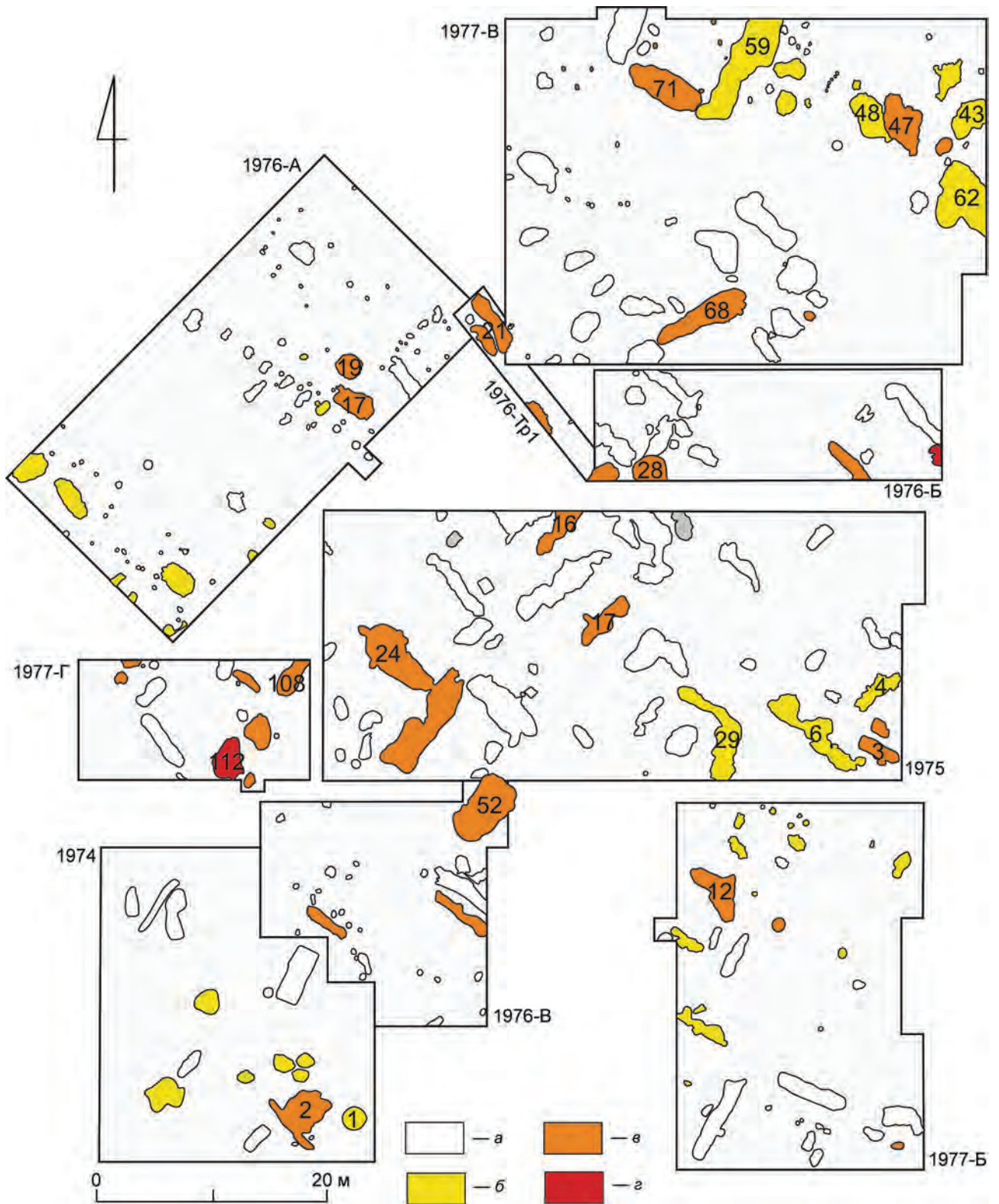

Рис. 6. Раскопы 1974–1977 гг. (а — ямы без керамики или с керамикой неопределенного типа; б — ямы с лепной керамикой; в — ямы с лепной и круговой; г — ямы с круговой керамикой). На плане проставлена нумерация наиболее крупных ям

Fig. 6. Excavations of 1974–1977 (a — pits without pottery or with an indeterminate type of pottery; б — pits with molded pottery; в — pits with molded and wheeled pottery; г — pits with wheeled pottery). The largest pits are numbered on the plan

(ям от столбов оград), едином структурном ритме расположения групп строений, взаимосвязи между ориентацией застройки и руслом реки; 2) высокую устойчивость в размещении основных скоплений построек, в том числе схожих очертаний, а возможно, близких и типологически, и функционально (последнее требует дополнительной проверки с привлечением индивидуальных находок), на протяжении значимого хронологического отрезка. Значительное количество смешанных керамических наборов и исключительная редкость (две ямы: 38/1976-Б, 112/1977-Г) керамических комплексов, не содержавших лепной керамики, также свидетельствует о возведении новых построек в границах старого поселенческого пятна, что приводит к заметному количеству перетолженных артефактов в поздних комплексах. Пространственная корреляция пятна ранней застройки с находками более позднего времени фиксируется не только по керамике, но и по таким выразительным предметам, как стеклянные браслеты (Седых, Френкель, 2017. С. 349).

Устойчивость общей структуры застройки не означает абсолютной неизменности функционального назначения того или иного участка. Наибольшая вариативность проявляется на западной окраине поселения, где жилые и хозяйственные комплексы могут сменяться погребальными, и наоборот. Так, в раскопе 1984-А–1989-А и в траншее 2 1976 г. фиксируется такая последовательность объектов: погребение — жилая зона — снова погребение — производственный комплекс (горны) (рис. 4; Дубов, 1977; Седых, 1985; 1986; 1998б; Седых, Зозуля, 2024).

Важно отметить, что в центральной части поселения выявленному характеру застройки соответствует расположение линий частокольных оград, нередко перпендикулярных друг другу, а частота этой решетки позволяет отказаться от идеи отдельной ранней линии «примитивных» укреплений всего поселения и воспринимать межусадебные ограждения как часть рядовой / массовой застройки памятника (рис. 6). К сожалению, большая часть столбовых ям, формирующих решетку оград, не содержала какого-либо материала, необходимого для хронологической атрибуции этих конструкций. Для некоторых частокольных ям возможна стратиграфическая ранняя дата — они оказываются частично пере-

крыты крупными ямами с круговой керамикой. Тем не менее важно отметить, что ямы с чистым лепным керамическим комплексом расположены как к югу от реконструированной И. В. Дубовым линии «укреплений»⁶, так и к северу.

Зафиксированные на Тимерёвском селище дворы действительно демонстрируют сложный хозяйственный уклад поселенцев: на большинстве раскопанных усадеб присутствуют объекты и находки, связанные с ремесленной деятельностью, повседневным бытом, сельским хозяйством и торговлей (Дубов, 1982). Наличие крупных не вскрытых участков между раскопами затрудняет реконструкцию размеров изученных усадеб, но не лишает нас возможности оценить плотность расположения надворных строений. На всех участках фиксируются свободные от построек пространства, которые с наибольшей вероятностью соотносятся с внутренним двором усадьбы. Схожие тенденции в размещении построек фиксировались и на памятниках IX–XI вв. в Суздальском ополье (Гнездилово 2 (Лапшин, 2015), Весь 5, Большое Давыдовское 2) (подробнее см.: Федорина, 2023). Какой-либо иерархии жилых дворов на поселении проследить не удастся, сама структура застройки подчеркивает эгалитарный характер общества эпохи сложения Северо-Восточной Руси. Схожая картина прослеживается на близких по многим характеристикам поселениях Суздальского ополья, например, Гнездилово 2, Большое Давыдовское 2, Кибол 5, Весь 1 (Лапшин, 2015; Федорина, Красникова, 2012; Макаров и др., 2023; Мошенина, 1992).

Очевидно, что при более детальном разборе материала, как массового керамического, так и индивидуальных находок, схема развития застройки Тимерёвского селища может быть детализирована и уточнена. Эта работа ждет своего исследователя. Теперь, имея общий взгляд на раскопанные участки поселения, провести такую работу будет значительно легче.

Статья поступила в редакцию 11 декабря 2025 г.

⁶ В качестве «укреплений» интерпретировалась линия крупных столбовых ям (Седых, Зозуля, 2024. С. 320, рис. 4), выявленная в центральной части раскопа 1976-А (рис. 6).

- Дубов, 1975 — Дубов И. В. Отчет о работе Ярославской экспедиции в 1974 г. // Научно-отраслевой архив (НОА) ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 5348. 36 л.; № 5348а. 39 л.
- Дубов, 1976 — Дубов И. В. Отчет о работе Ярославской экспедиции в 1975 г. // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 5714. 19 л.; № 5714а. 40 л.
- Дубов, 1977 — Дубов И. В. Отчет о работах Ярославской экспедиции кафедры археологии исторического факультета ЛГУ в 1976 г. // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 6483. 21 л.; № 6483а. 40 л.; № 6483б. 40 л.; № 6483в. 39 л.
- Дубов, 1982 — Дубов И. В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья: Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. 248 с.
- Дубов, 1989 — Дубов И. В. Отчет о работе Ярославской археологической экспедиции в 1988 году // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 13566. 53 л.
- Захаров, Зозуля, 2014а — Захаров С. Д., Зозуля С. С. Новые данные о Тимерёвском археологическом комплексе // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда (Казань, 20–25.10.2014). Казань: Отечество, 2014. С. 51–53.
- Захаров, Зозуля, 2014б — Захаров С. Д., Зозуля С. С. Новые полевые исследования на территории Тимерёвского археологического комплекса // КСИА. 2014. № 236. С. 157–161.
- Захаров, Зозуля, 2017 — Захаров С. Д., Зозуля С. С. Тимерёво. Итоги нового этапа полевых исследований // V (XXI) Всероссийский археологический съезд: Сб. науч. тр. / Отв. ред. А. П. Деревянко, А. А. Тишкин. Барнаул: Алтайский ГУ, 2017 // URL: <http://elibrary.asu.ru/handle/asu/3896> (дата обращения: 05.10.2025).
- Кадиева, 1996 — Кадиева Е. К. Круговая керамика второй половины X — начала XIV в. центральных районов Ростово-Суздальской земли: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. — археология / ИА РАН. М., 1996. 261 с.
- фон Карнап-Борнхайм и др., 2010 — фон Карнап-Борнхайм К., Хильберг Ф., Кальмринг С., Шульце Й. Хедебю, поселение и порт: старые материалы и новейшие исследования // РА. 2010. № 1. С. 53–63.
- Лапшин, 2015 — Лапшин В. А. Две группы построек селища Гнездилово-2 под Суздалем // Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы науч. семинара. Вып. 5 / Отв. ред. Н. А. Макаров. 2015. С. 141–146.
- Леонтьев, 1989 — Леонтьев А. Е. Тимерёво. Проблема исторической интерпретации археологического памятника // СА. 1989. № 3. С. 79–85.
- Макаров, Федорина, 2015 — Макаров Н. А., Федорина А. Н. Феномен «больших поселений» Северо-Восточной Руси X–XI вв. // КСИА. 2015. Вып. 238. С. 115–131.
- Макаров, Федорина, 2023 — Макаров Н. А., Федорина А. Н. «Большие поселения» и особенности организации расселения и социально-экономического устройства X–XI вв. // Археология Суздальской земли. В 2 т. Т. 2: Культура, общество, идентичность / Отв. ред. Н. А. Макаров, сост. Н. Д. Угулава. М.; Вологда: Древности Севера, 2023. С. 287–304.
- Макаров и др., 2023 — Макаров Н. А., Федорина А. Н., Шполянский С. В. Исторические села как археологические памятники и структурные элементы средневекового расселения // Там же. Т. 1: Расселение и культурный ландшафт. М.; Вологда: Древности Севера, 2023. С. 69–120.
- Мошенина, 1992 — Мошенина Н. Н. Раскопки селища Весь близ города Суздаля // Городецкие чтения. Городец: [б. и.], 1992. С. 60–62.
- Недошивина, Зозуля, 2012 — Недошивина Н. Г., Зозуля С. С. Курганы Ярославского Поволжья // Русь в IX–XI вв.: археологическая панорама / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 179–193.
- Носов, 1990 — Носов Е. Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л.: Наука, 1990. 216 с.
- Седых, 1982 — Седых В. Н. Керамика Тимерёвского поселения // Дубов И. В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья (историко-археологические очерки). Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. С. 192–197.
- Седых, 1985 — Седых В. Н. Отчет о работе Ярославского археологического отряда в 1984 г. // НОА ИА РАН. Р-1. № 10621. 52 л.
- Седых, 1986 — Седых В. Н. Отчет о работах Ярославского археологического отряда в 1985 г. // НОА ИА РАН. Р-1. № 11141. 76 л.
- Седых, 1987 — Седых В. Н. Отчет о работах Ярославской археологической экспедиции в 1986 г. // НОА ИА РАН. Р-1. № 11548. 57 л.
- Седых, 1988 — Седых В. Н. Отчет о работах Ярославской археологической экспедиции в 1987 г. // НОА ИА РАН. Р-1. Ф-1. № 12077. 87 л.
- Седых, 1998а — Седых В. Н. Керамическое производство Ярославского Поволжья IX–XIII вв. (некоторые итоги и перспективы исследований) // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск, 1998. № 13. С. 131–141.
- Седых, 1998б — Седых В. Н. Тимерёво: древнерусская деревня? скандинавская фактория? протогород? // Поселения: среда, культура, социум: Материалы тематической науч. конф. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. С. 22–26.
- Седых, Зозуля, 2024 — Седых В. Н., Зозуля С. С. История исследования поселений в составе Тимерёвского археологического комплекса. К 150-летию изучения памятника // АВ. 2024. Вып. 44. С. 316–331.
- Седых, Френкель, 2017 — Седых В. Н., Френкель Я. В. Об одной категории находок из раскопок тимерёвского поселения (о времени функционирования археологического комплекса) // Древнейшие государства Восточной Европы. 2015 г.: экономические системы Евразии в раннее средневековье / Отв. ред.

- А. С. Щавелев. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. С. 329–373.
- Томсинский, 1982а — Томсинский С. В. О двух типах построек Тимерёвского селища // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего Средневековья / Отв. ред. А. Д. Столяр. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. С. 118–123.
- Томсинский, 1982б — Томсинский С. В. Постройки Тимерёвского поселения // Дубов И. В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья (историко-археологические очерки). Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. С. 188–191.
- Томсинский, 2016 — Томсинский С. В. Еще раз о постройках селищ Тимерёво и Гнездилово и «поволховском типе домостроительства» // Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы науч. семинара. Вып. 6 / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.: ИА РАН, 2016. С. 227–239.
- Федорина, 2023 — Федорина А. Н. Внутренняя структура сельских поселений по данным археологии и геофизики // Археология Суздальской земли. В 2 т. Т. 1... М.; Вологда: Древности Севера, 2023. С. 121–154.
- Федорина, Красникова, 2012 — Федорина А. Н., Красникова А. М. Средневековое поселение Большое Давыдовское 2 под Суздаlem // РА. 2012. № 4. С. 99–110.
- Ribe excavations..., 1981 — Ribe excavations, 1970–76. Vol. 4. Sydjysk Universitetsforlag. Brand: Aarhus University Press, 1981. 103 S.

Bolshoye Timerevo settlement: spatial structure and building features

A. N. Fedorina⁷

Keywords: Bolshoye Timerevo, settlement, building structure, “large settlements”, archival materials, ceramics

The settlement near the village of Bolshoye Timerevo is one of the most extensively excavated 9th–11th cent. archaeological sites in northeastern Rus. However, a general understanding of its internal structure remains elusive. This creates a number of difficulties in understanding the routes and nature of colonization of the Rostov-Suzdal lands during the formation of the Rurikid power. The article attempts to reconstruct the overall structure of the settlement, based on a summary plan of the excavated sites and field reports’ data on the composition of the ceramic assemblages. The result of this work was a conclusion about a high degree of orderliness and noticeable stability in the main building units (courtyards?) within the main site.

⁷ Anastasia N. Fedorina — Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow; e-mail: nasfed@yandex.ru.

Меч типа Х из кургана LX на Сязнеге (Юго-Восточное Приладожье)

А. Ю. Щедрина¹

Аннотация. Статья посвящена мечу из раскопок Н. Е. Бранденбурга 1878–1884 гг., долгое время считавшемуся утраченным. Рассматриваются типология, морфологические и технологические особенности предмета, обсуждается его место в эволюции мечей раннего средневековья. Приводятся данные, позволяющие скорректировать датировку погребального комплекса и отнести его к середине — второй половине X в.

Ключевые слова: меч, раннее средневековье, эпоха викингов, Юго-Восточное Приладожье

DOI 10.31600/1817-6976-2026-50-167-185

Археологический контекст

На реке Сязнеге², левом притоке р. Паши, сосредоточено большое количество памятников приладожской курганной культуры. В 1878–1884 гг. Н. Е. Бранденбург открыл на берегах Сязнеги восемь могильников (группы «к», «л», «м», ..., «с») и раскопал 30 курганов (№ XXXIX–LXVIII) (Бранденбург, 1895. С. 106–116). В 1969 г. Г. С. Лебедев и В. А. Назаренко провели инвентаризацию курганных групп — всего их было выявлено 12 («А»–«К», по Г. С. Лебедеву, и 1–12, по С. И. Кочкуркиной) (Лебедев, 1969). С. И. Кочкуркина раскопала 10 курганов в могильнике Сязнега-2 в 1970 г., В. А. Назаренко — один в Сязнеге-11 в 1970 г. и два в Сязнеге-10 в 1971 г. Таким образом, всего на Сязнеге было исследовано 43 кургана (Кочкуркина, 1989. С. 119–150). В 1990–2000-е гг. сохранившиеся насыпи подверглись массовому разграблению, в том числе с применением строительной техники.

Курган LX был раскопан Н. Е. Бранденбургом. Он входил в состав группы «с» по нумерации автора раскопок, «Е» — по Г. С. Лебедеву, Сязнега-12 — по С. И. Кочкуркиной. Этот могильник представлял собой группу из 10 вытянутых в це-

почку насыпей, также Н. Е. Бранденбург отнес к нему два отдельных кургана в 1 км выше по течению реки. Все насыпи, кроме одной, были раскопаны. Курганы LVIII, LX, LXI, LXIII содержали погребения по обряду кремации, курганы LXV, LXVI, LXVIII — погребения по двум обрядам, курганы LIX, LIV — только ингумации, в двух курганах погребения не выявлены. В восьми насыпях присутствовали очаги с бытовым инвентарем. Общая датировка могильника не выходит за рамки X–XI вв. (Там же. С. 145).

Курган LX имел диаметр 13,5–14,0 м («окружностью 60 шагов») и высоту около 2,15 м³. Уже на момент раскопок Н. Е. Бранденбурга насыпь была испорчена несколькими заплывшими ямами. Примечательно, что, являясь наиболее богатым, курган LX не был особенно выдающимся по размеру в составе могильника, как это обычно наблюдается в Юго-Восточном Приладожье, — соседние курганы LIX и LXI имели точно такие же размеры насыпей.

Курган содержал несколько погребений по обряду трупосожжения на стороне, расположенных в два яруса, и очаг в центре. Захоронения сопровождалось большим количеством предметов вооружения (рис. 1) и бытового инвентаря (рис. 2; 3).

В верхнем ярусе выявлено три погребальных комплекса (погребения) — два мужских и женский. Одно мужское погребение (1) располагалось

¹ Историко-археологический и природный комплекс «Гнёздово» Смоленского государственного музея-заповедника, Смоленск; e-mail: shedr.aleks@gmail.com.

© Щедрина А. Ю., 2026

² В XIX в. река называлась Сязнигой; в литературе применительно к могильникам до сих пор используются оба варианта названия — Сязнега и Сязнига.

³ Здесь и далее меры длины, указанные Н. Е. Бранденбургом в аршинах, переведены в метры по соотношению: 1 аршин = 0,7112 м, с округлением до 0,05 м.

Рис. 1. Инвентарь кургана LX. Оружие: 1, 2 — наконечники копий; 3-5 — топоры; 6-9 — наконечники стрел (1, 4 — погребение 1; 2, 3, 6-9 — погребение 2; 5 — погребение 5)

Fig. 1. Inventory of the burial mound LX. Weapons: 1, 2 — spearheads; 3-5 — axes; 6-9 — arrowheads (1, 4 — burial 1; 2, 3, 6-9 — burial 2; 5 — burial 5)

в 1,4 м от центра на восток на глубине 0,55 м — скопление кальцинированных костей диаметром около 0,7 м, по краям которого лежали ланцетовидный наконечник копья (рис. 1, 1) и дужка от ведра, между ними — топор типа VIII⁴ (рис. 1, 4)⁵, три наконечника стрел (один ромбовидный, тип других неизвестен), нож, два фрагмента гвоздей, копоушка, 15 орнаментированных пятиугольных поясных бляшек (рис. 2, 1), бронзовые оплавки, фрагменты железной цепочки и костяного изделия.

Немного юго-восточнее предыдущего комплекса и на 35 см глубже находилось второе мужское захоронение (2), представляющее собой скопление кальцинированных костей диаметром около 0,7 м, в котором найдены: меч; ланцетовидный наконечник копья (рис. 1, 2)⁶; топор типа V (рис. 1, 3); четыре наконечника стрел: два ромбовидных без упора, ланцетовидный без упора и срезень (рис. 1, 6–9); инструмент с изогнутой рабочей частью — резец (?) (рис. 3, 3)⁷; два ножа (рис. 3, 2); два оселка — целый (рис. 3, 1) и обломок; пластинчатое кресало с ушком (рис. 3, 4); шило с колпачком (рис. 3, 5); фрагмент деревянной чаши с бронзовой оковкой (рис. 3, 7); бронзовая подковообразная фибула (не сохранилась); фрагменты гребня (рис. 3, 6) и остря-путлища из рога (рис. 3, 8); фрагменты неопределенных железных предметов.

В 1,4 м от центра на запад на глубине 0,9 м располагалось женское захоронение (3) — скопление кальцинированных костей диаметром около 0,7 м, в котором найдены: фрагмент ножа; оселок; бронзовая цепочка; круглая фибула типа 131⁸ (рис. 2, 3); две овальные фибулы типа 51 (?) (не сохранились)⁹; железная подковообразная

фибула (рис. 2, 7); два плоских браслета; две копоушки (рис. 2, 6); подвеска-уточка (рис. 2, 4); фрагменты двух бубенчиков; 35 бусин: сердоликовые 14-гранные, призматические и эллипсоидная, синие стеклянные двойные, желтые тройные, эллипсоидная полосатая (рис. 2, 5); конусовидная пронизка; бронзовые пронизки с остатками проволоочной спирали (рис. 2, 8); два тонких колечка; бронзовые оплавки; фрагменты изделий; фрагменты железной цепочки.

В свою очередь в нижнем ярусе этого погребального сооружения выявлено два мужских погребения, очажный комплекс и, возможно, остатки женского погребения.

Одно мужское захоронение (4) находилось в 1,4 м от центра на восток (под комплексом 1) на глубине 1,8 м — небольшое количество кальцинированных костей и топор типа V (?) (не сохранился или депаспортизирован).

Под комплексом 2 на глубине 1,8 м — скопление кальцинированных костей диаметром около 0,35 м с вещами (погребение 5): наконечник копья¹⁰; топор типа V (рис. 1, 5); два наконечника стрел; нож; пластинчатое кресало и кремь; два фрагмента оселка; коровий рог (без оковок); подковообразная фибула с длинной иглой (рис. 2, 9); два браслета; бляшка от поясной сумки (рис. 2, 10а, 10б); фрагменты цепочки; фрагменты гребня (рис. 2, 11); бронзовые оплавки.

В центре на глубине 1,8 м был обнаружен очаг, представляющий собой слой крупного угля

⁴ Здесь и далее типы топоров даны по А. Н. Кирпичникову (*Кирпичников*, 1966б).

⁵ Топор исследован Б. А. Колчиным (*Колчин*, 1953. С. 107, рис. 67, 22; 68, 22), для чего на нем был сделан спил. В месте исследования сечение состоит целиком из железа.

⁶ Наконечник копья исследован Б. А. Колчиным (*Колчин*, 1953. С. 142, 248, рис. 110, 24; 111, 13), для чего на нем был сделан спил. В месте исследования сечение состоит из неоднородной стали.

⁷ В старых описях обозначен как кочедык.

⁸ Здесь и далее типы фибул даны по классификации Я. Петерсена (*Petersen*, 1928).

⁹ Фибулы попали в выборку бронзовых предметов, химический состав которых был исследован разрушающим методом Д. А. Сабанеевым (Извлечение из прото-

колов..., 1884. С. 18. Табл. II, 1). Вероятно, в ходе анализа они были утрачены, поскольку не значатся в составленной Н. Е. Бранденбургом описи вещей, переданных ИАК в Российский Исторический музей (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1892. Д. 11. Л. 56, 63, 64). Имеющийся рисунок выполнен схематично, в общем виде для четырех фибул из разных курганов, но позволяет предположить, что все они относились к типу 51, по Я. Петерсену. В пользу этого говорит и упоминание Т. Арне фибул из кургана LX как схожих с фибулами типа 51 из другого комплекса (*Arne*, 1914. Р. 26; *Arne*, 2023. С. 61). Однако говорить об этом с уверенностью, а тем более определить их подтип и вариант, к сожалению, невозможно.

¹⁰ А. Н. Кирпичников предположительно отнес к этому комплексу наконечник копья с пером удлинненной-треугольной формы (тип III) из собрания Гос. Эрмитажа (ГЭ, Инв. № 895/64) (*Кирпичников*, 1966б. С. 72, № 74). Однако основания для этого предположения не вполне ясны и требуют уточнения, поскольку в инвентарной книге Гос. Эрмитажа информация о кургане и комплексе отсутствует, в соответствующей графе значится «р. Паша, Ново-Ладожский уезд, из курганов».

Рис. 2. Инвентарь кургана LX: 1, 2 — поясные бляшки; 3, 7, 9 — фибулы; 4 — подвеска-уточка; 5, 8 — бусы и пронизки; 6 — копоушка; 10а, 10б — бляшка от сумки (10а — современное состояние; 10б — Бранденбург, 1895. Табл. VI, 21); 11 — фрагменты гребня (1, 2 — погребение 1; 3-8 — погребение 3; 9, 10а, 10б, 11 — погребение 5)

Fig. 2. Inventory of the burial mound LX: 1, 2 — belt plaques; 3, 7, 9 — fibulae; 4 — pendant in the form of duck; 5, 8 — beads; 6 — ear cleaner; 10а, 10б — bag plaque (10а — current state; 10б — Бранденбург, 1895. Табл. VI, 21); 11 — comb's fragment (1, 2 — burial 1; 3-8 — burial 3; 9, 10а, 10б, 11 — burial 5)

на подмазке из глины; в его западной части найдена железная сковорода, а в восточной — фрагменты керамического горшка.

Предположительно женское захоронение располагалось в 1,4 м от центра на юг на глубине 1,4 м где был найден лежавший отдельно железный игольник (*Бранденбург*, 1895. С. 113, 114).

Таким образом, стратиграфическая картина кургана LX выглядит следующим образом. Погребение 2 — богатое мужское трупосожжение с мечом и другими предметами вооружения — находилось в верхнем ярусе кургана и непосредственно перекрывало богатое мужское погребение 5 нижнего яруса; очевидно, оно также было совершено позднее мужского погребения 4 с топором и, вероятно, несколько раньше мужского погребения 1 либо синхронно с ним. Однозначную хронологическую взаимосвязь погребения 2 с богатым женским погребением 3, расположенным в верхнем ярусе на другой стороне кургана, установить невозможно, но вполне вероятно их синхронное совершение.

С. И. Кочкуркина датировала погребения в LX кургане широко — X в. (*Кочкуркина*, 1989. С. 147, 148). О. И. Богуславский отнес захоронения 1, 2, 3 и 5 к периоду С2 — 920–950-е гг. (*Богуславский*, 1991а. С. 263, рис. 18, 168, 186, 201; 19, 227; 1991б. Рис. 2, 94, 105, 114).

К сожалению, некоторые важные датирующие находки — подковообразная фибула из комплекса 2 и овальные фибулы из комплекса 3 — были утрачены, и их точное типологическое определение невозможно. Большинство вещей датируются в широких пределах, не позволяющих существенно сузить датировку, однако среди них есть и хронологически значимые.

Погребение 1 содержало поясные бляшки класса XI, по В. В. Мурашевой (рис. 2, 1), другие виды которого найдены в Гнёздове и датируются второй половиной X в. (*Мурашева*, 2000. С. 37, 112). Такие бляшки связывают с «Волжско-болгарским» производственным центром, который начал широкомасштабное производство деталей поясной гарнитуры на экспорт во второй половине X в., а до этого обслуживал преимущественно запросы местного населения. Обращаясь к ранним датировкам курганов LX и LXV на Сязнеге, предложенным О. И. Богуславским, исследователи наборных украшений подчеркивают, что их хронология выбивается из общего ряда находок, и предпринимают поиск объяснений этому факту (*Мурашева*, 2000. С. 92, 93; *Мурашева и др.*, 2022. С. 138).

В погребениях 1 и 2 найдены ланцетовидные наконечники копий (тип I, по А. Н. Кирпичникову), отличающиеся коротким толстым пером прямыми лезвиями и резким переходом ко втулке (рис. 1, 1, 2). Такие наконечники относятся к позднему варианту ланцетовидных копий — типу N по расширенной классификации Я. Петерсена — В. Вике, который был распространен на Готланде, в Финляндии и Прибалтике и датируется серединой X — первой половиной XI в. (*Петерсен*, 2005. С. 68, рис. 26; *Hjardar, Vike*, 2016. Р. 175; *Щедрина*, 2022. С. 215–217). Также из погребения 2 происходит гребень второй группы, по О. И. Давидан, с футляром (рис. 3, б). На Земляном городище Старой Ладогои такие гребни встречаются только в горизонте D, преимущественно в его верхних слоях (*Давидан*, 1962. С. 101), а на Ладожском посаде — в основном в горизонтах IV и V, то есть в слоях 950–990-х гг. (*Иванова, Иванова*, 2012. С. 128, табл. 1).

В составе женского погребения 3 также присутствуют вещи, хронология которых не укладывается в интервал 920–950 гг. Продольно-полосатая лимонovidная бусина с темными полосками (рис. 2, 5) относится к типу, характерному для второй половины X — начала XI в. и не известному в комплексах первой половины X в. (*Львова*, 1968. С. 85; *Callmer*, 1977. С. 89, цв. табл. III, тип E161; *Захаров*, 2012. С. 218, 219). Полая подвеска-уточка (рис. 2, 4) представлена вариантом 1 типа XVIII, по Е. А. Рябинину, наиболее вероятная датировка которого — вторая половина X — середина XI в. (*Рябинин*, 1981. С. 35, 36).

В погребении 5 найдена центральная бляшка от поясной сумки «венгерского» типа (рис. 2, 10а, 10б). Находки украшенных такими бляшками сумок и их деталей на древнерусских памятниках многочисленны, а в Венгрии единичны (*Fodor*, 2017. Р. 13–16). Особенно широко сумочные бляшки были распространены в Гнёздове, где располагался один из центров их производства — на поселении известны находки бракованных отливок¹¹. Характерно, что ни в одном из богатых погребальных комплексов первой половины X в.¹² детали поясных сумок не найдены, при этом они известны в трупосожжениях середины — второй

¹¹ Неопубликованные находки 2020–2023 гг. в северной части Восточного селища, раскопки под руководством Б. Е. Янишевского и В. В. Новикова при участии автора статьи.

¹² Курганы Л-13, Л-35, Л-38, Л-47, Лб-1 (*Каинов*, 2019а. С. 52).

Рис. 3. Инвентарь погребения 2 кургана LX: 1 — оселок; 2 — нож; 3 — инструмент; 4 — кресало; 5 — шило; 6 — фрагменты гребня; 7 — фрагмент чаши (?) с оковкой; 8 — острие. Масштаб: а — для 1-5; б — для 6-8

Fig. 3. Inventory from the burial 2 of the burial mound LX: 1 — whetstone; 2 — knife; 3 — tool; 4 — flint; 5 — awl; 6 — comb's fragment; 7 — fragment of a bowl (?) with a fitting; 8 — blade tip. Scale: a — for 1-5; б — for 6-8

половины X в. и часто встречаются в богатых ингумациях второй половины — конца X в.¹³ Также в погребении 5 найден гребень второй группы, по О. И. Давидан (рис. 2, 11), рассмотренной выше. Таким образом, вероятнее всего этот комплекс датируется временем не ранее середины X в.

Итак, датировку всех погребений из кургана LX на Сязнеге, как верхнего, так и нижнего ярусов, можно ограничить серединой — второй половиной X в. Пока остается неясным, с каким временным промежутком они были совершены.

Описание меча

Меч из комплекса 2 кургана LX длительное время считался утраченным, и его тип не был известен (Кирпичников, 1966а. С. 90, № 1). В действительности же предмет хранился в ГИМ без указания точного места находки и попал в каталог мечей А. Н. Кирпичникова как происходящий из «окрестностей Новгорода» — это описание происходит из немецкоязычной публикации В. В. Арндта (Кирпичников, 1966а. С. 82, 83, № 69; *Arendt*, 1933. S. 164, Abb. 13). В составленном Арндтом каталоге мечей из музея он был учтен под номером 17 и сопровождался краткой записью «Новгор.», которая могла означать или сам Новгород, или Новгородскую губернию (Каинов, 2008. С. 146, 149, рис. 5, 17).

В ходе архивной работы автору статьи удалось обнаружить в личном фонде Н. Е. Бранденбурга рисунок мечей из его раскопок, среди которых оказался изображен и хорошо узнаваемый меч из собрания ГИМ с подписью «XV/11», что означает «предмет № 11 из кургана XV по дневниковому номеру» (НА ВИМАИВВС. Ф. 30. Оп. 1. Д. 119. Л. 91). Таблицы для перевода номеров курганов по дневнику в номера по публикации сохранились в деле «О приобретении от Н. Е. Бранденбурга коллекции древних вещей» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. 1892. Д. 11. Л. 58). Кургана XV по дневнику соответствует кургану LX по публикации, а под номером XV/11 в описи предметов, переданных ИАК в Российский Исторический музей, значится железный меч (Там же. Л. 63). Таким образом, место находки и место хранения меча были достоверно установлены и после почти вековой путаницы связаны вновь. В настоящий момент меч находится в основной экспозиции ГИМ (зал № 8)¹⁴. Меч сохранился целиком, детали

рукояти — очень хорошо, клинок — с утратами, включая сквозные отверстия (рис. 4). Органические части рукояти не сохранились, и перекрестие свободно перемещается по черену клинка.

Общая длина меча — 92,0 см, длина клинка от плечиков до острия — 79,0 см. Ширина клинка у перекрестия составляет 5,2 см, толщина — 0,5 см. Клинок имеет необычно широкий дол — в верхней части клинка его ширина около 3,0 см. Как сам клинок, так и дол сужаются к острию слабо: на хорошо сохранившемся участке в 45,0 см от острия их ширина составляет 4,9 и 2,8 см соответственно. В 8,0 см от острия клинок сужается до 3,9 см, дол — до 2,1 см. На острие клинка лезвия сходятся в одну точку под углом 70° (рис. 4, 4).

На клинке А. Н. Кирпичниковым были выявлены остатки клейма, относящегося к семейству клейм «Ульфберт» (рис. 4, 2, 3). Надпись отстоит от перекрестия на 4,4 см и имеет длину около 16,0 см. Как уже отмечалось выше, меч имеет необычно широкий дол, поэтому высота букв также большая — около 2,7 см. Вставки — буквы и линии клейма — изготовлены из узорчатых прутков (сварного дамасска). Четко читается начало надписи — «+V...», ее середина почти утрачена, а окончание сохранилось фрагментарно. В своей реконструкции надписи А. Н. Кирпичников предположил, что крест в качестве отдельного знака отсутствует, а «встроен» в букву «Н» — ее продленная поперечина упирается в букву «Т», при этом вся надпись оканчивается вертикальным столбиком (Кирпичников, 1966а. Табл. XVI, 5). Однако кажется более вероятным, что крест расположен в конце надписи, и фрагменты вертикального столбика относятся к нему. Также вызывают вопросы буквы «L» и «R», части которых (нижняя горизонтальная и диагональная линии соответственно) на клейме отсутствуют или во всяком случае неразличимы. Таким образом, клеймо могло относиться к варианту написания «+VLFBERHT+» или к вариантам с неправильными буквами или буквоподобными знаками. Уточнить информацию помогла бы только повторная расчистка клинка. На обратной стороне на расстоянии 5,9 см от перекрестия также имеется фрагментарно сохранившееся клеймо, предположительно представлявшее собой косую решетку — фигуру из косоугольного ромба, с обеих сторон окруженную тремя поперечными столбиками.

организацию работы с предметом и всестороннюю помощь.

¹³ Курганы Ц-191, Ц-241/1, Ц-255, Л-95, Дн-4, ПОль-56 (Жарнов, 1992. С. 246–306).

¹⁴ Инв. № ГИМ Оп. В. 2585/1. Искренне благодарю С. Ю. Каинова за предоставленные материалы,

Рис. 4. Меч из кургана LX: 1 — общий вид; 2 — рисунок с прорисовкой клейма; 3 — клеймо; 4 — острие клинка
 Fig. 4. Sword from the burial mound LX: 1 — general view; 2 — drawing with the mark's outline; 3 — mark; 4 — blade tip

Рукоять меча (рис. 5; 6) состоит из двух деталей: навершия и перекрестия, которые надеты на черен клинка, расклепанный на вершине навершия. Длина хвата рукояти составляла 9,0 см.

Навершие имеет не идеальную геометрическую (полукруглую или полуовальную), а несколько более сложную форму «шляпки гриба»: оно слегка сужается к нижнему краю (самое широкое место находится чуть выше), а нижний край детали незначительно, едва заметно изогнут. Навершие выделяется своими необычными пропорциями. Деталь очень сильно вытянута в длину, которая составляет 8,4 см, при этом высота более чем вдвое меньше — 4,1 см. Навершие достаточно тонкое — толщиной 2,1 см, в плане имеет овальную форму. Профиль плавно, с закруглением сужается кверху. На вершине имеется слегка уплощенная грань шириной 1,0 см, которая к середине боковых сторон становится менее выраженной и полностью сходит на нет к нижнему краю детали.

Перекрестие прямое, в плане прямоугольное с закругленными краями, тонкое и довольно узкое. Длина детали составляет 11,6 см, высота — 1,2 см, толщина — 2,1 см. С нижнего торца перекрестие имеет аккуратный паз под клинок ладьевидной формы размерами 6,1 × 0,6 см, с верхнего — прямоугольное отверстие 3,6 × 0,6 см для черена клинка.

Помимо необычных пропорций навершия меча примечательно тем, что в силу особенностей сохранности металла оно наглядно демонстрирует технологию производства изделия. На нижнем торце навершия хорошо виден продольный сварной шов, тянущийся от одного из углов отверстия для черена клинка к краю детали. Отсутствие симметричного шва на другой половине детали говорит о том, что канал для черена клинка был сформирован путем сгибания железной заготовки пополам. Канал в нижней части навершия получился шире черена клинка — их размеры составляют 1,8 × 0,5 и 1,4 × 0,4 см соответственно. Помимо этого, внутри детали по одной из сторон канала, вдоль сварного шва, имеется небольшое поднутрение — вероятно, не намеренное, а обусловленное недостаточной проковкой центральной части детали при ее сварке. На вершине навершия также виден продольный сварной шов — тонкая щель длиной 1,8 см в центре детали, с обеих сторон от расклепанного черена клинка. Шов продолжается без непроваров вдоль одной из боковых сторон до стыковки со швом, видимым на нижнем торце навершия.

На перекрестии меча не видно никаких сварных швов, а видимые слои неоднородного металла свидетельствуют о формировании отверстия для черена и паза для плечиков клинка методом прошивки. Таким образом, две детали одного меча — навершие и перекрестие — изготовлены разными способами: перекрестие отковано из цельной заготовки с последующей прошивкой отверстия; навершие сформировано сразу с каналом-отверстием путем складывания заготовки пополам «книжкой» и кузнечной сварки. Несомненно, это обусловлено разной геометрией деталей и каналов в них — в обоих случаях был выбран оптимальный наименее трудозатратный кузнечный метод.

Типология

Меч относится к типу X, по Я. Петерсену. Это один из самых простых типов мечей с железными деталями рукояти без орнаментации. Его отличительной чертой является односоставное навершие полукруглой формы, в продольном сечении равномерной ширины с закругленными концами (Petersen, 1919. P. 158–167; Петерсен, 2005. С. 186–194)¹⁵. В классификации А. Гейбига типу X по Я. Петерсену соответствует вариант I комбинированного типа 12 (Geibig, 1991. S. 56–58).

Мечи типа X были распространены в ранне-средневековой Европе повсеместно. К настоящему моменту известно более 300 опубликованных находок: около 100 — в Скандинавии, 30 — в Финляндии, 50 — в Прибалтике, 20 — на Британских островах, 100 — в Центральной и Западной Европе (Щедрина, 2022. С. 106, 107)¹⁶. К типу X относятся два меча из курганов Юго-Восточного Приладожья: рассматриваемый в настоящей статье из кургана LX на Сязнеге, а также меч из комплекса 7 кургана 1 могильника Галично I на р. Тихвинке (раскопки В. А. Назаренко 1974 г.) (Кочкуркина, 1989. С. 59; Кирпичников, 1992. С. 79). На древнерусской территории обнаружено три целых меча: два в Михайловском (Зозуля, 2008. С. 339), один в Пашуках (Liwoch, 2008. P. 52, гус. 3, 1), а также ряд отдельных деталей рукояти: три навершия в Гнёздове (Каинов, 2019б. С. 68, 69), одно —

¹⁵ Далее указываются ссылки на русскоязычное издание работы Я. Петерсена.

¹⁶ Приведенная округленная статистика основана на базе данных автора. В монографии чешских исследователей приводится несколько большее число — 370 находок, однако их распределение по странам не указано (Hošek et al., 2021. P. 304).

Рис. 5. Меч из кургана LX. Рукоять

Fig. 5. Sword from the burial mound LX. Hilt

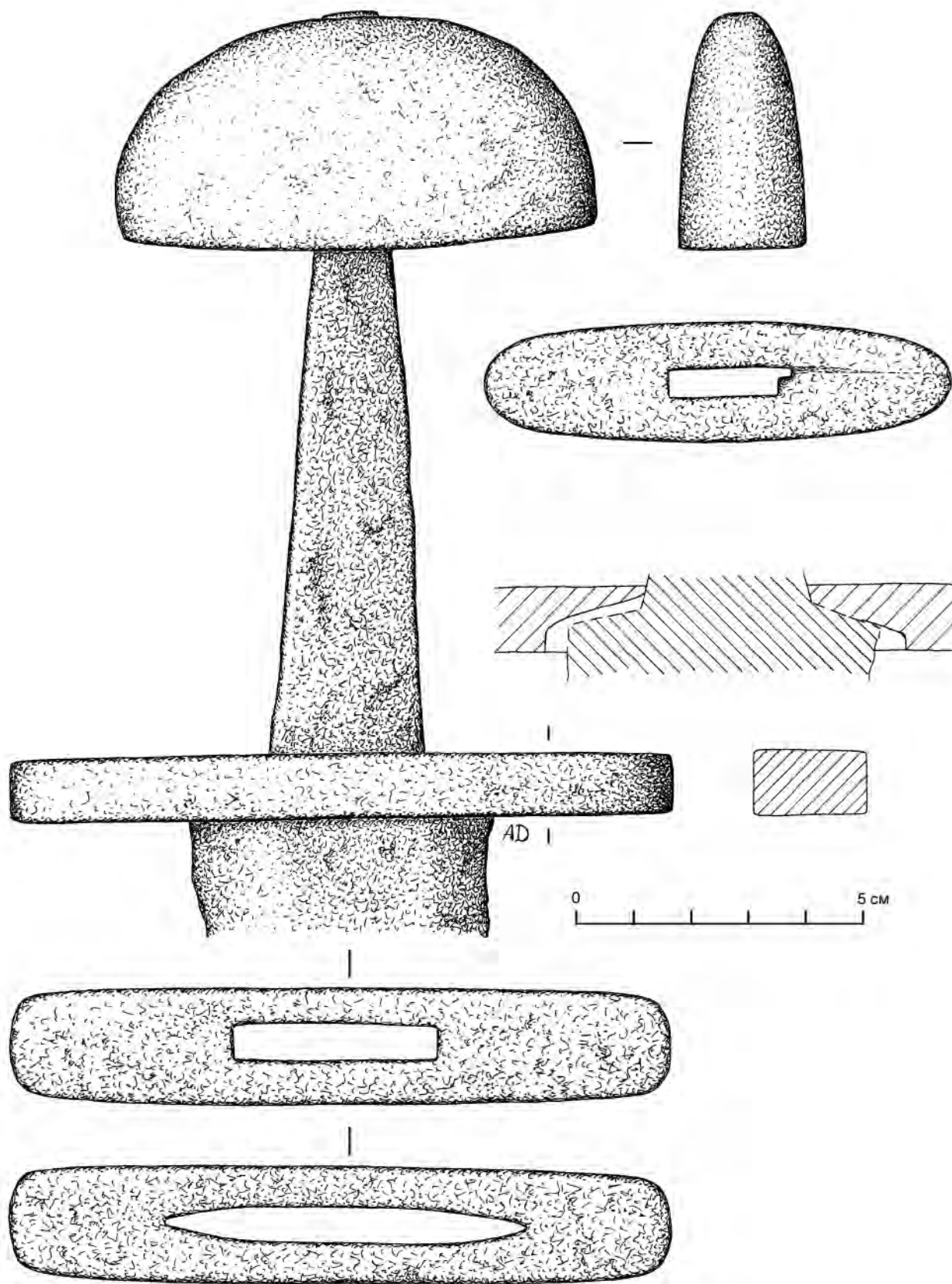

Рис. 6. Меч из кургана LX. Рукоять (рисунок А. Дементьевой)

Fig. 6. Sword from the burial mound LX. Hilt (drawing by A. Demytyeva)

в Шестовице (Андрощук, Зоценко, 2012. С. 281), остальные происходят из несанкционированных раскопок, и точное место их находки неизвестно.

Вопрос о хронологии мечей типа X долгое время оставался дискуссионным. Я. Петерсен датировал появление этого типа в Норвегии первой половиной X в. и сразу предположил, что по своему происхождению он не скандинавский (Петерсен, 2005. С. 192–194). Х. Арбман отнес появление типа X к концу IX в. и связал его с позднекаролингским производством (Arbman, 1937. P. 217, 227). А. Гейбиг отметил несколько находок из бывшей Чехословакии, по которым датировал появление типа 12-I серединой IX в. (Geibig, 1991. S. 144, 145, Abb. 39). При этом большинство исследователей, анализирувавших северо- и восточноевропейский материал, склонялись к датировке мечей типа X в этих регионах X — началом XI в. (Андрощук, 2013. С. 76; Каинов, 2019б. С. 68) либо даже в рамках второй половины X — XI в. (Курничников, 1966а. С. 33; Hjardar, Vike, 2016. P. 169). Окончательно вопрос о времени появления мечей типа X разрешило подробное исследование и публикация находок с территории Чехии, где они часто встречаются в погребениях, надежно — как по погребальному инвентарю, так и по стратиграфии — датируемых второй половиной или концом IX в. (например, погребения 438, 805 и 1347 в Микульчице, 174 и 257 в Бржецлав-Поганско) (Hošek et al., 2021. P. 303–308). Таким образом, начало производства мечей типа X в Центральной Европе можно датировать периодом около середины IX в. Их проникновение на территорию Скандинавии, вероятно, относится к началу X в., а широкое распространение и массовое местное производство — к середине и второй половине этого столетия. Датировка мечей классического типа X ограничивается первой половиной XI в. На протяжении XI–XII вв. этот тип мечей продолжает развиваться и эволюционирует в мечи других средневековых типов с более толстым навершием и длинным перекрестием — типы 12-II, 15, 16, по А. Гейбигу (Geibig, 1991. S. 151, Abb. 39).

Меч из Сязнеги имеет очень необычные пропорции деталей рукояти. Длины его навершия и перекрестия (8,4 и 11,6 см) соотносятся как 1:1,4. Другие мечи типа X с такими пропорциями деталей рукояти неизвестны: длина навершия рассматриваемого меча больше, чем у всех известных скандинавских, европейских и древнерусских образцов, а длина перекрестия, напротив, соответствует наиболее коротким аналогам.

Так, у 26 шведских мечей типа X, измеренных Ф. Андрощуком (Андрощук, 2013. С. 75), длина навершия варьируется от 4,7 до 7,5 см (средняя 5,7 см), при этом их перекрестия в 1,8–2,8 раза длиннее. Один экземпляр из Норвегии¹⁷ имеет схожее по размерам навершие (приблизительно 8,0 × 4,0 см), но значительно более длинное перекрестие — около 15,5 см и пропорцию 1:1,9 (рис. 7, 2). Еще один норвежский меч¹⁸ похож по размерам деталей — длина его навершия составляет около 7,5, а перекрестия — около 12,0 см (рис. 7, 3), однако их соотношение все же несколько ближе к классическому — 1:1,6. В центральноевропейском материале мечи с аналогичными пропорциями деталей рукояти отсутствуют — длина навершия из Чехии варьируется от 5,1 до 7,0 см (средняя 6,2 см), а среднее соотношение с перекрестием составляет 1:2 (Hošek et al., 2019. P. 55–387). Для объяснения феномена появления на периферии «мира викингов» — в Юго-Восточном Приладожье — столь необычного образца необходимо разобраться в разнообразии и эволюции мечей типа X в целом.

Я. Петерсен выделил два варианта мечей типа X, различающихся пропорциями деталей рукояти (прежде всего навершия), которые он считал хронологическими признаками. «Ранний» вариант представляет собой небольшую и достаточно неоднородную группу мечей, часть которых обладают индивидуальными особенностями, служа примерами «смешения» и подражания другим типам: у них могут быть слегка изогнутые, ладьевидные в плане перекрестия, на навершия некоторых экземпляров нанесены бороздки, имитирующие деление на головку и основание навершия и даже трехчастное строение головки навершия. Навершия у этих мечей высокие, длинные и тонкие (так, размеры навершия, указанного Я. Петерсеном в качестве образца меча «раннего» варианта, составляют 7,8 × 5,1 см). Мечи «позднего», или «основного», варианта значительно более многочисленны (40 из 49 учтенных Я. Петерсеном норвежских мечей). Они имеют более

¹⁷ Меч хранится в Музее истории культуры (Университет Осло), инв. № С1839. Место находки — Вестре Берг (Vestre Berg), коммуна Летен (Løten), фюльке Хедмарк (Hedmark).

¹⁸ Меч хранится в Музее естественной истории и археологии (Норвежский технологический университет, Тронхейм), инв. № Т17964. Место находки — Гравраак (Gravraak), коммуна Мельхус (Melhus), фюльке Тренделаг (Trøndelag).

Рис. 7. Мечи типов X и Y с «длинным» навершием: 1 — Сязнега, Россия; 2 — Вестре Берг, Норвегия; 3 — Гравраак, Норвегия; 4 — Оппдал, Норвегия; 5 — Хямеэнлинна, Финляндия; 6 — Финляндия (точное место находки неизвестно)

Fig. 7. Swords of the types X and Y with a “long” pommel: 1 — Syaznega, Russia; 2 — Vestre Berg, Norway; 3 — Gravraak, Norway; 4 — Oppdal, Norway; 5 — Hämeenlinna, Finland; 6 — Finland (exact find location unknown) [2–4 — Unimusportalen // URL: <https://www.unimus.no/> (accessed: 21.03.2025); 5 — Moilanen, 2018. P. 135; 6 — Museovirasto // URL: <https://museovirasto.finna.fi/> (accessed: 21.03.2025)]

низкие (2,7–3,5 см), короткие (5,0–6,5 см) и толстые навершия. Перекрестия у мечей этого варианта прямые, низкие, могут быть как длинными, так и короткими (Петерсен, 2005. С. 186–188). Важно, что введя термины «раннего» и «позднего» вариантов, которые мы намеренно заключаем в кавычки, Я. Петерсен сразу оговорил их условность: «В целом, <...> комплексы находок [мечей «раннего» варианта. — *Примеч. А. Шц.*] согласуются с основной [то есть «поздней»] группой, и, исходя из комплексов, мы не можем увидеть какую-либо ярко выраженную разницу во времени» (Там же. С. 190). К такому же выводу пришел и Ф. Андросук, заключивший, что данное разделение мечей типа Х на варианты отражает скорее представления Я. Петерсена о возможной эволюции, чем реальные хронологические изменения (Андросук, 2013. С. 75, 76). Исследователь отметил, что меч типа Х, происходящий из погребения второй половины IX — начала X в. близ Ларна в Ирландии (*Fanning*, 1970. P. 74, fig. 1) — самого раннего из известных на сегодняшний день комплексов с мечом типа Х в Северной Европе, по морфологии относится к «позднему» варианту по Я. Петерсену.

Итак, Я. Петерсен предполагал, что мечи типа Х появились в ходе эволюции (упрощения) мечей с составным навершием, части которого со временем «срослись» — именно по этой причине мечи типа Х с орнаментальной имитацией такого разделения он обозначил как типологически более ранние и сравнил с типом W. Это суждение видится очень логичной попыткой выстроить эволюционную схему на базе скандинавских находок, но опровергается центральноевропейским материалом: среди наиболее ранних мечей типа Х, датированных IX в., нет ни одного экземпляра с орнаментальным разделением навершия на части в подражание мечам других типов.

Важное значение имеют отмеченные Я. Петерсеном особенности размеров деталей рукояти разных вариантов мечей типа Х, поскольку соотношения длин навершия и перекрестия, характерные для «раннего» (длинное навершие, короткое перекрестие) и «позднего» (короткое навершие, длинное перекрестие) вариантов мечей типа Х, полностью вписываются в общую тенденцию эволюции скандинавских мечей эпохи викингов. Так, например, если мы рассмотрим типы мечей с трехчастной головкой навершия, то заметим, что у мечей более раннего типа Е разница в длинах навершия и перекрестия незначительна, а у более позднего родственного ему типа V она существенна

(рис. 8, 2). Не менее ярко эта тенденция видна и на примере самого распространенного в Скандинавии типа Н, прямым «потомком» которого стал тип I: одним из ключевых различий мечей раннего и позднего вариантов (которые часто объединяют в один тип Н/I из-за сложности проведения между ними границы) является соотношение длин навершия и перекрестия. Таким образом, у досконально изучившего скандинавские типы мечей Я. Петерсена были основания полагать, что такая же тенденция наблюдалась и среди мечей типа Х. В таком случае — если бы эта логика была верна — меч из Сязнеги с рекордно длинным навершием и коротким перекрестием следовало бы признать одним из древнейших мечей типа Х, что, конечно, не соответствует действительности.

Центральноевропейский материал показывает, что навершия и перекрестия самых ранних мечей типа Х уже с момента его появления в IX в. значительно различались по длине. Изменение соотношения длин этих деталей, видимо, произошло в Каролингской империи накануне появления типа Х, в ходе развития мечей типа К (*Hošek et al.*, 2021. P. 275, 299). Наиболее логичной видится эволюция типов К — N — X в два этапа: сперва упрощение и «округление» головки навершия, затем «срастание» деталей (*Košta, Hošek*, 2009. P. 110, obr. 1). Однако промежуточный характер типа N в этой цепочке умозритель и пока не доказан, в первую очередь из-за малого количества находок мечей этого типа (*Hošek et al.*, 2021. P. 301). Следуя этой логике, польские исследователи разделили навершия типа Х на два варианта: у первого — по их предположению более раннего, копирующего форму двухчастных наверший, — боковые стороны снизу параллельны друг другу и начинают закругляться выше, а у второго они закругляются сразу, так что навершие имеет форму полукруга (*Kucypera et al.*, 2011). Однако в действительности оба описанных варианта наверший встречаются среди самых ранних находок мечей типа Х на великоморавских памятниках (*Hošek et al.*, 2021. P. 307).

Таким образом, появление и распространение цельного полукруглого навершия как самостоятельной формы было весьма стремительным явлением, которое можно назвать скорее революционным, чем просто эволюционным: на территории Великой Моравии тип Х почти сразу после своего появления стал преобладающим. Чешские исследователи рассматривают две версии начала производства мечей типа Х, которые могли быть и двумя этапами одного процесса. Возможно,

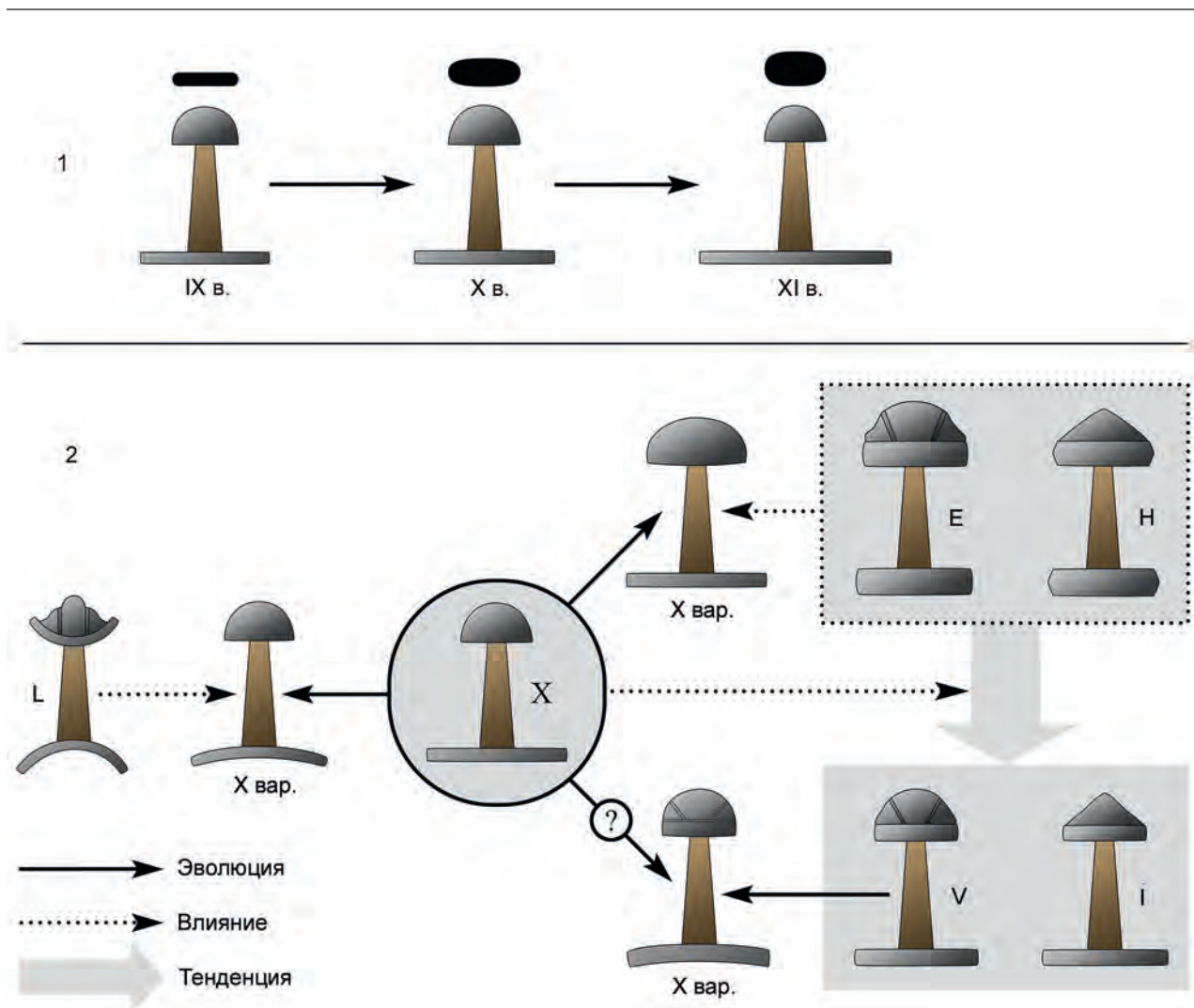

Рис. 8. Развитие мечей типа X: 1 — линейная общеевропейская эволюция в IX–XI вв.; 2 — эволюция в Скандинавии (взаимодействие с североевропейскими типами мечей и появление местных вариантов в X в.)

Fig. 8. Development of type X swords: 1 — linear pan-European evolution in the 9th–11th cent.; 2 — evolution in Scandinavia (interaction with Northern European sword types and the emergence of local variants in the 10th cent.)

изначально простые одноставные навершия появились на периферии Каролингской империи, где они могли заменить (а не имитировать) роскошные двухчастные образцы. Однако скорее упрощенная форма и конструкция этих деталей отражают намеренный шаг в сторону рационализации производства, предпринятый крупными мастерскими в центральной части империи. Последняя версия лучше объясняет популярность рукоятей мечей типа X среди представителей самых высоких социальных слоев (элитарные погребения в Микульчице) и укомплектование ими очень высококачественных клинков. Упрощение формы деталей также может быть связано с разделением производства, если передовые мастерские начали поставлять клинки без рукоятей,

которые устанавливались уже другими мастерскими на местах (Hošek et al., 2021. P. 304, 305).

Каковы бы ни были пути возникновения типа X — он появился в Центральной Европе и попал в Скандинавию уже в готовом, полностью сформировавшемся виде. Необходимо отметить, что все сказанное выше относительно происхождения и хронологии также справедливо и характерно для еще одного типа мечей — Y по Я. Петерсену, с навершием седловидной формы¹⁹. Несомненно, в ходе своего длительного бытования и распространения на новых территориях типы X и Y

¹⁹ Комплексный анализ центральноевропейских мечей типа Y опубликован чешскими исследователями (Hošek et al., 2021. P. 309–314).

шли в тесной связке. По пропорциям деталей рукояти (а именно — соотношению длин навершия и перекрестия) такие мечи значительно отличались от синхронных им скандинавских типов второй половины IX — начала X в. Эти типы мечей в силу своего происхождения и хронологии не могут являться конечным продуктом наблюдаемой в скандинавском материале эволюции пропорций, как это предполагал Я. Петерсен, но несомненно с ней связаны. Вполне вероятно, что именно они — привнесенные из Центральной Европы в Скандинавию типы X и Y — и стали импульсом, запустившим новую тенденцию в эволюции местных североευропейских типов мечей (упомянутые типы K и N вряд ли могут претендовать на эту роль, поскольку они не получили в Скандинавии широкого распространения). При этом сами эти типы тоже менялись с течением времени, и в их развитии должны были присутствовать как общеевропейские хронологические тенденции, так и региональные ветви.

Два основных эволюционных признака, характерных для мечей типа X как в Центральной и Западной, так и в Северной Европе, — это толщина навершия и длина перекрестия (рис. 8, 1). Сопоставим размерные характеристики наверший мечей типа X из Чехии (28 экземпляров) и Швеции (26 экземпляров, включая два без навершия и два без перекрестия) — две эти выборки сопоставимы, репрезентативны и хорошо задокументированы (Андрощук, 2013. С. 75; Hošek et al., 2019. P. 55–387). Средняя толщина наверший у чешских (великоморавских) мечей, датируемых концом IX — началом X в., составляет 1,8 см, в то время как у шведских, датируемых X в., преимущественно его второй половиной, — началом XI в., она равняется 2,6 см. У мечей XI в., известных в основном по центрально- и западноевропейскому материалу, навершие становится еще более толстым. Длина перекрестия у мечей второй половины IX — начала XI в. из Чехии и Швеции различается менее выражено — средние значения составляют 12,0 и 12,6 см соответственно, однако этот параметр резко увеличивается при переходе от эпохи викингов к развитому средневековью в XI в. (что было отмечено еще Я. Петерсеном).

Сравнение мечей из разных регионов позволяет выделить несколько сугубо скандинавских вариаций типов X и Y, совершенно нехарактерных для центральноевропейских образцов (рис. 8, 2). К ним относится, например, наличие легкого или выраженного изгиба перекрестия — такую особенность скандинавские мечи, вероятно, переня-

ли у англосаксонского типа L. Встречаются и другие варианты перекрестий — например, изогнутые с расширяющимися концами, форма которых схожа с мечами типа Q.

Мечи типа X «раннего» варианта по Я. Петерсену с орнаментальной имитацией разделения навершия на части также характерны только для Скандинавии и не встречаются в Центральной Европе. Если основной и наиболее распространенный вариант мечей типа X с деталями рукояти простой формы, принятой за стандарт, мог производиться в крупных оружейных мастерских, нацеленных на массовое производство мечей (сначала в центральноевропейских, затем и в скандинавских), то немногочисленные вариативные образцы, по форме напоминающие другие типы мечей, — в местных кузницах. При этом их непосредственная связь с классическим типом X неочевидна — такие мечи могли появиться и автономно от них, по предложенному Я. Петерсеном сценарию упрощения и подражания богатым типам с трехчастной головкой навершия (E, V, W, T-2).

Аномальная длина навершия меча из Сязнеги, видимо, обусловлена стремлением мастера изготовить меч типа X с пропорциями деталей, характерными для североευропейской традиции. На фоне общей тенденции к уменьшению длины навершия и удлинению перекрестия такое явление видится неким «обратным вектором» — развитием более «прогрессивной» модели в традиционно-архаичном направлении. Такие случаи, впрочем, очень редки. Известны единичные находки модифицированных по такому же принципу мечей типа Y с длинным навершием и стандартным перекрестием в Норвегии и Финляндии (рис. 7, 4–6) (Moilanen, 2015. P. 258, 259, 350; 2018. P. 135).

Широкий, слабо сужающийся клинок меча из Сязнеги с широким (около 3,0 см) долом относится к типу 2, по А. Гейбигу (Geibig, 1991. S. 85). Согласно исследователю, этот тип клинков был распространен в 750–950-е гг. (Ibid. S. 153, Abb. 40). В чешском материале встречаются мечи с таким же и еще более широким долом — 3,00–3,75 см. Несколько таких выявлено на мечах второй половины VIII — первой половины IX в., но большинство относятся к концу IX — второй трети X в. (Hošek et al., 2021. P. 48–51, table 2; 67). Среди них преобладают клинки с дамасскировкой, но есть и два экземпляра с клеймами группы Ulfberht — «...BERHT» и «IVLFBERHTI» (Hošek et al., 2019. P. 145, 195, 196). В Финляндии клинки с долом шириной около 3,0 см существовали как в раннюю, так и в позднюю эпоху викингов —

среди них есть мечи типов H, V и X с клеймами «+VLFBRHT+», «+VLFBRH+T» и др. (Moilanen, 2015. P. 351, 364, 412) — и даже в эпоху крестовых походов, например, меч финско-эстонского посеребренного типа из Тампере с клеймами «+BENOMEFECIT» / «+INNOMIEDMI+» и знаменитый меч с бронзовыми деталями рукояти из Суонтаки с клеймами «+NIOIN+» / «+NMIN+», датируемый второй половиной XI — первой половиной XII в. (*Ibid.* P. 410, 411). Таким образом, в финской, а возможно, и шире — северо-европейской, традиции широкий клинок с широким долем существовал длительное время и не может являться хронологическим признаком.

* * *

Итак, анализ меча из кургана LX на Сязнеге показал, что, будучи по одним параметрам

типичным, по другим он обладает редкими или уникальными свойствами, отражающими взаимное влияние оружейных традиций Центральной и Северной Европы. В морфологии как деталей рукояти, так и клинка присутствуют архаичные признаки, находящиеся больше всего параллелей в материалах Финляндии и Норвегии, что может указывать на место производства меча. Такой образец мог быть изготовлен ближе к середине X в., когда изначально центрально-европейский тип X, по Я. Петерсену, распространился в Скандинавии, но мода на рукояти традиционных северо-европейских пропорций все еще была сильна. Эта датировка хорошо согласуется с вероятным временем совершения погребения LX/2 в середине — второй половине X в.

Статья поступила в редакцию 2 декабря 2025 г.

- Андрощук, 2013 — Андрощук Ф. Мечи викингов. Киев: Простір, 2013. 712 с.
- Андрощук, Зоценко, 2012 — Андрощук Ф., Зоценко В. Скандинавские древности Южной Руси: Каталог. Paris: ACHSbyuz, 2012. 369 с.
- Арне, 2023 — Арне Т. Швеция и Восток: Археологические исследования взаимоотношений Швеции и Востока в эпоху викингов / Отв. ред. перевода, сост. Н. А. Кренке. М.: ИА РАН, 2023. 296 с.
- Богуславский, 1991a — Богуславский О. И. Южное Приладожье во второй половине I — начале II тысячелетия: опыт историко-культурной периодизации: Дис. ... канд. ист. наук. 07.00.06. — археология / ИИМК РАН. СПб., 1991. 305 с.
- Богуславский, 1991b — Богуславский О. И. К хронологии Юго-Восточного Приладожья IX–XII вв. // Проблемы хронологии и периодизации в археологии / Отв. ред. А. Н. Кирпичников. Л.: Ленуприздат, 1991. С. 99–114.
- Бранденбург, 1895 — Бранденбург Н. Е. Курганы Южного Приладожья. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1895 (МАР; № 18.). 156 с.
- Давидан, 1962 — Давидан О. И. Гребни Старой Ладоги // Археологический сборник Гос. Эрмитажа (АСГЭ). Л.: Гос. Эрмитаж, 1962. Вып. 4: Славянские древности. С. 95–108.
- Жарнов, 1992 — Жарнов Ю. Э. Погребальный обряд в Древней Руси по материалам Гнёздовского некрополя: Дис. ... канд. ист. наук. 07.00.06. — археология / МГУ, Ист. фак-т. М., 1992. 311 с. + Приложения (84 с.: ил.).
- Захаров, 2012 — Захаров С. Д. Белоозеро // Русь в IX–XI веках: археологическая панорама / Отв. ред.
- Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 212–239.
- Зозуля, 2008 — Зозуля С. С. Комплекс вооружения могильников Ярославского Поволжья X–XI вв. // Труды II (XVIII) Всерос. археологического съезда в Суздале. Т. II / Отв. ред. А. П. Деревянко, Н. А. Макаров. М.: ИА РАН, 2008. С. 337–340.
- Иванова, Иванова, 2012 — Иванова И. В., Иванова Н. Ю. Коллекция костяных изделий Ладоги (по материалам из раскопа близ Варяжской улицы в пос. Старая Ладога) // АВ. 2012. Вып. 18. С. 124–144.
- Извлечение из протоколов..., 1884 — Извлечение из протоколов Комиссии по производству химико-технических анализов древних бронз // Труды Комиссии по производству химико-технических анализов древних бронз. № 1. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1884. Вып. 1. 56 с.
- Каинов, 2008 — Каинов С. Ю. Каталог мечей из собрания Государственного исторического музея, составленный В. В. Арндтом // Военная археология / Отв. ред. О. В. Двуреченский. М.: Квадрига, 2008. Вып. 1: Сб. материалов семинара при ГИМ. С. 145–155.
- Каинов, 2019a — Каинов С. Ю. В поисках раннего Гнёздова (Раскопки кургана Л-210 в Лесной курганной группе) // Край Смоленский. 2019. № 2. С. 50–52.
- Каинов, 2019b — Каинов С. Ю. Сложение комплекса вооружения Древней Руси X — начала XI века (по материалам Гнёздовского некрополя и поселения): Дис. ... канд. ист. наук. 07.00.06. — археология / МГУ, Ист. фак-т. М., 2019. 342 с.
- Кирпичников, 1966a — Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 1: Мечи и сабли IX–XIII вв. М.; Л.: Наука, 1966 (САИ; Вып. Е1-36). 181 с.

- Кирпичников, 1966б — Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 2: Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени X–XIII вв. М.; Л.: Наука, 1966 (САИ; Вып. Е1-36). 147 с.
- Кирпичников, 1992 — Кирпичников А. Н. Новообнаруженные клейма раннесредневековых мечей // Fasciculi Archaeologiae historicae. Łódź: Wydawnictwo PAN, 1992. Fasc. V. P. 61–81.
- Колчин, 1953 — Колчин Б. А. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси (Домонгольский период). М.: Изд-во АН СССР, 1953 (МИА; № 32). 259 с.
- Кочуркина, 1989 — Кочуркина С. И. Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья X–XIII вв. Петрозаводск: Карелия, 1989. 347 с.
- Лебедев, 1969 — Лебедев Г. С. Археологическая разведка в нижнем течении р. Паши. 1969 г. // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 4021. 56 л., 80 ил., 25 черт. б. ф.
- Львова, 1968 — Львова З. А. Стекланные бусы Старой Ладogi. Способы изготовления, ареал и время распространения // АСГЭ. Л.: Советский художник, 1968. Вып. 10: Материалы и исследования по археологии СССР. С. 64–94.
- Мурашева, 2000 — Мурашева В. В. Древнерусские ремненные наборные украшения (X–XIII вв.). М.: УРСС, 2000. 136 с.
- Мурашева и др., 2022 — Мурашева В. В., Зайцева И. Е., Соболев В. Ю. Металлические ремненные наборные украшения в Древней Руси (очерк) // Мир Средневековья. Проблемы вещеводаения / Отв. ред. В. Ю. Коваль. М.: ИА РАН, 2022. С. 134–160.
- Петерсен, 2005 — Петерсен Я. Норвежские мечи эпохи викингов. Типохронологическое изучение оружия эпохи викингов. СПб.: Альфарет, 2005. 352 с.
- Рябинин, 1981 — Рябинин Е. А. Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. Л.: Наука, 1981 (САИ; Вып. Е1-60). 124 с.
- Щедрина, 2022 — Щедрина А. Ю. Предметы вооружения из курганов Юго-Восточного Приладожья (IX–XII вв.): Магистерская диссертация. М.: МГУ, 2022. Т. I: Текст. 434 с.
- Arbman, 1937 — Arbman H. Schweden und das Karolingische Reich: Studien zu den Handelsverbindungen des 9. Jahrhunderts. Stockholm: Wahlström Widstrand, 1937. 271 p.
- Arendt, 1933 — Arendt W. Das Schwert der Wäringzeit in Rußland // Mannus. 1933. Bd. 25. S. 163–175.
- Arne, 1914 — Arne T. J. La Suède et l'orient: études archéologiques sur les relations de la Suède et de l'orient pendant l'âge des Vikings. Uppsala: K. W. Appelberg, 1914. 240 p.
- Callmer, 1977 — Callmer J. Trade Beads and Bead Trade in Scandinavia ca 800–1000 AD. Lund: CWK Gleeruy, 1977. 229 p.
- Fanning, 1970 — Fanning T. The Viking Grave Goods Discovered near Larne, Co. Antrim in 1840 // The Journal of the Royal Historical and Archaeological Association of Ireland. 1970. Vol. 100. P. 71–78.
- Fodor, 2017 — Fodor I. Honfoglalás kori tarsolylemezeink kialakulása // A nyíregyházi Jósa András Múzeum Évkönyve. 2017. Vol. 59. P. 13–30.
- Geibig, 1991 — Geibig A. Beiträge zur morpfologischen Entwicklung des Schwertes im Mittelalter: Eine Analyse des Fundmaterials vom ausgehenden 8. bis zum 12. Jahrhundert aus Sammlungen der Bundesrepublik Deutschland. Neumünster: Wachholtz, 1991 (Offa-Bücher; Vol. 71). 375 S.
- Hjardar, Vike, 2016 — Hjardar K., Vike V. Vikings at War. Oxford: Casemate Publishers, 2016. 400 p.
- Hošek et al., 2019 — Hošek J., Košta J., Žákovský P. Ninth to Mid-Sixteenth Century Swords from the Czech Republic in their European Context. Part I: The finds. Prague; Brno: The Czech Academy of Sciences, 2019. 424 p.
- Hošek et al., 2021 — Hošek J., Košta J., Žákovský P. Ninth to Mid-Sixteenth Century Swords from the Czech Republic in their European Context. Part II: Swords of Medieval and Early Renaissance Europe as a Technological and Archaeological Source. Prague; Brno: The Czech Academy of Sciences, 2021. 512 p.
- Košta, Hošek, 2009 — Košta J., Hošek J. Raně středověké meče s jednoduchou polokruhovitou hlavicí (typ Petersen X / Geibig 12, var. I) // Archeologie doby hradištní v České a Slovenské republice / Eds. P. Dresler, Z. Měřínský. Brno: Masarykova univerzita, 2009. P. 109–126.
- Kucypera et al., 2011 — Kucypera P., Kurasinski T., Pudło P. Problem rozwoju jednolitych głowic mieczowych między połową IX a połową XIII w. // Cum Arma per Aeva. Uzbrojenie indywidualne na przestrzeni dziejów / Eds. P. Kucypera, P. Pudło. Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2011. P. 74–90.
- Liwoch, 2008 — Liwoch R. Zachodnioukraińskie miecze I trzewiki pochew mieczowych od X do połowy XIII w. // Acta Militaria Mediaevalia. 2008. Vol. IV. P. 39–59.
- Moilanen, 2015 — Moilanen M. Marks of fire, value and faith: swords with ferrous inlays in Finland during the Late Iron Age (ca. 700–1200 AD). Turku: Suomen Keskiajan Arkeologian Seura, 2015. 463 p.
- Moilanen, 2018 — Moilanen M. Viikinkimiekat Suomessa. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2018. 263 p.
- Petersen, 1919 — Petersen J. De Norske Vikingesverd. En typologisk-kronologisk studie over vikingetidens vaaben. Kristiania: J. Dybwad, 1919. 228 p.
- Petersen, 1928 — Petersen J. Vikingetidens smykker. Stavanger: Stavanger museum, 1928. 222 p.
- НА ВИМАИВВС (Научный архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи). Ф. 30. Оп. 1. Д. 119: Рисунки и фотографии к археологическим исследованиям Бранденбурга Н. Е. 116 л.
- НА ИИМК РАН (Научный архив Института истории материальной культуры РАН). РО. Ф. 1. 1892. Д. 11: Дело о приобретении от Н. Е. Бранденбурга коллекции древних вещей. 83 л.

Sword of type X from the burial mound LX on Syaznega (Southeastern Ladoga region)

A. Yu. Shchedrina²⁰

Keywords: sword, early Middle Ages, Viking Age, Southeastern Ladoga region

During N. E. Brandenburg's excavations (1878–1884) in the southeastern Ladoga region, a burial ground of 12 burial mounds on the Syaznega River was investigated. The richest burial mound, LX, contained two tiers of cremation burials on the side (upper tier: two male and a female; lower tier: two male and possibly a female) and a fireplace in the center. All burials can be dated from the mid to 2nd half of the 10th cent. Complex 2 (the male burial on the upper tier) contained weapons: a sword, a spearhead, an axe, four arrowheads, and a number of household items. The sword was long considered lost. The author on the base of archival sources established that the find without provenance from the State Historical Museum collection belonged to this burial complex. The sword belongs to type X according to J. Petersen's typology. This type of sword emerged and spread widely in Central Europe in the 2nd half of the 9th cent., and from there it spread to Scandinavia in the 10th cent. However, the Syaznega sword is atypical and stands out from the general body of European type X sword finds due to the unusual proportions of its hilt components: a short crossguard and a very long pommel. The blade has an unusually wide fuller and a Ulfberht mark, the precise interpretation of which is complicated by the poor state of preservation of the piece at this location. The morphology of both the hilt components and the blade of the sword exhibit archaic features, which find the most parallels in materials from Finland and Norway. This specimen could have been made closer to the mid-10th cent., when the initially Central European type X (after J. Petersen) spread to Scandinavia, but the fashion for hilts with traditional Northern European proportions was still strong. This dating corresponds well with the probable time of the burial.

²⁰ Alexandra Yu. Shchedrina — Historical, archaeological and natural complex “Gnezdovo” of the Smolensk State Museum-Reserve, Smolensk; e-mail: shedr.aleks@gmail.com.

Нумизматические находки Рюрикова городища XV в. и их предметный «контекст» (по материалам раскопок 2023 г.)¹

В. Н. Кузнецова, К. В. Горлов²

Аннотация. В статье рассматриваются монеты и вещи из раскопа 2 2023 г. на Рюриковом городище. Нумизматическая коллекция представлена половиной пражского гроша эмиссии Вацлава IV; четырьмя фальшивыми артигами, подражающими эмиссиям епископа Бернгарда III Бюлова (1 экз.), Конрада фон Фитингхофа (1 экз.) и магистров Дитриха Торка или Зигфрида Ландера фон Шпонхейма (2 экз.); двумя денгами Новгородской республики. К числу вероятно бытовавших одновременно с монетами вещевым находкам можно отнести отдельные украшения, детали костюма, предметы личного благочестия, бытовые изделия и предметы вооружения. Эти изделия имеют широкий круг аналогий, однако их датировка не ограничивается одним столетием.

Ключевые слова: Рюриково городище, нумизматика, пражский грош, фальшивый артиг, денга, XV в., развитое средневековье, позднее средневековье, украшения и детали костюма

DOI 10.31600/1817-6976-2026-50-186-201

Рюриково городище известно как памятник, связанный с формированием древнерусской государственности, эпохой викингов, княжеской резиденцией, однако в его материалах представлены также находки более поздних эпох, заслуживающие внимания исследователей. В ходе археологических исследований 2023 г. была получена представительная нумизматическая коллекция XV в. Впрочем, этот период представлен и другими артефактами.

Все рассматриваемые в данной статье монеты и вещи происходят из раскопа 2 2023 г. Он располагался на юго-восточной окраине городищенского холма (в 65 м юго-западнее церкви Благовещения) и был заложен с охранно-спасательными

целями — при замене старой смотровой площадки на новую. Работы были инициированы АНО «Туристский офис „Русь Новгородская“» при губернаторе Новгородской области при содействии Новгородского государственного объединенного музея-заповедника. Раскоп площадью 74,8 кв. м имел неправильную форму в соответствии с конфигурацией проектируемого объекта (рис. 1). Этот участок Городища находился в черте поселенческой зоны с древности до современности, что, конечно же, сказалось на сохранности культурного слоя: он был поврежден, насыщен кирпичным боем и строительным мусором, в верхних пластах встречались гильзы, патроны, фрагменты снарядов времен Второй мировой войны. В ходе исследований было зафиксировано 27 ям и сооружений различного характера, часто они перекрывали друг друга; материк был буквально изрыт ими, некоторые поздние ямы были зафиксированы непосредственно в культурном слое (рис. 2). С ранним средневековьем могут быть соотнесены только нижние напластования шести комплексов (верхние часто нарушены), еще две ямы могут быть датированы древнерусским временем. Выделение узкодатированных комплексов позднего средневековья — раннего Нового времени на этом участке Рюрикова городища оказалось невозможным. Даже ямы с нумизматическими

¹ Исследование выполнено в рамках государственного задания: В. Н. Кузнецовой по теме «Северная Русь в евразийском археологическом контексте: этнокультурное разнообразие и общие закономерности исторического развития в свете становления научных знаний» (FMZF-2025-0011), К. В. Горловым по теме «Методы сохранения археологического наследия на основе применения современных технологий» (FMZF-2025-0005).

² Кузнецова В. Н., Горлов К. В., — Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург; e-mail: konstantinv.gorlov2018@yandex.ru, valentkuznets@mail.ru.

© Кузнецова В. Н., Горлов К. В., 2026

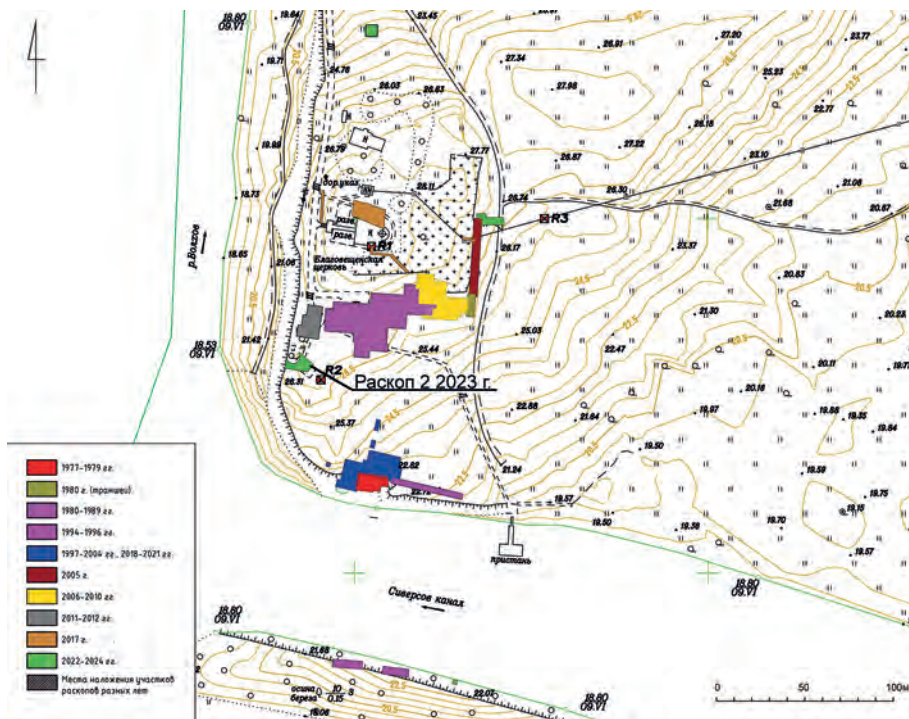

Рис. 1. Рюриково городище. Общий план с указанием расположения раскопов разных лет
Fig. 1. Rurikovo Gorodishche. General plan with indication of the excavation of various years

Рис. 2. Рюриково городище. 2023 г. Раскоп 2. План поверхности раскопа на уровне материка
Fig. 2. Rurikovo Gorodishche. 2023. Excavation 2. Plan of the excavation's surface on the native soil level

Таблица. Результаты рентгенофлуоресцентного анализа (XRF) сплава нумизматических находок из раскопок на Рюриковом городище в 2023 г.

Table. Results of X-ray fluorescence (XRF) analysis of the alloy of numismatic finds from the 2023 excavations at Rurikovo Gorodishche

№	Точка отбора спектра	Элементный состав сплава, массовая доля, %						
		Ag	Cu	Pb	Zn	Fe	Au	Sn
1	а) Л. с., поверхность, серебристый участок	22,40	76,70	0,90	–	–	–	–
	б) Л. с., поверхность, темная патина	1,70	98,00	0,20	–	–	–	–
	в) О. с., поверхность, розовая патина	7,70	92,10	0,20	–	–	–	–
2	а) Л. с., поверхность, покрытие: серебристый участок	46,90	32,00	21,00	–	–	–	–
	б) Л. с., основа	0,20	99,60	0,10	–	–	–	–
3	а) Л. с., поверхность	0,81	98,81	0,35	–	–	0,03	–
	б) Л. с., поверхность	7,02	90,07	2,77	–	–	0,14	–
	в) О. с., поверхность	2,18	97,31	0,45	–	–	0,06	–
	г) О. с., поверхность	20,19	77,60	1,95	–	–	0,26	–
4	а) Л. с., поверхность, темное пятно	0,50	64,00	7,50	Следы	1,00	–	26,00
	б) О. с., поверхность, светлое пятно	0,20	99,20	0,20	–	0,30	–	–

находками XV в. (в частности яма 8) содержат материал различных хронологических периодов (Хвоцинская, 2024). Подавляющее большинство вещевых находок, рассматриваемых в статье, происходит из темно-серого перемешанного слоя. Фактически при работе с ними мы остаемся в рамках вещеведческого подхода и должны ориентироваться преимущественно на аналогии, датировки которых, как правило, не укладываются в одно столетие.

Нумизматические находки XV в. из раскопок на Рюриковом городище в 2023 г. весьма примечательны, заслуживают детального анализа и должны быть рассмотрены на фоне широкого контекста истории денежного обращения (рис. 3; табл.). Окончание «безмонетного» периода на Северо-Западе русских земель отражено в коллекции половиной пражского гроша эмиссии Вацлава IV. Находка происходит из верхнего слоя зафиксированной в материке ямы 3, представлявшего собой темно-серую перемешанную супесь с включениями кирпичного боя. Вместе с ней были встречены фрагменты стеклянных браслетов; бисер желтого и молочного цветов; бусины стеклянные, сердоликовые и из горного хрусталя; фрагмент глиняного пряслица; кремневая пластина; фрагмент обувной подковы; свинцовая печать великого князя Василия Дмитриевича (1389–1425 гг.)³ (рис. 4, 1). Пражский грош, происходящий из данного комплекса, по классификации Й. Ханна (J. Hána) при-

надлежит к типу IX. e/2, что позволяет датировать его временем около 1400–1405 гг. (рис. 3, 1) (Hána, 2003. С. 51, 111, 171). Этот экземпляр стал четвертой находкой таких монет в пределах памятника (Горлов и др., 2019).

Чеканка пражских грошей началась в 1300 г. королем Вацлавом II и продолжалась с перерывом на гуситские войны два с половиной столетия. Исходный этап выпуска монет сопровождался проведением экономической реформы, в итоге которой вводилась государственная монополия на серебро и многочисленные центры денежного производства объединялись в единый королевский Влашский монетный двор (Nohejlová-Prátová, 1960. S. 95, 96, 98, 99; Veselý, 1964. S. 19; Hána, 2003. S. 2, 3). Несмотря на постепенное понижение пробы серебра и веса⁴, пражские гроши сохраняли доминирующее положение среди денежных знаков Центральной и Восточной Европы на протяжении большей части своей эмиссии, занимая нишу между разменной денариевой и золотой монетами (Соболева, 1975. С. 156; 1998. С. 178).

Косвенным доказательством стабильности пражских грошей служит неизменность их оформления на протяжении всего периода чеканки⁵. Центральная часть аверса несет изображение короны, окруженной двумя легендами, разделенными точечными или линейными ободками.

⁴ Подробнее об этом в работе П. Милейски (Milejski, 2018).

⁵ Изменялись только имена королей, от лица которых осуществлялись эмиссии.

³ Определение чл.-кор. РАН, д-ра ист. наук П. Г. Гайдукова.

Рис. 3. Рюриково городище. 2023 г. Раскоп 2. Нумизматические находки. Фото К. В. Горлова

Fig. 3. Rurikovo Gorodishche. 2023. Excavation 2. Numismatic finds. Photo by K. V. Gorlov

[Номера находок по полевой описи: 1 — НОЭ-23, РГ₂-1919; 2 — НОЭ-23, РГ₂-2031; 3 — НОЭ-23, РГ₂-515; 4 — НОЭ-23, РГ₂-1515; 5 — НОЭ-23, РГ₂-1855; 6 — НОЭ-23, РГ₂-454; 7 — НОЭ-23, РГ₂-1728; 8 — НОЭ-23, РГ₂-1771]

Внутренняя надпись содержит имя короля, от лица которого осуществлялась эмиссия, например, WENCEZLAVS TERCIVS, а внешняя — его титул DEI GRATIA REX BOEMIE⁶. На реверсе помещена фигура геральдического льва влево, стоящего в короне на задних лапах⁷, окаймленного круговой надписью GROSSI PRAGENSIS⁸ (Nohejlová-Prátová, 1960. S. 96; Veselý, 1964. S. 26, 27).

В пределах территории Восточной Европы для пражских грошей Н. А. Соболева выделила три периода обращения (Соболева, 1967. С. 51–61; 1975. С. 154–161; Soboлева, 1970. С. 190–197)⁹.

⁶ Божьей милостью король Богемии.

⁷ Герб Праги и Чешского королевства.

⁸ Данная часть легенды, приведенная во множественном числе, не включает в себе обозначение номинала монеты в узком значении и определяет не единицу стоимости, а принадлежность к определенной категории денежных знаков.

⁹ Разработанная Н. А. Соболевой в 1960-х гг. периодизация обращения пражских грошей остается акту-

К первому принадлежат немногочисленные единичные находки и клады монет Вацлава II, Яна Люксембургского и Карла IV. Места их регистрации связаны с международными торговыми маршрутами. На данном этапе гроши за пределами Чехии исполняли функцию мировых денег и в повседневном местном денежном обращении активного участия не принимали. Второй период представлен многочисленными кладами и единичными находками пражских грошей, чеканенных в период правления Вацлава IV, с небольшой примесью более ранних выпусков. Их топография во многом связана с территорией Великого княжества Литовского, где чешские монеты использовались в качестве основной денежной единицы¹⁰. Помимо крупных денежных расчетов гроши

альной и сегодня. В более современных исследованиях попыткам пересмотра подвергаются только локальные эпизоды (Рябцевич, 1995. С. 151; Бектинеев, 2014. С. 165; Малезик, 2016. С. 16).

¹⁰ В публикации 2009 г. В. Н. Рябцевич указывает, что в пределах Великого княжества Литовского

Рис. 4. Рюриково городище. 2023 г. Раскоп 2. Печати, свинец. Фото В. Н. Кузнецовой

Fig. 4. Rurikovo Gorodishche. 2023. Excavation 2. Seals, lead. Photo by V. N. Kuznetsova

[Номера находок по полевой описи: 1 — НОЭ-23, РГ₂-1916; 2 — НОЭ-23, РГ₂-967]

здесь активно участвовали в повседневных мелких торговых операциях, на что указывают многочисленные находки на сельских поселениях и могильниках (Soboleva, 1970. S. 193, 194; Soboleva, 1975. С. 160, 161). На протяжении третьего периода обращения пражские гроши утрачивают свое доминирующее положение, присутствуя в составе кладов конца XV — XVII в. в виде незначительной примеси к польским, литовским и немецким монетам.

Находки пражских грошей в пределах России можно разделить на три группы (Горлов, Гайдуков, 2021). К первой относятся экземпляры¹¹, происходящие из областей, некогда входивших в состав Великого княжества Литовского. По Н. А. Соболевой, они соотносятся с первым и вторым периодами обращения. Во вторую группу входят монеты, найденные в пределах земель Новгородской республики, где, согласно летописному тексту, они обращались в качестве одной из местных денежных единиц с 1410 по 1420 г. под названием «гроши литовские» (НПЛ, 1950. С. 402, 412). Тре-

зарегистрировано 100 кладов и 31 единичная находка пражских грошей (Рябцевич, 2009. С. 187). В настоящее время количество обнаруженных монет продолжает увеличиваться.

¹¹ Здесь речь идет о материалах кладов, монетных скоплений и единичных экземплярах пражских грошей.

тья группа представлена пражскими грошами, связанными с землями русских княжеств, в границах которых их участие во внутреннем денежном обращении документально не подтверждено. Происхождение таких монет объясняется политическими и экономическими контактами представителей местного населения с Великим княжеством Литовским.

Пражский грош из раскопок на Рюриковом городище 2023 г., как и другие экземпляры, найденные на этом памятнике, относится ко второй группе. В Новгороде, на Рюриковом городище, в Старой Ладоге наряду с подлинными известны фальшивые гроши, изготовленные в ущерб денежному обращению (Горлов и др., 2019). Находки поддельных экземпляров, выполненных в различной технике, могут косвенно доказывать популярность валюты Богемии у местного населения. Упоминание пражских грошей содержится в Новгородской первой летописи под 1410 г.: «Того же лета начаша новгородци торговати промежи себе лопьцы и гроши литовьскими и артуги немецкими, а куны отложиша, при посадничьстве Григорья Богдановича и при тысячком Васильи Есифовиче» (НПЛ, 1950. С. 402). До недавнего времени фактическим доказательством летописных строк выступали находки в пределах Новгорода и его округи ливонских артигов и пфеннигов («любекских») (Янин, 1953. С. 385; Молвыгин, Янин, 1982; Гайдуков, 2006. С. 95).

Ввод в научный оборот пражских грошей позволяет дополнить картину местного денежного обращения первой четверти XV в. новым предметным материалом. Находки на Рюриковом городище фрагмента гроша Яна I Люксембургского, половины монеты Вацлава IV, а также особенности разделения на части поддельного экземпляра с Никитинского раскопа Новгорода, возможно, демонстрируют некоторые варианты использования таких монет в обороте. Известное из летописного текста время выхода пражских грошей из обращения в Новгородских землях перед началом собственной эмиссии в 1420 г. превращает их в важный хронологический индикатор при уточнении датировки культурного слоя.

К кругу денежного обращения Новгородских земель первой четверти XV в. среди находок на Рюриковом городище в 2023 г. относятся четыре фальшивых артига. Один из экземпляров имитирует артиг г. Дерпта епископа Бернгарда III Бюлова около 1410 г. (рис. 3, 2) (Haljak, 2010. P. 250, № 516). Основа фальсификата изготовлена из медного сплава. На поверхности фиксируются

зоны серого цвета, где содержание серебра доходит до 22 %; на других участках в зависимости от сохранности доля серебра уменьшается и составляет от 1,7 до 7,7 % (табл., 1). Выпуск артигов в Дерпте начался в 60-е гг. XIV в. епископом Иоганном I Виффхузеном (*Ibid.* Р. 220). На их лицевой стороне помещалось оплечное изображение епископа в митре, окруженное легендой типа TIDERIEUS EPUS между двумя точечными ободками. Обратная сторона включала композицию из скрещенных меча и ключа, над которыми располагался один из элементов фамильного герба епископов. Между рукоятями меча и ключа мог находиться символ в виде кружка, полумесяца, звезды. Рельефы опоясывала легенда MONETA TARBAT между двумя ободками.

Три поддельных артига из коллекции находок Рюрикова городища 2023 г. имитируют чеканку магистров г. Ревеля. Выпуск артигов в Ревеле был начат магистром Арнольдом фон Витингофом около 1363 г. (*Ibid.* Р. 71). На лицевой стороне таких монет нанесено изображение геральдического щита с крестом в центре, окруженного легендой MAGISTRI LIVONIE, помещенной между двумя точечными ободками. Обратная сторона включает крест, в углах соединения лопастей которого поставлены три точки, окаймленные надписью MONETA REVALIE, охваченной двумя ободками из точек.

Первый из рассматриваемых фальсификатов с Рюрикова городища подражает эмиссии Конрада фон Фитингхофа около 1409–1413 гг. (рис. 3, 3) (*Ibid.* Р. 81, № 35). Его основа изготовлена из меди, на поверхности присутствуют зоны, содержащие до 46,9 % серебра (табл., 2). Два других копируют выпуски магистров Дитриха Торка или Зигфрида Ландера фон Шпонхейма 1413–1417 гг. (*Ibid.* Р. 81, № 36). Основа монетных пластин обоих образцов изготовлена из меди. На поверхности одного экземпляра фиксируются остатки покрытия из серебра со значительными количественными колебаниями из-за высокой минерализации предмета (рис. 3, 4; табл., 3). На лицевой и оборотной сторонах второй монеты присутствуют зоны с высокими показателями содержания олова и свинца, что указывает на следы лужения поверхности (рис. 3, 5; табл., 4).

Ливонские монеты первой четверти XV в. при археологических раскопках на Рюриковом городище обнаруживались и ранее. Артиги и пфенниги зарегистрированы в культурном слое Новгорода в виде кладов и единичных экземпляров (Янин, 1953. С. 385; Молвыгин, Янин, 1982; Гайду-

ков, 2006. С. 95). Находки этих монет коррелируют с летописными данными об обращении в Новгородских и Псковских землях иностранных монет в качестве законного внутреннего средства расчета накануне начала собственной эмиссии (Горлов и др., 2019; 2022).

При работе с коллекциями ливонских монет из Новгородских и Псковских земель обращает на себя внимание порой равное или даже превосходящее количество поддельных монет по сравнению с подлинными. Судя по опубликованным и представленным в виде докладов материалам¹² можно заключить, что в составы кладов попадали в основном артиги и пфенниги, выпущенные на монетных дворах Ревеля и Дерпта. Подавляющее число поддельных экземпляров принадлежит к категории единичных находок.

А. Бойко-Гагарин, ссылаясь на топографию находок фальшивых монет Дерпта и Ревеля, пришел к выводу, что одним из основных ареалов их распространения были Псковские и Новгородские земли, ведущие активную торговлю с Ливонией. По мнению исследователя, подделка ливонских монет в русских землях могла производиться с целью сбыта их в обмен на товары или услуги в Ливонии (Бойко-Гагарин, 2017. С. 293, 300). Находки фальшивых монет в Новгороде и округе Пскова подтверждают данное мнение, однако могут указывать и на их изготовление для местного обращения. Среди фальсификатов преобладают экземпляры, имитирующие ревелские выпуски.

Значительное количество фальшивых ливонских монет в ряде коллекций, превосходящее число подлинных экземпляров, ставит вопрос о возможности их обращения в пределах Новгородских и Псковских земель. Представляется вероятным, что поддельные артиги и пфенниги не выбраковывались населением из системы денежного обращения, а могли использоваться при мелких финансовых сделках. Содержание серебра в подлинных монетах Ливонии не было высоким и могло составлять к концу второго десятилетия XV в. от 30 до 20–15 % (Haljak, 2008. Lk. 78, 79; Leimus, 2012). Обогащенные серебром фальшивые экземпляры по стоимости могли немногим уступать официальной продукции Дерпта и Ревеля.

¹² Доклад И. В. Волкова, П. Г. Гайдукова, М. А. Степанова «Нумизматические находки из раскопа „Богемия“ 2022 г. на Софийской набережной Великого Новгорода» на III Новгородской нумизматической конференции «Русское денежное обращение IX–XVII вв.» 18.06.2024.

Подобная ситуация в истории русского денежного обращения наблюдалась в правление Василия III, когда наряду с медными пулами государственной чеканки в обороте присутствовало огромное количество подражаний таким монетам, не выбраковывавшихся населением и казной (Зайцев, 2019. С. 179, 180).

Финал обращения ливонских и литовских монет в Новгороде наступил в 1420 г., когда началось производство собственных монет «в чистом серебре». Известное время вывода этих монет из оборота превращает их в важный хронологический индикатор при уточнении времени формирования культурного слоя.

К русской чеканке в составе коллекции принадлежат денги Новгородской республики. Первый экземпляр относится к «малоформатной», или «ранней», группе с изображением на лицевой стороне левой фигуры, сидящей на престоле (рис. 3, 6). Выпуск таких монет осуществлялся с 1420 по 1447 г. (Волков, 2020. С. 26, № 17).

Текст летописи указывает, что в Новгороде в 1447 г. проводится реформа, в результате которой происходит административное изъятие малоформатных монет из обращения (ПСРЛ, 1925. С. 442, 443). Состав кладов второй половины XV в. обнаруживает весьма быстрый выход из оборота дореформенных экземпляров (Львов, 1979. С. 46; Сотникова, 1995. С. 12; Волков, 2020; 2022; 2023; Волков, Гайдуков, 2021). Вероятно, найденный на Рюриковом городище экземпляр выпал из обращения по крайней мере незадолго до 1447 г.

Вторая денга выпущена после 1447 г. На лицевой стороне между двумя фигурами композиции поставлена буква «Л» (рис. 3, 7) (Волков, 2020. С. 140, № 877). Теоретически такие монеты оставались в обращении до «денежной реформы» Елены Глинской середины 30-х гг. XVI в., когда были «заповедованы» (Спасский, 1955. С. 330, 353, 354; Мельникова, 1989. С. 157–180).

В качестве вспомогательного признака, позволяющего в некоторых случаях уточнить время обращения русских средневековых монет, можно рассматривать следы их обрезания (Векслер, Зайцев, 1996. С. 82; Зверев, Колызин, 2017. С. 154). Такой вид «денежного воровства» получил широкое распространение и стал одной из причин проведения масштабной денежной реформы, связанной в историографии с именем Елены Глинской. Обрезание монет практиковалось уже в середине последнего десятилетия XV в., при этом портились как тяжелые новгородки, так и более легкие денги московские (Волков, 2012. С. 171–173). К началу 1520-х гг. обрезание серебряных монет

всех номиналов приняло угрожающие масштабы. В составе кладов, сокрытых в конце 20-х — начале 30-х гг. XVI в., «неполноценные» денежные знаки являются основными (Зайцев, 2006. С. 28, 64, 76).

Отсутствие следов обрезки по краю у городищенской находки может косвенно указывать, что ее выход из обращения произошел до начала массового распространения этого явления.

К «удельному» периоду относится денга Великого княжества Рязанского Василия Ивановича 1456–1464 гг. с изображением на лицевой стороне человеческой головы вправо с изогнутой в виде полумесяца линией перед лицом в ободке из мелких точек и круговой надписью +КНАЗЪ ВЕЛИКИИВАСИЛЕ (описание дано по однотипному экземпляру хорошей сохранности) (рис. 3, 8). На оборотной стороне помещен рельеф с четвероногим животным вправо, с изогнутым над спиной хвостом. Над спиной животного — точка, за хвостом и под брюхом — звездочки. В точечном ободке, за ним надпись: +*ДЕНЬГАРЕЗАНЬСКАІА (Гулецкий, Петрунин, 2022. С. 487, № 5996). Подобные монеты хорошо известны среди находок из культурного слоя русских городов второй половины XV в. за пределами Рязанских земель в виде единичных экземпляров. Значительное количество денег Василия Ивановича происходит из состава кладов, сформированных до середины 30-х гг. XVI в.

Помимо нумизматических находок XV в. из раскопок на Рюриковом городище в 2023 г. была встречена и сфрагистическая находка этого периода — половинка вислой печати, которая относится, вероятно, к великому князю Василию Васильевичу¹³ (1425–1462) (рис. 4, 2).

Говоря о возможно бытовавших одновременно с монетами вещевых находках, стоит отметить отдельные украшения, детали костюма, предметы личного благочестия, бытовые изделия и предметы вооружения из раскопа 2 2023 г. на Рюриковом городище. Все эти изделия имеют широкий круг аналогий. Датировка некоторых пуговиц, перстней, нательных крестиков, деталей ременной гарнитуры и ряда других металлических изделий редко ограничивается одним столетием.

В числе находок из темно-серого перемешанного слоя — фрагментированный нательный крест с ромбическим средокрестием и криновидными завершениями лопастей (рис. 5, 1). Подобные изделия были широко распространены и,

¹³ Определение чл.-кор. РАН, д-ра ист. наук П. Г. Гайдукова. В научный оборот данный экземпляр был введен ранее (Хвоцинская и др., 2024).

зачастую, датируются исследователями XIV–XV вв. (Степанова, 2020. С. 291; Шполянская, 2008. С. 167). В статье Н. А. Макарова и И. Е. Зайцевой такие кресты отнесены к группе изделий, появившихся во второй половине XIII — XIV в. и остававшихся в обиходе в XV в. (Макаров, Зайцева, 2020. С. 57). В коллекции также представлены два шестиконечных креста с килевидным окончанием нижней лопасти, относящиеся к распространенным типам XV–XVI вв. (Беленькая, 1993. С. 13, 15; Солдатенкова, Персов, 2005. С. 212, рис. 2, 1, 2), а также фрагмент нижней лопасти подобного изделия (рис. 5, 2–4).

Отметим две литые пуговицы с декором в виде углубленных концентрических кругов, составленных из зигзагообразных линий (рис. 5, 5, 6). Аналогии городищенским находкам из раскопа 2 2023 г. были обнаружены в Твери, на Мосоловском селище и в Степаново 2 на памятниках Куликовка 4 и Устья 3 (Сарачева, 2007. С. 80, 84, рис. 4, 9, 10; 2009. Рис. 1, 21, 22). Пустотелая пуговица, украшенная сканым узором, происходит из слоя снятия дерна Рюрикова городища (рис. 5, 7). Аналогичное изделие из Затьмацкого посада Твери В. В. Солдатенкова датировала XV в. (Солдатенкова, 2008. Рис. 1, 15).

В коллекции из раскопа 2 2023 г. представлены три перстня (рис. 5, 8–10), все изделия происходят из темно-серого перемешанного слоя. Перстень с круглым щитком и вставкой из зеленого стекла (рис. 5, 8) схож с новгородскими перстнями первой четверти XV в., которые, согласно мнению М. В. Седовой, изготавливались способом составного литья (Седова, 1981. С. 138, рис. 47, 22, 23). Еще одно изделие — цельнолитой перстень-печатка — имеет деформированную шинку и довольно сильную заглаженность (рис. 5, 10). Вероятно, изначально украшение имело восьмигранный щиток; орнамент на нем затерт, поэтому судить о характере изображения затруднительно. Тем не менее общий абрис изделия, читающаяся линейная рамка по периметру щитка позволяют соотносить перстень с обширным кругом аналогий, датируемых как XIV–XV вв., так и XVI–XVII вв. (Пуцко, 2007. С. 119; Векслер, Беркович, 2008. С. 121–125, рис. 2, 1; 4, 3; Археология Романова двора, 2009. Рис. 145, 31; Артемичева, 2018. С. 338, 339, рис. 3, 4)¹⁴. Вероятно, к этому кругу

древностей относится еще один перстень с Рюрикова городища, со следами позолоты и изображением зверя на круглом щитке (рис. 5, 9).

Некоторые находки связаны с кругом древностей золотоордынского времени и соответственно с вопросами их появления и распространения в русских землях. Стоит отметить серьгу в виде знака вопроса (рис. 5, 11). Подобные изделия вошли в литературу с широкими датировками и, как правило, рассматриваются как влияние Востока на культуру Руси. Распространение этих украшений связывают с XIII–XIV вв., во многих русских памятниках серьги в виде знака вопроса встречаются в слоях XIV–XV вв. (Седова, 1981. С. 16; Сарачева, 2007. С. 82; Степанова, 2021. С. 234). Схожим образом датируются и булавки с круглой головкой (так называемые пус йеппи) (Седова, 1981. С. 158); экземпляр был обнаружен в темно-сером мешаном слое Рюрикова городища 2023 г. (рис. 5, 12).

Как отмечает С. В. Шполянский, одним из наиболее ярких маркеров развитого средневековья «выступают детали ременной гарнитуры и орнаментированные накладки» (Шполянский, 2009. С. 180). Атрибуция этих материалов сопряжена также с вопросами изучения влияния Востока и/или Запада на оформление русского костюма и распространение ремесленных традиций.

В связи с этим обращают на себя внимание изделия из железа, в частности, накладка сердцевидной формы и ременной наконечник (рис. 6, 1, 2). Железные детали ременного убранства традиционно связывались с аскизской культурой, в настоящее время количество подобных находок из раскопок памятников древнерусских и эпохи Московского государства возросло, и влияние степных культур не рассматривается как единственный фактор, определивший данное явление (Шполянский, 2019). В ходе раскопок 2023 г. были встречены также железные пряжки D-образной и прямоугольной форм, однако без привязки к хорошо датированному слою или объекту, так что они не могут рассматриваться как хронологические маркеры (вариации таких форм встречаются как в развитом средневековье, так и в новом времени) (рис. 6, 3, 4).

Примечательна и фурнитура из сплавов на основе меди (рис. 6, 5–10). Пряжки из цветных металлов, встреченные в перемешанном слое Рюрикова городища, имеют аналогии среди изделий

¹⁴ Схожее изделие представлено в собрании Новгородского музея-заповедника НГМ КП 25408/15 А-18/15. Номер в ГК 5058896 (URL: <https://novgorod-iss.kamiscloud.ru/entity/OBJECT/127462?page=16&qu>

[query=перстень&fund=11&index=797](https://novgorod-iss.kamiscloud.ru/entity/OBJECT/127462?page=16&query=перстень&fund=11&index=797); дата обращения 07.01.2025).

Рис. 5. Рюриково городище. 2023 г. Раскоп 2. Находки предметов личного благочестия, украшений и деталей костюма: 1-4 — нательные крестики; 5-7 — пуговицы; 8-10 — перстни; 11 — серьга; 12 — булавка. 1-12 — цветной металл. Фото В. Н. Кузнецовой

Fig. 5. Rurikovo Gorodishche. 2023. Excavation 2. Finds of items of private devotion, clothing ornaments and details: 1-4 — baptismal crosses; 5-7 — buttons; 8-10 — rings; 11 — earring; 12 — pin. 1-12 — non-ferrous metal. Photo by V. N. Kuznetsova

[Номера находок по полевой описи: 1 — НОЭ-23, РГ₂-285; 2 — НОЭ-23, РГ₂-270; 3 — НОЭ-23, РГ₂-1394; 4 — НОЭ-23, РГ₂-1604; 5 — НОЭ-23, РГ₂-29; 6 — НОЭ-23, РГ₂-134; 7 — НОЭ-23, РГ₂-62; 8 — НОЭ-23, РГ₂-1450; 9 — НОЭ-23, РГ₂-1214; 10 — НОЭ-23, РГ₂-1134; 11 — НОЭ-23, РГ₂-994; 12 — НОЭ-23, РГ₂-562]

Рис. 6. Рюриково городище. 2023 г. Раскоп 2. Детали ременной гарнитуры. 1-4 — железо; 5-10 — медный сплав. Фото В. Н. Кузнецовой

Fig. 6. Rurikovo Gorodishche. 2023. Excavation 2. Details of the belt garniture. 1-4 — iron; 5-10 — copper alloy. Photo by V. N. Kuznetsova

[Номера находок по полевой описи: 1 — НОЭ-23, РГ₂-235; 2 — НОЭ-23, РГ₂-152; 3 — НОЭ-23, РГ₂-760; 4 — НОЭ-23, РГ₂-486; 5 — НОЭ-23, РГ₂-831; 6 — НОЭ-23, РГ₂-787; 7 — НОЭ-23, РГ₂-301; 8 — НОЭ-23, РГ₂-924; 9 — НОЭ-23, РГ₂-1933; 10 — НОЭ-23, РГ₂-102]

Западной Европы XIII–XV вв. В их числе — трапцевидная с четырьмя округлыми выступами, соединенная на шарнире с фигурным ажурным щитком (рис. 6, 5), и фрагментированная D-образная (рис. 6, 8) (Theune et al., 2009. P. 89, 90; Egan, Pitchard, 2002. P. 73, № 300; 101, 122; Cassels, 2013. Fig. 2.4, H, I; 2.11, E; 2.22, A). С этим кругом древностей связаны накладка в форме «бруска» (рис. 6, 7) и наконечник удлинненной формы с прорезью в форме замочной скважины и ромбовидным выступом в центральной части щитка (рис. 6, б). Схожие изделия встречаются в Новгороде, где датируются в пределах XIII–XV вв. (Седова, 1981. С. 150; Сережникова, 2014. С. 277), известны они и на территории Западной Европы (Egan, Pitchard, 2002. P. 214), а также Волго-Камья, в последнем случае такие находки, как правило, связываются с болгарскими традициями (Руденко, 2001. С. 107). Фрагменты ажурных изделий, возможно, также относятся к ремennому или су-

мочному убранству (рис. 6, 9, 10). Находки предметов поясной гарнитуры развитого средневековья и ранее встречались на Рюриковом городище, однако все они происходят из перемешанных слоев, что не позволяет сузить их датировку (Носов и др., 2017. Рис. 5, 27; 7, 2, 3).

Вероятно, к рассматриваемому периоду могли относиться находки бытовых предметов. Некоторые разновидности ключей и замков (в частности, типов В-II, Д, Е, Ж, по Б. А. Колчину (Колчин, 1959) рассматриваются как хроноиндикаторы второй половины XIII — XV в. (Федорина и др., 2023. С. 247). В материалах из раскопа 2 2023 г. на Рюриковом городище представлены ключи от замков типа В (рис. 7, 1, 2), время бытования которых доходит вплоть до первой половины XV в. (Кудрявцев, 2012. С. 124), а также фрагменты пружин от нутряных и навесных замков (в частности, от замков цилиндрической формы, которые сложно соотнести с определенной

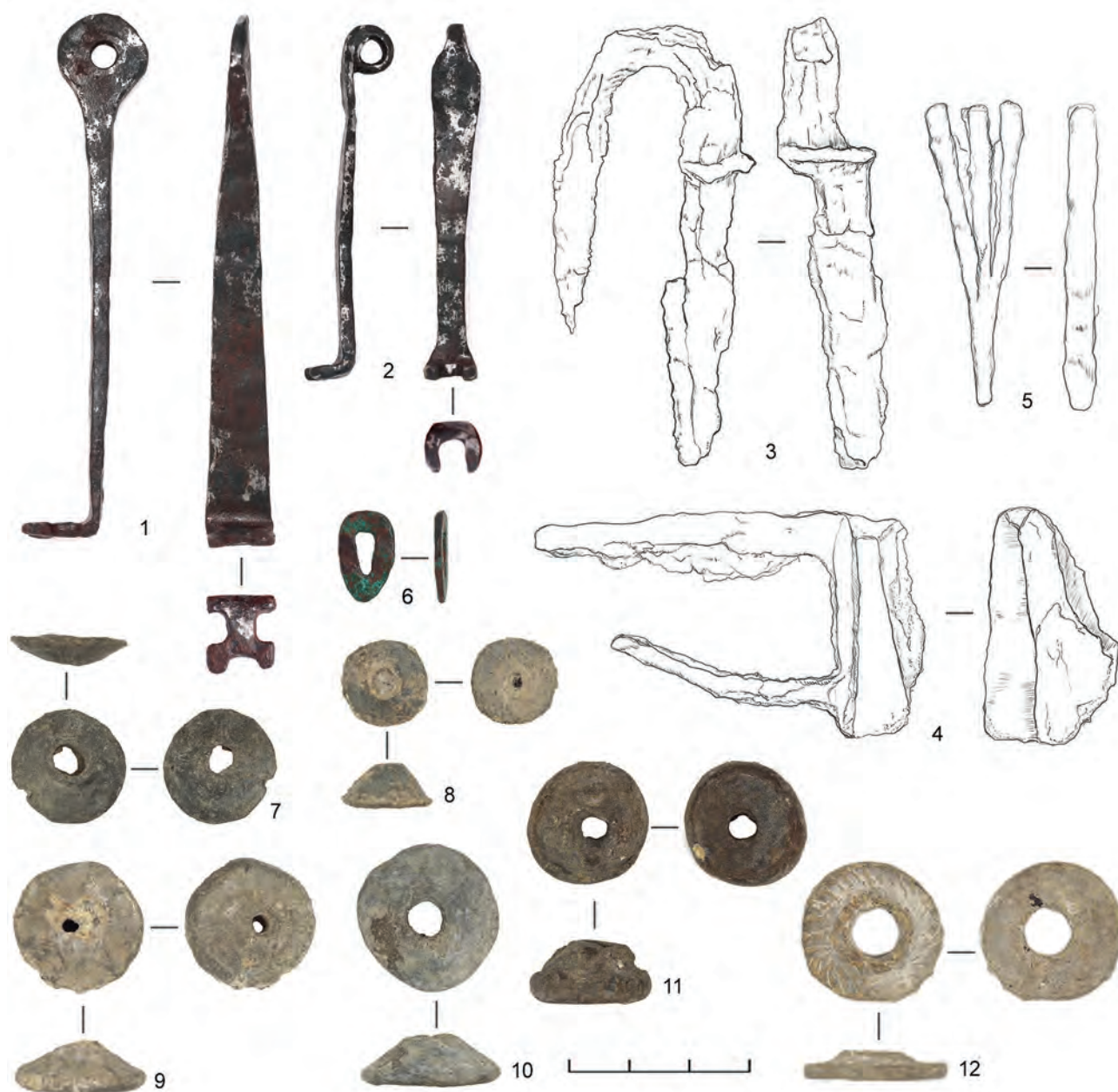

Рис. 7. Рюриково городище. 2023 г. Раскоп 2. Находки бытовых предметов: 1, 2 — ключи; 3–5 — детали замков; 6 — муфта ножа; 7–12 — грузики. Фото и прорисовки В. Н. Кузнецовой

Fig. 7. Rurikovo Gorodishche. 2023. Excavation 2. Finds of everyday items: 1, 2 — keys; 3–5 — details of locks; 6 — knife's socket; 7–12 — plummets. Photo and drawings by V. N. Kuznetsova

[Номера находок полевой описи: 1, 2 — НОЭ-23, РГ₂-1606, 1429; 3 — НОЭ-23, РГ₂-1577; 4 — НОЭ-23, РГ₂-1391; 5 — НОЭ-23, РГ₂-621; 6 — НОЭ-23, РГ₂-1341; 7 — НОЭ-23, РГ₂-861; 8 — НОЭ-23, РГ₂-222; 9 — НОЭ-23, РГ₂-1516; 10 — НОЭ-23, РГ₂-226; 11 — НОЭ-23, РГ₂-1494; 12 — НОЭ-23, РГ₂-926]

разновидностью, и типа Е) (рис. 7, 3–5). Находка муфты ножа (рис. 7, 6), аналогичная городищенской, рассматривалась С. И. Валиулиной в контексте исследования «Материальная культура Торецкого городского поселения XV в.». Впрочем, автор отметила, что некоторые предметы «явля-

ются универсальными и имеют широкое хронологическое и территориальное распространение» (Валиулина, 2012. С. 145). Это утверждение справедливо и для материалов Рюрикова городища.

К числу находок, имеющих широкую хронологию и чье бытование заходит в XV в., относятся

Рис. 8. Рюриково городище. 2023 г. Раскоп 2: 1 — наконечник стрелы, железо; 2, 3 — репейки (?) от шпор, медный сплав; 4 — венчик с надписью, глина. Фото В. Н. Кузнецовой

Fig. 8. Rurikovo Gorodishche. 2023. Excavation 2: 1 — arrowhead, iron; 2, 3 — rowels (?) of spurs, copper alloy; 4 — rim with inscription, clay. Photo by V. N. Kuznetsova

[Номера находок по полевой описи: 1 — НОЭ-23 РГ₂-1231; 2 — НОЭ-23 РГ₂-841; 3 — НОЭ-23 РГ₂-996; 4 — НОЭ-23 РГ₂-251]

свинцовые грузики. Из раскопа 2 2023 г. на Рюриковом городище происходят восемь экземпляров (рис. 7, 7-12), их форма и декоративное решение аналогичны новгородским находкам, отнесенным М. В. Седовой к середине XIII — XV в. (Седова, 1981. С. 157, 158) и учтенным О. М. Олейниковым

в рамках исследования функции этих изделий (Олейников, 2014. Рис. XXI, 1, 2, 5, 14, 15).

Среди предметов вооружения, обнаруженных на раскопе 2 2023 г., стоит выделить срезень в виде узкой лопаточки — тип 17, по О. В. Двуреченскому (рис. 8, 1). Такие наконечники стрел

«появились в Восточной Европе вместе с войсками Батые» и бытовали «на территории Московского государства до конца XIV — первой половины XV в.» (Двуреченский, 2013. С. 283). Отметим также два предмета из цветного металла в форме звездочек, в наибольшей степени они напоминают детали колесцовых шпор типа 5 (Медведев, 1959. С. 191, рис. 21, 5; Двуреченский, 2018. Рис. 2), однако находки не имеют сквозных отверстий для крепления (рис. 8, 2, 3).

Говоря о материалах развитого средневековья, отметим, что среди позднесредневековой посуды был встречен венчик сосуда с надписью «К У К Л Ш Н Н Л А» (рис. 8, 4), палеографические особенности которой позволяют датировать этот черепок XV–XVI вв.¹⁵

¹⁵ Благодарим за консультацию д-ра филол. наук Т. В. Рождественскую и академика РАН, д-ра филол. наук А. А. Гишпиуса.

Эпоха позднего или развитого средневековья в археологическом плане часто считается «темными веками». Выделение вещевых материалов XV в. представляет определенную сложность. Находки этого периода соотносятся с двумя крупными блоками древностей XIII–XV и XV–XVII вв., а точнее «растворяются» в них.

В коллекции Рюрикова городища представлены материалы позднего средневековья — раннего Нового времени, работа с материалами раскопа 2 2023 г. освещает лишь часть находок этого периода. Несмотря на отсутствие узкодатированных слоев и комплексов XV в., монетные и предметные находки заслуживают внимания с точки зрения нумизматических и вещеvedческих исследований.

Статья поступила в редакцию 11 января 2025 г.

Артемичева, 2018 — Артемичева Т. Н. К изучению материальной культуры русского уездного города (по материалам археологических работ в г. Бежецке) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь: ТНИИР центр, 2018. Вып. 11. С. 334–348.

Археология Романова двора, 2009 — Археология Романова двора: предыстория и история центра Москвы в XII–XIX веках / Автор-составитель Н. А. Кренке. М.: ИА РАН, 2009 (Материалы охранных археологических исследований; Т. 12). 524 с.

Бектинеев, 2014 — Бектинеев Ш. И. Денежное обращение на территории Беларуси в IX–XVI вв.: нумизматические исследования. Минск: Беларуская навука, 2014. 509 с.

Беленькая, 1993 — Беленькая Д. А. Медная пластика городов Московской Руси XIII–XIV вв. // КСИА. 1993. Вып. 208. С. 11–19.

Бойко-Гагарин, 2017 — Бойко-Гагарин А. Фальшивомонетчество в Центральной и Восточной Европе в эпоху Средневековья и раннего Нового времени. Киев: Украинская академия геральдики, товарного знака и логотипа, 2017. 560 с.

Валиулина, 2012 — Валиулина С. И. Бытовые изделия из цветного металла Торецкого поселения // Среднее Поволжье в контексте средневековой российской истории: на перекрестке культур (конец XIII — XVI в.): Материалы науч.-практ. конф. / Отв. ред. Д. А. Сташенков. Самара: ООО «Офорт», 2012. С. 143–152.

Векслер, Беркович, 2008 — Векслер А. Г., Беркович В. А. Московские печатки XVI–XVII вв. по материалам раскопок Центра археологических исследований г. Москвы 1994–2004 гг. // РА. 2008. № 2. С. 118–127.

Векслер, Зайцев, 1996 — Векслер А. Г., Зайцев В. В. О находке клада монет XV–XVI вв. на ул. Солянка в Москве // IV Всероссийская нумизматическая конференция (Дмитров, 22–26.04.1996): Тезисы докладов и сообщений / Отв. ред. А. С. Беляков. М.: ИЭ РАН, 1996. С. 81–83.

Волков, 2012 — Волков И. В. Новый клад монет конца XV в. из Рязанской области // Средневековая нумизматика Восточной Европы. Вып. 4 / Отв. ред. В. В. Зайцев. М.: Репроцентр М, 2012. С. 171–181.

Волков, 2020 — Волков И. В. Клады монет Великого Новгорода XV века. Ч. 1. Великий Новгород: НМЗ, 2020 (Монетные клады Новгородского музея; Т. IV). 336 с.

Волков, 2022 — Волков И. В. Клады монет Великого Новгорода XV века. Ч. 2. Великий Новгород: НМЗ, 2022 (Монетные клады Новгородского музея; Т. V). 408 с.

Волков, 2023 — Волков И. В. Клады платежных слитков и русских монет XV — первой трети XVI века. Великий Новгород: СПб.: НМЗ, 2023 (Монетные клады Новгородского музея; Т. VI). 212 с.

Волков, Гайдуков, 2021 — Волков И. В., Гайдуков П. Г. Лисицкий клад новгородских монет XV века. М.: ИА РАН, 2021. 124 с.

Гайдуков, 2006 — Гайдуков П. Г. Русские полуденги, четверетцы и полушки XIV–XVII вв. М.: Палеограф, 2006. 408 с.

Горлов, Гайдуков, 2021 — Горлов К. В., Гайдуков П. Г. О находке пражских грошей в Суздальском Ополе // Археология Владимиро-Суздальской земли: Материалы научного семинара / Отв. ред. Н. А. Макаров. Вып. 11. М.: ИА РАН, 2021. С. 112–122.

Горлов и др., 2019 — Горлов К. В., Гайдуков П. Г., Григорьева Н. В. Находки пражских грошей в Поволжье

- // ННЗИА. Великий Новгород: НМЗ, 2019. Вып. 32. С. 283–290.
- Горлов и др., 2022 — Горлов К. В., Салмина Е. В., Салмин С. А. «...и начаша пенязми торговати»: о находках ливонских монет конца XIV — начала XV вв. в Пскове (по материалам Мстиславских раскопов) // *Saurus*. 2022. Т. 1, № 1. С. 11–25.
- Гулецкий, Петрунин, 2022 — Гулецкий Д. В., Петрунин К. М. Русские средневековые монеты. 2-е изд. СПб.: Контраст, 2022. 776 с.
- Двуреченский, 2013 — Двуреченский О. В. Холодное оружие Московского государства XV–XVII веков. Тула: ГМЗ «Куликово поле», 2013. 536 с.
- Двуреченский, 2018 — Двуреченский О. В. Колесцовые шпоры, происходящие с территории русских княжеств и Московского государства второй половины XIII — XVII вв. // Военная археология: Сб. материалов науч. семинара. Вып. 4. М.: ИА РАН, 2018. С. 118–182.
- Зайцев, 2006 — Зайцев В. В. Русские монеты времени Ивана III и Василия III. Киев: ЮНОНА-монета, 2006. 204 с.
- Зайцев, 2019 — Зайцев В. В. О датировке некоторых типов поздних московских пул // Нумизматическое чтение ГИМ 2019 г. (Москва, 26–27.11.2019): Материалы докладов и сообщений / Под ред. Е. В. Захарова. М.: ГИМ, 2019. С. 174–181.
- Зверев, Колызин, 2017 — Зверев С. В., Колызин А. М. Клад русских монет XV — первой трети XVI в. из Московского Кремля // XIX Всероссийская нумизматическая конференция (Великий Новгород, 18–22.04.2017): Тезисы докладов и сообщений / Ред. П. Г. Гайдуков. М.: Возрождение, 2017. С. 153–154.
- Колчин, 1959 — Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (Продукция, технология) // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. II. М.: Изд-во АН СССР, 1959 (МИА; № 65). С. 7–120.
- Кудрявцев, 2012 — Кудрявцев А. А. Хронология замков и ключей средневекового Новгорода (по материалам Неревского раскопа) // РА. 2012. № 4. С. 119–124.
- Львов, 1979 — Львов М. А. «Великокняжеские» новгородки (опыт поштемпельного анализа русских монет XV в.) // Русская нумизматика XI–XX веков. Материалы и исследования: Сб. ст. / Отв. ред. В. М. Потин. Л.: Аврора, 1979. С. 29–47.
- Макаров, Зайцева, 2020 — Макаров Н. А., Зайцева И. Е. Кресты на селищах: репрезентация христианства в суздальской земле в XI–XV вв. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2020. № 3 (81). С. 52–67.
- Малежик, 2016 — Малежик В. Клад пражских грошей из деревни Бучемль Каменецкого района Брестской области // Банкаўскі веснік № 1 (630): Материалы междунар. нумизматической конф. «Нумизматика и героическое наследие» (Минск, 15–18.09.2015) / Под ред. П. А. Мамановича. Минск: Промкомплекс, 2016. С. 15–18.
- Медведев, 1959 — Медведев А. Ф. Оружие Новгорода Великого // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. II. М.: Изд-во АН СССР, 1959 (МИА; № 65). С. 121–191.
- Мельникова, 1989 — Мельникова А. С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого (история русской денежной системы с 1533 по 1682 год). М.: Финансы и статистика, 1989. 316 с.
- Молвыгин, Янин, 1982 — Молвыгин А. Н., Янин В. Л. Новгородский клад ливонских монет XV в. // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода / Ред. Б. А. Колчин, В. Л. Янин. М.: Наука, 1982. С. 323–328.
- Носов и др., 2017 — Носов Е. Н., Плохов А. В., Хвоцинская Н. В. Рюриково городище. Новые этапы исследований. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. 288 с.
- НПЛ, 1950 — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А. Н. Насонова. М.; Л.: АН СССР, 1950. 704 с.
- Олейников, 2014 — Олейников О. М. К вопросу о назначении свинцовых грузиков X–XV вв. // КСИА. 2014. Вып. 234. С. 189–194.
- ПСРЛ, 1925 — Полное собрание русских летописей. Т. IV, ч. 1, вып. 2: Новгородская четвертая летопись. Л.: АН СССР, 1925. 536 с.
- Пуцко, 2007 — Пуцко В. Г. Псковские перстни-печатки из находок в Окольном городе // АИППЗ. Материалы III заседания, посв. памяти проф. А. Р. Артемьева. Псков: ИА РАН; Псковский археологический центр, 2007. С. 118–124.
- Рябцевич, 1995 — Рябцевич В. Н. Нумизматика Беларуси. Минск: Польша, 1995. 687 с.
- Рябцевич, 2009 — Рябцевич В. Н. «Период пражского гроша» в рыночной жизни Великого княжества Литовского (клад из деревни Литва Минской области) // Средневековая нумизматика Восточной Европы. Вып. 3 / Отв. ред. В. В. Зайцев. М.: Древлехранилище, 2009. С. 178–189.
- Руденко, 2001 — Руденко К. А. Тюркский мир и Волго-Камье в XI–XIV вв. Изделия аскизского круга в Среднем Поволжье. Исследование и каталог. Казань: Заман, 2001. 256 с.
- Сарачева, 2007 — Сарачева Т. Г. Ювелирные изделия второй половины XIII — XVI в. с территории Северо-Восточной Руси // КСИА. 2007. № 221. С. 73–88.
- Сарачева, 2009 — Сарачева Т. Г. Ювелирные изделия и предметы христианского культа из раскопок средневекового селища Степаново 2 в Подмосковье // Археология Подмосковья: материалы науч. семинара. Вып. 5 / Отв. ред. А. В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2009. С. 204–212.

- Седова, 1981 — Седова М. В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 196 с.
- Серезникова, 2014 — Серезникова Д. С. Западноевропейские предметы поясного набора из раскопок Великого Новгорода // ННЗИА. Великий Новгород: НМЗ, 2014. Вып. 28. С. 276–278.
- Соболева, 1967 — Соболева Н. А. К проблеме обращения пражских грошей в русских землях в XIV–XV вв. // Вестник Московского университета. М.: Московский университет, 1967 (Серия IX: История). С. 49–61.
- Соболева, 1975 — Соболева Н. А. Хронология и области распространения пражских грошей на территории СССР // Numismaticky sbornik. Praha, 1975. Т. XIII. С. 153–164.
- Соболева, 1998 — Соболева Н. А. Первая находка пражского гроша на Новгородском (Рюриковом) городище // ННЗИА. Великий Новгород: НМЗ, 1998. Вып. 12. С. 177–182.
- Солдатенкова, 2008 — Солдатенкова В. В. Металлические детали одежды и украшения в городском костюме XV–XVI вв. (по материалам раскопа 56 на территории Затьмацкого посада г. Твери) // КСИА. 2008. № 222. С. 153–169.
- Солдатенкова, Персов, 2005 — Солдатенкова В. В., Персов Н. Е. К вопросу о бронзолитейном производстве и бытовании некоторых образцов медного литья в одном из кварталов средневековой Твери XV–XVI веков // Ставрографический сборник. Крест как личная святыня: Сб. ст. М.: Изд-во Московской патриархии; Изд-во «Древлекранилище», 2005. С. 210–222.
- Сотникова, 1995 — Сотникова М. П. Начальный период (1420–1447) суверенной чеканки Великого Новгорода // Междунар. нумизматический альманах «Монета». Вып. 3 / Отв. ред. А. В. Быков. Вологда: Ардвисура, 1995. С. 4–21.
- Спаский, 1955 — Спаский И. Г. Денежное обращение в Московском государстве // Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. III. М.: АН СССР, 1955 (МИА; № 44). С. 214–354, табл. I–IV.
- Степанова, 2020 — Степанова Ю. В. Изделия из цветного металла из раскопок на территории Тайницкого сада Московского кремля 2007 г. // КСИА. 2020. Вып. 259. С. 283–300.
- Степанова, 2021 — Степанова Ю. В. Серьги XIV–XVIII вв. из археологических памятников и этнографических коллекций Тверской области // АИППЗ. Вып. 36. 2021. С. 229–247.
- Федорина и др., 2023 — Федорина А. Н., Макаров Н. А., Милованов С. И., Баранов Н. А. Суздаль: формирование городской территории в X–XV вв. // Археология Суздальской земли. В 2 т. Т. 2 / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера, 2023. С. 231–252.
- Хвоцинская, 2024 — Хвоцинская Н. В. Отчет об археологических раскопках Новгородской областной экспедиции ИИМК РАН в г. Великом Новгороде на Рюриковом городище в 2023 г. СПб., 2024 // НОА РАН. Ф-1. Р-1. № 81173. 212 л.
- Хвоцинская и др., 2024 — Хвоцинская Н. В., Зозуля С. С., Кузнецова В. Н., Полигаев В. Л., Горлов К. В., Гайдуков П. Г., Гомзин А. А. Нумизматические и сфрагистические находки из раскопок на Рюриковом городище в 2023 г. // Нумизматические чтения ГИМ 2024 г. (Москва, 26–27.11.2024): Материалы докладов и сообщений / Под ред. Е. В. Захарова. М.: 2024. В печати.
- Шполянская, 2008 — Шполянская Д. В. Комплекс предметов личного благочестия с селища XIV–XVI вв. Рождествено 1 (предварительное сообщение) // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. Вып. 4. М.: ИА РАН, 2008. С. 267–275.
- Шполянский, 2009 — Шполянский С. В. Раскопки селищ в пределах средневековой волости Перемышь в Подмосковье и некоторые общие вопросы динамики освоения региона в конце XII — первой половине XV в. // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. Вып. 5 / Отв. ред. А. В. Энгватова. М.: ИА РАН, 2009. С. 170–183.
- Шполянский, 2019 — Шполянский С. В. Накладки из черного металла со средневековых памятников Суздальского Ополя // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. Вып. 15. М.: ИА РАН, 2019. С. 227–244.
- Янин, 1953 — Янин В. Л. Печати из новгородских раскопок 1951 г. // СА. 1953. Вып. XVIII. С. 372–385.
- Cassels, 2013 — Cassels A. K. The social significance of late medieval dress accessories. Thesis submitted for the degree of Doctor of Philosophy. Vol. 1. 2013. 326 p.
- Egan, Pitchard, 2002 — Egan G., Pitchard F. Dress Accessories, c. 1150–c. 1450. Woodbridge: The Boydell Press, 2002 (Medieval Finds from Excavations in London; Vol. 3). 410 p.
- Hána, 2003 — Hána J. Pražké groše Václava IV. z let 1378–1419. Plzeň: Vlastivědné Muzeum Dr. Karla Hostaše v Klatovech, 2003. 189 s.
- Haljak, 2008 — Haljak G. Tallinna ja Tartu lüübisete dateerimisest ca 1390–1420 // Räägime asjast. Tallinn: Eesti Ajaloomuuseum, 2008. Lk. 16–31.
- Haljak, 2010 — Haljak G. Livonia coins XIII–XVIII century. P. I: Feudal states. Livonian coins from XIII–XVI century. Tallinn: Printing house Tallinna Raamatutrtikikoja OÜ, 2010. 399 p.
- Leimus, 2012 — Leimus I. Das Darlehen des Ordensmeisters an die Stadt Tallinn (Reval) als Treibkraft des dortigen Münzwesens am Ende des 14. und zu Beginn des 15. Jahrhunderts // Monetary history of the Baltics in the Middle ages (12–16th c.). Tallinn: Eesti Ajaloomuuseum, 2012. P. 80–90.

- Milejski*, 2018 — *Milejski P.* Weight debasement of Prague groschen of Wenceslas IV (1378–1419) based on Polish and Lithuanian hoards // *From Ore To Money, Mining, Trading, Minting: Proceedings of the Tallinn / Eds. G. Depuyrot, I. Leimus. Wetteren: Moneta*, 2018. P. 99–110.
- Nohejlová-Prátová*, 1960 — *Nohejlová-Prátová E.* Pražské groše Václava II. (1300–1305) a české pečetě // *Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity: řada historická*. Brno: Masarykova univerzita, 1960. Vol. 9. S. 95–108.
- Soboleva*, 1970 — *Soboleva N. A.* Naslezy pražských grošů na území SSSR // *Sborník národního muzea v Praze*. Praha: Národní muzeum, 1970. S. 189–243.
- Theune et al.*, 2009 — *Theune C., Winkelbauer I., Fritzl M., Greußing I., Lantschik G., Weßling R.* Das Land an der March im Mittelalter // *Archaeologia Austriaca*. 2009. Vol. 93 (2009). P. 79–150.
- Veselý*, 1964 — *Veselý S.* Nález v Jarošově nad Nežarkou (Příspěvek k chronologii grošů Václava IV) // *Numismatický sborník*. Praha: Historický ústav Československý Akad. ved., 1964. Vol. VIII. S. 19–46.

Numismatic finds from the 15th-century Rurikovo Gorodishche and the their material “context” (based on the 2023 excavations)

V. N. Kuznetsova, K. V. Gorlov¹⁶

Keywords: Rurikovo Gorodishche, numismatics, Prague groschen, counterfeit örtug, denga, 15th cent., High Middle Ages, Late Middle Ages, clothings ornaments and details

This article examines coins and artifacts from Excavation 2 at Rurikovo Gorodishche (2023), located on the southeastern edge of the Gorodishche hill (65 m southwest of the Annunciation Church) and was dug for rescue purposes. This section of the Gorodishche was within the boundaries of a settlement zone from ancient times to the present, which affected the preservation of the cultural layer: it was damaged, saturated with broken brick and construction debris. Shell casings, cartridges and shell fragments of the World War II were found in the upper layers. Most of the finds come from a dark gray, mixed layer. The numismatic collection includes a half Prague groschen issued by Wenceslas IV, 4 counterfeit örtugs imitating issues by Bishop Bernhard III of Bülow (1 pc), Conrad von Vietinghoff (1 pc) and Masters Dietrich Tork or Siegfried Lander von Sponheim (2 pcs) and 2 *dengas* of the Novgorod Republic.

In addition to 15th-cent. numismatic finds, excavations at Rurikovo Gorodishche in 2023 also yielded sphragistic finds related to this period: the seal of Grand Prince Vasily Dmitrievich (1389–1425) and half of a pendant seal, which likely belongs to Grand Prince Vasily Vasilyevich (1425–1462). Artifacts that possibly were in circulation alongside the coins include two seals, individual jewelry, clothing details, items of personal devotion, household items and weaponry. These items have a wide range of parallels, but their dating is limited to a single century.

¹⁶ Konstantin V. Gorlov, Valentina N. Kuznetsova — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences, St. Petersburg; e-mail: konstantinv.gorlov2018@yandex.ru, valentkuznets@mail.ru.

Монеты Великого княжества Московского из Коломенского клада¹

П. Г. Гайдуков, И. В. Гришин²

Аннотация. Завершается работа по созданию каталога монет Великого княжества Московского периода правления Василия Дмитриевича (1389–1425), для которого авторами настоящей статьи в музейных собраниях, частных коллекциях, а также на различных сайтах в сети Интернет собран значительный нумизматический материал (более 13 000 экз.). В статье публикуются монеты Дмитрия Ивановича и Василия Дмитриевича из клада, найденного в Коломенском районе Московской области летом 2002 г. и полностью разошедшегося по частным коллекциям.

Ключевые слова: средневековая Русь, Московское княжество, монетная чеканка, монетный тип и вариант, денга, монетный клад, монетный каталог

DOI 10.31600/1817-6976-2026-50-202-214

Создание полного каталога монет Великого княжества Московского периода правления Василия Дмитриевича (1389–1425), который авторы настоящей публикации готовят много лет, близится к завершению. Установлено, что вес московских монет при Василии I не был одинаков и постепенно снижался от 0,98 до 0,70 г (Гайдуков, 2006. С. 51, 52; Гайдуков, Гришин, 2009а).

Существенным рубежом в денежном деле Москвы является денежная реформа начала 1410-х гг. (около 1412–1413 гг.), в результате которой сменились все находившиеся в обращении старые монеты, а уставный вес новых был понижен (Волков, 2003. С. 144; Гайдуков, 2006. С. 59). Изменился и облик денег: они стали меньше по размеру и более плотными. В связи с этим нумизматы разделяют монеты Василия Дмитриевича на два основных периода его правления: ранний (1389 — около 1412 г.) и поздний (около 1412 — 1425 г.).

К настоящему времени в исследование включено более 13 000 серебряных монет (денег и по-

луденег, в том числе и фальшивых), разделяющихся на более чем 150 типов. Ранних монет насчитывается более 9500 экз. По заключению авторов они изготовлены в Москве (центральная чеканка; 22 типа денег и четыре типа полуденег; около 6300 экз.) и в региональных центрах Московского княжества (периферийная чеканка; 38 типов денег и девять типов полуденег; около 3200 экз.) (Гайдуков, Гришин, 2024. С. 191, 192, рис. 1, 2; 2025. С. 150).

Настоящая статья посвящена публикации монет Дмитрия Ивановича и Василия Дмитриевича из Коломенского клада — одного из самых крупных денежных депозитов конца XIV — начала XV в. Его можно сравнить с двумя кладами русских монет этого времени: Саранским (около 3500 монет, из них около 550 денег Московского княжества и более 100 джучидских дирхамов; см.: Федоров-Давыдов, 1981; 1989; Гайдуков, Гришин, 2004) и Фёдоровским (2104 монеты, из них 120 денег Московского княжества и пять полтин; Гайдуков, Гришин, 2019; 2024) (табл.).

Клад русских монет и денежных слитков конца XIV — начала XV в. был найден летом 2002 г. на распаханном поле к юго-западу от д. Колодкино Коломенского района Московской области при проведении незаконного поиска с применением специальных технических средств. Летом и осенью того же года находчик приносил клад для определения в Коломенский краеведческий

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ «Монеты Великого княжества Московского времени правления Василия Дмитриевича (1389–1425)» (№ 24-18-00269).

² Гайдуков П. Г., Гришин И. В. — Институт археологии РАН, Москва; e-mail: russianchange@yandex.ru, robert2t@yandex.ru.

© Гайдуков П. Г., Гришин И. В., 2026

Таблица. Состав крупнейших кладов русских монет конца XIV — начала XV в., экз.
Table. The composition of the largest hoards of Russian coins from the end of the 14th — beginning of the 15th cent., pcs.

Принадлежность монет	Саранский клад, найден в 1961 и 1990-е гг., время сокрытия 1409 г.	Коломенский клад, найден в 2002 г., время сокрытия до 1413 г.	Фёдоровский клад, найден в 2016, 2017–2021 гг., время сокрытия 1413 г.
Московское княжество	Около 550	341	120
Звенигородское княжество	2	5	–
Серпуховское княжество	58	Более 80	17
Малоярославецкое княжество	–	5	1
Можайское княжество	11	28	3
Дмитровское княжество	56	Около 130	62
Нижегородско-Суздальское княжество	Более 1800	Более 1200	830
Ростовское княжество	85	Более 150	83
Ярославское княжество	6	4	1
Русские подражания джучидским монетам	Около 500	Около 300	948
С надчеканкой	1	–	19
Гладкие заготовки	3	1	2
Не атрибутированы	Около 300 (не разысканы)	–	18 (стерты)
Джучидские монеты	Более 100	–	–
Всего монет	Около 3500	Около 2300	2104
Слитки-полтины	–	2	5

музей. По сведениям С. И. Самошина, проводившего первичную атрибуцию находки, в ней насчитывалось около 2300 монет и два слитка-полтины (Самошин, 2003). Впоследствии весь клад был распродан частным лицам. Депозит назван Коломенским, поскольку точное место его находки на территории Коломенского района осталось неизвестным. С сентября 2003 г. по февраль 2006 г. авторы настоящей публикации предприняли значительные усилия по выявлению монет клада в нескольких частных коллекциях. В итоге подавляющее их большинство, а также оба слитка удалось осмотреть и документировать. Саранский и Фёдоровский клад переданы в музей и доступны для исследования³. В отличие от них Коломенский клад безвозвратно растворился в частных коллекциях, и его монеты обезличились.

³ Основная часть Саранского клада, найденного в 1961 г., хранится в ГИМ (833 экз.) и Мордовском республиканском краеведческом музее (1714 экз.). В конце 1990-х гг. на месте находки обнаружено еще около 1000 монет, которые полностью разошлись по частным собраниям. Авторам удалось изучить и документировать около 700 денег из второй части клада (Гайдуков, Гришин, 2004). Фёдоровский клад в апреле 2022 г. передан во Владимиро-Суздальский музей-заповедник (Гайдуков, Гришин, 2024. С. 193, примеч. 3).

По сведениям, собранным авторами, в Коломенском кладе насчитывалось около 2300 монет. Они разделяются на денги Великого княжества Московского (341 экз.), его уделов (всего около 250 экз.: Звенигород — 5 экз., Серпухов — более 80 экз., Малоярославец — 5 экз., Можайск — 28 экз., Дмитров — около 130 экз.), Великого княжества Нижегородско-Суздальского (более 1200 экз., включая монеты, изготавливавшиеся на территории княжества после его подчинения Москве в 1392 г.), Ростовского (более 150 экз.) и Ярославского (4 экз.) княжеств. Кроме этого, в кладе оказалось около 300 двусторонних русских подражаний золотоордынским дирхамам. Монеты Звенигорода, Серпухова и Дмитрова изданы (Гайдуков, Лейбов, 2007. С. 28, 35–37; Самошин, 2006; Волков, 2009; Зайцев, Лейбов, 2006).

До полного изучения состава Коломенского клада датировать его захоронение следует временем до 1413 г. (Волков, 2009. С. 78, табл. 1); В. В. Зайцев и В. Л. Лейбов датируют сокрытие временем около 1415 г. (Зайцев, 2004. С. 80, 81, 135. № 14; Зайцев, Лейбов, 2006. С. 77). Рубежом в изготовлении ранних и поздних монет в Москве, как уже упоминалось, является реформа, проведение которой ориентировочно датируется началом 1410-х гг. (Волков, 2003. С. 144). Денег позднего периода правления Василия Дмитриевича

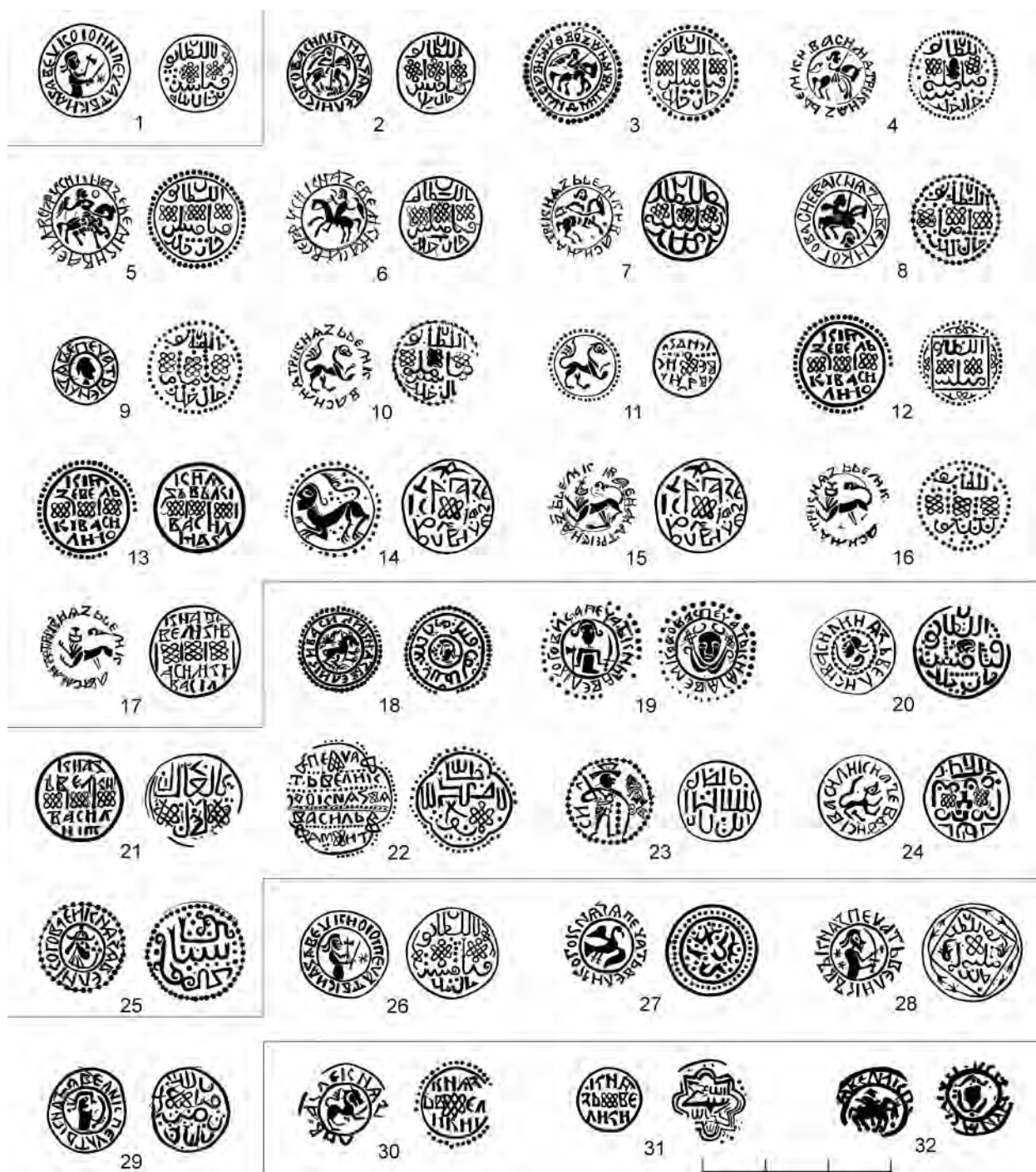

Рис. 1. Монеты Великого княжества Московского из Коломенского клада: 1 — Дмитрий Иванович; 2–32 — Василий Дмитриевич. Центральная чеканка, денги: 2 — тип II, 3 — тип III, 4 — тип IV, 5 — тип V, 6 — тип VII, 7 — тип VIII, 8 — тип X, 9 — тип XII, 10 — тип XIII, 11 — тип XV, 12 — тип XVI, 13 — тип XVII, 14 — тип XVIII, 15 — тип XIX, 16 — тип XX, 17 — тип XXI. Периферийная чеканка, денги с именем князя: 18 — тип VI, 19 — тип XII, 20 — тип XV, 21 — тип XVI, 22 — тип XVII, 23 — тип XVIII, 24 — тип XIX, 25 — тип XX. Периферийная чеканка, анонимные денги: 26 — тип I, 27 — тип II, 28 — тип XII, 29 — тип XIII. Фальшивые монеты: 30–32. Прориси И. В. Гришина

Fig. 1. Coins of the Grand Principality of Moscow from the Kolomna treasure: 1 — Dmitry Ivanovich; 2–32 — Vasily Dmitrievich. Central minting, *dengas*: 2 — type II, 3 — type III, 4 — type IV, 5 — type V, 6 — type VII, 7 — type VIII, 8 — type X, 9 — type XII, 10 — type XIII, 11 — type XV, 12 — type XVI, 13 — type XVII, 14 — type XVIII, 15 — type XIX, 16 — type XX, 17 — type XXI. Peripheral minting, *dengas* with the name of the prince: 18 — type VI, 19 — type XII, 20 — type XV, 21 — type XVI, 22 — type XVII, 23 — type XVIII, 24 — type XIX, 25 — type XX. Peripheral coinage, anonymous *dengas*: 26 — type I, 27 — type II, 28 — type XII, 29 — type XIII. Counterfeit coins: 30–32. Drawings by I. V. Grishin

Рис. 2. Перечеканенные монеты Василия Дмитриевича из Коломенского клада: А — тип IV, перечеканена в ростовскую денгу Андрея Фёдоровича и Константина Владимировича (А-Ростов); Б — тип IV, перечеканена в денгу Андрея Дмитриевича Можайского; В — тип IV, перечеканена в ростовскую денгу Андрея Фёдоровича и Александра Константиновича (В-Ростов); Г — тип V, отчеканена на первоначальной монете с надчеканкой «коломенского типа»; Д — тип VII, перечеканена в денгу Владимира Андреевича Серпуховского. Прорисы И. В. Гришина

Fig. 2. Restricken coins of Vasily Dmitrievich from the Kolomna hoard: A — type IV, restricken to the Rostov *denga* of Andrey Fedorovich and Konstantin Vladimirovich (A-Rostov); B — type IV, restricken to the *denga* of Andrey Dmitrievich of Mozhaysk; B — type IV, restricken to the Rostov *denga* of Andrey Fedorovich and Alexandr Konstantinovich (B-Rostov); G — type V, stricken on the original coin with the “Kolomna type” overstrike; D — type VII, restricken to the *denga* of Vladimir Andreevich of Serpukhov. Drawings by I. V. Grishin

в кладе нет, он захоронен до проведения реформы. В нем оказалось 28 типов монет раннего периода правления этого князя (рис. 1, 2–29) (прорисы монет представлены на рис. 1 и 2, фотографии — на рис. 3–6, нумерация общая). При этом несколько наиболее легких (и, соответственно, наиболее поздних по времени чеканки) типов представлены большим количеством монет. Это типы X — 26 экз., XII — 39 экз., XX — 22 экз. и XXI — 104 экз. (рис. 1, 8, 10, 16, 17). Судя по их весу, они изготавливались в 1400-х гг. (Гайдуков, Гришин, 2009а). Опираясь на эти соображения, сокрытие клада можно датировать концом первого — началом второго десятилетия XV в.

В Коломенском кладе насчитывается 341 монета Великого княжества Московского. Две из них относятся к правлению Дмитрия Ивановича (1359–1389). Это денги одного из типов анонимных монет с изображением воина с топором и мечом и надписью: «ПЕЧАТЬ КНЯЗЯ ВЕЛИКОГО» (см. приложение, № 1, 2; рис. 1, 1) (Гайдуков, Гришин, 2009б. С. 330, рис. 2, 3).

Монет Василия Дмитриевича насчитывается 339 экз. Они разделяются на 16 типов центральной (251 экз.; см. приложение, № 3–253; рис. 1, 2–17) и 12 типов периферийной чеканки (84 экз.; см. приложение, № 254–337; рис. 1, 18–29). Кроме них в клад попали четыре фальшивые денги (см. приложение, № 338–341; рис. 1, 30–32).

Наиболее массовые монеты центральной чеканки — это денги с изображением различных

всадников (11 типов, семь из которых насчитывают от 30 до 240 вариантов; Гайдуков, Гришин, 2024. С. 191, рис. 1, А, I–XI), а также четвероногого животного (три типа — XIII, XX, XXI — насчитывают более 180, 50 и 150 вариантов; Там же. С. 191, рис. 1, А, XIII, XX, XXI). Денги с всадниками изготавливались преимущественно в 1390-х гг., с животными — в первом десятилетии XV в. (Гайдуков, Гришин, 2009а. С. 137, 138, рис. 1).

Монеты центральной чеканки представлены в кладе в основном этими типами. Денег с изображением всадников насчитывается 79 экз. Они относятся к семи типам: II (3 экз., три варианта; рис. 1, 2), III (3 экз., три варианта; рис. 1, 3), IV (20 экз., 18 вариантов; рис. 1, 4), V (13 экз., 11 вариантов; рис. 1, 5), VII (5 экз., два варианта; рис. 1, 6), VIII (9 экз., семь вариантов; рис. 1, 7) и X (26 экз., восемь вариантов; рис. 1, 8).

Среди денег с изображением всадников выявлено пять монет, которые, находясь в обращении, оказались перечеканенными: четыре из них — в денги других княжеств, одна отчеканена на первоначальной монете с надчеканкой так называемого коломенского типа⁴. Три монеты

⁴ Надчеканки «коломенского типа» представляют собой сложный знак, образованный на основе искаженной и нечитаемой арабской легенды (Зайцев, Шапошник, 2024. С. 137, 138). Они наносились на гладкие монетные заготовки или двусторонние русские грубые

типа IV перечеканены в ростовскую денгу Андрея Фёдоровича и Константина Владимировича (рис. 2, А, А-Ростов; 6, А), денгу Андрея Дмитриевича Можайского (рис. 2, Б; Волков и др., 2010. С. 73. № 193) и ростовскую денгу Андрея Фёдоровича и Александра Константиновича (рис. 2, В, В-Ростов; 6, В). Монета типа VII перечеканена в денгу Владимира Андреевича Серпуховского (рис. 2, Д; рис. 6, Д; Волков и др., 2010. С. 30. № 63). Монета типа V перечеканена из денги с надчеканкой «коломенского типа» (рис. 2, Г; 6, Г) (см. приложение, № 9–28, 29–46).

Денег с изображением четвероногого животного насчитывается 168 экз. Они относятся к пяти типам: XIII (животное вправо — арабская надпись, 39 экз., 25 вариантов; рис. 1, 10), XV (животное вправо — русская надпись, 1 экз.; рис. 1, 11), XIX (животное влево — имитация кириллической и арабской надписи, 2 экз., два варианта; рис. 1, 15), XX (животное влево — арабская надпись, 22 экз., 15 вариантов; рис. 1, 16), XXI (животное влево — русская надпись, 104 экз., 54 варианта; рис. 1, 17).

Среди монет центральной чеканки в кладе имеются денги еще четырех типов: XII (голова человека — арабская надпись; 1 экз.; рис. 1, 9), XVI (русская надпись — арабская надпись; 1 экз.; рис. 1, 12), XVII (русская надпись — русская надпись; 1 экз.; рис. 1, 13), XVIII (фантастическое животное влево — имитация кириллической и арабской надписи, 1 экз.; рис. 1, 14).

Монеты Василия Дмитриевича периферийной чеканки разделяются на 20 типов именных (Гайдуков, Гришин, 2024. С. 191, 192, рис. 1, Б-1, I–XII; 2, Б-1, XIII–XX) и 16 типов анонимных денег (Там же. С. 192, рис. 2, Б-2, I–XVI). В Коломенском кладе насчитывается 84 денги периферийной чеканки: 61 именная и 23 анонимные (рис. 1, 18–29).

Именные денги распределяются на восемь типов. Большинство монет (43 экз.) относится к типу XVII (русская надпись — арабская надпись; 23 экз., семь вариантов; рис. 1, 22) и наиболее позднему типу XX с изображением головы человека в шапке (20 экз., восемь вариантов; рис. 1, 25).

Еще 18 именных денег периферийной чеканки относятся к шести типам: с изображением четве-

роногого животного и головы человека (тип VI, 1 экз.; рис. 1, 18); с изображением сидящего воина и головы человека (тип XII, 2 экз., два варианта; рис. 1, 19), с изображением головы человека и арабской надписью (тип XV, 4 экз., четыре варианта; рис. 1, 20), с русской и арабской надписью (тип XVI, 1 экз.; рис. 1, 21), с изображением человека в рост (XVIII, 6 экз., три варианта; рис. 1, 23) и с изображением четвероногого животного (тип XIX, 4 экз., три варианта; рис. 1, 24).

Анонимные денги периферийной чеканки (23 экз.) относятся к четырем типам: I (воин с топором и мечом — арабская надпись, 3 экз., один вариант; рис. 1, 26), II (птица — арабская надпись, 3 экз., три варианта; рис. 1, 27), XII (воин с саблей — арабская надпись в ромбовидной рамке, 10 экз., шесть вариантов; рис. 1, 28) и XIII (воин с саблей — арабская надпись, 7 экз., четыре варианта; рис. 1, 29).

Как указывалось выше, в Коломенском кладе выявлены четыре фальшивые монеты, относящиеся к трем типам. Незначительная неофициальная чеканка известна в денежном деле Московского княжества конца XIV — начала XV в. При систематизации денег и полуденег Василия Дмитриевича выявлена особая группа монет в количестве более 150 экз., определенная авторами как фальшивые по особенностям оформления монетных штемпелей, качеству металла и весу (Гайдуков, Гришин, 2021; 2025).

Фальшивые монеты из Коломенского клада (рис. 5, 30; 6, 31-1, 31-2) изготовлены в основном из низкопробного серебра и грубо копируют денги Василия I. На монете первого типа помещено изображение четвероногого животного и русская надпись (рис. 1, 30). Образцом для копирования являются именные денги типа XIII и XXI центральной чеканки (Гайдуков, Гришин, 2024. С. 191, рис. 1, А, XIII, XXI). На двух монетах второго типа помещена русская надпись и подражание арабской надписи (рис. 1, 31). Для их изготовления могли послужить сюжеты оформления денег центральной чеканки (Там же. С. 191, рис. 1, А, XVI). На фальшивой монете третьего типа изображен всадник и голова человека (рис. 1, 32). Лицевую сторону этой подделки могли скопировать с денег центральной чеканки (Там же. С. 191, рис. 1, А, XI), оборотную — с именных денег периферийной чеканки (Там же. С. 191, рис. 1, Б-1, XII).

Коломенский клад дал важные дополнения к изучению монетной чеканки Великого княжества Московского в период правления Василия Дмитриевича. Он сохранил в своем составе неизвестные ранее

подражания джучидским монетам. Такие надчеканки на монетах по месту массовых находок в регионе Коломны получили в литературе название «коломенский тип». По мнению В. В. Зайцева, монеты с таким знаком изготавливались во второй половине 1380-х — начале 1390-х гг. (устная консультация В. В. Зайцева 24.07.2024 г.).

Рис. 3. Фото монет из Коломенского клада: 1 — Дмитрий Иванович; 2-10 — Василий Дмитриевич, центральная чеканка. Номера соответствуют номерам на рис. 1

Fig. 3. Photos of coins from the Kolomna hoard: 1 — Dmitry Ivanovich; 2-10 — Vasily Dmitrievich, central minting. The numbers correspond to those in Fig. 1

Рис. 4. Фото монет из Коломенского клада, Василий Дмитриевич: 11-17 — центральная чеканка; 18-20 — периферийная чеканка, денги с именем князя. Номера соответствуют номерам на рис. 1

Fig. 4. Photos of coins from the Kolomna hoard, Vasily Dmitrievich: 11-17 — central minting; 18-20 — peripheral minting, *dengas* with the prince's name. The numbers correspond to those in Fig. 1

Рис. 5. Фото монет из Коломенского клада, Василий Дмитриевич: 21–25 — периферийная чеканка, денги с именем князя; 26–29 — периферийная чеканка, анонимные денги; 30 — фальшивая монета. Номера соответствуют номерам на рис. 1

Fig. 5. Photos of coins from the Kolomna hoard, Vasily Dmitrievich: 21–25 — peripheral minting, *dengas* with the prince's name; 26–29 — peripheral minting, anonymous *dengas*; 30 — counterfeit coin. The numbers correspond to those in Fig. 1

Рис. 6. Фото монет из Коломенского клада, Василий Дмитриевич: 31-1, 31-2, 32 — фальшивые монеты. Перечеканенные монеты Василия Дмитриевича центральной чеканки: А — тип IV, в ростовскую денгу Андрея Фёдоровича и Константина Владимировича; Б — тип IV, в денгу Андрея Дмитриевича Можайского; В — тип IV, в ростовскую денгу Андрея Фёдоровича и Александра Константиновича; Г — тип V, отчеканена на первоначальной монете с надчеканкой «коломенского типа»; Д — тип VII, в денгу Владимира Андреевича Серпуховского. Номера соответствуют номерам на рис. 1

Fig. 6. Photos of coins from the Kolomna hoard, Vasily Dmitrievich: 31-1, 31-2, 32 — counterfeit coins. Restricken coins of Vasily Dmitrievich, the central minting: A — type IV, to the Rostov *denga* of Andrey Fedorovich and Konstantin Vladimirovich; B — type IV, to the *denga* of Andrey Dmitrievich of Mozhaysk; B — type IV, to the Rostov *denga* of Andrey Fedorovich and Alexandr Konstantinovich; Г — type V, minted on the original coin with the “Kolomna type” overstrike; Д — type VII, to the *denga* of Vladimir Andreevich of Serpukhov. The numbers correspond to those in Fig. 1

варианты денег Василия I в шести типах центральной (III — один вариант, IV — два варианта, VIII — три варианта, XIII — три варианта, XX — два варианта, XXI — семь вариантов; рис. 1, 3, 4, 7, 10, 16, 17) и одном типе периферийной чеканки (XV — один

вариант; рис. 1, 20), а также новую разновидность фальшивых монет (рис. 1, 32). Кроме этого, денги из клада позволили уточнить ряд прорисей монетных штемпелей и дополнить общую базу данных для готовящегося каталога монет Василия I.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Дмитрий Иванович (1359–1389) (2 экз.)

№ 1, 2. Тип III анонимных денег, два варианта. Ав.: Поколенное изображение человека с саблей и топором в руках, вправо; вокруг между двух линейных ободков круговая надпись: ПЕЧАТЬКНЯЗЯВЕЛКОЮИОН. Rev.: Трехстрочная арабская надпись с именем Токтамышша; между первой и второй строками две орнаментальные решетки; вокруг линейный ободок. 2 экз. Вес 0,83 (обл.), 1,02 г (рис. 1, 1; 3, 1).

Василий Дмитриевич (1389–1425)

I. Центральная чеканка (251 экз.)

(см. Гайдуков, Гришин, 2024. С. 191, рис. 1, А: типы I–XXII)

№ 3–5. Тип II, три варианта. Ав.: Всадник с развевающимся плащом, вправо; в руке копье, которым он колет в голову змея под ногами коня; вокруг между двух линейных ободков круговая надпись: КНЯЗЬВЕЛИКИВАСИЛИИ. Rev.: Трехстрочная арабская надпись с именем Токтамышша.

3 экз. Вес 0,82, 0,93, 0,94 г (рис. 1, 2; 3, 2).

№ 6–8. Тип III, три варианта. Ав.: Всадник с мечом в развеваемом плаще, вправо; вокруг между двух линейных ободков круговая надпись (справа налево): КНЯЗЬВЕЛИКИВАСИЛИДМИТРЕВИ. Rev.: Трехстрочная арабская надпись с именем Токтамышша; между первой и второй строкой три орнаментальные решетки; вокруг линейный и точечный ободок.

3 экз. Вес 0,90, 0,92, 0,94 г (рис. 1, 3; 3, 3).

№ 9–28. Тип IV, 18 вариантов. Ав.: Всадник с мечом в развеваемом плаще, вправо; вокруг между двух линейных ободков круговая надпись: КНЯЗЬВЕЛИКИВАСИЛИДТРЕ. Rev.: Трехстрочная арабская надпись с именем Токтамышша.

20 экз. Вес 0,80 (обл.), 0,87 (3 экз., в том числе 1 обл., 1 пробита), 0,89, 0,90, 0,91, 0,91 (перечеканена в ростовскую денгу Андрея Фёдоровича и Константина Владимировича, см. рис. 2, А, А-Ростов; 6, А), 0,91 (перечеканена в денгу Андрея Дмитриевича Можайского; см. рис. 2, Б; 6, Б), 0,92 (2 экз.), 0,93 (4 экз., в том числе 1 обл.), 0,94 (4 экз., в том числе 1 перечеканена в ростовскую денгу Андрея Фёдоровича и Александра Константиновича; см. рис. 2, В, В-Ростов; 6, В), 0,96 г (рис. 1, 4; 3, 4). У одной монеты лицевая сторона неопределима из-за плохой сохранности.

№ 29–41. Тип V, 11 вариантов. Ав.: Всадник с соколом, вправо; вокруг линейный ободок и круговая надпись:

КНЯЗЕВЕЛИКИВАСИЛИДМИТРЕВЧ или КНЯЗЕВЕЛИКИВАСИЛИВСЕЯРУСИ. Rev.: Трехстрочная арабская надпись с именем Токтамышша; вокруг линейный и точечный ободок.

13 экз. Вес 0,81 (перечеканена из денги с надчеканкой «коломенского типа»; см. рис. 2, Г; 6, Г), 0,85, 0,89 (4 экз.), 0,90 (2 экз.), 0,91 (2 экз.), 0,93 (2 экз.), 0,99 г (рис. 1, 5; 3, 5).

№ 42–46. Тип VII, два варианта. Ав.: Всадник, влево, правой рукой держит повод коня, левой — сокола; вокруг линейный ободок и круговая надпись: КНЯЗЕВЕЛИКИВАСИЛИВСЕЯРУСИ. Rev.: Трехстрочная арабская надпись с именем Токтамышша; между первой и второй строкой три орнаментальные решетки; вокруг линейный ободок.

5 экз. Вес 0,85 (перечеканена в денгу Владимира Андреевича Серпуховского; см. рис. 2, Д; 6, Д), 0,88, 0,89 (2 экз., в том числе 1 обл.), 0,93 г (рис. 1, 6; 3, 6).

№ 47–55. Тип VIII, семь вариантов. Ав.: Всадник в развеваемом плаще, вправо; вокруг линейный ободок и круговая надпись: КНЯЗЬ[В]ЕЛИКИВАСИЛИДТРЕ. Rev.: Трехстрочная арабская надпись с именем Токтамышша; между первой и второй строкой три орнаментальные решетки; вокруг точечный ободок.

9 экз. Вес 0,66 (обл.), 0,84, 0,85, 0,86, 0,87, 0,89 (3 экз.), 0,90 г (рис. 1, 7; 3, 7).

№ 56–81. Тип X, восемь вариантов. Ав.: Всадник с мечом в развеваемом плаще, вправо; под конем человеческая голова (или орнаментальная решетка); вокруг между двух линейных ободков круговая надпись: КНЯЗЬВЕЛИКОГОВАСИЕВА. Rev.: Подражание трехстрочной арабской надписи; между первой и второй строкой три орнаментальные решетки; вокруг линейный ободок.

26 экз. Вес 0,80, 0,81 (3 экз.), 0,82, 0,83 (8 экз., в том числе 1 обл.), 0,84 (2 экз.), 0,85, 0,86, 0,87, 0,88 (2 экз.), 0,89 (2 экз.), 0,90 (3 экз.), 0,94 г (рис. 1, 8; 3, 8).

№ 82. Тип XII, один вариант. Ав.: Голова человека, вправо; вокруг между двух линейных ободков круговая надпись: ПЕЧАТЬКЕНЯЗЯВЕ. Rev.: Трехстрочная арабская надпись с именем Токтамышша; между первой и второй строкой три орнаментальные решетки; вокруг точечный ободок.

1 экз. Вес 0,81 г (рис. 1, 9; 3, 9).

№ 83–121. Тип XIII, 25 вариантов. Ав.: Четвероногое животное, вправо, передние лапы подняты, хвост загнут над спиной и заканчивается кисточкой; вокруг круговая надпись: КНЯЗЬВЕЛИКИВАСИЛИДТРЕ.

- Rev.*: Трехстрочная (или четырехстрочная) арабская надпись с именем Токтамыша.
39 экз. Вес 0,85 (4 экз.), 0,86 (4 экз.), 0,87 (6 экз.), 0,88 (4 экз.), 0,89 (8 экз.), 0,90 (6 экз.), 0,91 (4 экз.), 0,92, 0,93, 0,94 г (рис. 1, 10; 3, 10).
У трех монет лицевая сторона неопределима из-за плохой сохранности.
- № 122. Тип XV, один вариант. *Av.*: Четвероногое животное как в № 83, но другого штампея; вокруг линейный и точечный ободок. *Rev.*: Трехстрочная зеркальная надпись: КНЯЗЬ | ВЕ ИК | ВАСИЛ; под первой строкой ряд точек, в центре орнаментальная решетка; вокруг линейный ободок.
1 экз. Вес 0,83 г (рис. 1, 11; 4, 11).
- № 123. Тип XVI, один вариант. *Av.*: Четырехстрочная надпись: КНЯ | ЗЕВЕЛЬ | КИВАСИ | ЛИИ; между второй и третьей строкой три орнаментальные решетки; вокруг линейный и точечный ободок. *Rev.*: Двустрочная арабская надпись с именем Токтамыша в квадратной рамке, между строками две орнаментальные решетки; вокруг четыре орнаментальных узелка и точечный ободок.
1 экз. Вес 0,89 г (рис. 1, 12; 4, 12).
- № 124. Тип XVII, один вариант. *Av.*: Тот же штампель, что и в № 123. *Rev.*: Четырехстрочная надпись: КНЯ | ЗЬВЬЛКИ | ВАСИЛ | ИАС; в середине три орнаментальные решетки; вокруг линейный ободок.
1 экз. Вес 0,84 г (рис. 1, 13; 4, 13).
- № 125. Тип XVIII, один вариант. *Av.*: Фантастическое четвероногое животное с человеческой головой, влево, передние лапы подняты, хвост загнут над спиной и заканчивается кисточкой; вокруг линейный и точечный ободок. *Rev.*: Подражание четырехстрочной (?) надписи, имитирующей кириллический и арабский текст; сверху орнаментальный узелок, в центре орнаментальная решетка; вокруг линейный ободок.
1 экз. Вес 0,88 г (рис. 1, 14; 4, 14).
- № 126, 127. Тип XIX, два варианта. *Av.*: Четвероногое животное, влево, голова повернута, передние лапы подняты, задние — поджаты, хвост загнут над спиной и заканчивается утолщением; вокруг круговая надпись: КНЯЗЬ[В]ЕЛИК... АСИЛИДТРЕ. *Rev.*: Тот же штампель, что и в № 125.
2 экз. Вес 0,87, 0,90 г (рис. 1, 15; 4, 15).
- № 128–149. Тип XX, 15 вариантов. *Av.*: Четвероногое животное, как в № 126, но других штампелей. *Rev.*: Трехстрочная арабская надпись с именем Токтамыша; между первой и второй строками три орнаментальные решетки; вокруг линейный ободок.
22 экз. Вес 0,52 (обл.), 0,85 (4 экз.), 0,86 (2 экз.), 0,87 (5 экз.), 0,88 (4 экз., в том числе 1 обл.), 0,89, 0,91, 0,92 (2 экз.), 0,93, ? (1 экз.) г (рис. 1, 16; 4, 16).
У одной монеты лицевая сторона неопределима из-за плохой сохранности, у другой — обе стороны неопределимы.
- № 150–253. Тип XXI, 54 варианта. *Av.*: Четвероногое животное, как в № 126, но других штампелей. *Rev.*: Четырехстрочная надпись: КНЯ | ЗЬВЬЛКИ | ВАСИЛ | ИАС; в середине три орнаментальные решетки; вокруг линейный ободок.
104 экз. Вес 0,81, 0,82 (3 экз., в том числе 1 обл.), 0,84 (7 экз., в том числе 2 обл.), 0,85 (14 экз.), 0,86 (10 экз.), 0,87 (15 экз.), 0,88 (22 экз.), 0,89 (13 экз.), 0,90 (8 экз., в том числе 1 обл.), 0,91 (6 экз.), 0,92 (3 экз.), 0,93, 0,96 г (рис. 1, 17; 4, 17).
У 10 монет лицевая сторона неопределима из-за плохой сохранности.
- II. Периферийная чеканка (84 экз.)**
- 1. Денги с именем князя (61 экз.)**
(см. Гайдуков, Гришин, 2024. С. 191, 192, рис. 1, Б-1: типы I–XII; 2, Б-1: типы XIII–XX)
- № 254. Тип VI, один вариант. *Av.*: Четвероногое животное с открытой пастью, острыми ушами и когтистыми лапами, вправо; передняя лапа поднята, хвост поджат и пропущен между задними ногами; сверху изображение скорпиона; вокруг линейный ободок и круговая надпись: КНЯЗЬВЕЛИКИВАСИЛ; вокруг линейный и точечный ободок. *Rev.*: Голова человека, влево, перед лицом ряд точек; вокруг линейный ободок и круговая арабская надпись с именем Токтамыша; вокруг линейный и точечный ободок.
1 экз. Вес 0,96 г (рис. 1, 18; 4, 18).
- № 255, 256. Тип XII, два варианта. *Av.*: Поколенное изображение сидящего человека с топором и саблей в руках, анфас; вокруг между линейным и точечным ободками круговая надпись: ПЕЧАТЬКНЯЗЯВЕЛКОГОВИСА. *Rev.*: Человеческая голова анфас, сверху две дуги, сбоку — две орнаментальные решетки, снизу — две пары изогнутых линий в виде щупалец; вокруг между линейным и точечным ободками круговая надпись: ПЕЧАТЬКНЯЗЯВЕЛИКОВОВАС.
2 экз. Вес 0,88, 0,94 г (рис. 1, 19; 4, 19).
- № 257–260. Тип XV, четыре варианта. *Av.*: Оплечное изображение человека с саблей в руке, влево; вокруг между точечно-линейным и линейным ободками круговая надпись: КНЯЗЬВЕЛИКИВАСИЛ. *Rev.*: Трехстрочная арабская надпись с именем Токтамыша; между первой и второй строками голова человека; вокруг линейный ободок.
4 экз. Вес 0,89, 0,90 (2 экз.), 0,92 г (рис. 1, 20; 4, 20).
- № 261. Тип XVI, один вариант. *Av.*: Четырехстрочная надпись, оканчивающаяся кружком: КНЯ | ЗЬВЕЛ | КИВАСИ | ЛИИ; между второй и третьей строкой три орнаментальные решетки; вокруг линейный и точечный ободок. *Rev.*: Подражание арабской надписи, во второй строке две орнаментальные решетки; вокруг линейный ободок.
1 экз. Вес 0,92 г (рис. 1, 21; 5, 21).

№ 262–284. Тип XVII, семь вариантов. Ав.: Пятистрочная надпись, разделенная линиями из точек: ПЕ ЧА | ТЪВЕЛИК | О ОКНЯЗ Я | ВАСИЛЬЯ | ДМ ИТ; в середине первой и пятой строк орнаментальные решетки; вокруг двойная (линейная и точечная) фигурная рамка с четырьмя орнаментальными узелками. Rev.: Подражание арабской надписи; вокруг остатки линейного ободка с орнаментальным узелком.

23 экз. Вес 0,81, 0,83 (2 экз.), 0,85 (2 экз.), 0,86 (2 экз.), 0,87 (7 экз.), 0,88 (5 экз.), 0,90 (2 экз.), 0,91, ? (1 экз.) г (рис. 1, 22; 5, 22).

№ 285–290. Тип XVIII, четыре варианта. Ав.: Человек в шапке с полями, с поднятым на плечо мечом и тростью (?), в рост, у левой ноги столбик из точек; слева буквы СИЛ; справа человеческая голова в высокой меховой шапке; вокруг точечно-линейный ободок. Rev.: Подражание трехстрочной арабской надписи; вокруг линейный ободок.

6 экз. Вес 0,79, 0,81, 0,83, 0,87, 0,88 (2 экз.) г (рис. 1, 23; 5, 23).

№ 291–294. Тип XIX, три варианта. Ав.: Четвероногое животное с открытой пастью, вправо, передняя лапа поднята, хвост загнут над спиной; вокруг круговая надпись: КНЯЗЕВЪ[Л]ИКИВАСИЛИ; вокруг линейный ободок. Rev.: Подражание четырехстрочной (?) арабской надписи; в центре две орнаментальные решетки; вокруг линейный ободок.

4 экз. Вес 0,88, 0,89, 0,91 (2 экз.) г (рис. 1, 24; 5, 24).

№ 295–314. Тип XX, восемь вариантов. Ав.: Человеческая голова в округлой шапке с полями, вправо (или влево); перед лицом ветвь с тремя плодами; вокруг между линейным и точечно-линейным ободками круговая надпись: КНЯЗЯВЕЛИКОГОВАСИ. Rev.: Подражание трехстрочной арабской надписи; вокруг точечно-линейный ободок.

20 экз. Вес 0,78, 0,82, 0,83 (2 экз.), 0,84 (2 экз.), 0,85 (3 экз.), 0,86 (5 экз.), 0,87 (3 экз.), 0,89 (2 экз.), 0,90 г (рис. 1, 25; 5, 25).

2. Анонимные денги (23 экз.)

(см. Гайдуков, Гришин, 2024. С. 192, рис. 2, Б-2: типы I–XVI)

№ 315–317. Тип I, один вариант. Ав.: Поколенное изображение человека с длинными волосами, с саблей и топором в руках, вправо; перед фигурой звездочка; вокруг между двух линейных ободков круговая надпись, разделенная чертой: ПЕЧАТЬКНЯЗЯВЕЛКИО[Г]О. Rev.: Трехстрочная арабская надпись с именем Токтамышша; между первой и второй строками две орнаментальные решетки и два узелка; вокруг линейный ободок.

3 экз. Вес 0,98, 1,00, 1,02 г (рис. 1, 26; 5, 26).

№ 318–320. Тип II, три варианта. Ав.: Птица, летящая вправо; вокруг линейный ободок и круговая надпись: ПЕЧАТЬВЕЛИКОГОНКНЯЗЯ. Rev.: Подражание араб-

ской надписи среди многочисленных точек; вокруг точечный ободок между двух линейных.

3 экз. Вес 0,93, 0,98, 1,00 г (рис. 1, 27; 5, 27).

№ 321–330. Тип XII, шесть вариантов. Ав.: Поколенное изображение человека с саблей в руке, вправо; впереди и сзади точки; вокруг линейный ободок и круговая надпись: ПЕЧАТЬВЕЛИКЪВЪКНЯЗ. Rev.: Трехстрочная арабская надпись с именем Токтамышша в ромбовидной рамке; между первой и второй строками орнаментальная решетка; вокруг змеевидный орнамент и линейный ободок.

10 экз. Вес 0,87, 0,91 (3 экз., в том числе 1 обл.), 0,93, 0,94 (4 экз.), 0,96 г (рис. 1, 28; 5, 28).

№ 331–337. Тип XIII, четыре варианта. Ав.: Поясное изображение человека с саблей в руке, вправо; вокруг между двух линейных ободков круговая надпись: ПЕЧАТЬКНЯЗЯВЕЛИК. Rev.: Подражание трехстрочной арабской надписи, между первой и второй строками орнаментальная решетка; вокруг линейный ободок.

7 экз. Вес 0,71, 0,77, 0,79 (2 экз.), 0,80, 0,85, 0,87 г (рис. 1, 29; 5, 29).

III. Фальшивые монеты (4 экз.)

(см. Гайдуков, Гришин, 2025. С. 152, рис. 1)

№ 338. Один вариант. Ав.: Четвероногое животное, вправо, передние лапы подняты, хвост загнут над спиной и заканчивается кисточкой; вокруг между двух линейных ободков круговая надпись: КНЯЗ[Я]...ЛИВА[С]ЛЕ. Rev.: Трехстрочная надпись: КНЯЗ ЫВ ЕЛ | ИКИ; в центре орнаментальная решетка; вокруг линейный и точечный ободок.

1 экз. Вес 0,74 г (рис. 1, 30; 5, 30).

Образцы для копирования: денги центральной чеканки (типы XIII и XXI).

№ 339, 340. Два варианта. Ав.: Трехстрочная надпись: •КНЯ | ЗЪ ВЕ | ЛИКИ; вокруг линейный ободок; в центре второй строки орнаментальная решетка. Rev.: В узорной рамке подражание трехстрочной арабской надписи; вокруг линейный ободок.

2 экз. Вес 0,35 (обл.), 0,76 г (рис. 1, 31; 6, 31-1, 31-2).

Образцы для копирования: денги центральной чеканки (тип XVI).

№ 341. Один вариант. Ав.: Всадник вправо, впереди точка; вокруг между двух линейных ободков круговая надпись: ...ЯВЕЛИКО[Г]... . Rev.: Грубое изображение человеческой головы в шапке (?), анфас, снизу две изогнутые линии в виде щупалец; вокруг между двух линейных ободков круговая надпись: ...БКНЯЗЯ... .

Изд.: Гайдуков, Гришин, 2025. С. 152, рис. 1, 15.

1 экз. Вес 0,74 г (рис. 1, 32; 6, 32).

Образцы для копирования: денги центральной чеканки (тип XI) и именные денги периферийной чеканки (тип XII).

Статья поступила в редакцию 20 ноября 2025 г.

- Волков, 2003 — Волков И. В. О хронологии монетного чекана Москвы и Серпухова начала XV в. // Нумизматический сборник ГИМ. Т. XVI. М.: ГИМ, 2003. С. 134–146: ил.
- Волков, 2009 — Волков И. В. Монеты серпуховских князей в составе Коломенского клада 2002 г. // Средневековая нумизматика Восточной Европы. Вып. 3. М.: Древлехранилище, 2009. С. 73–99.
- Волков и др., 2010 — Волков И. В., Зайцев В. В., Лейбов В. Л. Серебряные монеты московских удельных княжений. Конец XIV — начало второго десятилетия XV в. Каталог-определитель. М.: Древлехранилище, 2010. 144 с.
- Гайдуков, 2006 — Гайдуков П. Г. Русские полуденги, четвертцы и полушки XIV–XVII вв. М.: Палеограф, 2006. 408 с.
- Гайдуков, Гришин, 2004 — Гайдуков П. Г., Гришин И. В. Саранский клад русских монет конца XIV — начала XV в. // XII Всероссийская нумизматическая конференция (ВНК) (Москва, 19–24.04.2004 г.): Тезисы докладов и сообщений (ТДС). М.: Изд-во ГИМ, 2004. С. 138–140.
- Гайдуков, Гришин, 2009а — Гайдуков П. Г., Гришин И. В. О метрологии денег Москвы времени правления Василия Дмитриевича // XV ВНК (Ростов-на-Дону, 20–25.04.2009 г.): ТДС. М.: Изд-во ГИМ, 2009. С. 136–139.
- Гайдуков, Гришин, 2009б — Гайдуков П. Г., Гришин И. В. Именные деньги великого князя Дмитрия Ивановича Донского (Типология и хронология) // Великий Новгород и Средневековая Русь. К 80-летию академика В. Л. Янина: Сб. ст. М.: Памятники исторической мысли, 2009. С. 323–364.
- Гайдуков, Гришин, 2019 — Гайдуков П. Г., Гришин И. В. Фёдоровский клад // XX ВНК (Великий Новгород, 16–20.04.2019 г.): ТДС. М.: Изд-во ГИМ, 2019. С. 145–149.
- Гайдуков, Гришин, 2021 — Гайдуков П. Г., Гришин И. В. Об одной группе фальшивых монет времени правления великого князя Василия Дмитриевича Московского // Нумизматические чтения ГИМ 2021 г. Памяти Г. К. Мельник (Москва, 23–24.11.2021 г.): Материалы докладов и сообщений. М.: Изд-во ГИМ, 2021. С. 132–136.
- Гайдуков, Гришин, 2024 — Гайдуков П. Г., Гришин И. В. Монеты Великого княжества Московского из Фёдоровского клада // АВ. Вып. 44. СПб., 2024. С. 190–201.
- Гайдуков, Гришин, 2025 — Гайдуков П. Г., Гришин И. В. О фальшивых монетах в Великом княжестве Московском в период правления Василия Дмитриевича // РА. 2025. № 2. С. 150–155.
- Гайдуков, Лейбов, 2007 — Гайдуков П. Г., Лейбов В. Л. Ранние монеты Звенигородско-Галицкого княжества // Средневековая нумизматика Восточной Европы. Вып. 2. М.: б.и., 2007. С. 23–41.
- Зайцев, 2004 — Зайцев В. В. Материалы по русской нумизматике XV в. Киев: Юнона-монета, 2004. 142 с.
- Зайцев, Лейбов, 2006 — Зайцев В. В., Лейбов В. Л. Новые материалы к сводному каталогу монет Петра Дмитриевича Дмитровского // Средневековая нумизматика Восточной Европы. Вып. 1. М.: Древлехранилище, 2006. С. 76–96.
- Зайцев, Шапошник, 2024 — Зайцев В. В., Шапошник В. Г. Зарудненский клад монет конца XIV в. из округа Коломны // Средневековая нумизматика Восточной Европы. Вып. 10. СПб.: ООО Контраст, 2024. С. 136–149.
- Самошин, 2003 — Самошин С. И. Клад русских монет конца XIV — начала XV в. из окрестностей Коломны (предварительный анализ) // История и культура Подмосковья: Проблемы изучения и преподавания. Тезисы докладов областной науч.-практ. конф. (Коломна, 17.04.2003 г.). Коломна: [Изд-во Коломенского гос. пед. института], 2003. С. 83–84.
- Самошин, 2006 — Самошин С. И. Монеты Владимира Андреевича Серпуховского из Коломенского клада // Вестник Коломенского государственного педагогического института. Гуманитарные науки. № 1. Коломна, 2006. С. 47–53.
- Федоров-Давыдов, 1981 — Федоров-Давыдов Г. А. Монеты Московской Руси (Москва в борьбе за независимое и централизованное государство). М.: Изд-во Московского ун-та, 1981. 224 с.
- Федоров-Давыдов, 1989 — Федоров-Давыдов Г. А. Монеты Нижегородского княжества. М.: Изд-во Московского ун-та, 1989. 254 с.

Coins of the Grand Principality of Moscow from the Kolomna Treasure

P. G. Gaydukov, I. V. Grishin⁵

Keywords: medieval Rus, Principality of Moscow, minting of coins, coin's type and variant, denга, hoard of coins, catalog of coins

Work on a catalog of coins from the Grand Principality of Moscow during the reign of Vasily Dmitrievich (1389–1425) is nearing completion. For this catalog, the authors of the article have collected a significant amount of numismatic material (over 13,000 pcs) from museum and private collections, as well as various websites. This article features coins of Dmitry Ivanovich and Vasily Dmitrievich from a hoard discovered in the Kolomna District of the Moscow Oblast in the summer of 2002 and subsequently dispersed among private collections.

⁵ Peter G. Gaydukov, Igor V. Grishin— Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences; Moscow, Russia; e-mail: russianchange@yandex.ru, robert2t@yandex.ru.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

О «странной войне» 1105 г. Новгорода с Ладогой¹

В. А. Буров²

Аннотация. Война 1105 г. была вызвана стремлением Новгорода вернуть Ладогу и Ладожскую землю под свою юрисдикцию и ликвидировать шведское ярлство, связанное с Киевом с 1019 г. Со второй половины XI в. увеличилось присутствие шведов в Ладоге, а в начале XII в. произошла смена внешнеполитического курса Швеции, нацеленного на финские земли. С 1104 г. в связи с основанием в Лунде римским папой архиепископства возникла опасность расширения шведской военной и миссионерской экспансии далее на восток. Ликвидация военным путем ладожского ярлства повлекла за собой строительство крепостей для защиты от Швеции.

Ключевые слова: Ладога, Новгород, Швеция, Ярослав Мудрый, Ингигерд, вено, война, дань, ярлство

DOI 10.31600/1817-6976-2026-50-215-219

В Новгородской первой летописи под 1105 г. содержится известие, вызывающее вопросы у историков: «Того же лѣта идоша в Ладогу на воину» (НПЛ, 1950. С. 19, 203). Полагаем, что решение проблемы тесно увязано со статусом Ладоги и его эволюцией во времени.

Ладога, расположенная на международных водных торговых путях, с начала новгородской государственности отчетливо выступает как княжеское владение рода Рюриковичей. Это княжеский город. По определению А. Н. Кирпичникова Ладога — домен князя (Кирпичников, 1985б. С. 24–26). Такое точное определение крайне важно, так как оно объясняет, почему князья даже в начале XI в. распоряжались Ладогой по своему усмотрению, хотя она и относилась к Новгороду.

Отметим, что домениальные владения скандинавского рода Рюриковичей не ограничивались Ладогой. Согласно Повести временных лет, в 864 г. Рюрик, избранный двумя годами ранее на новгородское княжение, завладел соседними землями финских племен веси, мери, муромы и посадил там своих мужей, очевидно, наместников: «...и раздая мужемъ своимъ грады, овому

Полотескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро. И по тѣмъ городомъ суть находници варязи, а перьвии насельници в Новѣгородѣ словѣне, въ Полотьски кривичи, в Ростовѣ меря, в Бѣлѣ-озерѣ весь, в Муромѣ мурома; и тѣми всѣми обладаше Рюрикъ» (ПВЛ, 1950. С. 18). Со стороны Рюрика было вполне логично захватить богатый пушной лесной край с речной системой, выходящей на Волгу и далее на Восток, минуя ильменских словен, и установить здесь свое полное господство.

О принадлежности Ладоги в конце X в. к «земле» Вальдамара Старого, то есть киевского князя Владимира, говорится в скандинавских сагах и хрониках. В 997 г. ее сжег норвежский ярл Эйрик, сын Хакона (Рыдзевская, 1945. С. 53–57).

В 1019 г. статус Ладоги кардинально изменился. Сын Владимира Святославича Ярослав женился на дочери шведского короля Олафа Шётконунга — Ингигерд, которую прежде сватал конунг Норвегии Олаф Харальдссон, что засвидетельствовано рядом источников (Джаксон, 2012. С. 336, 337). Принявшая восточную (греческую) веру, Ингигерд крестилась под именем Ирина. Ярослав щедро отдал ей в «вено» Ладогу.

Термин «вено» при женитьбе в разные эпохи имел два значения. В библейское время это был брачный выкуп жениха за невесту ее отцу. На такое исконное содержание слова указывает в Библии сюжет о сватовстве Давида: «И сказал Саул: так скажи Давиду: царь не хочет вена, кроме ста краеобрезаний Филистимских, в отмщение врагам царя. <...> Еще не прошли назначенные дни,

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания по теме «История России в ее археологии: от Древней Руси до Российской империи Нового времени» (№ НИОКТР 126011315526-5).

² Институт археологии РАН, Москва; e-mail: burovan@rambler.ru.

© Буров В. А., 2026

как Давид встал и пошел сам и люди его с ним, и убил двести человек Филистимлян, и принес Давид краеобрезания их, и представил их в полном количестве царю, чтобы сделаться зятем царя. И выдал Саул за него Мелхолу, дочь свою, в замужество» (1-я Книга Царств 18: 25, 27).

Аналогично в 988 г. Владимир Святославич в качестве вена, то есть выкупа за невесту, отдал византийскому императору завоеванный им крымский город Корсунь. Сначала завоевал, а затем вернул: «И оженися Владимиръ царицею Анною и дасть Корсунь царема за вѣно и иде къ Киову» (СлРЯ, 1975. С. 76); «Вдасть же за вѣно Корсунь град опять цесарицѣ дѣля; а самъ прииде Киеву» (НПЛ, 1950. С. 156).

Второе значение слова «вено» — имущество, выделяемое непосредственно женихом самой невесте в обеспечение приданого будущей жены (СлРЯ, 1975. С. 76). Именно в этом смысле в литературе «вено» Ярослава трактуется как его дар самой невесте (Джаксон, 2012. С. 339–342; Платонова, Санкина, 2018. С. 124), чему имеется полное подтверждение. Снорри Стурлусон в «Круге Земном» подробно описал сватовство Ярослава: «Следующей весной в Швецию прибыли послы Ярицлейва конунга Хольмгарда узнать, собирается ли Олаф конунг сдержать обещание, данное предыдущим летом, и выдать свою дочь Ингигерд за Ярицлейва конунга. Олаф конунг сказал об этом Ингигерд и заявил, что он хочет, чтобы она вышла за Ярицлейва конунга. Она отвечает: „Если я выйду замуж за Ярицлейва конунга, то я хочу получить от него как вено все владения ярла Альдейгьюборга и сам Альдейгьюборг“. Послы из Гардарики согласились от имени своего конунга». Ингигерд поставила также условие взять с собой в качестве правителя всего Альдейгьюборга своего двоюродного брата ярла Рёгнвальда, противника конунга Олафа, и чтобы у того «было не ниже звание и не меньше прав, чем здесь, и чтобы ему оказывали почестей не меньше, чем здесь. Послы и конунг с этим согласились и скрепили договор клятвами». По условиям договора Ингигерд стала женой Ярослава и «пожаловала Рёгнвальду ярлу Альдейгьюборг, и он стал ярлом всей той области. Рёгнвальд ярл правил там долго, и о нем ходила добрая слава» (Снорри Стурлусон, 1980. С. 234, 235).

Приведенные выше подробности сватовства Ярослава на дочери шведского конунга Ингигерд крайне важны. Они позволяют под иным углом взглянуть на историю со свадьбой и уточнить характер правления шведов в Ладоге со времен Ярослава Мудрого. Конунг Олаф и князь Ярослав

оказались заложниками взаимных обещаний и намерений. Олаф обещал выдать свою дочь замуж за киевского князя, а Ярослав официально высказал серьезные намерения взять Ингигерд в жены. Речь шла о престижном династическом браке и чести обоих правителей. В такой ситуации Ингигерд, с желанием которой выйти замуж за норвежского конунга Олафа Харальдссона отец не посчитался, могла выставлять любые, даже самые невыполнимые на первый взгляд, условия, чем она явно воспользовалась. Сначала она потребовала в качестве вено Ладогу и всю Ладожскую землю, а затем — назначение правителем Ладоги двоюродного брата ярла Рёгнвальда, противника ее отца Олафа.

Ладожских ярлов считают или наемными варагскими-воинами русского князя, или его наместниками, или служилыми князьями (Е. А. Рыздзевская, А. Н. Насонов, Т. Н. Джаксон, Г. С. Лебедев, А. Н. Кирпичников и др.). Авторы приводят сведения саг «Красивая кожа» и «Прядь об Эймунде» о том, что Эйлив, «взявший ярлство» после смерти Рёгнвальда, сам содержал свою дружину, будучи, вероятно, как и его отец, «обязан данью конунгу Ярицлейву». Делается вывод: «Ладожским воеводам-норманнам доставалась, вероятно, кроме установленного жалованья, часть дани, которую они обязаны были давать Ярославу» (Рыздзевская, 1945. С. 61). В подобном ключе высказываются другие исследователи (Джаксон, 2012. С. 340–342).

Однако исполненное требование Ингигерд, чтобы у Рёгнвальда в Ладоге «было не ниже звание и не меньше прав, чем здесь, и чтобы ему оказывали почестей не меньше, чем здесь», и другая фраза, что управляющий Ладогой «обязан данью конунгу Ярицлейву», дают нам основание полагать, что киевский князь Ярослав разрешил Рёгнвальду собирать всю ладожскую дань. По сути это пожалование землей за несение определенной службы. Такая щедрость вполне объяснима. За счет этой дани, очевидно, обеспечивалась безопасность северной границы Новгорода от возможных «находников» из-за моря.

В XIV в. для защиты тех же прибалтийских рубежей Новгорода данная система была возобновлена. В 1333 г. литовский князь Наримонт Гедиминович «цѣлова крестъ к великому Новуграду за одинъ человекъ; и даша ему Ладогу, и Орѣховыи, и Корѣльскыи и Корѣльскую землю, и половину Копорьи въ отчину и в дѣдѣну, и его дѣтемъ» (НПЛ, 1950. С. 345).

То, что Ладогой стал управлять швед, опасений на Руси не вызывало. Во времена великого киевского князя Ярослава Мудрого, по происхождению Рюриковича, и его жены-шведки

Ингигерд взаимоотношения со скандинавами были близкородственные. Ладога с 1019 г. находилась под управлением рода двоюродного брата Ингигерд Рёгнвальда: сначала лично его, затем правили сыновья Ульв, Эйлив, Стенкиль. В 1056 г. Стенкиль был призван в Швецию и избран королем. Ярослав являлся свояком норвежского конунга Олафа Святого: они были женаты на сестрах. Малолетний сын Олафа Магнус после гибели отца был усыновлен Ярославом и воспитывался в его семье. Позже он получил престол Норвегии, а затем и Дании. Дочь Ярослава и Ингигерд Елизавета вышла замуж за норвежского короля Харальда Сурового.

Ладожская дань с 1019 г., используемая в целях защиты северных границ Руси, имела общегосударственное значение. Ситуация не должна была измениться и после смерти Ярослава Мудрого (1054 г.), когда его сыновья в 1072 г. на своем съезде разделили земли северного домена — веси, мери и муромы. Святослав Ярославич получил мурому, а Всеволод Ярославич — белозерскую весь и ростово-суздальскую мерю: «И разделиша землю: и взя вятшии Изяславъ Киевъ и Новгород и ины города многы Киевьскыя въ пределехъ; а Святославъ Черниговъ и всю страну въсточную и до Муромы; а Всеволод Переяславль, Ростовъ, Суждаль, Белоозеро, Поволожье» (НПЛ, 1950. С. 76, 469). При таком раскладе не упоминавшаяся Ладога должна была остаться за киевским князем Изяславом, поскольку она с 1019 г. относилась к киевскому столу. Поэтому мнение, что в последней четверти XI в. Ладога подчинялась уже не великокняжеской, а новгородской администрации (Кирпичников и др., 1986), не может быть принято.

Прав С. В. Белецкий, издавший в 2018 г. 234 печати, 27 заготовок для печатей и 52 свинцовые пломбы, найденные при раскопках Ладоги, и на основании их анализа отметивший, что вплоть до военного столкновения 1105 г. Ладога вообще не входила в юрисдикцию Новгорода, напрямую подчиняясь великому князю (Белецкий, 2018). Политически она ориентировалась на Киев. В противном случае, вряд ли потребовалось бы брать город под контроль вооруженным путем. Исследователь также связал военные события с соперничеством и борьбой между Владимиром Мономахом и его кузеном Святополком Изяславичем за политическое влияние в Ладоге. Санкционировав в 1105 г. поход своего сына новгородского князя Мстислава на Ладогу, Владимир Мономах покончил с традиционной для ладожского ярлства прокиевской политикой, а фактически

покончил с самим ярлством, переподчинив Ладогу Новгороду (Там же. С. 408).

Н. И. Платонова развила идею С. В. Белецкого. Она также обратила внимание на внутривидовую борьбу среди князей Рюриковичей за новгородский стол, но уже в начале XII в., совпавшую с усилением новгородского боярства, желавшего взрастить своего князя. За три года до «странной войны» у Новгорода возник конфликт с киевским князем Святополком Изяславичем, который в полном соответствии с традицией пожелал видеть на новгородском столе своего сына вместо Мстислава Владимировича, сына Мономаха. Однако на переговорах в Киеве в 1102 г. он получил от новгородских послов дерзкий отказ. На тот момент Мономаховичам, поддерживаемым новгородской аристократией, было выгодно видеть Ладогу новгородским «пригородом» в ущерб интересам киевского князя. Речь шла о доходах: новгородская аристократия соединяла в одних руках государственные полномочия по сбору налогов и частного кредитования недоимщиков. И в 1105 г. Ладога была переподчинена Новгороду военным путем — руками самого Мстислава при несомненной поддержке его отца Владимира Мономаха (Платонова, 2023. С. 116, 117).

Совпадение политических и экономических выгод для новгородского князя и боярства в период передела Руси, соперничества между центром и окраинами позволило присоединить Ладогу к Новгороду, изъять ее из-под юрисдикции Киева. Данный шаг мог иметь историческое обоснование: Ладога изначально принадлежала князю именно новгородского стола, на который был посажен Рюрик. К тому же в начале XII в. потомков Ярослава и Ингигерд уже не связывали теснейшие родственные отношения с ладожскими ярлами.

Но у войны 1105 г. могли быть и дополнительные причины. Правление в Ладоге иноземцев до 1105 г., пусть даже на службе у русского князя, не могло не привести к усилению влияния Швеции и увеличению присутствия шведов в данном регионе. Об этом могут свидетельствовать погребения нижних ярусов Земляного городища, выявленные в ходе раскопок 1938–1940 гг. (Платонова, Санкина, 2018. С. 124, 125). А. Н. Юзефович писал в 1941 г.: «При первом знакомстве с костяками XI в. бросились в глаза нордические особенности, резко отличающие староладожскую серию от славянских <...> Прежде всего они длинноголовы и высокорослы». Антрополог находил черепам «беспорные аналогии» в скандинавских и датских сериях ранней поры железного века. Данный вывод был поддержан В. Г. Моисеевым и др.

(Моисеев и др., 2015; 2016), С. Л. Санкиной (Платонова, Санкина, 2018. С. 102–134).

Следует также учитывать изменение в начале XII в. самой внешней политики Швеции, направленной теперь на присоединение соседних финских территорий. Полагаем, что Новгород подтолкнуло к военной операции конкретное событие предшествующего 1104 г. — на юге Швеции в Лунде римским папой было основано архиепископство. Этот факт ряд финских историков связывает непосредственно с началом шведского правления у финнов. На сайте интернет-энциклопедии «Рувикс» в статье «Шведская Финляндия» утверждается: «Шведское правление в истории финского народа (фин. *Ruotsin vallan aika Suometessa*, швед. *Finland under den svenska tiden*) охватывало длительный период с 1104 по 1809 г. Экспансию обусловило желание Швеции занять в данном регионе сильную позицию для сдерживания политики Великого Новгорода, направленной на постепенную интеграцию финно-угров в состав новгородских земель. В этот период произошла христианизация финнов, затем принятие ими лютеранства и многих аспектов западно- и североευропейской культуры. Этнические шведы активно заселяли малонаселенные островные и прибрежные регионы Финляндии»³.

Очевидно, с 1104 г. возникла опасность расширения шведской военной и миссионерской экспансии далее на восток. Не исключаю, что сама Ладога могла со временем оказаться на грани выхода из-под русской юрисдикции. Так или иначе, в 1105 г. объективно назрел вопрос о смене статуса Ладоги: «...идоша в Ладогу на воину» (НПЛ, 1950. С. 203).

В сложившейся ситуации Швеция вряд ли могла равнодушно воспринять ликвидацию центра влияния на Новгород, тем более шведское ярлство в Ладоге было упразднено с помощью военных действий. Должны быть и погибшие. В Новгороде должны были опасаться весьма вероятных попыток Швеции вернуть под свой контроль земли, отданные официально столетие назад в вено

³ URL: ru.wikipedia.org (дата обращения 29.10.2025). Но эта дата вызывает спор у историков. Согласно Википедии, традиционно включение территории Финляндии в состав Шведского королевства связывается с Первым шведским крестовым походом в середине XII в.

Белецкий, 2018 — Белецкий С. В. Ладога XI–XV вв. по данным сфрагистики // Новое в археологии Старой Ладоги: материалы и исследования / Отв. ред. Н. И. Платонова, В. А. Лапшин. СПб.: ИИМК РАН; Невская Книжная Типография, 2018. С. 335–418.

шведке Ингигерд. Но осознание всей серьезности ситуации к новгородцам пришло не сразу, а 10 лет спустя. Тогда и началось строительство мощных крепостей. Летопись под 1114 г. отмечает: «В се же лѣто Мьстиславъ заложи Новѣгородъ болии перваго. В се же лѣто заложена бысть Ладога каменiemъ на приспѣ Павломъ посадникомъ, при князѣ Мьстиславѣ» (ПВЛ, 1950. С. 197)⁴. Из приведенных сообщений, которые следует понимать буквально, явствует, что в отличие от Новгородского детинца ладожскую фортификацию возводили на средства Новгорода.

В литературе эта фортификация рассматривается как государственная инициатива по укреплению границ окраинной области Руси, как опорный узел и база для ширящегося освоения финноязычных земель (Кирпичников, 1984. С. 43, 66, 67). Но при этом не указана первопричина подготовки к защите Новгорода и Ладоги от шведов. А она состояла как раз в ликвидации ладожского ярлства и установлении правления посадника от Новгорода. Шведы предприняли попытку вернуть вышедшую из-под их влияния Ладогу только в 1164 г.: «Придоша Свѣе подѣ Ладугу, и пожьгоша ладожане хоромы своя, а сами затворишася въ градѣ съ посадникомъ с Нежатою, а по князя послаша и по новгородце». Прибывшее войско разгромило шведов (НПЛ, 1950. С. 31).

За всю средневековую историю Ладоги XII столетие оказалось периодом самого заметного процветания (Кирпичников, 1985а. С. 172), что можно напрямую связать не только с общим подъемом новгородской экономики, но и с полным возвращением города в русскую юрисдикцию. Поступок Ярослава Владимировича, отдавшего в 1019 г. своей шведке-жене в вено Ладожскую землю, которую в 1105 г. Новгороду пришлось возвращать путем военной операции, заложил на шесть столетий вперед военное противостояние Руси со Швецией. Мир наступил только в результате полной победы России в Северной войне (1700–1721 гг.). Весьма символично, что с карт и из документов исчез сам топоним «яблока раздора»: Ладога в 1703 г. была переименована в Старую Ладогу.

Статья поступила в редакцию 31 октября 2025 г.

⁴ Составитель НПЛ ошибочно отнес крепостное строительство к 1116 г. (НПЛ, 1950. С. 20, 204).

Джаксон, 2012 — Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе: Тексты, перевод, комментарий. 2-е изд. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2012. 779 с.

- Кирпичников*, 1984 — *Кирпичников А. Н.* Каменные стражи Новгородской земли. Л.: Наука, 1984. 275 с.
- Кирпичников*, 1985а — *Кирпичников А. Н.* Посад средневековой Ладоги // *Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования* / Отв. ред. В. В. Седов. Л.: Наука, 1985. С. 170–180.
- Кирпичников*, 1985б — *Кирпичников А. Н.* Раннесредневековая Ладога (итоги археологических исследований) // Там же. С. 3–26.
- Кирпичников и др.*, 1986 — *Кирпичников А. Н., Дубов И. В., Лебедев Г. С.* Русь и варяги (русско-скандинавские отношения домонгольского времени) // *Славяне и скандинавы: Сб. ст.* / Под ред. Е. А. Мельниковой. М.: Прогресс, 1986. С. 189–297.
- Моисеев и др.*, 2015 — *Моисеев В. Г., Хартанович В. И., Ширококов И. Г., Селезнева В. И.* О роли популяций с территории Фенноскандии в формировании антропологического состава населения российского Северо-Запада // *Уральский исторический вестник*. 2015. № 3 (38). С. 87–95.
- Моисеев и др.*, 2016 — *Моисеев В. Г., Григорьева Н. В., Ширококов И. Г., Хартанович В. И.* Краниологические материалы из раскопок у церкви Святого Георгия в Старой Ладоге // *Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2015 г.* / Отв. ред. Ю. К. Чистов. СПб.: МАЭ РАН, 2016. С. 390–399.
- НПЛ, 1950 — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 640 с.
- ПВЛ, 1950 — *Повесть временных лет*. Ч. 1: Текст и перевод / Подгот. текста Д. С. Лихачева; пер. Д. С. Лихачева, Б. А. Романова; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 407 с.
- Платонова*, 2023 — *Платонова Н. И.* Древнерусская Ладога в контексте варяжской легенды: ревизия источников и интерпретаций // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2023. № 2 (34), июль — декабрь. С. 101–126.
- Платонова, Санкина*, 2018 — *Платонова Н. И., Санкина С. Л.* Стратиграфия верхних слоев Земляного городища Старой Ладоги и грунтовый могильник у церкви св. Климента (по материалам раскопок 1938–1940 гг.) // *Новое в археологии Старой Ладоги: Материалы и исследования* / Отв. ред. Н. И. Платонова, В. А. Лапшин. СПб.: ИИМК РАН; Невская Книжная Типография, 2018. С. 66–134.
- Рыдзевская*, 1945 — *Рыдзевская Е. А.* Сведения о Старой Ладоге в древнесеверной литературе // *КСИИМК*. 1945. XI. С. 51–65.
- СлРЯ, 1975 — *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Вып. 2. М.: Наука, 1975. 320 с.
- Снорри Стурлусон*, 1980 — *Снорри Стурлусон*. *Круг Земной* / Изд. подгот. А. Я. Гуревич и др. М.: Наука, 1980 (Литературные памятники). 688 с.

About the “strange war” of 1105 between Novgorod and Ladoga

V. A. Burov⁵

Keywords: Ladoga, Novgorod, Sweden, Yaroslav the Wise, Ingegerd, *veno*, war, tribute, jarldom

The author returns to the long-standing problem of the “strange war” (1105) between Novgorod and Ladoga and interlinks it to the evolution of Ladoga’s status. Ladoga originally was a princely domain since the 860s (according to A. N. Kirpichnikov), but in 1019 Yaroslav the Wise gave Ladoga and its lands as a wedding gift (*veno*) to the Swede Ingegerd. From then on, Swedish jarls, related to the great prince’s family, ruled there. An analysis of Snorri Sturluson’s account and sagas suggests that Yaroslav granted the Swedish jarls the entire tribute they collected to defend the northern borders of Rus. One must agree with the conclusions of S. V. Beletsky and N. I. Platonova that in 1105, as a result of intra-princely struggle and the growing power of the Novgorod aristocracy, the jarldom under the jurisdiction of Kiev was abolished and replaced by a *posadnik* from Novgorod. The author notes that by this time, according to evidence from the burial ground at Zemlyanoye Gorodishche, the physical presence of the Swedes in Ladoga had increased, and, consequently, their influence had grown. At the beginning of the 12th cent., Sweden’s foreign policy shifted, focusing on the Finnish lands. In 1104, with the founding of the Lund archdiocese by the Pope, the threat of Swedish military and missionary expansion further east arose. The objectively urgent military overthrow of the Ladoga jarldom led to Novgorod’s subsequent building-up of fortresses to defend itself against Sweden. Thus, the military confrontation between the Russian state and Sweden for six centuries to come was predetermined. Peace only came as a result of Russia’s decisive victory in the Northern War (1700–1721).

⁵ Vladimir A. Burov — Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow; e-mail: burovvan@rambler.ru.

Концепции конструктивного устройства тарасных стен в русской фортификации в XVI–XVIII вв.¹

С. В. Горохов²

Аннотация. В статье представлены результаты исследования, цель которого состояла в выявлении сформировавшихся за последние более чем полтора столетия концепций конструктивного устройства тарасных стен дерево-земляных фортификационных укреплений Русского государства XVI–XVIII вв. Определяются их истоки и достаточность аргументации. Источниковая база представлена публикациями более 100 историков и археологов.

Ключевые слова: Русское государство, Российское государство, фортификация, тарасные стены, тарасы, историография

DOI 10.31600/1817-6976-2026-50-220-231

Начало изучения истории русской фортификации принято вести от публикации знаменитого труда инженер-генерал-лейтенанта Ф. Ф. Ласковского в 1858 г. С тех пор минуло более полутора столетий, сменилось несколько поколений исследователей и были изданы сотни трудов по архитектуре деревянных и дерево-земляных оборонительных сооружений. С одной стороны, мы стали лучше представлять себе историю русской фортификации, с другой — ориентация в многочисленных концепциях по тому или иному вопросу крепостного зодчества, а также в их нюансах стала непростой задачей.

Цель исследования, результаты которого представлены в настоящей статье, состояла в выявлении предложенных различными авторами концепций конструктивного устройства тарасных стен в городах и острогах на территории Русского государства XVI–XVIII вв., поиске их истоков, направлений и динамики трансформации. Источниковая база представлена корпусом публикаций, в которых изложены представления исследователей

о конструкции тарасных стен фортификационных сооружений (Корпус данных..., 2025). Всего в работе учтено мнение 101 исследователя.

Впервые к этой проблеме обратился Ф. Ф. Ласковский. Согласно его концепции тарасы представляли собой две параллельные венчатые стены с перерубами (рис. 1, 1). Источниковой базой для его исследования послужили в основном весьма неясные описания деревянных конструкций всего пяти фортификационных сооружений: в Новгороде, Полоцке, Коротояке, Олонце и Красноярске (Красный Яр на Волге). Тарасные стены Новгорода характеризуются в письменных источниках довольно кратко и неконкретно, непосредственно из описания невозможно составить полное представление об их устройстве. Можно лишь соотнести с этими сведениями предварительно сформированное мнение о конструкции тарас, что Ф. Ф. Ласковский и сделал, обнаружив, что описание не противоречит его взглядам. Далее исследователь анализирует предписание воеводам в Полоцке о восстановлении фортификационных сооружений на поврежденных участках. В частности, приказывалось возвести укрепления в три-четыре стены и наполнить их грунтом, при этом слово «тарасы» не было употреблено. Ф. Ф. Ласковский заключил, что в данном случае речь идет именно о тарасах и особенностях их конструкции, что не имеет под собой оснований. В своем труде автор рассматривает также весьма

¹ Исследование проведено в рамках реализации гос. задания Минобрнауки по проекту № FSUS-2025-009 «Особенности формирования межкультурных коммуникаций в Сибири — от эпохи камня до раннего Нового времени (по данным археологических и письменных источников)»

² Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, г. Новосибирск; e-mail: gorokhov.sv@yandex.ru.

© Горохов С. В., 2026

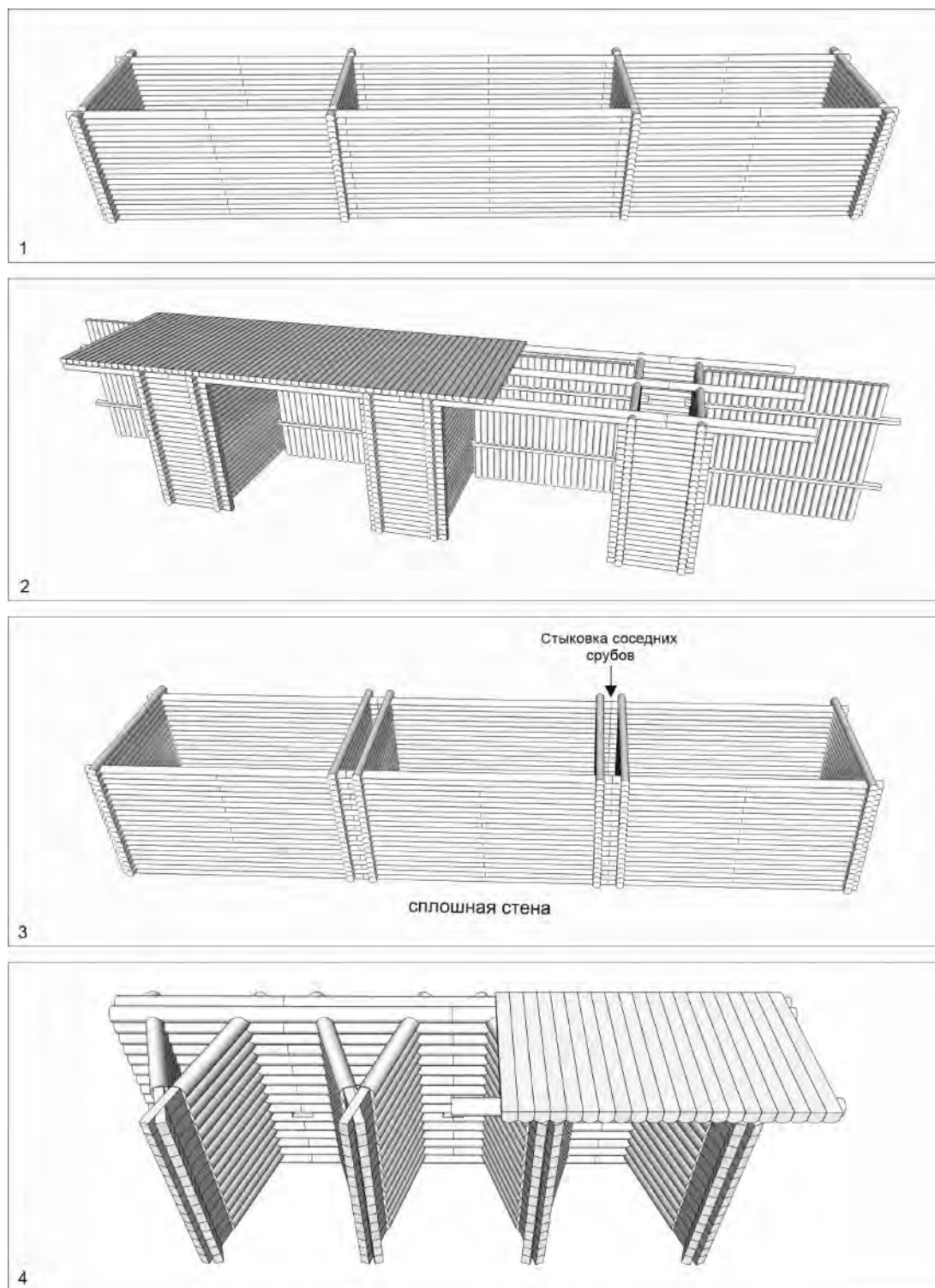

Рис. 1. Обобщенные схемы конструктивного устройства тарасных стен XVI–XVIII вв. по мнению различных исследователей: 1 — две параллельные венчатые стены с перерубами; 2 — отдельные срубы, поставленные на некотором расстоянии друг от друга и соединенные между собой одинарной стеной; 3 — стена из срубов, у которых единая внешняя стена; 4 — стена из треугольных срубов

Fig. 1. Generalized schemes of the 16th–18th cent. taras walls' structural design according to various researchers: 1 — two parallel notched walls with logs; 2 — separate logs set apart and connected with a single wall; 3 — a wall of logs with a one common outer wall; 4 — a wall of triangle logs

замысловатое устройство стен Коротояка, но не дает ссылки на источник данных. Вероятно, Ф. Ф. Ласковский пользовался каким-то архивным документом, который с тех пор не попадал в поле зрения исследователей и до настоящего времени не опубликован, или же планом крепости 1732 г., который «показует, как в стену врублены тарасы» (*Воротникова, Неделин, 2016*). Иными словами, не вся стена на плане названа тарасами, а некие конструкции, которые дополняли ее. Наиболее вероятно, что это треугольные срубы, сооруженные вдоль внутренней стороны крепостных прясел. Следовательно, данный план не подтверждает, а опровергает версию исследователя. Самое подробное описание интересующих нас укреплений приведено в труде Ф. Ф. Ласковского для Олонца. Из него следует, что тарасы в этой крепости также не являлись двумя параллельными венчатыми стенами с перерубами. Напротив, письменные источники свидетельствуют, что данным термином названы отдельные срубы, поставленные на некотором расстоянии друг от друга (*Горохов, 2025*). Ф. Ф. Ласковский, имея уже сложившееся мнение, не заметил этого противоречия и привел описание стен Олонца в качестве подтверждения своей концепции. При описании укреплений Красноярска автор прямо указывает на то, что тарасная стена этих фортификационных сооружений была одинарной, а изнутри ее подпирала треугольные срубы, пространство между которыми со стороны двора крепости было забрано досками. Это описание также противоречит концепции Ф. Ф. Ласковского, но он этого не замечает и полагает, что оно, наоборот, подкрепляет его представление о тарасных стенах. К сожалению, автор не указывает источник данных о конструкции стен Красноярска, вероятно, это архивный документ, который пока не известен исследователям или не опубликован. Аргументация же у Ф. Ф. Ласковского вовсе отсутствует, она подменяется интерпретацией конкретных описаний (*Ласковский, 1858. С. 83, 87, 88, 101, 102*).

Несмотря на указанные выше противоречия, большинство исследователей прошлого и настоящего придерживаются концепции Ф. Ф. Ласковского о конструктивном устройстве тарасных стен (67³ из 101⁴). Некоторые из них полагают, что

³ Если к их числу добавить тех исследователей, что недостаточно ясно высказались в своих публикациях о конструкции тарасных стен, но которые, вероятнее всего, имели в виду под тарасами две параллельные стены с перерубами, то число таких авторов увеличится до 82.

⁴ А. Р. Артемьев, А. В. Арциховский, Е. А. Ащепков, И. П. Бабин, Д. И. Багалеи, Б. А. Базаров, Е. Н. Бикейкин,

тарасы — это не конструкция стены в целом, а отдельный ее элемент — ячейка. Этот нюанс не имеет принципиального значения, так как не влияет на само представление о конструктивном устройстве подобного фортификационного сооружения (две параллельные венчатые стены с перерубами). П. А. Раппопорт, Н. П. Крадин и К. С. Носов считали, что тарасами могли называться только заполненные грунтом ячейки (*Крадин, 1986. С. 247; Носов, 2009. С. 73; Раппопорт, 1961. С. 139*).

Описанная концепция практически безраздельно господствовала в историографии вплоть до 60-х гг. XX в. До 1940-х гг. в силу того, что изучение истории русской фортификации находилось на периферии исторической науки, к теме конструктивного устройства тарасных стен исследователи обращались крайне редко. В указанное время произошел всплеск интереса к этой теме, который практически угас в 1960-х гг., но возобновился с новой силой спустя десятилетие. С тех пор имеет место поступательный рост внимания исследователей к вопросу конструкции тарасных стен XVI–XVIII вв. (рис. 2).

Кроме определения принципиальной схемы устройства тарасов в дерево-земляных укреплениях эпохи Московского царства историки и археологи характеризуют их по ряду дополнительных параметров. Чаще всего они обращаются к вопросу о внутренней засыпке таких стен грунтом. Многие исследователи (31) полагали, что они наполнялись землей, а В. Ю. Коваль и А. К. Ширманов

А. С. Бобков, М. Богдановский, А. М. Борисова, Р. Г. Буканова, О. В. Бураева, И. Г. Бурев, К. И. Велико, Г. П. Визгалов, И. А. Воротникова, М. К. Глазырина, М. Е. Голубев, А. М. Губайдуллин, А. В. Дедук, С. Забелло, А. П. Забияко, В. Иванов, Ю. Г. Иванов, Н. В. Именохоев, А. О. Кайсин, В. М. Кимеев, Г. А. Кондратенко, В. В. Косточкин, Н. П. Крадин, М. М. Красовский, И. П. Кукушкин, В. И. Лебедев, Е. П. Лезина, П. Максимов, Р. В. Матвеев, М. И. Мильчик, Л. К. Минерт, Д. Я. Миягашев, А. Л. Монгайт, И. В. Назарова, В. М. Неделин, А. Г. Нечаев, Н. Н. Новиченков, К. С. Носов, М. М. Озеров, А. В. Ополовников, В. И. Плужников, В. Подключников, Г. А. Попов, Т. С. Проскурякова, П. А. Раппопорт, Д. Я. Резун, Г. Х. Самигулов, А. Сапунов, Л. А. Секретарь, А. Г. Тинский, Н. В. Фалин, Н. И. Фальковский, В. И. Царев, А. Г. Чепухин, М. П. Черная, И. Т. Шагохин, В. В. Яковлев. К этому списку, вероятно, следует добавить Г. Н. Мокшина, который весьма неясно пишет о конструкции тарасных стен: «дубовые бревенчатые срубы, соединенные между собой (в отличие от городен)» (*Корпус данных..., 2025*).

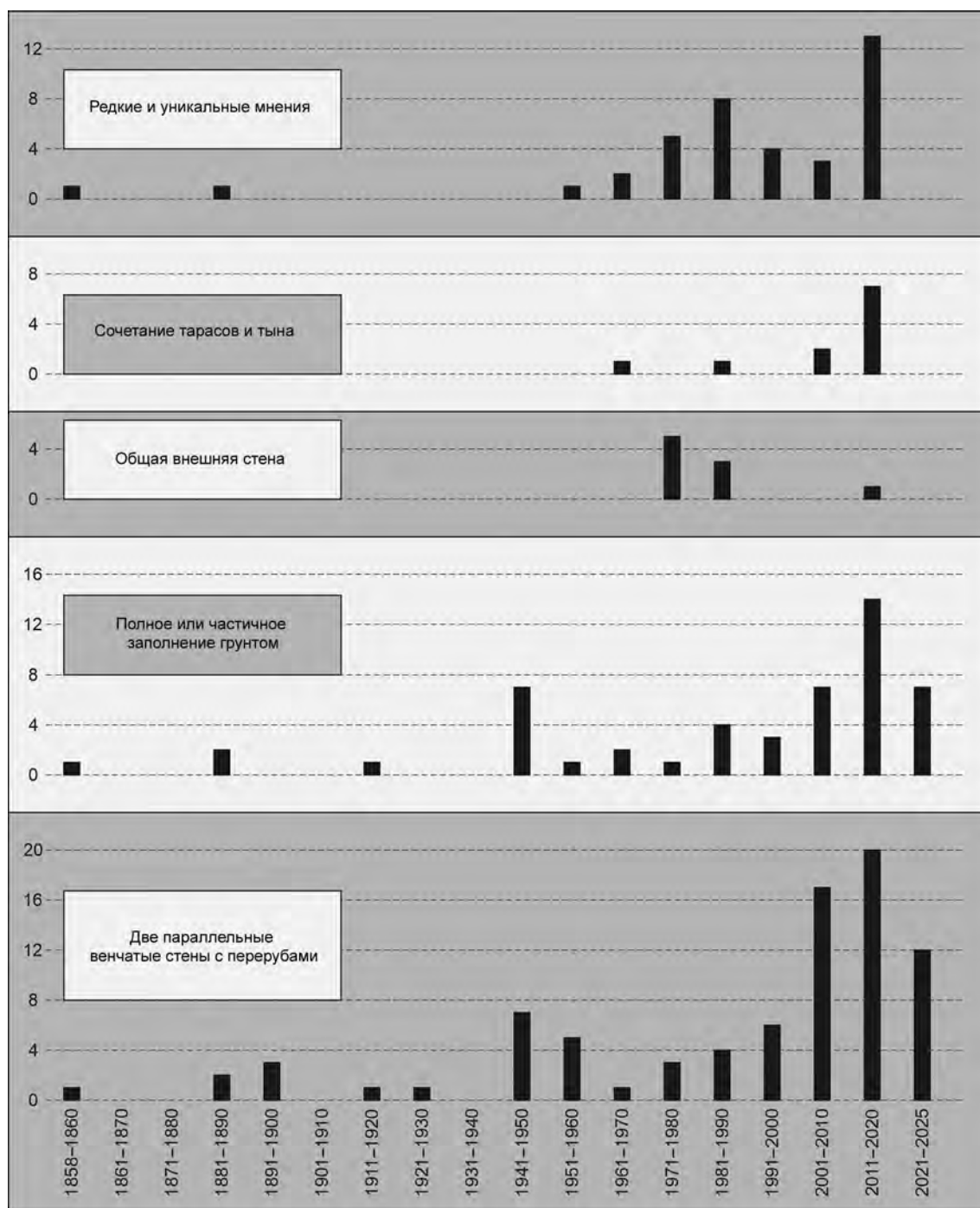

Рис. 2. Динамика изменения историографической ситуации в части, касающейся конструктивного устройства тарасных стен, количество публикаций по годам

Fig. 2. The dynamics of changes in the historiographic situation in terms of the of the taras walls' structural design, the number of publications by year

уточняют, что делалось это для противостояния артиллерийскому обстрелу⁵. Другие не высказывают своего мнения о функциональном назначении заполнения тарасов (Корпус данных..., 2025).

Менее многочисленна группа исследователей (22), которые считают, что заполнение подобных стен грунтом было не обязательным условием, а в одном прясле могли чередоваться ячейки как засыпанные, так и пустые⁶. Обращает на себя внимание практически полная хронологическая синхронизация графиков, отражающих количество описаний тарас как двух параллельных венчатых стен с перерубами и упоминаний полного или частичного заполнения их грунтом в публикациях историков и археологов (рис. 2). Это может свидетельствовать о том, что оба указанных основных строительных приема в представлениях большинства авторов являются взаимосвязанными неотъемлемыми частями концепции устройства прясел по описанной выше концепции, предложенной Ф. Ф. Ласковским.

Другой дополнительный аспект конструкции тарасных стен фортификационных сооружений на территории Русского государства XVI–XVIII в., которому исследователи уделяют гораздо меньше внимания, — это форма внутренних ячеек. Чаще всего указывается, что они могли быть не только прямоугольными, но и треугольными (Д. И. Багалей, И. А. Воротникова, С. Забелло, В. Иванов, П. Максимов, В. М. Неделин, К. С. Носов), реже — трапециевидными (В. И. Воротникова, В. М. Неделин, К. С. Носов) и ромбовидными (В. И. Воротникова, В. М. Неделин). М. Богдановский и М. В. Красовский считали, что каждое бревно в поперечном перерубе между параллельными

внешними стенами конструкции могло размещаться под произвольным углом, и в этом случае геометрически правильные ячейки не образовывались (Корпус данных..., 2025).

М. В. Красовский, а вслед за ним С. Забелло, В. Иванов и П. Максимов полагали, что некоторые тарасные стены имели уширение в нижней части (талус) для придания укреплению большей устойчивости (Забелло и др., 1942. С. 37; Красовский, 1916. С. 95–99). М. М. Озеров, И. П. Бабин и А. Г. Нечаев считают, что тарасы могли размещаться позади тыновой стены и служить для нее опорой (Нечаев, 2015. С. 219–221; Озеров, Бабин, 2013. С. 51, 52) (рис. 2).

Многие исследователи⁷ формулируют свое представление о конструкции подобных фортификационных сооружений таким образом, что невозможно понять, идет ли речь о двух параллельных венчатых стенах с перерубами или об отдельных срубках, поставленных вплотную друг к другу⁸. Впрочем, некоторые из них в ряде своих публикаций более определенно склоняются к первой концепции (Корпус данных..., 2025).

Завершая описание самой распространенной версии конструктивного устройства тарасных стен XVI–XVIII вв., необходимо отметить, что сторонники концепции Ф. Ф. Ласковского не стали подводить под нее широкую источниковую базу и выстраивать на ее основе аргументацию, из которой бы следовала истинность понимания таких укреплений как двух параллельных венчатых стен с перерубами. Ф. Ф. Ласковский ясно понимал, что предложенные им концепции разных аспектов истории русской фортификации носят предварительный характер и требуют более основательной разработки будущими поколениями историков, о чем прямо заявил на первых же страницах своего труда (Ласковский, 1858. С. 1, 2). Таким образом, версия о том, что тарасные стены представляли собой две параллельные стены с перерубами, является в настоящий момент не более чем одной из гипотез, которая требует основательной проверки на максимально широкой источниковой базе.

⁵ А. Р. Артемьев, А. В. Арциховский, Е. А. Ащепков, И. П. Бабин, Д. И. Багалей, А. С. Бобков, А. М. Борисова, М. К. Глазырина, И. А. Воротникова, А. П. Забияко, Ю. Г. Иванов, А. О. Кайсин, Н. П. Крадин, М. М. Красовский, В. Ю. Коваль, А. Л. Кряжевских, Р. В. Матвеев, В. М. Неделин, Н. Н. Новиченков, К. С. Носов, М. М. Озеров, А. В. Ополовников, В. И. Плужников, В. Подключников, Г. А. Попов, П. А. Раппопорт, А. Сапунов, А. Г. Чепухин, И. Т. Шатохин, А. К. Ширманов, В. В. Яковлев.

⁶ Е. Н. Бикейкин, Р. Г. Буканова, И. Г. Бурцев, А. В. Дедук, С. Забелло, В. Иванов, В. Ю. Коваль, Г. А. Кондратенко, Н. П. Крадин, И. П. Кукушкин, Ф. Ф. Ласковский, Е. П. Лезина, П. Максимов, М. И. Мильчик, Л. К. Минерт, И. В. Назарова, А. Г. Нечаев, К. С. Носов, П. А. Раппопорт, Д. Я. Резун, Н. И. Фальковский, В. И. Царев (Корпус данных..., 2025).

⁷ А. Н. Бессуднов, А. П. Бородовский, Н. Е. Бранденбург, Р. Г. Буканова, А. В. Воробьев, И. А. Воротникова, А. Н. Голотвин, А. Г. Иванов, С. А. Иванюк, А. И. Ильин, А. И. Лимаров, Б. П. Княжинский, М. И. Мильчик, Г. Н. Мокшин, В. М. Неделин, А. Г. Нечаев, С. Н. Орлов, Л. Д. Попова, С. Г. Скобелев, Г. Г. Фруменков, П. В. Чибышев.

⁸ Стену из поставленных вплотную друг к другу срубов принято называть городнями.

Ряд исследователей (В. Ю. Коваль, М. И. Мильчик⁹, А. Г. Нечаев, Д. Я. Резун¹⁰, Л. А. Секретарь) предлагают другие версии устройства подобных фортификационных сооружений. Они считают, что тарасные прясла дерево-земляных укреплений XVI–XVIII вв. на территории Русского государства представляли собой отдельные срубы, поставленные на некотором расстоянии друг от друга, пространство между которыми со стороны поля было перекрыто стеной (рис. 1, 2). А. Г. Нечаев называет такую конструкцию «тарасами в одну стену» и пишет о том, что срубы могли называться «быками» (Нечаев, 2015. С. 85, 220). В. Ю. Коваль и Л. А. Секретарь уточняют, что стена между ними сооружалась из горизонтальных бревен (Коваль, 2020. С. 330; Секретарь, 1986. С. 63, 66, 67).

Некоторые исследователи придерживаются мнения, что тарасы — это четырехугольные срубы с общей внешней стеной (А. Р. Артемьев, Е. А. Ащепков, С. Н. Баландин, Н. А. Березиков, З. В. Гоголев, В. И. Кочадамов, Н. А. Миненко, Л. К. Минерт, А. П. Окладников). Перечисленные авторы таким образом описывают конструкцию, что невозможно определить, стоят ли, по их мнению, ее основные элементы вплотную друг к другу или между ними оставлено пространство. В первом случае такое представление об устройстве тарас следует рассматривать как самостоятельное (рис. 1, 3). Во втором — это та же самая конструкция из поставленных на некотором расстоянии друг от друга отдельных срубов, соединенных между собой одинарной стеной, что была рассмотрена выше (рис. 1, 2). Если упомянутые авторы имели в виду срубы, поставленные вплотную друг к другу, то родоначальником этой версии, видимо, является С. Н. Баландин. Его формулировку большинство исследователей повторяют почти дословно: «две стены, соединенные поперечными стенами, причем наружная часть прясла

имела непрерывные рубленые стены» (Баландин, 1974. С. 19). Возникнув в середине 70-х гг. XX в., эта концепция быстро приобрела сторонников и оставалась популярной на протяжении полутора десятилетий. В 1990-х гг. она полностью исчезла из публикаций по русской фортификации XVI–XVIII вв. (рис. 2).

Распространенной является версия о сочетании тына с подпирающей его со стороны двора крепости тарасной стеной (И. П. Бабин, И. А. Воротникова, В. П. Загоровский, Н. П. Крадин, С. М. Мальцева, М. И. Мильчик, Г. Н. Мокшин, В. М. Неделин, А. Г. Нечаев, К. С. Носов, М. М. Озеров). Делалось это для устройства моста верхнего боя и обамов. Г. Н. Мокшин полагает, что такая конструкция является переходной от тыновой стены к рубленой (Мокшин, 2018. С. 60, рис. 2.7). Появившись в 1960-х гг., эта концепция варианта устройства укреплений с тарасами была практически не замечена исследователями и приобрела популярность в первые два десятилетия XXI в. В последние несколько лет она снова перестала встречаться в публикациях по русской фортификации, что может свидетельствовать о том, что она не прошла проверку временем (рис. 2).

Некоторые авторы указывают на то, что тарасные стены были не только одинарными или двойными, но и тройными. А. Г. Нечаев пишет, что «если была опасность применения противником артиллерии, внешняя стенка тарас могла быть двойной (тарасы в три стены)» (Нечаев, 2015. С. 220). П. А. Раппопорт и К. С. Носов полагают, что подобные укрепления в три стены представляли собой прясло из двух рядов клеток (Носов, 2013. С. 146, 147; Раппопорт, 1965. С. 72).

Уникальным является раннее представление М. П. Черной о конструкции тарасных стен. Оно было сформулировано по результатам раскопок фортификационных сооружений Томского кремля 1647 г. постройки: «...в технике тарас, при которой две параллельные продольные стены соединялись поперечными перерубами; каждые две смежные ячейки-тарасы представляли пятистенки из трех поперечных перерубов и двух продольных стен, таким образом ограждение кремля представляло сплошную монолитную стену из непрерывной цепи срубов; наименьшей строительной единицей такой стены является ячейка-тараса (средние размеры 3,8 × 3,2 м), а укрупненной единицей — пятистенки из двух смежных срубов (7,6 × 3,2 м)» (Черная, 1999. С. 145). Вероятно, М. П. Черная пришла к такому мнению не только на основе анализа архитектурных остатков

⁹ Свое мнение М. И. Мильчик сформулировал неоднозначно, что, кроме прочего, позволяет интерпретировать его рассматриваемым образом: «Тарасы — деревянные срубы, как правило, засыпанные камнями или землей и прирубленные к крепостной стене с промежутками примерно в три сажени» (Мильчик, 2016. С. 64).

¹⁰ Д. Я. Резун весьма путано описывает конструкцию тарасной стены, поэтому нельзя быть полностью уверенным, что он подразумевал под ней отдельные срубы, стоящие на некотором расстоянии друг от друга и соединенные одинарной стеной (Резун, Васильевский, 1989. С. 41).

Томского кремля, но и под влиянием монографии о первых широкомасштабных раскопках Мангазеи. Согласно ей, стены этого северного города состояли из двух- или четырехкамерных срубов, поставленных цепочкой, друг за другом (Белов и др., 1980. Приложение XXV). Судя по всему, эта реконструкция носит чисто умозрительный характер, так как не подтверждается материалами археологических раскопок (Горохов, 2024. С. 179, 180).

Единственным в своем роде является мнение И. Д. Воронина, который считал, что «валы и стены крепости на склонах были террасированы, то есть располагались уступами; поэтому они и назывались „террасами“ или „тарасами“» (Воронин, 2005. С. 39, 55). Никаких аргументов в пользу этой версии исследователь не приводит.

Ряд авторов второй половины XIX — начала XX в. полагал, что тарасы — это деревянные ящики, заполненные грунтом, которые служили защитой от стрел и пуль осаждающих. При этом не уточняется, как эти сооружения были расположены друг относительно друга, образовывали они стену или нет (Вейнбергъ, 1886. С. 45; Романовъ, 1860. С. 470; Труды Вятской..., 1905. С. 12).

В. Д. Дмитриев считает, что под тарасами понималось и срубное, и свайное (тын) укрепление (Дмитриев, 1992. С. 63). Возможно, такое представление он позаимствовал у Н. П. Крадина, который пишет, что «термины „городни“ и „тарасы“ не могут быть наименованиями типов конструкции стен крепостей XVII в. Скорее всего, они обозначают элемент не только стены рубленной, но и острожной (тыновой). Под этими терминами, вероятно, следует понимать часть стены, отдельный ее сруб или звено» (Крадин, 1986. С. 248).

Л. А. Секретарь, изучая деревянные ограды монастырей XVIII в., пришла к выводу, что под тарасами стоит понимать конструкции-контрфорсы, призванные держать стену в вертикальном положении (рис. 3, 3, 4). В частности, она пишет, что «название „рубленная в тарасы“ фактически могло обозначать переходный вариант к однорядной стене или однорядную стену, где маленькие срубы (тарасы. — С. Г.) выполняли лишь функцию контрфорсов» (Секретарь, 1986. С. 63). Далее в той же публикации сказано, что «значительное уменьшение размеров „тарас“ привело к тому, что в ряде случаев они превратились в своеобразные контрфорсы и никакого утилитарного применения уже не имели <...> В описях их (стены. — Авт.) продолжали называть „с тарасами“, по существу, их следует отнести к одно-

рядным венчатым оградом с контрфорсами <...> Еще более упрощенный вариант этого же подтипа представляют ограды, в которых прясла стен крепятся с помощью поперечных стенок из бревен-коротышей — „остатков“ тарасной конструкции» (Там же. С. 66, 67) (рис. 3, 1, 2).

В. П. Даркевич и Г. В. Борисевич указывали, что тарасы — это сооружения «из связанных между собой трехстенных срубов. Тарасы (термин XVI–XVII вв.) использовали для прикладки к готовой стене, наращивая ее и расширяя. Тарасы для жесткости связывали перерубами со стеной, и так же, как и городни, засыпали землей, что превращало все фортификационные членения в монолит. Прирубы с обеих сторон, подобно контрфорсам, погашали распор стены» (Даркевич, Борисевич, 1995. С. 101). Если буквально понимать сказанное, то, согласно мнению авторов, существовали рубленные стены, которые в XVI–XVII вв. не назывались тарасами (будь то две параллельные венчатые стены с перерубами или отдельные срубы, поставленные вплотную друг к другу). Срубные стены заполнялись грунтом, так как говорится о том, что их распирало, и для того чтобы погасить это давление, к ним с обеих сторон пристраивались связанные между собой и с основной конструкцией треугольные срубы, в которые также насыпалась земля. Именно эти пристройки авторы и называют тарасами, выполняющими функции контрфорсов. В результате стена становилась шире, появлялась возможность сделать ее выше и прочнее.

Возможно, о тарасах-контрфорсах писал и А. Л. Монгайт: «Довольно точное определение термина „тарасы“ имеется в документах XVIII в. В описи Самары за 1729 г. говорится: «...от степи к Волге реке построены сосновые заборы в столбах с перерубами, что называются тарасы» (Монгайт, 1955. С. 39). Так как автор не дает пояснений о том, как он интерпретирует содержание цитируемого источника, то можно заключить, что под тарасами А. Л. Монгайт понимает именно «сосновый забор в столбах с перерубами». Забор в столбах — это, должно быть, не что иное, как заплот, но обычно он не имел никаких перерубов и никогда в письменных источниках тарасами не назывался. Следовательно, под тарасами в данном случае необходимо понимать только перерубы, которые, вероятно, выполняли роль контрфорсов при весьма неустойчивой стене подобной конструкции.

Итак, суммируя все сказанное, можно констатировать, что до 1960-х гг. в историографии

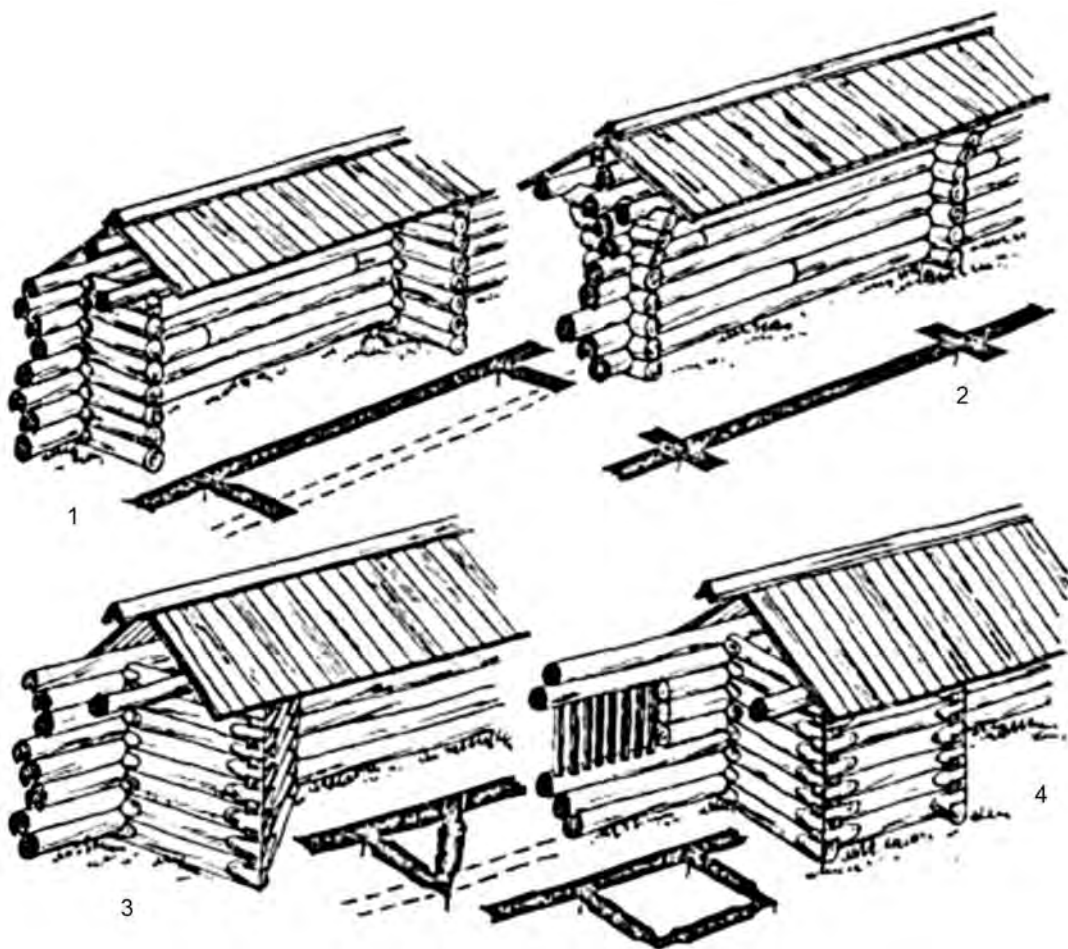

Рис. 3. Виды тарас по Л. А. Секретарь

Fig. 3. The species of taras after L. A. Sekretar

[Секретарь, 1986. С. 64]

присутствовала почти исключительно версия о тарасах как о двух параллельных венчатых стенах с перерубами, но с указанного времени начали возникать и другие гипотезы. Их появление совпадает по хронологии с общим подъемом интереса к конструкции таких элементов фортификационных сооружений. Рост популярности указанных альтернативных версий продолжался до 1980-х гг. включительно, после чего плавно пошел на спад. Во втором десятилетии XXI в. интерес к ним вернулся, но ненадолго, а в последние годы он полностью пропал. В настоящее время в историографии безраздельно господствует изначальная концепция Ф. Ф. Ласковского (рис. 2).

Позиция некоторых исследователей по вопросу о конструкции тарасных стен со временем изменялась. Общее направление таких трансформаций состояло в отказе от «редких» версий и принятии доминирующей, согласно которой тарасы

представляли собой две параллельные венчатые стены с перерубами. А. Р. Артемьев и Д. Я. Резун первоначально полагали, что тарасная стена состояла из срубов и при этом имела общую только внешнюю стену (Артемьев, 1990. С. 114; 1993; Резун, Васильевский, 1989. С. 41; Историческая энциклопедия Сибири..., 2009. С. 407). М. П. Черная считала, что тарасы представляли собой срубы-пястистенки, поставленные вплотную друг за другом (Черная, 1999. С. 145; 2002. С. 51). В эту закономерность укладывается и изменение взглядов П. А. Раппопорта, который первоначально полагал, что термин «тарасы» «обозначал в первую очередь не столько связанную систему срубов, сколько обычную для этого времени систему срубов со специальными помещениями для стрелков и пушек» (Раппопорт, 1956. С. 153, 154). Другими словами, термин «тарасы» одновременно мог применяться в качестве названия как самой

Таблица. Мнения некоторых исследователей о конструкции тарасных стен
Table. Some scholars' opinion on the taras walls' structure

Конструкция тарасных стен	Группа 1					Группа 3			Группа 2				
	Озеров М. М.	Бабин И. П.	Воротникова И. А.	Мокшин Г. Н.	Неделин В. М.	Крадин Н. П.	Мильчик М. И.	Нечаев А. Г.	Носов К. С.	Секретарь Л. А.	Резун Д. Я.	Коваль В. Ю.	Ширманов А. К.
Две параллельные венчатые стены с перерубом	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Пристройка к тыновой стене со стороны двора крепости	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-
Отдельные срубы, поставленные на некотором расстоянии друг от друга и соединенные однорядной стеной	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+
Тарасы в три стены	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-
В том числе тыновые стены	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-
Контрфорсы	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-

конструкции фортификационных сооружений, так и используемых для военных нужд объемов внутри них. Спустя несколько лет П. А. Раппопорт радикально изменил свое мнение: «тарасами называлась не вся конструкция, а лишь забытые землей срубы» (*Раппопорт*, 1961. С. 139). Еще через несколько лет он снова меняет свое предположение о конструкции тарас: «в более важных крепостях стены делали более мощными, состоящими из двух или трех параллельных срубных стенок, пространство между которыми засыпали землей. <...> Для устройства бойниц нижнего боя в этих стенах на определенных расстояниях один от другого располагались не засыпанные землей срубы, используемые как камеры для орудий. Такая конструкция деревянных стен называлась тарасами и имела множество вариантов» (*Раппопорт*, 1965. С. 72).

Многие исследователи полагают, что под тарасами в письменных источниках подразумевается не одна какая-то определенная конструкция, а несколько разных (табл.). Всех их объединяет то, что, кроме прочего, данным термином они обозначают две параллельные венчатые стены с перерубами. Но одна группа исследователей в дополнение к этому считает, что тарасные сооружения такой конструкции могли выступать и в качестве пристройки к тыновой стене со стороны внутреннего двора крепости (И. П. Бабин, И. А. Воротникова, Н. П. Крадин, Г. Н. Мокшин, В. М. Неделин, М. М. Озеров). А другая группа — что тарасами также называлась конструкция из отдельных срубов, поставленных на некотором расстоянии друг

от друга и соединенных между собой одинарной стеной (В. Ю. Коваль, Д. Я. Резун, Л. А. Секретарь). К третьей группе можно отнести М. И. Мильчика, А. Г. Нечаева и К. С. Носова, которые полагают, что под интересующим нас термином следует понимать все три описанных выше варианта конструкций.

Если обратиться к анализу графических реконструкций тарасных стен дерево-земляных крепостей Русского государства XVI–XVIII вв., выполненных исследователями, то можно заметить, что некоторые авторы изображают эти сооружения иначе, нежели описывают в своих публикациях. Например, К. С. Носов и А. К. Ширманов показывают их в виде отдельных срубов, поставленных на некотором расстоянии друг от друга и соединенных одинарной стеной, чего нельзя обнаружить в текстовой части соответствующих работ (*Носов*, 2002. С. 68; 2013. С. 150; *Ширманов*, 1972. С. 12). То же самое можно констатировать и в отношении И. А. Воротниковой и В. М. Неделина, которые приводят план Чернойарской крепости (не позднее 1741 г.), на котором отчетливо видны треугольные срубы, расположенные с внутренней стороны стены, и столь же отчетливо заметно, что вторая внутренняя стена отсутствует. В пояснении к плану исследователи пишут, что прясло состоит из треугольных тарас (*Воротникова, Неделин*, 2021). Эти же исследователи публикуют план Коротоякской крепости (1732 г.), на котором показаны аналогичные стены и составителем плана сделана подпись, в которой сказано,

что в стены врублены тарасы (*Воротникова, Неделин, 2016*). В тексте публикаций авторов такого представления о конструкции укреплений встретить нельзя.

Все рубленые стены в русских крепостях XVI–XVIII вв. принято разделять на городни (отдельные срубы, поставленные вплотную друг к другу) и тарасы. Какого-то третьего термина в историографии не существует. На реконструкциях укреплений и исторических планах часто можно встретить изображения прясел, состоящих из отдельных срубов треугольной или четырехугольной формы, поставленных на некотором расстоянии друг от друга и соединенных между собой одинарной стеной (рис. 1, 2, 4). При этом авторы, размещающие в своих публикациях соответствующие материалы, никак не называют такую конструкцию фортификационных сооружений (*Алферова, Харламов, 1982. С. 81; Косточкин, 1958. Рис. 14, 16; Носов, 2018. С. 67; Тинский, 1996. Рис. 14; Шаляпин, Гостев, 2016. С. 190, 191*). Эти факты свидетельствуют о том, что неявно в научном сообществе присутствует понимание того, что сложившиеся концепции устройства рубленых стен (городни (отдельные срубы, поставленные вплотную друг к другу) и тарасы (две параллельные венчатые стены с перерубами)) не в полной мере отражают действительность прошлого.

Проведенное исследование показало, что подавляющее большинство историков и археологов придерживаются версии, согласно которой тарасы представляли собой две параллельные венчатые стены с перерубами. Некоторые из сторонников этой гипотезы полагают, что под этим термином в письменных источниках могли подразумеваться несколько различных конструкций. Сторонников других версий существенно меньше. Существуют и такие предположения, которые

созданы одним исследователем и не были поддержаны научным сообществом. Несколько ученых проделали путь от малопопулярных версий о конструкции тарасных укреплений к представлению о них как о двух параллельных венчатых стенах с перерубами. Многие историки и археологи весьма противоречиво описывают конструкцию тарас, что указывает на их смутное представление о них, вызванное неоднозначностью содержания письменных источников. Несмотря на то что различные версии устройства подобных укреплений разделяются существенно различным количеством исследователей, все они в одинаковой степени не имеют под собой необходимой источниковой базы и аргументации. Фактически исследователи заимствуют у своих коллег или создают сами концепции сооружения тарас, которые проецируют на конкретные (единичные) описания русских городов и острогов XVI–XVIII вв., находя в них подтверждение своим представлениям. Эти сведения столь кратки и неконкретны, что в большинстве случаев, подтверждая одну концепцию, они столь же убедительно способны подтвердить и другие гипотезы. Только обобщение и анализ всей накопленной к настоящему времени источниковой базы способны дать ответ на вопрос о том, как в действительности были устроены тарасные стены. Разрешение этого вопроса на современном этапе является актуальной научной задачей в свете разработки проблемы развития русской фортификации и обуславливающих ее факторов. Все выявленные версии конструктивного устройства тарас в своей основе имеют крайне узкую источниковую базу и как следствие в настоящее время недостаточно аргументированы, то есть являются только гипотезами.

Статья поступила в редакцию 26 апреля 2025 г.

Алферова, Харламов, 1982 — Алферова Г. В., Харламов В. А. Киев во второй половине XVII века. Историко-архитектурный очерк. Киев: Наукова думка, 1982. 160 с.

Артемьев, 1990 — Артемьев А. Р. Памятники истории освоения русскими Дальнего Востока: проблемы археологического изучения // Вестник Дальневосточного отд. АН СССР. 1990. № 4. С. 113–119.

Артемьев, 1993 — Артемьев А. Р. Новые материалы о героической обороне Албазинского острога в 1685 и 1686–1687 гг. // Вестник Дальневосточного отд. РАН. 1993. № 4–5. С. 129–137.

Баландин, 1974 — Баландин С. Н. Оборонная архитектура Сибири в XVII в. // Города Сибири (экономика,

управление и культура городов Сибири в досоветский период). Новосибирск: Наука, 1974. С. 7–37.

Белов и др., 1980 — Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея. Мангазейский морской ход. Л.: Гидрометеиздат, 1980. 163 с.

Вейнбергъ, 1886 — Вейнбергъ Л. Б. Городъ Воронежъ (историческій очеркъ). Воронежъ: Типо-литографія Губернскаго Правленія, 1886. 154 с.

Воронин, 2005 — Воронин И. Д. Избранное. Саранск: [б. и.], 2005. 432 с.

Воротникова, Неделин, 2016 — Воротникова И. А., Неделин В. М. Кремли, крепости и укрепленные монастыри Русского государства XV–XVII веков. Т. 2, кн. 1: Крепости юга России. М.: Индрик, 2016. 555 с.

- Воротникова, Неделин*, 2021 — *Воротникова И. А., Неделин В. М.* Кремль, крепости и укрепленные монастыри Русского государства XV–XVII веков. В 2 кн. Кн. 1: Крепости восточных рубежей России. М.: ФГБУК ГИАМ «Московский Кремль»; БуксМАрт, 2021. 799 с.
- Горохов*, 2024 — *Горохов С. В.* Городни в Сибири и на Дальнем Востоке в конце XVI — XVII веках // *Поволжская археология*. 2024. № 2. С. 175–190.
- Горохов*, 2025 — *Горохов С. В.* Конструкция венчатых тарасных стен в Русском (Российском) государстве во второй половине XVI — начале XVIII в. // *Нижневолжский археологический вестник*. 2025. № 2. С. 103–124.
- Даркевич, Борисевич*, 1995 — *Даркевич В. П., Борисевич Г. В.* Древняя столица Рязанской земли. М.: Крул, 1995. 445 с.
- Дмитриев*, 1992 — *Дмитриев В. Д.* Наказ царя Михаила Федоровича царевкокшайскому воеводе В. Я. Воронцову 1628 г. // *Марийский археографический вестник*. 1992. № 2. С. 62–71.
- Забелло и др.*, 1942 — *Забелло С., Иванов В., Максимов П.* Русское деревянное зодчество. М.: Гос. архитектурное изд-во Академии архитектуры СССР, 1942. 213 с.
- Историческая энциклопедия Сибири...*, 2009 — *Историческая энциклопедия Сибири*. Т. 1: А–И. Новосибирск: Изд. дом «Историческое наследие Сибири», 2009. 715 с.
- Коваль*, 2020 — *Коваль В. Ю.* Об использовании трехстенных срубов в фортификации средневековой Руси // *КСИА*. 2020. Вып. 260. С. 326–339.
- Корпус данных...*, 2025 — *Корпус данных о представлениях исследователей о конструктивном устройстве тарасных стен в Русском (Российском) государстве в XVI — первой половине XVIII в.* / Сост. С. В. Горохов. 2025 // URL: <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.11482.04808> (дата обращения: 26.04.2025).
- Косточкин*, 1958 — *Косточкин В. В.* Деревянный «город» Колы (из истории русского оборонного зодчества конца XVI — начала XVIII в.) // *Метательная артиллерия и оборонительные сооружения древней Руси*. М.: Изд-во АН СССР, 1958 (МИА; № 77). С. 200–247.
- Крадин*, 1986 — *Крадин Н. П.* Оборонительные стены как элемент композиции деревянных крепостей Сибири // *Проблемы охраны и освоения культурно-исторических ландшафтов Сибири*: Сб. ст. / Отв. ред. И. В. Асеев, Д. Я. Резун. Новосибирск: Наука, 1986. С. 238–252.
- Красовский*, 1916 — *Красовский М.* Курсъ истории русской архитектуры. Деревянное зодчество. Ч. I. Пг.: Тов. Р. Голике и А. Вильборгъ, 1916. 402 с.
- Ласковский*, 1858 — *Ласковский Ф.* Материалы для истории инженерного искусства въ Россіи. Опыт изслѣдоваія инженернаго дела въ Россіи до XVIII столетія. Ч. I. СПб.: Имп. АН, 1858. 612 с.
- Мильчик*, 2016 — *Мильчик М. И.* Деревянная Холмогорская крепость XVII века: опыт реконструкции // *Новые материалы по истории фортификации*. Вып. 2. Архангельск: Новодвинка, 2016. С. 53–65.
- Мокшин*, 2018 — *Мокшин Г. Н.* Из истории города Землянка (вторая половина XVII — начало XX в.). Воронеж: Изд. дом Воронежского ГУ, 2018. 255 с.
- Монгайт*, 1955 — *Монгайт А. Л.* Старая Рязань. М.: Изд-во АН СССР, 1955 (Материалы и исследования по археологии древнерусских городов; Т. IV. МИА; № 49). 228 с.
- Нечаев*, 2015 — *Нечаев А. Г.* Крепости XVI–XVII веков в междуречье Суры и Мокши. Саранск: Изд. Афанасьев В. С., 2015. 224 с.
- Носов*, 2002 — *Носов К. С.* Русские крепости и осадная техника, VIII–XVII вв. СПб.: Изд-во «Полигон», 2002. 173 с.
- Носов*, 2009 — *Носов К. С.* Русские крепости конца XV — XVII в. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ; Нестор-История, 2009. 262 с.
- Носов*, 2013 — *Носов К. С.* Русские средневековые крепости. М.: Эксмо, 2013 (Военная история человечества). 352 с.
- Носов*, 2018 — *Носов К. С.* Укрепления Киева во второй половине XVII века // *Военно-исторический журнал*. 2018. № 1. С. 60–69.
- Озеров, Бабин*, 2013 — *Озеров М. М., Бабин И. П.* Обоянский острог // *Обоянь и обоянцы в отечественной и зарубежной истории и культуре*. Обоянь: [б. и.], 2013. С. 46–69.
- Раппопорт*, 1956 — *Раппопорт П. А.* Очерки по истории русского военного зодчества X–XIII вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956 (Материалы и исследования по археологии древнерусских городов; Т. V. МИА; № 52). 184 с.
- Раппопорт*, 1961 — *Раппопорт П. А.* Очерки по истории военного зодчества северо-восточной и северо-западной Руси X–XV вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961 (МИА; № 105). 242 с.
- Раппопорт*, 1965 — *Раппопорт П. А.* Древние русские крепости. М.: Наука, 1965. 87 с.
- Резун, Васильевский*, 1989 — *Резун Д. Я., Васильевский Р. С.* Летопись сибирских городов. Новосибирск: Новосибирское книжное изд-во, 1989. 303 с.
- Романовъ*, 1860 — *Романовъ А.* Деревянная крепость г. Верхотурья въ 1687 году // *Пермскія губернская ведомости*. 1860. № 46. С. 469–470.
- Секретарь*, 1986 — *Секретарь Л. А.* О типологии деревянных рубленых оград монастырей и погостов XVIII в. // *Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Карелии и*

- сопредельных областей. Петрозаводск: [б. и.], 1986. С. 59–73.
- Тинский*, 1996 — *Тинский А. Г.* Крепостная архитектура Хлынова XVII в. // Энциклопедия земли Вятской. Т. V. Киров: [б. и.], 1996. С. 28–35.
- Труды Вятской..., 1905 — Труды Вятской ученой архивной комиссии 1905 года. Вып. V–VI. Вятка: Губернская Типография, 1905. 192 с.
- Черная*, 1999 — *Черная М. П.* Археологическое изучение средневекового Томска (к 400-летию города) // Интеграция археологических и этнографических исследований: Сб. науч. трудов / Отв. ред. А. Г. Селезнев. Омск: Изд-во Омского ГУ, 1999. С. 144–146.
- Черная*, 2002 — *Черная М. П.* Томский кремль середины XVII — XVIII в.: Проблемы реконструкции и исторической интерпретации. Томск: Изд-во Томского ГУ, 2002. 184 с.
- Шаляпин, Гостев*, 2016 — *Шаляпин С. О., Гостев И. М.* Деревянная ограда Николо-Корельского монастыря XVI–XVII вв. // Новые материалы по истории фортификации. Вып. 2. Архангельск: Новодвинка, 2016. С. 189–198.
- Ширманов*, 1972 — *Ширманов А. К.* Из истории оборонительных укреплений города Самары в XVI–XVIII вв. // Краеведческие записки. Вып. 2. Куйбышев: [б. и.], 1972. С. 3–23.

Concepts of the structural design of taras walls in Russian fortification in the 16th–18th centuries

S. V. Gorokhov¹¹

Keywords: Russian state, fortification, taras walls, taras, historiography

The article presents the results of a study aimed at identifying the concepts of the structural design of taras walls in timber-and-earth fortifications of the 16th–18th cent. on the territory of the Russian state that have emerged over the past century and a half. The origins of these constructions and the sufficiency of the arguments are revealed. The source base is presented by publications of more than 100 historians and archaeologists who have addressed this topic in their works. It has been established that the most widespread concept of the design of taras walls is the one proposed in 1858 by F. F. Laskovsky, according to which such structures were two parallel notched walls with cuts. This version is supported by more than 80% of researchers. A variation of this version is the idea that the taras wall on the side of the fort courtyard adjoined the fence. Other versions of the design of taras walls: 1) separate log buildings placed at some distance from each other and connected to each other by a single wall on the field side; 2) five-walled log buildings, placed in a chain close to each other; 3) terraced walls; 4) buttresses of various designs. The position of some researchers on the design of taras walls from the 16th–18th cent. has developed with time. The general trend of such changes has been the rejection of “rare” versions and the acceptance of the earliest, dominant one. Some researchers believe that the term “taras” in written sources refers not to one specific structure, but to several different ones. Many historians and archaeologists describe the construction of such walls in very ambiguous and contradictory ways, indicating their vague understanding of the problem, caused by the ambiguity of the written documents. All identified versions of the structural design of taras are based on an extremely narrow source base and, as a result, are currently insufficiently substantiated, that is, they are only hypotheses.

¹¹ Sergey V. Gorokhov — Novosibirsk National Research State University, Novosibirsk; e-mail: gorokhov.sv@yandex.ru.

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ АНАЛИЗА В АРХЕОЛОГИИ

Археологическая керамика: информационные базы данных и аналитические ресурсы¹

М. А. Кулькова, М. А. Стрельцов, А. Д. Малярова²

Аннотация. В статье рассматриваются современные подходы к созданию и использованию цифровых баз данных по археологической керамике, зарубежный и отечественный опыт систематизации археологических и археометрических данных, включающих типологические, технологические, петрографические и химико-аналитические аспекты. Особое внимание уделяется опыту авторов в разработке интегрированных информационных систем в археологии и описанию новой специализированной археометрической базы данных «Керамика бронзового века из степных крымских памятников», приведена ее архитектура на основе PostgreSQL/PostGIS.

Ключевые слова: археологическая керамика, археометрические базы данных, цифровая археология, эпоха бронзы, Крым, ГИС, Linked Open Data, керамические технологии, петрография, археометрия

DOI 10.31600/1817-6976-2026-50-232-238

В настоящее время разработка моделей обобщения археологических материалов и формирования массивов данных становится все более актуальной в отечественном научном сообществе. На сегодня в России нет отдельных полноценных баз данных (БД) по древним глиняным сосудам. Зарубежные БД, включающие археометрические характеристики древней керамики, разрабатываются с середины XX в. С развитием интернета, облачных хранилищ, Web-ресурсов все больше увеличивается цифровой объем информации о характеристиках древних керамических изделий, составе формовочных масс, температуре, условиях обжига и т. д. Массив данных, получаемый в результате исследований древней керамики (контекст находки, типология, характеристики формовочного сырья), является мощным ресурсом, поскольку его можно использовать при сравнении

с новыми образцами или повторно использовать для увеличения выборок исследования (Castro, Korte, 2015; Wilkinson et al., 2016; Gattiglia, 2015).

Несмотря на общую тенденцию к предоставлению и публикации данных по изучению древних керамических сосудов, вне доступа остается еще большой объем такой информации. Во многих случаях аналитические данные публикуются в журнальных статьях лишь частично, для поддержки основных выводов, или не публикуются вовсе. Тем не менее в последние годы было создано много БД (Gattiglia, 2018), посвященных археологической керамике разных периодов и охватывающих различные аспекты этого разнородного и распространенного материала, который является важным индикатором материальной культуры древних обществ.

Археологические данные в сопоставлении с результатами археометрии сейчас являются основными инструментами для определения производственных зон, источников сырья и технологических уровней мастерских, создания *chaîne opératoire* моделей, поскольку археометрия становится все более важной дисциплиной, дающей ответы на многие вопросы археологов. Как показывают исследования (Giorgio, 2018; Odelli, 2022), предназначение БД по керамике — сделать массивы сведений доступными

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 25-78-10114 «Керамика эпохи бронзы из памятников степного Крыма: археометрическая база данных») в РГПУ им. А. И. Герцена.

² Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург; e-mail: kulkova@mail.ru, michail1996@mail.ru, a.malyarova@mail.ru.

© Кулькова М. А., Стрельцов М. А., Малярова А. Д., 2026.

и предоставить возможность оперировать фактическими аналитическими материалами.

Выделяются следующие типы БД: типологические, технологические, петрографические, химико-аналитические. Одним из важных вопросов при разработке БД древней керамики остается проблема сопоставимости и унификации данных, которая включает создание алгоритма описания различных характеристик глиняных сосудов. Для обеспечения сопоставимости данных между различными регионами и научными направлениями в изучении керамики при описании характеристик отдельных сосудов нужно переходить от текстового описания к четко структурированным данным. Для этого необходимо разработать систематический набор стандартов описания археологической керамики и используемых метаданных, а также интегрировать эти данные с использованием системы LOD (Linked Open Data) в различные типы археологических БД и ГИС.

Обзор существующих БД по керамике показывает большое разнообразие данных, характеризующих керамические коллекции: в БД OpenFabric археометрическая информация, полученная в результате анализа керамики, вместе с координатами места раскопок и гипотезой происхождения доступна для ученых, желающих сравнить и повторно использовать эти данные для улучшения исследований (доступна в репозиториях открытых данных по лицензии CCBYSA (<https://creativecommons.org/>)) (Odelli, 2022).

База данных по исследованию керамики разных периодов из Тосканы (Италия) была сформирована в рамках большого научного проекта и включает информацию по 348 керамическим фрагментам. Набор данных представляет собой ключ ко всему проекту, поскольку образцы и информация, которая была получена в результате их анализа, являются его ядром и основным фокусом (Bruttini, 2013; Cantini, 2004; 2007; 2010; Cantini et al., 2014; 2016; 2018; Fatighenti, 2016; Raneri et al., 2018).

FACEM по керамике Средиземноморья содержит археологическую информацию по 300 образцам глиняных сосудов, интерактивную карту мест находок и производств, фотографии формовочной массы, петрографическое описание (для отдельных образцов) (Licence: CC BY NC ND; <https://facem.at>).

В Archaeometry of Sicilian Pottery, Sicily собрана информация по 27 керамическим фрагментам, включающая описание и фотографии формовочной массы, данные по оригинальным сосудам (Alaimo et al., 2004).

Еще одна БД (Roman Amphorae Data Base, Licence: CCBYSA; <http://archaeologydataservice.ac.uk>) включает археологическую информацию, результаты петрографии и 3D-модели для 200 керамических сосудов.

CeraDAT (ceraDAT — A data base for archaeological ceramics (N.C.S.R. Demokritos, GREECE; <https://ceradat.net/>)) — это прототип реляционной БД для археологической керамики, включающий химические, археологические, петрографические и минералогические данные по доисторической керамике из памятников бассейна Эгейского моря и Восточно-Средиземноморского региона в целом. Ядром БД являются данные химического состава археологической керамики, полученные лабораториями нейтронно-активационного анализа (НАА) в Институте материаловедения Национального центра научных исследований «Демокритос» (Греция) и Институте ядерной физики им. Гельмгольца Боннского университета (Германия). Эта БД включает информацию по тысячам отдельных образцов керамики из материковой Греции, Пелопоннеса, Киклад, Крита, Додеканеса, Малой Азии, Кипра и соседних регионов. CeraDAT включает также анализы сырья, используемого для производства керамики.

Archaeology Lab Ceramics Database | Department of Anthropology | Saint Mary's University (<https://www.smu.ca/anthropology/lab-ceramics-database.html>) представляет собой виртуальный проект, который призван помочь в идентификации средневековой керамики, найденной на археологических памятниках исторического периода в Новой Шотландии. Коллекция керамики, включенная в эту БД, относится к XVIII–XIX вв., образцы расположены в хронологическом порядке начиная с самых ранних типов керамики. В библиографии в конце каталога по керамике приведены отдельные ссылки на литературу, что может пригодиться для более подробных описаний типов керамики.

China Ceramic Petrography Database (<https://doi.org/10.6078/M79Z930G>) (Womack, Hein, 2018) включает петрографические данные археологической керамики и геологических источников сырья по всему Китаю и доступна на китайском и английском языках. Она представляет собой коллекцию сравнительных справочных материалов. Первоначально были включены результаты петрографии керамики неолита и раннего бронзового века на Северо-Западе Китая — ≈250 образцов археологической керамики, датированных периодами Мацзяяо и Цицзя из южной провинции

Ганьсу. Также исследовано около 30 геологических образцов (глина, песок и горные породы) из известных археологических памятников в этом районе. Этот первоначальный набор данных был собран в рамках «Археологического проекта реки Тао» — международного сотрудничества Гарвардского и Пекинского университетов и Института археологии Ганьсу. Он представлял собой коллекцию фрагментов, собранных в ходе разведок и раскопок на четырех участках в северной части долины р. Тао. Это направление исследований стало возможным благодаря поддержке Фонда Фулбрайта, Совета Йельского университета по восточноазиатским исследованиям и Центра Макмиллана Йельского университета. В настоящее время предполагается включить данные петрографов, работающих по всему Китаю, что позволит расширить БД как географически, так и хронологически.

Онлайн БД, характеризующая производство керамики в Древней Греции (WebAtlas of Ceramic Kilns in Ancient Greece — Online database mapping ancient Greek ceramic production | ArchaeoFeed; <https://atlasgreekkilns.arizona.edu/>), включает центры производства керамики в течение почти 5000 лет греческой истории. Она была создана учеными для помощи археологам, работающим в Греции. В настоящее время в ней перечислены более 600 точек расположения печей, датированных периодом от 3000 г. до н. э. до 1820 г. н. э.

VAPD (<https://www.cvaonline.org/XDB/ASP/search/Open.asp> ([cvaonline.org](https://www.cvaonline.org/))) — крупнейшая в мире БД древнегреческой расписной керамики («греческих ваз»). Она содержит записи о более чем 130 000 древних сосудах и 250 000 изображениях. Почти все включенные в нее сосуды были изготовлены в VI–IV вв. до н. э., и около трех четвертей из них — в Афинах. Этот массив берет свое начало в архиве Бисли, хранящемся в Центре исследований классического искусства в Оксфорде. Хотя подавляющее большинство изображений собрано выдающимся экспертом по керамике сэром Джоном Бисли (1885–1970), после его смерти архив значительно расширился: VAPD содержит изображения, приобретенные позже из различных источников, включая крупные музеи, аукционные дома, оцифрованные тома серии *Corpus Vasorum Antiquorum* и собственные рисунки Бисли. В БД собрана информация по формам сосудов, технике изображения, месте нахождения, датировке, декоре и ссылки на публикации. Поддерживается Classical Art Research Centre Оксфордского университета.

Одной из самых больших БД по петрографии керамики, в которой имеются высококачественные фотографии шлифов керамики и их описание, является динамичная и постоянно пополняемая Petrodatabase (Quinn *et al.*, 2011). С 2009 г. ее разработкой занимаются специалисты из Археологического департамента Университета Шеффилда (Великобритания).

Открытая база керамики Леванта (Ближний Восток) от неолита (≈5500 г. до н. э.) до османского периода (≈1920 г. н. э.) (Levantine Ceramics; <https://www.levantineceramics.org/> ([levantineceramics.org](https://www.levantineceramics.org/))) содержит данные по типам сосудов, стилям, группам керамики, петрографии керамических образцов, информацию о производственных центрах и местах производства, интерактивные инструменты для анализа и картирования данных, взаимосвязь между информацией из разных археологических проектов и ссылки на аналитические сведения, полученные в результате исследований.

Опыт авторов настоящей статьи в области создания и использования цифровых информационных ресурсов в археологии связан с разработкой и внедрением комплексных БД и геоинформационных систем (ГИС), ориентированных на интеграцию разнородных междисциплинарных данных. В рамках этих исследований ранее была создана и введена в эксплуатацию БД и ГИС «Геоархеология Северного Причерноморья: Междисциплинарный подход», предназначенная для аккумуляции археологических, археометрических, палеоэкологических и геохимических материалов по памятникам Северного Причерноморья. Данная система реализована на основе реляционной БД MySQL, развернутой на удаленном сервере, и обеспечивает доступ через административную панель phpMyAdmin (<https://nbsgeoarch.online/>), что позволяет осуществлять гибкое управление структурой и наполнением базы. Для удобства аналитической работы и визуализации данных был создан интерактивный дашборд на платформе Yandex DataLens (<https://datalens.yandex/iloznre3vvp65>), обеспечивающий оперативный анализ массивов информации, фильтрацию по типам объектов, памятникам, хронологии и исследовательским параметрам. БД включает разнообразные артефакты из различных археологических материалов (керамики, бронзы, кремня, кости и т. д.) и ориентирована на комплексный междисциплинарный анализ (Кулькова и др., 2024; Стрельцов и др., 2024; 2025а; 2025б).

Развитие данного направления исследований привело к необходимости создания специализированной

предметно-ориентированной БД, включающей информацию по отдельным категориям археологического материала. В настоящее время авторами разрабатывается специализированная археометрическая БД «Керамика эпохи бронзы из памятников степного Крыма», предназначенная исключительно для систематизации и анализа керамических изделий. В отличие от универсальных информационных систем, она ориентирована на детализированное описание керамики с учетом специфики археометрических методов.

Архитектура разрабатываемой БД реализована на основе PostgreSQL с расширением PostGIS, что обеспечивает возможность пространственного анализа и интеграции с геоинформационными системами. БД построена по строго нормализованной реляционной модели, в которой все таблицы связаны между собой системой логических отношений, отражающих реальные взаимосвязи между объектами исследования. Такая структура обеспечивает привязку образцов к археологическим памятникам, радиоуглеродным датам, результатам аналитических исследований (петрографии, XRF, SEM-EDX, XRD, микротомографии, DTA-TG и др.), морфометрическим характеристикам, орнаментации и интерпретационным моделям, включая реконструкции технологических цепочек и источников сырья, что позволяет рассматривать каждый образец керамики не изолированно, а в системе взаимосвязанных археологических, технологических и пространственных параметров.

Проектируемая специализированная БД «Керамика эпохи бронзы из памятников степного Крыма» на текущем этапе включает 19 взаимосвязанных таблиц, охватывающих как археологические, так и археометрические и интерпретационные данные (рис. 1). В их числе: таблицы археологических памятников (ARCHAEOLOGICAL_SITES, девять атрибутов), образцы керамики (SAMPLES, 16 атрибутов), орнаментация (ORNAMENTATION, два атрибута), морфометрия сосудов (MORPHOMETRY, 16 атрибутов), источники сырья (RAW_MATERIAL_SOURCES, шесть атрибутов), аналитические методы (ANALYTICAL_METHODS, пять атрибутов), а также специализированные таблицы для результатов различных аналитических исследований: XRF_RESULTS (шесть атрибутов), SEM_EDX_RESULTS (10 атрибутов), XRD_RESULTS (восемь атрибутов), MICROCT_RESULTS (восемь атрибутов), DTA_TG_RESULTS (девять атрибутов), PETROGRAPHY (девять атрибутов). Дополни-

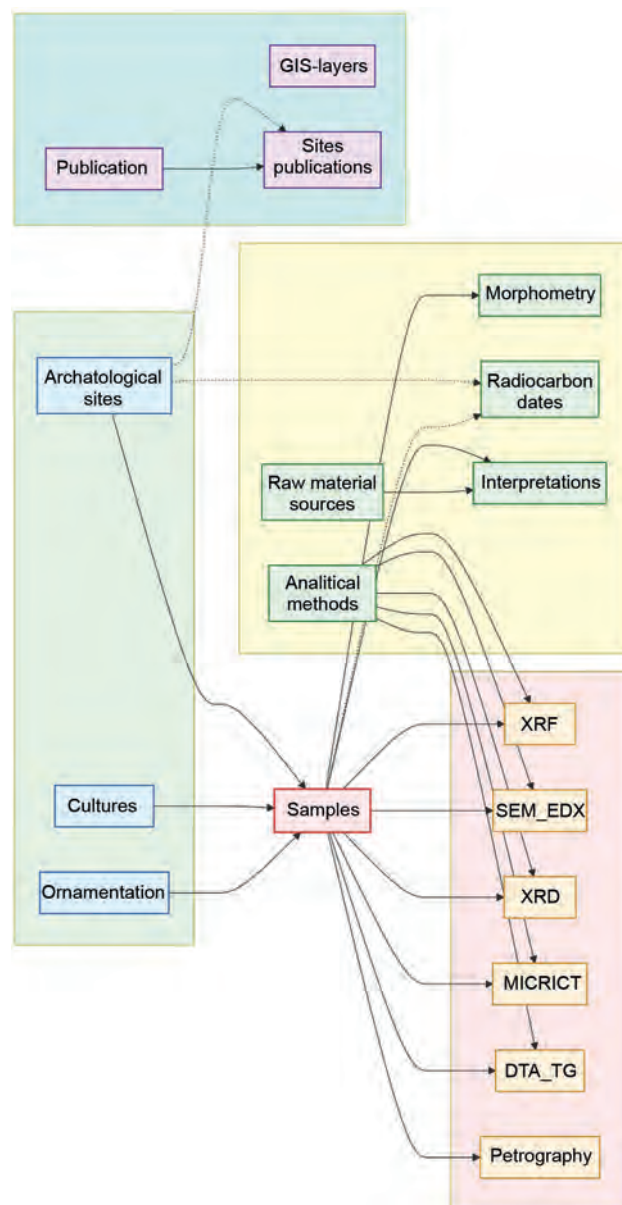

Рис. 1. Структурная схема базы данных «Керамика эпохи бронзы из памятников степного Крыма»

Fig. 1. Structural diagram of the database “Bronze Age ceramics from the sites of the Crimean steppes”

тельно в структуру включены таблицы радиоуглеродных дат (RADIOCARBON_DATES, 11 атрибутов), интерпретаций технологических признаков (INTERPRETATIONS, восемь атрибутов), ГИС-слоев (GIS_LAYERS, шесть атрибутов), публикаций (PUBLICATIONS и PUBLICATIONS_OTHER, по семь атрибутов) и связующая таблица «памятник — публикация» (SITES_PUBLICATIONS, три атрибута).

В настоящее время БД включает сведения о 440 образцах керамики (SAMPLES), происходящих

из 65 археологических памятников (ARCHAEOLOGICAL_SITES), информацию о 40 радиоуглеродных датах (RADIOCARBON_DATES), 75 источниках сырья (RAW_MATERIAL_SOURCES), а также более 100 публикаций, связанных с изучаемыми памятниками и материалами (таблицы PUBLICATIONS и PUBLICATIONS_OTHER). В структуре базы данных описано 10 аналитических методов (ANALYTICAL_METHODS), используемых при изучении керамики.

Таким образом, общая структура БД включает более 150 атрибутов, логически распределенных между таблицами и связанных системой внешних ключей. Это обеспечивает целостность данных, возможность сложных межтабличных SQL-запросов и интеграцию археологических, археометрических и пространственных данных в рамках единого аналитического пространства. Такая архитектура создает основу для дальнейшего расширения базы, подключения новых методов анализа и разработки специализированных веб-инструментов для работы с керамическими материалами.

Для этой БД разрабатывается концепция специализированного веб-интерфейса, ориентированного на работу именно с керамическими материалами. Предполагается реализация инструментов расширенного поиска, фильтрации, визуализации аналитических данных, морфометрического анализа форм сосудов, а также модулей статистической обработки информации. В перспективе БД может быть дополнена интеллектуальными инструментами поддержки анализа, включая ИИ-агента, обученного на корпусе публикаций и данных проекта. Использование подобных решений рассматривается как экспериментальное направление и предполагает возможность применения как облачных языковых моделей, так и локальных решений, что обеспечит гибкость и независимость дальнейшего развития системы.

Аналитические возможности разрабатываемых БД заключаются в обеспечении доступа к полному массиву первичных археометрических

данных, возможности их повторного использования, расширения выборок, сопоставления материалов различных памятников и регионов, а также выявления скрытых корреляций между технологическими, морфологическими и сырьевыми характеристиками керамики. В перспективе подобные информационные ресурсы могут стать основой для формирования распределенных сетей специализированных БД, интегрированных между собой и с ГИС, что соответствует современным тенденциям развития цифровой археологии и открытой науки.

Рассматривая контент разрабатываемых в настоящее время БД по керамике, нетрудно заметить, что большинство из них основаны на ограниченном наборе информационных характеристик, в которых преобладает либо развернутая аналитическая информация, либо археологическая. Разработка БД по керамическим изделиям эпохи бронзы Крымского полуострова основана на сочетании как археологической информации о керамике (морфологии, типологии и орнаментации сосудов, качественных фотографий и рисунков, 3D-моделей), так и на развернутой аналитической археометрической информации (данных петрографического анализа, геохимическом и минералогическом составе формовочных масс, реконструкции пор и внутреннего пространства керамических фрагментов). Эти сведения будут представлены в виде фактического аналитического материала, который может быть использован специалистами разных направлений с возможностью применения инструментов математического анализа и моделирования. Это позволит обрабатывать весь массив данных и большой объем информации для реконструкций определения типов формовочных масс, разделения керамических фрагментов на группы, проводить анализ по определению возможных источников сырья и реконструировать этапы гончарного производства. Такая разработка будет являться первой отечественной онлайн БД по древней керамике.

Статья поступила в редакцию 22 января 2026 г.

Кулькова и др., 2024 — Кулькова М. А., Кашуба М. Т., Стрельцов М. А. и др. Геоархеология Северного Причерноморья: данные междисциплинарных исследований. Свидетельство о регистрации базы данных № 2024624873 от 02.11.2024.

Стрельцов и др., 2024 — Стрельцов М. А., Кулькова М. А., Кашуба М. Т. и др. Фонд источников:

принципы формирования и структура базы данных по материалам Северного Причерноморья // Палеосреда и культурно-исторические процессы в Северо-Западном Причерноморье в эпоху бронзы — раннем железном веке / Отв. ред. М. А. Кулькова, М. Т. Кашуба. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2024. С. 9–13.

- Стрельцов и др., 2025а* — *Стрельцов М. А., Кулькова М. А., Кашуба М. Т.* Геоинформационная система и база данных «Геоархеология Северного Причерноморья: междисциплинарный подход»: инструмент интеграции междисциплинарных данных для изучения древних ландшафтов и культур // *Древности античной и средневековой Таврики: проблемы хронологии, интерпретации, картографирования: Материалы Всерос. науч. конф. Симферополь: Антиква, 2025. С. 42–43.*
- Стрельцов и др., 2025б* — *Стрельцов М. А., Кулькова М. А., Кашуба М. Т., Кульков А. М., Маркова М. А.* База данных «Геоархеология Северного Причерноморья: междисциплинарный подход»: интеграция археологических, минералого-геохимических и палеоэкологических данных для изучения древних культур Крыма // *Геоархеология и археологическая минералогия. Миасс, 2025. № 12. С. 205–209.*
- Alaimo et al., 2004* — *Alaimo R., Bultrini G., Fragalà I., Giarrusso R., Iliopoulos I., Montana G.* Archaeometry of Sicilian glazed pottery // *Applied Physics A: Materials Science & Processing, 2004. Vol. 79. P. 221–227. DOI: 10.1007/s00339-004-2523-3*
- Archaeology Lab Ceramics Database — Archaeology Lab Ceramics Database // Department of Anthropology, Saint Mary's University. URL: <https://www.smu.ca/anthropology/lab-ceramics-database.html> (accessed: 20.01.2026).
- BAPD — Beazley Archive Pottery Database // Classical Art Research Centre, University of Oxford. URL: <https://www.cvaonline.org> (accessed: 20.01.2026).
- Bruttini, 2013* — *Bruttini J.* Archeologia urbana a Firenze: Lo scavo della terza corte di Palazzo Vecchio (indagini 1997–2006). Firenze: All'Insegna del Giglio, 2013. 230 p.
- Cantini, 2004* — *Cantini F.* Archeologia urbana a Siena. L'area dell'Ospedale di Santa Maria della Scala prima dell'Ospedale. Firenze: All'Insegna del Giglio, 2004 (Altomedioevo; Vol. 11). 263 p.
- Cantini, 2007* — *Cantini F.* Siena in the early Middle Ages: new data from the excavation at Santa Maria della Scala // *Early Medieval Europe, 2007. Vol. 15 (3). P. 290–314. DOI: 10.1111/j.1468-0254.2007.00207.x*
- Cantini, 2010* — *Cantini F.* Circolazione, produzione e consumo di vasellame ceramico e anfore nel Medio Valdarno tra IV e VII secolo: nuovi dati da San Genesio (San Miniato, Pisa) e Firenze // *LRCW 3. 3rd International Conference on Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean: Archaeology and Archaeometry* // Eds. S. Menchelli et al. Oxford: Archaeopress (BAR International Series 2386), 2010. Vol. 1. P. 353–362.
- Cantini et al., 2014* — *Cantini F., Boschian G., Gabriele M.* Empoli, a late antique pottery production centre in the Arno valley (Florence, Tuscany, Italy) // *LRCW 4. Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean* / Eds. N. Poulou-Papadimitriou et al. Oxford: Archaeopress, 2014 (BAR International Series S2616). P. 203–212.
- Cantini et al., 2016* — *Cantini F., Belcari R., Cicali C., D'Aloia A., Fatighenti B.* Ubi dicitur Millano: il castello di Scopetulo (San Miniato, PI): nuovi dati dalla campagna di scavo 2015 // *Archeologia Medievale, 2016. Vol. XLIII. P. 117–140.*
- Cantini et al., 2018* — *Cantini F., Tumbiolo G., Fatighenti B.* Ceramiche e merci a Volterra tra la tarda Antichità e il Cinquecento. Note preliminari di uno studio in Corso // *Quaderno del Laboratorio Universitario Volterrano* / Eds. M. G. Bevilacqua, M. Pasquinucci. Pisa: Pisa University Press, 2018. Vol. XVIII, 2015–2016. P. 77–84.
- Castro, Korte, 2015* — *Castro D., Korte T.* Open Data in the G8: A Review of Progress on the Open Data Charter // Washington, DC: Center for Data Innovation, 2015. URL: <https://www2.datainnovation.org/2015-open-data-g8.pdf> (accessed: 20.01.2026).
- CeraDAT — CeraDAT: A database for archaeological ceramics // N.C.S.R. Demokritos (Greece). URL: <https://ceradat.net> (accessed: 20.01.2026).
- FACEM — Fabric Analysis of Ceramics from the Eastern Mediterranean // URL: <https://facem.at> (accessed: 20.01.2026).
- Fatighenti, 2016* — *Fatighenti B.* La ceramica bassomedievale a Pisa e San Genesio (San Miniato-Pi). Città e campagna a confronto. Oxford: Archaeopress, 2016. 242 p.
- Gattiglia, 2015* — *Gattiglia G.* Think big about data: Archaeology and the Big Data challenge // *Archäologische Informationen, 2015. Bd. 38. P. 113–124. DOI: 10.11588/ai.2015.1.2615*
- Gattiglia, 2018* — *Gattiglia G.* Classificare le ceramiche: dai metodi tradizionali all'intelligenza artificiale. L'esperienza del progetto europeo ArchAIDE // *Archaeologia, Quo Vadis? Riflessioni metodologiche sul futuro di una disciplina* / Ed. D. Malfitana. Rome: IBAM-CNR, 2018. P. 285–298.
- Giorgio, 2018* — *Giorgio M.* Storie [di] ceramiche 4: ceramica e archeometria: atti della giornata di studi in ricordo di Graziella Berti, a quattro anni dalla scomparsa. Firenze: All'Insegna del Giglio, 2018. 50 p.
- Levantine Ceramics — Levantine Ceramics Database // URL: <https://www.levantineceramics.org> (accessed: 20.01.2026).
- Odelli, 2022* — *Odelli E.* Open fabric: archaeometric data to build a pottery database: PhD thesis. Pisa, Italy; Ghent, Belgium: University of Pisa; Ghent University. 2022 // URL: <http://hdl.handle.net/1854/LU-8771271>.
- Quinn et al., 2011* — *Quinn P. S., Rout D., Stringer L., Alexander T., Armstrong A., Olmstead S.* Petrodatabase: An online database for thin section ceramic petrography // *Journal of Archaeological Science, 2011. Vol. 38 (9). P. 2491–2496. DOI: 10.1016/j.jas.2011.04.024*

- Raneri et al., 2018 — Raneri S., Cantini F., Belcari R., Baldanza A., Bertinelli A., Lorenzetti G., Legnaioli S., Mazzoleni P., Lezzerini M. Building materials and architectural models in late Roman Tuscany. Archaeometric studies on mortars, stones and vitreous tesserae from “Villa dell’Oratorio” (Florence) // *Mediterranean Archaeology & Archaeometry*. 2018. Vol. 18 (5). P. 109–129.
- Roman Amphorae Database — Roman Amphorae Database // Archaeology Data Service. URL: <http://archaeologydataservice.ac.uk> (accessed: 20.01.2026).
- WebAtlas of Ceramic Kilns in Ancient Greece — WebAtlas of Ceramic Kilns in Ancient Greece // The University of Arizona. URL: <https://atlasgreekkilns.arizona.edu/> (accessed: 20.01.2026).
- Wilkinson et al., 2016 — Wilkinson M. D., Dumontier M., Aalbersberg I. J. et al. The FAIR Guiding Principles for Scientific Data Management and Stewardship // *Scientific Data*. 2016. Vol. 3. 160018. DOI: 10.1038/sdata.2016.18
- Womack, Hein, 2018 — Womack A., Hein A. China Ceramic Petrography Database // Open Context. URL: <https://opencontext.org/projects/2c5addea-41d5-4941-b2bd-672bc1e60448> (accessed: 20.01.2026).

Archaeological Ceramics: Information Digital Databases and Analytical Resources

M. A. Kulkova, M. A. Streltsov, A. D. Malyarova³

Keywords: archaeological ceramics, archaeometric databases, digital archaeology, Bronze Age, Crimea, GIS, Linked Open Data, ceramic technology, petrography, archaeometry

The article considers modern approaches to the development and using digital databases on archaeological ceramics as well as an international experience in the systematization of archaeological and archaeometric data. Despite spreading digital resources, a significant part of analytical information on ancient ceramics remains fragmented and poorly accessible, while data comparability and standardization remain key challenges. The necessity of shifting from descriptive textual records to structured data models using metadata standards, GIS technologies, and Linked Open Data (LOD) is substantiated. An overview of the most significant international ceramic databases is presented, covering typological, technological, petrographic, and chemical-analytical aspects. Special attention is given to the authors’ experience in developing integrated information systems in archaeology and to the description of a new specialized archaeometric database, “Bronze Age Ceramics from the Steppe Crimea Sites”. The architecture of the database, based on PostgreSQL/PostGIS, its structure, analytical capabilities, and development prospects — including a specialized web interface and the integration of intelligent analytical tools — are discussed. The proposed database will represent the first national online platform to integrate archaeological and archaeometric data on ancient ceramics, interdisciplinary approach, and the advancement of digital archaeology.

³ Marianna A. Kulkova, Michail A. Streltsov, Anzhela D. Malyarova — Herzen State Pedagogical University, St. Petersburg; e-mail: kulkova@mail.ru, michail1996@mail.ru, a.malyarova@mail.ru.

ИСТОРИЯ НАУКИ

Комплекс чертежей к раскопкам храма Св. Климента на Земляном городище Старой Ладogi в 1912–1913 гг.: к истории создания документов и формирования архивной коллекции в научном архиве ИИМК РАН¹

П. С. Дрёмова, Ст. А. Васильев²

Аннотация. В статье рассмотрена история формирования в научном архиве ИИМК РАН коллекции чертежей, связанных с раскопками церкви Св. Климента на Земляном городище Старой Ладogi в 1912–1913 гг. На основе изучения учетной архивной документации выявлено поступление четырех групп чертежей в период с 1934 по 1983 г. Внутри каждой группы собраны документы, схожие по манере изготовления и атрибутивным характеристикам, что позволяет соотнести их с несколькими авторами. Изучение подписей на чертежах (почерка, орфографических особенностей), материалов и письменных принадлежностей, использованных при их создании, помогло уточнить авторство как отдельных чертежей, так и групп иллюстративных материалов. Выяснение хронологии создания чертежей дает дополнительные возможности для раскрытия информационного потенциала документации Н. И. Репникова.

Ключевые слова: церковь Св. Климента, Земляное городище, Н. И. Репников, 1912–1913 гг., Старая Ладoga, графическая документация, научный архив ИИМК РАН, история науки

DOI 10.31600/1817-6976-2026-50-239–259

Первые систематические раскопки Земляного городища и расположенной на нем церкви Св. Климента были проведены Н. И. Репниковым в 1909–1913 гг.³ (Королькова, 2004; 2024.

С. 14–22; Френкель, 2009; Бойцова, 2009. С. 7, 8; Кирпичников, Сарабьянов, 2012. С. 145–147).

Комплексные исследования, выполненные на высоком методическом и научно-техническом уровнях, в силу разных обстоятельств не были в полной мере и своевременно опубликованы. Только после смерти Н. И. Репникова коллектив авторов во главе с В. И. Равдоникасом подготовил к печати описание археологических работ 1909–1913 гг. (Старая Ладoga, 1948), но и там в научный оборот был введен незначительный объем

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке РНФ (проект № 23-18-00515, <https://rscf.ru/project/23-18-00515/> «Формирование ранней городской структуры и культурного ландшафта Северной Руси на материале археологического комплекса Старой Ладogi» в ИИМК РАН. Статья подготовлена по теме государственного задания «Северная Русь в евразийском археологическом контексте: этнокультурное разнообразие и общие закономерности исторического развития в свете становления научных знаний» (FMZF-2025-0011).

² Дрёмова П. С., Васильев Ст. А. — Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург; e-mail: pdremova8@gmail.com, stasilein@mail.ru.

© Дрёмова П. С., Васильев Ст. А., 2026

³ Летом 1909 г., получив Открытый лист от Императорской археологической комиссии (ИАК), Н. И. Репников за собственный счет произвел разведочные работы

на Земляном городище (Репников, 1911. С. 6). В 1910 г., обратившись за содействием в этнографический отдел Русского музея, он получил 500 руб. «для производства археологических раскопок и собрания этнограф[ических] предметов» в Новоладожском уезде Санкт-Петербургской губернии (АРЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 63. Л. 34об.–35). В 1911–1913 гг. музей оказывал регулярную денежную поддержку исследованиям Н. И. Репникова на Земляном городище Старой Ладogi (АРЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 72. Л. 16, 44об.; Д. 79. Л. 18об., 26–26об.; Д. 89. Л. 14об.–15, 17об., 22, 23об., 29–29об.; Оп. 2. Д. 497. Л. 4–10 и след.).

отчетной документации и комплекса археологических находок. Судьба архивного наследия и вещевой коллекции из раскопок Старой Ладogi оказалась трагичной. Материалы сильно пострадали во время наводнения 1924 г. и в годы Великой Отечественной войны (Там же. С. 8, 9). Из 4825 предметов, поступивших в Этнографический отдел Русского музея императора Александра III (далее — ЭО РМ) сразу после раскопок Н. И. Репникова 1910–1913 гг., к моменту передачи археологической коллекции на постоянное хранение в Гос. Эрмитаж в 1950-е гг. сохранилось только около 3000 предметов (Бойцова, 2009. С. 8, 9).

Научное значение работ Н. И. Репникова в Старой Ладoge неоднократно подчеркивалось специалистами в публикациях (Бойцова, 2009. С. 7; Равдоникас, 1948. С. 8, 9; Староладогский сборник, 2009; и др.). Исследования последних лет, проведенные в рамках проекта РНФ (Васильев, 2025б), продемонстрировали широкие возможности использования отчетной документации Н. И. Репникова для реконструкции площадей раскопок и последующей геодезической привязки фундамента церкви Св. Климента (Латшин и др., 2023. С. 135, 138, рис. 2). Актуальность обращения к первичной полевой документации начала XX в. обусловлена необратимыми изменениями состояния памятника: «от раскрытых в 1912–13 гг. конструкций церкви до нашего времени сохранилась преимущественно нижняя часть на уровне полов, остальное к концу XX в. оказалось утраченным» (Васильев, 2025б. С. 144). Применение новейших методов и компьютерных программ по отношению к архивным данным позволяет определить точное пространственное местоположение раскопок и поставить вопрос об осмыслении научного наследия на новом методическом уровне (подробнее см.: Васильев, 2025а, 2025б; Латшин и др., 2023. С. 135–138).

В настоящей публикации систематизируется и анализируется комплекс чертежной документации раскопок Н. И. Репникова в Старой Ладoge из хранения научного архива ИИМК РАН с целью уточнить обстоятельства создания, поступления в архив Гос. академии истории материальной культуры (ГАИМК) / Ленинградского отделения Академии наук (ЛОИА АН) СССР и регистрации чертежей, связанных с раскопками фундамента церкви Св. Климента в 1912–1913 гг. Такая поисковая и архивная работа крайне важна для того, чтобы на следующих этапах современных исследований архитектурно-археологических памятников Старой Ладogi эти чертежи можно было бы использовать как полноценный

документальный источник высокой степени информативности.

С точки зрения организации раскопок работы Н. И. Репникова в Старой Ладoge и полевую документацию к ним можно разделить на два тематических блока в соответствии с объектом исследований: Земляное городище и церковь Св. Климента. Если изучение культурных напластований Земляного городища Н. И. Репников проводил в 1911–1913 гг. при поддержке ЭО РМ, то архитектурно-археологическое исследование храма в 1912–1913 гг. проходило по заданию Отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества (далее — ОРСА ИРАО; Бойцова, 2009. С. 6). В данной статье речь пойдет о документации второго блока работ.

На заседании ОРСА ИРАО 6 апреля 1912 г. Н. И. Репников выступил с докладом «Памятники Старой Ладogi», где затронул вопросы современного научного изучения (по материалам работ 1910–1911 гг.) и сохранности археологических объектов. В частности, его внимание было сосредоточено на развалинах храма Св. Климента. В заключение доклада Н. И. Репников предложил Отделению «произвести раскопку оставшихся оснований церкви», приурочив ее к планируемым работам Этнографического отдела летом 1912 г. (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ед. хр. 898. Л. 9об.).

Инициатива Н. И. Репникова была поддержана ИРАО и его председателем великим князем Константином Константиновичем, который «милостиво пожаловал из личных средств 250 рублей на расходы по исследованию церкви Св. Климента с тем, чтобы результаты этого исследования были Вами (Н. И. Репниковым. — Авт.) сообщены Императорскому Русскому Археологическому Обществу» (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ед. хр. 1890. Л. 1об.).

Раскопки фундамента церкви Св. Климента, проходившие параллельно с работами на Земляном городище, проводились в течение двух летних полевых сезонов 1912 и 1913 гг. Помимо Н. И. Репникова в них принимали участие: надсмотрщик С. П. Петренко (о нем см.: Медведева, 2021); фотографы ЭО РМ В. М. Машечкин⁴ и А. А. Гречкин⁵;

⁴ О нем см.: Собиратели РЭМ: Машечкин Василий Михайлович // URL: <https://ethnomuseum.ru/collections/collectors/mashechkin-vasilij-mihajlovich/> (дата обращения: 25.11.2025).

⁵ О нем см.: Собиратели РЭМ: Гречкин Александр Александрович // URL: <https://ethnomuseum.ru/collections/collectors/grechkin-aleksandr-aleksandrovich/> (дата обращения: 25.11.2025).

А. П. Лебедянская, которая в 1912 г. являлась распорядительницей экскурсии от Женского педагогического института⁶, а в 1913 г. по заданию ОРСА ИРАО собирала обломки росписи храма (о ней см.: *Груздева*, 2008; 2009; 2010), согласно методическим указаниям археолога-архитектора К. К. Романова (1882–1942) (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ед. хр. 899. Л. 35–36; о нем см.: *Медведева*, 2022). Обмерами и графической фиксацией занимались студенты-архитекторы Института гражданских инженеров С. М. Сулин — в 1912 г., И. Э. Свидзинский — в 1913 г. (*Королькова*, 2024. С. 17–19).

Обработка полученных в ходе раскопок материалов затянулась и не была завершена Н. И. Репниковым по ряду разных причин⁷: только в 1948 г. В. И. Равдоникас, Г. П. Гроздилов и П. Н. Третьяков подготовили сборник, посвященный описанию и анализу работ Н. И. Репникова в Старой Ладоге в начале XX в. (*Старая Ладога*, 1948). Представленные в нем иллюстрации значительно переработаны для публикации и не отражают объем и содержание полевой документации⁸. Гораздо больше информации содержат сохранившиеся архивные материалы раскопок Н. И. Репникова, однако их использование в качестве основы для археологических реконструкций сопряжено с рядом трудностей. В частности, прояснения требуют вопросы времени исполнения чертежей,

их авторства; отдельного внимания заслуживает судьба этих материалов.

В научном архиве ИИМК РАН отложился комплекс чертежей, связанных с раскопками церкви Св. Климента 1912–1913 гг. Поступление документов в архив и их регистрация в инвентарной книге чертежохранилища ГАИМК / Разряда крупноформатных чертежей ЛОИА АН СССР⁹ относятся к периоду с 1934 по 1983 г. С момента первого поступления прошло уже почти сто лет, в течение которых централизованные правила архивного хранения постоянно совершенствовались, и архивные сотрудники, следуя новым указаниям, неоднократно меняли учетную нумерацию и место хранения чертежей (табл.). Неоднократная перешифровка документов осложняет работу с ними: в настоящее время архивные дела составлены по тематическому принципу (церковь Св. Климента и Земляное городище) без учета последовательности, цели создания и информативного потенциала конкретных чертежей.

Следует также пояснить расположение чертежей на рисунках. Авторы поставили перед собой задачу полного воспроизведения комплекса архивной графической документации, относящейся к раскопкам церкви Св. Климента. Представленные изображения чертежей (рис. 1–7) необходимы для объективации описанных признаков их группировки, как то: материал носителя, характер почерка, особенности расположения объектов на листе. Классификация графической документации — выделение четырех групп — в результате анализа самих изображений несколько отличалась от их группировки по учетной документации НА ИИМК РАН. Для объяснения и доказательства принадлежности чертежей конкретной группе в нескольких случаях мы посчитали нужным разместить на одном рисунке чертежи разного времени создания, на которых зафиксированы одни и те же архитектурные объекты. Поскольку большая часть копий чертежей (на восковой бумаге и кальке) содержит несколько изображений (разрезы фасадов, архитектурные детали), нами было решено представить их во фрагментах, сгруппировав на рисунках с соответствующими иллюстративными прототипами, поэтому 28 чертежам соответствует 31 позиция

⁶ Высшее учебное заведение Санкт-Петербурга – Петрограда (1903–1918), цель которого состояла в подготовке преподавательниц для женских учебных заведений; директором Института долгое время являлся С. Ф. Платонов (1903–1916) (подробнее см.: *Груздева*, 2009).

⁷ В связи с начавшейся на следующий год Первой мировой войной Н. И. Репников был призван в армию, впоследствии находился в тяжелом финансовом положении, будучи единственным кормильцем семьи. Сыграло свою роль и прекратившееся сотрудничество Н. И. Репникова с ЭО РМ, который был заинтересован в публикации материалов: тема старолadoжской археологии несколько раз фигурировала в делопроизводственных документах ЭО РМ в связи с желанием Н. И. Репникова обработать и опубликовать материал, полученный в ходе исследований 1909–1913 гг.

⁸ Натурные обмеры и фиксация архитектурно-археологических объектов в 1911–1913 гг. производились при помощи обносок и причалок (общее описание методики работ: *Покрышкин*, 1905). Единицами измерения являлись сажени и сотки сажений: 1 сажень = 7 английских футов = 2,1336 м; 1 сотка сажени = 1/100 сажени = 2,1336 см (*Васильев*, 2025б. С. 143, примеч. 6).

⁹ В структуре РАИМК отдел книг, карт, чертежей и рисунков относился к ведению библиотеки. Позже чертежи вместе с крупноформатными иллюстративными материалами вошли в состав архива учреждения и составили собрание графической документации (разряд I).

на рисунках 1–7 (два чертежа (НА ИИМК РАН. РО. Р-І. Оп. 1. Д. 123. Л. 8, 23) разделены на несколько фрагментов). Путем визуального сличения оригинальных чертежей со снятыми с них копиями читатель имеет возможность проверить обоснованность выводов авторов публикации.

Поступление чертежей в архив ГАИМК / ЛОИА АН СССР

Первичное выделение четырех групп чертежей основано на изучении учетно-справочных документов НА ИИМК РАН. Чертежи к археологическим работам в Старой Ладого 1912–1913 гг. поступили в архив в виде самостоятельных комплексов в четыре приема, о чем свидетельствуют последовательно идущие инвентарные номера, присвоенные им при первой регистрации (табл.).

Группа 1. Первое поступление чертежей в архив ГАИМК состоялось 25 февраля 1934 г. Н. И. Репников передал 11 чертежей согласно составленной им «перечневой передаточной описи» (НА ИИМК РАН. РО. Р-І. Дело фонда. Л. 10–10об.). Эти чертежи были зарегистрированы в инвентарной книге чертежохранилища ГАИМК под номерами 815–826. Уже на этапе учета материалов в инвентарной книге чертежохранилища ГАИМК авторский порядок их расположения был изменен. По «перечневой передаточной описи» Н. И. Репникова под номерами 1–5 были перечислены чертежи, относящиеся к Земляному городищу, а под номерами 6–11 — к церкви Св. Климента (Там же). В инвентарной книге вначале зарегистрированы чертежи храма (№ 815–821; НА ИИМК РАН. РО. Р-І. Оп. 1. Д. 123. Л. 1–7).

12 листов¹⁰ чертежей составили одно архивное дело 123, из которого впоследствии были выделены и перенесены в дело 1333 материалы, относящиеся к раскопкам Земляного городища (Там же. Оп. 1. Д. 1333. Л. 15–19)¹¹. Все листы первой

¹⁰ Чертеж «продольный разрез по линии А–Б» не фигурировал в описи Н. И. Репникова; он был учтен позже, уже на этапе регистрации материалов под № 815. В общей сложности в инвентарной книге числилось 12 чертежей, из которых семь относились к церкви Св. Климента (НА ИИМК РАН. РО. Р-І. Оп. 1. Д. 123. Л. 1–7; Дело фонда. Л. 10–10об.).

¹¹ Расформирование дела 123 относится, вероятно, ко времени после 1982–1983 гг., когда из сектора славяно-финской археологии (ССФА) в архив ЛОИА АН СССР поступил большой массив чертежей по раскопкам Земляного городища. По крайней мере, в июне 1963 г. при составлении описи графической докумен-

труппы (Там же. Д. 123. Л. 1–7) представлены чистовыми материалами (перебеленными чертежами) к раскопкам 1912–1913 гг., частично опубликованы в посмертном издании Н. И. Репникова¹² (Там же. Д. 123. Л. 4–6; ср.: Старая Ладога, 1948. Приложения 6–8).

Группа 2. О времени поступления и дате создания следующей группы материалов точно неизвестно (Там же. Д. 123. Л. 8–21). 14 листов чертежей были зарегистрированы в инвентарной книге под одним номером 6339. Изначально они были внесены в дело 123 под номерами 13–26, однако впоследствии, когда из дела были вынесены листы, относящиеся к Земляному городищу (см. примеч. 11), их нумерация изменилась на номера 8–21 (табл. группа 2). Все документы этой серии, за исключением одного (Там же. Д. 123. Л. 20; отнесен к группе 4, см. далее), представлены копиями, снятыми с оригинальных чертежей раскопок церкви Св. Климента. Копии выполнены карандашом на воощенной бумаге (Там же. Д. 123. Л. 8–19, 21).

Группа 3. Еще четыре документа были зарегистрированы в инвентарной книге под номерами 6556–6559 и внесены в дело 123 как листы 27–30. С измененной впоследствии нумерацией они хранятся в том же архивном деле (Там же. Д. 123. Л. 22–24, 27). Данный блок чертежей представляет собой копии на кальке¹³, на которых изображены план и разрезы фасадов церкви Св. Климента.

тации к раскопкам в Старой Ладого Г. Ф. Корзухина указывала на 12 листов в составе Д. 123, что соответствует записи в инвентарной книге чертежохранилища ГАИМК под № 815–826 (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 51. Л. 9об.).

¹² Примечательно, что в том же 1934 г., когда Н. И. Репников передал в архив чертежи к своим раскопкам, Б. А. Койшевский вел разработку вещевой коллекции из раскопок Земляного городища (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1934. Д. 241). Хронологическая корреляция этих фактов позволяет предположить, что именно к этому времени относится интенсивный этап работы Н. И. Репникова над монографией по Старой Ладого.

¹³ В описи чертежей в качестве материала указана «восковка», что не соответствует действительности. Чертежи исполнены на копировальной полупрозрачной бумаге, в то время как воощенная бумага имеет большую плотность, матовую поверхность, специфический желтый оттенок; отличительной чертой восковой бумаги является то, что она не мнется, а ломается. Упомянутые листы (НА ИИМК РАН. РО. Ф. Р-І. Оп. 1. Д. 123. Л. 22–24, 27) сильно измяты.

Группа 4. Последние три документа происходят из самого крупного и наиболее позднего поступления в архив графических материалов к работам Н. И. Репникова. В 1982–1983 гг. из сектора славяно-финской археологии ЛОИА АН СССР были переданы чертежи «планов и разрезов раскопок Старой Ладogi Н. И. Репниковым в 1911–1913 гг.». Информация об этом содержится в учетных документах личного рукописного фонда Н. И. Репникова¹⁴. Чертежи передавались 4 февраля 1982 г. сотрудником ССФА В. М. Горюновой заведующей рукописным архивом Р. В. Васильевой. На момент подписания акта приема-передачи семь листов находилось на реставрации в Государственном Эрмитаже, откуда они были возвращены 16 июня 1983 г. и присоединены к коллекции. Общее количество материалов по передаточной описи в итоге составило 28 номеров (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 10. Дело фонда. Л. 26–26об.). На этапе приема и регистрации документов в архиве один лист был выделен сотрудниками архива к уничтожению как не подлежащий хранению в соответствии с существующими архивными правилами¹⁵. Кроме того, в настоящее время неизвестна судьба материалов С. М. Сулина к раскопкам 1912 г., которые значились в сдаточной описи под номерами 25–26, но сейчас в документации архива не числятся¹⁶. Таким образом, из 28 упомянутых в передаточной описи номеров реально в архив поступило 24 листа чертежей.

¹⁴ В деле личного фонда Н. И. Репникова хранятся три экземпляра описей материалов раскопок в Старой Ладoge, которые датируются 1982–1983 гг. и содержат как информацию о первичном составе документов (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 10. Дело фонда. Л. 27, 28–30), так и данные о реставрации отдельных чертежей (Там же. Л. 26–26об.).

¹⁵ В описи чертежей в примечании к заголовку «Незаконченный план» значится: «уничтожен как не предст[авляющий] научной ценности и плохого техн[ического] состояния (почти стертый карандаш)» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 10. Дело фонда. Л. 28).

¹⁶ Материалы, описанные как «25. черновые обмеры студента С. М. Сулина» и «26. обмеры деревянных построек, открытых при раскопках Ст[арой] Ладogi в 1912 г. студента С. Сулина», хранились в двух пакетах.

Они были зарегистрированы в инвентарной книге в начале 2000-х гг. вместе с другими чертежами Старой Ладogi начала XX в. (всего 38 ед. хр., инв. № 10831–10868). Происхождение дополнительных листов остается пока неизвестным. Два чертежа из этого поступления вошли в архивную коллекцию графических документов к раскопкам церкви Св. Климента (НА ИИМК РАН. РО. Р-1. Оп. 1. Д. 123. Л. 25, 26). Из остальных чертежей было сформировано архивное дело к раскопкам Н. И. Репникова на Земляном городище (Там же. Д. 1333. Л. 1–14, 20–35, 37–41). Туда же ошибочно попал один лист, относящийся к раскопкам храма (Там же. Д. 1333. Л. 36). Его также следует включить в рассматриваемую группу чертежей (табл., группа 4).

Таким образом, в 1982 г. в архив ЛО ИА АН СССР поступило три чертежа к раскопкам храма Св. Климента 1912–1913 гг. Один из них — чертеж западного (внешнего) фасада стены нартекса, выполненный карандашом на листе вержированной бумаги с прорисовкой архитектурной сетки¹⁷ и указанием промеров деталей (Там же. Д. 123. Л. 25). Второй — отрисованный на листе ватмана тушью чистовой план расположения раскопов, имеет черты незаконченности в оформлении: размещение заголовков только намечено карандашом, черновые пометы стерты лишь частично (Там же. Д. 123. Л. 26). На третьем листе представлен черновой план расположения ориентировочных колец обноски западной части раскопа храма в 1912 г.; чертеж нанесен на лист простой бумаги карандашом (Там же. Д. 1333. Л. 36).

В результате первичного анализа материалов стало понятно, что архивная коллекция чертежей к раскопкам храма Св. Климента 1912–1913 гг. сформировалась путем слияния четырех разных групп документов, поступление которых растянулось на полстолетия и происходило в несколько хронологических этапов. 28 чертежей, доступных в настоящее время для исследования, были изготовлены в разное время в ходе выполнения конкретных научно-практических задач.

¹⁷ Прямоугольные в плане сектора, образуемые линиями обносок.

Таблица. Сводная таблица чертежей раскопок Н. И. Репниковым в 1912–1913 гг. церкви Св. Климента в Старой Ладоге из собрания РО НА ИИМК РАН. Цветовые обозначения групп документов: группа 1; группа 2; группа 3; группа 4

Table. Summary table of drawings of N. I. Repnikov's 1912–1913 excavations of St. Clement's Church in Staraya Ladoga from the collection of the Scientific Archive of the IHMC RAS. Color indication of document groups: group 1; group 2; group 3; group 4

Дата*	Поступление	Источник	Инв. №	Шифр, Р-1. Оп. 1.		Инв. №	Описание чертежа	Носитель, техника исполнения	Автор документа	Размер, см	Масштаб, сог. саж.	Позиция на рис. 1–7			
				Первонач.	Соврем.										
25.02.1934	От Н. И. Репникова		815	Л. 1	Л. 1		Продольный разрез остатков церкви по линии А–Б	Ватман, тушь	С. Ф. Стржелецкий	79,5×20	1:50	4			
							Л. 2	Л. 2		Поперечные разрезы по линиям В–Г, Д–Е	Ватман, тушь	С. Ф. Стржелецкий	57,5×37	1:50	5
							Л. 3	Л. 3		Дополнительные разрезы пола по линиям З–И, К–Л	Ватман, тушь	С. Ф. Стржелецкий	33×16,5	1:25	7
							Л. 4	Л. 4		Сводный план остатков церкви по результатам работ 1912–1913 гг.	Ватман, тушь	С. Ф. Стржелецкий	79,5×45,5	1:50	1
							Л. 5	Л. 5		Сводный чертеж разрезов фасадов южной стены, притвора и нартекса	Ватман, тушь	С. Ф. Стржелецкий	96×65	1:50	9
							Л. 6	Л. 6		План деревянных конструкций близ юго-западного угла церкви	Ватман, тушь	С. Ф. Стржелецкий	57,5×37	1:50; 1:25	8
							Л. 7	Л. 7		Планы и разрезы крышки и днища деревянного гроба (гроб № 1) из траншеи перед западной стеной церкви	Ватман, тушь	С. Ф. Стржелецкий	24,5×17,5	1:25	6
							Л. 8	Л. 8		Разрезы северного и южного фасадов южной стены, южного пилона; план горизонтальных сечений южной стены и южного пилона. Копия	Вошенная бумага, карандаш	[К. К. Романов?]	48×34,5	1:50	11, 15
							Л. 9	Л. 9		Разрезы: восточного фасада западной стены, восточного фасада стены нартекса, пола нартекса и пола между стеной нартекса и пилонами. Копия	Вошенная бумага, карандаш	[К. К. Романов?]	50,5×38,5	1:50	19
							Л. 10	Л. 10		Разрез западного фасада стены нартекса. Копия	Вошенная бумага, карандаш	[К. К. Романов?]	50,5×39,5	1:50	10
							Л. 11	Л. 11		Схема расположения разрезов остатков церкви. Копия	Вошенная бумага, карандаш	[К. К. Романов?]	48×27	1:50	21
							Л. 12	Л. 12		План и западный фасад западной стены. Копия	Вошенная бумага, карандаш	[К. К. Романов?]	50,5×33,5	1:50	16
							Л. 13	Л. 13		Планы сохранившихся каменных плит полов в нартексе и между стеной нартекса и пилонами. Копия	Вошенная бумага, карандаш	[К. К. Романов?]	39,5×20,5	1:50	22
							Л. 14	Л. 14		План и разрезы крышки и днища деревянного гроба (гроб № 1) из траншеи перед западной стеной церкви. Копия	Вошенная бумага, карандаш	[К. К. Романов?]	33,5×26,5	01:11,7	23

Таблица, окончание

Дата*	Поступление	Инв. №	Шифр, Р-1, Оп. 1.		Описание чертежа	Носитель, техника исполнения	Автор документа	Размер, см	Масштаб, сот. саж.	Позиция на рис. 1-7	
			Первонач.	Соврем.							
Неизвестно	Неизвестно	6339. Л. 8	Л. 20	Л. 15	План сечений стен юго-западного угла церкви. Копия	Вошенная бумага, карандаш	[К. К. Романов?]	34,5×26,5	1:50	25	
			Л. 22	Л. 16							Разрезы северного пилона и разрезы церкви по центральной оси. Копия
		6339. Л. 9	Л. 21	Л. 17	Л. 17	Разрез по продольной оси, дополнительные разрезы по двери; схематичные разрезы, разрезы деталей и наброски. Копия	Вошенная бумага, карандаш	[К. К. Романов?]	46×31	1:50	28
		6339. Л. 10	Л. 24	Л. 19	Л. 19	План остатков церкви по результатам работ 1912 г. Копия	Вошенная бумага, карандаш	[К. К. Романов?]	72×48	1:50	2
		6339. Л. 11	Л. 26	Л. 14	Л. 21	Разрезы: по А-В и по главной линии через апсиду. Копия	Вошенная бумага, карандаш	[К. К. Романов?]	29×22,5	1:50	27
		6339. Л. 12	Л. 28	Л. 13	Л. 23	Разрезы: западного фасада западной стены, южного фасада южной стены, западного фасада стены нартекса. Копия	Калька, карандаш	[С. Ф. Стржелецкий?]	67,5×53	1:50	3
		6339. Л. 13	Л. 30	Л. 14	Л. 27	Разрез западного фасада стены нартекса	Калька, карандаш	[С. Ф. Стржелецкий?]	46×37	1:50	20
		6339. Л. 14	Л. 36	Л. 13	Л. 27	Разрез северного фасада южной стены церкви. Копия	Калька, карандаш	[С. Ф. Стржелецкий?]	29,5×14	1:50	14
1982	Из ССФА	10867	Л. 25	Разрез западного фасада стены нартекса	Ватман, карандаш	[С. А. Карцев?]	47×31,5	1:50	12		
										Л. 26	Л. 26
1982	Из ССФА	10861	Д. 1333. Л. 36	План обноски раскопа 1912 г. западной части церкви. Черновик	Бумага, карандаш	[С. А. Карцев?]	45×35	1:50	30		
										Л. 27	Л. 27

* Согласно учетной документации.

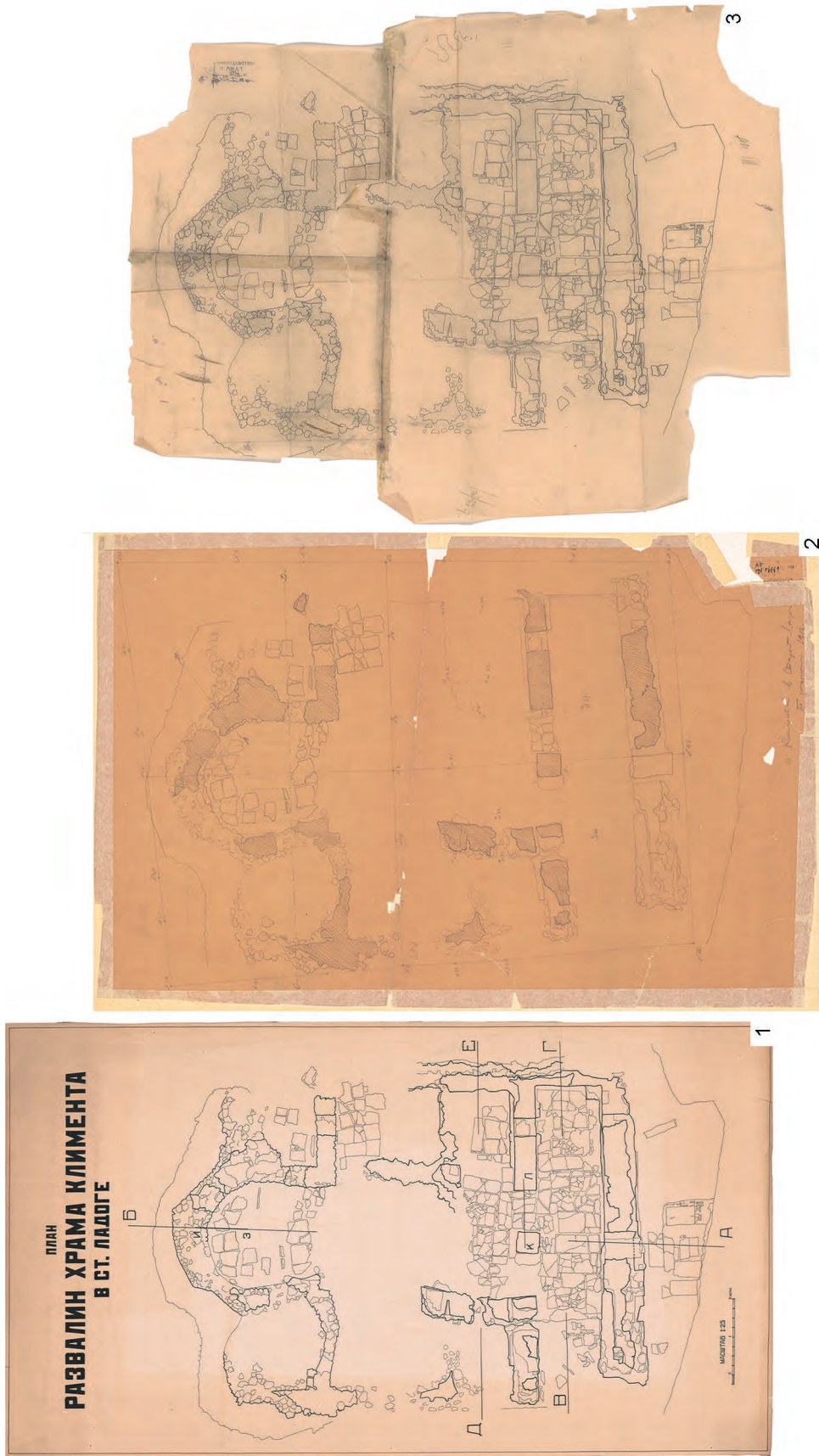
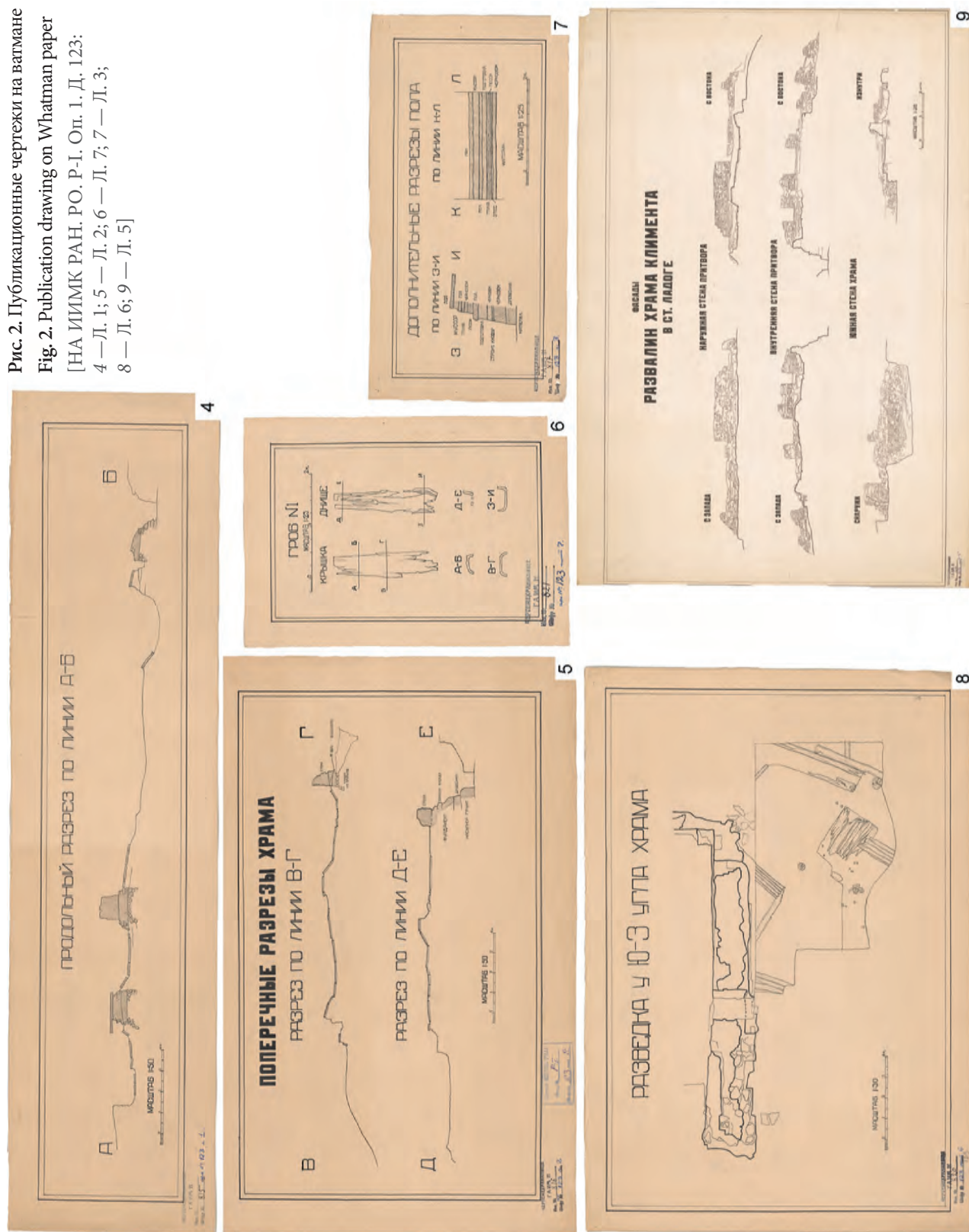

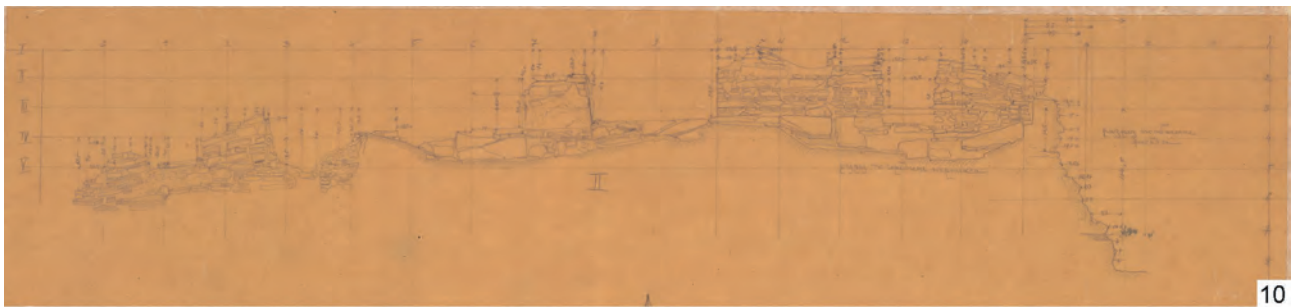
Рис. 1. План церкви Св. Климента: 1 — по результатам работ 1912–1913 гг.: публикационный чертеж на ватмане; 2 — по результатам работ 1912 г.: копия на воощеной бумаге; 3 — по результатам работ 1912–1913 гг.: публикационный чертеж на ватмане; 2 — по результатам работ 1912 г.: копия на кальке

Fig. 1. Plan of St. Clement's Church: 1 — on the results of works in 1912–1913: publication drawing on Whatman paper; 2 — on the results of works in 1912: copy on waxed paper; 3 — on the results of works in 1912–1913: copy on vellum

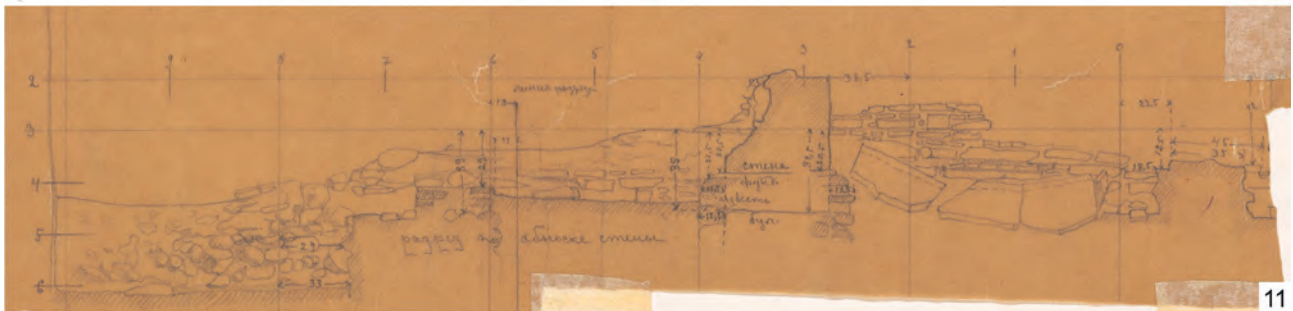
[НА ИИМК РАН. РО. Р-1. Оп. 1. Д. 123: 1 — Л. 4; 2 — Л. 19; 3 — Л. 22]

Рис. 2. Публикационные чертежи на ватмане
Fig. 2. Publication drawing on Whatman paper
[НА ИИМК РАН. РО. Р-1. Оп. 1. Д. 123;
4 — Л. 1; 5 — Л. 2; 6 — Л. 7; 7 — Л. 3;
8 — Л. 6; 9 — Л. 5]

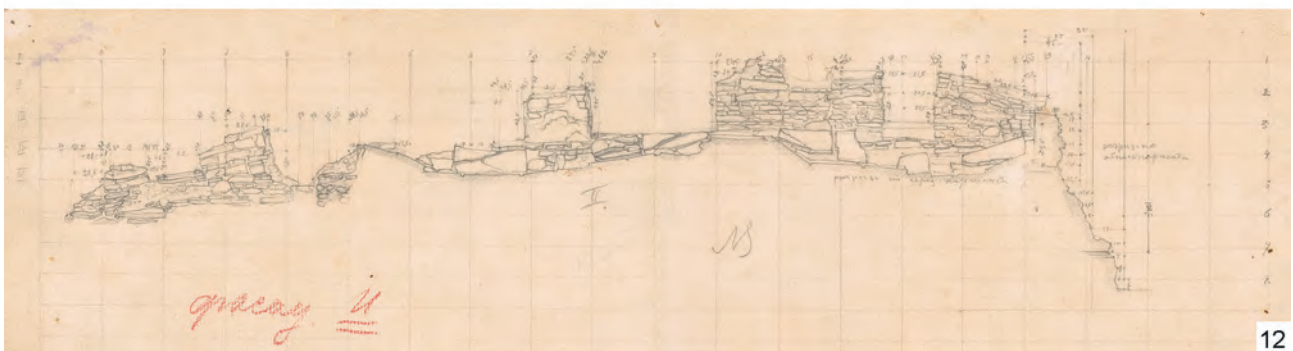

10

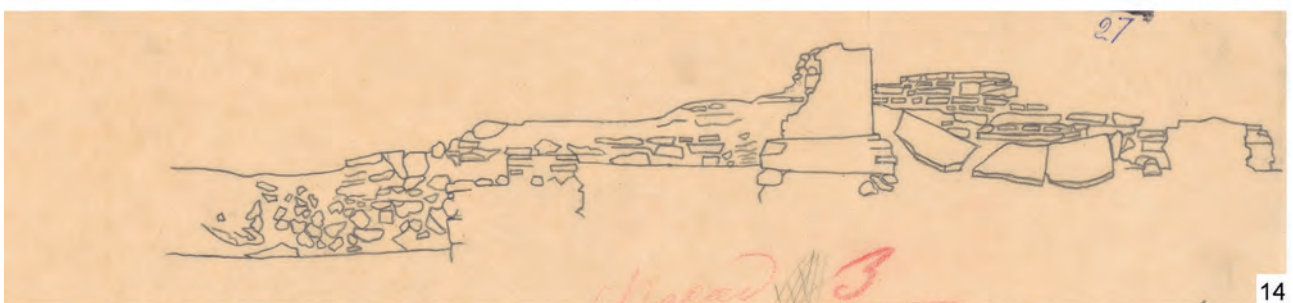
11

12

13

14

Рис. 3. Разрезы западного фасада стены нартекса (10, 12, 13) и северного фасада южной стены (11, 14) церкви Св. Климента
 Fig. 3. Sections of the western facade of the narthex wall (10, 12, 13) and the northern facade of the southern wall (11, 14) Church
 [НА ИИМК РАН. РО. Р-I. Оп. 1. Д. 123: 10 — Л. 10, фрагмент; 11 — Л. 8, фрагмент; 12 — Л. 25; 13 — Л. 23, фрагмент; 14 — Л. 27, фрагмент]

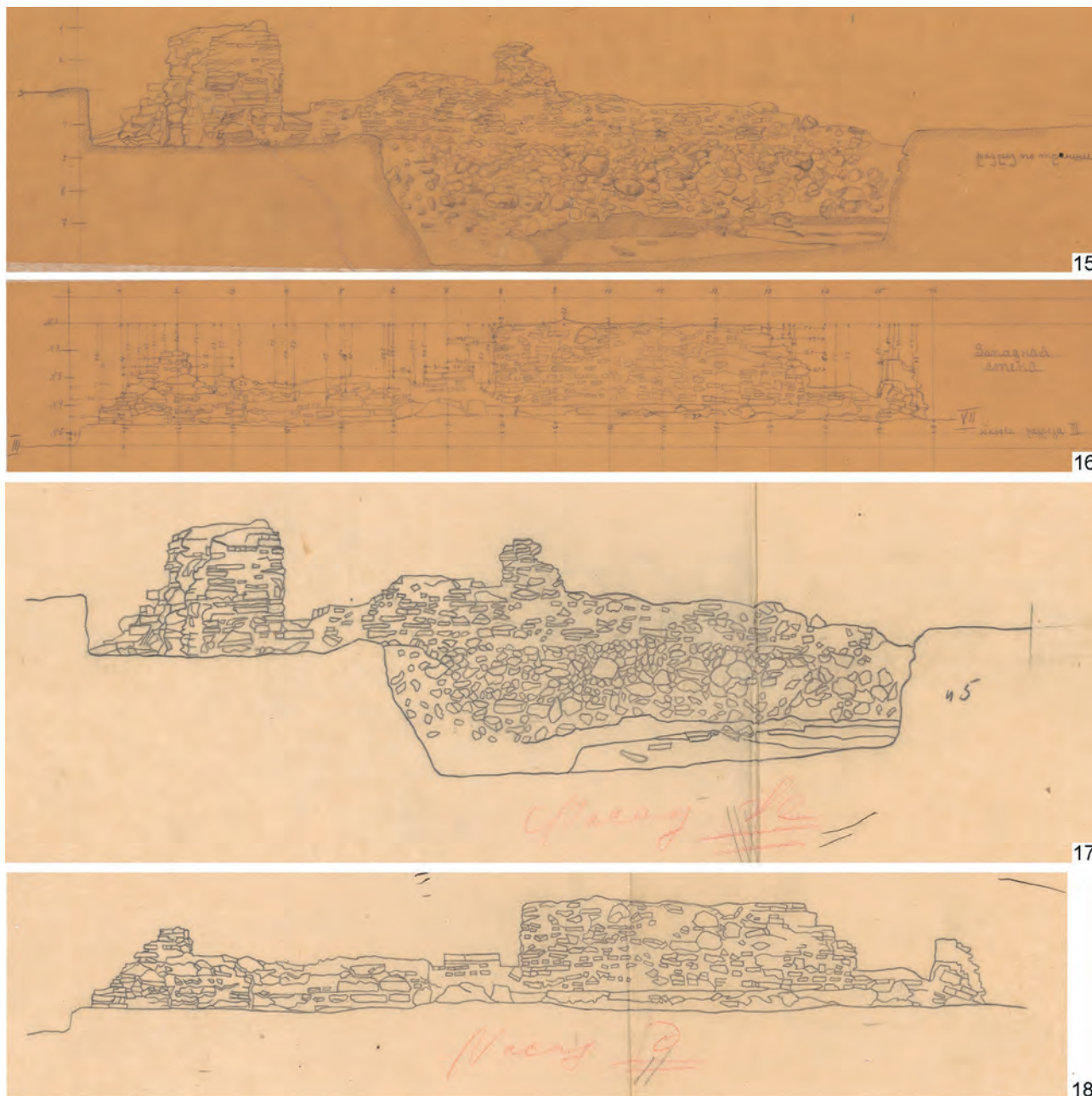

Рис. 4. Разрезы южного фасада южной стены (15, 17) и западного фасада западной стены (16, 18) церкви Св. Климента

Fig. 4. Sections of the southern facade of the southern wall of the southern wall (15, 17) and the western facade of the western wall (16, 18) of St. Clement's Church

[НА ИИМК РАН. РО. Р-1. Оп. 1. Д. 123: 15 — Л. 8, фрагмент; 16 — Л. 12, фрагмент; 17 — Л. 23, фрагмент; 18 — Л. 23, фрагмент]

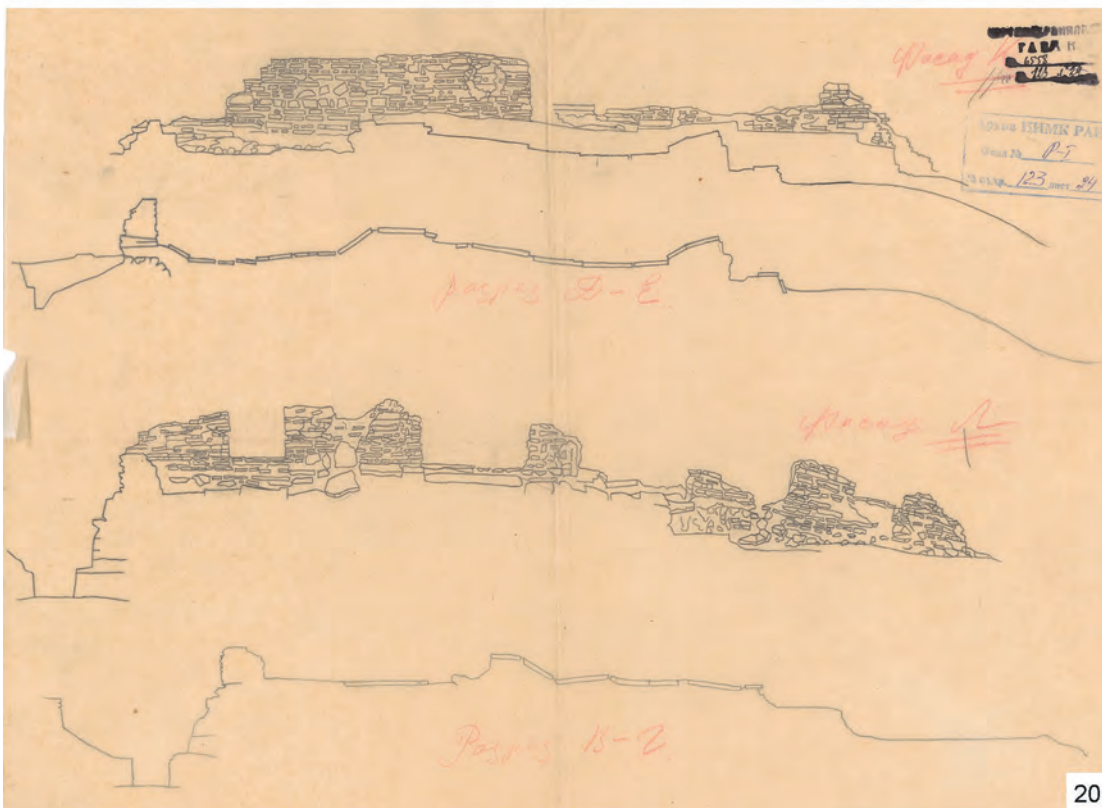
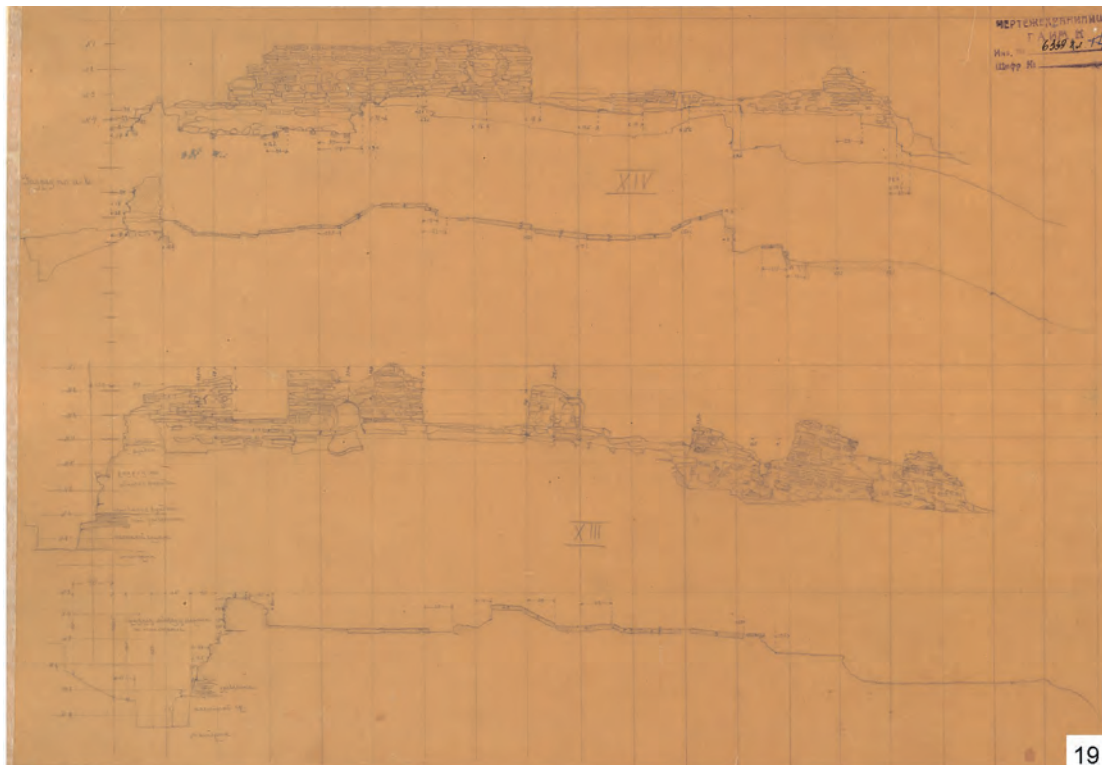

Рис. 5. Фасады стен и разрезы полов церкви Св. Климента. Копии чертежей на воощеной бумаге (19) и кальке (20)
 Fig. 5. Facades of the walls and sections of the floors of St. Clement's Church. Drawings' copies on wax paper (19) and vellum (20)

[НА ИИМК РАН. РО. Р-1. Оп. 1. Д. 123: 19 — Л. 9; 20 — Л. 24]

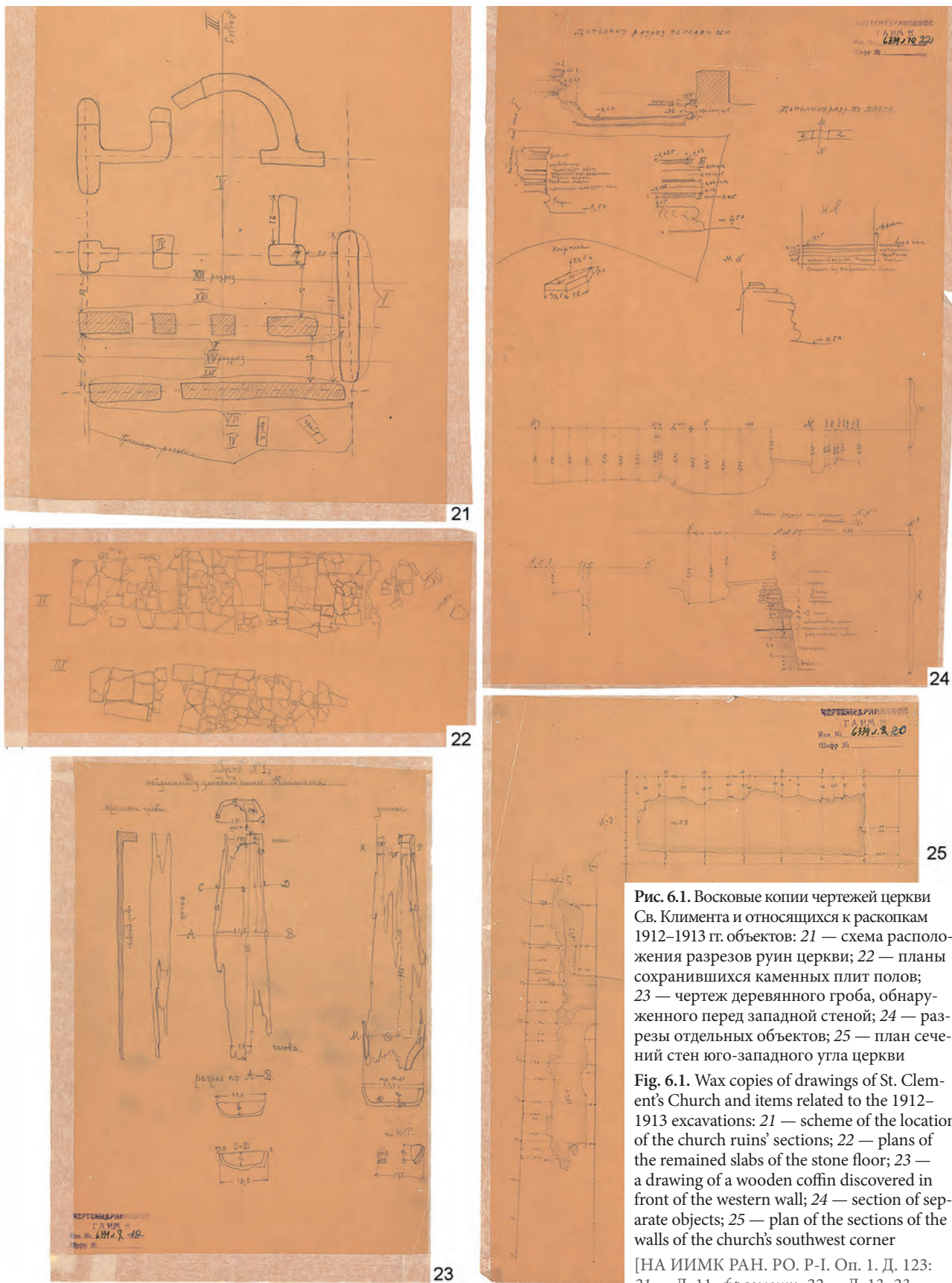

Рис. 6.1. Восковые копии чертежей церкви Св. Климента и относящихся к раскопкам 1912–1913 гг. объектов: 21 — схема расположения разрезов руин церкви; 22 — планы сохранившихся каменных плит полов; 23 — чертёж деревянного гроба, обнаруженного перед западной стеной; 24 — разрезы отдельных объектов; 25 — план сечений стен юго-западного угла церкви

Fig. 6.1. Wax copies of drawings of St. Clement's Church and items related to the 1912–1913 excavations: 21 — scheme of the location of the church ruins' sections; 22 — plans of the remained slabs of the stone floor; 23 — a drawing of a wooden coffin discovered in front of the western wall; 24 — section of separate objects; 25 — plan of the sections of the walls of the church's southwest corner

[НА ИИМК РАН. РО. Р-1. Оп. 1. Д. 123: 21 — Л. 11, фрагмент; 22 — Л. 13; 23 — Л. 14; 24 — Л. 16; 25 — Л. 15]

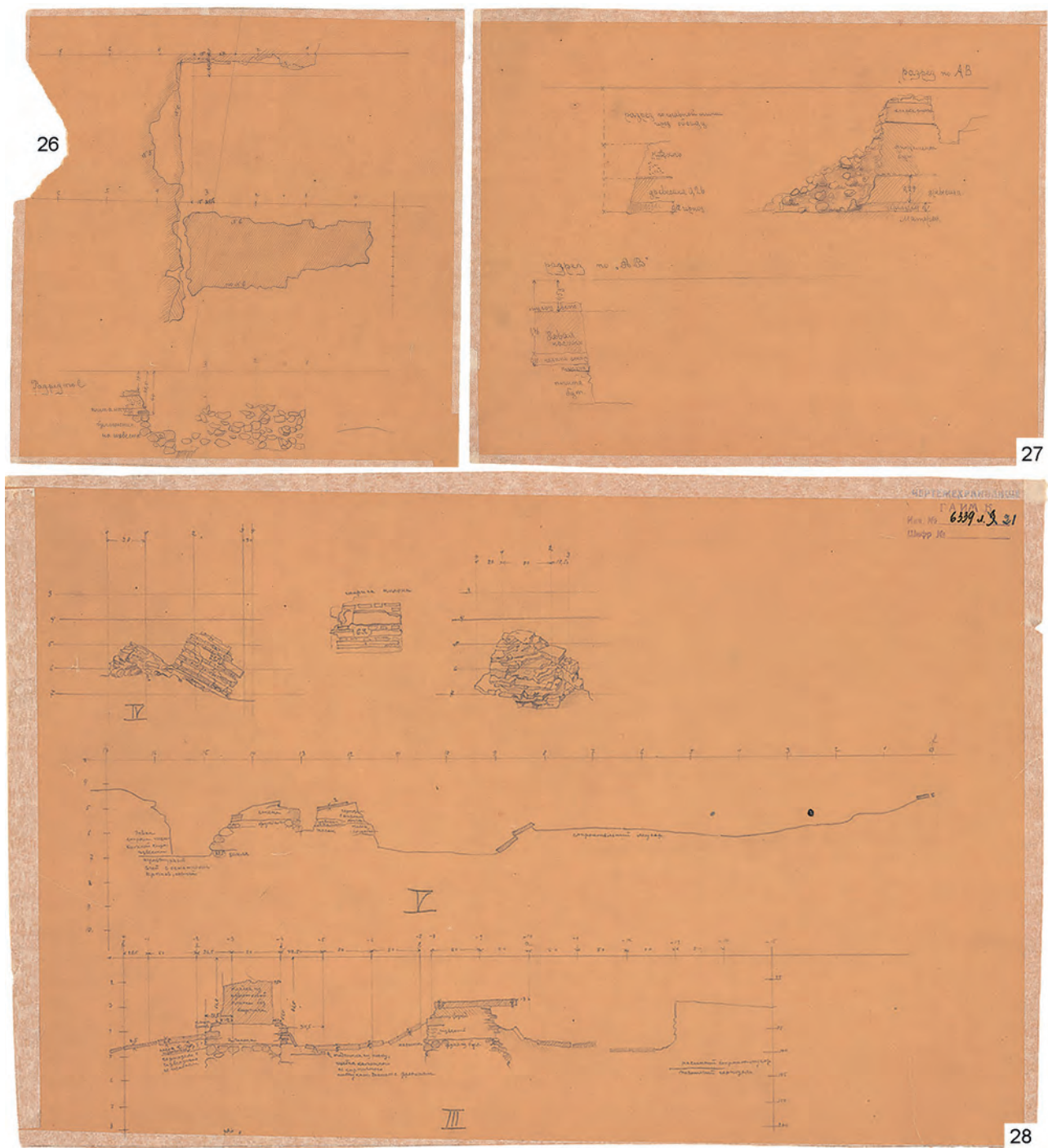

Рис. 6.2. Восковые копии чертежей церкви Св. Климента и относящихся к раскопкам 1912–1913 гг. объектов: 26 — план горизонтальных сечений и разрез по линии С; 27 — разрезы по А–В и по главной линии через апсиду; 28 — разрезы северного пилона и разрезы церкви по центральной оси

Fig. 6.2. Wax copies of drawings of St. Clement's Church and items related to the 1912–1913 excavations of objects: 26 — horizontal sections' plan and section along line C; 27 — sections along A–B and along the principal line through the apse; 28 — sections of the northern pylon and sections of the church along the central axis

[НА ИИМК РАН. РО. Р-1. Оп. 1. Д. 123; 26 — Л. 18; 27 — Л. 21; 28 — Л. 17]

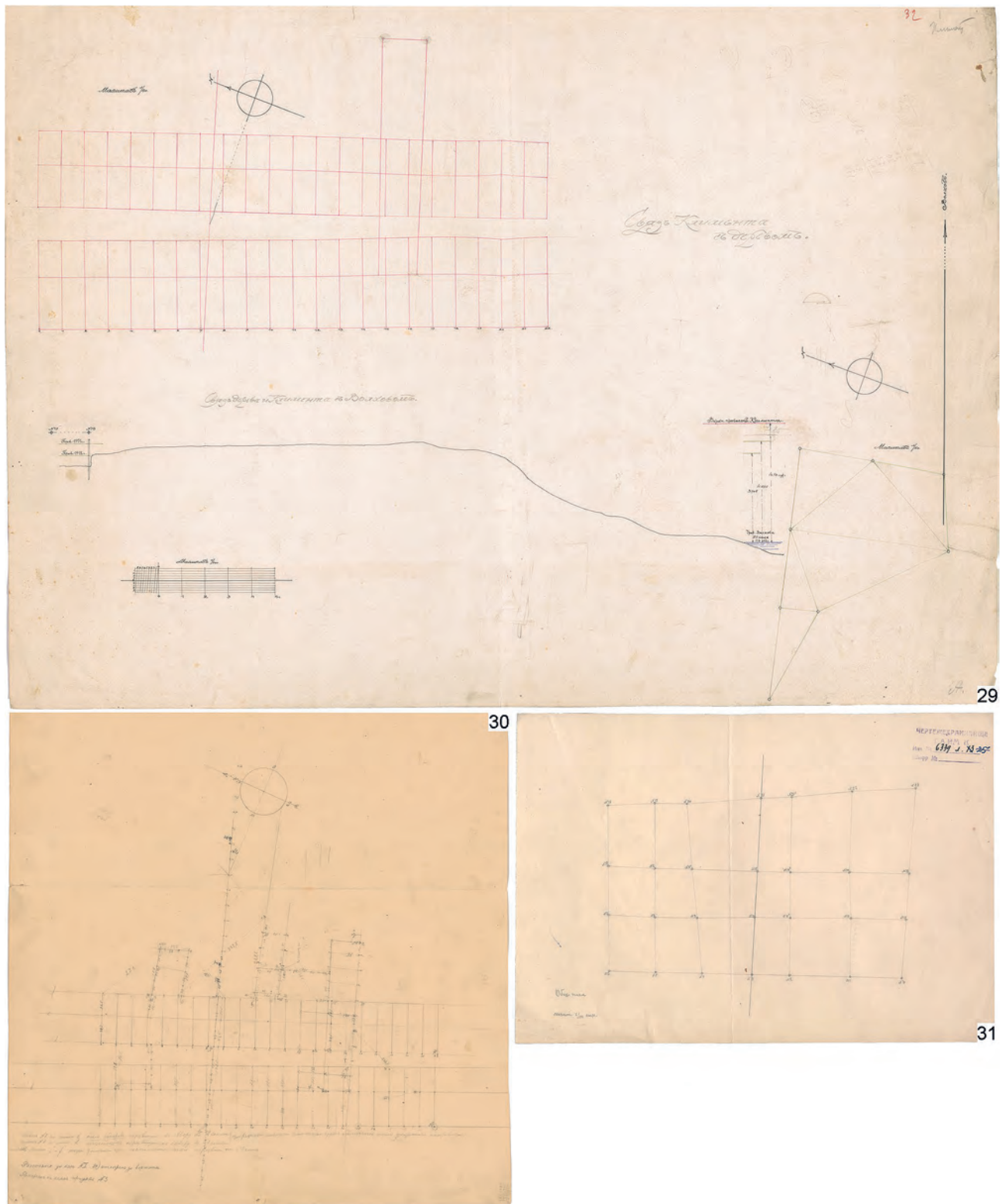

Рис. 7. Дореволюционные чертежи: 29 — план расположения раскопов 1912 г.; 30 — план западной обноски церкви Св. Климента неопределенного времени создания; 31 — план восточной обноски церкви

Fig. 7. Pre-1917 drawings: 29 — plan of the 1912 excavations; 30 — plan of the western batter board of St. Clement's Church, indefinite date of construction; 31 — plan of the eastern batter board of the church

[НА ИИМК РАН. РО. Р-І. Оп. 1: 29 — Д. 123. Л. 26; 30 — Д. 1333. Л. 36; 31 — Д. 123. Л. 20]

Хронология изготовления чертежей и установление авторства

Выделенные на основе архивной учетной документации группы чертежей согласно времени их поступления в архив в целом соответствуют их классификации по другим признакам: внешнему оформлению и характеру фиксации памятника. Документы внутри каждой группы объединяет сходство манеры изготовления и использование автором определенного типа материалов и письменных принадлежностей. Между собой группы чертежей отличаются техническими приемами исполнения и материалами (карандашом на вошеной бумаге, карандашом/тушью на копировальной бумаге, тушью на ватмане и пр.), что дает основание рассматривать каждое из четырех архивных поступлений как изолированную группу документов со своей историей создания и бытования. Исключение представляет один лист, поступивший в составе документов группы 2 (Там же. Д. 123. Л. 20). На нем изображен карандашный план восточной обноски церкви Св. Климента 1913 г. Время создания чертежа не поддается точному определению: отсутствуют слова, по которым можно охарактеризовать нормы правописания и особенности почерка. По совокупности таких косвенных признаков, как материал носителя (простая бумага в отличие от вошеной, характерной для остальных документов группы 2), единицы измерения (сажени) и масштаб (1:100, встреченный только на одном оригинальном чертеже; ср.: Д. 123. Л. 26), документ может быть датирован дореформенным периодом (до 1917–1918 гг.). Мы отнесли его к чертежам группы 4 оригинальных чертежей (табл.).

Поскольку чертежи церкви Св. Климента играют ключевую роль при выполнении пространственной привязки раскопок 1911–1913 гг. (Васильев, 2025б. С. 143), необходимо было определить очередность их создания и установить авторов. На начальном этапе в поиске имен чертежников удалось значительно продвинуться благодаря изучению делопроизводственной и отчетной документации ЭО РМ. В 1912 г. обмерами открытых частей храма занимался С. М. Сулин¹⁸; при этом

¹⁸ В документах ЭО РМ упоминаются только его работы по обмерам деревянных построек на Земляном городище. Поскольку в отчетных финансовых документах о содержании каждого из сотрудников экспедиции другие инженеры не названы, следует полагать, что С. М. Сулин являлся единственным чертежником на работах у Н. И. Репникова в 1912 г. Он производил

исполнение чистовых чертежей было возложено на другого архитектора — С. А. Карцева (АРЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 89. Л. 40–40об.), который закончил эти работы к февралю 1914 г. (Там же. Л. 53–53об.). В 1913 г. обмеры производил И. Э. Свидзинский. По завершении раскопок (в мае 1914 г.) он предложил ЭО РМ свои услуги по изготовлению чистовых чертежей¹⁹ (Там же. Л. 73–73об.). Предложение было принято, и в сентябре 1915 г. на заседании совета ЭО РМ К. К. Романов «доложил, что И. Э. Свидзинский доставил в Отдел изготовленные им по заказу Отдела чертежи обмеров раскопок в с. Старой Ладоге в 1913 году» (Там же. Л. 24). Таким образом, из документации ЭО РМ стало очевидно, что в результате работ 1912–1913 гг. сложился комплекс чистовых чертежей за авторством С. А. Карцева (по обмерам С. М. Сулина 1912 г.) и И. Э. Свидзинского (по обмерам И. Э. Свидзинского 1913 г.).

Далее необходимо было соотнести полученные данные с самими чертежами из хранения научного архива ИИМК РАН. На основании сохранившихся на чертежах подписей, сделанных по правилам дореволюционной орфографии, и обозначений промеров архитектурных деталей в старой метрической системе был выделен блок оригинальных чертежей, которые отражают результаты раскопок храма по итогам первого полевого сезона 1912 г. (НА ИИМК РАН. РО. Р-1. Оп. 1. Д. 123. Л. 25, 26; Д. 1333. Л. 36; группа 4). На одном из них, неоконченном чистовом чертеже плана, карандашом намечены эскизы заголовков. Выделяется особое начертание букв «д», «к», «р», «я» с длинными волнообразными или круто загнутыми хвостами (Там же. Д. 123. Л. 26) (рис. 8, 1, 2). Такое написание заголовков (тушью) характерно также для чистовых чертежей по итогам работ на Земляном городище 1912 г. (ср.: Там же. Д. 1333. Л. 13–14, 20–21, 26–28). Скорее всего, отмеченные особенности оформления заголовков чертежей свидетельствуют об авторстве одного человека.

графическую фиксацию и деревянных построек, и архитектурных деталей храма Св. Климента, что также подтверждается протокольными бумагами ОРСА ИРАО, где С. М. Сулин назван автором всех чертежей и обмеров. Аналогичное замечание касается и работ 1913 г., когда И. Э. Свидзинский вел обмеры и деревянных построек, открытых в ходе работ на Земляном городище, и фундаментов церкви Св. Климента.

¹⁹ Оплата услуг по изготовлению чертежей велась из расчета 1 руб./час для И. Э. Свидзинского, и 80 коп./час — для С. А. Карцева.

Рис. 8. 1, 2 — карандашные эскизы к заголовкам на плане расположения раскопов 1912 г.; 3 — собственноручная расписка С. А. Карцева с просьбой об уплате денег за изготовленные им чертежи; 4, 5 — «Таблица кольев», составленная в ходе полевых работ 1912 г., и заголовок на ее обложке; 6 — карандашная помета в правом нижнем углу чертежа с изображением плана церкви Св. Климента; 7 — собственноручная помета К. К. Романова на конверте с подборкой материалов к работе Комиссии ОРСА ИРАО по вопросу о продолжении раскопок церкви в 1913 г.; 8 — карандашная помета под дореволюционным чертежом разреза западного фасада стены нартекса церкви; 9 — карандашная помета в правом верхнем углу чертежа (на копировальной бумаге) с разрезами фасадов церкви

Fig. 8. 1, 2 — pencil sketches for headings on the 1912 excavations' plan; 3 — S. A. Kartsev's handwritten receipt requesting payment for the drawings he had prepared; 4, 5 — the "Table of Stakes" compiled during the 1912 fieldwork and the heading on its cover; 6 — a pencil note in the lower right corner of the drawing depicting the plan of St. Clement's Church; 7 — K. K. Romanov's handwritten note on the envelope containing a selection of materials for the Commission of the Russian and Slavic Archaeology Department of the Emperor's Russian Archaeological Society on the issue of continuing excavations of the church in 1913; 8 — a pencil note under a pre-1917 drawing of a section of the western facade of the church narthex wall; 9 — a pencil note in the upper right corner of the drawing (on carbon paper) with sections of the church facades [НА ИИМК РАН. РО. Р-І. Оп. 1: 1, 2 — Д. 123. Л. 26, фрагменты; 4, 5 — Д. 1333. Л. 26–26об., фрагменты; 6 — Д. 123. Л. 19, фрагмент; 8 — Д. 123. Л. 25, фрагмент; 9 — Д. 123. Л. 23, фрагмент; 7 — Ф. 29. Оп. 1. Д. 458. Л. 1в; 3 — АРЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 497. Л. 68, фрагмент]

*Чертежи группы 4*²⁰. В протокольных бумагах совета ЭО РМ указано, что над изготовлением чистовых чертежей работал гражданский инженер С. А. Карцев. Сличение образца его почерка, зафиксированного в делопроизводственной документации (АРЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 497. Л. 68) (рис. 8, 3), с почерком на чертежах обнаруживает только частичное сходство. Веским доказательством принадлежности С. А. Карцеву «парадного» почерка с изогнутыми хвостами литер является составленная им «Таблица кольев» к раскопкам 1912 г. (НА ИИМК РАН. РО. Р-1. Оп. 1. Д. 1333. Л. 26) (рис. 8, 4, 5). Этот документ, вошедший при регистрации чертежей в коллекцию по Земляному городищу, представляет собой сложенный пополам лист простой бумаги формата А3. На развороте — таблица кольев с указанием их местоположения, диаметра, длины и пр. Текст написан торопливым размашистым почерком, абсолютно тождественным почерку расписки С. А. Карцева²¹ (ср.: рис. 8, 3 и рис. 8, 5). При этом в заголовке обложки таблицы зафиксирован характерный «парадный» почерк с длинными изогнутыми хвостами букв «к», «у», «д» (рис. 8, 4), которые встречены также в заголовках чертежей 1912 г. (рис. 8, 1, 2). С полной уверенностью автором оригинального чертежа к раскопкам церкви Св. Климента (Там же. Д. 123. Л. 26) следует признать С. А. Карцева, почерк которого — с «хвостами» — является маркером для установления как чертежника, так и года раскопок. Ввиду отсутствия названных графологических особенностей в подписях к двум другим дореволюционным чертежам установить их автора можно на основании косвенных свидетельств. Оба чертежа фиксируют состояние остатков здания на момент полевого

сезона 1912 г., когда обмеры производил С. М. Сулин, а оформлением полевой документации в чистовом варианте занимался С. А. Карцев. Скорее всего, черновые материалы относятся к этапу подготовки беловых чертежей и принадлежат С. А. Карцеву.

К работе И. Э. Свидзинского, предположительно, может быть отнесен один чертеж, на котором представлен план обноски храма во время работ 1913 г., когда согласно делопроизводственной документации ЭО РМ обязанности чертежника выполнял И. Э. Свидзинский.

Чертежи группы 2. На время изготовления 13 восковых копий указывают особенности правописания: все подрисовочные подписи²² выполнены в соответствии с правилами новой орфографии, что позволяет определить нижнюю хронологическую границу их создания — после 1917–1918 гг. Дополнительным аргументом является материал изготовления — вошенная бумага низкого качества, которая часто использовалась для копирования в раннесоветское время. Автором этих копий в учетных документах указан архитектор К. К. Романов под знаком вопроса. Г. Ф. Корзухина при составлении перечня чертежей по раскопкам Старой Ладogi уверенно отнесла к работе К. К. Романова одну из восковых копий — изображение деревянного гроба (Там же. Д. 123. Л. 14), вскрытого к западу от храма Св. Климента (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 51. Л. 67об.). Поскольку все графические материалы этой группы стилистически схожи, следует предположить, что исследовательница была склонна видеть автором всех этих чертежей архитектора К. К. Романова. Подтверждением ее точки зрения может служить карандашная помета — «церкви Климента в Старой Ладoge по раскопкам 1912 г.» (см.: рис. 8, 6), — в правом нижнем углу листа со сводным планом храма (НА ИИМК РАН. РО. Р-1. Оп. 1. Д. 123. Л. 19), сделанная почерком К. К. Романова (ср. с почерком К. К. Романова: рис. 8, 7). Следует отметить, что Г. Ф. Корзухина работала в экспедициях (Медведева, 2022. С. 179)

²⁰ При соотнесении времени поступления чертежей в архив со временем их создания оказалось, что самые поздние из них были переданы в архив первыми (группа 1), а самые ранние — последними (группа 4). Выделенные ранее по хронологии поступлений группы по времени создания распределились следующим образом: группа 4 (оригинальные чертежи), группа 2 (копии на восковой бумаге), группа 3 (копии на копировальной бумаге), группа 1 (чистовые публикационные чертежи).

²¹ В расписке С. А. Карцева в редких случаях зафиксированы удлиненные концы букв без изгибов. Обращает на себя внимание только буква «т», написанная на латинский манер «t», с крючкообразным хвостом. В подписях к таблице кольев аналогичная буква «т» встречена многократно (ср.: рис. 8, 3 и рис. 8, 5).

²² Важно подчеркнуть, что если архитектурные детали и значения промеров прорисованы достаточно тщательно и аккуратно, то подрисовочные подписи сделаны беглым почерком, с сокращениями и носят добавочный характер. Сложно предположить, чтобы автор копии переносил на восковку и оригинальное начертание подписей. Более вероятно, что переносу подлежал только сам текст подписей, который воспроизводился почерком автора копии.

и училась в аспирантуре ГАИМК под руководством К. К. Романова, и, безусловно, хорошо знала его манеру исполнения чертежей.

Чертежи группы 3. Копии на кальке, созданные также, судя по орфографии подписей, после 1917–1918 г., были сняты либо с оригинальных чертежей, либо уже с их восковых копий. В составе группы чертежей, исполненных на вощенной бумаге (группа 2), содержатся разрезы фасадов храма, контуры которых совпадают с изображениями на копировальной бумаге (ср.: НА ИИМК РАН. РО. Р-І. Оп. 1. Д. 123. Л. 27 и Л. 8; Л. 23 и Л. 8, 12; Л. 24 и Л. 9). При этом доказать, что копии на кальке сняты именно с восковок, не представляется возможным.

Версия о снятии копий непосредственно с оригинальных чертежей подтверждается в двух случаях. Первый случай уникален. Разрез фасада храма Св. Климента (И) представлен в архивной коллекции тремя чертежами: дореволюционным оригиналом (Там же. Д. 123. Л. 25) и копиями на вощенной (Там же. Д. 123. Л. 10) и копировальной (Там же. Д. 123. Л. 23) бумаге. Решить вопрос о том, какой документ явился прототипом для копии на кальке (оригинал или восковка), помогает помета «фасад И», — сделанная красным карандашом на дореволюционном чертеже (рис. 8, 8). Она идентична пометам на других кальках по манере почерка и размеру букв, особенностям написания (пореформенная орфография) и использованию красного карандаша. Следует предположить, что эти надписи нанесены для обозначения фасадов храма в ходе подготовки к публикации полевой документации Н. И. Репникова. Наличие такой пометы на оригинальном чертеже раскопок 1912–1913 гг. свидетельствует о привлечении его в качестве образца для изготовления копии на кальке (ср.: Там же. Д. 123. Л. 23 и Л. 25).

В другом случае копия на кальке представляет собой план исследованных раскопками 1912–1913 гг. частей храма (Там же. Д. 123. Л. 22), в то время как на восковой копии зафиксированы результаты работ только 1912 г. (Там же. Д. 123. Л. 19). Несмотря на отсутствие дореволюционного чертежа, очевидно, что при создании прорисовки на копировальной бумаге был использован либо сводный оригинальный чертеж, либо неизвестный чертеж, созданный по итогам работ 1913 г. (ср.: Там же. Д. 123. Л. 19 и Л. 22).

Чертежи группы 1. Изготовление копий на копировальной бумаге предшествовало исполнению беловых крупноформатных чертежей (группа 1), автором которых, согласно учетной документа-

ции, был С. Ф. Стржелецкий (о нем см.: *Юрочкин*, 2017. С. 249–257). Эту группу чертежей (НА ИИМК РАН. РО. Р-І. Оп. 1. Д. 123. Л. 1–7) выделяют следующие черты: единообразный почерк, характер начертания линий и отрисовки масштабной шкалы, наличие двойной прямоугольной рамки на листе чертежа. Помимо стилистических особенностей следует отметить использование идентичных материалов и чертежных принадлежностей — ватмана/полуватмана и туши. Если перебеленные публикационные чертежи переданы в архив в 1934 г. и, соответственно, были созданы незадолго до этого, то можно с осторожностью предположить, что копии на кальке выполнены также С. Ф. Стржелецким в начале 1930-х гг.

Выводы

Изучение истории создания комплекса графической документации к раскопкам церкви Св. Климента в 1912–1913 гг. является важным шагом к ревизии архивных материалов Н. И. Репникова на новом исследовательском и методическом уровне. Определение последовательности изготовления каждой группы архитектурных чертежей, сохранившихся в научном архиве ИИМК РАН, и вновь найденная информация об их авторах позволили проследить судьбу этих материалов с момента создания до попадания в архив, а также установить этапы работы с ними в разные годы. Во время полевых работ обмеры и фиксацию производил чертежник-архитектор: в 1912 г. — С. М. Сулин, в 1913 г. — И. Э. Свидзинский²³. На этапе камеральной обработки материалов архитектор по обмерам изготовлял черновые чертежи (на бумаге), а затем чистовые (на ватмане). Их отличительной особенностью, по крайней мере для чертежей С. А. Карцева 1912 г. (группа 4, предположительно три чертежа), являлись написанные тушью каллиграфические заголовки (НА ИИМК РАН. РО. Р-І. Оп. 1. Д. 123. Л. 26). Затем, вероятнее всего в 1920-е гг., с уже готовых чертежей раскопок храма были сняты предположительно К. К. Романовым восковые копии (группа 2,

²³ Образцы первоначальных обмеров церкви Св. Климента, выполненные в 1912 г. С. М. Сулиным и в 1913 г. И. Э. Свидзинским, неизвестны; в научном архиве ИИМК РАН хранятся черновые и чистовые чертежи к раскопкам 1911–1913 гг. культурного слоя Земляного городища (НА ИИМК РАН. РО. Р-І. Оп. 1. Д. 1333). Графическая документация к работам Н. И. Репникова в Старой Ладогге начала XX в. в собраниях других архивов пока не выявлена.

13 чертежей). В начале 1930-х гг. при подготовке монографии по работам в Старой Ладогe Н. И. Репников поручил С. Ф. Стржелецкому изготовление сводных чертежей (группа 1, семь чертежей), для создания которых потребовалось снятие копий (группа 3, четыре чертежа) либо с оригинальных чертежей (группа 4, четыре чертежа), либо с восковых копий К. К. Романова.

И кальки, и перебеленные чертежи С. Ф. Стржелецкого отличаются от изначальных чертежей-прототипов упрощением деталей, схематизацией планов, разрезов и их фрагментов. Наибольшую ценность представляют чертежи с обозначениями промеров (всего 13 чертежей). В их число входят черновые материалы к оригинальным чертежам (Там же. Д. 123. Л. 25; Д. 1333. Л. 36) и копии на восковой бумаге, на которых

тщательно зафиксированы метрические показатели (Там же. Д. 123. Л. 8-10, 12-18, 21). Благодаря указанным числовым значениям стало возможно оценить степень неточности измерений. Исходя из значительной погрешности промеров — в пределах 2,0-14,5 соток, — планы и разрезы корректировались только по линиям обносков, в обозначениях которых ошибки минимальны (см.: Васильев, 2025б. С. 144). Установление хронологии создания чертежей и их авторов, сделанное на основе изучения архивных материалов и самих чертежей, позволило более корректно использовать иллюстративные источники для реконструкции раскопок и их привязки к современной системе координат.

Статья поступила в редакцию 16 декабря 2025 г.

АРЭМ (Архив Российского этнографического музея). Ф. 1

Оп. 1. Д. 63: Журналы заседаний Совета Этнографического отдела № 250–281. 74 л.; Д. 72: Журналы заседаний Совета Этнографического отдела № 282–298. 74 л.; Д. 79: Журналы заседаний Совета Этнографического отдела № 299–317. 67 л.; Д. 89: Журналы заседаний Совета Этнографического отдела № 318–346. 87 л.
Оп. 2. Д. 497: Переписка с археологом Н. И. Репниковым о собирании этнографических коллекций во время археологических раскопок в Старой Ладогe Петербургской губернии и Мариупольском у. 98 л.

НА ИИМК РАН. РО (Научный архив Института истории материальной культуры РАН. Рукописный отдел)

Р-1. Дело фонда. 91 л.; Оп. 1. Д. 123: [Чертежи раскопок церкви Святого Климента в Старой Ладогe]. 28 л.; Д. 1333: [Чертежи раскопок Земляного городища в Старой Ладогe]. 41 л.
Ф. 2. Оп. 1. 1934. Д. 241. Дело о разработке Б. А. Коишевским вещественного материала из раскопок Н. И. Репникова в 1909–1913 гг. в Старой Ладогe. 115 л.
Ф. 10. Дело фонда. 30 л.
Ф. 29. Оп. 1. Д. 458: Старая Ладога. Материалы. 31 л.
Ф. 77. Оп. 1. Д. 51: Опись графической документации архивов ЛОИА и Эрмитажа по Старой Ладогe. 73 л.

ОР РНБ (Отдел рукописей Российской национальной библиотеки)

Ф. 585. Оп. 1. Ед. хр. 898: Русское археологическое общество. Протоколы (6) заседаний отделения Русской и Славянской археологии. 1912 г. 34 л.; Ед. хр. 899: Русское археологическое общество. Протоколы (7) заседаний отделения Русской и Славянской археологии. 1913 г. 43 л.; Ед. хр. 1890: Письмо Николаю Ивановичу Репникову. 1 л.

Бойцова, 2009 — Бойцова О. С. Судьба археологической коллекции Н. И. Репникова из раскопок на Земляном городище в Старой Ладогe // Староладожский сборник. Вып. 7 / Отв. ред. А. А. Селин. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 5–12.

Васильев, 2025а — Васильев Ст. А. От архивной фотографии к 3D-модели // Труды VII (XXIII) Всероссийского археологического съезда: Материалы съезда. В 3 т. Т. 3. Красноярск: Сибирский фед. ун-т, 2025. С. 395–397.

Васильев, 2025б — Васильев Ст. А. Привязка старых раскопок по архивным материалам // Современные подходы к сохранению историко-культурного наследия стран СНГ: Сб. ст. Междунар. науч. форума. Полоцк; Новополоцк: Полоцкое книжное издательство; ПГУ им. Е. Полоцкой, 2025. С. 142–150.

Груздева, 2008 — Груздева Е. Н. А. П. Лебедянская и ее участие в археологических исследованиях Северо-Запада // История и практика археологических исследований: Материалы Междунар. науч. конф / Под ред. Е. Н. Носова, И. Л. Тихонова. СПб.: Изд. дом СПбГУ, 2008. С. 235–241.

Груздева, 2009 — Груздева Е. Н. «Под стенами» Св. Климента: Н. И. Репников и А. П. Лебедянская // Староладожский сборник. Вып. 7. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 42–48.

Груздева, 2010 — Груздева Е. Н. Александра Петровна Лебедянская. Материалы к биографии // Сборник исследований и материалов Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. СПб.: ВИМАИВиВС, 2010. Вып. IX. С. 436–465.

Кирпичников, Сарабьянов, 2012 — Кирпичников А. Н., Сарабьянов В. Д. Старая Ладога — первая столица Руси / Пер. на англ. Е. С. Петровой, И. Н. Стукалиной. СПб.: Славия, 2012. 216 с.

- Королькова, 2004* — *Королькова Л. В. Н. И. Репников* — исследователь Северо-Запада России // Невский археолого-историографический сборник. К 75-летию канд. ист. наук А. А. Формозова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 118–125.
- Королькова, 2024* — *Королькова Л. В.* Земля ладожская православная. Фотографии из собрания Российского этнографического музея. СПб.: Изд. дом «Инкери», 2024. 240 с.
- Лапшин и др., 2023* — *Лапшин В. А., Васильев С. А., Григорьева Н. В., Павлова М. С.* Актуальные вопросы топографии Старой Ладogi // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana.*, *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana.* 2023. № 2 (34), июль–декабрь. С. 127–147.
- Медведева, 2021* — *Медведева М. В.* «При археологических работах исполнял возложенные на меня обязанности ревниво, аккуратно и беспрекословно...». Надсмотрщик Керченского музея Самуил Петрович Петренко // *АВ.* 2021. Вып. 31. С. 359–378.
- Медведева, 2022* — *Медведева М. В.* Константин Константинович Романов (1882–1942) // *Отцы-основатели РАИМК.* СПб.: ИИМК РАН, 2022. С. 167–188.
- Покрышкин, 1905* — *Покрышкин П. П.* Краткие советы для производства точных обмеров в древних зданиях // *Известия ИАК.* Вып. 16. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1905. С. 120–123.
- Равдоникас, 1948* — *Равдоникас В. И.* Памяти Н. И. Репникова. Старая Ладога: сборник // *Материалы археологических экспедиций / Отв. ред. В. И. Равдоникас.* Л.: Тип. им. Ивана Федорова, 1948. С. 7–10.
- Репников, 1911* — *Репников Н. И.* О желательности археологических исследований в Старой Ладoge в связи с разведками, произведенными летом 1909 г. // *Сборник Новгородского общества любителей древности.* 1911. Вып. 4. С. 1–15.
- Старая Ладога, 1948* — *Старая Ладога: сборник // Материалы археологических экспедиций / Отв. ред. В. И. Равдоникас.* Л.: Тип. им. Ивана Федорова, 1948. 141 с.
- Староладожский сборник, 2009* — *Староладожский сборник / Отв. ред. А. А. Селин.* Вып. 7. СПб.: Нестор-История, 2009. 188 с.
- Френкель, 2009* — *Френкель Я. В.* Стратиграфическая схема раскопок Н. И. Репникова на центральном участке Земляного городища Старой Ладogi и источниковедческий потенциал коллекции бус из этих раскопок // *Староладожский сборник.* Вып. 7 / *Отв. ред. А. А. Селин.* СПб.: Нестор-История, 2009. С. 49–122.
- Юрочкин, 2017* — *Юрочкин В. Ю.* Готский вопрос. Симферополь: СОНАТ, 2017. 496 с.

**A set of drawings for the excavations of St. Clement's Church
at Zemlyanoye Gorodishche in Staraya Ladoga in 1912–1913:
to the history of document creation and the formation of an archival collection
in the Scientific Archive of the Institute for the History of Material Culture RAS**

P. S. Dremova, St. A. Vasilyev²⁴

Keywords: St. Clement's Church, Zemlyanoye Gorodishche, N. I. Repnikov, 1912–1913, Staraya Ladoga, graphic documentation, Scientific Archive of the IHMC RAS, history of science

This article examines the history of the formation of drawings' collection related to the excavations of St. Clement's Church at Zemlyanoye Gorodishche in Staraya Ladoga in 1912–1913 in the scientific archive of the Institute for History of the Material Culture of the Russian Academy of Sciences. A study of archival records revealed 4 groups of drawings acquired between 1934 and 1983. Each group contains documents similar in creation style and attributive characteristics, allowing them to be ascribed to multiple authors. An examination of the signatures on the drawings (handwriting and orthography), materials, and writing utensils used in their creation helped to clarify the authorship of both individual drawings and groups of illustrative materials. Elucidating the chronology of the drawings' creation provides additional opportunities to reveal the information potential of N. I. Repnikov's documentation.

²⁴ Polina S. Dremova, Stanislav A. Vasilyev — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences, St. Petersburg; e-mail: pdremova8@gmail.com, stasilein@mail.ru.

Андрей Павлович и Николай Андреевич Савицкие — керченские коллекционеры древностей второй половины XIX — начала XX в.

Л. Ю. Пономарев¹

Аннотация. Статья посвящена двум керченским коллекционерам древностей второй половины XIX — начала XX в. — начальнику Керченского карантинного округа Андрею Павловичу Савицкому и его сыну Николаю Андреевичу, представителям известной в городе семьи. О коллекции А. П. Савицкого практически нет сведений. Собранию антиков всю свою короткую жизнь посвятил и его сын. После смерти Н. А. Савицкого часть его коллекции была передана родственником в музей Мелек-Чесменского кургана, судьба остальной ее части неизвестна.

Ключевые слова: Керчь, Боспор, Пантикапей, Андрей Павлович Савицкий, Николай Андреевич Савицкий, коллекция античных древностей

DOI 10.31600/1817-6976-2026-50-260-268

Во второй половине XIX в. в Керчи появились крупные коллекционеры античных древностей, пополнявшие свои собрания сомнительными с точки зрения морали, но в то время вполне законными или ненаказуемыми способами — тесным сотрудничеством с местными легальными торговцами антиками и грабителями могил — «счастливицами»². При этом, что единственно

отрадно, некоторые из них понимали не только материальную и эстетическую ценность собранных ими древностей, но и их научную значимость. Они охотно, и порою даже плодотворно, сотрудничали с археологическими и историческими научными учреждениями, вели переписку с ними, оказывая посильную помощь приезжавшим в Керчь ученым, предоставляя для изучения свои коллекции. Часть таких собраний при жизни или после смерти их владельцев удалось приобрести для Эрмитажа и других музеев.

Среди плеяды керченских коллекционеров этого периода были и представители известной в городе семьи Савицких — ее родоначальник, Андрей Павлович, и его сын, Николай Андреевич.

Андрей Павлович Савицкий родился в 1814 г. в г. Нежине в «зажиточной полугреческой — полумалороссийской семье» (Тихомиров, 2000. С. 34), в 1840 г. окончил с серебряной медалью Московскую медико-хирургическую академию, объединенную спустя пять лет с медицинским факультетом Московского университета, упомянутым в некрологе как *alma mater* (А. П. Савицкий..., 1888). С 1840 по 1842 г. он служил в Керчи, но где — неизвестно, возможно, военным врачом

керченской Александровской гимназии будущий известный геолог Н. И. Андрусов.

¹ Независимый исследователь, Керчь; e-mail: l_ponomarev@mail.ru.

© Пономарев Л. Ю., 2026

² Наиболее известные в Керчи торговцы древностями перечислены в одной из совместных статей автора (Куликов, Пономарев, 2025). Среди керченских коллекционеров, помимо Савицких, можно упомянуть инженера, помещика и земского деятеля Б. П. Антоновича, ротмистра Особого Керченского отдела Особого корпуса пограничной стражи В. П. Цехановского, старшего врача лазарета Особого Керченского отдела пограничной стражи И. А. Терлецкого, помещиков и земских деятелей А. А. Дирина, В. В. и А. В. Олив (Боровкова, 1999. С. 33–40, 54–57, 62–65). Наверняка были и другие, «рангом» ниже, коллекции которых не получили широкой известности. Поисковая лихорадка в этот период охватила и детей, пополнявших свои «собрания» за счет собственных находок, чаще всего на горе Митридат. К их числу относился и ученик

при Керчь-Еникальском госпитале, размещавшимся в крепости Еникале, поскольку обучался как «стипендиат военного ведомства», то есть как «казеннокоштный», они, согласно практике тех лет, должны были отслужить по два года «где прикажут» за каждый год обучения (*Там же*. С. 1). С 1842 по 1852 г. А. П. Савицкий продолжил службу в Геленджике при 5-м, 6-м, 7-м, 17-м Черноморских линейных батальонах II отделения Черноморской береговой линии (*Тихомиров*, 1927. С. 20). В некрологе ошибочно указано, что служил он в то время в Анапском госпитале (А. П. Савицкий..., 1888. С. 1). В 1852 г. «изнуренный в течение десятилетней службы кавказскими лихорадками» (*Там же*. С. 1) или же, что кажется более достоверным, «по практическим соображениям» (*Тихомиров*, 2003. С. 55) ушел в отставку с военной службы и поселился с семьей в Керчи. 1 ноября 1852 г. «лекаря» А. П. Савицкого назначили главным медицинским чиновником Керченского карантинного комитета в чине коллежского асессора, при этом гражданскую государственную службу он совмещал с частной врачебной практикой, что было тогда вполне обычным явлением, в том числе и для керченских карантинных и таможенных чиновников. На время оккупации Керчи союзными войсками в мае 1855 — июне 1856 г. он увез семью в эвакуацию к родне в Нежин, но где находился сам — неясно, во всяком случае в «Новороссийских календарях» на 1855 и 1856 гг. упоминается как чиновник Керченского карантинного комитета. По возвращении в Керчь он продолжил службу на прежней должности, занимая которую, успешно продвигался в чинах по Табели о рангах: в 1854 г. получил чин надворного, в 1857 г. — коллежского, в 1863 г. — статского советника.

В 1857 г. он был награжден орденом Св. Анны 3-й степени, к 1860 г. — знаком отличия за 15 лет беспорочной службы и темно-бронзовой медалью «В память войны 1853–1856 гг.». 12 мая 1861 г. его наградили «за усердную и ревностную службу» орденом Св. Станислава 2-й степени, в 1864 г. — крестом «За службу на Кавказе», в 1866 г. — орденом Св. Станислава 2-й степени, украшенным императорской короной, в 1876 г. — орденом Св. Владимира 3-й степени (*Список...*, 1879. С. 289, 290), а также знаками отличия за 20, 25, 30, 35, 40, 45 лет беспорочной службы и разовыми денежными выплатами в размере годового и полугодового жалованья, которые так же, как и награды, в обязательном порядке вносились в формулярный список офицеров и чиновников.

В 1863–1867 гг. занимал должность инспектора Керченского центрального карантинного комитета, а с 1866 г. (после реформирования карантинных учреждений на Черном море) до конца 1884 г. состоял в должности начальника Керченского карантинного округа, дослужившись до чина действительного статского советника. Будучи инспектором карантинного комитета (1863–1884), А. П. Савицкий являлся одновременно членом Керчь-Еникальского строительного комитета и непременным членом (с 1868 г. — помощником председателя) Керчь-Еникальского статистического комитета. В 1864 г. был избран на трехлетний срок председателем совета Керченской городской больницы и впоследствии неоднократно переизбирался на эту должность. До 1859 г. числился врачом Кушниковского института благородных девиц, а с 1866 г., по открытии вакансии, — врачом-консультантом при нем, помогая советами институтскому и городскому врачу М. Г. Сегелю (*Говоров*, 1886. С. 46; *Шестакова*, 2017. С. 108). С 1867 г. и как минимум по 1874 г. упоминается как член Керчь-Еникальского комитета общественного здоровья, который функционировал и как орган санитарного надзора. 1 октября 1866 г. стал одним из учредителей Керченского Троицкого братства при православных церквях Керчи — Еникале, неоднократно избирался в члены его совета, в частности в 1877 г. членом по учебной части. С 1872 г. неоднократно избирался Феодосийским уездным земским собранием почетным мировым судьей Керчь-Еникальского мирового судебного округа. В 1879–1880 гг. состоял почетным попечителем Керченской Александровской мужской гимназии (*Адрес-календарь...*, 1880. С. 482)³.

До 1866 г. имел в городе обширную частную врачебную практику, заслужив репутацию «искуснейшего и опытного врача» и успешного, хотя и недипломированного, фармацевта. В частности, в аптеках города были популярны «желудочные капли Савицкого» (*Шестакова*, 2017. С. 108).

³ В брошюре П. М. Федотова «Пятидесятилетие Керченской Александровской гимназии» он среди попечителей не упомянут. Согласно приведенному списку, в 1877–1879 гг. попечителем состоял потомственный почетный гражданин П. И. Канунников, а в 1880–1883 гг. — купец и потомственный почетный гражданин К. И. Месаксуди (*Федотов*, 1914. С. 43). Однако доверять в данном случае следует сведениям, поданным в официальном ежегоднике «Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи».

Рис. 1. Керчь, домовладение Савицких: 1 — на плане Керчи 1895 г. (копии плана, утвержденного в 1883 г.); 2 — на открытке начала XX в.; 3 — современная фотография (ул. Пирогова, 10), из открытых источников
 Fig. 1. Kerch, Savitsky house and grounds: 1 — on the 1895 plan of Kerch (copy of the plan approved in 1883); 2 — on a postcard from the early 20th cent.; 3 — modern photograph (Pirogov's ul., 10), from open sources

До конца своих дней он интересовался новинками и успехами медицинской науки, принимал живейшее участие в деятельности Керченского общества врачей, созданного в 1868 г., и лечебницы для приходящих больных при нем, в которой помощь в случае отсутствия у пациентов денег оказывалась безвозмездно⁴. Он первым среди врачей указал на потенциальные возможности лечения грязями из булканакских вулканов, и до 1886 г. консультировал больных в Чокракской грязелечебнице (А. П. Савицкий..., 1888. С. 2).

В 1873 г. состоял членом комиссии при Городской думе, рассматривавшей так и не реализованный проект С. В. Гурьева реконструкции Предтеченской площади и строительства на ней театра. После ухода в отставку избирался гласным по 1-му списку Городской думы и Феодосийского уездного земского собрания. В 1884 г. был назначен на три года товарищем директора Керченского

общественного городского банка. Согласно своему статусу и общественному положению он состоял членом и одним из директоров Английского клуба, от которого назначался дежурным директором при «беседке» (павильоне) Керченского общественного сада во время проводимых в ней танцевальных вечеров (Полицейский листок..., 1861. С. 78). По не подтвержденным пока документально сведениям А. П. Савицкий был включен в состав делегации от Керчи на приеме Александра III в Ливадии 20 апреля 1886 г. В заключение описания его многогранного образа можно лишь добавить, что он и члены семьи Савицких неоднократно упоминались в местной газете «Полицейский листок Керчь-Еникальского градоначальства» в связи с различными городскими благотворительными мероприятиями.

С 1850-х гг. семейство Савицких жило в Керчи в доме № 2 (до 1895 г. — № 43) по южной стороне Соборной площади, на углу с ул. Троицкой, принадлежавшем семейству Карчевских (ныне дом № 10 по ул. Пирогова, на углу с ул. Курсантов) (рис. 1). Домовладение состояло из большого земельного участка с двумя домами по обеим сторонам двора, отдельными флигелями, сараями и

⁴ 11 января 1888 г. Керченское общество врачей по предложению врача Д. И. Петрова решило почтить память его учредителей, А. П. Савицкого и Е. Д. Хаджопуло, поместив их портреты в лечебнице при нем (А. П. Савицкий..., 1888. С. 3).

«огромным» садом (Тихомиров, 2000. С. 91, 119, 120). Оно было, пожалуй, самым крупным в центре города, выходило под № 8 на Троицкую и под № 17 — на Институтскую улицы. Его размеры, судя по «Плану Керчи с показанием новой нумерации домов» 1895 г. (копии плана, утвержденного в 1883 г.), составляли примерно 55 саженей в направлении север–юг и 15 саженей в направлении запад–восток, в пересчете на метрическую систему 117,35 на 32,00 м, площадью около 3755 кв. м. До 1835 г. участок принадлежал П. А. Дюбрюксу, взявшему ссуду на обустройство своего дома, а затем его наследникам, которые продали его в 1840-е гг. военно-морскому врачу штаб-лекарю Василию Авдеевичу Карчевскому, состоявшему в 1860 г. при Керченском агентстве Русского общества пароходства и торговли и умершему 13 мая 1865 г. После смерти В. А. Карчевского дом купил А. П. Савицкий. По воспоминаниям племянника жены А. П. Савицкого и ее крестника — Льва Александровича Тихомирова (рис. 2) продали Савицким дом «за гроши» (за 5000 руб.) «старые девицы Корчевские» (Тихомиров, 2000. С. 59, 120), видимо, сестры Василия Авдеевича.

Вместе с А. П. Савицким жили его жена Варвара Николаевна, урожденная Каратаева, с которой он обвенчался в 1846 г. (Тихомиров, 1927. С. 20; 2003. С. 44, 45), с 1850-х гг. член Керченского женского благотворительного общества, в отдельные периоды его вице-председатель; ее незамужняя сестра «вечная дева» Анастасия Николаевна, или, как ее обычно называли в семье, «тетя Настенька» (Тихомиров, 2003. С. 45) — воспитанница, пепиньерка и классная дама Московского Николаевского сиротского института, с 1867 г. и как минимум по 1873 г. классная дама Кушниковского института, она занималась с дочерьми А. П. Савицкого, готовя их к поступлению в институт; Александра Павловна Савицкая — сестра А. П. Савицкого — вела хозяйство, умерла между 1865–1867 гг. во время эпидемии холеры; Мария Павловна Тирютина — еще одна сестра А. П. Савицкого, жена врача Семена Дмитриевича Тирютина, в 1864–1867 гг. лекаря Керченского центрального карантинного округа, в 1866–1872 гг. — младшего врача Керченского карантинного округа, с 1872 г. и как минимум по 1874 г. младшего врача Феодосийского карантинного округа; сын А. П. Савицкого Николай (о нем см. далее) и его дочери — Елена (Леля) (пепиньерка, классная дама, с 23 августа 1874 по 1881 г. преподаватель географии, а с 1880 г. и арифметики в Кушниковском институте, 25 октября 1890 г. утвержденная «Государынею

Рис. 2. Лев Александрович Тихомиров. Фотография 1881 г. Государственный центральный музей современной истории России. Номер в Госкаталоге: 59894610

Fig. 2. Lev Aleksandrovich Tikhomirov. Photograph from 1881. State Central Museum of Contemporary History of Russia. State Catalogue Number: 59894610

Императрицею» в должности помощницы попечительницы Мариинского детского приюта, в которой состояла как минимум до 1902 г.); Мария, вышедшая замуж за М. И. Разумовского, ставшего «в Одессе знаменитым врачом по женским болезням»; Лидия — так и не вышедшая замуж, убитая бандитами в родовом имении Савицких Темеш 22 августа 1918 г.; Софья с мужем Константином Васильевичем Торопьяно, младшим врачом Керченского карантинного округа, и их детьми.

В 1868 г. А. П. Савицкий упоминается в послужном формуляре также как владелец 1500 десятин земли при дер. Огуз-Тобе (после 1945 г. — с. Красноармейское, в 0,5 км к северо-востоку от с. Семисотка, в 1968 г. исключено из учетных данных) (Третье..., 1868. С. 115). В 1904 г. его наследники владели при дер. Темеш Сарайминской волости Феодосийского уезда (в 4 км к северо-востоку от с. Ново-Николаевка, с 1926 г.

с. Наримановка, в 1957 г. исключено из учетных данных) 1200 десятинами земли (Постановления..., 1905. С. 196–197, прилож. 23), в 1909 г. управляющим имения был зять А. П. Савицкого К. В. Торопьяно (*Сильва*, 1909. С. 3). Оно давало семье до 10 000 руб. дохода в год (*Шестакова*, 2017. С. 108).

Умер А. П. Савицкий 29 декабря 1887 г. Похоронили его, согласно завещанию, внутри ограды Троицкой Братской церкви на ул. Карантинной (Протокол заседания..., 1894. С. 863). На надгробном памятнике указан чин генерал-майора, что соответствовало его чину действительного статского советника по гражданскому ведомству⁵. Вдова покойного возвела в 1888–1889 гг. на свои средства каменную решетчатую ограду, отделявшую церковный двор братства от церковного сада и соседнего домовладения Е. И. Радмилович (Отчет..., 1889. С. 390; Отчет..., 1890. С. 3).

В своих воспоминаниях Л. А. Тихомиров приводит такую характеристику своего дяди: «...он носил печать барского аристократизма и тонкой культурности. Это был человек властный, благородный, всесторонне развитый и очень образованный. Он много читал, следил за движением мысли в России и Европе, уже не говоря о его медицинской специальности, в пределах которой имел признанную репутацию выдающегося врача. Между прочим... не забывал малорусского языка, любил Шевченко — впрочем, только как поэта, к его же запорожцам относился не лучше кровного польского хана. Как-то... обозвал запорожцев „харцизами“ (разбойниками)... С головы до ног Андрей Павлович был барином своего века, англومانом воронцовского типа... сторонником освобождения крестьян, земских учреждений и т. п.⁶, почитывал Герцена, но всегда и во всем требовал порядка и дисциплины. Одет он был всегда с иголочки, в белоснежных воротничках и манжетах, коротко острижен, гладко выбрит, не носил ни усов, ни бороды. Изысканные манеры, всегдашняя выдержка, безукоризненно приличная речь выделяли его изо всей толпы, проносившейся теперь перед моими воспоминаниями. В семейной жизни, оставаясь при той же вежливости и приличии, ... переходил немножко в деспотизм и

держал свой дом в большой строгости...» (*Тихомиров*, 2000. С. 34, 35).

Он «имел множество интересов... живо следил за политикой, русской и иностранной, за всеми совершающимися у нас реформами, лично участвовал в городском и земском самоуправлении, был внимательным присяжным заседателем... не был чужд вопросам философским и религиозным... интересовался и вопросами искусства» и, помимо прочего, «был порядочно ознакомлен с археологией Крыма и сам обладал ценной коллекцией монет и предметов античной Пантикапей (Керчи)» (*Там же*. С. 173).

К сожалению, о его коллекции ничего неизвестно, видимо, в отличие от других керченских собирателей древностей, он не показывал ее заезжим археологам и историкам, поскольку ни один из побывавших в Керчи современников А. П. Савицкого не упомянул о ней.

Что касается его единственного сына Николая — младшего ребенка в семье, то он родился в Керчи в 1861 или 1862 г. (*Там же*. С. 90, 91). Благодаря воспоминаниям Л. А. Тихомирова, хорошо знавшего его, мы имеем некоторое представление об этом необычном человеке, который, в отличие от отца, прожил короткую и в целом ничем непримечательную жизнь, если бы не разделил его увлечение древностями Керчи: «У Андрея Павловича была небольшая, но ценная коллекция древних монет, доставшаяся в наследство его несчастному сыну Коле, который ее еще более обогатил. Коля был какой-то урод. Это проявлялось и в наружности: низкий лоб, несколько обезьянье лицо. Очень неспособный, он не мог нигде кончить курса. Когда он пришел в зрелый возраст, лицо его напоминало какую-то гориллу. Но назвать его идиотом было нельзя. Он все-таки кое-чем интересовался, любил археологию и имел в ней некоторые познания, был ловким коллекционером. Весь век он нигде не служил, а в качестве вечного недоросля жил на счет отца, потом — матери и сестер. Отец отдал им его долю наследства, завещав содержать его. Такой сын составлял язву жизни Андрея Павловича, но был тих и кроток... Впрочем, во время моего обучения в гимназии безнадежная неразвитость Коли еще не выяснилась. Он казался только малоспособным, болезненным мальчиком, но его еще пробовали учить, и он любил читать разные легкие книги» (*Там же*. С. 157, 158). Всю жизнь он прожил в отцовском доме на Соборной площади (*Шестакова*, 2015. С. 120), женат никогда не был и детей не имел.

Несмотря на такую, прямо скажем, нелюбимую характеристику Николай Андреевич

⁵ В книге В. И. Чернопятова «Некрополь Крымского полуострова» отчетство А. П. Савицкого приведено с ошибкой — Иванович (*Чернопятов*, 1910. С. 280).

⁶ В другой своей книге Л. А. Тихомиров упомянул о том, что у А. П. Савицкого не было «толковой защиты принципа монархии. У него кажется были английско-конституционные симпатии на подкладке консерватизма и постепенности» (*Тихомиров*, 1927. С. 30; 2003. С. 63).

все же вольно или невольно вовлекался в общественную жизнь города, изредка принимая участие в благотворительных мероприятиях (Полицейский листок..., 1890. С. 2; *Клокачева*, 1901. С. 2). Впрочем, скорее всего, для него как члена семьи Савицких это был лишь неизбежный круг общественных обязанностей, которыми он, видимо, тяготился. Поэтому в отличие от своей сестры Елены и других именитых горожан он очень редко упоминался на страницах местной городской газеты, освещавшей все более-менее важные городские мероприятия и события, причем исключительно в списках лиц, жертвовавших деньги на те или иные нужды, в частности, населению губерний, пострадавшему от неурожая и на пасхальный стол для бедных. Жертвовала, надо думать, от его имени старшая сестра Елена (Полицейский листок..., 1892. С. 2; 1893. С. 1). Основным смыслом существования для него стало коллекционирование древностей, минералов и окаменелых остатков ископаемых морских животных, найденных в Керчи и на Керченском полуострове. К сожалению, об этой единственной интересной стороне его жизни известно немного, собственно, как и о самой коллекции, подробное описание которой, тем более каталог, или не составлялось, или были утеряны.

Первые упоминания о собрании древностей Н. А. Савицкого относятся к концу 1880-х гг., то есть ко времени, когда к нему, видимо, перешла коллекция антиков отца, умершего в 1887 г. В 1889 г. член Таврической ученой архивной комиссии (ТУАК) Хрисанф Петрович Ящуржинский, переведенный в Керчь в 1889 г. преподавателем русской словесности в Кушниковский институт благородных девиц⁷, упомянул в письме правителю дел комиссии Ф. Ф. Лашкову о «готовности Н. А. Савицкого, имеющего довольно хорошее собрание боспорских монет, сделать для комиссии бесплатно гипсовые снимки с лучших монет своей коллекции и составить для них описание», о чем и было доложено на заседании 3 ноября того же года. Присутствовавшие на нем члены ТУАК постановили просить Н. А. Савицкого «сделать подробные снимки» монет (Протоколы заседаний..., 1890. С. 126), вероятно, имея в виду их фотографические снимки крупным планом или оттиски. К сожалению, неизвестно, сделал ли

⁷ Будучи в Керчи, он надеялся стать заведующим Керченским музеем древностей. Его даже пригласили в Петербург ознакомиться с деятельностью Императорской археологической комиссии, но в итоге эту должность получил К. Е. Думберг (подробнее см.: *Манаев, Пономарев*, 2024. С. 297, примеч. 5).

он их, поскольку этот вопрос в протоколах заседаний ТУАК больше не обсуждался. Возможно, с отъездом Х. П. Ящуржинского из Керчи в 1892 г. в связи с переводом в Одесский институт благородных девиц, эта работа так и не была им доведена до конца. Однако контакты с ТУАК, хотя и лишь посредством переписки, Н. А. Савицкий продолжал поддерживать. В 1891 г. он послал в музей комиссии «четыре амфорные ручки с клеймами, два куса мозаики (или порфира), найденные на горе Митридат при раскопке гр. Бобринского в нынешнем году» (Протоколы заседаний..., 1891. С. 88). В 1892 г., уже будучи в Одессе, Х. П. Ящуржинский опубликовал из его собрания серию античных клейм на синопских, фасосских, родосских амфорах и черепице, граффити на донышке сосуда и известняковую плиту с фрагментированной греческой пятистрочной посвятельной надписью, купленную Н. А. Савицким в 1891 г. в станице Тамань (*Ящуржинский*, 1892. С. 95–98; КБН, 1965. С. 602, № 1042). В 1892 г. он пожертвовал таманскую эпиграфическую находку Ялтинскому отделению Крымско-Кавказского горного клуба, членом которого состоял (с какого года — выяснить пока не удалось).

Сообщением Х. П. Ящуржинского заинтересовался известный эпиграфист В. В. Латышев. Он обратился с просьбой к инспектору Ялтинской прогимназии статскому советнику Александру Филипповичу Преображенскому прислать копию или эстампаж надписи, но тот с «величайшей любезностью» прислал саму плиту. По характеру надписи В. В. Латышев отнес ее ко второй половине IV в. до н. э. В его реконструкции перевод выглядел следующим образом: «[Такой-то], сын Агиея..., посвятил алтарь..., жречествуя(?) при Перисаде, архонте Боспора и Феодосии и царе синдов и торетов...» (*Латышев*, 1894. С. 89, 90, № 347). В настоящее время плита хранится в Ялтинском историко-литературном музее.

В январе 1897 г. Н. А. Савицкий представил на благотворительной «Выставке ручного труда» («Выставке местного ручного производства»), устроенной в Керчи в пассаже И. Г. Чаликова на ул. Воронцовской (позднее пассаж Б. И. и К. Б. Букзилей) в пользу Общества «Ясли», «целую коллекцию камней и редкостей» (Керченская выставка..., 1897. С. 2). Более поздних прижизненных упоминаний о его собрании древностей не найдено.

Н. А. Савицкий прожил примерно 45–47 лет. По воспоминаниям Л. А. Тихомирова, «конец его был трагический. Во время первой революции его кто-то убил и утопил в море. Преступление осталось нераскрытым. Только труп Коли был найден

на берегу в песке. Мотивы убийства остались неизвестны» (Тихомиров, 2000. С. 158)⁸. Свое имущество и состояние Н. А. Савицкий завещал племяннику по сестре Софье, тогда еще ученику Керченской Александровской гимназии Юрию (Георгию) Константиновичу Торопьяно (Терапиано) (1892, Керчь — 1980, Ганьи, Франция) — будущему поэту, критику и переводчику, окончившему в 1911 г. Керченскую мужскую гимназию (Федотов, 1914. С. 43), который впоследствии вспоминал: «...когда подросток, решил, что буду ученым и археологом. Я увлекался древней историей. В мои годы в гимназии уже не преподавали греческого, и я брал частные уроки. Я увлекался классической поэзией. <...> Страсть к археологии мне внушил мой любимый дядя-археолог. Я проводил все свободные дни с ним в его особняке, похожем на музей, разглядывая его сокровища, слушая его рассказы о раскопках в Азии, в Греции и мечтая о том времени, когда я смогу их производить вместе с ним. Мне было шестнадцать лет, когда он неожиданно скончался, оставив мне одному все свое очень большое состояние, чтобы я мог, не заботясь ни о чем, продолжать его дело. Но это, как снег на голову, свалившееся на меня богатство не изменило моей жизни» (Одоевцева, 1989. С. 323). Приведенные пассажи демонстрируют расхождение в дате смерти Н. А. Савицкого. Согласно Л. А. Тихомирову, он погиб «во время первой революции», то есть ориентировочно между 1905–1907 гг. Если же доверять Ю. К. Торопьяно, родившемуся 9 октября 1892 г., жизнь его дяди оборвалась, когда племяннику было 16 лет, то есть не ранее октября 1908 г. В любом случае точную дату его смерти могут дать только метрические книги, для семьи Савицких — это наверняка метрики Троицкого собора, напротив которого находился их дом. Учитывая отшельнический образ жизни Н. А. Савицкого, политические мотивы в его убийстве вряд ли стоит принимать в расчет. Не исключено, что причиной тому послужили обыкновенный разбой и грабёж или финансовые разногласия покойного с грабителями могил — «счастливыми», благодаря которым пополнялись коллекции всех керченских любителей древностей. От их рук, в частности, 27 декабря 1918 г., как считают, погиб директор Керченского

музея В. В. Шкорпил, в свое время изыскавший у них добычу из ограбленного склепа на горе Митридат.

В 1908 г. отец Юрия — Константин Васильевич Торопьяно (1851–1918)⁹, статский советник, старший врач Керченского карантинного округа и врач Мариинского детского приюта, женатый на сестре Н. А. Савицкого Софье Андреевне, пожертвовал часть античной коллекции родственника музею Мелек-Чесменского кургана при Одесском обществе истории и древностей, заведующий которым — преподаватель древних языков Керченской мужской гимназии Ю. Ю. Марти — в знак признательности выставил ее в отдельной витрине (шкаф I, отдел А). В числе переданных вещей оказались две расписные чернолаковые пелики (одна с изображением вакхической сцены, вторая — войны греков с амазонками), чернолаковые сосуды, 23 терракотовые статуэтки, мегарская чаша, три стеклянных сосуда, гипсовые налеты деревянных саркофагов, три ожерелья из бус, бронзовое зеркало, алабастр и 12 светильников (Отчет..., 1911. С. 27; Марти, 1913. С. 78–79; Боровкова, 1999. С. 64). В 1909 г. К. В. Торопьяно передал этому же музею краснофигурную пелику с вакхической сценой («сатир, преследующий вакханку, убегающую к Дионису»), за что получил благодарность Одесского общества истории и древностей (Боровкова, 1999. С. 64; Марти, 1913. С. 78). Судьба нумизматической коллекции А. П. и Н. А. Савицких остается неизвестной.

Что касается наследника и племянника Н. А. Савицкого Ю. К. Торопьяно, любимое дело дяди он не смог продолжить. В гимназии он увлекался поэзией, в 1911 г. поступил на юридический факультет Киевского университета. В 1916 г. по его окончании был призван в армию, окончил школу прапорщиков в Киеве, а далее последовали служба в армии в Москве и на Юго-Западном фронте, демобилизация, революционное лихолетье, венчание 11 мая 1919 г. в Киеве с Ириной Николаевной Новоселовой, участие в Гражданской войне с 1 октября 1919 г. по 2 марта 1920 г. в составе бронесамокатного дивизиона и в должности помощника производителя работ 2-го Позиционного строительного полка Добровольческой армии генерал-лейтенанта А. И. Деникина¹⁰, возвращение в марте 1920 г. в Керчь и родное имение Темеш, где в 1918 г. были

⁸ Расследование этого убийства наверняка было поручено начальнику сыскного отделения городской полиции, которым в то время состоял губернский секретарь Г. М. Гвоздевич, лично принимавший участие в поимке опасных преступников и, как утверждала местная пресса тех лет, не бравший взяток и относившийся к категории служащих полиции, «сплоченных честным именем труда и службы».

⁹ Константин Васильевич Торопьяно и известная всему городу благотворительными делами Лидия Андреевна Савицкая были убиты бандитами в родовом имении Савицких Темеш 22 августа 1918 г.

¹⁰ При записи в нее он взял фамилию Терапиано, «чтобы обезопасить родных и близких, оставшихся на территории красных» (Невзорова, 2009. С. 170).

убиты его отец и Лидия Андреевна Савицкая (*Шестакова*, 2017. С. 109, 110). И, наконец, 16 ноября 1920 г. он навсегда покинул родину, отплыв из Керчи на одном из кораблей флотилии П. Н. Врангеля вместе с остатками его армии (*Невзорова*, 2009. С. 169–171). Что касается полученного им наследства, по младости лет «разбогатец, Юрий ездил в гимназию... на лошадях и кормил шоколадом своего кота» (*Там же*. С. 168)¹¹, в суровой же реальности первых лет эмиграции оно поддержало его семью (*Шестакова*, 2015. С. 123).

Последнее упоминание о Н. А. Савицком удалось найти в «Юбилейном сборнике Крымско-Кавказского горного клуба 1890–1914»: «г. Савицкий, владелец прекрасного археологического и этнографического музея в Керчи, часто навещал Ялту, участвовал в наших экскурсиях и никогда

не являлся к нам с пустыми руками» (Юбилейный сборник..., 1915. С. 63). Иными словами, неоднократно и «безденежно» пополнял собрание музея Ялтинского отделения клуба античными древностями, попадавшими в его руки.

Выступал ли он в роли жертвователя в отношении других музеев помимо музея клуба и музея ТУАК — этот вопрос еще предстоит выяснить. Что касается Керченского музея древностей, в период между 1891–1901 гг. Н. А. Савицкий вряд ли что-либо жертвовал ему, поскольку заведовавший им в эти годы К. Е. Думберг вел непримиримую, хотя и безуспешную борьбу с грабителями древних могил («счастливчиками») и местными торговцами древностей (*Ремезов*, 1892. С. 111, 112; *Виноградов*, 2019. С. 450–452, 456–458), не жаловал он и местных коллекционеров, пополнявших свои собрания в основном из ограбленных античных погребений. Сложилось ли у Н. А. Савицкого в последние пять–шесть лет жизни какие-либо деловые отношения с новым заведующим музеем В. В. Шкорпиллом, назначенным на эту должность 16 июля 1901 г., установить пока не удалось.

Статья поступила в редакцию 2 февраля 2026 г.

¹¹ «Я только завел себе собственную лошадь и экипаж и стал ездить, а не ходить в гимназию, да еще ежедневно покупать шоколад и угощать им всех родных и домашних, в том числе и моего тигрового кота, проявлявшего противоестественные вкусы в отношении шоколада» (*Одоевцева*, 1989. С. 323).

А. П. Савицкий..., 1888 — А. П. Савицкий (некролог) // *Полицейский листок Керчь-Еникальского градоначальства*. 1888. № 9. 28 февраля. С. 1–2.

Адрес-календарь..., 1880 — Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на 1880 год. Ч. I. СПб.: Типография правительствующего сената, 1880. 744 с.

Боровкова, 1999 — *Боровкова В. Н.* Коллекционеры и торговцы керченскими древностями. Керчь: Керченская городская типография, 1999 (Древности Керчи; Вып. 4). 160 с.

Виноградов, 2019 — *Виноградов Ю. А.* Императорская археологическая комиссия и изучение древностей Боспора Киммерийского // Императорская археологическая комиссия (1859–1917): история первого государственного учреждения российской археологии от основания до реформы / Науч. ред.-сост. А. Е. Мусин, М. В. Медведева. 2-е изд., перераб. и доп. Т. 1. СПб.: ИИМК РАН, 2019. С. 354–536.

Говоров, 1886 — Историческая записка о Керченском Кушниковском девичьем институте с основания его в 1835 г. до 1885 г. / Составил законоучитель института, священник Дмитрий Говоров. Керчь: Скоропечатная тип. А. Б. Холева, 1886. 105 с.

КБН, 1965 — Корпус Боспорских надписей / Под ред. В. В. Струве и др. М.; Л.: Наука, 1965. 950 с.

Керченская выставка..., 1897 — Керченская выставка ручного труда (окончание) // *Полицейский листок Керчь-Еникальского градоначальства*. 1897. № 5. 2 февраля. С. 2.

Клокачева, 1901 — *Клокачева А. [Д.]* Отчет по устройству гулянья, бывшего в городском саду 24-го сего июня // *Полицейский листок Керчь-Еникальского градоначальства*. 1901. № 26. 1 июля. С. 2.

Куликов, Пономарев, 2025 — *Куликов А. В., Пономарев Л. Ю.* Керченский коллекционер древностей А. В. Новиков: биография, семья и родственники // *Боспорские исследования*. Керчь; Симферополь, 2025. Вып. L. С. 355–432.

Латышев, 1894 — *Латышев В. В.* Дополнения и поправки к собранию надписей северного побережья Черного моря («Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini») // *Записки Императорского Русского археологического общества*. Новая серия. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1894. Т. VII, вып. 1–2. С. 73–93.

Манаев, Пономарев, 2024 — *Манаев А. Ю., Пономарев Л. Ю.* Древности Керчи и Керченского полуострова как одно из направлений деятельности Таврической ученой архивной комиссии (по материалам протоколов заседаний и публикаций в «Известиях» ТУАК) // *Боспорские исследования*. Керчь, 2024. Вып. XLVIII. С. 294–361.

Марти, 1913 — *Марти Ю. Ю.* Описание Мелек-Чесменского кургана и его памятников в связи с историей Боспорского царства // *Записки Одесского общества истории и древностей*. Одесса, 1913. Т. XXXI, отд. III: Приложение. С. 1–88.

Невзорова, 2009 — *Невзорова И. М.* Юрий Терапиано, поэт из Керчи // «Серебряный век» в Крыму: взгляд

- из XXI столетия: Материалы пятых Герцыковских чтений (Судак, 11–15.09.2007) / Сост. Т. Жуковская, Е. Калло. М.; Симферополь; Судак, 2009. С. 165–183.
- Одоевцева, 1989 — Одоевцева И. В. На берегах Сены. М.: Художественная литература, 1989. 333 с.
- Отчет..., 1889 — Отчет Керченского Троицкого Православного Братства с 6-го октября 1887 по 6-е октября 1888 г. // Таврические епархиальные ведомости. Симферополь, 1889. № 10. 15 мая. С. 380–394.
- Отчет..., 1890 — Отчет Керченского Троицкого Православного Братства с 6-го октября 1888 по 6-е октября 1889 г. // Полицейский листок Керчь-Еникальского градоначальства. 1890. № 25. 1 июля. Приложение. С. 3–4.
- Отчет..., 1911 — Отчет Императорского Одесского общества истории и древностей с 14-го ноября 1909 г. по 14-е ноября 1910 г. Одесса: «Славянская» типография Г. Хрисогелос, 1911. 36 с.
- Полицейский листок..., 1861 — Полицейский листок Керчь-Еникальского градоначальства. 1861. № 20. 14 мая. С. 77–80.
- Полицейский листок..., 1890 — Там же. 1890. № 41. 21 октября. 4 с.
- Полицейский листок..., 1892 — Там же. 1892. № 1. 5 января. 4 с.
- Полицейский листок..., 1893 — Там же. 1893. № 15. 18 апреля. 4 с.
- Постановления..., 1905 — Постановления Феодосийского уездного земского собрания XXIX очередной сессии с 16-го по 21-е сентября 1904 г. С приложениями. Феодосия: Тип. И. М. Косенко, 1905. 435 с.; приложения.
- Протокол заседания..., 1894 — Протокол заседания Керченского Троицкого православного братства, происходившего 23 февраля 1894 г. в здании, занимаемом Керченским Сиротским судом // Таврические епархиальные ведомости. Симферополь, 1894. № 31. 5 августа. С. 863–864.
- Протоколы заседаний..., 1890 — Протоколы заседаний Таврической ученой архивной комиссии (ТУАК). Заседание 3 ноября 1889 г. // Известия ТУАК. Симферополь, 1890. № 9. С. 125–130.
- Протоколы заседаний..., 1891 — Протоколы заседаний Таврической ученой архивной комиссии. Заседание 31 мая 1891 г. // Известия ТУАК. Симферополь, 1891. № 13. С. 85–89.
- Ремезов, 1892 — Ремезов М. Н. По своим краям // Русская мысль. М., 1892. Кн. VIII, август. С. 100–114.
- Сильва, 1909 — Сильва. Дела житейские // Местный вестник. 1909. № 54. 24 ноября. С. 3.
- Список..., 1879 — Список гражданским чинам четвертого класса. Исправлен по 18 января 1879 г. СПб.: Тип. правительствующего сената, 1879. 1301 с.
- Тихомиров, 1927 — [Тихомиров Л. А.] Воспоминания Льва Тихомирова / Предисл. В. И. Невского; вступ. ст. В. Н. Фигнер. М.; Л.: Гос. изд-во РСФСР, 1927. 516 с.
- Тихомиров, 2000 — Тихомиров Л. А. Тени прошлого. Воспоминания / Сост., вступ. ст. и примеч. М. Б. Смолина. М.: Изд-во журнала «Москва», 2000. 720 с.
- Тихомиров, 2003 — Тихомиров Л. А. Мои воспоминания / Вступ. ст. С. Н. Бурина. М.: Изд-во ГПИБ России, 2003. 617 с.
- Третье..., 1868 — Третье очередное Феодосийское уездное земское собрание 20–28 октября 1868 г. Одесса: Тип. Л. Нитче, 1868. 143 с.
- Федотов, 1914 — Федотов П. М. Пятидесятилетие Керченской Александровской гимназии (1863–1913). Историческая записка. Керчь: Тип. Х. Н. Лаго, 1914. 117 с.
- Шестакова, 2015 — Шестакова Н. Д. Юрий Терапиано. Начало. Керчь: документы, семейные предания // Крымский архив. Симферополь, 2015. № 3 (18). С. 119–132.
- Шестакова, 2017 — Шестакова Н. Д. Родословная Юрия Терапиано (по материалам Государственного архива Республики Крым) // Крымский архив. Симферополь, 2017. № 1 (24). С. 105–115.
- Чернопятов, 1910 — Чернопятов В. И. Некрополь Крымского полуострова. М.: Тип. Л. В. Пожидаевой, 1910. 313 с.
- Юбилейный сборник..., 1915 — Юбилейный сборник Крымско-Кавказского горного клуба: 1890 XXV 1914 / Под ред. М. А. Познанского. Одесса: [б. и.], 1915. 177 с.
- Ящуржинский, 1892 — Ящуржинский Х. П. Керченские древности // Известия ТУАК. Симферополь, 1892. № 15. С. 95–98.

Andrey Pavlovich and Nikolay Andreevich Savitsky — collectors of antiquities in Kerch in the second half of the 19th and early 20th centuries

L. Yu. Ponomarev¹

Keywords: Kerch, Bospor, Pantikapaion, Andrey Pavlovich Savitsky, Nikolay Andreevich Savitsky, collection of ancient antiquities

The article is devoted to two Kerch collectors of antiquities of the second half of the 19th — early 20th cent. — the head of the Kerch quarantine district Andrey Pavlovich Savitsky and his son Nikolay Andreevich, representatives of a well-known family in the city. Almost nothing is known about the collection A. P. Savitsky. His son also devoted his short life to the collection of antique antiquities. After the death of N. A. Savitsky, part of his collection was transferred by a relative to the museum of the Melek-Chesme mound. The fate of the rest of the collection is unknown.

¹ Leonid Yu. Ponomarev — Independent researcher, Kerch; e-mail: l_ponomarev@mail.ru.

Археологи-антиковеды ИИМК АН СССР в Великой Отечественной войне. Часть 1¹

Ю. А. Виноградов²

Аннотация. Из археологов-антиковедов Института истории материальной культуры в Ленинграде многие остались в блокированном городе. Они провели в нем первую страшную зиму. От истощения погибли С. А. Жебелёв, Е. В. Эрнштедт, Р. В. Шмидт, А. Н. Зограф. Их судьбе посвящена первая часть публикации. До победного 1945 г. в городе оставалась Е. Г. Кастанаян. О сотрудниках, эвакуированных из Ленинграда, будет рассказано во второй части.

Ключевые слова: история науки, античная археология, блокада Ленинграда, судьбы ученых, эвакуация

DOI 10.31600/1817-6976-2026-50-269-276

Институт истории материальной культуры АН СССР как сугубо археологическое учреждение был создан в 1937 г. после ликвидации ГАИМК, по существу на его базе. «Основной рабочей единицей» по античной проблематике в его структуре стал сектор древнего Причерноморья, работой которого руководил авторитетнейший ученый — академик С. А. Жебелёв (Виноградов, 2009. С. 22; Академическая археология..., 2013. С. 172; о нем см.: Гайдукевич, 1941; Максимова, 1969; Фролов, 2006. С. 294–310; Карпюк, Кулишова, 2018; Горончаровский, 2022). Данная статья посвящена деятельности сотрудников этого подразделения; история Московского отделения ИИМК в годы Великой Отечественной войны весьма обстоятельно раскрыта в статьях С. Г. Карпюка (Карпюк, 2019а; 2019б).

Конечно, никто из ленинградских археологов не мог представить, какими бедами нашей стране грозит война, начавшаяся 22 июня 1941 г. (Платонова, 1991). Наверное, никто из них не поверил бы, услышав, что почти на 900 дней

Ленинград окажется в тисках вражеской блокады. Реальность, однако, оказалась именно такой.

В предвоенные годы коллектив сектора древнего Причерноморья в основном трудился над подготовкой книг об античной культуре. В феврале 1939 г. было решено подготовить три тома по этой тематике: «Культура Греции» (т. I), «Культура Рима» (т. II) и «Античная культура Северного Причерноморья» (т. III). Коллектив авторов разработал план третьего тома и приступил к его реализации (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 312. Оп. 1. Д. 71. Л. 13–15)³. Любопытно, что еще 1 августа 1941 г., то есть до начала блокады, руководство Института докладывало в Москву, что военная обстановка негативно повлияла на ход научных исследований по плановым темам. В более благоприятном положении, как тогда казалось, находилась тема «История античной культуры», руководителем которой был С. А. Жебелёв, поскольку авторский коллектив, работавший по этому заданию в основном оставался в Ленинграде (Там же. Д. 119. Л. 51). В дальнейшем, как нетрудно догадаться, это обстоятельство сыграло свою роковую роль.

К концу осени ситуация стала трагичной. Необходимо было спасти архив, библиотеку ИИМК, археологические коллекции, хранившиеся в фондах, и, конечно, в первую очередь людей.

¹ Работа проведена в рамках выполнения ФНИ ГАН «Южная Россия и сопредельные территории в древности: развитие культуры, общества и хозяйства по археологическим и естественнонаучным данным» (FMZF-2025-0010).

² Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург; e-mail: vincat2008@yandex.ru.

© Виноградов Ю. А., 2026

³ Книга увидела свет уже после войны под названием «Античные города Северного Причерноморья. Очерки истории и культуры» (Античные города..., 1955).

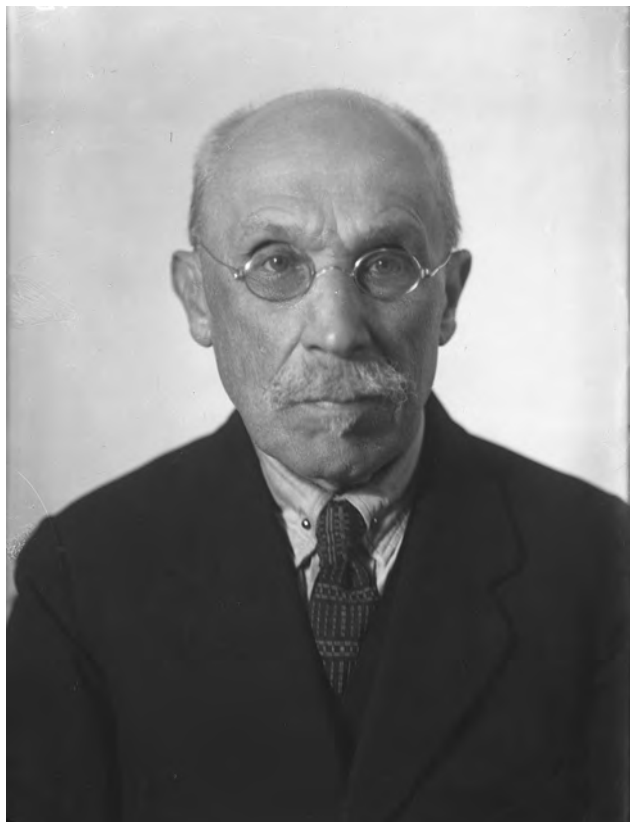

Рис. 1. С. А. Жебелёв

Fig. 1. S. A. Zhebelev

[НА ИИМК РАН. ФО. Нег. II 44617]

В ноябре и декабре была проведена эвакуация, осуществлявшаяся на самолетах, в которую преимущественно попали доктора наук (*Платонова*, 1991. С. 57). Вторая, более многочисленная, группа была отправлена в марте 1942 г. по Дороге жизни. В официальном документе отмечено: «Институт не препятствовал отъезду желающих, однако многие были уже не в состоянии воспользоваться эвакуацией, и отправка их грозила гибелью в пути» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 312. Оп. 1. Д. 153. Л. 1). Последняя группа, состоявшая всего из трех сотрудников и членов их семей, покинула Ленинград в конце июня 1942 г. (Там же. Л. 1–2).

Теперь надо хотя бы кратко сказать о сотрудниках сектора древнего Причерноморья ИИМК, обо всех, без различия званий и заслуг перед наукой, даже о тех, которые во время войны уже не работали в Институте. Некоторые из них после начала войны ушли в народное ополчение, многие погибли в блокированном городе, а кто-то покинул Ленинград и продолжал трудиться в эвакуации. Начать, естественно, следует с жертв блокадного времени.

Академик Сергей Александрович Жебелёв (1867–1941) (рис. 1), как уже было сказано, возглавлял сектор древнего Причерноморья ИИМК. Его эвакуация была назначена на 19 сентября 1941 г., но она не состоялась по той причине, что аэродром, с которого Сергеем Александровичу вместе с близкими предстояло покинуть блокированный город, на их глазах был подвергнут такой жестокой бомбардировке, что им пришлось вернуться домой, и новых попыток эвакуации уже не предпринималось (*Кольцов*, 1962. С. 44; 2000; *Максимова*, 1969. С. 90; *Виноградов*, 2018). Более того, с октября 1941 г. С. А. Жебелёв руководил комиссией по делам ленинградских учреждений АН СССР, а с 8 ноября по 28 декабря 1941 г. на него было возложено исполнение обязанностей директора Института (*Кольцов*, 1962. С. 60; *Горнчаровский*, 2022. С. 497), так что смерть он встретил как солдат на боевом посту.

Елена Викторовна Ернштедт (1888–1942) (рис. 2) — дочь известного филолога-классика, академика Виктора Карловича Ернштедта (*Анциферов*, 1992. С. 476; *Вольфиун*, 2003; *Тункина*, 2016. С. 30, примеч. 17). Получила блестящее образование в области античной культуры и классического искусства и с 1918 г. работала в античном секторе Государственного Эрмитажа. В 1930 г. она была арестована по обвинению в шпионаже и осуждена на пять лет заключения в концентрационном лагере (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-73938. Л. 29). Срок отбывала в Ухто-Печорском лагере (Ухтпечлаг), на свободу вышла в августе 1934 г. (НА ИИМК РАН. РО⁴. Ф. 35. Оп. 5. Д. 101. Л. 2об.). В августе 1939 г. Е. В. Ернштедт была принята в сектор древнего Причерноморья ИИМК, в 1940 г. получила должность старшего научного сотрудника (Там же. Л. 3).

В это время она подготовила весьма содержательную статью о последних достижениях в области изучения культовых памятников Этрурии и Лациума (*Ернштедт*, 1940), публикацию о находке в Тиритакке мраморной статуэтки с изображением Диониса (*Ернштедт*, 1941), а также обстоятельный очерк развития античной монументальной живописи Северного Причерноморья (Античные города..., 1955. С. 248–285). Исследовательница начала работу над диссертацией «Греческий фриз во второй половине V и IV вв. до н. э.» (Ф. 35. Оп. 3. Д. 32-а; Оп. 5. Д. 101. Л. 3)⁵. Тема в высшей

⁴ Далее все ссылки на архивные материалы относятся к собранию РО НА ИИМК РАН, поэтому указываются только Ф., Оп., Д.

⁵ В личном деле Е. В. Ернштедт имеется указание на совсем другую тему ее кандидатской диссертации:

Рис. 2. Е. В. Ернштедт

Fig. 2. E. V. Ernstedt

[НА ИИМК РАН. ФО. Нер. I 28885]

Рис. 3. Р. В. Шмидт

Fig. 3. R. V. Schmidt

[НА ИИМК РАН. ФО. Нер. I 24504]

степени важная и чрезвычайно сложная. Елена Викторовна, однако, не страшилась трудностей и смело бралась за изучение, так сказать, нетипичных памятников греческого искусства — к примеру, храма Аполлона в Бассах (Ф. 35. Оп. 5. Д. 101. Л. 5). Диссертация была завершена, но ее защита не состоялась. В начале 1942 г. Е. В. Ернштедт умерла от истощения, и точная дата ее смерти неизвестна.

Раиса Викторовна Шмидт (1899–1942) (рис. 3) — еще одна трагическая судьба тех лет (Хршановский, 2016). Исследовательница, на мой взгляд, занималась несколько необычной для женщины научной темой — горным делом в античное время, отражением металлического производства в археологических источниках, а также в мифах и религии Древней Греции. С 1934 г. она стала регулярно выезжать в экспедиции, прежде всего на Боспор. В июне 1938 г. решением ученого совета ЛГУ ей было присвоено звание кандидата исторических наук без защиты диссертации (Ф. 35. Оп. 5.

Д. 344. Л. 45). В начале 1940 г. Раиса Викторовна утвердила тему докторской диссертации «Фракия и Северное Причерноморье» (Ф. 35. Оп. 2. Д. 984). Тема, конечно, очень важна для изучения древней культуры региона, она и сейчас привлекает внимание многих ученых, но Р. В. Шмидт была первой, взявшейся за ее реализацию. На зиму 1941/1942 гг. ею было запланировано выполнение двух научных тем: «Архаическая керамика из раскопок Мирмекия и Тиритаки» и «Мелкие боспорские поселения на Керченском полуострове» (Ф. 312. Оп. 1. Д. 145. Л. 30). Осуществить задуманное, однако, не удалось. Исследовательница ушла из жизни в феврале 1942 г. Вместе с ней погибла и ее маленькая дочка (Кубланов, 2016. С. 426).

Евгения Оттовна Прушевская (1890–1942) начала активно заниматься археологией еще до Октябрьской революции. С 1918 г. она работала в Государственной археологической комиссии, пришедшей на смену Императорской комиссии, затем — в РАИМК/ГАИМК (Академическая археология..., 2013. С. 377). В Академии Елена Оттовна занималась подготовкой к изданию бронзовых

«Терракоты из кургана Большая Близнаца» (Ф. 312. Оп. 1. Д. 145. Л. 30, № 5).

Рис. 4. Б. Л. Богаевский

Fig. 4. B. L. Bogayevskiy

[НА ИИМК РАН. ФО. Отп. О 1638-48]

предметов и ювелирных изделий из Ольвии и других колоний Северного побережья Черного моря. Исследовательница проявила большой интерес к изучению краснофигурной керамики (Ф. 2. Оп. 3. Д. 540. Л. 1), принимала участие в раскопках Березани и Ольвии (Там же. Л. 2–4). В июле 1924 г. Е. О. Прушевская была принята в Государственный Эрмитаж на должность помощника хранителя, из ГАИМК она была уволена 21 февраля 1930 г. (Ф. 2. Оп. 5. Д. 258. Л. 2об.). Ее последние археологические работы — статья о находках краснофигурной керамики из Ольвии (*Прушевская*, 1941) и очерк развития художественной обработки металла в Северном Причерноморье (*Античные города...*, 1955. С. 325–355).

Борис Леонидович Богаевский (1882–1942) (рис. 4) не был сотрудником сектора древнего Причерноморья, но к изучению античной культуры имел непосредственное отношение (*Академическая археология...*, 2013. С. 334). Хорошо известны его труды в области изучения Крито-Микенской цивилизации. Находясь

Рис. 5. А. Н. Зограф

Fig. 5. A. N. Zograf

[НА ИИМК РАН. ФО. Нег. I 28873]

в блокированном городе, исследователь работал над книгой «Извращения истории Эгейского мира фашистскими лжеучеными» (Ф. 312. Оп. 1. Д. 158. Л. 8)⁶. Он скончался 11 мая 1942 г. После Б. Л. Богаевского в стенах Института проблемы Крито-Микенской цивилизации специально никем не изучались, и лишь с приходом профессора Ю. В. Андреева интерес к ним возник вновь, при этом в более ярком и интересном воплощении, но, к сожалению, и на сей раз ненадолго.

Александр Николаевич Зограф (1889–1942) (рис. 5) — блестящий специалист в области античной нумизматики (*Смирнова*, 1996; *Академическая*

⁶ Заместитель директора ИИМК С. Н. Бибиков 28 января 1943 г. направил письмо в редакционно-издательский совет (РИСО) АН СССР, в котором сообщал, что работа умершего в Ленинграде в 1942 г. Б. Л. Богаевского «Извращения истории Эгейского мира фашистскими лжеучеными» объемом в два печатных листа находится «в портфеле» Института. Ее предполагалось отредактировать и направить в РИСО в марте 1943 г. (Ф. 312. Оп. 1. Д. 860. Л. 10). До публикации, однако, дело не дошло.

археология...», 2013. С. 349; Фролова, Дюков, 2004). В 1912 г. он закончил Московский университет, в 1922 г. переехал в Петроград. Здесь А. Н. Зограф поступил на работу в Государственный Эрмитаж и в 1935 г. стал заведующим отделом нумизматики. В 1939 г. исследователь получил звание доктора исторических наук *honoris causa*. С 1922 г. он трудился также в ГАИМК, затем в ИИМК, откуда был уволен по сокращению штатов в августе 1941 г. (Ф. 35. Оп. 5. Д. 121. Л. 33). А. Н. Зограф тогда продолжал трудиться в Эрмитаже. Семья ученого была эвакуирована из блокированного города, а он остался «на посту». Исследователь ушел из жизни 17 января 1942 г. в возрасте 52 лет. Огромную известность ему принес труд «Античные монеты», изданный в 1951 г. (Зограф, 1951). Конечно, понимание монетного дела греческих государств Северного Причерноморья (чему посвящена вторая часть книги) с тех времен продвинулось далеко вперед, а вот о монетах Греции и Рима со всеми связанными с ними экономическими, социально-политическими, мировоззренческими и прочими вопросами (первая часть книги) в нашей стране никто лучше его до сих пор ничего не написал.

Теперь о тех сотрудниках ИИМК, которым удалось пережить войну в Ленинграде. Им (по крайней мере, некоторым из них) пришлось пройти через такие испытания, что смерть могла бы показаться не самым плохим выходом.

Елизавета Григорьевна Кастанаян (1910–1991) (рис. 6) трудилась в ГАИМК с 1932 г. в должности научно-технического сотрудника, затем поступила в аспирантуру. С 1934 г. она принимала активное участие в археологических раскопках Боспорской экспедиции. Всю войну Е. Г. Кастанаян провела в Ленинграде. Обращу внимание на один факт: 23 октября 1941 г. молодая женщина ушла в декретный отпуск, город в то время был уже блокирован. Ребенок, увы, был потерян, скончался и ее муж (Виноградов, 2008. С. 54, 55). Такие страшные утраты не сломили Елизавету Григорьевну, она продолжала трудиться. Весь июнь 1942 г. Е. Г. Кастанаян находилась на «трудовых работах» (Ф. 312. Оп. 1. Д. 158. Л. 23). В конце июня 1942 г., когда последняя партия сотрудников Института была эвакуирована из Ленинграда (Платонова, 1991. С. 61), ее оставили в городе в составе команды, на которую была возложена забота о сохранности помещений и имущества Института (Там же. Л. 12). Во главе этой команды стояла О. И. Бич. Весь май 1943 г. Елизавета Григорьевна, эта хруп-

Рис. 6. Е. Г. Кастанаян

Fig. 6. E. G. Kastanayan

[НА ИИМК РАН. ФО. Нег. I 76729]

кая женщина, находилась на лесозаготовках, откуда вернулась по состоянию здоровья, из-за дистрофии (Ф. 312. Оп. 1. Д. 173. Л. 31). Подчеркну, что случилось это не в первую блокадную зиму, а в мае 1943 г. Даже летом 1944 г. Е. Г. Кастанаян состояла в команде МПВО, дежурившей в здании АН СССР на Васильевском острове (Ф. 312. Оп. 1. Д. 863. Л. 6). С началом 1945 г. нормальная научная работа в ИИМК стала постепенно восстанавливаться. Е. Г. Кастанаян тогда приступила к работе над темой «Черты синкретизма в культурах Боспорского царства доримского времени» (Ф. 312. Оп. 1. Д. 240. Л. 42).

В 1975 г., к 30-летию Победы, ветеранов войны ЛОИА АН СССР (очевидно, и других академических институтов тоже) просили написать воспоминания о военных годах. Е. Г. Кастанаян, конечно, могла бы рассказать о многом, но она ничего не хотела, не могла вспоминать. Эта тема никогда не возникала даже в самых доверительных беседах. Единственной сотрудницей Института, в личном деле которой я обнаружил странички воспоминаний, была М. А. Наливкина (Виноградов, 2014).

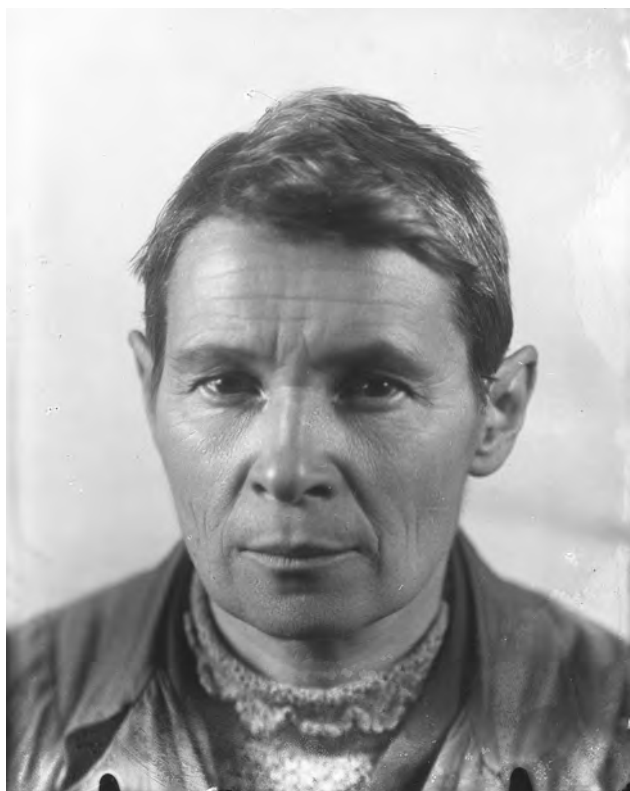

Рис. 7. М. Е. Сергеенко

Fig. 7. M. E. Sergeenko

[НА ИИМК РАН. ФО. Нер. I 28879]

Мария Ефимовна Сергеенко (1891–1987) — филолог-классик и переводчик (о ней см.: *Гаврилов, Казанский*, 1993; *Жмудь*, 2013). В ГАИМК была принята 1 февраля 1934 г. в качестве внешнего научного сотрудника Института истории рабовладельческого общества с выполнением

работы по договору (Ф. 2. Оп. 3. Д. 600. Л. 3). Исследовательница проявила большой интерес к изучению земледелия Древней Италии и в апреле 1938 г. была зачислена в сектор агрикультуры ИИМК на должность младшего научного сотрудника (Ф. 35. Оп. 5. Д. 278. Л. 1). Решением ученого совета МГУ от 13 июня этого года ей было присвоена ученая степень кандидата исторических наук без защиты диссертации (Там же. Л. 9). 16 августа 1941 г. М. Е. Сергеенко была уволена из ИИМК АН СССР по сокращению штатов вместе с А. Н. Зографом и некоторыми другими учеными (Там же. Л. 17), но 18 февраля 1942 г. принята вновь на должность старшего научного сотрудника (Там же. Л. 18). 10 июня 1942 г. состоялась защита ее докторской диссертации «Очерки по истории сельскохозяйственного быта Древней Италии». Само по себе это было замечательным, выдающимся событием! Защита прошла на заседании объединенного ученого совета ленинградских институтов отделений истории, языка и литературы. В диссоветах отдельных институтов просто не было бы кворума. Оппонентами исследовательницы были член-корреспондент И. И. Толстой, профессор С. И. Ковалёв и доктор биологии А. П. Ильинский (*Кольцов*, 1962. С. 98). В том же месяце была проведена массовая эвакуация гуманитарных академических институтов Ленинграда, в том числе и ИИМК. Мария Ефимовна отказалась покинуть город и была уволена из Института. Ей пришлось заниматься преподаванием латыни в I Медицинском институте.

Статья поступила в редакцию 18 декабря 2025 г.

Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-73938. Дело по обвинению гр. Ернштедт Е. В. 38 л.

НА ИИМК РАН. РО (Научный архив Института истории материальной культуры РАН. Рукописный отдел)

Ф. 2.

Оп. 3. Д. 540: Прушевская Евгения Оттовна. Личное дело. 4 л.; Д. 600: Сергеенко Мария Ефимовна. Личное дело. 3 л.

Оп. 5. Д. 258: Прушевская Евгения Оттовна. Трудовой список. 2 л.

Ф. 35.

Оп. 2. Д. 984: Шмидт Р. В. Фракия и Северное Причерноморье (краткое содержание темы докторской диссертации). 2 л.

Оп. 3. Д. 32-а: Ернштедт Елена Викторовна. Дело по защите диссертации. 7 л.

Оп. 5. Д. 101: Ернштедт Елена Викторовна. Личное дело. 7 л.; Д. 121: Зограф Александр Николаевич. Личное дело. 38 л.; Д. 278: Сергеенко Мария Ефимовна. Личное дело. 19 л.; Д. 344: Шмидт Раиса Викторовна. Личное дело. 48 л.

Ф. 312.

Оп. 1. Д. 71: Протоколы заседаний Сектора древнего Причерноморья. 116 л.; Д. 119: Переписка с Президиумом и ОИиФ АН о научно-организационной работе ИИМК. 51 л.; Д. 145: Протоколы заседаний Сектора древнего Причерноморья. 30 л.; Д. 153: Докладная записка о состоянии и деятельности Ленинградской части ИИМК за 1942 г. 4 л.; Д. 158: Отчет о научно-исследовательской работе Ленинградской части ИИМК за 1942 г. 24 л.; Д. 173: Отчет о работе Ленинградской части ИИМК за 1943 г.; справки о работе Ленинградской группы за время блокады (1941–1943 гг.). 33 л.;

- Д. 240: Протоколы заседаний Сектора древнего Причерноморья. 47 л.; Д. 860: Переписка ИИМК с учреждениями по организации и проведению археологических и лабораторных научных исследований. 23 л.; Д. 863: Распоряжения уполномоченного Президиума АН по ленинградским учреждениям АН. 7 л.
- Академическая археология..., 2013 — Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014) / Отв. ред. Е. Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. 416 с.
- Античные города..., 1955 — Античные города Северного Причерноморья. Очерки истории и культуры / Отв. ред. В. Ф. Гайдукевич, М. И. Максимова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. 446 с.
- Анциферов, 1992 — Анциферов Н. П. Из дум о былом: Воспоминания. М.: Феникс; Культурная инициатива, 1992. 512 с.
- Виноградов, 2008 — Виноградов Ю. А. Вспоминая Елизавету Григорьевну Кастанаян // Записки ИИМК РАН. 2008. № 3. С. 51–64.
- Виноградов, 2009 — Виноградов Ю. А. Отдел истории античной культуры ИИМК РАН и его предшественники в РГАК — РАИМК (ГАИМК) — ИИМК АН СССР — ЛОИА АН СССР // Записки ИИМК РАН. 2009. № 4. С. 7–36.
- Виноградов, 2014 — Виноградов Ю. А. К 110-летию М. А. Наливкиной (1904–1981) // АВ. 2014. Вып. 20. С. 430–436.
- Виноградов, 2018 — Виноградов Ю. А. Последнее письмо академика С. А. Жебелёва // АВ. 2018. Вып. 24. С. 401–404.
- Вольфиун, 2003 — Вольфиун Л. Б. Ернштедт Елена Викторовна // Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры. Биографический словарь / Гл. ред. Л. А. Шилов. Т. 3. СПб.: РНБ, 2003. С. 223–225.
- Гаврилов, Казанский, 1993 — Гаврилов А. К., Казанский Н. Н. К 100-летию М. Е. Сергеевко // Вспомогательные исторические дисциплины. 1993. Вып. 24. С. 316–328.
- Гайдукевич, 1941 — Гайдукевич В. Ф. Академик Сергей Александрович Жебелёв как исследователь Северного Причерноморья // СА. 1941. Т. VII. С. 7–12.
- Горнчаровский, 2022 — Горнчаровский В. А. Сергей Александрович Жебелёв (1867–1941) // Отцы-основатели РАИМК: их жизненный путь и вклад в науку / Ред.-составитель В. А. Горнчаровский. СПб.: ИИМК РАН, 2022. С. 479–498.
- Ернштедт, 1940 — Ернштедт Е. В. Новые достижения в изучении памятников культа Этрурии и Лациума // Вестник древней истории. 1940. № 1. С. 187–200.
- Ернштедт, 1941 — Ернштедт Е. В. Статуэтка Диониса из Тиритаки // СА. 1941. Т. VII. С. 174–188.
- Жмудь, 2013 — Жмудь Л. Я. Мария Ефимовна Сергеевко // Историко-биологические исследования. 2013. Т. 5, № 3. С. 101–102.
- Зограф, 1951 — Зограф А. Н. Античные монеты. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951 (МИА; № 16). 261 с.
- Картюк, 2019а — Картюк С. Г. Московское отделение ИИМК, лето 1941 — зима 1941/42 гг. // РА. 2019. № 2. С. 167–177.
- Картюк, 2019б — Картюк С. Г. ИИМК в Москве, 1943–1945 гг. // РА. 2019. № 3. С. 115–121.
- Картюк, Кулишова, 2018 — Картюк С. Г., Кулишова О. В. Предвоенная древняя история: С. А. Жебелёв и советско-германские научные связи в 1939–1941 гг. // Вестник древней истории. 2018. Т. 78, № 2. С. 389–404.
- Кольцов, 1962 — Кольцов А. В. Ученые Ленинграда в годы блокады (1941–1943). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 144 с.
- Кольцов, 2000 — Кольцов А. В. «Пережитого за истекший месяц я не забуду» (записка академика С. А. Жебелёва о несостоявшейся «эвакуации» из Ленинграда) // Деятели русской культуры XIX–XX веков / Отв. ред. И. П. Медведев. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. Вып. 2. С. 347–370.
- Кубланов, 2016 — Кубланов М. М. Апокрифы. Ч. II: Потенные дневники советского пенсионера: Записки о событиях 1975–1993 гг. СПб.: Деметра, 2016. 400 с.
- Максимова, 1969 — Максимова М. И. Из воспоминаний о С. А. Жебелёве // СА. 1969. № 3. С. 86–90.
- Платонова, 1991 — Платонова Н. И. Институт истории материальной культуры в годы Великой Отечественной войны // Материалы конф. «Археология и социальный прогресс» / Ред. В. П. Алексеев, Д. Б. Шелов, Т. М. Потёмкина. Вып. 1. М.: ИА АН СССР, 1991. С. 45–78.
- Прушевская, 1941 — Прушевская Е. О. Из ольвийских находок краснофигурной керамики строгого стиля // СА. 1941. Т. VII. С. 318–325.
- Смирнова, 1996 — Смирнова Н. М. Александр Николаевич Зограф // Монеты и медали / Ред. Н. М. Смирнова. М.: ГМИИ им. А. С. Пушкина, 1996. С. 254–259.
- Тункина, 2016 — Тункина И. В. М. И. Максимова: парижские письма М. И. Ростовцеву (август 1928 г.) // Записки ИИМК РАН. 2016. № 14. С. 24–33.
- Фролов, 2006 — Фролов Э. Д. Русская наука об античности: Историкографические очерки. СПб.: Гуманитарная академия, 2006. 608 с.
- Фролова, Дюков, 2004 — Фролова И. А., Дюков Ю. Л. Александр Николаевич Зограф (1889–1942) // Портреты ученых. Время и судьбы. Т. 3: Древний мир и Средние века / Отв. ред. Г. Н. Севостьянова, Л. П. Маринович, Л. Т. Мильская. М.: Наука, 2004. С. 80–92.
- Хршановский, 2016 — Хршановский В. А. Раиса Викторовна Шмидт. Страницы забытой жизни (1899–1941) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования / Ред.-сост. В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. Керчь: Солон Рич, 2016 (Боспорские чтения; Вып. XVII). С. 535–542.

**Classical archaeologists
from the Institute for the History for Material Culture
Academy of Sciences of the USSR
in the Great Patriotic War. Part 1**

Yu. A. Vinogradov⁷

Keywords: history of science, classical archaeology, siege of Leningrad, scholars' fates, evacuation

Many of the classical archaeologists from the Institute of the History for Material Culture remained in the besieged Leningrad and spent the first terrible winter there. S. A. Zhebelev, E. V. Ernstedt, R. V. Schmidt and A. N. Zograf died of inanition. The first part of this paper is devoted to their fates. E. G. Kastanayan remained in the city until the victorious 1945. The second part will deal with the staff evacuated from Leningrad.

⁷ Yuriy A. Vinogradov — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences, St. Petersburg; e-mail: vincat2008@yandex.ru.

ХРОНИКА

VII (XXIII) Всероссийский археологический съезд (Красноярск, 6–10 октября 2025 г.)

С. А. Васильев¹

DOI 10.31600/1817-6976-2026-50-277-280

Как известно, в условиях эпидемического режима VI Всероссийский археологический съезд был вынужденно проведен в Самаре в 2022 г. в онлайн-формате. Очередное собрание отечественных специалистов, на этот раз очное, произошло в одном из старейших центров археологии Сибири — Красноярске. Съезд объединил более 550 археологов, приехавших из различных городов нашей страны и из-за рубежа. В их числе была представительная делегация сотрудников ИИМК РАН (51 участник). Под председательством Н. А. Макарова состоялись торжественное открытие съезда и пленарное заседание, затем последовали работа секций и заключительная сессия. Перед началом мероприятия организаторы выпустили в свет три тома трудов (Труды VII (XXIII) Всероссийского археологического съезда в Красноярске. В 3 т. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2025).

Работа съезда проходила в рамках 18 секций, организованных в основном в хронологическом порядке — от палеолита и мезолита до средневековья и нового времени. Кроме того, прошли заседания секций по проблемам изучения первобытного искусства, истории нашей науки, междисциплинарным аспектам, цифровым методам, актуальным вопросам сохранения археологического наследия и музейному делу. Состоялись круглые столы, где рассматривались популяризация археологии, сохранение объектов культурного наследия на новых территориях Российской Федерации, зарубежные проекты отечественных специалистов, структура комплексного археологического исследования.

Отдельно стоит упомянуть круглый стол, посвященный столетию выделения андроновской культуры.

Не имея возможности в кратком отчете охватить все стороны столь многогранного мероприятия, остановлюсь на близкой мне тематике древнекаменного века, рассматривавшейся на заседаниях секции 1 («Формирование и развитие культурных традиций в палеолите и мезолите»). Ввиду обилия поступивших заявок работу секции пришлось разбить на две подсекции, обозначенные как «Культурные процессы в плейстоцене» и «Культурные процессы в конце плейстоцена — начале голоцена». В течение трех дней было заслушано и обсуждено 60 докладов в формате устных выступлений, видеотрансляций и стендовых презентаций. Работа собрания велась под руководством М. В. Шунькова, Н. И. Дроздова и автора при активном участии секретаря секции Е. В. Акимовой.

Помимо основной секции по палеолиту нельзя не упомянуть прозвучавшие на открытии съезда развернутые пленарные доклады А. П. Деревянко и М. Б. Медниковой, посвященные роли денисовцев в филогенетической истории человечества и современным концепциям антропогенеза.

Возвращаясь к работе секции, отметим прежде всего доклады по памятникам Русской равнины. Раннепалеолитическое местонахождение Огово 1 в Беларуси стало темой сообщения А. К. Очередного с соавторами. Он же представил масштабную картину распространения индустрий восточного микока на просторах Евразии, от Русской равнины на Урал, в Казахстан и на юг Сибири. В развернутом докладе А. В. Колесника была дана картина сложной культурной вариативности среднего палеолита Донбасса, Приазовья и Нижнего Дона. Автор выделил здесь памятники восточного микока,

¹ Васильев С. А. — Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург; e-mail: sergevasiimk@gmail.com.

© Васильев С. А., 2026

пластинчатого леваллуа-мустье и мустье загросского типа. Я. Д. Иванов с соавторами продемонстрировали результаты трасологического анализа находок из среднепалеолитических стоянок Рожок 1 и Носово 1 в Приазовье. Коллектив авторов во главе с К. Н. Степановой проинформировал собравшихся о возобновления раскопочных работ на известной многослойной стоянке Бирючья Балка 2 на Северском Донце. В сообщении М. Д. Куприяновой были обрисованы перспективы изучения костяных изделий в среднем палеолите.

Большая часть сообщений по древнекаменному веку региона затрагивала верхнепалеолитическую проблематику. А. А. Сеницын с соавторами представил обзор систем расселения древнего человека, отметив различные модели локализации стоянок на местности. А. А. Бессуднов и А. А. Сеницын продемонстрировали схему развития раннего верхнего палеолита по материалам костёнковских стоянок. В выступлении С. Н. Лисицына была проанализирована проблема вероятного перерыва в заселении древним человеком Костёнок на рубеже раннего и среднего этапов верхнего палеолита. К. Н. Гаврилов и Г. А. Хлопачев предложили свою версию стратиграфического расчленения объектов сунгирского погребального комплекса, отметив разновременность открытых здесь захоронений. С. Ю. Лев рассказал о раскопках последних лет на различных пунктах Зарайской стоянки в Подмосковье. Дополнением к докладу стало сообщение Д. К. Еськовой и С. Ю. Льва об идентификации следов ученических опытов по расщеплению камня на стоянке. В. А. Чаукина предложила вниманию собравшихся сопоставительный анализ костяных индустрий памятников восточного граветта на Русской равнине. Г. В. Сеницына остановилась на вопросе о характере финального палеолита на Валдайской возвышенности.

Одно из центральных мест в работе секции занял развернутый доклад группы исследователей во главе с Р. Н. Курбановым, посвященный впечатляющим результатам датирования большого числа раннепалеолитических местонахождений Кавказа и Средней Азии.

В единственном докладе по материалам территории Крыма К. Н. Гаврилов и Д. О. Савельев рассказали об открытии орудий раннего палеолита на Керченском полуострове.

Что касается древнекаменного века Кавказа, то С. А. Кулаков дал развернутую характеристику индустрии раннепалеолитического местонахождения Богатыри / Синяя Балка на Тамани, от-

метив функциональные особенности памятника. В докладе коллектива авторов, зачитанном А. А. Анойкиным, были подведены итоги изучения стоянки Тинит 1 в Дагестане и предложена новая версия интерпретации мустьерских комплексов памятника. Средний палеолит Восточного Кавказа стал темой выступления А. Г. Рыбалко. В презентациях, подготовленных Е. В. Дорониной, Л. В. Головановой и В. Б. Дорониным, были рассмотрены подразделения среднего и верхнего палеолита Кавказа в их сопоставлении с культурами Ближнего Востока. Е. В. Леонова продемонстрировала относящиеся к эпохе максимума последнего оледенения материалы стоянок Губского ущелья на Северо-Западном Кавказе.

Больших успехов достигли в последние годы исследователи древностей Казахстана. Внимание собравшихся привлекли результаты раскопок многослойных стоянок в предгорьях Тянь-Шаня (доклад Д. В. Ожерельева). На основании полученных колонок открывается возможность выделения культурных единиц раннего верхнего палеолита региона, включая ориньяк. Введение в оборот термина «тянь-шаньский ориньяк» вызвало живую дискуссию среди участников секции, высказавших различные точки зрения на проблему выделения группировок ориньяка или ориньякоидных индустрий в Евразии. В докладе С. А. Васильева было дано сопоставление характера развития верхнепалеолитической культуры на юге Сибири и востоке Казахстана. Коллектив исследователей во главе с К. К. Павленком наглядно продемонстрировал разнообразие вариантов среднего палеолита на территории Восточного Узбекистана.

Большая серия докладов была посвящена палеолиту Северной Азии. В центре внимания находились алтайские материалы. М. В. Шуньков обрисовал антропологические и археологические материалы из нижних слоев Денисовой пещеры, а М. Б. Козликин остановился на характеристике среднепалеолитических комплексов памятника. А. С. Деревнина и М. Б. Козликин дали описание древнейших леваллуазских острий из восточной галереи Денисовой пещеры. В докладе А. В. Харевич были рассмотрены стратегии использования каменного сырья в позднем среднем палеолите Алтая по материалам Чагырской пещеры. В. А. Михиенко с соавторами представила итоги изучения серии листовидных бифасов из верхнепалеолитических памятников Алтая. Новаторский подход к изучению археологических материалов был продемонстрирован в докладе Э. В. Сокол

с соавторами, в котором были приведены предварительные результаты определения микрочастиц угля в отложениях Денисовой пещеры, что позволяет реконструировать практики использования огня палеолитическим человеком. С. С. Макаров и А. С. Резвый сообщили о перспективах изучения позднего палеолита на Нижней Оби.

Результаты новой кампании раскопок на знаменитой Афонтовой горе стали темой выступления И. И. Разгильдеевой, в котором исследовательница рассказала о планиграфической картине различных культурных слоев, в том числе с предполагаемыми остатками жилищ. Е. В. Акимова и В. М. Новосельцева в стендовом докладе продемонстрировали новые образцы очагов с каменной обкладкой, вскрытые при изучении стоянок Афонтовой Горы. Помимо этого на заседании секции состоялась презентация изданной под редакцией А. В. Колесника книги, посвященной материалам недавних раскопок стоянки Стрелка-1 на территории Красноярск (Позднепалеолитическая стоянка Стрелка-1 в Красноярске. Красноярск, 2025).

В. М. Харевич с соавторами рассказали о результатах раскопок стоянки раннего верхнего палеолита Сабаниха 3 на Среднем Енисее. Т. В. Корнева представила результаты планиграфического анализа культурного слоя позднепалеолитической стоянки Ирба 2 в Минусинской котловине.

А. М. Кузнецов обратился к материалам местонахождения Гора Глиняная на Ангаре, доказывая среднепалеолитический возраст находок. В докладе Н. Е. Бердниковой с соавторами был выделен новый тип пирамидально-конических кварцитовых нуклеусов в каменных индустриях верхнего палеолита Прибайкалья. Д. П. Золотарев и Н. Е. Бердникова развернули картину многообразия вариантов техники микропластинчатого расщепления в культурах юга Средней Сибири.

Н. О. Викулова сообщила о свидетельствах существования сверления камня на среднем этапе развития верхнего палеолита Забайкалья. Выразительные остатки жилых сооружений, открытых на многослойной стоянке Усть-Менза 2, стали темой выступления А. В. Константинова. Д. Е. Влащенко обратил внимание на культурно-хронологическую позицию редко анализируемых отщеповых индустрий в контексте верхнего палеолита Забайкалья. П. В. Мороз доложил об итогах изучения стоянки Сахюрта 1 в малообследованном Восточном Забайкалье. А. В. Тетенькин показал результаты многолетних раскопок опорного мно-

гослойного памятника поздней поры верхнего палеолита Витима — стоянки Коврижка 4.

Е. П. Рыбин и А. М. Хаценович остановились на характерных чертах индустрии начального верхнего палеолита на севере Монголии, рассмотрев данные комплексы на широком фоне развития культур Центральной Азии.

Переходя к дальневосточной тематике, отметим доклад С. Б. Слободина о нижнем культурном слое стоянки Хета на Колыме — основном комплексе позднего палеолита в регионе. В докладе А. Ю. Федорченко и Н. Е. Белоусовой была продемонстрирована серия украшений из палеолитических слоев Ушковских стоянок на Камчатке. В. В. Питулько обрисовал картину современного состояния так называемых мамонтовых кладбищ Северо-Востока Азии, подвергающихся грабительским раскопкам. По мнению исследователя, формирование скоплений остатков плейстоценовой фауны было связано в основном с охотничьей деятельностью древнего человека.

Наконец, А. В. Кандыба рассказал о новых данных по позднему палеолиту Вьетнама, полученных в результате работ новосибирских археологов.

Региональную тематику дополнила серия докладов, посвященных методическим аспектам изучения палеолитических материалов. Анализ образцов красок с палеолитических стоянок Русской равнины стал предметом рассмотрения М. Н. Желтовой. К. Н. Степанова и М. Н. Желтова говорили о критериях определения кресальных кремней в палеолите. А. Р. Лада с соавторами предложили новые способы цифрового анализа изделий из камня. В. С. Смолкина и Я. Д. Иванов остановились на приемах трасологического изучения составных орудий в среднем и верхнем палеолите. Темой сообщения А. А. Чуба стало выделение в палеолите костяных изделий со следами долотовидного износа.

Ряд выступлений касался тематики мезолита. Раннеголоценовые памятники севера европейской части России были рассмотрены в докладах В. А. Лукинцевой с соавторами, А. В. Волокитина и Н. А. Волокитиной. К. М. Андреев представил материалы по мезолиту лесостепного Поволжья. Темой сообщения Д. А. Демакова с соавторами стали результаты петрографического анализа находок из мезолитических стоянок Прикамья. А. В. Шмидт и О. В. Кардаш рассказали об опыте изучения шлифованных орудий из поселения Балинское 73 в Западной Сибири. Мезолит Минусинской котловины продолжает оставаться

одним из наименее изученных периодов археологии региона; тем более важны изложенные В. А. Коноховым и Д. А. Гурулевым данные по стоянке Казанцево 1.

Важным моментом работы секции стала представленная Р. Н. Курбановым развернутая информация о планах реорганизации работы Четвертичной комиссии Отделения наук о Земле РАН, в том числе об исследованиях в области геоархеологии.

Была развернута выставка, представлявшая результаты широкомасштабных изысканий красноярских археологов, включая палеолитические материалы, а также презентация «Археологи Енисейской Сибири», посвященная памяти ушедших от нас исследователей. Кроме того, участни-

ки собрания имели возможность ознакомиться с коллекциями находок со стоянок Стрелка-1 и Афонтова Гора IV. Программу дополнили подготовленные организаторами экскурсии с посещением разреза стоянки Афонтова Гора V и раскопок многослойного памятника каменного века Усть-Базаиха 2.

Итоги деятельности секций были подведены на заключительном заседании съезда, где состоялось живое обсуждение вопросов организации археологических исследований в зонах строительства, включая необходимость отбора для производства работ только квалифицированных исполнителей. Намечено проведение следующего Археологического съезда в Екатеринбурге в 2028 г.

Международный научный семинар «Палеолитические жилища и структуры обитания: от методики раскопок до интерпретации»¹

Х. А. Амирханов, С. А. Васильев²

DOI 10.31600/1817-6976-2026-50-281-283

В ходе реализации многолетних раскопочных кампаний на памятниках Русской равнины (Зарайская стоянка, Хотылево 2, Юдиново, Костёнки 11, Быки, Каменная Балка и др.) и Южной Сибири (Афонтова Гора, стоянки Витима и Чикоя в Забайкалье) были получены обширные новые данные по палеолитическим жилищам и структурам обитания. В связи с этим возникла необходимость вновь обратиться к традиционной для отечественной археологии тематике, а именно рассмотреть критерии выделения жилищ, вопросы пространственной организации поселений, варианты реконструкции сооружений из бивней и костей мамонта и т. д.

Организованный совместными усилиями Института археологии и Института истории материальной культуры РАН международный научный семинар «Палеолитические жилища и структуры обитания: от методики раскопок до интерпретации» состоялся 24 и 25 ноября 2025 г. в Санкт-Петербурге. В работе собрания очно приняли участие более 30 специалистов из различных научных центров нашей страны (Москвы, Санкт-

Петербурга, Воронежа, Курчатова, Новосибирска, Иркутска, Читы). Всего как в зале заседаний, так и в режиме онлайн было заслушано 26 докладов.

Начало семинара было положено развернутым выступлением С. А. Васильева (С.-Петербург), обрисовавшего основные вехи формирования современной методики изучения палеолитических жилищ в отечественной археологии. Докладчик отметил отрицательное влияние недооценки значения натуральных разрезов в ходе раскопок, что затрудняет реконструкцию облика сооружений.

Программа семинара была построена по логике движения от простого к сложному — от планиграфии находок, очагов, ям и каменных выкладок к легким наземным сооружениям, затем к углубленным жилищам, переходя к вызывающим многочисленные споры конструкциям из бивней и костей мамонта и заканчивая сложнейшими явлениями в археологии палеолита — жилыми площадками костёнковско-авдеевского типа. Такая логика позволила обсудить актуальные вопросы исследований с упором на современные методы научного поиска, хотя порой она и разрывала привычные хронологические рамки.

Первым стало пространное выступление Д. В. Ожерельева (Москва), в котором были рассмотрены встреченные в культурных слоях стоянки Рахат в Южном Казахстане кострища, ямки, очаги и жилые площадки, дающие возможность охарактеризовать облик кратковременных, вероятно сезонных, поселений. А. С. Деревнина и С. А. Когай (Новосибирск) изложили результаты изучения на широкой площади стоянки финального палеолита Тайлеп 2 в Кузбассе, где удалось выявить ряд скоплений остатков и разнофункциональные зоны деятельности древнего человека.

Дальнейшая часть собрания была посвящена вопросам интерпретации разнообразных каменных

¹ Подготовка и проведение научного мероприятия осуществлены в рамках выполнения государственного задания: Х. А. Амирхановым по теме «Развитие материальной культуры в каменном веке на территории Русской равнины и Кавказа: общие тенденции и локальные проявления» (НИОКТР № 122011200271-7) и С. А. Васильевым по теме «Север Евразии в каменном веке: проблемы расселения человека, культурной адаптации и технологического развития» (FMZF-2025-00074).

² Амирханов Х. А. — Институт археологии РАН, Москва; e-mail: amirkhanov@rambler.ru. Васильев С. А. — Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург; e-mail: sergevasiimk@gmail.com.

© Амирханов Х. А., Васильев С. А., 2026

выкладок и других структур обитания. В сообщении Г. В. Синицыной (С.-Петербург) была дана характеристика кольцевой конструкции из плит известняка, открытой на стоянке финала палеолита Ланино (озеро Волго), ранее рассматривавшейся как остатки морены. Выкладки, ямки и структуры из крупных глыб камня, встреченные в пещерных комплексах Южного Урала (Каповой, Серпиевской и Игнatieвской пещерах), стали сюжетом выступления В. С. Житенева (Москва). К этому докладу примыкала информация Е. В. Леоновой (Москва), рассказавшей о каменной кладке, ограничивавшей обитаемое пространство на уровне верхнепалеолитических и мезолитических культурных слоев в навесе Чыгай на Северо-Западном Кавказе. Темой доклада коллектива новосибирских и монгольских археологов, представленного Д. В. Марченко, стало углубление, вскрытое в основании культурного слоя начального верхнего палеолита на стоянке Толбор 21. Исследователи представили аргументы в пользу как искусственного характера этой необычной структуры, так и ее естественного происхождения. Наконец, Н. К. Анисюткин (С.-Петербург) в докладе, подготовленном совместно с С. И. Коваленко (Кишинёв), ознакомил собравшихся с предварительными результатами расчистки выкладки из плит известняка, перекрывавшей заполненную гравием яму в эоплейстоценовом слое стоянки Байраки в Приднестровье.

Большое внимание участники семинара уделили стоянкам верхнего палеолита центра и юга Русской равнины. А. А. Синицын и Н. Д. Бузова (С.-Петербург) продемонстрировали древнейшие свидетельства структурированности поселений по материалам двух участков нижнего культурного слоя стоянки Костёнки 14. Здесь были встречены предполагаемые остатки сторевших деревянных мостков и скопление остатков с очагом, которое может быть интерпретировано как следы легкого наземного жилища. С. Н. Лисицын и М. Н. Желтова (С.-Петербург) рассказали о памятниках александровского варианта граветта Костёнок, как длинных жилищах Костёнок 4, так и одноочажных сооружений, раскопанных в Костёнках 4, 9 и Борщёво 5. Сравнительный анализ четырех жилищ из различных комплексов быковской археологической культуры стал темой доклада Н. Б. Ахметгалеевой (Курчатов), в котором были сформулированы выводы относительно функции и сезонности обитания объектов.

Несколько докладов касались сложных вопросов выделения жилищ на памятниках каменно-

балковской группы. Е. А. Виноградова (Москва) обратилась к сводному плану раскопок стоянки Каменная Балка II, отмечая различные типы скоплений материала (жилых площадок), связанных с очагами, ямками и т. д. Сходные концентрации находок, открытые на стоянке Третий Мыс, были рассмотрены Н. А. Хайкуновой и А. Р. Хоботовым (Москва). Материалы участка 2-го культурного слоя стоянки Третий Мыс были проанализированы А. А. Симоненко и Н. А. Хайкуновой (Москва).

Далее следовали доклады, посвященные выразительным наземным жилищам с каменными обкладками, изученным на верхнепалеолитических стоянках Забайкалья. В выступлении И. И. Разгильдеевой (Чита) были подробно рассмотрены вопросы критериев идентификации жилищ, этнографические аналогии и приемы планиграфического анализа обитаемого пространства. Презентация А. В. Константинова (Чита) содержала фотографии и планы представительной серии жилых объектов памятников бассейна р. Чикой, локализованных в районах Студеного, Усть-Мензы и Косой Шиверы. А. В. Тетенькин (Иркутск) предложил вниманию собравшихся результаты раскопок многослойной стоянки Коврижка IV на р. Витим, где удалось выделить четыре комплекса с очагами, ямками и камнями по периметру, интерпретируемые как остатки жилищ.

В остальных докладах рассматривались вопросы изучения углубленных жилищ. В. И. Беляева (С.-Петербург) провела детальное сопоставление характера раскопанного П. И. Борисковским в 1930-е гг. на стоянке Пушкири удлиненного жилища и изученных автором округло-овальных в плане структур. В. А. Чаукина (Москва) обратилась к материалам стоянки Гагарино, продемонстрировав схемы планиграфического распределения находок из кости и бивня и сопоставив эти данные с материалами других поселений Русской равнины. Рассмотрение данных по памятнику продолжила Ю. Д. Анисовец (Москва), рассказавшая о красочных пигментах Гагарино.

Ряд выступлений был посвящен проблеме реконструкции сооружений из костей и бивней мамонта. А. В. Ларионова и Н. К. Анисюткин (С.-Петербург) обратились к наиболее древним объектам такого рода, известным по среднепалеолитическим памятникам юго-запада Русской равнины. Был дан детальный планиграфический анализ вскрытого на стоянке Кетросы скопления костей и бивней мамонта, рассматриваемого в качестве жилого сооружения. К. Н. Гаврилов (Москва)

обратил внимание на спорный характер интерпретации «домов из костей мамонта», связанный с недостаточностью данных о внутреннем строении скоплений. Вероятно, по меньшей мере часть подобных объектов служила не в качестве жилищ, а являлась своеобразными святилищами палеолитического человека. Г. А. Хлопачев (С.-Петербург) рассказал о конструкциях из костей мамонта, изученных на стоянке Юдиново. Д. С. Толстых (Воронеж) поделилась данными о костно-земляных объектах стоянки Костёнки 11 в свете раскопок последних лет, сопоставляя их с музеефицированным жилищем.

Завершающие выступления касались вопросов изучения жилых площадок костёнковско-авдеевского типа. Х. А. Амирханов и С. Ю. Лев (Москва), основываясь на опыте изучения ряда стоянок Зарайской группы, показали динамику смены типов жилищ в комплексах восточного граветта,

выразившуюся в переходе от углубленных сооружений к наземным конструкциям. Доклад, зачитанный М. Н. Желтовой (С.-Петербург), был посвящен скоплениям крупных костей мамонта, вскрытым между центральной линией очагов и землянками на площади второго жилого комплекса верхнего культурного слоя Костёнок 1 при работах 1970–1980-х гг.

В ходе дискуссии участники отметили, что представленные доклады отразили широкий спектр проблем, связанных с идентификацией остатков жилищ, определением их функции и сезонности обитания. Были подняты вопросы различной структурированности расположения находок в пределах замкнутого пространства и вне его, одно- или одновременности горения очагов в многоочажных конструкциях. Предполагается публикация избранных материалов семинара в журнале «Camera praehistorica».

AD MEMORIAM

Памяти Любови Борисовны Кирчо (1951–2026)

В ночь с 31 января на 1 февраля 2026 г. скончалась Любовь Борисовна Кирчо — блестящий ученый, самоотверженно преданный идеалам науки. Ее научные труды получили широкое признание и внесли значительный вклад в изучение древнейших земледельческих культур Центральной Азии, которому она себя посвятила.

Свой творческий путь Любовь Борисовна начала еще в конце 1960-х гг., участвуя в работах археологических экспедиций на юге Туркменистана. В течение почти 30 лет, являясь неизменным сотрудником Каракумской экспедиции ЛОИА АН СССР / ИИМК РАН, она исследовала под руководством своего учителя д-ра ист. наук В. М. Массона руины Алтын-депе, одного из крупнейших на юге Центральной Азии городищ эпохи энеолита и бронзового века. Тщательно изучая археологические коллекции, извлеченные ею из культурных слоев этого уникального памятника, Любовь Борисовна постепенно из неопытной студентки превратилась в крупного специалиста, знатока первобытной археологии Центральной Азии и Среднего Востока. Она последовательно прошла все стадии профессионального роста, защитив университетский диплом, кандидатскую и докторскую диссертации.

Любовь Борисовна по праву и всегда достойно представляла Институт на многочисленных российских и международных конференциях и симпозиумах.

Свои недюжинные способности она в полной мере реализовала и в деле организации науки. В течение многих лет Любовь Борисовна успешно выполняла нелегкие обязанности ученого секретаря Института, требующие умения, педантичности, дисциплинированности, целеустремленности и больших душевных сил.

Одно из научных изданий Института — «Записки ИИМК РАН» — с момента своего возникновения в 2006 г. постоянно находилось в центре ее внимания. Любовь Борисовна в течение двадцати лет отдавала журналу существенную часть своего времени, будучи вначале его ответственным секретарем, а затем заместителем главного

редактора. Каждый номер «Записок...» выходил в свет благодаря ее кропотливому и зачастую незаметному другим труду: она сама выполняла редакционную подготовку рукописей статей, работала с научными редакторами, искала недостающие материалы, тщательнейшим образом выверяла научный аппарат.

Заметную роль она играла в организации крупнейших конференций Института и подготовке к публикации их трудов.

Любовь Борисовна была исключительно порядочным, добрым и сердечным человеком, внимательным к окружающим ее коллегам и по мере своих возможностей старалась помочь им и оказать посильную поддержку. Иногда бывала резка, но всегда справедлива. Будучи трудоголиком, она буквально изнуряла себя работой, что в конце концов сказалось на ее здоровье самым трагическим образом. Любовь Борисовна была яркой личностью, искренне преданной науке, и оставила после себя добрую светлую память.

Список сокращений

- АВ — Археологические вести.
АИППЗ — Археология и история Пскова и Псковской земли.
АН — Академия наук.
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа.
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры.
ГУ — государственный университет.
ДВО — Дальневосточное отделение.
ИА — Институт археологии.
ИАК — Императорская археологическая комиссия.
ИИМК — Институт истории материальной культуры.
ИЭ — Институт этнографии.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
МАР — Материалы по археологии России.
МИА — Материалы и источники по археологии СССР.
НАН — Национальная академия наук.
ННЗИА — Новгород и Новгородская земля. История и археология.
РА — Российская археология.
РАИМК — Российская академия истории материальной культуры.
РАН — Российская академия наук.
СА — Советская археология.
САИ — Свод археологических источников.
Сб. ст. — сборник статей.
СО — Сибирское отделение.

Научное издание

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ВЕСТИ
ВЫПУСК 50**

Главный редактор: Н. В. Хвоцинская
Корректор: О. К. Чеботарева
Верстка: Е. В. Новгородских

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ
«О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»,
книга предназначена «для детей старше 16 лет»

Учредитель: Институт истории материальной культуры РАН
Адрес издателя и редакции: Россия, 191181, Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., 18, лит. А, каб. 307
Тел. (812) 3121484, факс (812) 5716271
<http://www.archeo.ru>; vesti@archeo.ru

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-83461 от 24.06.2022,
выданное Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Подписано в печать 01.04.2026. Формат 60×90/8.
Усл. печ. л. 35,63. Тираж 60 экз. Заказ 1035.
Дата выхода: 30.04.2026 г.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «А-ЭЛИТ»
195030, Санкт-Петербург, ул. Коммуны, д. 67, пом. БМ10737

Тел. +7(812) 380-79-50
E-mail: spbcolor@mail.ru

Цена свободная

Archaeological news

— 50 —

